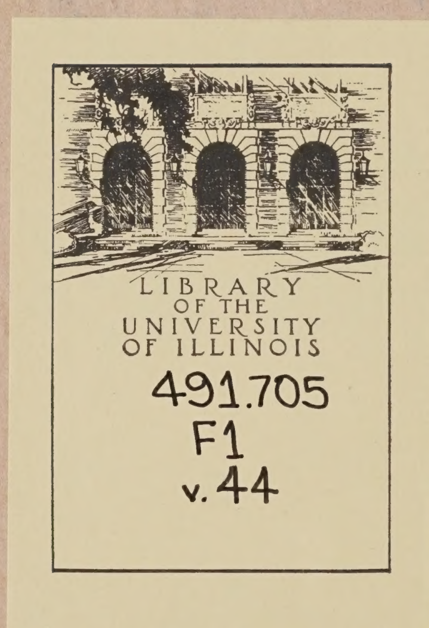

Инв. 70

70

Инв.

№ 11423

I. 1359

Всѣхъ. 6. год.

43

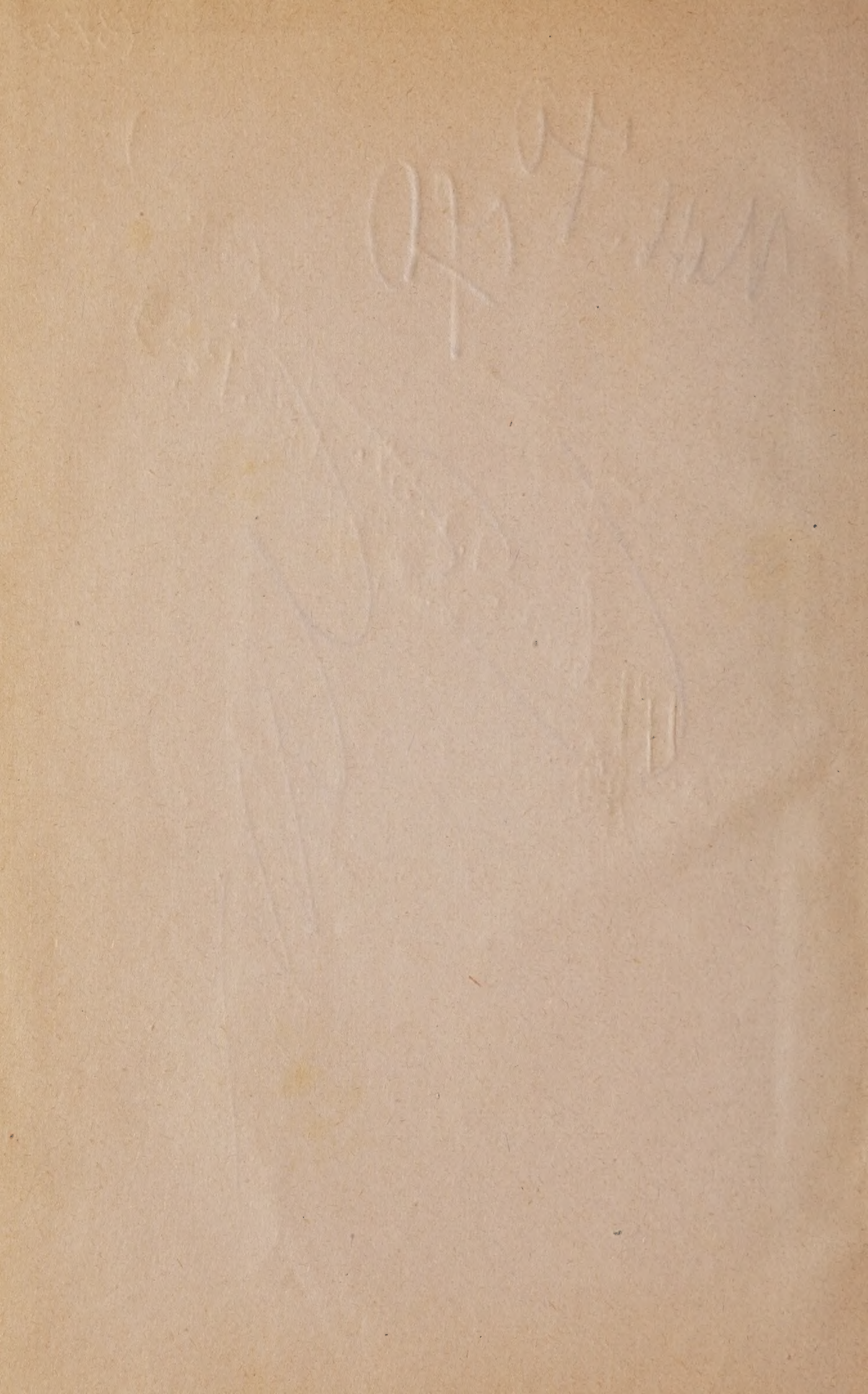
Этой тази кн. всѣх.

6. год 43. къмъ год 43.

вып 1. (44.) къмъ год 44

останалите всѣх.

двойни

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

— ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. —

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

44-й годъ изд. въ 1904 году— 44-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,—вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ **6** р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую платѣ полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **9** р. **50** к. за **6** р. **20** к.

съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **10**%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., $^1/_2$ стран.—5 р., $^1/_4$ стран.—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ,**
Б. О. Гаазе.

Издательницы наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„**Филологическихъ Записокъ**“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Политическая роль античнаго театра.

(Посвящается Ѳ. Ф. Зѣлинскому).

Въ настоящее время можно считать вполнѣ доказаннымъ, что театръ служитъ не только удовлетвореніемъ чисто эстетическихъ требованій его посѣтителей, но также является и весьма надежнымъ средствомъ политической агитаціи въ прямомъ или косвенномъ значеніи этого слова [1]).

Въ первомъ случаѣ пьеса спеціально пишется и ставится на театральные подмостки съ исключительной цѣлью, чтобы съ ихъ высоты провести въ сознаніе театральной публики, а чрезъ ея посредство и всего общества ту или иную политическую доктрину.

Во второмъ случаѣ авторъ можетъ и не задаваться такою нарочитою цѣлью, а, будучи самъ сильно увлеченъ тѣмъ или инымъ политическимъ настроеніемъ, онъ невольно выражаетъ его въ своей пьесѣ, и это настроеніе, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости автора и степени его умѣнія внушать публикѣ свои идеи, можетъ такъ или иначе быть передано публикѣ, и тогда пьеса можетъ стать орудіемъ политической пропаганды даже и помимо опредѣленнаго желанія ея автора.

---

[1]) См. книгу И. И. Иванова, «Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка». Чрезвычайно важны замѣчанія проф. Н. П. Дашкевича въ разборѣ этой работы, помѣщенномъ въ отчетѣ о III присужденіи премій митрополита Макарія въ 1897 г. (стр. 101—233).

I.

Такая политическая роль театра вовсе не является исключительной особенностью театра новой Европы, унаслѣдовавшаго ее на самомъ дѣлѣ отъ театра античнаго, при чемъ особенно ярко это явленіе обнаружилось въ Римѣ, но и тамъ оно было заимствовано изъ Греціи. Здѣсь умѣстно привести хотя бы слѣдующія слова Геродота [2]: Ἀθηναῖοι μὲν γὰρ δῆλον ἐποίησαν ὑπεραχθεσθέντες τῇ Μιλήτου ἁλώσι τῇ τε ἄλλῃ πολλαχῇ καὶ δὴ καὶ ποιήσαντι Φρυνίχῳ δρᾶμα Μιλήτου ἅλωσιν καὶ διδάξαντι ἐς δάκρυά τε ἔπεσε τὸ θέητρον καὶ ἐζημίωσάν μιν ὡς ἀναμνήσαντα οἰκήια κακὰ χιλίῃσι δραχμῇσι, καὶ ἐπέταξαν μηκέτι μηδένα χρᾶσθαι τούτῳ τῷ δράματι. По поводу этихъ словъ Геродота новѣйшій историкъ греческой литературы W. Christ пишетъ [3]: «es verschwand so allmählich die Politik aus der Tragoedie um später in der Komoedie wieder aufzutauchen». Несмотря на это и въ произведеніяхъ трехъ великихъ трагиковъ есть не мало мѣстъ, которыя обусловливаются не столько поэтическимъ замысломъ поэта, сколько политическимъ настрое-

---

[2]) VI. § 21. «Чрезвычайную скорбь свою по поводу паденія Милета аѳиняне выразили различными способами; между прочимъ, весь театръ залился слезами во время представленія пьесы, составленной Фринихомъ, «Паденіе Милета»; на поэта они наложили пеню въ 1000 драхмъ за напоминаніе о близкихъ имъ несчастіяхъ и запретили кому бы то ни было ставить эту пьесу на сцену» (Мищенко).

[3]) Geschichte d. griech. Litt.[2] p. 209. Anm. 5. «Такимъ образомъ постепенно исчезала политика въ трагедіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снова появиться въ комедіи».

ніемъ гражданина [4]). Сюда, между прочимъ, относится знаменитое предсказаніе тѣни Дарія въ «Персахъ» —Эсхила [5]), желавшаго подчеркнуть заслуги въ битвѣ при Платеяхъ и Пситталеѣ Аристида, который по самому складу своего характера и образу мыслей долженъ былъ быть ему чрезвычайно симпатиченъ [6]).

Ради этого Эсхилъ въ данномъ случаѣ и отступилъ отъ плана своего предшественника Фриниха, въ «Финикіянкахъ» котораго восхваленію подвиговъ Аристида не могло быть мѣста хотя бы потому, что эта пьеса была поставлена на сцену въ 476 г. Өемистокломъ, политическимъ соперникомъ Аристида [7]).

Несомнѣнно политическую окраску имѣетъ и заявленіе старцевъ относительно Аөинъ (Pers. v. 242): «οὔτινος δοῦλοι κέκληνται φωτὸς οὐδ' ὑπήκοοι (ничьими рабами, ничьими подданными они не называются)». Эти слова получаютъ особенный смыслъ, если мы примемъ

---

[4]) В. Бузескулъ. «Введеніе въ исторію Греціи». Харьковъ, 1903 г. Стр. 30.

[5]) v. v. 800 sq.

[6]) См. W. S. Teuffel во введеніи къ изданію: Aeschylos «Perser». 1875. Стр. 29.

[7]) Plut. Themist. 5: «ἐνίκησε δὲ καὶ χορηγῶν τραγῳδοῖς, μεγάλην ἤδη τότε σπουδὴν καὶ φιλοτιμίαν τοῦ ἀγῶνος ἔχοντος, καὶ πίνακα τῆς νίκης ἀνέθηκε τοιαύτην ἐπιγραφὴν ἔχοντα. «Θεμιστοκλῆς Φρεάρριος ἐχορήγει, Φρύνιχος ἐδίδασκεν, Ἀδείμαντος ἦρχεν». «Одержалъ онъ (Өем.) также побѣду постановкой трагическаго хора, при чемъ уже тогда въ сценическихъ состязаніяхъ проявлялось много усердія и честолюбія, и выставилъ доску съ такою надписью: «Өемистоклъ Фреарріецъ ставилъ хоръ, Фринихъ разучивалъ драму, Адимантъ былъ архонтомъ». (Пер. этого мѣста и друг., безъ обозн. переводч., сдѣл. ред. Б. О. Гаазе).

догадку Эмихена [8]) объ отношеніи именно къ «Персамъ» надписи С. I. А. II. 971. Тогда оказывается, что «Персы» были поставлены какъ разъ въ 472 г., при освященіи вновь отстроеннаго театра Діониса, и что ставилъ ихъ на сцену не кто иной, какъ Периклъ, звѣзда котораго тогда только что загоралась на политическомъ небосклонѣ Аѳинъ.

Въ «Эвменидахъ»—Эсхила есть стихи, въ которыхъ можно видѣть опредѣленные намеки и указанія на политическія событія того времени, напримѣръ, на союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ, борьбу изъ-за реформы Ареопага [9]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что несвободны отъ политическихъ намековъ и трагедіи Софокла, принимавшаго дѣятельное участіе въ общественной жизни своего родного города и входившаго въ составъ комиссіи 10 пробуловъ, какъ это доказалъ P. Foucart [10]), на основаніи одного мѣста «Риторики»—Аристотеля [11]). Здѣсь можно отмѣтить тѣ мѣста трагедіи «Аякса», гдѣ указывается на основаніе Саламина [12]), на дружественныя отношенія къ острову Делосу [13]) и на враждебное отношеніе къ Спартѣ [14]), и слова Тев-

---

[8]) Sitzb. d. b. Akad. 1889. II, 142.

[9]) В. Бузескулъ «Введеніе», стр. 30. «Aeschylos' Eumeniden» griech. u. deutsch. K. O. Müller. Götting. 1833 Oncken. «Athen und Hellas». Leip. I. 1865.

[10]) Le poète Sophocle et l' oligarchie des quatre cents. Revue de philologie 1893. XVII pp. 1—10.

[11]) Rhet. III, 18.

[12]) Aias. 1019 cp. Vel. Pater. I. 1.

[13]) v. v. 703—705.

[14]) v. 1102.

кра: «Σπάρτης ἀνάσσων ἦλθες, οὐχ ἡμῶν κρατῶν» [15]), обращенныя къ Менелаю, были для аѳинянъ, по справедливому замѣчанію W. Christ'a [16]), «Sirenenmusik» (чарующей музыкой сиренъ). Изъ другихъ пьесъ Софокла можно указать на «Эдипа въ Колонѣ», гдѣ неоднократно [17]) встрѣчаются указанія на побѣду аѳинянъ у гроба Эдипа. На ряду съ этимъ Эдипъ, а, стало быть, и самъ Софоклъ его устами, не пропускаетъ случая подчеркнуть, что Аѳины отличаются отъ всѣхъ другихъ городовъ преимущественнымъ благочестіемъ [18]), что это городъ, «δίκαια ἀσκοῦσα κ'ἄνευ νόμου κραίνουσα οὐδέν» [19]). Вполнѣ естественно поэтому, что уже древніе обратили вниманіе на политическій характеръ этой пьесы. Схоліастъ по поводу стиха 457 писалъ: «χρησμὸς ἦν, ὡς, εἰ 'Αθηναῖοι τοῦ τάφου αὐτοῦ ἐγκρατεῖς γένωνται, ἔσοιτο αὐτοῖς ποτε σωτὴρ πολιορκουμένοις ὑπὸ τῶν Θηβαίων εἴτε κατὰ Πελοποννησιακὸν πόλεμον εἴτε καθ'ἕτερον. ταῦτα δὲ εἰκὸς ποιητικότερον ὑπὸ τοῦ Σοφοκλέους πεπλάσθαι ἐπὶ θεραπείᾳ τῶν 'Αθηναίων. πολλαχοῦ δὲ οἱ τραγικοὶ χαρίζονται ταῖς πατρίσιν ἔνια» [20]). И мы знаемъ, что въ сознаніи аѳинянъ

---

[15]) «Царемъ Спарты прибылъ ты, а не нашимъ властелиномъ».

[16]) l. c. p. 239.

[17]) v. v. 92, 93; 411; 604—606; 621—623.

[18]) 260; 1125—1127.

[19]) v. v. 913, 914, «городъ, руководствующійся справедливостью и не дѣлающій ничего беззаконнаго».

[20]) «Было пророчество, что, если аѳиняне завладѣютъ могилою его (Эдипа), то онъ нѣкогда будетъ имъ спасителемъ, когда ихъ будутъ осаждать ѳиванцы во время Пелопоннесской ли войны или другой; это Софоклъ, повидимому, прикрасилъ поэтически, чтобы польстить аѳинянамъ: нерѣдко трагики говорятъ кое-что пріятное своему родному городу».

побѣда надъ ѳиванцами ставилась въ тѣснѣйшую связь съ могилою Эдипа; поэтому Аристидъ въ одной изъ своихъ рѣчей (Ὑπὲρ τῶν τεττάρων p. 172) и могъ сказать: «θαρρούντως ἂν ἔχοις λέγειν ὑποχθονίους τινὰς φύλακας καὶ σωτῆρας τῶν Ἑλλήνων ἀλεξικάκους καὶ πάντα ἀγαθοὺς καὶ ῥύεσθαί γε τὴν χώραν οὐ χεῖρον ἢ τὸν ἐν Κολωνῷ κείμενον Οἰδίπουν ἢ εἴ τις ἄλλοθί που τῆς χώρας ἐν καιρῷ τοῖς ζῶσι κεῖσθαι πεπίστευται» [21]. Эта вѣра въ спасительное для аѳинянъ дѣйствіе Эдипа заставила Софокла вложить въ уста Эдипа пророчество post eventum обращенное къ Тесею въ родѣ: «χοὔτως ἀδῇον τήνδ᾽ἐνοικήσεις πόλιν σπαρτῶν ἀπ᾽ ἀνδρῶν» [22], между тѣмъ какъ слова Тесея: «καὶ ταῦτα μ᾽ ἔφη πράσσοντα καλῶς χώραν ἕξειν αἰὲν ἄλυπον» [23] являются, по существу дѣла, приглашеніемъ аѳинянъ со стороны Софокла окружать почестями могилу Эдипа.

Пьеса полна намеками на отдѣльные эпизоды изъ исторіи Аѳинъ. Такъ весьма заманчиво сопоставле-

---

[21]) «Смѣло можно было бы сказать, что у грековъ есть какіе-то подземные хранители и спасители, которые отвращаютъ зло, вообще благодатны и оберегаютъ ужъ страну не хуже, чѣмъ Эдипъ, покоящійся въ Колонѣ, или всякій другой, кто, покоясь въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ страны, служитъ, согласно установившейся вѣрѣ, ко благу живыхъ».

[22]) 1533, 1533. «И такимъ образомъ ты будешь жить въ этомъ городѣ, котораго не разрушить людямъ «посѣяннымъ» (выросшимъ изъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ)».

[23]) 1764, 1765. «И если я это буду исполнять», сказалъ онъ (Эдипъ): «то буду все время править страной благополучно и безпечально».

ніе [24]) словъ (ст. 702) (ἐλαίαν) τις οὔτε νεαρὸς οὔτε γήρᾳ σημαίνων ἁλιώσει χερὶ πέρσας» съ извѣстнымъ разсказомъ Геродота (VIII, 55) о чудѣ со священной маслиной на акрополѣ, уничтоженной огнемъ во время пожара въ кремлѣ при взятіи Аѳинъ Ксерксомъ. Неоднократно сопоставлялись также отдѣльныя части этой пѣсни хора съ событіями Архидамова похода [25]). Поэтому совершенно правъ былъ повидимому, Лахманнъ, когда назвалъ эту пьесу «durch und durch politisch» [26]) (сплошь политическою) и этотъ взглядъ на пьесу, какъ на произведеніе преимущественно политическаго характера послужило для Шелля даже исходной точкой для критики текста [27]).

Быть-можетъ, Софоклу удалось такъ сильно разжечь пламя вѣры въ благотворное для аѳинянъ дѣйствіе могилы Эдипа, что явилось необходимымъ прибавить къ концу «Финикіянокъ» —Эврипида то мѣсто, гдѣ Эдипъ заявляетъ, что ему было предречено умереть въ «ἱερὸς κολωνός, δώμαθ' ἱππίου θεοῦ» [28]).

Внѣшнимъ побужденіемъ, вызвавшимъ у Софокла желаніе воскресить въ сознаніи современниковъ легенду о благодѣтельной могилѣ Эдипа для того, чтобы вокругъ нея возстановился культъ этого героя, могли быть событія 407 г., когда, по свидѣтельству Діодора (XIII,

---

[24]) Wolf—Bellermann ad locum. Текстъ искаженъ. Смыслъ даннаго мѣста: ея (т.-е. маслины) не уничтожитъ, не истребитъ своей рукой ни молодой, ни старикъ.

[25]) Схол. къ ст. 699.

[26]) Rhein. Mus. 1827.

[27]) Ad. Schöll. Philol. XXVI. 385 sqq.

[28]) «въ священномъ Колонѣ, обители бога-конеборца» Phoen. 1707. См. Al. Mayr. Comment philol. Monacenses. 1891 p. 172.

72), аѳинская конница одержала блестящую побѣду надъ ѳиванской, чѣмъ и устанавливается годъ написанія этой пьесы [29]).

Едвали нужно особенно долго останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько сильнымъ религіознымъ настроеніемъ отличался Софоклъ, жрецъ бога Алкона [30]), основавшій часовню въ честь Ἡρακλῆς μηνυτής [31]). Исключительнымъ благочестіемъ Софокла вызванъ тотъ его поступокъ, память о которомъ сохранена въ одной изъ эпиграммъ Anthologia Palatina (VI № 145):

«Βωμοὺς τούςδε θεοῖς Σοφοκλῆς ἱδρύσατο πρῶτος,
ὃς πλεῖστον Μούσης εἷλε κλέος τραγικῆς» [32]).

Благодаря своему благочестію Софоклъ находился въ тѣснѣйшей связи съ аѳинскимъ Асклепіейономъ [33]). Поэтому заслуживаетъ полнаго вниманія предположеніе L. v. Sybel'я, будто Софоклъ перенесъ въ Аѳины Эпидаврійскій культъ Асклепія, о проникновеніи котораго въ Аѳины нѣтъ свидѣтельствъ древнѣе 420 г. [34]).

---

[29]) Christ. p. 249. Alb. Mayr. «Ueber Tendenz und Abfassungszeit des Sophokleischen Oedipus auf Kolonos» въ «Comment. philol. Monacenses» 1891 p. 160 sqq.

[30]) См. Ѳ. Ф. Зѣлинскій: «О Софоклѣ врачѣ» Ж. М. Нар. Просв. 1896, отд. клас. филол. Апрѣль. Стр. 28 сл. W. Christ. Geschichte d. griech. Litt². p. 229.

[31]) Cic. de div. I. 54.

[32]) «Жертвенники эти богамъ соорудилъ впервые Софоклъ, который стяжалъ себѣ величайшую славу трагической музы (въ трагич. поэзіи)».

[33]) Marini Vita Procli 29: «τὸ ἀπὸ Σοφοκλέους, ἐπιφανὲς Ἀσκληπιεῖον» т.-е. «со времени Софокла прославившееся святилище Асклепія».

[34]) См. L. v. Sybel. «Asklepios und Alkon». Athenische Mitteilungen. X, 1885, p. 99. Н. Александровскій. «Эпидаврій-

Не надо также упускать изъ виду, что Эдипъ былъ не только персонажемъ широко распространенной легенды, но и предметомъ религіознаго поклоненія. Такъ, потомки Ойолика основали въ его честь святилище въ Спартѣ и на островѣ Өерѣ, какъ объ этомъ разсказываетъ Геродотъ [35]).

Но что важнѣе всего, Павсаній среди памятниковъ, находившихся въ Κολωνὸς ἵππιος отмѣчаетъ ἡρῷον [δὲ] Πειρίθου καὶ Θησέως Οἰδίποδός τε καὶ 'Αδράστου [36]) Höfer въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи объ Эдипѣ [37]) собралъ достаточно матеріала для того, чтобы мы смѣло могли отнести Эдипа къ числу хөоническихъ божествъ наравнѣ съ Мелампомъ [38]). Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ думать, что Софоклъ своей трагедіей старался пробудить или только усилить поклоненіе герою Эдипу, связанное по мѣсту съ тѣмъ святилищемъ, о которомъ говоритъ Павсаній. Это вполнѣ соотвѣт-

---

свое святилище Асклепія». «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1890, апрѣль. 91.

[35]) IV. 149: «Οἰολύκου δὲ γίνεται Αἰγεὺς ἀπ' οὗ Αἰγεῖδαι καλέονται φυλὴ μεγάλη ἐν Σπάρτῃ τοῖσι δὲ ἐν τῇ φυλῇ ταύτῃ ἀνδράσι οὐ γὰρ ὑπέμειναν τὰ τέκνα, ἱδρύσαντο ἐκ θεοπροπίου 'Ερινύων τῶν Λαΐου τε καὶ Οἰδιπόδεω ἱρόν». «У Ойолика родился Эгей, по имени котораго названо большое колѣно въ Спартѣ, Эгеиды; такъ какъ у членовъ этого колѣна дѣти умирали въ раннемъ возрастѣ, то они, по повелѣнію оракула, основали святилище Эриніямъ Лаія и Эдипа» (По переводу Мищенка).

[36]) I. 30. § 4, т.-е. «святилище Пириөа, Өезея, Эдипа и Адраста».

[37]) W. Roscher'a «Ausführliches Lexikon» 41-te Lieferung, sp. 700—746.

[38]) l. c. Sp. 742.

ствовало бы характеру дѣятельности Софокла, а сама трагедія являлась бы однимъ изъ орудій той политико-религіозной пропаганды, которой былъ не чуждъ Софоклъ.

Ясно выраженная связь съ событіями современности находится въ «Эдипѣ-Царѣ», о которомъ Софоклъ вспомнилъ послѣ паденія Перикла во время чумы, описываемой Софокломъ въ этой же самой пьесѣ [39]).

По мнѣнію O. Ribbeck'а это описаніе только что пережитой чумы было нарушеніемъ того самаго требованія, которое уже раньше нарушилъ Фринихъ своимъ «Взятіемъ Милета», и въ этомъ кроется причина, почему за эту образцовую пьесу аѳиняне наградили Софокла только 2-мъ призомъ [40]).

Что касается до тѣхъ отзвуковъ политическихъ событій, которыя разсѣяны въ трагедіяхъ Эврипида, то этому весьма важному вопросу даже въ нашей небогатой спеціальными работами литературѣ посвящена обстоятельная монографія покойнаго професcор. Д. Ѳ. Бѣляева, выяснившаго взгляды Эврипида на сословныя отношенія Аѳинъ, ихъ внутреннюю и внѣшнюю политику [41]). Для того, чтобы выяснить, какое видное мѣсто занимаютъ у Эврипида эти чисто политическіе вопросы, приведу два-три замѣчанія новѣй-

---

[39]) См. Ѳ. Ф. Зѣлинскій «Софоклъ. Царь Эдипъ». С.-Петербургъ. 1896. Часть II, стр. 18.

[40]) O. Ribbeck «Sophocles und seine Tragoedien». Berlin. 1873. 2-te Aufl. p. 26. Cp. Griechische Tragoedien ürbersetzt von U. Wilamowitz. I B. 2 Aufl. p. 16.

[41]) «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1882. №№ 9 и 10 и за 1885 (стр. 459—492) отд. клас. фил.; тамъ же собрана и вся предшествующая литература.

шаго изслѣдователя этого вопроса: Fer. Mosimann'a [42]). По мнѣнію этого ученаго, «Euripides hat «Andromache» beim Beginn des Krieges, wie eine Rede, wie ein politisches Selbstbekenntniss in's Volk hineingeworfen [43]). Уже давно было замѣчено, какъ много мѣстъ «Просительницъ» носятъ опредѣленную политическую окраску, почему еще проф. Д. Θ. Бѣляевъ назвалъ эту трагедію болѣе политической [44]), чѣмъ поэтической [45]) Fer. Mosimann совершенно основательно замѣтилъ, что въ этой трагедіи экскурсъ относительно монархическаго и демократическаго образа правленія [46]) можетъ быть разсматриваемъ, какъ самостоятельное цѣлое, нѣсколько искусственно введенное въ рамки общаго хода дѣйствія. Далѣе Fer. Mosimann отмѣчаетъ [47]) тѣ трудности, которыя пришлось преодолѣть Эврипиду для того, чтобы дать возможность въ концѣ пьесы появиться Аѳинѣ, которая была нужна Эврипиду главнымъ образомъ для того, чтобы придать особую силу ея вѣщимъ словамъ, дорогимъ для сердца каждаго аѳинянина:

«ὁ δ' ὅρκος ἔσται, μήποτ' Ἀργείους χθόνα

---

[42]) «In wie weit hat Euripides in den «Hiketiden», der «Andromache» und den «Troerinnen» auf Politische Konstellationen seiner Zeit angespielt. Bern. 1897».

[43]) l. c. p. 28. «Андромаху» Эврипидъ въ началѣ войны пустилъ въ народъ, какъ рѣчь, какъ собственную политическую исповѣдь».

[44]) Недаромъ и авторъ ὑπόθεσις пишетъ «τὸ δὲ δρᾶμα—ἐγκώμιον Ἀθηνῶν» (т.-е. эта драма—хвалебная пѣснь Аѳинамъ). См. А. Н. Шварцъ (Ξενοφῶντος) Ἀθην. πολιτεία. Стр. 60.

[45]) «Ж. М. Нар. Пр.» 1885. Стр 472.

[46]) Слова Тесея v. 403 sq.

[47]) l. c. p. 37.

εἰς τήνδ᾽ ἐποίσειν πολέμιον πανατευχίαν
ἄλλων τ᾽ ἰόντων ἐμποδὼν θήσειν δόρυ [48]).

Несомнѣнно, что въ устахъ именно Аѳины эти слова должны были звучать особенно убѣдительно. Очень сочувственно относится [49]) Mosimann къ возможности ставить «Троянокъ» въ связь съ событіями, слѣдовавшими за сицилійской экспедиціей, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сценахъ трагедіи онъ видитъ явное отраженіе нашумѣвшаго процесса Гермокопидовъ

Такимъ образомъ у Эврипида, какъ это и слѣдовало ожидать при отзывчивости его натуры, можно найти не мало стиховъ, продиктованныхъ его политическими настроеніями, слѣдов., онъ переноситъ иногда на сцену обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые волновали въ ту минуту умы его согражданъ. Проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ по поводу упомянутаго уже выше спора между Тесеемъ и ѳиванскимъ посломъ о преимуществахъ монархическаго и демократическаго образа правленія замѣчаетъ, что «весь этотъ споръ, совершенно не нужный для развитія дѣйствія, представляетъ, очевидно, образчикъ тѣхъ пререканій, которыя происходили тогда во всей Элладѣ между защитниками демократіи, съ одной стороны, и ихъ противниками, съ другой [50]).

Едва ли нужно долго останавливаться на древне-

---

[48]) v. v. 1191 sq. т.-е. «клятва же будетъ (состоять въ томъ), что никогда аргивяне не произведутъ съ оружіемъ въ рукахъ враждебнаго вторженія въ эту сторону и, въ случаѣ нашествія другихъ, будутъ противодѣйствовать имъ оружіемъ).

[49]) l. c. p. 72 sq

[50]) «Ж. М. Нар. Пр.» 1882. № 10, 404.

-греческой комедіи [51]): настолько общеизвѣстна сила ея политическаго значенія.

Проф. Θ. Ф. Зѣлинскій доказалъ, что родоначальникомъ этого вида аттической комедіи явился Кратинъ. Подражая Архилоху, онъ создалъ тенденціозную комедію въ противоположность къ существовавшей уже въ Аттикѣ сказочной комедіи [52]).

Правда, содержаніе этой тенденціозной вѣтви іонійской комедіи гораздо шире замкнутаго круга чисто политическихъ интересовъ. Она чуть ли не въ одинаковой степени являлась орудіемъ какъ политической сатиры, такъ и литературной пародіи и критики. Но такія пьесы, какъ «Νόμοι» и «Χείρωνες»—Кратина, «Πρυτάνεις», «'Αψευδεῖς»—Телеклида, «'Αρτοπώλιδες», «Μοῖραι», «Φορμοφόροι»—Эрмиппа, «Κόθορνοι»—Филонида, «'Αστράτευτοι ἢ 'Ανδρογύναι», «Αὐτόλυκος», «Βάπται», «Δῆμοι», «Κόλακες», «Μαρικᾶς»—Эвполида, «Βαβυλώνιοι», «Γεωργοί», «Ὁλκάδες», «Τριφάλης»—Аристофана, «Κλεοφῶν», «Πείσανδρος», «Ὑπέρβολος», «Λάκωνες»—Платона, «Ῥίνων»—Лизиппа, «Φρατέρες»—Левкона, «Μακεδόνες ἢ Παυσανίας»—Страттида, «Δημοτυνδάρεως»—Полидзела, «Σικελία», Деметрія [53]), могутъ служить достаточно яркими образцами чисто политической комедіи. Но и другая отрасль іонійской комедіи, сказочная, не вполнѣ чужда политической тенденціозности. Дѣло въ томъ, что поэтъ весьма часто

---

[51]) О томъ, какъ осторожно надо пользоваться этимъ матеріаломъ, см. В. П. Бузескула.—«Периклъ». Харьковъ. 1889. Стр. 62—65.

[52]) Θ. Ф. Зѣлинскій. «О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи». «Ж. М. Нар. Просв.» 1885. Отд. клас. фил. стр. 212.

[53]) См. таблицу у проф. Θ. Ф. Зѣлинскаго ibidem, стр. 214—221.

пользовался сказочнымъ мотивомъ только для того, чтобы придать бо́льшую прелесть дѣйствію чисто тенденціозной комедіи. Единственная уцѣлѣвшая сказочная комедія: «Птицы», не лишена въ значительной степени тенденціозной окраски, и нерѣдко въ ней Аристофанъ говоритъ колкости своимъ недругамъ, изъ которыхъ иные даже самолично выводятся на сцену [54]).

Именно послѣднее явленіе еще раньше приняло такіе грандіозные размѣры, что заставило Антимаха еще въ 440 г. при архонтѣ Морихидѣ предложить законъ, запрещавшій открыто высмѣивать опредѣленныхъ политическихъ дѣятелей. Впрочемъ, вскорѣ, въ 437 г., при архонтѣ Эвтименѣ законъ этотъ былъ отмѣненъ, неизвѣстно, по чьей иниціативѣ [55]).

По мнѣнію А. Шмидта [56]), Морихидъ дѣйствовалъ по внушенію жреческой партіи, которой тоже доставалось отъ комиковъ, и которая для проведенія подобной мѣры воспользовалась отсутствіемъ Перикла, находившагося тогда у Самоса. Вернувшись въ Аѳины, Периклъ поспѣшилъ возстановить полную свободу комедіи.

По поводу этихъ законодательныхъ мѣръ въ псевдоксенофонтовской «Ἀθηναίων πολιτεία» (II, 18) чи-

---

[54]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Ibid. стр. 213. Политическое значеніе комедіи: «Птицы», подчеркнуто въ очень любопытной статьѣ А. Н. Шварца. «Тріумфъ Пейѳетера въ «Птицахъ» Аристофана». «Фил. Обозр.» XX (1901) стр. 1 16. Не знаю, надо ли еще указывать на такую извѣстную работу, какъ книга Müller—Strübing. «Aristophanes und die historische Kritik». Leips. 1873.

[55]) Th. Zielinski. «De lege Antimachea scaenica». «Ж. М. Нар. Пр.» 1884, № 3.

[56]) «Das Perikleische Zeitalter». Iena 1877. 1 B. 109 sq. В. Бузескулъ. «Периклъ». Стр. 334.

таемъ: «κωμῳδεῖν δ' αὖ καὶ κακῶς λέγειν τὸν μὲν δῆμον οὐκ ἐῶσιν, ἵνα μὴ αὐτοὶ ἀκούωσι κακῶς, ἰδίᾳ δέ κελεύουσιν, εἴ τίς τινα βούλεται, εὖ εἰδότες, ὅτι οὐχὶ τοῦ δήμου ἐστὶν οὐδὲ τοῦ πλήθους ὁ κωμῳδούμενος ὡς ἐπὶ τὸ πολύ, ἀλλ' ἢ πλούσιος ἢ γενναῖος ἢ δυνάμενος· ὀλίγοι δέ τινες τῶν πενήτων καὶ τῶν δημοτικῶν κωμῳδοῦνται, καὶ οὐδ' οὗτοι ἐὰν μὴ διὰ πολυπραγμοσύνην καὶ διὰ τὸ ζητεῖν πλέον τι ἔχειν τοῦ δήμου· ὥστε οὐδὲ τοὺς τοιούτους ἄχθονται κωμῳδουμένους [57])». Эти слова на А. Н. Шварца производятъ впечатлѣніе «реминисценціи какого-либо мѣста древне-аттической комедіи [58]). Тотъ же самый ученый достаточно убѣдительно показалъ, какъ мало эти слова соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей [59]).

[57]) «Осмѣивать народъ или дурно выражаться о немъ въ комедіяхъ они (аѳиняне) не дозволяютъ, чтобы не слышать дурныхъ отзывовъ о самихъ себѣ, но относительно частныхъ лицъ это не запрещается, такъ какъ они хорошо знаютъ, что осмѣиваемый будетъ, по большей части, не изъ народа и не изъ черни, а человѣкъ богатый или знатный, или вліятельный. Осмѣиваются, впрочемъ, и нѣкоторые люди изъ неимущаго и низкаго класса, но и они за—безцѣльную только суетливость и за стремленіе имѣть больше значеніе, чѣмъ народъ, поэтому и ихъ осмѣяніе не вызываетъ неудовольствія». (По Янчев.).

[58]) (Ξενοφῶντος) Ἀθηναίων πολιτεία. Москва 1891. Стр. 34.

[59]) Въ рецензіи на эту книгу («Филол. Обозр.» т. II, стр. 31). Ѳ. Ф. Зѣлинскій призналъ свои первоначальныя воззрѣнія на lex Antimachaea не вполнѣ убѣдительными, считая этотъ законъ такимъ же crux, какъ и римскій законъ ut plebiscita populum tenerent. Но мнѣніе А. Н. Шварца, будто законъ Сиракосія былъ мертворожденнымъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій ограничиваетъ, допуская, что законъ Сиракосія не мѣшалъ поэтамъ бранить по своему усмотрѣнію ἰδιώτας ἀνθρωπίσκους (частныхъ людишекъ) въ родѣ Ликея, Телея и др.

Th. Kock [60]) краснорѣчиво подчеркнулъ, какъ силенъ политическій элементъ въ комедіяхъ Аристофана, весьма часто принимающихъ чисто дидактическій характеръ, при чемъ Аристофанъ всегда оставался убѣжденнымъ сторонникомъ интересовъ аристократической партіи, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы заподозривать неподкупную искренность его сужденій. Сопоставленіе сужденій комиковъ о политическихъ дѣятеляхъ и событіяхъ съ тѣмъ, что по тѣмъ же самымъ вопросамъ мы находимъ у другихъ писателей, показываетъ, что сужденія комиковъ не звучали одиноко въ аѳинскомъ обществѣ, а раздѣлялись весьма многими ихъ современниками, если только нельзя предполагать, что послѣдующіе писатели прямо брали готовые отзывы у авторовъ комедій, являясь такимъ образомъ ихъ подражателями. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны многочисленныя параллели, представляемыя къ комедіямъ Аристофана нѣкоторыми мѣстами «Ἀθηναίων πολιτεία» —Аристотеля [61]), гдѣ весьма многіе политическіе вопросы и дѣятели находятъ ту же самую оцѣнку, которую ранѣе они уже встрѣтили со стороны Аристофана и другихъ комиковъ. Такимъ образомъ это направленіе въ области греческой драмы является однимъ изъ проявленій общаго движенія, охватившаго въ V вѣкѣ всю греческую литературу и придавшаго ей въ значительной степени тенденціозную окраску политическаго памфлета [62]). Вѣкъ, къ которому относится дѣятель-

[60]) «Aristophanes als Dichter u Politiker». Rh. Mus 39, (1884) p.p. 116—140.

[61]) Ἀθ. π. 24—Arist Vesp. 601—662. Ἀθ. π. 34.—Arist. Ranae. 678—679, 1532. В. Бузескулъ. «Periklъ». Стр. 206—208.

[62]) См. А. Н. Шварцъ, о. с. стр. 59—60.

ность великихъ трагиковъ, отличался особеннымъ подъемомъ въ аѳинскомъ обществѣ интереса къ вопросамъ политики, а со времени Пелопоннесской войны вопросы о формахъ правленія, о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политикѣ начинаютъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ, памфлетахъ и рѣчахъ вопросы эти дебатировались съ особеннымъ жаромъ; описывалась или критиковалась существующая форма правленія, вспоминался прежній строй πάτριος πολιτεία, выставлялись идеалы совершеннѣйшаго государства, обсуждалась проблема объ отношеніи человѣка къ государству и обществу [63]). Къ этому времени относится и появленіе спеціальной политической литературы, при чемъ исторіографія зачастую получаетъ тенденціозную окраску въ духѣ политическаго памфлета. Таковы т. н. Ксенофонтовская «Аѳинская политія» [64]) и многочисленныя «политіи» Критія. Этотъ же самый духъ тенденціозной публицистики проникъ и въ ораторское искусство, выразившись особенно ярко въ рѣчахъ Исократа [65]). Вполнѣ естественно, что тѣ же самыя идеи волновали умы и великихъ трагиковъ, которые и пользовались своими драмами отчасти и для того, чтобы высказаться по поводу занимавшихъ все общество вопросовъ. Б. Варнеке.

Окончаніе будетъ.

---

[63]) В. Бузескулъ. «Введеніе». Стр. 151.

[64]) А. Н. Шварцъ (Ξενοφῶντος) Ἀθηναίων πολιτεία. Москва. 1891, стр. 59—62.

[65]) Oncken «Isocrates und Athen. Beitrag zur Geschichte der Einheits und Freiheits—Bewegung in Hellas». Heidelberg. 1862.

Максимъ Горькій—литературная характеристика.

Различна бываетъ судьба писателей: нѣкоторые изъ нихъ создаютъ свою славу постепенно, съ каждымъ годомъ своей литературной дѣятельности все больше привлекая къ себѣ интересъ публики и вниманіе литературной критики; иногда бываетъ наоборотъ: писатель вдругъ, сразу поражаетъ воображеніе читателей,—легко, повидимому, безъ труда, пожинаетъ литературные лавры, привлекая къ себѣ общіе взоры, какъ ярко вспыхнувшій метеоръ. Такимъ метеоромъ, продолжающимъ ярко пылать въ нашей литературѣ, является молодой и талантливый писатель Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ—Максимъ Горькій. Его успѣхъ въ нашей литературѣ, даже европейской, небывалый. Литературная слава Горькаго началась очень недавно: пять лѣтъ тому назадъ (съ 1898 г.), послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ томовъ его сочиненій. И публика, и критика сразу были поражены яркостью таланта, явнаго для всѣхъ, и новизною типовъ, не затронутыхъ въ нашей литературѣ раньше. Раздались дифирамбы и посыпались порицанія по адресу Горькаго,—явный знакъ того, что появилось нѣчто исключительное. И дѣйствительно, все здѣсь было необычно.

Предъ жаднымъ взоромъ читателя проходили новые для него люди—оборванные, въ опоркахъ и лохмотьяхъ, съ лицами, почти озвѣрѣлыми, и во всякомъ

случаѣ весьма подозрительными; отъ нихъ пахло алкоголемъ, махоркой и другими пряными запахами, нисколько не похожими на одеколонъ. Длинной вереницей проходили вóры, контрабандисты, люди того ремесла, о которомъ не принято вслухъ говорить въ обществѣ; дѣйствіе разсказовъ перенесено на большія дороги, въ степь—на черноморское побережье, въ разные подозрительные, часто гнусные притоны. И все это нарисовано съ удивительною силою, изобразительною силою таланта. Литература обогатилась новымъ словомъ «босякъ» и многими другими словами, которыя раньше имѣли широкое примѣненіе только на базарныхъ площадяхъ въ торговые дни и питейныхъ заведеніяхъ стараго типа. И удивительнѣе всего, что эти удручающія сцены пересыпались описаніями столь высокаго лиризма и такой художественности, что они врядъ ли что потеряютъ отъ сопоставленія ихъ съ описаніями Гоголя и Тургенева, этихъ двухъ величайшихъ виртуозовъ родного слова и крупныхъ европейскихъ писателей. Сама жизнь во всей своей наготѣ глядѣла со страницъ сочиненій Горькаго. Читатель проникался безпокойствомъ, какимъ-то неяснымъ протестомъ противъ чего-то; его начинали волновать вопросы: «Въ чемъ же настоящая жизнь? ужели эти босяки Горькаго настоящіе люди?» И, признавая за босяками многія достоинства, читатель не могъ согласиться со взглядомъ на нихъ самого автора. Для читателя ясно было, что авторъ одностороненъ. Да, прибавимъ мы отъ себя: Горькій пишетъ кровью своего сердца, но онъ не безпристрастенъ.

Оставивъ пока въ сторонѣ дифирамбы восторженныхъ почитателей Горькаго и протесты правовѣрныхъ любителей литературныхъ приличій, постараемся сдѣлать безпристрастную оцѣнку литературной дѣятельно-

сти Горькаго. Спѣшу оговориться: судить о Горькомъ безпристрастно дѣло очень не легкое. Горькій—изъ тѣхъ писателей, которые дѣйствуютъ по преимуществу на сердца и значительно меньше на мозгъ; а потому, возбуждая симпатію или антипатію, смотря по темпераменту, возрасту и прочей суммѣ склонностей читателя и критика, такіе авторы невольно подкупаютъ или предубѣждаютъ противъ себя. Постараемся же быть безпристрастными.

Прежде всего я коснусь самой общей стороны таланта Горькаго, въ чемъ кажется никто не сомнѣвается. Горькій пишетъ ярко, картинно, жизненно. Языкъ его живой, óбразный, чисто народный; хотя, должно сказать, онъ иногда влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ рѣчи, которыя они по своему образованію не могутъ говорить. Таковы, напр., разсужденія босяка Коновалова о Рѣшетниковѣ, авторѣ «Подлиповцевъ». Но такіе случаи не часты. У Горькаго чрезвычайно сильно чувство природы, и онъ охотно изображаетъ степь, Черное море, вечеръ, закатъ солнца, бурю. Что бы не быть голосновымъ, я приведу два описанія. Вотъ описаніе вечера. «Вечерѣло. Вдали надъ моремъ разлился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флёромъ легкую з·бь. Въ той же дали, казалось, со дна моря поднялась гряда желтолиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе сгущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ, далеко, далеко, на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ, и море тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно красиво и мощно».

(Емельянъ Пиляй, I, 32).

А вотъ описаніе бури. Я опускаю начало... «Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть и громче, но какъ-то испуганно. Грянулъ громъ, и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ. Потомъ стало темно, и серебристая цѣпь горъ пропала во тьмѣ. Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось.

Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи. Въ голубомъ блескѣ ихъ вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а, когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ.

Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него съ земли, и земля, казалось, дрожитъ въ страхѣ предъ гнѣвомъ его...

Мнѣ было весело, и я какъ-то приподнялся надъ обыкновеннымъ, наблюдая эту могучую мрачную картину степной грозы. Дивный хаосъ увлекалъ и настраивалъ на героическій ладъ, охватывая душу грозной и дивной гармоніей... И мнѣ хотѣлось принять участіе въ ней, выразить чѣмъ-нибудь переполнившее меня чувство восхищенія.

Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди; и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ—предъ грандіозной картиной природы?

Я запѣлъ—громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувство-

валъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками. Я безумствовалъ; это простительно, ибо не врецило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія, какъ можно, больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ и гроза въ степи!—я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ!!»

Я избралъ не самыя лучшія описанія, но наиболѣе краткія. Но и въ приведенныхъ примѣрахъ видна сила изобразительнаго таланта Горькаго. Вообще, о талантливости Горькаго не спорятъ, спорятъ о качествахъ литературной его дѣятельности, къ оцѣнкѣ которой мы и переходимъ.

Начало литературной извѣстности Горькаго относится къ 1898 году, когда вышли въ свѣтъ первые два томика его «Очерковъ и разсказовъ». Принято утверждать, что литературный талантъ Горькаго сложился и вылился сразу, какъ вооруженная Минерва изъ головы Юпитера,—сравненіе весьма красивое, но совершенно не вѣрное. Горькій, при всей своей талантливости, не сразу далъ свои лучшіе разсказы: нѣтъ, какъ большинство писателей, онъ принужденъ былъ ощупью, наугадъ итти проселкомъ и тропинками, чтобы выйти на свою настоящую дорогу. Правда, эти окольные пути были непродолжительны: у Горькаго былъ отличный проводникъ: огромный его художественный инстинктъ. Какъ ни странно, а Горькій заплатилъ дань давно пережитымъ литературнымъ теченіямъ: сентиментализму и романтизму. Въ первомъ томѣ «Очерковъ» Горькаго мы видимъ сильную наклонность къ преувеличеніямъ, вообще свойственную Горькому; много крикливости, излишне рѣзкихъ красокъ, что, впрочемъ, значительно скрашивается страстной субъективностью автора. Возьмемъ

разсказъ: «Дѣдъ Архипъ и Ленька». Больной дѣдъ Архипъ и его десятилѣтній внукъ бродятъ по Кубани, изъ станицы въ станицу, питаясь Христовымъ именемъ. Дѣда угнетаетъ мысль о близкой смерти и о томъ, что станетъ безъ него съ безпріютнымъ Ленькой. Въ заботахъ о судьбѣ внука, дѣдъ рѣшается на кражу. Ленька страшно возмущенъ поступкомъ дѣда. Сцена объясненія сама по себѣ полна трагизма, но Горькому угодно надъ головами бѣдняковъ разразить бурю, съ молніей и раскатами грома. И нашъ авторъ предаетъ смерти несчастнаго старика и идеально-нравственнаго десятилѣтняго Леньку... а изумленный читатель закрываетъ книгу съ улыбкой сомнѣнія.—Много страннаго въ разсказѣ: «Старуха Изергиль». Но верхъ романтическихъ дикостей разсказъ: «Макаръ Чудра», правда первый разсказъ перваго тома. На первой же страницѣ изображается, какъ на берегу моря лежалъ цыганъ Макаръ Чудра, методически потягивая изъ своей громадной трубки и выпуская изо рта и носа густые клубы дыма. И все это, какъ и дальнѣйшее, говорится въ серьезномъ, строгомъ, а никакъ не юмористическомъ тонѣ. Макаръ разсказываетъ поучительную съ его точки зрѣнія повѣсть о степныхъ герояхъ—красавцѣ Лойкѣ и красавицѣ Раддѣ. Оба они надѣлены въ величайшей степени всевозможными качествами: красотой, смѣлостью, жаждой свободы и проч., и проч.

Радда и Лойко полюбили другъ друга, но почему-то только враждовали другъ съ другомъ, кажется потому, что ихъ великая любовь другъ къ другу была все же меньше ихъ любви къ свободѣ, а, можетъ-быть, и по другой причинѣ. Гордая красавица хотѣла унизить Лойка и предложила ему странное условіе: прежде чѣмъ взять ее въ жены, Лойко долженъ былъ публично по-

клониться ей въ ноги. Въ отвѣтъ на это Лойко вонзилъ Раддѣ въ сердце свой кривой ножъ, а она, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, сказала громко и внятно: «Прощай, богатырь Лойко Зобаръ! Я знала, что ты такъ сдѣлаешь», да и умерла.

«Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!»—на всю степь гаркнулъ Лойко да, бросившись наземь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ. «Присутствовавшіе сняли шапки, а отецъ Радды сунулъ ножъ въ спину Лойко, какъ разъ противъ сердца» (т. I. 14).

Отъ этихъ лубочныхъ красотъ дешеваго романтизма вѣетъ добрыми временами Марлинскаго, Полевого и Нестора Кукольника съ братіей. Но, какъ ни слаба эта повѣсть, все же справедливость требуетъ признать въ ней, кромѣ талантливости изложенія, какую-то напряженность, исканіе настоящаго пути и въ общемъ искренній, хотя неумѣлый паѳосъ автора.

Въ другихъ произведеніяхъ уже яснѣе и ярче сказывается намѣченный авторомъ путь.

Дѣйствующими лицами выведены не полуфантастическіе цыганы, а настоящіе люди. Въ общемъ эти люди не заурядные. Горькій любитъ силу и борьбу только за то, что это—сила, способная на борьбу. Слабость онъ презираетъ и всегда отдаетъ предпочтеніе рѣзкой, хотя и изломанной индивидуальности предъ рефлективной расшатанностью и слабосиліемъ. Таковы разсказы: «На плотахъ» и «Варенька Олесова». Послѣдній разсказъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ босяковъ, но тенденція автора самая босяцкая. Главное дѣйствующее лицо, приватъ доцентъ Полкановъ, пріѣзжаетъ лѣтомъ въ имѣніе своей сестры; по сосѣдству проживаетъ помѣщикъ подагрикъ, полковникъ въ отставкѣ, Олесовъ

у котораго дочь Варенька; она и является настоящей героиней разсказа. Съ перваго же своего появленія она поразила и взволновала приватъ-доцента своею блестящею красотою. Но по мѣрѣ знакомства съ нею Полкановъ убѣждается въ ея неразвитости, невѣжествѣ: взгляды у нея допотопные, въ узко помѣщичьемъ духѣ. Варенька иногда собственноручно расправлялась съ провинившимися мужиками. Романы она предпочитала французскіе, на томъ основаніи, что у французовъ герои настоящіе: они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди, и поступаютъ иначе: они всегда храбры, влюблены, веселы. А въ русскихъ романахъ герои—простые люди, безъ смѣлости и безъ пылкихъ чувствъ, какіе-то глупые, мѣшковатые.

Повидимому, Варенька только ограничена и невѣжественна. На самомъ же дѣлѣ это натура непосредственная, богато одаренная, безъ всякаго систематическаго воспитанія, но зато и не изломанная искусственной дрессировкой. Физически сильная и здоровая, она безукоризненна въ нравственномъ отношеніи и дѣвственна до наивности. Полкановъ сталъ ухаживать за Варенькой, но безуспѣшно. Онъ былъ худъ и слабосиленъ, а идеаломъ Вареньки былъ мужчина высокій, сильный: «пожелалъ и сдѣлалъ—вотъ мужчина. Сила, вотъ что привлекательно», говорила она: «теперешніе мужчины родятся съ ревматизмомъ, съ кашлемъ, съ разными болѣзнями—это хорошо?» Ухаживанье окончилось очень позорно для молодого профессора: Варенька сильно побила его. Итакъ, всѣ симпатіи Горькаго на сторонѣ непосредственной Вареньки, а представитель культуры, профессоръ Полкановъ, обреченъ жестокимъ авторомъ на позорную роль. Наша русская публика нѣсколько иного мнѣнія относительно изображенной Горькимъ колли-

зіи, и разсказъ: «Варенька Олесова», не пользуется особымъ расположеніемъ читателей, что вполнѣ справедливо: не здѣсь сказался огромный талантъ Горькаго. Изображеніе культурныхъ классовъ общества не дѣло Горькаго: объ интеллигенціи онъ судитъ или по слуху, или же въ качествѣ наблюдателя съ боку, со стороны. Такой источникъ свѣдѣній невысокаго качества, такъ какъ всегда одностороненъ.

Зато Горькій не имѣетъ себѣ соперниковъ въ изображеніи подонковъ общества. Бродяга, то злобный и ожесточенный, потерпѣвшій рядъ крушеній и отчаявшійся, то безпокойный и нервный искатель справедливости, привлекаетъ все вниманіе Горькаго, занимаетъ главное мѣсто въ его разсказахъ. Вотъ передъ нами Челкашъ, герой разсказа того же имени. Это «старый травленный волкъ, хорошо знакомый гаваньскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ». Но это одна сторона его души и жизни. Есть въ немъ еще многое другое, что создаетъ ему нѣкоторый поэтическій ореолъ и высоко поднимаетъ его надъ уровнемъ не только обыкновенныхъ пьяницъ и воровъ, но и многихъ честныхъ и трезвыхъ людей. Челкашъ—натура поэтическая: онъ любитъ море: «его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной и мощной», говоритъ Горькій о Челкашѣ Изъ этого видно, что Челкашъ думаетъ не объ одномъ только хлѣбѣ, и идеалъ его не одна только водка. И дѣйствительно, Челкашъ смѣлъ, великодушенъ, исполненъ чувства собственнаго достоинства и гордости. Всѣ эти качества развертываются предъ читателемъ въ одномъ эпизодѣ. Челкашъ вознамѣрился украсть и контрабандой продать дорогой товаръ. Одному съ этимъ дѣломъ не управить-

ся, а у Челкаша нѣтъ сподручнаго товарища, и вотъ онъ беретъ себѣ въ помощники случайно встрѣченнаго прохожаго, молодого мужика Гаврилу. Парень шелъ домой въ свою деревню; заработки были плохи, и Гаврила, не понимая, чѣмъ онъ рискуетъ, согласился на предложеніе. Кража блистательно удалась, при чемъ Горькій показываетъ смѣлость, находчивость и удаль Челкаша и трусливую мѣшковатость Гаврилы. Украденный товаръ былъ проданъ грекамъ-контрабандистамъ за 540 руб., изъ которыхъ Челкашъ 40 руб. отдалъ Гаврилѣ. При видѣ радужныхъ бумажекъ Гаврилу обуяла жадность, и онъ раболѣпно сталъ просить денегъ. «Голубчикъ», молилъ Гаврила: «дай ты мнѣ эти деньги: дай, Христа ради! Что онѣ тебѣ? Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ годы нужны... Дай... молиться за тебя буду! Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ! Вѣдь что въ нихъ тебѣ? Али тебѣ дорого? одна ночь... и богатъ! Сдѣлай доброе дѣло! Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ»—«На, собака! Жри» .. крикнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ» ... «Эхъ войлокъ! нищій!» презрительно говорилъ Челкашъ: «Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ! Жадные черти... Себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаетъ!.. а?» Слушая безсвязный лепетъ Гаврилы, благодарившаго его, Челкашъ чувствовалъ, что онъ—воръ, гуляка, оторванный отъ всего родного—никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!... И эта мысль и ощущеніе наполняли его сознаніемъ своей свободы и удали. Изливая свою благо-

дарность, Гаврила сознался, что ему приходило въ голову убить Челкаша. Озлобленный Челкашъ отнялъ деньги и побилъ простоватаго парня. Гаврила пустилъ вслѣдъ ему камень, и, пораженный въ затылокъ, Челкашъ упалъ безъ сознанія. Обезумѣвъ отъ страха, Гаврила пустился бѣжать, но потомъ возвратился и сталъ приводить въ чувство Челкаша. Придя въ себя, Челкашъ заставилъ Гаврилу взять деньги: «Бери, бери», говорилъ онъ: «Не даромъ работалъ, чай. Бери, не бойсь! Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. На, бери! Никто ничего не узнаетъ о твоемъ дѣлѣ».

Таковъ босякъ Гришка Челкашъ. Въ сравненіи съ добродушнымъ, работящимъ и глуповатымъ мужикомъ Гаврилой—онъ, воръ и пьяница, настоящій герой и рыцарь чести.

Этотъ босякъ смотритъ на мужика сверху внизъ. Вообще всѣ герои Горькаго—босяки съ презрѣніемъ относятся къ деревнѣ: она имъ представляется ямой, гдѣ темно и сыро. И это вполнѣ понятно: деревня требуетъ постояннаго, упорнаго труда. Гулящему человѣку тамъ нечего дѣлать, и, какъ мы знаемъ, большинство босяковъ—это люди, не вынесшіе труда и тѣсноты деревни. Но какъ относится босая команда къ другимъ сословіямъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ разсказъ: «Бывшіе люди», пожалуй, лучшее произведеніе Горькаго. На самомъ концѣ города, въ полуразрушенномъ зданіи, ютится «ночлежка», ночлежный пріютъ, содержимый «бывшимъ человѣкомъ» ротмистромъ Аристидомъ Кувалдой. Философъ-циникъ и большой оптимистъ въ то же самое время, онъ играетъ среди своихъ кліентовъ роль признаннаго вождя, главы и руководителя. Подъ грубой оболочкой ротмистра бездна добродушія и чисто

человѣческихъ отношеній ко всѣмъ потерпѣвшимъ въ жизни крушеніе. Кувалда отрицательно относится къ культурному классу общества и ко всѣмъ сословіямъ, но истинною ненавистью ненавидитъ онъ только купца Петунникова котораго неизмѣнно называетъ Іудой, видя въ немъ воплощеніе насилія и грубаго эксплоататора капиталиста. Самымъ виднымъ членомъ ночлежки, послѣ Кувалды, является бывшій учитель, нѣкогда преподававшій въ учительскомъ институтѣ, тоже спившійся и глубоко несчастный человѣкъ, яснѣе другихъ понимающій ту бездну, въ которой ему приходится кончать свое существованіе. Перебиваясь репортерствомъ и мелкимъ хожденіемъ по дѣламъ, не рѣдко кляузнаго характера, онъ могъ бы выйти изъ этой колеи, если бы не общая надломленность, отсутствіе воли и вѣры въ себя. Учитель глубокій пессимистъ, потерявшій вѣру въ общество, въ людей, въ возможность перемѣны. Онъ любитъ только дѣтей, а въ водкѣ видитъ цѣлительницу отъ всѣхъ своихъ душевныхъ недуговъ. Около этихъ двухъ центральныхъ фигуръ группируются остальные члены союза «бывшихъ людей»,— люди погибшіе, опустившіеся до такой степени, когда человѣкъ уже перестаетъ различать добро отъ зла и становится равнодушнымъ ко всему окружающему. Для нихъ нѣтъ смысла и цѣли въ жизни, что и выражаетъ философъ-ротмистръ въ афоризмѣ: «мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія».

Однако это люди не глупые и съ явными признаками образованія. Любопытны разговоры, которые ведутъ «бывшіе люди» во время чтенія газеты, приносимой обыкновенно по вечерамъ учителемъ-репортеромъ. Кувалда злобствуетъ больше всего противъ «купца», который придавилъ и дворянина, и мужика.

Если въ криминальныхъ отдѣлахъ газеты дѣйствующимъ и страдающимъ лицомъ является купецъ, Аристидъ Кувалда ликуетъ Оборвали купца—прекрасно! только жаль, что мало. Лошади его разбили—пріятно слышать, но прискорбно, что онъ остался живъ. Искъ проигралъ купецъ—великолѣпно, но печально, что судебныя издержки не возложены на него въ удвоенномъ количествѣ.

— «Это было бы незаконно», замѣчаетъ учитель

— Незаконно? Но законенъ ли самъ купецъ?—горячо спрашиваетъ Кувалда. Что есть купецъ? Разсмотримъ это грубое и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и, по истеченіи нѣкотораго времени, дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ-мошенникъ-мужикъ ....«Я повторяю», говоритъ Кувалда нѣсколько ниже: «Я вижу жизнь въ рукахъ враговъ, не враговъ только дворянина, но враговъ всего благороднаго, алчныхъ, неспособныхъ украсить жизнь чѣмъ-нибудь.

— Однако, братъ, говоритъ учитель: купцы создали Геную, Венецію, Голландію,—это купцы; купцы Англіи завоевали съ своей стороны Индію, купцы Строгановы...

— Какое мнѣ дѣло до этихъ купцовъ? горячится Кувалда: я имѣю въ виду Іуду Петунникова и иже съ нимъ.

— А до этихъ тебѣ какое дѣло? тихо спрашиваетъ учитель.

— А развѣ я не живу? возражаетъ Кувалда.

Ага! живу, значитъ долженъ негодовать при видѣ

того, какъ жизнь портятъ дикіе люди, поглотившіе ее».

Нѣсколько ниже Кувалда ораторствуетъ такъ: «Какъ бывшій человѣкъ, я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно... Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства? Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... Намъ нужно что-то такое новое... ибо и мы въ жизни новость...

— И какая мы новость? гольтепа всегда была, говоритъ Объѣдокъ (прозвище одного изъ членовъ ночлежки).

— И она создала Римъ, говорилъ учитель.

— «Да, конечно», ликуетъ ротмистръ.

Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ.

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія, перебиваетъ Объѣдокъ.

«Странно было видѣть такъ разсуждающими этихъ людей, изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью», замѣчаетъ авторъ. Итакъ, босякъ относится отрицательно и къ мужику, какъ представителю земли и деревни, и къ купцу, какъ представителю капитала. Какъ ни странны эти разсужденія, они понятны, если принять во вниманіе психологію этихъ потерянныхъ людей. Имъ, дѣйствительно, ничего не осталось въ жизни, кромѣ мечтаній о возможности чего-то новаго, что должно воскресить ихъ, дать смыслъ и цѣль ихъ существованію. Конечно, ротмистръ Кувалда положительно заблуждается, полагая, что «гольтепа» можетъ сама создать это новое. Пролетаріатъ никогда самъ по себѣ ничего не создавалъ, если не становился орудіемъ историческаго движенія. Относясь

отрицательно къ деревнѣ и купцу, босяки въ сущности протестуютъ противъ крестьянскаго тягла и капитала. Противъ другихъ сословій и классовъ общества босяки Горькаго, кажется, ничего не имѣютъ, такъ какъ не соприкасаются съ ними. Но трудъ и капиталъ—основные факторы цивилизаціи и прогресса, замѣтимъ мы.

Итакъ, каковы же принципы этой «золотой роты»? Что это за явленіе?

Можетъ-быть, эта «гольтепа»—просто опасный элементъ для общества? Эти люди, выбитые изъ житейской колеи, можетъ-быть, и на самомъ дѣлѣ потеряли всякія человѣческія чувства и озвѣрѣли? Есть ли для нихъ что святое?

Во многихъ своихъ разсказахъ Горькій показываетъ намъ, что его босяки не только не утратили представленія о добрѣ, а способны на дѣтски наивное доброе дѣло и очень часто и героическій подвигъ.

Въ разсказѣ: «Дѣло съ застежками», повѣствуется, какъ трое босяковъ работали у старухи-барыни и заинтересовались книгой съ серебряными застежками, которую читала барыня,—это была библія. Барыня предложила имъ почитать книгу, и во время чтенія одинъ босякъ оторвалъ серебряныя застежки. Босяки покончили работу, получили расчетъ и ушли. Одинъ изъ босяковъ, Мишка, выкупилъ у товарища застежки и принесъ ихъ барынѣ, которая и не замѣтила покражи. Сдѣлалъ онъ это по чистому влеченію сердца; но барыня стала его донимать разговорами. «И пошла жилы изъ меня тянуть... Ажъ взопрѣлъ отъ разговору... право...», разсказывалъ Сережка. Барыня предложила ему почитать святую книгу, но голодный босякъ отказался и ушелъ въ трактиръ ѣсть.

«Нераскаянныя души... Звѣриныя сердца», шипѣла

вслѣдъ ему барыня, не понимая голода и наивно-благороднаго поступка необразованнаго человѣка.

Другой босякъ, Орловъ, работаетъ съ самоотверженіемъ въ холерномъ баракѣ. Босякъ Емельянъ Пиляй, отправившись въ первый разъ въ жизни на разбой, кончилъ тѣмъ, что спасъ дѣвушку, пришедшую топиться, и даже не взялъ предлагаемыхъ ему денегъ.

Можно не мало привести примѣровъ великодушія и героизма босяковъ Горькаго. Это люди, сильные умомъ и нетрусливые духомъ.

Почему же имъ нѣтъ мѣста «въ жизни», какъ они выражаются, т.-е. почему они являются лишними людьми въ обществѣ и обречены на чисто пассивную роль?

И гдѣ же причины, вытолкнувшія ихъ изъ общественныхъ рамокъ и сдѣлавшія ихъ «бывшими людьми»? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ сами же бывшіе люди. Челкашу нечего дѣлать въ деревнѣ съ его широкою натурою, а въ городѣ его удаль примѣнима только къ совершенію опасныхъ и дерзкихъ кражъ. Другой босякъ, Коноваловъ, болѣе вдумчивый и мягкій, чѣмъ ожесточенный Челкашъ, самъ сокрушается очевидною для него самого собственною ненужностью, неумѣньемъ найти свою «точку», которая указала бы ему «порядокъ» жизни. Онъ живетъ больше чувствомъ, которое не мирится съ окружающею его неправдой, но не можетъ вывести его на дорогу болѣе правильной жизни,—и пьетъ запоемъ,-- «отъ тоски», какъ поясняетъ онъ. «Что я такое? спрашиваетъ онъ: «босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ.

Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего до этого даже охоты нѣтъ... Живу и тоскую...

про что,—не извѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ прочихъ людей есть, и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ.

Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки, и всѣ тутъ.

Вотъ я и живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть? это мнѣ неизвѣстно». . Коноваловъ безпощаденъ къ себѣ.

«Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не виновенъ, ежели я подлецъ есть», говоритъ онъ... «Я самъ виноватъ въ моей долѣ! Не нашелъ я точки моей... Ищу, тоскую и не нахожу» (II, 24). И этотъ силачъ, душа-человѣкъ, не зналъ, что ему дѣлать въ жизни, и кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Другой босякъ, Орловъ, озлобленный мизантропъ, не знаетъ покоя отъ собственнаго настроенія. «Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ»... говоритъ онъ: «и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее въ свѣтѣ—свободно и тѣсно все-таки. Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія. Пью?... Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все: города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя?» (II, 151).

Я не исчерпалъ всѣхъ босяцкихъ типовъ Горькаго, но коснулся главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ представителей босой роты. Разберемся въ фактахъ, приведенныхъ Горькимъ. Сочиненія Горькаго считаются новымъ словомъ въ литературѣ. И дѣйствительно, до него только Левитовъ затрогивалъ жгучій вопросъ о босой командѣ. Но въ настоящее время Левитовъ за-

быть, и сочиненія его, пропитанныя узкимъ субъективизмомъ и расплывчатымъ лиризмомъ, далеко не имѣютъ широты и размаха, свойственнаго таланту Горькаго. И потому для большинства читателей образы Горькаго были совершенно новизною. И, такъ какъ у насъ большинство людей смотритъ на жизнь глазами литературы, то для многихъ и самое босяцкое царство, изображенное Горькимъ, оказалось явленіемъ новымъ, во всякомъ случаѣ открытымъ неожиданно. На самомъ же дѣлѣ явленіе это старое и достаточно обоснованное жизнью. На базарѣ, у трактировъ нашихъ городовъ въ изобиліи трутся безъ дѣла отрепанные, иногда жалкаго, иногда гнуснаго вида субъекты, при видѣ которыхъ интеллигентный человѣкъ брезгливо отворачивается, инстинктивно оберегая кошелекъ въ карманѣ и почему-то ощущая нѣкоторую стыдливость за свою сытость и благообразіе. Лица этихъ субъектовъ обыкновенно нахальны и часто умны. Частыя голодовки, именуемыя деликатно недородами, выгоняютъ изъ деревень тысячи крестьянъ на заработки, и не малый процентъ изъ нихъ навсегда остается въ городѣ, вступая въ ряды золотой роты. Заворовавшійся приказчикъ, запьянствовавшійся мелкій чиновникъ, купеческій сынокъ, забулдыга дьячокъ — пополняютъ ту же компанію. Въ Москвѣ, у Иверской часовни, мнѣ показывали даже графа, настоящаго графа, который, будучи типичнымъ золоторотцемъ, за двугривенный и косушку могъ написать, что угодно и и на кого угодно. Конечно, большинство изъ нихъ — люди безъ воли; безъ посторонней помощи имъ трудно стать на ноги: это наслѣдственные алкоголики или же пріобрѣтшіе запой личнымъ упражненіемъ. Но есть въ этой печальной ротѣ люди и сильные духомъ, которые, вслѣдствіе крупныхъ индивидуальныхъ способностей, не

подходятъ подъ обычную мѣрку. Несомнѣнно, цивилизація имѣетъ величайшую заслугу въ исторіи человѣчества: дисциплинируя и облагораживая человѣчество, она въ концѣ концовъ дала европейца и выходца изъ Европы американца. Но зато таже самая цивилизація суживаетъ индивидуальность человѣка. Кто не умѣетъ приспособиться къ современнымъ формамъ жизни, тотъ обязательно будетъ измятъ и стоптанъ, хотя эта неприспособляемость можетъ зависѣть не отъ недостатка способностей, а отъ избытка. Горькій отмѣчаетъ это обстоятельство, но, къ сожалѣнію, не комментируетъ его достаточно, и намъ иногда кажется, что авторъ ставитъ своихъ босяковъ въ примѣръ благовоспитанному читателю, что весьма обижаетъ многихъ. А между тѣмъ самая поверхностная историческая справка удостовѣритъ насъ, что эти изгои, люди, не уложившіеся въ общественныя рамки, играли въ исторіи не малую роль. Мы не будемъ рѣшать вопроса, въ какой степени Ромулъ и Ремъ были золоторотцами. Вспомнимъ только нашего былиннаго Ваську Буслаева, который озорничалъ на улицахъ Великаго Новгорода, оттуда затѣмъ ходилъ въ Палестину или вообще на югъ и востокъ и погибъ отъ своего же озорства, такъ какъ сталъ прыгать чрезъ что-то такое, чрезъ что прыгать совсѣмъ не слѣдовало. Вспомнимъ каликъ перехожихъ, ушкуйниковъ, пріобрѣтшихъ Россіи поволожье. Бродяги засѣляли нашъ сѣверъ, бродяги населили Донъ и Уралъ; безпокойная вольница завоевала Сибирь и кланялась ею московскому государю. Южно-Русская Сѣчь, населенная тоже свободолюбивой вольницей, была оплотомъ православной вѣры и русской народности. Вспомнимъ Стеньку Разина и Пугачова—людей тоже босой команды. Конечно, различны историческіе факторы, породившіе эти исто-

рическія явленія; но несомнѣнно, не одна только нужда вела Ермака въ Сибирь: очевидно, тамъ были и какія-то чисто психическія побужденія. Горькій часто смотритъ снизу вверхъ на своихъ босяковъ, и дѣйствительно многіе изъ нихъ, живи они на нѣсколько вѣковъ раньше, могли бы стать историческими дѣятелями. Къ сожалѣнію, теперь Римъ построенъ—уже очень давно, поволжье стало чисто русскимъ, Сибирь завоевана, и даже чрезъ нее проведена желѣзная дорога, и босякамъ нѣтъ дѣла въ нашемъ обществѣ. Но фактъ остается фактомъ: золотая рота процвѣтаетъ, и многіе члены ея обладаютъ недюжинными способностями, съ успѣхомъ занимаясь журналистикой и адвокатурой. Въ этомъ правъ Горькій. Рѣшаемся нѣсколько расширить рамки общественной жизни и скажемъ нѣсколько больше того, что говоритъ нашъ талантливый авторъ.

Горькій главнымъ образомъ изображаетъ босяковъ, поставляемыхъ низшими классами общества. Капитанъ Кувалда—у него единственный дворянинъ. Но вспомнимъ, что даже въ интеллигентныхъ кругахъ общества издавна лелѣялся беллетристикою идеалъ бездомнаго шатуна. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наши герои времени—Евгеній Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, какъ не интеллигентные бродяги? Несомнѣнно, у русскаго человѣка есть жилка бродяги, можетъ-быть, пережитокъ кочевого образа жизни. У насъ есть странники, богомольцы; есть даже особая раскольничья секта бѣгуновъ. Вспомнимъ некрасивый типъ гулящаго по Европѣ русскаго барича до-реформенной Руси, и безцѣльнаго любителя заграничныхъ путешествій нашихъ дней. Вѣдь это тоже развѣ не бродяги? И въ этомъ отношеніи любой босякъ Горькаго съ полнымъ основаніемъ можетъ подать руку желудочно-половому космополиту-баричу, блуждающему

по заграницамъ, котораго такъ безпощадно изобразилъ сатирикъ Салтыковъ. Извѣстный публицистъ Меньшиковъ проводитъ далѣе параллель и въ каждой интеллигентной личности современнаго общества усматриваетъ не малую дозу босячества. «Въ самомъ дѣлѣ, что такое босяки? спрашиваетъ Меньшиковъ: «Они—оторванный отъ народа классъ, но и мы—оторванный; мы сверху, они - снизу. Они потеряли связь съ землей и живутъ случайными отхожими промыслами, и мы также. Они не хозяева и всегда наемники, и мы тоже. Они бродятъ по всей странѣ изъ конца въ конецъ, отъ Либавы до Самарканда, и мы также: наша чиновничья интеллигенція съ безпрерывными переводами, перемѣщеніями бродитъ не менѣе золоторотцевъ, хотя и получаетъ за это прогоны. Даже въ тѣхъ случаяхъ, если мы сидимъ прочно на мѣстѣ, насъ, какъ босяковъ, начинаетъ мучить тоска, невыносимая скука, и мы должны бѣжать куда-нибудь хоть на время—за границу, на Кавказъ, въ Крымъ (куда бѣгутъ и босяки). Бродяги постоянно мѣняютъ свои квартиры—мы тоже. У многихъ ли у насъ есть дома? Огромная разница, скажете вы: мы сыты, босяки голодны. Однако всѣ ли мы сыты и всегда ли? И всѣ ли босяки голодны? Питаясь въ студенческіе годы по кухмистерскимъ, а въ поздніе—обремененные семьей, много ли лучше босяковъ мы питаемся, по крайней мѣрѣ, въ значительной массѣ? Съ внутренней стороны параллель между интеллигенціей и босяками, пожалуй, еще рѣзче. Босяки не такъ начитаны, какъ мы, но почти всѣ они интеллигентны всѣ мыслятъ, всѣ имѣютъ свою философію и буквально ту, какъ двойникъ ея наверху. Всѣ они не довольны порядкомъ вещей и держатся за этотъ порядокъ, кормятся отъ него. Всѣ они скептики и матеріалисты, свободные мыслители, от-

рицающіе культурные предразсудки»...—Я не стану продолжать остроумную паралель Меньшикова. Несомнѣнно, что въ этомъ парадоксѣ много печальной правды.

Извѣстно, что Горькій создалъ себѣ литературную извѣстность своими босяцкими типами, и обыкновенно думаютъ, что Горькій идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ своихъ босяковъ, въ укоръ интеллигенціи награждая своихъ босяковъ многими качествами. И это на самомъ дѣлѣ такъ, но все же здѣсь необходима оговорка. Горькій обыкновенно идеализируетъ своихъ босяковъ; но безъ этихъ идеаловъ,—любви къ свободѣ и независимости, пожалуй, и совсѣмъ бы не было босяковъ, покрайней мѣрѣ процентъ ихъ значительно сократился бы.

Н. Гальковскій.

Окончаніе будетъ.

Человѣкъ-педагогъ.

Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій.

Настоятельная потребность въ фактическомъ изображеніи положительнаго типа современнаго педагога.—Одинъ изъ видныхъ представителей этого типа.—Его дѣтство.—Школьные его годы.—Первый опытъ педагогической службы въ уѣздномъ городѣ.—Жизнь и служба въ городѣ губернскомъ.—Дѣятельность въ Москвѣ.—Кончина его, скорбь сослуживцевъ и учениковъ и учеництъ.—Общность его чертъ характера лучшихъ дѣятелей нашего учительскаго сословія.

I.

Преобладаніе въ современной печати изображеній чертъ и типовъ отрицательныхъ въ учительской средѣ.—Несоотвѣтствіе ихъ дѣйствительности, въ ея цѣльномъ составѣ, и важность изображеній представителей положительнаго типа.—Выдающійся, по широтѣ и цѣльности, представитель этого типа.

За послѣднее время необычно много приходилось слышать и читать о педагогахъ. Заявленная необходимость широкой учебной реформы, сверху донизу, слухи о ней, обсужденія мѣропріятій относительно школъ, введеніе нѣкоторыхъ измѣненій усиленно вызывали печать и общество на эти сообщенія и обсужденія. Чаще всего рѣчь велась о педагогахъ въ среднихъ школахъ и несравненно менѣе о преподающихъ въ школахъ высшихъ и низшихъ. Замѣчательно при этомъ, что рисовались обыкновенно все темныя черты, широко выставлялись типы отрицательные. Быть можетъ, на то были особые мотивы, въ цѣляхъ доказательства необходимости самой широкой и радикальной реформы...

Однако, если бъ педагогическій персоналъ у насъ былъ все дѣйствительно таковъ, какимъ объявили его

въ текущей печати, положеніе школьнаго дѣла должно бы признать прямо безотраднымъ. Надо бы удивляться, какъ только еще держатся наши среднія школы при такихъ преподавателяхъ и администраторахъ въ нихъ! Школьное дѣло слѣдовало бы признать непоправимымъ и въ будущемъ, покрайней мѣрѣ ближайшемъ, потому что набрать, и при томъ въ требующемся количествѣ, какихъ-то «новыхъ» людей вѣдь неоткуда, помимо того же персонала и изъ прошедшихъ тѣ же школы.

Педагогическій персоналъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не таковъ въ своей совокупности, какимъ хотѣли бы или старались представить его; въ употребленіи тѣневыхъ красокъ не соблюли мѣры. Предъ нами книги, гдѣ собраны д ѣ й с т в и т е л ь н ы е факты жизни и дѣятельности недавно скончавшагося педагога, а по связи съ тѣмъ и иныхъ, внесены искреннія, неподдѣльныя с в и д ѣ т е л ь с т в а и в о с п о м и н а н і я о немъ. Педагогъ этотъ не занималъ какого-либо виднаго административнаго поста, онъ былъ, можно сказать, рядовымъ въ нашей преподавательской средѣ; свидѣтельства и воспоминанія о немъ чужды всего искусственнаго, вылились они отъ чистаго сердца лицъ, близко знавшихъ его, жившихъ и служившихъ съ нимъ или учившихся у него. Въ чертахъ, собранныхъ здѣсь, видны облики и многихъ, многихъ другихъ преподавателей,— видно, какъ складывались и складываются они, и среди какихъ условій и обстоятельствъ идетъ жизнь и работа этихъ дѣятелей. Въ данномъ, отдѣльно изображенномъ, образѣ лишь съ наибольшею рельефностію и полнотой нашелъ себѣ воплощеніе тотъ п о л о ж и т е л ь н ы й типъ нашего педагога, которымъ поддерживается, ж и л а и ж и в е т ъ наша средняя школа, при нелегкости условій ея существованія. И, если важно знать черты всеотри-

цательныя, то еще поучительнѣе знать дѣйствительность въ ея цѣлости, типы положительные.

Педагогъ, для жизнеописанія и характеристики котораго заботливо собраны въ сборникѣ [1]) необыкновенно цѣнныя и интересныя данныя,—Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ, скончавшійся 12 февраля 1901 года инспекторомъ и преподавателемъ 2-й Московской женской гимназіи, незадолго предъ тѣмъ бывшій также преподавателемъ VI-й Московской классической гимназ , а ранѣе—преподавателемъ реальнаго училища и Военной гимназіи въ Орлѣ и классической прогимназіи въ Шуѣ. Начавшись въ уѣздномъ городѣ, педагогическая служба и дѣятельность его продолжалась въ городѣ губернскомъ и закончилась въ Москвѣ.

II.

Дѣтскіе годы Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева.—Игры и занятія.—Вліяніе отца и окружающей сельской природы и быта.

Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ былъ сынъ сельскаго священника владимірской губ. шуйскаго уѣзда, родился въ 1849 г. Дѣтство его прошло въ обстановкѣ сельской природы и простого русскаго быта; игры и забавы причетническихъ и крестьянскихъ дѣтей были и его играми. Первыми уроками въ грамотѣ и воспитаніи онъ обязанъ былъ своему отцу, человѣку необык-

---

[1]) М. Анненковъ: «Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ въ воспоминаніяхъ его товарищей и учениковъ». Москва, 1902. Изданная не для продажи, книга въ продажѣ не имѣется. Въ Редакцію нашу доставлена лицомъ, близкимъ къ почившему. Пользуясь ею и дѣлая изъ нея извлеченія, присоединяемъ съ своей стороны и нѣсколько новыхъ данныхъ.

новенно доброму, серіёзному, погруженному въ исполненіе своихъ дѣлъ по церкви, приходу и хозяйству и пользовавшемуся любовію прихожанъ и уваженіемъ въ округѣ, избравшемъ его себѣ духовникомъ и благочиннымъ. Ставя для дѣтей своихъ прямою цѣлью хорошее книжное ученье, о. Владиміръ (такъ всѣ звали его въ его округѣ) однако не только не отстранялъ ихъ отъ сельскихъ работъ, но, работая самъ, заставлялъ и дѣтей помогать ему и помочанамъ; и впослѣдствіи, когда они, состоя уже на службѣ, навѣщали его во время лѣтнихъ каникулъ, любилъ онъ показывать имъ свое хозяйство, школу, ходилъ съ ними любоваться своимъ небольшимъ, но хорошо воздѣланнымъ полемъ.

Впечатлѣнія сельской природы и быта, получавшіяся не изъ книгъ и не по книжному, черты характера отца и семейственность глубоко потомъ отразились въ личномъ складѣ ума и характера Өедора Владиміровича. Съ народной пѣснью, съ радостями и печалями крестьянскаго люда, съ трудомъ и поэзіей уборки полей и луговъ онъ непосредственно ознакомился съ своего ранняго дѣтства, что̀ потомъ очень пригодилось будущему учителю русской словесности.

III.

Періодъ школьнаго ученья.—Ученье въ шуйскомъ и владимірскомъ—духовныхъ училищахъ и владимірской духовной семинаріи.—Характерныя черты въ бытѣ и строѣ духовныхъ школъ того времени, вліяніе ихъ на Өедора Владиміровича и уроки, вынесенные оттуда имъ для жизни.—Обученіе въ С.-Петербургскомъ университ.—Трудность студенческихъ занятій.—Товарищество.—Вліяніе профессоровъ.—Гуманность во взглядахъ и отношеніяхъ.

Когда Өедору Владиміровичу исполнилось 9 лѣтъ, онъ былъ помѣщенъ въ шуйское духовное училище, гдѣ учились его старшіе братья.

Велика была бѣдность жизни юношей духовныхъ школъ въ ту до-реформенную пору. По 8—10 человѣкъ ютились они въ заднихъ избахъ или кухняхъ бѣдныхъ жителей уѣздныхъ городовъ, не зная кроватей, и ходили въ жесткихъ пестряныхъ рубашкахъ. Посѣщали они школу до 15 лѣтъ въ лѣтнюю пору босикомъ, а зимой оставались все время классовъ въ овчинныхъ домашняго приготовленія тулупахъ и валенкахъ. Въ одномъ классѣ училось до 60—70 человѣкъ, во владимірскомъ духовномъ училищѣ, куда потомъ, по переходѣ старшихъ братьевъ во владимірскую духовную семинарію, былъ переведенъ Ѳед. Влад., число учениковъ въ классѣ заходило за 100; въ каждомъ классѣ всѣ сидѣли по два года. Многолюдство классовъ крайне затрудняло возможность учителямъ распознавать своихъ учениковъ и слѣдить за индивидуальными особенностями дарованій и характеровъ ихъ, а воспитанниковъ лишало случая вполнѣ обнаружить свой внутренній строй и пользоваться надлежащимъ уходомъ своихъ наставниковъ. Къ этому присоединялось механическое сокращеніе числа учащихся чрезъ пріемный экзаменъ въ семинарію, которая, будучи одной на нѣсколько училищъ, не могла вмѣстить всѣхъ оканчивающихъ курсъ тамъ. Реформа духовн. учебныхъ заведеній, постепенно произведенная во второй половинѣ 70-хъ годовъ, исправила многія изъ неудобствъ, а главное, она превратила училища и семинаріи изъ трехклассныхъ въ четырехъ—и шестиклассныя, съ годичнымъ курсомъ. Уменьшеніе числа учениковъ въ каждомъ классѣ на цѣлую половину и нѣкоторое обновленіе въ методахъ преподованія и въ штатѣ учителей благодѣтельно отозвались на многихъ изъ учившихся, также и на Ѳед. Вл—чѣ. Поступивъ во многолюдный классъ, онъ долго не былъ виденъ въ массѣ, вынесъ неудачу

на пріемномъ экзаменѣ въ семинарію, но чрезъ годъ—два послѣ реформы его трудно было уже узнать: обнаружились въ немъ—внутренній огонь, любознательность и настойчивое стремленіе къ высшему образованію. Изъ 4-го класса семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Бѣдность школьной жизни, въ несоотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ, съ аскетически скуднымъ и простымъ питаніемъ и хожденіемъ домой пѣшкомъ на лѣтнія каникулы за много верстъ со всѣмъ имуществомъ за плечами, вселила однако въ душу будущаго учителя и инспектора твердое пониманіе горечи чужой нужды. Собственный тяжелый опытъ изъ первыхъ лѣтъ школьнаго ученія наградилъ его убѣжденіемъ и въ крайнемъ вредѣ многочисленныхъ классовъ, въ желательности параллельныхъ отдѣленій для школъ и основаніи школъ новыхъ и жизненнымъ правиломъ не спѣшить оцѣнкою умственныхъ способностей и нравственнаго строя учениковъ, особенно, такъ называемыхъ, слабыхъ. И на себѣ, и на другихъ онъ видѣлъ примѣры болѣе поздняго, болѣе медленнаго развитія, которое оказывалось впослѣдствіи болѣе прочнымъ и болѣе надежнымъ сравнительно съ блистательными проявленіями даровитости при началѣ ученія. Оттого-то онъ такъ былъ потомъ участливъ къ матеріальнымъ нуждамъ учащихся, такъ усиленно берегъ своихъ питомцевъ отъ дурныхъ послѣдствій неудовлетворительныхъ отмѣтокъ всякаго рода—въ первые годы ихъ пребыванія въ школѣ; оттого-то для него казались особенно несимпатичными скороспѣлыя сужденія и приговоры формально самоувѣренныхъ педагоговъ, и добиться отъ него тяжелой и крутой мѣры относительно «неисправимыхъ» малышей было прямо нельзя.

Въ С.-Петербургскій университетъ Ѳедоръ Влади-

міровичъ поступилъ въ 1870 году, на историко филологическій факультетъ. Къ той порѣ въ духовныхъ семинаріяхъ случился уже упадокъ «латыни», которою они славились въ прежнія эпохи; усилилось изученіе болѣе фактическихъ предметовъ: историческихъ, историко-словесныхъ, историко-философскихъ, историко богословскихъ, вообще болѣе прямо гуманитарныхъ. Питомцамъ семинарій, легко справлявшимся съ дѣломъ на юридическомъ и отчасти медицинскомъ факультетахъ, приходилось первые годы на историко-филологическомъ факультетѣ особенно много работать по древнимъ языкамъ, начиная дѣло почти съ начала; жизненная обстановка не давала имъ предъ тѣмъ и практическаго изученія новыхъ языковъ. Привыкши къ устойчивости въ умственномъ трудѣ, способные къ матеріальнымъ самоограниченіямъ, внутренно чуткіе и развитые, они обыкновенно поборали препятствія, были особенно отзывчивы къ профессорамъ-словесникамъ и историкамъ, но успѣшно справлялись и съ другими задачами и условіями, на старшихъ курсахъ оказывались вполнѣ надежными, прекрасными студентами. Въ нѣкоторой мѣрѣ замѣчается это и доселѣ въ тѣхъ университетахъ и факультетахъ, которые открыты для воспитанниковъ семинарій.

Трудную университетскую школу первоначальныхъ классическихъ штудій прошелъ вмѣстѣ съ товарищами и Ѳед. Вл—чъ, на первыхъ двухъ курсахъ работавшій и чрезвычайно много, и съ крайнимъ напряженіемъ силъ, стоившимъ ему, на первомъ году, тяжелой болѣзни. Поборовши это затрудненіе, онъ съ третьяго курса избралъ для себя спеціальностью русскій языкъ и русскую словесность, изученіе и преподаваніе которыхъ и стало потомъ для него дѣломъ цѣлой жизни.

Замѣчательное благодушіе, прямота, живая спо-

собность быстро и глубоко неподдѣльно проникаться чужимъ горемъ создали ему видное положеніе между сверстниками [2]), которые бывало густою толпой любили собираться въ его студенческой квартирѣ.

Ѳ. Вл—чъ окончилъ курсъ со степенью кандидата, испытавъ на себѣ благотворное вліяніе лекцій и руководства профессоровъ И. И. Срезневскаго, О. Ѳ. Миллера и М. И. Сухомлинова, которому имъ представлено было большое и дѣльное кандидатское сочиненіе: «О языкѣ» «Поученія» Владиміра Мономаха». Профессора обыкновенно еще не отстранялись тогда отъ внѣслужебнаго общенія со студентами, и Ѳ. Вл. бывалъ принятъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ домѣ и пользовался ихъ добрыми совѣтами и указаніями. Въ этомъ отношеніи онъ съ благодарностію всегда вспоминалъ и профессоровъ филологовъ: Благовѣщенскаго, Дестуниса и Помяловскаго. На студентовъ съ особою обаятельною силой дѣйствовалъ профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ какъ своимъ научнымъ энтузіазмомъ, такъ и складомъ своей нравственной личности. Идеальная доброта этого ученаго и профессора несомнѣнно заронила не одно плодотворное сѣмя на воспріимчивое сердце Ѳед Вл—ча, ставшаго въ своей дѣятельности человѣколюбцемъ по преимуществу, отличавшимся рѣдкою деликатностью въ обхожденіи съ другими и высокимъ уваженіемъ правъ человѣческихъ во всякомъ, будь это мальчикъ, дѣвочка или старикъ, знатный или бѣднякъ, человѣкъ ему совсѣмъ сторонній или въ какомъ-нибудь отношеніи отъ него зависѣвшій, какъ единодушно свидѣтельствуютъ объ этомъ всѣ его знавшіе потомъ.

Окончаніе будетъ.

---

[2]) Въ числѣ однокурсниковъ былъ бывшій минист. народ. просвѣщенія Г. Эд. Зенгеръ и др.

Къ вопросу о реформѣ средней школы.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ открыто былъ поднятъ вопросъ о ненормальной постановкѣ нашей средней школы, требующей серьезнаго реформированія; русское общество до сихъ поръ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за всѣмъ, касающимся реформы средней школы и доходящимъ до его слуха путемъ циркуляровъ, газетныхъ и журнальныхъ сообщеній, а иногда и простыхъ предположеній и догадокъ; литература интересующаго общество вопроса выросла неимовѣрно, и трудно указать какое-либо изъ періодическихъ изданій, не говоря уже о спеціально педагогическихъ, которое бы такъ или иначе не высказалось по этому поводу. Все указанное живо свидѣтельствуетъ о томъ, насколько назрѣлъ вопросъ о средней школѣ, насколько велика потребность въ его разрѣшеніи.

Въ лѣтніе мѣсяцы прошлаго года появился, какъ извѣстно, министерскій циркуляръ [1]), поставившій рядъ вопросовъ, требовавшихъ серьезнаго и всесторонняго разсмотрѣнія, при чемъ въ самомъ циркулярѣ высказавалась увѣренность, что педагогическіе совѣты не отнесутся формально къ высказаннымъ въ циркулярѣ соображеніямъ, и что послѣднія не обратятся по заслушаніи въ мертвую букву. Однако, несмотря на дѣйствительно животрепещущій характеръ поставленныхъ вопросовъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ и лишь за очень

[1]) 28 іюня 1903 г.

немногими исключеніями вопросы и соображенія были выслушаны въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ, приняты къ свѣдѣнію и именно обратились въ ту мертвую букву, о которой была рѣчь Да, впрочемъ, въ этомъ и нѣтъ ничего мудренаго. Педагогическій міръ въ силу своего воспитанія и закваски больше привыкъ къ выполненію предписаній, чѣмъ къ проявленію инціативы, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ и литература, и пресса, и сама жизнь; онъ настолько привыкъ опасаться, не довѣрять, онъ до сихъ поръ такъ заваленъ работой, такъ обремененъ уроками при дороговизнѣ жизни и скудости содержанія, такъ переутомленъ и физически обезсиленъ благодаря переполненности классовъ и негигіеничности школьныхъ зданій, наконецъ, такъ изнервничался вслѣдствіе нескрываемаго за послѣднее время антагонизма между семьей и школой, что много усилій, много самой горячей и беззавѣтной энергіи понадобится при реформированіи школы, чтобы вызвать педагогическій міръ въ его цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ представителяхъ, къ живой и дружной работѣ на нивѣ сѣянія добраго, разумнаго, вѣчнаго. Сомнѣваться въ томъ, что наше юношество пойдетъ при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ навстрѣчу обновленному педагогическому міру, не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, можно съ увѣренностью сказать, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ юношество средней школы, независимо даже отъ его національныхъ и вѣроисповѣдныхъ различій [2]), обнаруживаетъ въ началѣ своего обученія столько безкорыстнаго (а не изъ-за отмѣтки и боязни наказанія) интереса

---

[2]) Исходимъ изъ наблюденій надъ учениками младшихъ классовъ Варшавскаго и отчасти Кавказскаго учебныхъ округовъ.

къ преподаваемому, столько довѣрія къ личности учителя и готовности повѣрять ему не только мелкія, но и серьезныя, съ дѣтской точки зрѣнія, тайны, что при достаточной подготовленности учителя, при вѣрѣ въ свое дѣло и при любви къ дѣтямъ, въ его рукахъ находится самый благодарный матеріалъ [3]). Обратитесь къ учителямъ и учительницамъ младшихъ классовъ, и вы, въ большинствѣ случаевъ, найдете, что и нервы у нихъ меньше развинчены, и своей дѣятельностью они больше удовлетворены, чѣмъ руководители старшихъ классовъ. Но войдите въ средній или старшій классъ, если вы не вели его раньше и не сдружились съ нимъ, и вы встрѣтите либо полу-насмѣшливые, полу-презрительные и во всякомъ случаѣ—недовѣрчивые взгляды, либо выраженіе заискиванія и безмолвной готовности исполнять ваши распоряженія; начнутся затѣмъ испытыванія вашихъ знаній путемъ задаванія неожиданныхъ или казуистическихъ вопросовъ, испытываніе вашего терпѣнія путемъ шопота, шума во время уроковъ, списыванія во время письменныхъ работъ, подсказовъ во время отвѣта и т. д.; дальше начнутъ испытывать, какъ-то вы поступите, встрѣтивъ ученика съ папироской на улицѣ или безъ отпускного билета въ театрѣ, какъ будете относиться къ разговорной рѣчи (въ гимназіяхъ съ нерусскимъ элементомъ) и т. д., и т. д., и надо откровенно сказать, необходимо, во 1), много серьезныхъ и разностороннихъ знаній въ области какъ научной вообще

[3]) Не говорю, разумѣется, о тѣхъ сравнительно немногихъ исключеніяхъ, когда дѣти поступаютъ въ школу изъ фанатически и нетерпимо настроенныхъ семей или исковерканы неправильнымъ домашнимъ воспитаніемъ (забитость, лживость, своеволіе и т. д.).

такъ психологіи и педагогической науки въ частности, во 2), много такта, воспитанности, силы воли и хладнокровія, наконецъ, въ 3), самой горячей любви къ юношеству, чтобы выйти побѣдителемъ изъ указанннго искуса. Спрашивается, почему же тѣ самыя дѣти, которыя въ младшихъ классахъ такъ внимательно слѣдятъ за вашими словами, сдерживая свою дѣтскую подвижность, окружаютъ васъ въ корридорахъ, провожаютъ по улицѣ, бѣгутъ къ вамъ на домъ съ своими радостями и горестями, читаютъ, по вашему указанію, книжки и засыпаютъ васъ вопросами [4]), почему эти самыя дѣти, дойдя до старшихъ классовъ, встрѣчаютъ крайне недовѣрчиво и почти враждебно новаго учителя?

Отвѣтъ можно между прочимъ найти въ одномъ изъ пунктовъ упомянутаго циркуляра г. Министра, гдѣ говорится о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, которыя влекутъ за собою «первая испытанная въ школѣ несправедливость и оскорбленіе созрѣвающаго въ юношѣ чувства человѣческаго достоинства». Эти оскорбленія чувства человѣческаго достоинства, насмѣшки, окрики, недовѣріе къ ученику, формальное и сухое отношеніе къ своему живому педагогическому дѣлу со стороны худшихъ элементовъ педагогическаго персонала парализуютъ сплошь и рядомъ усилія лучшихъ педагогическихъ силъ и создаютъ ту нравственную пропасть, которая раздѣляетъ учениковъ и учителей, и которую такъ трудно бываетъ уничтожить. А сколько, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтитъ ученикъ самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ типовъ,

[4]) Основываемся на наблюденіи въ гимназіяхъ Варшавскаго Уч. Окр., гдѣ, казалось бы, различіе національности преподавателя и учениковъ могло служить тормазомъ ихъ сближенію.

пока дойдетъ напр. хотя бы до 5—6 классовъ, и сколько среди его педагоговъ найдется лицъ, избравшихъ свою дѣятельность по призванію? «Призваніе учителя, сказалъ нашъ знаменитый писатель [5]) есть призваніе высокое и благородное, но не тотъ учитель, кто получаетъ воспитаніе и образованіе учителя, а тотъ, у кого есть внутренняя увѣренность въ томъ, что онъ есть, долженъ быть и не можетъ быть инымъ». Такихъ же убѣжденныхъ, вѣрящихъ въ свое дѣло, «учителей по призванію» приходится у насъ считать при упомянутыхъ выше неблагопріятныхъ условіяхъ школы чуть ли не по пальцамъ, а потому и не мудрено, что изъ наличнаго педагогическаго персонала значительное большинство приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы съ педагогической точки зрѣнія и готовитъ для университетовъ либо юношей, ничѣмъ серьзно не интересующихся, не отличающихся ни бойкостью ума, ни здравомысліемъ, ни высокими стремленіями, или же людей съ достаточнымъ развитіемъ, съ достаточнымъ запасомъ энергіи и силы воли, но либо озлобленныхъ, либо вообще не чувствующихъ признательности школѣ, которая въ минуты неизбѣжныхъ юношескихъ увлеченій, колебаній и шатаній, въ минуты мучительной работы надъ выработкой міросозерцанія не протягивала имъ дружеской руки [6]), не шла навстрѣчу путемъ сердечныхъ совѣтовъ, откровенныхъ

---

[5]) Гр. Л. Н. Толстой.

[6]) Нашу мысль подтверждаетъ и слѣдующее мѣсто циркуляра: «Задача и тутъ сводится къ тому, чтобы не оставаться для воспитанника совершенно чужимъ человѣкомъ, отъ котораго, кромѣ оффиціальныхъ словъ, никогда ничего не ожидаешь и о которыхъ даже не вспомнишь, когда переживаешь сомнѣніе и душевную борьбу.

бесѣдъ педагоговъ съ учащимися, путемъ указанія книгъ живыхъ, дѣльныхъ и особенно пригодныхъ въ тотъ или иной моментъ жизни и душевнаго состоянія ученика, наконецъ, путемъ выясненія но выясненія серьезнаго, строго обоснованнаго научно или этически, а не опирающагося исключительно на авторитетъ и на девизъ: «sic volo, sic jubeo» тѣхъ ошибокъ, тѣхъ заблужденій, въ оковы которыхъ попадала не окрѣпшая еще мысль. Въ данномъ случаѣ то руководительство чтеніемъ учащихся, тотъ способъ веденія сочиненій, которые теперь разрѣшаются министерскимъ циркуляромъ и которые изъ терпимыхъ, но не особенно поощряемыя въ прежнее время теперь являются одобряемыми и рекомендуемыми, должны, по нашему глубокому убѣжденію, сослужить великую службу дѣлу просвѣщенія и воспитанія русскаго юношества, если только, разумѣется, это дѣло, это руководительство будетъ въ рукахъ убѣжденныхъ, благородныхъ по взглядамъ и характеру, вооруженныхъ научнымъ знаніемъ и не лишенныхъ огня Божественнаго вдохновенія педагоговъ; дабавимъ къ тому же педагоговъ, какъ цѣлой, дружно дѣйствующей коллегіи, а не однихъ обремененныхъ непосильной, а потому и непроизводительной работой учителей русскаго языка и словесности [7]), какъ было до сихъ поръ. Теперь неизбѣжно является одинъ вопросъ. Послѣ того какъ въ русской школѣ станетъ легче дышать преподаватель, послѣ того какъ люди съ

---

[7]) По вопросу о количествѣ исправляемыхъ преподавателями русскаго яз. работъ въ теченіе года у насъ собрано не мало статистическаго матеріала (въ предѣлахъ Варш. Уч. Окр.), и приходится положительно поражаться колоссальностью цыфръ, превышающихъ иногда 2000 при переполненныхъ классахъ.

призваніемъ мало-помалу освободятся отъ тисковъ, формализма, отъ недовѣрія къ честности и благонадежности самихъ руководителей образованія и воспитанія— учителей, послѣ того, наконецъ, когда путемъ совѣщаній, живого обмѣна мыслей по животрепещущимъ педагогическимъ вопросамъ педагогическаго персонала въ родной семьѣ учащихся [8]) русская школа поднимется на должную высоту и будетъ въ состояніи выполнять свои высокія задачи, послѣ всего этого, т. сказать, освѣщенія и оздоровленія воздуха русской школы будетъ ли все-таки достаточнымъ количество стоящихъ на высотѣ своего дѣла служителей образованія и воспитанія юношества? Считая роль преподавателя, какъ человѣка и какъ ученаго [9]), несравненно болѣе важной для успѣховъ просвѣщенія и воспитанія, чѣмъ тѣ или иныя программы, тѣ или иныя системы обученія, объясняя даже всѣмъ извѣстную расшатанность школьной и внѣшкольной дисциплины въ значительной степени отчужденностью учащихъ отъ учащихся и недостаточностью нравственнаго авторитета первыхъ у вторыхъ, мы должны поставить указанный вопросъ въ числѣ первыхъ и осо

---

[8]) О цѣлесообразности и благотворности подобныхъ совѣщаній семьи и школы можно судить хотя бы по помѣщенному въ № 5 Цирк. по Кавказск. Уч. Окр. 1903 г. «протоколу совѣщанія педагог. совѣта Тифлисской 1-й ж. гимназіи съ родителями ученицъ VI класса.

[9]) Связь преподавателя съ наукой, постоянное движеніе впередъ и расширеніе своего умственнаго кругозора, внимательное отношеніе къ русскимъ педагогическимъ и научнымъ журналамъ являются, несомнѣнно, необходимымъ условіемъ, если преподаватель не хочетъ утратить своего интеллектуальнаго вліянія на учениковъ, не хочетъ опуститься самъ и упасть въ мнѣніи образованнаго общества.

бенно важныхъ. Ручательствомъ того, что съ обновленіемъ школы, съ большей, т. сказать, идейностью служенія въ ней, начнется мало-помалу притокъ къ ней свѣжихъ и лучшихъ силъ, людей призванія и вдохновенія, является примѣръ хотя бы германскаго, швейцарскаго, англійскаго и т. д. школьнаго дѣла, гдѣ при возвышенномъ взглядѣ на педагогическую миссію и со стороны общества, и со стороны самихъ педагоговъ, гдѣ при сравнительной широтѣ и свободѣ дѣйствій педагогическая профессія избирается людьми дѣйствительно убѣжденными, желающими принести серьезную пользу родинѣ путемъ вліянія на подрастающее поколѣніе и увѣренными, что они достигнутъ своей цѣли. Оглянемся же на то, что было въ недавнее еще время въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, и мы увидимъ, что лишь за немногими исключеніями, когда педагогъ, вѣрящій въ педагогическое дѣло, попадалъ въ особенно благопріятныя условія въ громадномъ большинствѣ случаевъ педагоги идейные, попадая куда-либо въ глушь и будучи вообще далеки отъ непосредственнаго наблюденія высшаго начальства, дѣлались извѣстны послѣднему лишь по доносамъ своихъ обскурантныхъ товарищей, по нелестнымъ отзывамъ своего ближайшаго начальства, обвиняющаго ихъ за «какія-то идеи», сводящіяся на самомъ дѣлѣ къ тому, что учитель не ограничивался узкимъ выполненіемъ программы, а старался развить, облагородить учениковъ путемъ руководства ихъ чтеніемъ, бесѣды съ ними, широкой постановкой сочиненій и вообще всѣми мѣрами, которыя рекомендуются циркуляромъ 28 іюня; въ результатѣ получалось то, что лучшія педагогическія силы теряли вѣру въ возможность плодотворной работы, въ средней школѣ болѣе даровитые и не порывавшіе связи съ наукой, стремились въ высшую школу, другіе покидали

вѣдомство Мин. Нар. Просв. и бѣжали въ акцизъ, контроль и т. д., коверкая т. обр. свою жизнь, разбивая мечты объ идейномъ служеніи родинѣ и юношеству, измѣняя своему призванію, но считая эту измѣну все-таки болѣе честною, чѣмъ то формальное, сухое отношеніе къ молодежи, къ ея духовной жизни, къ ея запросамъ, которыя въ достаточной степени заклеймлены отразительницей жизни—нашей литературой отъ Гоголя до Чехова Меньшинство людей идеи, не принадлежавшихъ къ числу первыхъ отмѣченныхъ нами счастливцевъ и вторыхъ оставившихъ педагогическое дѣло, либо маялось, терпѣло всякія несправедливости, сходило даже, надорвавши силы, въ раннюю могилу, либо примѣнялось къ средѣ съ ея хожденіемъ на службу, толками о «проступкахъ» учениковъ, сведеніемъ преподавательскаго воспитательнаго дѣла къ отмѣткамъ, педагогическихъ совѣтовъ—къ выставленію цыфръ и чисто формальному чтенію предложеній и запросовъ высшаго начальства, - воспитательнаго дѣла къ возможнымъ способамъ ловли учениковъ на тѣхъ или иныхъ неблаговидныхъ поступкахъ не съ цѣлью исправленія, убѣжденія, вразумленія дѣтей и юношей, но въ интересахъ каранія, а сплошь и рядомъ изгнанія изъ школы, при чемъ опять-таки не такого изгнанія, о которомъ идетъ рѣчь въ не разъ упомянутомъ нами циркулярѣ г. Министра, и которое является неизбѣжнымъ лишь по испытаніи всѣхъ способовъ исправленія, ведетъ къ обезопасенію другихъ учениковъ отъ вреднаго вліянія, и которое, несомнѣнно, не требуетъ выслѣживаній, а является неизбѣжнымъ результатомъ прямо очевидныхъ и вопіющихъ проступковъ, свидѣтельствующихъ, что педагогическій совѣтъ имѣетъ дѣло съ «сознательною враждебностью и съ явнымъ ожесточеніемъ». Что касается педагоговъ, избравшихъ свое дѣло не по призванію, не по глубокому

нравственному убѣжденію, а лишь для того, чтобы такъ или иначе просуществовать, то они, естественно, являлись ремесленниками своего дѣла, порой ремесленниками добросовѣстными, исполнительными, порой плохими, но во всякомъ случаѣ мало полезными для развитія общества, для воспитанія юношества, для прогресса родины. Надо однакоже признать, что недостаточно однихъ идеальныхъ стремленій, одного желанія принести пользу подрастающимъ поколѣніямъ, а необходима и твердая почва подъ ногами въ видѣ достаточно широкаго и глубокаго научнаго образованія педагога, въ видѣ—его этическаго и гражданскаго воспитанія. Безпочвенные мечтатели, которымъ суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано, могутъ не меньше повредить дѣлу воспитанія, чѣмъ педагоги въ родѣ Чичиковскаго учителя, Чеховскаго «человѣка въ футлярѣ», типовъ Яблоновскаго и т. п. Гдѣ же будущіе педагоги обновленной школы будутъ получать укрѣпленіе и правильное направленіе своихъ идеальныхъ стремленій, гдѣ будутъ усваивать правильный взглядъ на педагогическое дѣло, на исторію его развитія, на тѣ ошибки и завоеванія, какія совершены человѣчествомъ въ этой области; гдѣ найдутъ будущіе педагоги чтеніе курсовъ, захватывающихъ молодежь и увлекающихъ къ постоянной научной работѣ и за стѣнами высшей школы; гдѣ они, наконецъ, почерпнутъ практическую подготовку къ дѣлу обученія юношества и изученія природы ребенка? Легче всего, конечно, отвѣтить на вопросъ о научномъ развитіи будущихъ педагоговъ; университеты, особенно столичные, всегда стояли въ данномъ случаѣ на должной высотѣ, и лучшіе профессора создавали школы послѣдователей, которые разносили впослѣдствіи далеко по свѣту зароненныя учителями въ сердца учениковъ сѣмена научной

истины [10]). Что же касается всѣхъ остальныхъ поставленныхъ нами вопросныхъ пунктовъ, то, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, слѣдуетъ признать значительное преимущество передъ университетами историко-филологическихъ институтовъ. Будучи знакомъ съ обоими нашими институтами, С.-ПБургскимъ и Нѣжинскимъ кн. Безбородка и зная университеты С.-ПБургскій, Московскій, Кіевскій и Варшавскій, пишущій эти строки признаетъ, «что для дѣла гимназическаго преподаванія институты, особенно Нѣжинскій, даютъ гораздо лучшую подготовку, чѣмъ университеты [11]). Прежде всего существующія при институтахъ общежитія, при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ любого общежитія, имѣютъ однако ту положи-

---

[10]) Такъ, напр., каждый словесникъ, вѣроятно, помнитъ и въ средней, и въ высшей школѣ Буслаевскихъ, Тихонравовскихъ, О. Миллеровскихъ учениковъ, учениковъ Пыпина, Жданова, Веселовскаго и др., въ міровоззрѣніи, пріемахъ и интересахъ которыхъ сказывалось вліяніе учителей.

[11]) По нашимъ наблюденіямъ въ цѣломъ рядѣ учебныхъ округовъ и по разговорамъ съ начальствующими лицами намъ приходилось встрѣчать подтвержденіе нашего положенія и убѣждаться, что въ большинствѣ случаевъ изъ институтцевъ выходятъ болѣе подготовленные преподаватели, чѣмъ изъ университетскихъ студентовъ; что же касается подготовки къ продолженію научной дѣятельности, къ магистерству и т. д., то отъ институтца въ данномъ случаѣ требуется гораздо больше усилій, чѣмъ отъ кандидата университета *).

*) Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ авторомъ по вопросу о томъ, что «въ большинствѣ случаевъ изъ институтцевъ выходятъ болѣе подготовленные преподаватели»: намъ пришлось слышать изъ устъ близко стоявшаго къ одному изъ институтовъ лица признаніе, что хорошо

тельную сторону, что будущіе дѣятели на педагогическомъ поприщѣ лучше узнаютъ другъ друга, легче могутъ обмѣниваться мыслями, легче могутъ сближаться другъ съ другомъ; въ Нѣжинскомъ институтѣ при наличности умѣвшихъ вліять на студенчество, заинтересовывать его

учившіеся въ инстит. выходятъ плохими преподавателями, и педагогами, а мало дѣлавшіе—хорошими, выдающимися. Послѣднихъ, слѣд., по подготовкѣ къ педагогической дѣятельности можно приравнять къ окончивш. курсъ въ университ., преслѣдовавшимъ «посторонныя цѣли». Но нельзя же забывать, что у университанта кругозоръ шире, чѣмъ у окончившаго курсъ въ институтѣ. Намъ невольно напрашивается другое сравненіе педагоговъ: по отзыву земскихъ дѣятелей, дирекцій и инспекцій народныхъ училищъ на первыхъ порахъ (годъ, два) питомцы учительскихъ семинарій лучше ведутъ дѣло въ земскихъ школахъ, чѣмъ окончившіе курсъ въ среднихъ школахъ (дух. сем., гимназіяхъ мужской и женской, въ реал. учил.), а затѣмъ послѣдніе, вдумавшись, вчитавшись въ руководства веденія школьнаго дѣла, далеко позади оставляютъ первыхъ, т.-е. питомцевъ учительскихъ семинарій. Значитъ, въ дѣлѣ педагогическомъ важнѣе, чтобы преподаватель молодой былъ съ хорошимъ развитіемъ, а остальное при развитіи его дается ему практикой. Если бы преподаватели средней школы были хорошо обезпечены, вступающимъ на педагогическое поприще не слѣдовало бы первые годы набирать болѣе 12—15 уроковъ, и это, несомнѣнно, оказывало бы благопріятное вліяніе на выработку педагогическихъ пріемовъ, на школу, привлекало бы въ неё людей по призванію, и тогда послѣдніе оказывали бы больше вліянія на школьниковъ, чѣмъ лица съ спеціальною педагогическою подготовкою... Нужны для школы средней не узкіе спеціалисты, а люди сердечные и развитые, съ широкимъ кругозоромъ. *С. Прядкинъ.*

и близкихъ къ нему профессоровъ намъ приходилось видѣть, какъ цѣлыя группы студентовъ съ первыхъ же курсовъ серьезно заботились о расширеніи своего умственнаго кругозора, о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, чтобы во всеоружіи явиться на то поприще, на которое установился у нихъ возвышенный взглядъ; разумѣется, кружки самообразованія, даже съ болѣе широкой постановкой дѣла, есть и при всѣхъ университетахъ, но, во 1), въ университетскіе кружки часто привносятся посторонния цѣли, ничего общаго съ будущей педагогической дѣятельностью не имѣющія, а, въ 2), практически сближеніе живущихъ вмѣстѣ студентовъ и знающихъ лично каждаго студента профессоровъ гораздо осуществимѣе въ институтахъ, чѣмъ въ университетахъ [12]).

Такимъ образомъ взаимное поддержаніе благороднаго идеализма, совмѣстная работа надъ умственнымъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ при помощи близко стоящихъ къ студенчеству и пользующихся его довѣріемъ профессоровъ, наконецъ, сближеніе сходныхъ по взглядамъ и характерамъ будущихъ дѣятелей на одномъ и томъ же полѣ—вотъ тѣ свѣтлыя стороны, которыя приходилось намъ наблюдать въ жизни одного изъ институтовъ.

Что касается спеціальнаго знакомства съ истори-

---

[12]) Замѣтимъ, что такое сближеніе осуществимѣе въ высшей школѣ, находящейся не въ крупномъ центрѣ, т. к. въ послѣднемъ шумная жизнь отвлекаетъ учащуюся молодежь отъ сближенія между собой и съ профессорами на интеллектуальной почвѣ, а дороговизна жизни отвлекаетъ къ усиленному изысканію средствъ существованія и профессоровъ, и студентовъ.

ческимъ развитіемъ педагогическихъ идей, съ теоріей педагогики, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ педагогъ, если онъ не желаетъ итти ощупью и производить опасные педагогическіе эксперименты надъ живыми людьми, повторяя тѣ ошибки, которыя давно заклеймлены исторіей педагогики и тѣсно соприкасающейся съ педагогикой психо-физіологіей, то и съ этой точки зрѣнія опять слѣдуетъ замѣтить, что, какъ намъ извѣстно, изъ всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ высшихъ заведеній Россіи лишь въ Нѣжинскомъ институтѣ кн. Безбородка да на С.-ПБ. высшихъ женскихъ курсахъ [13]) существуютъ каѳедры исторіи и теоріи педагогики; много, конечно, несовершенствъ въ постановкѣ этихъ наукъ и въ указанныхъ заведеніяхъ, но вѣдь у насъ не существуетъ пока ни спеціальныхъ префессоровъ педагогики, ни научныхъ командировокъ для изученія педагогики и психо-физіологіи; институтецъ или курсистка, познакомившись путемъ самостоятельнаго чтенія, толчкомъ къ которому даютъ все-таки лекціи профессора, хотя и не спеціалиста, съ важнѣйшими педагогическими русскими и иностранными трудами, ясно сознаетъ, отъ сколькихъ бы ошибокъ избавило, сколько бы возбудило новыхъ мыслей и какую живую струю внесло бы въ педагогическое дѣло учрежденіе каѳедръ педагогики и при университетахъ; припомнимъ, какъ горячо ратовалъ за это нашъ великій Ушинскій, и будемъ надѣяться, что при обновленіи школы его завѣты будутъ приведены въ исполненіе.

Переходя, наконецъ, къ вопросу о практической подготовкѣ педагоговъ, опять не можемъ не признать, что лишь оба Истор.-Филологическихъ института да женскіе

---

[13]) Теперь слѣдуетъ прибавить и С.-Петербургскій женскій педагогическій институтъ (1903 г.).

педагогическіе курсы даютъ хоть что-либо въ этомъ отношеніи, тогда какъ университетскій кандидатъ филологіи входитъ въ классъ, не обладая никакой практической сноровкой, пріобрѣтаемой институтцами и курсистками во время посѣщенія уроковъ въ гимназіи, во время даванія пробныхъ уроковъ, совмѣстнаго обсужденія ихъ и т. д. [14]).

При исправленіи недостатковъ, при введеніи улучшеній въ дѣло подготовки будущихъ преподавателей обновленной школы, при томъ не только филологовъ, о которыхъ была до сихъ поръ рѣчь, но и математиковъ, естественниковъ, учителей новыхъ языковъ, несомнѣнно, появятся въ гораздо большемъ, чѣмъ теперь, количествѣ, педагоги, высоко и достойно несущіе свое святое знамя. Привлеченіе къ педагогической дѣятельности людей призванія, что возможно будетъ только при оздоровленіи духа школы, при довѣріи къ преподавателю и при большей свободѣ личной иниціативы каждаго педагога, предоставленіе людямъ призванія достаточно серьезной и всесторонней подготовки къ ихъ будущей педагогической дѣятельности, что достигнется необходимыми реформами въ институтахъ и добавленіями научно-педагогическаго характера къ университетскимъ программамъ (для желающихъ) — вотъ, на нашъ взглядъ, два пункта, являющихся краеугольными камнями реформированной русской школы. Врядъ ли слѣдуетъ затѣмъ

---

[14]) Необходимо добавить, что постановка практическихъ занятій и въ указанныхъ заведеніяхъ нуждается въ детальной переработкѣ, и что въ наставники-руководители надо приглашать свѣтилъ педагогическаго міра или же необходимо давать окончившимъ курсъ командировки для занятій подъ руководствомъ выдающихся русскихъ или заграничныхъ педагоговъ-практиковъ.

говорить, что, привлекши хорошія и достаточно подготовленныя силы къ педагогическому дѣлу, необходимо удержать ихъ, для чего, помимо хорошей нравственной атмосферы будущей школы, необходимо и то лучшее матеріальное обезпеченіе педагоговъ, о которомъ было въ свое время объявлено Высочайшимъ рескриптомъ; никто не сомнѣвается, что, будучи принужденъ изъ-за куска хлѣба набирать себѣ много уроковъ, репетицій и др. занятій, преподаватель при всѣхъ его идеальныхъ стремленіяхъ и отличной педагогической подготовкѣ или надорветъ силы и сойдетъ въ преждевременную могилу, или сдѣлаетъ вообще гораздо меньше для своего дѣла, чѣмъ могъ бы сдѣлать при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь, пользуясь случаемъ, одного печальнаго и ненормальнаго явленія, которое, какъ помнится, не отмѣчалось нигдѣ во всей обширной литературѣ, вызванной реформой средней школы: мы имѣемъ въ виду положеніе педагоговъ нашей женской школы [15]).

Врядъ ли слѣдуетъ говорить о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ образованіе женщинъ для здороваго роста семьи, общества и государства; врядъ ли слѣ-

---

[15]) Занимаясь во время прикомандированія къ Варшавскому университету въ одной изъ Варш. женскихъ гимназій, выдающейся, надо сказать, по отличному составу учащихся и сослуживцевъ, по готовности начальства поддержать преподавателей, мы однако пришли въ концѣ концовъ и по личному опыту къ выводу о печальномъ положеніи учителя жен. гимназіи по сравненію съ положеніемъ учителя мужской гимназіи; что же тогда говорить о положеніи преподавателей жен. гимназій, находящихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ указанныя.

дуетъ упоминать о той великой роли, которую сыграли образованныя, широко развитыя, эстетически воспитанныя и идеально настроенныя матери и жены въ жизни нашихъ великихъ поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей, и сколько, напротивъ, вреда и бѣдъ причиняли родинѣ невѣжество, фанатизмъ, неразвитость женщинъ. Роль женскаго средняго образованія по своему значенію для государства не только не ниже, но, пожалуй, и выше роли мужского средняго образованія, такъ какъ мужчина въ громадномъ большинствѣ случаевъ можетъ пополнить недочеты средней школы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, женщина же, за немногими исключеніями, вступаетъ въ жизнь съ тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ багажомъ, который вынесла изъ средней школы. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ, что, тогда какъ положеніе профессоровъ, руководителей высшаго какъ мужского, такъ и женскаго образованія, одинаково, положеніе преподавателей мужской и женской гимназіи совершенно различно. Прежде всего на дѣло учителя женской гимназіи существуетъ и во многихъ учебныхъ округахъ, и въ обществѣ взглядъ, какъ на дѣло второстепенное [16]); далѣе, переходъ изъ женской школы на такое же мѣсто въ мужскую считается повышеніемъ, обратно—пониженіемъ; количество штатныхъ уроковъ для учителей мужской и женской гимназій въ нѣкоторыхъ округахъ неодинаково [17]); вознагражденіе за совершенно одинаковый при честномъ отно-

---

[16]) Подробнѣе на этомъ вопросѣ мы останавливались въ своемъ докладѣ въ Обществѣ Исторіи, Филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ (см. Записки общ., от. III).

[17]) Такъ въ Варшавскомъ Учебн. Окр. штатное число уроковъ въ мужской гимназіи—15, въ женской—18.

шеніи къ дѣлу трудъ совершенно неодинаково [18]). Въ результатѣ всѣхъ упомянутыхъ условій являлось то, что преподаватели женскихъ гимназій или были люди, занимающіеся въ средней школѣ лишь между прочимъ, какъ напр.: магистранты, лаборанты, доценты университетовъ, или были люди, признанные негодными для мужской школы и какъ бы сосланные въ женскую, или, наконецъ, были люди, смотрѣвшіе на уроки въ женской школѣ, какъ на добавочную статью доходовъ, какъ напр., преподаватели мужскихъ гимназій, имѣвшіе по нѣскольку уроковъ и въ женской гимназіи.

Убѣжденныхъ же сторонниковъ женскаго образованія, готовыхъ во имя идеи мириться со всѣми указанными неблагопріятными условіями службы въ женской школѣ, было, разумѣется, еще меньше, чѣмъ въ до-реформенной мужской средней школѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ матеріальная сторона службы была сноснѣе, чѣмъ въ женской.

Улучшеніе матеріальнаго обезпеченія педагоговъ и уравненіе положенія учащихъ въ мужской и женской средней школѣ — вотъ тѣ новые пункты, которые, какъ можно судить на основаніи доступной обществу литературы по реформѣ школы, или предусмотрѣны, или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ духу Высочайшихъ рескриптовъ и министерскихъ циркуляровъ.

---

[18]) Напр., за исправленіе письменныхъ работъ въ жен. гимназіяхъ не полагается никакого вознагражденія, тогда какъ количество письмен. работъ по русск. яз. въ женскихъ гимназіяхъ не меньше, чѣмъ въ мужскихъ, а если принять во вниманіе готовность барышень при интересѣ къ дѣлу не щадить своихъ силъ и времени на писаніе сочиненій, то въ жен. гимназіи учитель прочитываетъ гораздо большее количество листовъ, чѣмъ въ мужской.

Увѣренный въ возможности осуществленія своихъ благихъ намѣреній и въ результатности своей работы, являющійся во всеоружіи знанія и нравственной выдержки на свое поприще и матеріально обезпеченный преподаватель обновленной школы, несомнѣнно, не замедлитъ поднять на должную высоту престижъ педагога въ глазахъ и общества, и учащихся; въ зависимости же отъ этого быстро должна подняться и та разсшатанная дисциплина, которая за послѣднее время положительно является злобой дня.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый, прошедшій среднюю и высшую школу и занимавшійся педагогической дѣятельностью, знаетъ, какое важное значеніе въ жизни школы имѣетъ пользующійся авторитетомъ педагогъ. У нашей молодежи нельзя отнять чуткости; истинное знаніе своего предмета и своего дѣла, истинное благородство и сила характера всегда найдутъ достойную оцѣнку не только среди лучшихъ элементовъ школы, но и среди посредственныхъ [19]). Ученики всегда различно отнесутся къ промаху или ошибкѣ при объясненіи учителя, пользующагося уваженіемъ за его широкія и глубокія знанія, и учителя, знакомство котораго съ своимъ предметомъ является сомнительнымъ. Массу примѣровъ можно привести и того, какъ пользующійся уваженіемъ за благородство своего характера и воззрѣній начальникъ учебнаго заведенія или преподаватель могъ сдерживать въ границахъ, успокаивать, доводить до раскаянія силою своего нравственнаго вліянія не только отдѣльныхъ учениковъ, но и цѣлые классы, курсы въ университетахъ и даже учебныя заведенія, находившіяся въ

---

[19]) О худшихъ, разумѣется, не говоримъ.

состояніи возбужденія и раздраженія [20]). Хорошо знающій своихъ питомцевъ и пользующійся довѣріемъ и уваженіемъ послѣднихъ педагогъ не побоится своихъ учениковъ: онъ пойдетъ къ нимъ даже въ моментъ, когда другой менѣе авторитетный педагогъ предпочтетъ удалиться отъ нихъ; онъ выберетъ вѣрный путь для вліянія на ихъ умъ и сердце и въ большинствѣ случаевъ достигнетъ своего. Намъ не разъ приходилось наблюдать, какое различное дѣйствіе производитъ на одного и того же ученика замѣчанія за одинъ и тотъ же поступокъ со стороны разныхъ преподавателей, и далеко нельзя сказать, чтобы болѣе высокое положеніе дѣлающаго замѣчаніе или боязнь болѣе строгаго наказанія играли въ данномъ случаѣ рѣшающую роль. Различно, какъ извѣстно, относятся учащіеся и къ запрещенію того или иного преподавателя читать неподходящія для нихъ книги, требованію говорить въ стѣнахъ школы на государственномъ языкѣ и т. д., и т. д. Вообще пользующійся уваженіемъ и вліяніемъ преподаватель или начальникъ можетъ сдѣлать даже одинъ очень много для поддержанія дисциплины; если же подобныя авторитетныя личности будутъ не единичнымъ явленіемъ, то оздоровленіе школы и въ дисциплинарномъ отношеніи пойдетъ впередъ, при чемъ худшіе, неисправимые элементы должны быть въ интересахъ товарищей и общаго блага безъ особой сентиментальности удаляемы или еще лучше, какъ думаетъ одинъ изъ корреспондентовъ «Русскихъ Вѣдомостей» [21]), переводимы въ особо устроенныя

---

[20]) Бываютъ, разумѣется, въ данномъ случаѣ и исключенія, когда стадное чувство заставляетъ забыть уваженіе къ извѣстному лицу, но это, именно,—исключеніе.

[21]) «Русск. Вѣд.» 1903, № 194.

и организованныя по примѣру Запада «школы для нравственно-испорченныхъ, требующихъ особенно внимательнаго и умѣлаго нравственнаго на нихъ воздѣйствія дѣтей». При условіи же поднятія дисциплины въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ путемъ главнымъ образомъ нравственнаго воздѣйствія педагоговъ и отчасти удаленія худшихъ элементовъ возможно будетъ, несомнѣнно, устраненіе и того наблюдаемаго теперь попустительства, которое имѣетъ мѣсто при встрѣчѣ педагога съ явнымъ нарушеніемъ дисциплины со стороны ученика чужого учебнаго заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, приходится признать, что часто совсѣмъ не испорченныя дѣти и юноши склонны въ силу легкомыслія нарушать за предѣлами надзора своихъ ближайшихъ руководителей тѣ требованія дисциплины, которыя въ своемъ городѣ или даже въ своемъ округѣ они выполняютъ.

Каково же теперь положеніе преподователя другого округа или другого учебнаго заведенія, когда онъ натыкается на подобное нарушеніе дисциплины? Индивидуальныхъ особенностей даннаго ученика онъ не узнаетъ и всегда можетъ разсчитывать на грубую выходку юноши, котораго, при теперешнемъ отсутствіи престижа педагога въ глазахъ общества, послѣднее въ большинствѣ случаевъ не осудитъ, а еще поддержитъ при столкновеніи съ «не въ мѣру усерднымъ» педагогомъ; надѣяться на свой авторитетъ въ глазахъ ученика незнакомый послѣднему педагогъ тоже, разумѣется, не можетъ; въ крайнемъ случаѣ педагогу придется прибѣгать къ содѣйствію полиціи, которая, надо сказать, тоже не всегда можетъ быть налицо на мѣстѣ столкновенія; наконецъ, можетъ быть и еще два затрудненія: 1) если дѣло зашло такъ далеко, что понадобилось вмѣшательство полиціи, то судьба юноши, несомнѣнно, долж-

на быть печальной, а педагогъ можетъ сознавать, что данный хотя бы и дерзкій, и недостойный поступокъ юноши можетъ быть исключительно плодомъ легкомыслія, болѣзненнаго самолюбія, можетъ быть просто порожденіемъ существующаго печальнаго антагонизма семьи и школы, когда семья позволяетъ то, что преслѣдуетъ школа, страдать же и, быть-можетъ, жестоко за грѣхъ общества будетъ отдѣльное лицо, при томъ еще не совершеннолѣтнее, 2) сплошь и рядомъ бываетъ, что нарушающій дисциплину юноша окажется въ концѣ концовъ не снявшимъ формы изгнанникомъ какого-либо учебнаго заведенія, и тогда возмездіе за этотъ проступокъ со стороны полиціи далеко можетъ не соотвѣтствовать тому оскорбленію и тѣмъ насмѣшкамъ, которыя выпадутъ на долю педагога, исполнявшаго свой долгъ [22]).

Такимъ образомъ, уничтоженіе попустительствъ и поднятіе на должную высоту дисциплины явятся, на нашъ взглядъ, сами собой при общемъ обновленіи духа школы и при установленіи болѣе нормальныхъ отношеній между семьей и школой.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и вопросъ о дисциплинѣ долженъ бы быть пересмотрѣнъ школой въ соглашеніи съ родителями и нѣкоторыя либо отжившія свое время запрещенія, либо слишкомъ маловажныя должны бы были быть устранены, какъ напр., сдѣлано это теперь съ имѣвшимъ мѣсто въ недавнее еще время запрещеніемъ носить учебныя пособія иначе, чѣмъ въ ранцахъ на плечахъ и т. п.

---

[22]) Мы лично, впрочемъ, высказались бы за то, чтобы съ педагоговъ была снята обязанность внѣкласснаго надзора, а чтобы обязанность эта лежала на спеціально назначенныхъ для этого лицахъ, такъ напр., самихъ буфетчиковъ, торговцевъ винныхъ лавокъ, полицейскихъ и т. д.

Заканчивая нашу слишкомъ разростуюся статью, отмѣтимъ слѣдующее. При извѣстной исторически сложившейся чертѣ русскаго человѣка, нашедшей широкое отраженіе и въ русской литературѣ, именно при слабости личной инициативы, при наклонности къ покою, неподвижности пройдетъ еще много, много времени, пока совершенно обновится и освѣжится духъ русской средней школы; русская исторія, какъ извѣстно, даетъ много подтвержденій того положенія, что наше общество давно стало отвыкать жить своимъ умомъ, своею мыслью, самостоятельно вырабатывать взгляды и принципы, въ тѣ моменты нашей исторической жизни, когда правительство было либерально, либерально было и общество; въ періоды реакцій всѣ вдругъ дѣлались обскурантами [23]).

Новая школа путемъ широкаго нравственнаго вліянія, путемъ пробужденія разума, развитія самодѣятельности, укрѣпленія и добраго направленія воли будетъ, несомнѣнно, мало-помалу освобождать русское общество отъ нашего историческаго недуга. Воспитатель будетъ видѣть въ ребенкѣ, какъ желалъ нѣкогда Даль, живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и свободной волей. Задача воспитателя состоитъ не въ томъ, чтобы принести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрыто мужать подъ обманчивой наружностью и вспыхнуть со временемъ на свободѣ и просторѣ, нѣтъ! задача эта вотъ какая: примѣромъ, на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими прямо отъ души, заставить ребенка понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина,—заставить страстно полюбить (какъ любитъ самъ воспитатель)

---

[23]) См. Водовозова: «Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста», СПБ. 1891, стр. 21.

Бога и человѣка, а, стало быть, и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ.

При воспитаніи дѣтей въ обновленной школѣ педагогъ, несомнѣнно, будетъ внимательно относиться къ индивидуальнымъ особенностямъ вопитанника, не подавлять ихъ, а вызывать къ развитію, давать больше простора для дѣтской самостоятельности и мышленія, помня, что «внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность; топоромъ можно оболванить, какъ угодно, полѣно, можно даже выстрогать его, подкрасить, покрыть лакомъ, но древесина отъ этого не измѣнится: полѣно въ сущности останется полѣномъ» (Даль).

Много, разумѣется, потребуется отъ нашихъ «сѣятелей добраго, разумнаго, вѣчнаго» упорнаго труда надъ собой, надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ; будетъ отъ нихъ требоваться и много строгости къ себѣ при благожелательномъ отношеніи къ другимъ, много христіанскаго терпѣнія, кротости, а порой, б.-м., и самоотверженія, но сознаніе той великой миссіи, какую принимаютъ они на себя передъ родиной, вѣра въ то, что брошенныя ими сѣмена дадутъ пышные всходы, что въ тяжелыя минуты они встрѣтятъ, гдѣ слѣдуетъ, поддержку, наконецъ, вѣра въ великое будущее своей отчизны, въ сокровищницу которой они внесутъ свою немаловажную лепту,—все это воодушевитъ ихъ въ предстоящей работѣ, заставитъ смѣло двинуться впередъ и помнить бодрящее 3-стишіе русскаго поэта:

«Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? Лишь было бъ терпѣнье
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье».

Варшава. П. Заболотскій.

Организація учебныхъ занятій на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ для учащихъ въ начальныхъ школахъ и условія успѣшности этихъ занятій

(Рѣчь, произнесенная при открытіи краткосрочныхъ курсовъ въ г. Самарѣ).

Г-да учителя и г-жи учительницы!

Мнѣ приходится трудиться на здѣшнихъ (самарскихъ) курсахъ уже второй разъ. Не знаю, принесъ ли я въ первый разъ хотя крупицу пользы г-дамъ учителямъ и г-жамъ учительницамъ; но самъ я вынесъ тогда изъ занятій на курсахъ самое отрадное, самое пріятное впечатлѣніе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я съ особенной радостью встрѣтилъ сдѣланное мнѣ предложеніе потрудиться съ вами на настоящихъ нашихъ педагогическихъ курсахъ.

Несомнѣнно, всѣ мы проникнуты искреннимъ и теплымъ желаніемъ, чтобы трудъ нашъ на курсахъ былъ возможно успѣшнымъ и производительнымъ. Для успѣшности же всякаго труда необходимо, во 1-хъ, ясно сознавать цѣль своего труда, во 2-хъ, подобрать подходящія средства къ достиженію цѣли и умѣло пользоваться ими, примѣнять ихъ и, въ 3-хъ, создать условія, способствующія успѣшности труда.

Ближайшая цѣль предстоящаго намъ труда на курсахъ—подняться въ своемъ духовномъ вообще и педагогическомъ въ частности самоусовершенствованіи. необ-

ходимомъ для успѣшнаго веденія обученія и воспитанія поручаемыхъ намъ дѣтей. Учитель—душа школы: каковъ учитель, таковы и ученики. Учитель—свѣточъ для учениковъ, а сельскій учитель и для того общества, среди котораго онъ живетъ. Чѣмъ выше учитель стоитъ въ своемъ духовномъ развитіи, тѣмъ благотворнѣе его вліяніе на учащихся, и, чѣмъ основательнѣе его педагогическое образованіе, тѣмъ успѣшнѣе онъ ведетъ обученіе и воспитаніе дѣтей.

Чтобы успѣшно вести учебно-воспитательное дѣло въ школѣ, нужно знать, какъ вести его, и умѣть вести его. Отсюда является необходимость и въ теоретическихъ, и въ практическихъ учебныхъ занятіяхъ на курсахъ. Первыя направлены къ пріобрѣтенію, расширенію и уясненію необходимыхъ педагогическихъ знаній, а вторыя—къ выработкѣ необходимыхъ умѣній.

Само собою разумѣется, что между теоретическими и практическими занятіями должна быть внутренняя связь, ибо какъ тѣ, такъ и другія направлены къ достиженію одной и той же цѣли—нашему педагогическому усовершенствованію.

Къ теоретическимъ занятіямъ относятся дидактическія и методическія бесѣды и сообщенія, которыя будутъ ведены на нашихъ курсахъ. Путемъ этихъ бесѣдъ и сообщеній передъ вами раскроются основныя дидактическія положенія и способы веденія обученія грамотѣ, сознательному чтенію, письменному изложенію мыслей, начальной граматикѣ и счету. Кромѣ того, указаны будутъ средства, которыми располагаетъ школа для воспитательнаго вліянія на учениковъ и основныя требованія, касающіяся организаціи школы.

Для расширенія и углубленія въ вашемъ сознаніи методическихъ и дидактическихъ свѣдѣній, нѣкоторыми

изъ васъ будутъ подготовляемы и излагаемы во время вечернихъ занятій соотвѣтственныя статьи. Послѣ каждаго такого изложенія будутъ предлагаемы и рѣшаемы вопросы, возникшіе въ вашемъ сознаніи по поводу прослушаннаго.

Для той же цѣли нѣкоторые, а, можетъ-быть, и многіе изъ васъ составятъ письменныя изложенія на методическія или дидактическія темы, и такія изложенія будутъ прочитываемы на курсахъ, что тоже будетъ способствовать расширенію и углубленію вашихъ педагогическихъ познаній.

Проработка каждаго отдѣла изъ методики будетъ закончена изложеніемъ вами, г-да учителя и г-жи учительницы, программы урока, примѣнительно къ выработаннымъ методическимъ положеніямъ. Такъ, послѣ проработки методики обученія грамотѣ, каждый изъ васъ изложитъ программу урока по ознакомленію дѣтей со звукомъ и буквой: послѣ проработки методики объяснительнаго чтенія, каждый изъ васъ изложитъ программу урока по объяснительному чтенію и т. п. Нѣкоторыя изъ составленныхъ вами программъ будутъ прочитаны на курсахъ, что́ тоже будетъ способствовать расширенію и углубленію вашего педагогическаго образованія.

Послѣ проработки того или другого отдѣла изъ методики, мною указаны будутъ пособія для болѣе основательнаго изученія этого отдѣла, что окажетъ значительную пользу въ вашемъ дальнѣйшемъ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Кто желаетъ безостановочно итти впередъ, тотъ время отъ времени оглядывается на пройденный уже путь и даетъ себѣ отчетъ въ немъ. И мы, хотя разъ въ недѣлю, будемъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что выработано и усвоено нами въ теченіе недѣли. Отчетъ этотъ

будетъ состоять въ томъ, что вы, г-да учителя и г-жи учительницы, руководясь заранѣе составленнымъ планомъ или программой, устно воспроизведете въ системѣ все проработанное въ теченіе недѣли. Такое воспроизведеніе, будучи повтореніемъ усвоенныхъ свѣдѣній (а повтореніе есть мать ученія), укажетъ намъ, что̀ мы сдѣлали въ минувшую недѣлю.

Ознакомленіе съ требованіями, которымъ должны удовлетворять руководства, предназначенныя для обученія дѣтей, а равно и знакомство съ наиболѣе употребительными изъ такихъ руководствъ несомнѣнно входитъ въ составъ педагогическаго образованія учителей и учительницъ. Для такого ознакомленія вы, г-да курсисты и г-жи курсистки, распредѣлите между собою наиболѣе употребительныя въ начальныхъ школахъ учебныя руководства—для внимательнаго разсмотрѣнія ихъ и составленія о нихъ отзыва. Если данъ будетъ отзывъ, напр., о десяти учебникахъ, то всѣ вы и познакомитесь съ этими десятью учебниками, что́ составитъ значительный вкладъ въ ваше педагогическое образованіе.

Само собою разумѣется, что предварительно мною будетъ въ вашемъ присутствіи разсмотрѣно одно изъ такихъ руководствъ, чѣмъ и показано будетъ, какъ приступить къ выполненію предложенной работы. Кромѣ того, мною предложена будетъ вамъ программа для разсмотрѣнія руководствъ, которая въ значительной мѣрѣ и облегчитъ вамъ трудъ по разсмотрѣнію ихъ.

По выслушаніи всѣхъ отзывовъ о руководствахъ, мною будетъ сдѣлано обобщеніе, при чемъ изложены будутъ требованія, которымъ должно удовлетворять каждое руководство, предназначенное для начальнаго обученія.

Практическія ваши занятія будутъ состоять въ при-

сутствованіи на наблюдательныхъ урокахъ, даваемыхъ въ начальной школѣ. Слѣдя за ходомъ наблюдательнаго урока и замѣчая, какое вліяніе оказываетъ тотъ или другой пріемъ учителя на умственную дѣятельность учениковъ, вы, конечно, будете записывать въ свои тетради все, что найдете полезнымъ записать для памяти. Записи эти окажутъ вамъ извѣстную услугу впослѣдствіи. Наблюдательные уроки предназначены служить иллюстраціей тѣхъ методическихъ и дидактическихъ положеній, которыя будутъ вырабатываемы на нашихъ теоретическихъ занятіяхъ. Послѣ каждаго наблюдательнаго урока, лицо, давшее его, сдѣлаетъ надлежащія поясненія къ своему уроку, что, при вашихъ собственныхъ наблюденіяхъ, въ значительной мѣрѣ усилитъ пользу отъ наблюдательнаго урока.

Кромѣ присутствованія на наблюдательныхъ урокахъ, вы сами будете давать, по установленной очереди, практическіе уроки. Матеріалъ для каждаго такого урока будетъ назначать учитель школы. Готовясь къ уроку, вы будете составлять программу его, при чемъ, конечно, не преминете воспользоваться совѣтами и указаніями моими или учителя школы. Дающій урокъ вступитъ во всѣ права настоящаго учителя. Присутствуя на практическомъ урокѣ, вы будете слѣдить за ходомъ его и замѣчать, какіе изъ пріемовъ на урокѣ были удачны и какіе невполнѣ удачны, какимъ слѣдуетъ подражать и отъ какихъ удерживаться.

По поводу вашихъ практическихъ уроковъ будутъ ведены соотвѣтственныя педагогическія бесѣды. Задачей этихъ бесѣдъ служитъ выясненіе дидактическаго значенія тѣхъ или другихъ пріемовъ, примѣненныхъ на урокѣ, а отнюдь не оцѣнка педагогическихъ достоинствъ лица, давшаго урокъ. Такая оцѣнка не можетъ и не

должна входить въ задачи педагогическихъ курсовъ, имѣющихъ своею прямою и единственною цѣлью содѣйствовать педагогическому усовершенствованію всѣхъ курсистовъ и курсистокъ, для чего и служитъ однимъ изъ средствъ даваніе практическихъ уроковъ и бесѣда по поводу ихъ. Каждый практическій урокъ будетъ разсматриваемъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ личности учителя, давшаго его. Желательно, чтобы самъ учитель, давшій урокъ, относился къ сужденіямъ, высказываемымъ по поводу его урока, такъ же объективно, какъ относятся къ нимъ и другіе члены курсовъ; желательно, чтобы, относясь объективно къ своему уроку, учитель первый высказалъ его положительныя и отрицательныя стороны, а также тѣ мысли, которыя возникли въ немъ по поводу даннаго имъ урока.

Бесѣды по поводу практическихъ уроковъ будутъ ведены въ особые часы, во время вечернихъ занятій. Въ эти же часы будутъ ведены бесѣды и по поводу другихъ вашихъ практическихъ работъ. Относительно этихъ послѣднихъ бесѣдъ нахожу нужнымъ заявить, что и онѣ будутъ имѣть своею цѣлью единственно ваше педагогическое усовершенствованіе, а не что-нибудь иное, чуждое прямой задачѣ курсовъ.

Подчеркивая указанную цѣль бесѣдъ по поводу вашихъ уроковъ и другихъ практическихъ работъ, я этимъ желалъ бы установить вѣрный взглядъ на задачи нашихъ курсовъ и устранить нежелательное отношеніе къ работамъ, выполняемымъ г-дами курсистами и г-жами курсистками.

Чтобы оставался слѣдъ нашихъ занятій на курсахъ, вы, г-да учителя и г-жи учительницы, будете составлять, по установленной очереди, журналы утреннихъ и вечернихъ занятій на курсахъ. Въ эти журналы вы

будете вносить, какія занятія велись въ тотъ или другой часъ, какъ велись эти занятія, и какія методическія положенія выработаны во время занятій. Каждый журналъ представитъ собою небольшое педагогическое сочиненіе, матеріаломъ для котораго послужатъ работы, веденныя на курсахъ. Журналы будутъ прочитываемы во время вечернихъ занятій, что̀ будетъ служить, съ одной стороны, напоминаніемъ для насъ всего того, что выработано во время занятій, а, съ другой—отчетомъ въ минувшемъ рабочемъ днѣ. Послѣ прочтенія, журналы будутъ сдаваемы въ портфель курсовъ.

Вотъ перечень занятій, направленныхъ къ достиженію той цѣли, ради которой мы собрались сюда. Но занятія эти могутъ привести къ достиженію нашей общей цѣли лишь при наличности благопріятныхъ для того условій.

Для успѣшнаго веденія всякаго дѣла необходимо раздѣленіе труда, и, чѣмъ послѣднее точнѣе проведено, тѣмъ болѣе бываетъ обезпеченъ успѣхъ дѣла. И для веденія нашихъ курсовъ, какъ вамъ извѣстно, понадобилось привлеченіе нѣскольких лицъ, при чемъ на каждаго изъ нихъ возложена особая обязанность. На васъ же, г-да учителя и г-жи учительницы, лежитъ самая важная, самая существенная обязанность—принимать дѣятельное участіе во всѣхъ занятіяхъ, какія будутъ ведены на курсахъ. Вашъ трудъ явится тою силой, которая одухотворитъ наши курсы и двинетъ ихъ впередъ. На насъ, руководителяхъ, будетъ лежать обязанность лишь давать должное направленіе курсамъ, а движущей силой явитесь всетаки Вы.

При раздѣленіи труда успѣшность дѣла зависитъ отъ безостановочнаго и возможно правильнаго выполненія каждымъ работникомъ выпавшаго на его долю тру-

да. Остановка въ трудѣ или неправильное выполненіе его однимъ работникомъ вредно отзывается на результатахъ труда другихъ работниковъ. Такая зависимость успѣшности общаго дѣла отъ качества труда каждаго работника налагаетъ на каждаго изъ насъ нравственную обязанность возможно совершеннѣе выполнять свою долю труда и тѣмъ содѣйствовать труду другихъ лицъ и успѣшному ходу всего нашего дѣла.

При участіи въ общемъ дѣлѣ многихъ лицъ слишкомъ важно для успѣшнаго хода дѣла единодушіе работниковъ. Безъ единодушія дѣло не спорится. Сплотимся же въ одну дружную, согласную педагогическую семью для предстоящаго намъ дорогого для насъ дѣла и поддержимъ такое единодушіе до конца нашихъ занятій. Будемъ помогать другъ другу въ общемъ намъ дѣлѣ. Каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго. Постараемся, чтобы ни въ комъ изъ насъ не возникло такое чувство, которое можетъ повести къ разъединенію. Между членами доброй семьи (а таковой и должны быть наши курсы) нѣтъ ни соперничества, ни заносчивости, ни недоброжелательства. Не допустимъ же и тѣни этихъ нехорошихъ проявленій на нашихъ курсахъ. Не забудемъ, что наши курсы служатъ не ареной для борьбы или соперничества, не мѣстомъ для оцѣнки педагогической способности учителей и учительницъ, а единственно лишь мѣстомъ дружнаго, единодушнаго труда, съ цѣлью педагогическаго самоусовершенствованія всѣхъ.

Намъ тѣмъ болѣе необходимо сплотиться въ дружную педагогическую семью, что весь трудъ нашъ, направленный къ нашему самоусовершенствованію, будетъ носить характеръ взаимнаго обученія. Кто болѣе учился или болѣе опытенъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, тотъ подѣлится своими познаніями и результатами своего

опыта съ тѣми, кто менѣе учился или не обладаетъ значительнымъ педагогическимъ опытомъ. Намъ всѣмъ необходимо, сознавая, что мы собрались для общаго намъ дѣла, глубоко проникнуться мыслью, что каждый изъ насъ долженъ работать на курсахъ не только для себя, не только для собственнаго педагогическаго усовершенствованія, но также и для усовершенствованія другихъ членовъ курсовъ. При такомъ воззрѣніи каждый изъ насъ станетъ помогать другимъ въ исполненіи работъ, и каждая удачная работа, содѣйствуя педагогическому усовершенствованію всѣхъ членовъ курсовъ, будетъ радовать и дѣлать счастливыми всѣхъ же.

Но для духовнаго объединенія намъ необходимо съ довѣріемъ отнестись другъ къ другу. Вѣрьте, г-да учителя и г-жи учительницы, что мы, руководители и преподаватели, проникнуты искреннимъ желаніемъ послужить вамъ и принести вамъ посильную пользу. Просимъ и васъ съ довѣріемъ отнестись къ этому нашему желанію, откликнуться на наше стремленіе примкнуть къ вашей педагогической семьѣ.

Порядокъ составляетъ существенное условіе всякаго дѣла, особенно такого, какъ учебное. Это вамъ очень хорошо извѣстно изъ вашей учительской дѣятельности. Безъ надлежащаго порядка, безъ должной тишины не могутъ итти успѣшно учебныя занятія, особенно такія серьезныя, какія предстоятъ намъ. Повидимому, незначительный шумъ или тихій разговоръ уже отвлекаетъ вниманіе отъ предмета учебныхъ занятій. А разъ отвлечено вниманіе—теряется связь мыслей въ излагаемомъ, и самое изложеніе кажется уже недостаточно послѣдовательнымъ, логичнымъ, а потому и понятнымъ. Точно также несвоевременный выходъ кого-нибудь изъ помѣщенія курсовъ или входъ въ него, хотя бы совершенъ

былъ и тихо, можетъ также отвлечь вниманіе слушателей отъ предмета бесѣды или сообщенія, послѣ чего слѣдить за излагаемымъ уже не такъ легко. Все это, повторяю, намъ всѣмъ очень хорошо извѣстно, а потому съ полной увѣренностью всѣ мы и можемъ утверждать, что на нашихъ курсахъ самъ собою установится и будетъ поддерживаемъ такой порядокъ, какой необходимъ для спокойнаго серьезнаго труда. И это утверждать мы можемъ тѣмъ болѣе, что въ силу своей учительской профессіи мы привыкли къ самообладанію и самоограниченію, во имя высшихъ интересовъ, во имя общей пользы.

Даже такія незначительныя, повидимому, обстоятельства, какъ, напр., недостаточное вентилированіе класснаго помѣщенія, несвоевременное начало и окончаніе учебныхъ занятій, отсутствіе подъ руками необходимыхъ учебныхъ принадлежностей,—могутъ помѣшать стройному и плавному ходу занятій. И эти обстоятельства, несомнѣнно, будутъ устраняемы вами самими. Вы, г да учителя и г-жи учительницы, не откажетесь принять на себя нести поочереди обязанность дежурныхъ и, выполняя эту обязанность, устранять все, что можетъ мѣшать безостановочному ходу курсовыхъ занятій.

Вамъ извѣстно также, что строй и домашней нашей жизни неминуемо вліяетъ на наше настроеніе, на наше отношеніе къ дѣлу. Внѣ помѣщенія курсовъ намъ придется проводить большую часть нашихъ сутокъ и исполнять значительную часть работъ. Значитъ, каждому изъ насъ слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи и въ домашней своей жизни всего того, что можетъ отвлекать мысли отъ серьезнаго умственнаго труда, связаннаго съ курсовыми занятіями.

Наконецъ, успѣшность нашихъ занятій будетъ за-

висѣть отъ охоты, съ которой мы отнесемся къ труду. Вы знаете, что одно и то же дѣло можетъ явиться намъ то пріятнымъ и посильнымъ, если мы охотно его выполняемъ, то непріятнымъ, тяжелымъ бременемъ, если мы выполняемъ его безъ охоты, лишь по принужденію. Отнесемся же съ полной охотой къ предстоящему намъ труду. А есть для чего съ охотой потрудиться. Духовное самоусовершенствованіе есть высшее благо: оно окрыляетъ насъ для болѣе высокой духовной жизни и приближаетъ насъ къ Вѣчному Источнику духовнаго свѣта. Оно даетъ намъ возможность сохранить «душу живу», высшій идеализмъ среди многихъ непригдядныхъ явленій житейской прозы. Оно же, открывая намъ высшія цѣли жизни, миритъ насъ съ жизненными невзгодами и даже матеріальными лишеніями. Педагогическое самоусовершенствованіе неминуемо возбудитъ въ насъ особый интересъ къ педагогической дѣятельности, и въ этой дѣятельности мы будемъ находить высокое духовное наслажденіе. Поднявшись выше въ педагогическомъ отношеніи, мы успѣшнѣе поведемъ воспитаніе и обученіе поручаемыхъ намъ дѣтей, чѣмъ и выполнимъ свой нравственный долгъ на землѣ. Научить дѣтей, будущихъ гражданъ, честной, разумной христіанской жизни, открыть имъ путь къ самоусовершенствованію—великая заслуга передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ...

Г-да учителя и г-жи учительницы! Наука безконечна, время же быстротечно. Немного удѣлено времени для нашихъ занятій. Постараемся же, чтобы ни одинъ день, даже ни одинъ часъ не прошелъ мало-производительно для нашего усовершенствованія.

К. В. Ельницкій.

Цѣли объяснительнаго чтенія словесныхъ произведеній и общія требованія относительно веденія его.

Не всѣ читатели выносятъ изъ прочитаннаго ими одинаково ясныя и полныя понятія и идеи. Это зависитъ отъ различія душевнаго развитія и степени вдумчивости ихъ при чтеніи. Еще Жуковскій сказалъ, что «одни изъ читателей, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ, что̀ происходитъ отъ непривычки ихъ мыслить при чтеніи, отъ непривычки слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора; другіе же читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ—и въ головѣ ихъ остается порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали». Въ жизни дѣйствительной мы замѣчаемъ, что одни люди путемъ чтенія обогащаютъ себя познаніями и въ значительной мѣрѣ поднимаются въ своемъ духовномъ развитіи, другіе же, хотя читаютъ и очень много, но не становятся умнѣе, развитѣе, а лишь развиваютъ въ себѣ мечтательность и чувствительность. И это происходитъ отъ того, что первые вникаютъ въ читаемое, внимательно слѣдятъ за ходомъ мыслей и чувствъ автора и вообще читаютъ вдумчиво; вторые же бѣгло скользятъ надъ содержаніемъ читаемаго, и чтеніе не оставляетъ въ нихъ замѣтнаго слѣда.

Очевидно, что школа обязана пріучить своихъ учениковъ читать вдумчиво, сознательно и тѣмъ раскрыть имъ въ чтеніи книгъ средство къ духовному самоусовершенствованію.

Конечно, такая цѣль преслѣдуется не только на урокахъ русскаго языка, но также, въ возможной мѣрѣ, и на урокахъ по другимъ учебнымъ предметамъ, на которыхъ приходится имѣть дѣло съ книгой.

Но пріученіе учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію литературныхъ произведеній составляетъ существенную, спеціальную задачу русскаго учителя, который, пріучая учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію, какъ увидимъ, достигаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ важныхъ образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей.

Здѣсь я буду говорить о веденіи чтенія на урокахъ русскаго языка, именно чтенія литературныхъ произведеній. Пріемы и средства, къ которымъ прибѣгаетъ учитель русскаго языка для пріученія учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію литературныхъ произведеній составляютъ такъ называемое объяснительное чтеніе.

Правильно веденное объяснительное чтеніе, пріучая учениковъ къ сознательному чтенію, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію ихъ духовныхъ силъ. При веденіи объяснительнаго чтенія ученикамъ приходится сосредоточивать свое вниманіе на читаемомъ, что пріучаетъ ихъ къ внимательности. Имъ приходится составлять выводы изъ читаемыхъ статей и стихотвореній, сравнивать эти статьи или стихотворенія, выдѣлять планъ ихъ, что̀ и способствуетъ развитію ихъ мышленія. Обогащая воображеніе учениковъ живыми образами, связанными единствомъ идеи, объяснительное чтеніе воспитательно дѣйствуетъ на ихъ воображеніе. Поэтическія произведенія, будучи выраженіемъ не только высокихъ мыслей, но и благородныхъ чувствъ поэта, оказываютъ облагораживающее вліяніе на чувствованія учениковъ. Худо-

жественное изображеніе дѣйствительности не можетъ не облагораживать взгляда учениковъ на эту дѣйствительность, а художественные образы и возвышенныя идеи, выраженныя въ изящной формѣ, не могутъ не влiять на развитіе эстетическаго чувства и вкуса ихъ. Вслѣдствіе зависимости дѣятельности воли человѣка отъ его чувствованій и мыслей, словесныя произведенія, влiяя на чувствованія и мышленіе учениковъ, неминуемо оказываютъ влiяніе и на волю, и на желанія ихъ. Кромѣ того, объяснительное чтеніе ведетъ къ обогащенію учениковъ цѣнными для ихъ духовнаго образованія мыслями, понятіями, образами. Каждое стихотвореніе или каждая статья представляетъ собою выраженіе извѣстной мысли, извѣстнаго образа. Путемъ объяснительнаго чтенія ученики усваиваютъ эту мысль или этотъ образъ. И совокупность такихъ мыслей и образовъ, заложенныхъ въ душѣ учениковъ, неминуемо оказываетъ благотворное влiяніе на ихъ душевное образованіе. Міровоззрѣніе ихъ становится глубже и шире. Духъ ихъ, обогащенный прекрасными мыслями и прекрасными образами, такъ сказать, окрыляется для болѣе широкой душевной дѣятельности. Кромѣ того, мысли и образы, воспринятые учениками изъ словесныхъ произведеній, впослѣдствіи окажутъ влiяніе на ихъ практическую жизнь и дѣятельность. Извѣстно, какое значеніе въ практической жизни и дѣятельности человѣка имѣютъ, напр., пословицы или выводы изъ крыловскихъ басенъ, усвоенные имъ и сдѣлавшіеся руководящими началами въ его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, объяснительное чтеніе словесныхъ произведеній оказываетъ развивающее и воспитывающее влiяніе на всѣ стороны душевной дѣятельности учениковъ: оно обогащаетъ ихъ высшими идеями и дѣлаетъ

ихъ болѣе чуткими ко всему прекрасному и доброму. Кромѣ указанныхъ общихъ цѣлей, объяснительное чтеніе ведетъ къ достиженію и спеціальныхъ цѣлей обученія отечественному языку. Такъ, оно способствуетъ развитію языка, рѣчи учениковъ. Языкъ, рѣчь развивается путемъ подражанія. Образцомъ для подражанія служитъ не только устная рѣчь окружающихъ, но также и языкъ читаемыхъ литературныхъ произведеній.

Слово представляетъ двѣ стороны: внутреннюю, т. е. понятіе или представленіе, выражаемое имъ, и внѣшнюю, звуковую, т.-е. сочетаніе звуковъ, выражающихъ данное понятіе или представленіе.

Обѣ эти стороны органически слиты въ словѣ, такъ что ихъ можно различать, а не раздѣлять. Сообразно съ этимъ и цѣлое словесное произведеніе представляетъ собою двѣ стороны: внутреннюю, т.-е. мысли, образы, чувства, выражаемыя въ произведеніи, и внѣшнюю, т. е. словесную форму, посредствомъ которой выражаются мысли, образы и чувства автора. И обѣ эти стороны слиты въ словесномъ произведеніи. Уразумѣвая при объяснительномъ чтеніи мысли, образы, и чувства, раскрываемые въ словесномъ произведеніи, ученики вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомляются и съ формой его, при чемъ и собственная рѣчь ихъ по подражанію обогащается словами и словесными формами. Вслѣдствіе связи письменной рѣчи съ устной, объяснительное чтеніе, обогащая и развивая устную рѣчь учениковъ, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію и письменной рѣчи ихъ. При объяснительномъ чтеніи ученики на образцахъ пріучаются къ подбору подходящихъ словъ и выраженій для передачи ихъ мыслей, пріучаются группировать признаки изображаемыхъ предметовъ и планировать свои мысли. Вотъ почему полезно иногда связывать письмен-

ныя упражненія учениковъ съ читаемыми и изучаемыми ими словесными произведеніями. Такое связываніе тѣмъ болѣе умѣстно, что содержаніе изучаемыхъ статей и стихотвореній представляетъ хорошій матеріалъ для письменныхъ работъ учениковъ.

Насколько сознательное чтеніе и изученіе словесныхъ произведеній вліяетъ на устную и письменную рѣчь, видно изъ того, что устная и письменная рѣчь лицъ, усвоившихъ значительное количество литературныхъ произведеній, всегда при одинаковыхъ другихъ условіяхъ богаче, правильнѣе и даже изящнѣе, чѣмъ рѣчь лицъ, не изучавшихъ такихъ произведеній. Это каждый учитель русскаго языка могъ наблюдать въ рѣчи своихъ учениковъ.

Усвоеніе грамматики отечественнаго языка возможно только путемъ наблюденія надъ литературною рѣчью. Объяснительное чтеніе имѣетъ своею задачею обратить вниманіе учениковъ на словесное произведеніе. Такимъ образомъ между объяснительнымъ чтеніемъ и изученіемъ грамматики существуетъ извѣстная связь и даже зависимость. Объяснительное чтеніе служитъ для успѣшнаго изученія грамматики литературнаго языка.

Изученіе словесныхъ произведеній служитъ также существеннымъ условіемъ къ разумному усвоенію свѣдѣній изъ теоріи словесности, такъ какъ для такого усвоенія этихъ свѣдѣній необходимо вывести ихъ путемъ наблюденія надъ литературными произведеніями.

Изъ всего сказаннаго видно, какое важное воспитательное и образовательное значеніе имѣетъ объяснительное чтеніе словесныхъ произведеній. Важное значеніе такого чтенія становится еще болѣе яснымъ, если примемъ во вниманіе, что сочиненіе, какъ бы оно ни было художественно, не можетъ произвести надлежащаго впе-

чатлѣнія на учащихся, когда они не достаточно понимаютъ его, и что оно оказываетъ свое образовательное и воспитательное вліяніе только въ томъ случаѣ, если они понимаютъ его отчетливо, что и достигается объяснительнымъ чтеніемъ.

Въ виду такого важнаго значенія объяснительнаго чтенія, учителю необходимо съ полнымъ вниманіемъ относиться къ занятію имъ.

Невозможно установить такую общую програму или такую форму, по которой слѣдуетъ вести объяснительное чтеніе каждаго литературнаго произведенія. Характеръ, содержаніе и форма объяснительнаго чтенія зависятъ и отъ развитія учениковъ, и отъ содержанія произведенія, подлежащаго объясненію, и отъ тѣхъ устныхъ или письменныхъ упражненій, которыя учитель намѣренъ связать съ изучаемымъ произведеніемъ, и отъ тѣхъ теоретическихъ (по грамматикѣ или теоріи словесности) выводовъ, которые онъ намѣренъ сдѣлать съ учениками изъ взятыхъ произведеній. Предложить ученикамъ младшаго класса, малоразвитымъ, такое объясненіе произведенія, какое умѣстно для учениковъ старшаго класса, достаточно развитыхъ и пріобрѣтшихъ достаточный навыкъ къ сознательному чтенію, значило бы сдѣлать самое объясненіе малопонятнымъ и не выяснить имъ произведенія. Съ другой стороны, вести объясненіе произведенія съ учениками старшаго класса, достаточно развитыми, такъ, какъ слѣдуетъ вести его съ учениками младшаго класса, значило бы непроизводительно терять съ ними время. Точно также было бы неосновательно останавливаться на объясненіи совершенно понятной ученикамъ статьи настолько же, насколько слѣдуетъ остановиться для объясненія произведенія, пред-

ставляющаго извѣстныя затрудненія для пониманія его учениками.

Самое различіе въ подбираемомъ матеріалѣ для чтенія въ младшихъ и старшихъ классахъ, а равно и различіе въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ при чтеніи въ тѣхъ или другихъ классахъ, вліяетъ на различіе веденія объяснительнаго чтенія въ этихъ классахъ.

Значитъ, здѣсь могутъ быть изложены лишь общія требованія относительно веденія объяснительнаго чтенія Изложимъ эти требованія.

1) Объяснительное чтеніе можетъ быть ведено успѣшно и производительно лишь въ томъ случаѣ, если матеріалъ, подбираемый для такого чтенія, посиленъ для учениковъ. Матеріалъ посиленъ для учениковъ, если при надлежащей внимательности къ читаемому и при извѣстномъ руководствѣ учителя, они въ состояніи уразумѣть содержаніе и форму читаемаго. Но неосновательно было бы полагать, что для чтенія слѣдуетъ подбирать только то, что само по себѣ совершенно понятно ученикамъ, и усвоеніе чего не требуетъ отъ нихъ никакого умственнаго напряженія. При такомъ подборѣ матеріала, чтеніе не подвигало бы учениковъ въ развитіи и образованіи. Подбираемыя для чтенія произведенія должны быть хотя и посильны для учениковъ, однако такія, которыя вызывали бы дѣятельность ихъ умственныхъ силъ. По мѣрѣ упражненія въ сознательномъ чтеніи, ученики мало-помалу пріобрѣтаютъ способность къ пониманію болѣе трудныхъ по содержанію и формѣ литературныхъ произведеній. Отсюда вытекаетъ необходимость послѣдовательно по трудности располагать матеріалъ для чтенія.

При посильности матеріалъ, подбираемый для объяснительнаго чтенія, долженъ быть достоинъ и по содер-

жанію и по формѣ сдѣлаться достояніемъ учениковъ. Только при такомъ матеріалѣ объяснительное чтеніе дѣйствительно способствуетъ достиженію образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей. «Могучая, животворная сила присуща слову тогда, когда оно изучается, какъ выраженіе идейнаго смысла въ связи съ содержаніемъ произведеній, главнымъ образомъ художественныхъ. Только въ этомъ случаѣ, служа оболочкой высокихъ настроеній, слово всецѣло проявляетъ свою благородную природу, свою способность будить глубокую мысль, выражать эстетическое и нравственное чувство» (Педагог. Сборн. 1903 г. № 8).

Въ тѣхъ классахъ учебнаго заведенія, въ которыхъ ученики ознакамливаются, на основаніи литературныхъ произведеній, со свѣдѣніями изъ теоріи словесности, матеріалъ для чтенія можетъ быть подбираемъ примѣнительно выводу этихъ свѣдѣній. Впрочемъ, для этой цѣли учитель можетъ пользоватся и произведеніями, разученными учениками ранѣе, въ предшествующихъ классахъ.

2) Навыкъ къ сознательному, вдумчивому чтенію вырабатывается путемъ упражненія въ такомъ чтеніи. И при веденіи объяснительнаго чтенія ученики упражняются въ такомъ чтеніи. Учитель возбуждаетъ и поддерживаетъ самодѣятельность учениковъ, направленную къ уразумѣнію читаемаго. Онъ то предлагаетъ имъ вопросы, отвѣтить на которые они могутъ, лишь вникнувъ въ читаемое произведеніе; то предлагаетъ имъ пересказать прочитанное, то заставляетъ ихъ выполнить, на основаніи читаемаго, ту или другую умственную работу и т. п. Въ привлеченіи учениковъ вникнуть въ читаемое и такимъ образомъ уразумѣть его и состоитъ главная дѣятельность учителя. Давать ученикамъ готовое объ-

ясненіе читаемаго, не возбуждая ихъ самодѣятельности, было бы не цѣлесообразно, такъ какъ такое веденіе дѣла не пріучало бы учащихся къ вдумчивому, сознательному чтенію и, кромѣ того, развивая въ нихъ пассивность, ослабляло бы мышленіе ихъ.

3) При веденіи объяснительнаго чтенія учитель стремится къ тому, чтобы ученики извлекли изъ читаемаго произведенія лишь то, что они въ состояніи извлечь, если вдумчиво къ нему отнесутся. Но одно и то же произведеніе вызываетъ далеко не одинаковый кругъ представленій и понятій у человѣка мало развитого и у человѣка съ глубокимъ душевнымъ развитіемъ. Каждый понимаетъ произведеніе въ мѣру своего душевнаго развитія. И учитель при веденіи объяснительнаго чтенія сообразуется со степенью развитія своихъ учениковъ. При чтеніи произведенія съ учениками старшаго класса, онъ обращаетъ вниманіе ихъ на такія его стороны (психологическую, логическую, стилистическую и т. п.), на какія неумѣстно было бы обращать вниманіе учениковъ младшаго класса. Относительно веденія объяснительнаго чтенія съ учениками младшаго класса слѣдуетъ замѣтить, что учитель поступилъ бы неосновательно, если бы при веденіи съ ними такого чтенія сталъ сообщать имъ мысли, уразумѣть которыя они не въ состояніи по степени своего духовнаго развитія. Такія мысли не только не освѣщали бы для нихъ произведенія, но даже затемняли бы его, служа какъ бы покрываломъ, заслоняющимъ прямой и непосредственный смыслъ произведенія. Точно также онъ поступилъ бы неосновательно, если бы вмѣсто разъясненія самого произведенія, сообщалъ ученикамъ различныя критическія сужденія о данномъ произведеніи. «Изучая произведеніе на урокѣ русскаго языка, ученикъ долженъ изучать самое произведеніе, а не

толковать, какъ думаетъ о немъ такой или иной критикъ. На основаніи непосредственнаго чувства ученикъ оцѣниваетъ въ своемъ сознаніи изученное произведеніе, а не на основаніи навязанной извнѣ критики, убивающей иногда чутье къ красотамъ произведенія». Неумѣстно также было бы навязывать ученикамъ, по поводу объясняемаго произведенія, такія чувства, до которыхъ они еще не доросли. Если произведеніе усвоено учениками, если они уразумѣли основную мысль его и выраженіе ея, а равно сознали настроеніе, подъ вліяніемъ котораго оно создано авторомъ, то оно и вызоветъ въ нихъ соотвѣтственное чувство. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что учителю нужно относиться безучастно къ читаемому съ учениками произведенію или что ему нужно скрывать тѣ чувства, которыя оно въ немъ вызываетъ. Напротивъ, чувство учителя можетъ сказываться въ выразительномъ чтеніи, въ живости и оживленности рѣчи: это можетъ возбудить въ ученикахъ нужное чувство, но не слѣдуетъ словами навязывать ученикамъ такія чувства, до которыхъ они еще не доросли.

4) Такъ какъ словесное произведеніе, какъ и отдѣльное слово, представляетъ двѣ стороны: внутреннюю (представленія, понятія, мысли и чувства) и внѣшнюю (форму, въ которой выражаются эти представленія, понятія, мысли и чувства), то и при объяснительномъ чтеніи слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ какъ на ту, такъ и на другую сторону, при чемъ, вслѣдствіе органической, неразрывной связи означенныхъ сторонъ, нужно попутно объяснять ихъ. Форма словеснаго произведенія зависитъ отъ его внутренней стороны и при выясненіи формы произведенія нужно исходить изъ содержанія его. Обыкновенно при выясненіи мыслей, чувствованій и образовъ произведенія сама собою выясняет-

ся и форма его. Учитель останавливается на выясненіи формы произведенія лишь настолько, насколько это представляется нужнымъ на данной ступени обученія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда главною задачей объяснительнаго чтенія служитъ выясненіе ученикамъ такой или иной формы языка или рѣчи, учитель, выяснивши ученикамъ содержаніе произведенія, обращаетъ особенное вниманіе ихъ на нужную форму и такимъ образомъ ознакамливаетъ ихъ съ нею.

5) Понимать произведеніе—значитъ уразумѣть основную мысль его, усвоить его содержаніе какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, объединенныхъ основною мыслью или единствомъ предмета, а равно понимать и отдѣльныя мысли и слова, служащія для выраженія ихъ Отсюда видно, къ чему нужно стремиться и что выяснять при веденіи объяснительнаго чтенія. Непониманіе значенія нѣкоторыхъ словъ, конечно, мѣшаетъ пониманію отдѣльныхъ мыслей и всего произведенія. Необходимо знакомить учениковъ съ значеніемъ такихъ словъ. Извѣстно, что одно и то же слово можетъ быть употребляемо въ разнообразныхъ значеніяхъ. Познакомивши учениковъ съ основнымъ значеніемъ слова, необходимо обратить вниманіе ихъ главнымъ образомъ на то значеніе, которое оно имѣетъ въ читаемомъ произведеніи. Но, подводя учениковъ къ пониманію незнакомыхъ имъ словъ, находящихся въ читаемомъ произведеніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что прямою задачей объяснительнаго чтенія служитъ выясненіе самого произведенія, объясненіе же словъ является лишь средствомъ къ пониманію его. Слѣдовательно, вести длинную бесѣду по поводу того или другого непонятнаго слова было бы неосновательно. Непонятныя слова объ

ясняются, такъ сказать, попутно, въ связи съ объясненіемъ всего произведенія.

6) При объяснительномъ чтеніи учитель или выясняетъ произведеніе по частямъ и, по мѣрѣ выясненія частей, связываетъ ихъ между собою и такимъ образомъ подводитъ учениковъ къ усвоенію всего произведенія, или же онъ сначала знакомитъ учениковъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ всего произведенія и затѣмъ уже раскрываетъ передъ ними детали или отдѣльныя стороны его и такимъ образомъ доводитъ ихъ до надлежащаго пониманія произведенія.

Примѣненіе того или другого изъ этихъ способовъ обусловливается степенью развитія учениковъ и объемомъ и характеромъ произведенія, подлежащаго объясненію. Если ученики еще не привыкли слѣдить при чтеніи за связью мыслей произведенія и улавливать сразу основную мысль его, равно какъ и въ томъ случаѣ, если статья или стихотвореніе по своему объему или содержанію представляетъ значительныя затрудненія для пониманія учениковъ, учитель раскрываетъ его передъ ними по частямъ и такимъ образомъ подводитъ ихъ къ усвоенію всего произведенія.

Если же ученики уже пріобрѣли нѣкоторый навыкъ слѣдить за ходомъ мыслей читаемаго, и если прозведеніе, взятое для объяснительнаго чтенія, можетъ быть воспринято ими въ цѣломъ, то учитель сначала знакомитъ ихъ въ общихъ чертахъ со всѣмъ произведеніемъ, а затѣмъ уже раскрываетъ передъ ними ускользнувшія отъ ихъ вниманія стороны или отдѣльныя мысли его.

По мѣрѣ подъема умственнаго развитія учениковъ чтеніе и объясненіе статей и стихотвореній по частямъ постепенно уступаетъ мѣсто чтенію и объясненію ихъ въ цѣломъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже

въ младшихъ классахъ ихъ, если предметомъ для чтенія служитъ небольшое стихотвореніе или басня,—обыкновенно сразу идетъ чтеніе всего произведенія. а затѣмъ и объясненіе его.

7) Въ связи съ сказаннымъ сейчасъ и въ зависимости также отъ развитія учениковъ и характера произведенія, учитель, при объяснительномъ чтеніи, или ставитъ частные вопросы, т.-е. вопросы, относящіеся къ отдѣльнымъ мыслямъ или небольшимъ частямъ произведенія, или же ставитъ нѣсколько общихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ ученики должны вникнуть въ содержаніе всего произведенія или крупной части его. Постановка общихъ вопросовъ болѣе умѣстна при чтеніи въ старшихъ классахъ. При этомъ можетъ быть примѣняемъ слѣдующій пріемъ: послѣ чтенія учитель записываетъ на доскѣ нѣсколько общихъ вопросовъ (темъ). Ученики, вдумываясь въ прочитанное произведеніе, рѣшаютъ эти вопросы и такимъ образомъ выясняютъ себѣ самое произведеніе. Въ младшихъ классахъ практикуется преимущественно постановка частныхъ вопросовъ. Но очень важно при постановкѣ такихъ вопросовъ не отклонять вниманія учениковъ въ сторону отъ основной мысли произведенія и содержанія его. Не нужно забывать, что цѣлью объяснительнаго чтенія служитъ пониманіе всего произведенія, его основной мысли и содержанія, а не веденіе бесѣды по поводу какой-нибудь частной мысли. При постановкѣ частныхъ вопросовъ не слѣдуетъ также останавливаться болѣе, чѣмъ это нужно, на неважномъ въ произведеніи, на мелочахъ. Если учитель при объясненіи произведенія станетъ останавливаться на каждой мысли, на каждомъ стихѣ, понятномъ и безъ объясненія, то такое веденіе дѣла наскучитъ ученикамъ и убьетъ въ нихъ интересъ къ читаемому. При веденіи объяснитель-

наго чтенія, какъ и вездѣ, учителю необходимо знать и соблюдать мѣру. Чрезмѣрное обиліе вопросовъ, предлагаемыхъ учителемъ при объяснительномъ чтеніи, бываетъ причиной, что самое объяснительное чтеніе теряетъ кредитъ у нѣкоторыхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу обученія отечественному языку.

8) Случается, что для возбужденія въ ученикахъ интереса къ произведенію, предназначенному для чтенія, а равно и для облегченія имъ пониманія этого произведенія, учитель передъ чтеніемъ вызываетъ въ сознаніи ихъ тѣ представленія или мысли, которыя входятъ въ содержаніе произведенія. Такъ, напр., передъ чтеніемъ стихотворенія: «Святочныя гаданія», учитель выспрашиваетъ учениковъ, какъ гадаютъ на святкахъ; передъ чтеніемъ стихотворенія: «Мятель», онъ наводитъ ихъ на воспоминаніе явленій во время мятели. Случается, что учитель самъ сообщаетъ ученикамъ фактъ, послужившій содержаніемъ для стихотворенія. Такъ, сообщивши ученикамъ преданіе о смерти Олега, учитель привлекаетъ ихъ къ чтенію стихотворенія Пушкина: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

На предварительное возбужденіе въ сознаніи учениковъ представленій или мыслей, вошедшихъ въ содержаніе произведенія, нужно смотрѣть лишь какъ на одно изъ средствъ, облегчающихъ имъ пониманіе произведенія и вызывающихъ въ нихъ интересъ къ произведенію. Но этимъ средствомъ слѣдуетъ пользоваться осмотрительно. Не нужно забывать, что задачей объяснительнаго чтенія служитъ пріученіе учениковъ извлекать мысли изъ читаемаго, уразумѣвать читаемое, а не читать только то, что уже прослушано ими.

9) Каждое произведеніе, какъ бы объемисто оно ни было, представляетъ раскрытіе одной основной мысли.

Уразумѣніе этой мысли, какъ сказано. составляетъ существенный признакъ пониманія самаго произведенія. И необходимо подводить учениковъ къ уразумѣнію основной мысли произведенія. Иногда ученики, руководясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ прочитаннымъ произведеніемъ, сразу улавливаютъ основную мысль его. Но большею частью они могутъ быть доведены до уразумѣнія основной мысли произведенія лишь путемъ сопоставленія частей его. Такъ напр., они уразумѣваютъ основную мысль стихотворенія: «Что ты спишь, мужичокъ?» Кольцова послѣ сопоставленія слѣдующихъ частей его: 1) Мужикъ лѣнится, ничего не дѣлаетъ, когда нужно трудиться. 2) Онъ вслѣдствіе своей лѣни обѣднѣлъ и терпитъ нужду: у него ничего нѣтъ ни на гумнѣ, ни въ закромахъ, ни на дворѣ, ни въ клѣти. 3) Прежде этотъ же мужикъ былъ трудолюбивъ и 4) онъ пользовался полнымъ матеріальнымъ достаткомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почетомъ. Сопоставляя эти части, ученики выводятъ мысль, что матеріальное довольство и душевное благосостояніе крестьянина находятся въ зависимости отъ его трудолюбія. Распространяя эту мысль на всѣхъ людей, они выводятъ общую мысль: трудъ составляетъ главное условіе матеріальнаго и душевнаго благосостоянія человѣка.

Послѣ вывода основной мысли произведенія слѣдуетъ привлечь учениковъ прослѣдить по нему, какъ она выражена въ немъ.

10) Во многихъ произведеніяхъ мысль поэта выражена въ аллегорической, часто фантастической формѣ. Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ басенъ и такихъ статей, какъ «Чудный домикъ» («Дѣтскій міръ»—Ушинскаго), относятся многія лирическія и эпическія произведенія, какъ, напр., стихотворенія: «Воздушный корабль»,

«Ангелъ», «Сосна»—Лермонтова, «Туча»—Пушкина и друг. Понять такія произведенія можно лишь разоблачивши аллегорическую форму ихъ. И нужно мало-помалу пріучать учениковъ къ разоблаченію аллегорической формы произведеній. Безъ такого разоблаченія многія произведенія покажутся наборомъ фантастическихъ образовъ, лишенныхъ всякаго значенія. Послѣ же разоблаченія аллегорической формы произведенія не только выясняется мысль его, но и становится ясной прелесть формы его. Нужно замѣтить, впрочемъ, что нѣкоторыя произведенія, заключающія подъ занимательной и доступной ученикамъ формой такія чувства и мысли, уразумѣть которыя они не въ состояніи еще, могутъ быть объясняемы лишь съ этой внѣшней стороны. Такъ, напр., стихотвореніе: «Туча»—Пушкина, аллегорически изображающее такое душевное настроеніе, какое ученикамъ младшаго возраста еще не понятно, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніемъ картинъ природы, знакомыхъ имъ. На этой внѣшней сторонѣ, на этихъ картинахъ природы учитель и останавливается при объяснительномъ чтеніи стихотворенія.

11) Нѣкоторыя произведенія имѣютъ автобіографическое значеніе или изображаютъ бытовыя черты народа, или событія изъ исторической жизни его. Для餐 яснаго и полнаго пониманія учениками такихъ произведеній учитель, при объяснительномъ чтеніи, сообщаетъ имъ нужныя біографическія, этнографическія или историческія свѣдѣнія. Такія свѣдѣнія не только освѣщаютъ пониманіе произведеній, но и, ассоціируясь съ ними, сами пріобрѣтаютъ особенную занимательность и прочно сохраняются въ памяти учениковъ.

12) Каждое произведеніе, при единствѣ основной мысли, представляетъ нѣсколько частей, внутренно свя-

занныхъ между собою. Каждая изъ такихъ частей въ свою очередь раздѣляется на второстепенныя части. И при объяснительномъ чтеніи произведенія полезно подвести учениковъ, чтобы они, сознавая единство основной мысли произведенія, различали части его—главныя и второстепенныя. Можно озаглавить части произведенія и обозначить ихъ цыфрами или буквами, что и составитъ графическое изображеніе плана произведенія

Для болѣе успѣшнаго составленія плана произведенія предварительно составляется оглавленіе его. Однородныя части оглавленія обобщаются, и такимъ образомъ получается планъ произведенія. Составленіе плана произведеній не только указываетъ ученикамъ построеніе ихъ, но и пріучаетъ ихъ самихъ планировать свои мысли, пріучаетъ ихъ къ послѣдовательности въ изложеніи мыслей.

13) Послѣ выясненія произведенія, по какому бы пріему выясненіе его ни велось, учитель привлекаетъ учениковъ пересказать содержаніе произведенія. Ученики разсказываютъ по тому же плану, по которому составлено произведеніе, или по измѣненному плану. Въ послѣднемъ случаѣ учитель даетъ ученикамъ планъ, котораго слѣдуетъ держаться при пересказѣ содержанія произведенія. Точно также ученики излагаютъ содержаніе произведенія то полно, т.-е. передаютъ не только главныя, но и второстепенныя мысли его, то сокращенно, при чемъ излагаютъ только главныя мысли, а второстепенныя пропускаютъ. Пересказъ по измѣненному плану, равно какъ и пересказъ въ сокращеніи, требуетъ отъ учениковъ большаго напряженія умственныхъ силъ, чѣмъ пересказъ безъ измѣненія плана или безъ сокращенія.

Пересказъ содержанія произведеній способствуетъ

развитію рѣчи и умственныхъ силъ учениковъ. Мало того, пересказывая содержаніе произведенія, ученики глубже уясняютъ его себѣ. Выслушивая пересказъ учениковъ, учитель имѣетъ возможность узнать, какія стороны произведенія ускользнули отъ ихъ вниманія, и какія мысли не вполнѣ вѣрно поняты ими. Пользуясь этимъ знаніемъ, онъ своими вопросами или указаніями пополняетъ пробѣлы въ пониманіи учениками произведенія.

14) Немаловажнымъ средствомъ къ пріученію учениковъ вдумчиво относиться къ читаемому произведенію, а равно и къ развитію ихъ умственныхъ силъ служитъ также предложеніе имъ выполнить, на основаніи прочитаннаго произведенія, такую или иную умственную работу. Такъ, можетъ быть предложено ученикамъ сравнить предметы или явленія, изображенные въ статьѣ или стихотвореніи, съ однородными предметами или явленіями, воспринятыми изъ дѣйствительности. Послѣ чтенія, напр., статьи «Классная комната»—Толстого, ученики сравниваютъ описанный въ этой статьѣ классъ съ тѣмъ классомъ, въ которомъ они сами сидятъ. Можетъ быть также предложено ученикамъ сравнивать два произведенія, имѣющія однородное содержаніе. Такъ, они сравниваютъ описаніе Кавказа въ стихотвореніи: «Кавказъ»—Пушкина и въ отрывкѣ изъ поэмы: «Кавказскій плѣнникъ»—его же. Можетъ быть также предложено ученикамъ измѣнить форму изложенія произведенія, напр., содержаніе произведенія, изложенное въ діалогической формѣ, передать въ монологической формѣ. Полезной работой можетъ быть выдѣленіе изъ статьи или стихотворенія какого-нибудь одного предмета и составленіе описанія его или выдѣленіе одного какого--нибудь лица и составленіе характеристики его. Такъ по стихотворенію: «Шоссе и проселочная дорога», уче-

ники описываютъ проселочную дорогу; по стихотворенію: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», они характеризуютъ древне-русскаго кудесника.

15) Очень полезной умственной работой служитъ обобщеніе нѣсколькихъ произведеній, сходныхъ по основной идеѣ или представляющихъ изображеніе одного и того же предмета, и составленіе на основаніи ихъ общаго вывода или изображенія даннаго предмета. Ученики изучили нѣсколько произведеній, изображающихъ трудъ и его значеніе для человѣка, и составляютъ на основаніи ихъ связное изложеніе о трудѣ и значеніи его для человѣка; они изучили нѣсколько басенъ, предметомъ которыхъ служитъ изображеніе невѣжества, и составляютъ на основаніи этихъ басенъ цѣльный разсказъ о разнообразныхъ проявленіяхъ невѣжества. Ученики изучили нѣсколько произведеній, относящихся къ изображенію Петра Великаго, и составляютъ на основаніи этихъ произведеній характеристику этого императора. При этого рода работѣ въ сильной степени проявляется дѣятельность мышленія, памяти и воображенія учениковъ; а дѣятельность душевныхъ силъ ведетъ къ развитію ихъ. Кромѣ того, эта работа пріучаетъ учениковъ пользоваться находящимся въ ихъ душѣ матеріаломъ для дальнѣйшихъ умственныхъ построеній, что тоже очень важно для душевнаго развитія ихъ. Затѣмъ, пользуясь для составленія требуемаго изложенія ранѣе изученными произведеніями, ученики глубже вдумываются въ нихъ и основательнѣе ихъ уразумѣваютъ, а, проводя эти произведенія въ извѣстную связь между собою, они тверже запоминаютъ ихъ.

Само собою разумѣется, что обобщеніе произведеній и составленіе, на основаніи ихъ, изложенія на данную тему можетъ быть выполняемо лишь учениками,

достаточно умственно зрѣлыми и подготовленными къ выполненію такой работы.

16) Извѣстно, что литературныя произведенія того или другого писателя, особенно первокласснаго, носятъ особый отпечатокъ въ характерѣ, слогѣ и языкѣ. Такъ, мы отличаемъ и по характеру, и языку произведенія Лермонтова отъ произведеній Пушкина, а произведенія того и другого отъ произведеній Гоголя.

Послѣ изученія достаточнаго количества произве деній того или другого писателя, ученики, подъ руководствомъ учителя, выдѣляютъ выдающіяся особенности въ характерѣ (направленіи), слогѣ и языкѣ произведеній этого писателя.

И этого рода работа можетъ быть выполняема лишь учениками старшаго класса, достаточно развитыми и обогащенными значительнымъ количествомъ литературныхъ произведеній.

17) Выше сказано было, что объяснительное чтеніе является существеннымъ условіемъ успѣшнаго изученія грамматики отечественнаго языка. Грамматическія формы и законы—не въ учебникѣ, а въ рѣчи—письменной и устной. Нужно только извлечь ихъ изъ нея, чтобы усвоить ихъ. Ученики усваиваютъ содержаніе литературныхъ образцовъ и тутъ же, подъ руководствомъ учителя, замѣчаютъ, въ какой грамматической формѣ выражена та или другая мысль, и такимъ образомъ ознакамливаются съ этой формой.

Конечно, грамматическія свѣдѣнія усваиваются учениками въ извѣстной (дидактической) системѣ. Порядокъ обогащенія учениковъ грамматическими свѣдѣніями, равно какъ и подборъ образцовъ (примѣровъ), изъ которыхъ можетъ быть выведена та или другая грам-

матическая форма—есть дѣло умѣнія и дидактическаго такта учителя.

18) Точно также и для ознакомленія со стилистикой и ученіемъ о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній исходнымъ началомъ должно служить чтеніе словесныхъ произведеній. Ученики при объяснительномъ чтеніи уразумѣваютъ мысль или чувство произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаютъ, какъ выражена эта мысль или это чувство, т.-е. знакомятся со стилистикой Прочитавши нѣсколько произведеній, относящихся къ одному и тому же виду словесныхъ произведеній, они, подъ руководствомъ учителя, составляютъ понятіе объ этомъ видѣ произведеній.

Конечно, пріобрѣтеніе учениками свѣдѣній изъ теоріи словесности не должно быть случайнымъ, безъ всякой системы. Напротивъ, эти свѣдѣнія должны укладываться въ сознаніи учениковъ въ извѣстной системѣ. Установить систему въ усвоеніи учениками свѣдѣній изъ теоріи словесности есть тоже дѣло умѣнія и дидактическаго такта учителя. Во всякомъ случаѣ, въ основу изученія теоріи словесности должны быть положены литературныя произведенія, а не учебникъ теоріи словесности. Послѣдній можетъ служить лишь для болѣе удачной, точной формулировки тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя выведены учениками изъ наблюденія надъ литературными произведеніями.

19) Говоря о средствахъ, направленныхъ къ сознательности чтенія, слѣдуетъ сказать и о выразительномъ чтеніи, какъ одномъ изъ могущественныхъ къ тому средствъ. Выразительное чтеніе произведенія иногда сразу подводитъ учениковъ къ пониманію его: имъ выясняется основная мысль его и содержаніе его, и настроеніе поэта, отразившееся въ немъ, и особенность

его формы. При выразительномъ чтеніи ученики улавливаютъ такія красоты произведенія, какія не въ состояніи были бы уловить при однихъ только наводящихъ вопросахъ учителя. При такомъ значеніи выразительнаго чтенія необходимо пользоваться имъ. Учитель и самъ выразительно прочитываетъ произведеніе, и привлекаетъ учениковъ къ такому же чтенію его. Ученики, упражняясь въ выразительномъ чтеніи и слушая такое же чтеніе учителя, приходятъ къ сознанію, что «выразительно читать это не значитъ только избѣгать недостатковъ произношенія, дѣлать принятыя ударенія, не запинаться и не рубить слова, а значитъ показать, что чувствуешь всѣ оттѣнки читаемаго, дать жизнь и смыслъ каждому слову, придать ему надлежащую окраску и сумѣть выставить живость слога; это значитъ умно слѣдить за движеніемъ фразы, чтобы рельефно оттѣнить выраженную мысль; это значитъ искусно передать тѣ чувства, которыя хотя непосредственно и не выражены въ произведеніи, но скользятъ или читаются между строкъ и составляютъ главный элементъ его; это значитъ не довольствоваться только знаками препинанія, поставленными авторомъ, а создать самому, смотря по личному чувству и вкусу, систему знаковъ препинанія, не напечатанную, обличающую художественное чувство и литературное сужденіе; это значитъ тонко подчеркивать красоту риѳмъ, избѣгая рѣзкаго ударенія, показывающаго, что стихъ конченъ,—выдвинуть гармонію и ритмъ, придать рельефность доказательствамъ и имѣющимъ значеніе словамъ, придать выраженіе артистическому строенію періода—однимъ словомъ, это значитъ при посредствѣ голосовыхъ средствъ заставить ухо работать наравнѣ съ умомъ».

По тому, как ъ ученики читаютъ, нерѣдко можно

вѣрно судить, насколько они понимаютъ читаемое, и что производитъ на нихъ особенно сильное впечатлѣніе, что ихъ особенно интересуетъ.

Многія произведенія, какъ, напр., басни и такія стихотворенія, какъ «Кто онъ»? Майкова,—имѣютъ діалогическую форму. Очень полезно привлекать учениковъ къ чтенію такихъ произведеній—въ лицахъ. Для этого выбираются ученики, которые въ состояніи выразительно прочитывать слова данныхъ лицъ. Чтеніе въ лицахъ нравится ученикамъ и въ значительной мѣрѣ способствуетъ усвоенію ими содержанія и формы читаемаго.

20) Очень полезно предлагать ученикамъ заучивать хотя бы только нѣкоторыя изъ объясненныхъ и выразительно прочитанныхъ произведеній. Ученики охотно заучиваютъ то, что имъ понравилось и что соотвѣтствуетъ ихъ душевному развитію. Конечно, для заучиванія подбирается такой матеріалъ, который достоинъ сдѣлаться собственностью учениковъ, иногда на всю ихъ жизнь. Заучиваніе стихотворной рѣчи легче, чѣмъ заучиваніе рѣчи немѣрной, но и послѣдняя можетъ быть предметомъ заучиванія. Вообще, чѣмъ больше произведеній заучено учениками, тѣмъ полезнѣе для духовнаго развитія ихъ и развитія ихъ рѣчи.

Ранѣе заученныя произведенія слѣдуетъ время отъ времени повторять, дабы не забывалось то, что было ранѣе заучено. Заученныя наизусть произведенія ученики произносятъ съ надлежащею выразительностью.

21) Принимая во вниманіе всѣ виды занятій, входящихъ въ составъ объяснительнаго чтенія, а равно и образовательное и воспитательное значеніе этихъ занятій, можемъ сказать, что чтеніе это является однимъ изъ основныхъ занятій на урокахъ отечественнаго языка.

Но для производительнаго веденія объяснительнаго чтенія учителю необходимо готовиться къ нему, помня, что достоинство такого чтенія зависитъ не отъ количества вопросовъ, предлагаемыхъ ученикамъ, а отъ качества ихъ и отъ той душевной дѣятельности, которую проявляютъ ученики при чтеніи. Всякій разъ передъ объяснительнымъ чтеніемъ произведенія учитель обдумываетъ, какъ вести чтеніе, какихъ результатовъ слѣдуетъ достигнуть посредствомъ его, какъ можно связать данное произведеніе съ разученными ранѣе произведеніями, и какіе выводы можно сдѣлать изъ чтенія произведенія.

Тезисы.

I. Существенная задача учителя русскаго языка— пріучить учениковъ къ сознательному, вдумчивому чтенію, что достигается, между прочимъ, объяснительнымъ чтеніемъ словесныхъ произведеній, оказывающимъ, кромѣ того, благотворное вліяніе на всѣ стороны душевной дѣятельности учащихся.

II. Изученіе словесныхъ произведеній, путемъ объяснительнаго чтенія, способствуетъ развитію устной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письменной рѣчи учащихся.

III. Усвоеніе грамматики и теоріи словесности, являющееся результатомъ наблюденія надъ литературною рѣчью, находится въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ.

IV. Характеръ, содержаніе и форма объяснительнаго чтенія зависятъ отъ многихъ обстоятельствъ, почему не представляется возможнымъ и даже цѣлесообразнымъ установить общую программу для такого чтенія.

Могутъ быть высказаны лишь слѣдующія руководящія требованія относительно веденія объяснительнаго чтенія:

1) подбираемый для чтенія матеріалъ долженъ быть посиленъ для учениковъ и достоинъ изученія ими;

2) ученики путемъ самодѣятельности, возбуждаемой и поддерживаемой учителемъ, ознакамливаются съ произведеніями;

3) ученики извлекаютъ изъ читаемаго произведенія лишь то, что, по своему развитію, они въ состояніи извлечь изъ него;

5) при выясненіи внутренней стороны произведенія (содержанія) попутно выясняется и внѣшняя сторона его (форма);

5) существеннымъ признакомъ пониманія произведенія служитъ пониманіе основной его мысли, усвоеніе содержанія его какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ и пониманіе словъ; объясненіе непонятныхъ словъ дается въ связи съ выясненіемъ содержанія произведенія;

6) объяснительное чтеніе ведется или отъ частей къ цѣлому, или отъ цѣлаго къ выясненію частностей; по мѣрѣ развитія учениковъ первый путь уступаетъ второму;

7) при объяснительномъ чтеніи ставятся или частные вопросы, или нѣсколько общихъ вопросовъ;

8) учитель въ дидактическихъ цѣляхъ иногда передъ чтеніемъ произведенія вызываетъ въ сознаніи учениковъ соотвѣтственныя представленія и мысли;

9) основная мысль произведенія или непосредственно постигается учениками, или выводится ими путемъ сопоставленія частей его;

10) произведенія съ аллегорической формой объясняются путемъ раскрытія этой формы;

11) при объяснительномъ чтеніи учитель сообщаетъ ученикамъ нужныя для пониманія произведенія біографическія, бытовыя и историческія свѣдѣнія;

12) ученики ознакамливаются при объяснительномъ чтеніи съ планомъ произведенія;

13) они пересказываютъ содержаніе выясненнаго произведенія по тому же или по измѣненному плану, то полно, то сокращенно;

14) они выполняютъ подходящую умственную работу (сравниваютъ два произведенія, имѣющія однородное содержаніе, составляютъ характеристику лицъ и т. п.);

15) обобщаютъ произведенія, сходныя по основной идеѣ или изображающія одинъ и тотъ же предметъ;

16) выясняютъ выдающіяся особенности характера (направленія), слога и языка произведеній даннаго писателя;

17) изъ выясненныхъ произведеній (образцовъ) выводятъ (въ дидактической системѣ) нужныя грамматическія формы и законы;

18) изъ такихъ же произведеній выводятъ въ системѣ нужныя свѣдѣнія изъ теоріи словесности;

19) выразительное чтеніе произведеній составляетъ существенное средство къ выясненію ихъ; необходимо пріучать учениковъ къ выразительному чтенію;

20) слѣдуетъ привлекать учениковъ къ заучиванію наизусть объясненныхъ произведеній и требовать выразительнаго произношенія заученнаго;

21) объяснительное чтеніе, будучи важнымъ факторомъ образованія и воспитанія учащихся, является однимъ изъ основныхъ занятій на урокахъ отечественнаго языка и требуетъ внимательной подготовки со стороны учителя.

К. Ельницкій.

„Жизнь двѣнадцати Цезарей“ Светонія въ новомъ переводѣ Алексѣева.

Имя В. А. Алексѣева, какъ современнаго переводчика древнихъ классиковъ, пользуется въ нашей литературѣ вполнѣ заслуженною извѣстностью [1]). Его переводъ „Превращеній“ Овидія (С.-ПБ. 1885) былъ встрѣченъ ученой критикой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ [2]). Вообще, переводы Алексѣева довольно близки къ подлиннику и хороши по языку; однако всѣ его предыдущіе переводы какъ съ латинскаго, такъ и съ греческаго языка не представляютъ собою, на нашъ взглядъ, такого крупнаго явленія, какъ давно ожидаемый и недавно вышедшій въ свѣтъ переводъ главнѣйшаго сочиненія Светонія [3]).

Въ настоящее время мы можемъ ознакомиться съ жизнью двѣнадцати Цезарей изъ достовѣрнаго источника, какимъ является забытый у насъ Светоній. Болѣе вѣка прошло съ того времени, когда появились впервые въ нашей литературѣ „Жизни двѣнадцати первыхъ Цесарей Римскихъ“— сочиненіе историка—анекдотиста, знавшаго хорошо домашній бытъ первыхъ римскихъ императоровъ.

---

[1]) См. Венгеровъ, «Словарь русс. писателей», т. I, стр. 382 и 939.

[2]) Ср. рец. проф. Помяловскаго въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1885, № 8, стр. 255—264.

[3]) Г. Светоній Транквиллъ. «Жизнь двѣнадцати цезарей»—съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. изд. А. С. Суворина, 1904 г. 8° стр. L+466.

Первый русскій переводъ Светонія сдѣланъ Мих. Ив. Ильинскимъ, Троицкой семинаріи префектомъ и библіотекаремъ. Изъ этого перевода, изданнаго въ 1776 году въ С.-ПБ. при Императорской Академіи Наукъ, были сдѣланы, по всей вѣроятности, тѣмъ же Ильинскимъ, какъ могутъ убѣдить въ этомъ сравненія обоихъ переводовъ,—два извлеченія—оба въ 1794 г. въ Москвѣ. Одно изъ этихъ извлеченій вышло въ форматѣ листа изъ типографіи Зеленникова, другое in quarto выпущено типографіей М. Пономарева Означенныя извлеченія иллюстрированы прекрасно исполненными конными изображеніями двѣнадцати описываемыхъ Светоніемъ императоровъ [4]).

Переводъ Ильинскаго исполненъ очень добросовѣстно, въ немъ опущены лишь 49 гл. и часть гл. 52-ой въ біографіи Цезаря, опущена значительная часть перевода гл. 68-й въ біографіи Августа, да въ біографіи Тиберія не переведены глл. 43 и 44 „для неблагопристойнаго оныхъ содержанія“. Однако въ переводѣ Ильинскаго нѣтъ ни введенія, ни указателя, и количество примѣчаній очень ограничено,—словомъ, переводъ безъ надлежащаго научнаго аппарата, столь необходимаго въ наше время, особенно для такого писателя, какимъ является Светоній.

Переводъ Алексѣева вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Обстоятельное введеніе, къ сожалѣнію, безъ оглавленій заключаетъ въ себѣ на L-ти стр. слѣдующее: характеристика императорскаго Рима (гл. I). Личность Светонія и отношенія къ нему Плинія и Гадріана (гл. II). Литературная дѣятельность Светонія (гл. III). Характеристика Светонія, какъ автора сочиненія: „Жизнь двѣнадцати цезарей“

---

[4]) «Жизни и дѣянія двенадцати первыхъ Цесарей Римскихъ, со изображеніями ихъ лицъ передъ описаніемъ каждаго». М. 1794 г.

(гл. IV). „Жизнь двѣнадцати цезарей“, какъ литературный памятникъ (глл. V—VI). Исторія текста этого памятника: рукописи, изданія. (Гл. VII). Подражатели и послѣдователи Светонія (гл. VIII).

Указывая на стр. XLVII сл. русскую литературу по Светонію, г. Алексѣевъ, хорошо знакомый съ библіографіей по исторіи римской литературы въ Россіи [5]), почему-то обошелъ молчаніемъ и старый переводъ Светонія, сдѣланный Ильинскимъ, и цѣлый рядъ русскихъ трудовъ, посвященныхъ спеціально Светонію. Вотъ эти труды: Маловъ Н. Жизнь Тиберія, перев. съ лат. Тамбовъ 1866; Ернштедтъ В. Критическія замѣтки на Светонія, Ж. М. Н. Пр. 1876, X. стр. 57—78; Nauck A. Mélanges gréco-romains de l'acad. de St. Pet. t. III, p. 165—175; Вѣховъ С. Объ отношеніи Светонія въ біографіи Г. Юлія Цезаря къ сочиненіямъ предшественниковъ, сохранившихся до насъ. Варш. Унив. Изв. 1891, № 2 стр. 1—16; № 3, стр. 17—46; Его же—Объ изслѣдованіи источниковъ древнихъ историческихъ произведеній вообще и біографій XII Цезарей въ частности (рѣчь), Варш. Унив. Изв. 1888, № 3, стр. 1—12; Дроздовъ. М. Литературно историческое значеніе сочиненія Светонія о поэтахъ, грамматикахъ и риторахъ. „Гимназія“ 1893, № 10 стр. 397—428; № 11--12 стр. 479—500; Зенгеръ Г. Замѣтки къ латинскимъ текстамъ—Suet. Vitell. 2. Варш. Унив. Изв. 1893 т. I—V стр. 1—34, Тимошенко И. Къ Suet. Claud. 25 и Dio Cass. XLVII, 2, 3. Фил. Обозр. 1896, т. X, кн. 2 стр. 200—201.

---

[5]) Въ доказательство довольно назвать рецензію г. Алексѣева (Воронежъ 1890) на книгу «Основы библіографіи по исторіи римской литературы», изд. проф. Д. И. Нагуевскимъ (Казань 1889).

Намъ казалось бы также необходимымъ снабдить переводъ снимками съ бюстовъ римскихъ императоровъ, что въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ граверпаго искусства, сдѣлать было бы нетрудно, разъ это оказалось выполнимымъ 110 лѣтъ тому назадъ въ московскихъ изданіяхъ извлеченій изъ Светонія.

Переходимъ къ самому тексту перевода, который постараемся разсмотрѣть со стороны языка и слога, отмѣтивъ нѣкоторыя мѣста, останавливающія на себѣ вниманіе читателя.

Iul. cap. 13 [6]) (стр. 7): «Дѣйствительно, ему (Цезарю) удалось одержать побѣду надъ двумя чрезвычайно сильными противниками, много старше его и игравшими большую роль, въ однѣхъ только ихъ трибахъ онъ собралъ больше избирательныхъ голосовъ, чѣмъ оба они во всѣхъ ихъ». Для ясности рѣчи и во избѣжаніе скопленія личныхъ мѣстоименій слѣдуетъ въ концѣ сказать во всѣхъ трибахъ.—У Светонія читаемъ: ut plura ipse in eorum tribubus suffragia quam uterque in omnibus tulerit—такимъ образомъ въ оригиналѣ нѣтъ однѣхъ только; выраженіе оба они передано однимъ uterque, и во всей фразѣ сдѣлана особенная разстановка словъ. Подобное скопленіе личныхъ мѣстоименій также бросается въ глаза на стр. 68 (Aug. c. 24).

Iul. cap. 26 (стр. 15): „Всѣхъ извѣстныхъ гладіаторовъ, сражавшихся по требованію публики на жизнь или на смерть, онъ поручалъ отбирать силой и беречь для себя“.—Въ оригиналѣ сказано сильнѣе:... vi rapiendos reservandosque mandabat—приказывалъ хватать насильно и приберегать для него.

Aug. cap. 25 (стр. 69): „наградилъ лазуревымъ знаменемъ“—caeruleo vexillo donavit—лучше было бы сказать: „синимъ, синяго или голубого цвѣта“. Caeruleus—обычный

---

[6]) Въ переводѣ Алексѣева нѣтъ раздѣленій на главы.

эпитетъ неба, моря, рѣкъ и относящихся къ нимъ предметовъ.

Aug. c. 27 (стр. 72): „Одинаково на всю жизнь онъ принялъ на себя и надзоръ за нравами и исполненіемъ законовъ“ — Recepit et morum legumque regimen aeque perpetuum. Вмѣсто одинаково умѣстнѣе было бы сказать: точно также.

Aug. c. 52 (стр. 91): „Онъ зналъ, что храмы посвящаются нерѣдко даже проконсуламъ, однакожъ ни въ одной провинціи не позволялъ дѣлать для себя ничего подобнаго, если только храмы не посвящали его имени и имени богини Ромы“. — Templa, quamvis sciret etiam proconsulibus decerni solere, in nulla tamen provincia nisi communi suo Romaeque nomine recepit.. Здѣсь осталось не переведеннымъ слово communi, почему получилось представленіе о двухъ видахъ храмовъ. Надо было сказать: „если только храмы не посвящались его имени и въ то же время имени (или: вмѣстѣ съ именемъ) богини Ромы“; ср. Tib. cap. 20, стр. 141.

Aug. cap. 54 (стр. 93): „такимъ образомъ никому не вредило ни независимое поведеніе, ни неподатливость — Nec ideo libertas aut contumacia fraudi cuiquam fuit. Неблагозвучіе можно бы избѣгнуть при такомъ переводѣ: „свободомысліе и настойчивость никому не приносили вреда.

Aug. cap. 84 (стр. 111): „онъ поручалъ произносить свои рѣчи народу — глашатаю“ — praeconis voce ad populum concionatus est — въ переводѣ неудачна разстановка словъ.

Aug. cap. 94 (стр. 117): Та же Атія, незадолго до своего разрѣшенія, видѣла во снѣ .. prius quam pareret — передъ родами.

Tib. cap. 3 (стр. 130): „хотя старался примирить свою политику съ обстоятельствами“ — multa varie molien-

tem — нѣсколько далекій переводъ, напоминающій пересказъ.

Tib. cap. 8 (стр. 133): „хозяевъ этихъ домовъ (смирительныхъ) подозрѣвали въ томъ, что они заманивали въ притоны подобнаго рода не только прохожихъ, но и людей, бѣжавшихъ отъ военной службы“.... quorum domini in invidiam venerant quasi exceptos supprimerent, non solum viatores sed et quos sacramenti metus ad eius modi latebras compulisset (ср. Aug. c. 32, стр. 77) лучше было бы перевести такъ: „къ владѣльцамъ подобныхъ помѣщеній относились съ ненавистью, потому что они будто бы укрывали у себя не только проходимцевъ, но и людей, которые изъ страха предъ военной службой принуждены были искать себѣ здѣсь убѣжища“.

Tib. cap. 9 (стр. 134) „Магистратуры онъ получалъ не только раньше срока, но и почти одну за другой“— въ текстѣ сказано iunctim, т.-е. одну почти непосредственно вслѣдъ за другой [7])--въ противномъ случаѣ не было бы ничего необыкновеннаго.

Tib. cap. 17, (стр. 140): „Тріумфъ Тиберій отложилъ на время, по случаю траура, который надѣло государство послѣ пораженія Вара—Triumphum ipse distulit, maesta civitate clade Variana—т.-е. такъ какъ государство было опечалено пораженіемъ Вара.

Tib. cap. 75 (стр. 175): „многіе требовали, чтобы тѣло отправили лучше въ Ателлу и здѣсь сожгли, но на половину, въ амфитеатрѣ“—conclamantibus plerisque Atellam potius deferendum et in amphitheatro semiustilandum — при выше приведенной разстановкѣ словъ въ переводѣ получается нѣкоторая недомолвка, которая не устраняется даже и примѣчаніемъ къ этому мѣсту.

Claud. cap. 11 (стр. 228). „Итакъ, онъ объявилъ

[7]) Ср. у Ильинскаго стр. 243 въ I-ой части.

полное прощеніе всѣмъ сдѣланнымъ въ то время поступкамъ и словамъ" въ текстѣ сказано сильнѣе: omnium itaque factorum dictorumque in eo veniam et oblivionem in perpetuum sanxit ac praestitit, т.-е. итакъ, онъ оказалъ полное снисхожденіе ко всѣмъ совершеннымъ въ то время поступкамъ и навсегда забылъ о томъ, что тогда говорилось.

Nero cap. 22 (стр. 270): „Неронъ ходилъ изъ-за города на всѣ скачки, хотя бы на самыя пустыя, сперва тайкомъ, а потомъ открыто, такъ что всѣ знали, что въ тотъ день онъ будетъ въ столицѣ—ad omnis etiam minimos circenses e secessu commeabat, primo clam, deinde propalam; ut nemini dubium esset, eo die utique affuturum—словъ прямо соотвѣтствующихъ подчеркнутымъ въ переводѣ, нѣтъ въ латин. текстѣ.

Nero cap. 31 (стр. 278): „Безумно расходуя деньги, онъ разсчитывалъ, что его будутъ ослушаться, какъ императора, но, кромѣ того, у него неожиданно явилась надежда найти огромный зарытый въ землѣ кладъ".—Эта часть перевода, соотвѣтствующая слѣдующимъ словамъ оригинала: Ad hunc impendiorum furorem, super fiduciam imperii, etiam spe quadam repentina immensarum et reconditarum opum impulsus est... изложена нѣсколько свободно.

Nero cap. 44 (стр. 292): „вооружить по-амазонски топорами и небольшими щитами"—peltis Amazonicis—въ текстѣ, т.-е. „щитами, какъ у амазонокъ, амазонскими щитами", очевидно, имѣвшими нѣкоторое отличіе отъ обыкновенныхъ щитовъ. (Ср. Paus. I. 41).

Galba cap. 9 (стр. 307): „Гальба принялъ его условія, частью изъ чувства страха, частью изъ чувства (?) надежды — conditionem partim metu partim spe recepit—насколько понятно чувство страха, на столько не ясно

чувство надежды; не проще ли было сказать: „вслѣдствіе страха .. надежды“...

Vesp. cap. 6 (стр. 348): „Кромѣ того, сторону Веспасіана приняли изъ провинціальныхъ префектовъ Лициній Муціанъ, а изъ царей—царь пареянскій, Вологезъ. Первый изъ нихъ, отказавшись отъ недоброжелательства къ Веспасіану, которое открыто выражалъ раньше, изъ зависти, обѣщалъ предоставить въ его распоряженіе войска, стоявшія въ Сиріи, послѣдній—сорокъ тысячъ стрѣлковъ“.- Praeterea ex praesidibus provinciarum Licinius Mucianus et e regibus Vologaesus Parthus, ille deposita simultate, quam in id tempus ex aemulatione non obscure gerebat, Syriacum promisit exercitum, hic quadraginta milia sagittariorum.—При сличеніи второй половины приведеннаго русскаго текста съ латинскимъ ориги наломъ нельзя не замѣтить въ переводѣ искусственной разстановки словъ, затемняющей смыслъ.

Vesp. cap. 8 (стр. 350): Одинъ молодой человѣкъ явился къ нему (Веспасіану) раздушеннымъ благодарить за полученную имъ должность префекта. Императоръ состроилъ презрительную гримасу и въ заключеніе сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ.—„Я предпочелъ бы, чтобъ отъ тебя пахло чеснокомъ!“ сказалъ онъ и приказалъ отобрать патентъ на чинъ.—Въ оригиналѣ:—litteras revocavit, что было бы правильнѣе передать: „указъ о назначеніи вытребовалъ обратно“.

Изъ неудачныхъ выраженій отмѣтимъ слѣдующія: Aug. cap. 77 (стр. 107)—стволъ салата—lactuculae thyrsus; Cal. cap. 3 (стр. 179) занелюбилъ (suscensere); Cal. cap. 13 (стр. 185) sidus лучше было бы перевести не „солнышкомъ“, а „свѣтикомъ“ (ср. у Никитина „Жена ямщика“—Какъ живешь, мой свѣтъ?); стр. 205 изъ-за

невозможности, ср. стр. 246 изъ-за стыда и стр. 201 изъ-за тѣсноты.

Въ Ner. cap. 33 (стр. 280) читаемъ: „Между прочимъ, онъ шутилъ, что тотъ пересталъ медлить на этомъ свѣтѣ, при чемъ первый слогъ этого слова произносилъ, какъ долгій". —Въ данномъ мѣстѣ перевода слѣдовало бы заключить въ скобки выраженіе „медлить", а латинскій глаголъ morari оставить въ самомъ текстѣ перевода, такъ какъ на этомъ словѣ вся сила Нероновой остроты.

На стр. 287 и 373 нѣсколько необыкновенныя выраженія „на греческомъ и на латинскомъ" лучше бы замѣнить обычными—„по-гречески и по-латыни".

Переходя къ другихъ частностямъ перевода, не можемъ не замѣтить прежде всего рѣзко бросающагося въ глаза стремленія въ переводчикѣ къ употребленію иностранныхъ словъ, запасъ которыхъ, привлеченный переводчикомъ къ своему труду, очень интересенъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ: баллотировка (стр. 305), барьеръ (стр. 85, 189, 265), вексель (стр. 26), виртуозъ (стр. 268), волтижеръ (=наѣздникъ, стр. 23 (Iul. cap. 39), депутація (стр. 211, 312) воспаленіе діафрагмы (praecordiorum inflatio—стр. 109, Aug. cap. 81), драпировка (стр. 227), идеальный (Telegenius стр. 251, Claud. cap. 40), инженеръ (mechanicus стр. 355, Vesp. cap. 18), интересный (стр 257), колоссальный (стр. 105), командиръ (стр. 266), давать концерты (cantare, Ner. cap. 21, стр. 269), курьеръ (стр. 208), маневръ (стр. 305), массажъ (harundines стр. 109 Aug. cap. 80), механизмъ (стр. 290), мода (стр. 223) оффиціальный (publicum instrumentum стр. 182, Cal cap. 8), парфюмерный магазинъ (unguentaria taberna стр. 55), пенсія (commoda стр. 279), прелюдія (270), призъ (стр. 229, 270), проформа (стр. 227), ревизовать (стр. 231), революція (стр. 346),

резиденція (secessus Cal. cap. 8, стр. 182), репутація (стр. 264), сессія (стр. 34, Iul. cap. 56), сгруппировать (in unum conferre Ner. cap. 19, стр. 268), сформировать (стр. 241), стенографъ (стр. 33, Iul. cap. 55), талисманъ (стр. 114, Aug. cap. 90), фигурировать (inire—Ner. cap. 12, стр. 264), фуфайка (thorax lancus—стр. 109. Aug. cap. 82), шифръ (стр. 35. Iul. cap. 56), эскадронъ (стр. 307, 308, 345), ярмарка (стр. 229).

Безъ сомнѣнія, многія изъ этихъ и имъ подобныхъ выраженій употреблены очень кстати и доказываютъ смѣтливость переводчика, но попадаются и такія между ними, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ понятіямъ того времени, въ которое жилъ Светоній, такъ, напр., портфель (стр. 294, Ner. cap. 47),—по нашимъ понятіямъ картонная или кожаная сумка, ничего не имѣетъ общаго съ латинскимъ scrinium—цилиндрическимъ ящикомъ для храненія бумагъ.

Въ иныхъ случаяхъ переводчикъ разнообразитъ эти иностранныя слова безъ всякой очевидной надобности, такимъ образомъ на стр. 241 вмѣсто сверхкомплектный (Claud. cap. 25 supra numerum) лучше было бы сказать сверхштатный (ср. Ner. cap. 15, стр. 266, гдѣ такое же выраженіе и рѣчь также идетъ о службѣ).

На ряду съ иностранными словами встрѣчаются и чисто-русскія понятія и выраженія, какъ-то: духовная (стр. 18, 204 371), крестьянинъ (arator стр. 84, Aug. cap. 42), помѣщикъ (possessor стр. 77, Aug. cap. 32), дать вольную (стр. 139, 202), рыть ямы (insidias struere стр. 371, Dom. cap. 2), вошло въ плоть и кровь (стр. 76, Aug. cap. 32: ex consuetudine.... duraverant).

Многіе чисто-латинскіе термины оставлены безъ перевода, таковы: віаторъ (стр. 135), гимназій (стр. 289, Ner. cap. 40), Данубій (стр. 140, Tib. 16), декуріи (стр. 221, 231), истмъ (Iul. cap. 44, стр. 27, однако въ Cal. cap.

21, стр. 191: перешеекъ), ланиста (стр. 84), мирмилонъ (стр. 277, 294, 378) модіи (стр. 23), номенклаторъ (стр. 207), нуммъ (стр. 23, 82, 101), примипилары (стр. 191, 262), прокураторъ (стр. 229, 307), проскрипты (стр. 25, 103), проскрипція (стр. 71), рекуператоры (стр. 343, 375), турма (стр. 80, 81, 132) эрарные трибуны (стр. 25).

Конечно, обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ было невозможно, однако нѣкоторые изъ нихъ всеже поддаются переводу и, во всякомъ случаѣ, нуждаются въ объясненіяхъ, особенно при назначеніи разбираемой книги для такъ называемой большой публики.

Располагая такимъ обиліемъ иностранныхъ словъ, чисто русскихъ выраженій и техническихъ терминовъ, переводчикъ не преминулъ употребить и славянизмы, въ родѣ яко бы при переводѣ латинскихъ союзовъ Velut и quasi (стр. 144, 162, 254, 281, 372, и ad fraudem Galb. cap. 10, стр. 308, ср. стр. 358). Очень можетъ быть, что этотъ чисто-славянскій союзъ употребленъ переводчикомъ подъ впечатлѣніемъ знакомства со стариннымъ переводомъ Ильинскаго (ср. напр. Tib. cap. 23 стр. 144 и Tib. cap. 54, стр. 162 и у Ильинскаго стр. 261 и 292 въ 1-й части).

Между прочимъ, у переводчика есть и свои излюбленныя слова и выраженія. Къ такимъ именно словамъ относится нето, которымъ переводчикъ даже злоупотребляетъ, вставляя его иногда не безъ ущерба для гладкости слога. Означенное словечко встрѣчается въ переводѣ 11 разъ (стр. 47, 100, 102, 106, 107, 114, 164, 196, 197, 245, 275).

Въ слѣдующихъ фразахъ нельзя не видѣть слѣдовъ латинизма: стр. 39: „Что до солдатъ, всѣ они служили даромъ"; стр. 214 „Что до его (Калигулы) научныхъ знаній, онъ былъ образованъ очень поверхностно"; стр 352. „Что до обычнаго обыска являвшихся на аудіенціи, онъ отмѣнилъ

его еще во время междоусобной войны"; стр 372). „Что касается управленія имперіей, онъ (Домиціанъ) нѣсколько времени не давалъ составить понятія о себѣ", стр 342 (Vesp. cap. 1): „если итти въ Сполецій" (вм. по дорогѣ въ С.).

Примѣчаніямъ въ переводѣ Алексѣева отведено въ концѣ книги около 70 стр. (393—461) петита и общее число ихъ простирается до 500, не считая подстрочныхъ, тогда какъ въ переводѣ Ильинскаго ихъ насчитывается лишь около 50.

Несмотря на такое обиліе примѣчаній, всеже нѣкоторыя мѣста остались необъясненными, такъ на стр. 55 турійскій, на стр. 119 слѣдовало бы пояснить слово к р о н а, соотвѣтствующее латинскому matrix (Aug. cap. 94), которое въ такомъ именно значеніи читается только въ данномъ мѣстѣ Светонія.

Далѣе не объяснены: на стр. 133: Архелай, тралльцы, лаодикійцы, театирцы; на стр. 141: винделики, паннонцы, ретійцы, бревки, далматинцы (но объяснены бруктеры), на стр. 189 (Cal. cap. 18): гелотіанская ложа, на стр. 239 не объясненъ юридическій терминъ „юрисдикціи по дѣламъ фидеикомиссій"; на стр. 257: аллоброги, арверны; на стр. 276 не объясненъ праздникъ Сигилларій; на стр. 311 декуріи судей; на стр 328 эквикулы; на стр 346 богъ Кармелъ.

Что нѣкоторыя выраженія перевода безусловно нуждаются въ поясненіяхъ, это доказываетъ, напр., такое мѣсто, какъ Iul. cap. 39 (стр. 24), гдѣ читаемъ: „Въ морскомъ сраженіи, происходившемъ въ озерѣ, которое было вырыто на м а л о м ъ х в о щ о в о м ъ полѣ, принимали участіе биремы"....—въ текстѣ сказано: in minore Codeta defosso lacu. Фестъ даетъ намъ такое объясненіе къ наименованію Codeta: „ager trans Tiberin, quod in eo virgulta nas-

cuntur ad caudarum equinarum similitudinem (ср. Index I nominum propriorum въ vol. III изд. Светонія Baumgarten-Crusius Lipsiae 1818 s. v. и Fest. ed. Dacierius, Amstelodami 1699 p. 85).

Нѣкоторыя изъ примѣчаній носятъ тенденціозный характеръ (пр. 176, 200, 240 и др.); комментаторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ поученіямъ и сравненіямъ, заимствуя примѣры для этого изъ исторіи новаго времени (пр. 50, 116 и др.); многія изъ примѣчаній (напр. 73, 94, 195, 223 и др.) страдаютъ неполнотой указаній.

Въ орѳографіи у переводчика замѣчается неустойчивость: такъ, онъ пишетъ: нумеръ (стр. 269, 288) и номеръ (стр. 273), рціаріи (стр. 199 дважды и 430 трижды), и ретіаріи (стр. 247), мирмилонъ (стр. 277, 294) и мирмиллонъ (стр. 378 и 459). Съ прописной буквы напечатаны: „Большой Циркъ" (стр. 275), Новый Годъ (стр. 266, но „Новый годъ" на стр. 312), Государственное Казначейство (стр. 267, однако „Государственное казначейство" на стр. 354), Сенатъ (стр. 47, 162, 166, 173, 211, 290, 312 и др.), однако съ малой буквы „эквикулы" (стр. 428).

Невыдержанность наблюдается въ томъ, что греческія слова и фразы переводятся рѣдко въ выноскахъ (ср. стр. 49, 224—225, 250—251), а обыкновенно въ примѣчаніяхъ, между тѣмъ какъ для читателя подобной книги весьма важно извѣстную остроту, высказанную по-гречески, прочесть тутъ же въ выноскѣ подъ текстомъ, не тратя долго времени на поиски въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ, непремѣнно въ текстѣ слѣдовало привести греческій стихъ на стр. 220, заключающій въ себѣ сарказмъ (ср. стр. 232 и 286).

На стр. 224, гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ переведены греческія фразы, одна фраза осталась не переведенной; а въ примѣчаніи 251 къ стр. 286 (Ner. cap. 38) читателю самому приходится догадываться, что слова „при

моей жизни" есть переводъ греческой фразы ἐμοῦ ζῶντος. На стр. 116 (Aug. cap. 92) читаемъ: „Его боязнь въ данномъ случаѣ объяснялась, какъ онъ пишетъ Тиберію, исключительно δυσφημία этого слова"—но что значитъ слово δυσφημία—для читателя осталось неизвѣстнымъ.

Также неустойчивы у переводчика означенія опредѣленныхъ терминовъ, которые передаются не вездѣ одинаково, такъ, напр., Acta значатъ, то „Ежедневныя Извѣстія" (стр. 181), то „Правительственныя Извѣстія" (стр. 203). Послѣднее наименованіе съ измѣненной орѳографіей переводчикъ придаетъ и слову Diurna (стр. 252). Извѣстное выраженіе Juppiter optimus maximus переводится то „Юпитеръ Податель благъ и Владыка" (Aug. cap. 94, стр. 118), то „Юпитеръ Творецъ и Владыка" (Vit. cap. 15, стр. 338 и Vesp. cap. 5, стр. 347). На ряду съ биремами (стр. 24, 186) и триремами (стр. 24, 210) встрѣчаемъ пятивесельныя суда (стр. 278) вмѣсто квинкверемъ; на ряду съ эпилептическими припадками (Iul. cap. 45, стр. 27) переводчикъ употребляетъ выраженіе „припадки падучей" (Ner. cap. 33 стр. 281) [8]). Вмѣсто Тарквиній Прискъ переводчикъ пишетъ Тарквиній Старый (стр. 54).

Изъ опечатокъ главнѣйшія суть слѣдующія: Реномъ вмѣсто Рейномъ (стр. 14), справа вмѣсто сперва (стр. 132), рыбы вмѣсто рабы (стр. 264).

---

[8]) Здѣсь кстати отмѣтить разнообразные способы перевода словъ taberna и popina, изъ которыхъ первое передается словами трактиръ (Ner. cap. 26 и 37 стр. 274, 285), гостиница (Ner. c. 27 стр. 275) или шинокъ Claud. cap. 40, стр. 251), второе—словами кабакъ Claud. cap. 38 стр. 250) или трактиръ (Ner. c. 16 стр. 267 и cap. 26; стр. 274); такимъ образомъ переводчикомъ игнорируются чисто русскія слова питейный и харчевня, до нѣкоторой степени соотвѣтствующія латинскому popina.

Таковы, въ общемъ, недочеты новаго перевода Светоніева сочиненія: „Жизнь двѣнадцати Цезарей“. Недочеты эти вовсе не составляютъ крупныхъ недостатковъ труда г. Алексѣева, исполненнаго съ знаніемъ и любовью къ дѣлу. Нѣкоторыя страницы въ переводѣ переданы очень живо, увлекательно: ихъ читаешь съ истиннымъ удовольствіемъ и, забывая, что это переводъ, невольно думаешь, что имѣешь въ рукахъ оригинальное произведеніе. Такое впечатлѣніе производятъ, напр., страницы 132 сл, 144 сл., 170, 191 сл., 293, 314 и другія.

Неудивительно поэтому, что переводъ г. Алексѣева быстро разошелся, и въ настоящее время печатается второе изданіе этой интересной книги, успѣхъ которой, такимъ образомъ, обезпеченъ уже заранѣе. Хорошо бы видѣть это второе изданіе снабженнымъ указателемъ собственныхъ именъ и снимками съ бюстовъ описываемыхъ императоровъ, какъ объ этомъ упомянуто нами выше.

Пв. Черняевъ.

Г. Казань, 1903 г.
декабря 6-го дня.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Отъ редакціи.

Въ предпослѣдней книгѣ «Ф. З.» за 1903 г. указано въ замѣткѣ: «Къ 35-лѣтней педаг. дѣятел. К. В. Ельницкаго», на то, что положеніе преподавателя рус. языка въ средней школѣ тяжелое въ силу разныхъ причинъ и, между прочимъ,—одной важнѣйшей: малообезпеченности, особенно въ глухихъ городахъ и городкахъ, гдѣ трудно добыть книжку, въ которой бываетъ часто вопіющая нужда. Русское правописаніе, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ—непроходимое «раменье», дебри. Преподавателю приходится часто наводить справки, а справочныя книги или рѣдки, или дороги, и вотъ тутъ и учи «россійской» грамотности! А учитель городского училища, земской, церковно-приходской школы? Вѣдь его положеніе въ данномъ случаѣ совсѣмъ безвыходное Имѣя въ виду притти на помощь преподавателямъ какъ рус, яз. и словесности, такъ и другихъ предметовъ—по возможности рѣшать тотъ или другой вопросъ, редакція, по просьбѣ нѣкоторыхъ г.г. преподавателей, рѣшила открыть страницы «Филолог. Зап.» для вопросовъ и отвѣтовъ и не сомнѣвается, что товарищи по учебному дѣлу, особенно много уже поработавшіе для школы, откликнутся на призывъ нуждающихся въ помощи и такимъ образомъ помогутъ редакціи своевременно давать отвѣты на тѣ или другіе вопросы.

ВОПРОСЫ.

1) Я много забочусь объ ихъ будущности. Какъ писать: объ ея, объ ихъ или же—о ея, о ихъ? Почему такъ или иначе?

2) Какого рода слова «ребятишки» и какъ согласовать: «деревенскіе ребятишки» или же «деревенскія ребятишки»?

3) «Отъ потрясеннаго кремля до стѣнъ недвижнаго Китая»... (изъ ст. Пушкина: «Клеветникамъ Россіи»). Въ «Изборникѣ статей для теорет. изученія образцовъ русск. литературы Баталина выраженіе «потрясеннаго кремля» объяснено такъ: «Въ 1812 г. нѣкоторыя части Московскаго кремля были разрушены французами». Я съ такимъ объясненіемъ согласенъ. Но вотъ какъ объяснить учащимся: «до стѣнъ недвижнаго Китая»: какія разумѣются тутъ «стѣны» и въ какомъ смыслѣ, и почему Китай названъ «недвижнымъ»?

4) «Иль старый богатырь, покойный на постелѣ, не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?» (оттуда же). Г. Невзоровъ въ своемъ «Сборникѣ статей изъ образц. произведеній рус. словесности» подъ старымъ багатыремъ разумѣетъ Кутузова, а г. Филоновъ въ своей «Рус. хрестоматіи» (II-я часть) въ объясненіе выписанныхъ мною словъ говоритъ: «Измаилъ—крѣпость Турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ 1789 г. при Импер. Екатеринѣ II.» Отсюда, кажется, можно сдѣлать то заключеніе, что почтенный составитель хрестоматіи подъ старымъ багатыремъ разумѣетъ Суворова. Но вѣдь Кутузовъ и Суворовъ въ то время, когда появилось это стихотвореніе, были уже мертвыми. 1) Кого же тутъ нужно разумѣть подъ «старымъ багатыремъ, покойнымъ на по-

стели?» 2) какъ понимать слова съ опредѣленьями «покойный на постелѣ», «измаильскій штыкъ», и вообще 3) какъ истолковать учащимся всѣ выписанныя мною слова?

5) «Благодаря ему я живу хорошо». 1) Какая часть рѣчи въ подобныхъ этому случаяхъ слово «благодаря»: глаголъ ли въ формѣ дѣепричастія, или же предлогъ? 2) Слѣдуетъ ли послѣ слова «ему» ставить запятую или же нѣтъ? Если это глаголъ, то вѣдь «благодарить» сочиняется съ винит. падежомъ, а не дательнымъ; а здѣсь «ему» дательный падежъ.

6) «Я видѣлъ два учебн*ыхъ* заведенія» или же два учебн*ыя* заведенія?

Одинъ изъ учителей.

понимать слова съ опредѣленіями «по-
стелъ», «маленькій штыкъ», и вообще
овать, увидимся всѣ вѣнценосный много

«Благодаря ему я живу хорошо». 1) Какая часть
подобныхъ этому случаяхъ слово «благодаря»:
ъ формѣ дѣепричастія, или же предлогъ
и послѣ слова «ему» ставить запятую
немъ? Если это такъ, то вѣдь «благодаря» тре-
ѣется съ винит. падежомъ, а не ... мъ; а
«ему» дательный падежъ.

б) «... двѣ учебныя заведенія» или же два
... ченія.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

4. Хозяинъ-дворянинъ въ отношеніи къ своему слугѣ.

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина.

— Отецъ ты нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки: не хотимъ другого **барина**, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ. Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся. *Дубр.*, *V*. — Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился! сказала комендантша: Палашка, позови **барина** обѣдать. Да гдѣ-же Маша? *Кап. д.*, *Ш*. Альманашникъ: Когда же вашъ **баринъ** сочиняетъ? Слуга: Не могу знать.

Альманашникъ: Экое несчастіе! Доложи своему **барину**, что приходилъ рекомендоваться .. Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя?... *Альман.*, *VI*. См. еще: *Ист. с. Гор.*; *Бар.—Кр.*; *Станц. см.*; *Дубр.*, *I, Ш, IV, VI, XVII, XIX*; *Кап. д.*, *I, II, Ш, V, IX, XIII*; *Альманашн.*, *IV*. Маленькій **баринъ**. *Дубр. XVII*.

— Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). А ты, **баринъ**? Тугиловскій, что-ли? —Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого **барина**.—Алексѣю хотѣлось уравнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась.

— А лжешь, сказала она: не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ **баринъ**. *Бар.—кр.* Молодой **баринъ**. *Дубр.*, *Ш, IV, V*.

Ба́ричъ, а, м.

Словомъ, онъ (Сорванцовъ) истинно русскій **баричъ** прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. *О разг. у кн. Халдин.*

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г.

Ба́рка, и. ж.

Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на **баркахъ**, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ приказчикомъ на этихъ **баркахъ**. *Ист. анекд.*, *IX*. Волга протекала передъ окнами; по ней шли нагруженныя **барки** подъ натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубками. *Дубр.*, *XIV*. См. еще *Ист. пуг. б.*, *VIII*. Нагруженныя **барки** *Мысли на д.*, *IX*.

Барне́сса, ы, ж.

— Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня **баронессѣ** Дельвигъ. *Пис. Дельв 26 г.* Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе **баронессѣ** etc. *Пис. Вульфу 29 г.* См. еще *Пис.: Дельв. 28 г.*, *Плетн. февр. 31 г.*

Баро́новъ

Какъ я былъ радъ баронову (Дельвига) пріѣзду. Онъ очень милъ! *Пис. брату іюля 25 г.*

Баро́нскій, ая, ое.

Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ **баронскій** замокъ? *Сц. изъ рыц. вр.*, *II*.

Баро́нъ, а, м.

Пойду лучше въ минстрели. Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ **баронъ**... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. *Сц. изъ рыц. вр.*, *II*. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили-бъ мы **бароновъ** и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. *Пис. Вульфу 29.* Мартынъ: Прощай. Бертольдъ: Пойду къ **барону** Раулю: авось, дастъ онъ мнѣ денегъ. *Сц. изъ рыц. вр.*, *I*. См. еще: *Зам. объ Иліадѣ; О рекз. Мерзляк.*; *Объ Ист. русск. нар.*, *3*; *Отг. Ег. н.*, *2*; *Ист. анекд.*,

XV; Сц. изъ рыц. вр; Изъ «Лит. газ.», Разговоръ; Зап. бриг моро-де Бр.; Пис.: Дельв. 26 г., ноябрь 30 г., Фуксъ 34 г., Плетн. 30 г.

Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно въ потомкахъ перваго христіанскаго **барона** Клермонъ-Тоннера. *Отр. Ег. н., II...* нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго **барона**. *Журн. ст., Байронъ.* Гасконскіе **бароны**. *Журн. ст., о драмѣ.*

Ба́рскій, ая. ое.

Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо **барскаго** двора. *Бар.—Кр.* Тоже см. еще: *Ист. пуг. б., VIII Зап. Нащ.; Бар.—Кр.: Дубр., V, VI, XVII; Ист. с. Гор; тамъ же, Вр. ист. Кап. д., II.* Въ одномъ изъ **барскихъ** флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. *Кап. д., XIV.* **Барскій** домъ. *Дубр., V, VI, VIII: Мысли на д., II; Кап. д., XIII.* Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ **барскою** сохою, запряженной **барскою** клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на **барскомъ** дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни щей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. *Мысли на д., IX* См. еще *Дубр, II* **Барское** *добро, дитя Кап. д., IX; XI.* **Барское** невѣдѣніе. *Нач. повѣсти 31 г.* **Барская** воля. *Кап. д., II; Ист. с. Гор., Басн. вр.; Дубр., III.* **Барская** праздность. *Дубр., I.* **Барская** шутка. *Дудр., XIX.* **Барскія** слова. *Пис. Вяз., іюнь 26 г.* Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ распишусь, не тутъ-то было. Головная боль хозяйственныя хлопоты, лѣнь—**барская**, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. *Пис. Одоевск. 33 г.* **Барская** барыня—у богатыхъ дворянъ близкая къ помѣщицѣ приживалка. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и **барской** барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. *Арапъ П. В., IV.* См. еще *тутъ же* Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ

домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. *Пик. д.,* *V.*

Барская конфедерація.

Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ **Барская** конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. *О соч. Г. Конисск.*

Ба́рхатный, ая, ое

Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои **бархатные** сапоги и шутя надъ своей подагрой. *Дубр.,* *XIII.* Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ **бархатнымъ** балдахиномъ. *Пик. д.,* *V.* **Бархатная** фуражка. *Русск. Пеламъ.* **Бархатные** штаны. *Арапъ П. В.,* *III.* **Бархатная** подушка. *Историч. анекд.*

Ба́рхатъ, а, м.

Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ атласѣ да въ **бархатѣ**, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. *Станц.—см.*

Барча́та, ъ, м.

Ѣхала она (барыня) въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими **барчатами** и съ кормилицей и съ черной моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала. *Станц. см.*

Ба́рщина, ы, ж.

Унасъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, **барщина** опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ, кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга. *Мысли на д.,* *XI.* Мужики поклонились и пошли на **барщину**, какъ ни въ чемъ не бывало. *Кап. д.,* *XIII.* См. еще *Пов. Бѣлк. (нач.).*

Ба́рыня, и, ж.

1. Госпожа. Я-жъ про рану Петра Андреевича ничего вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, **барыня**, мать наша Авдотья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. *Кап. д.,* *V.* Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ

явился ко мнѣ старичекъ, отставной русскій солдатъ и отъ имени **барыни** позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ. *Отр. неок. пов.*, *V*. См. еще *Станц. см.*; *Арап. II. В.*, *IV*, *IX*. Прекрасная славная **барыня**. *Станц. см. (конецъ)*. **Барыни** пожилыя *АрапъII. В.*, *III*. Старая **барыня**. *Отр. неок. пов.*, *V*. Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской **барынѣ**,—засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки? *Крит. зам* Старушки отъ меня въ восхищеніи, **барыни** ко мнѣ такъ и льнутъ. . *Отр. изъ ром въ пис.*, *8*. Съ ироній. Объ этой **барынѣ** (Сталь) должно было говорить вѣжливымъ языкомъ образованнаго человѣка. Эту **барыню** удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи—довѣренности, Европа—своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ - журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной. *О г-жѣ Сталь* Въ образн. выраж. Братъ Левъ и братъ Плетневъ! Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашею помощью надѣюсь, что **барыня** публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку. *Пис. Брату марта 25 г.* См. **барскій**.

Ба́рышня, и, ж.

Учитель между всѣми отличался; всѣ **барышни** выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и **барышни** насмѣшливо за ними примѣчали. *Дубр.*, *X*. За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея **барышня**. *Бар.—кр.* Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши **барышни** всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ, какъ колода. *Пис. брату 25 г.* См. еще: *Арапъ II. В. VI; Пик. д., II; Кап. д., XIII, XII; Метель; Дубр., IX XVIII; Бар.—Кр.; Отр изъ ром. въ пис., VI; Отр. нек. пов., V; Пис. женѣ авг. 33 г.* Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, чтò за прелесть эти уѣздныя **барышни**! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни

почерпають изъ книжекъ. *Бар.-кр.* Тоже см. *Отр. изъ Ром. въ пис.*, *5.* Ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской **барышнею**, все, что не свыше il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ. *Пис. женѣ окт. 33 г.* Тамошнія **барышни**. *Метель.* Благовоспитанная **барышня**. *Бар.-кр.*. Осудилъ онъ (Федоровъ, разбирая Онѣг.) также слово „корова" и выговорилъ мнѣ за то, что я **барышень** благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками... *Крит. зам.* Бѣленькія **барышни**. *Бар.-кр.* Чувствительная **барышня**. *Метель.* Блестящая **барышня**. *Бар.-кр.* Семнадцатилѣтняя **барышня**. *Бар.-кр.*

Бары́шъ, á, м.

Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ на половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои **барыши**. *Изъ зап. кн., О холерѣ.* Москва полна еще пребываніемъ двора, въ восхищеніи отъ царя и еще не отдохнула отъ баловъ Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго **барыша**. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. *Пис. женѣ 31 г.* Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 р., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ **барышемъ**. *Пис. брату 24 г.* Вотъ тебѣ „Отвѣтъ Готовцовой", чортъ её побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало **барыша**. *Пис. Дельв. 28 г.* (Ср. Положимъ, все та же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? *Крит. зам.*) См. еще: *Ег. н. 2; Сц. изъ рыц. вр. 1.*

Баснопи́сецъ, сца, м.

Согласенъ, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ **баснописцевъ**, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена. *Мелочи.* Извѣстный **баснописецъ**, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь ли-

чиною, написалъ слѣдующую басню... *О неблаг. напад. на двор.*

Баснословный, ая, ое.

Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и **баснословныя** развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ. *Пис. Дельв. 24 г.*

Баснь, и, ж.

Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и **баснь**. *О русск. лит.*

Ба́сня, и ж.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда **баснямъ** неподражаемаго нашего поэта *О пред. Лем. къ переводу басенъ Крыл.* И что такое Дмитріевъ? Всѣ его **басни** не стоятъ одной хорошей **басни** Крылова, всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. *Пис. Вяз. 24 г.* ... Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти **басню** А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ; Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. *Пис. женѣ окт. 33 г.* См. еще: *О неблаг. напад на двор.; Мысли на д., VШ; Крит. зам.; Пис.: Рылѣеву 25 г., Вяз. 25 г. осенью; ему же 10 авг. 25 г* Я закаялся и написалъ на дняхъ подражаніе **баснѣ** умѣреннаго демократа: (Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя) Свободы сѣятель пустынный... *Пис. А. Тург. 23 г.*

Бассе́йнъ, а, м.

Круглый **бассейнъ** имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза... *Пут. въ Арзр., IV.*

Бастíонъ; а, м.

Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ **бастіонамъ** три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый недостало); также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля. *Ист. пуг. б., IV.* Мятежники разбили ядрами деревянный **бастіонъ**. *Тамъ же.* Грозные **бастіоны**. *Тамъ же, 3.*

Басурмáнъ, а, м. 1.

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

— Онъ роду не простого, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: онъ сынъ арапскаго султана. **Басурмане** взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его царю. *Арапъ П. В., V.*

2 Иновѣрецъ.

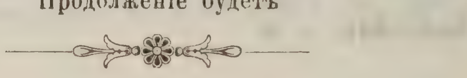
Самъ „пошелъ"., проклятый **басурманъ**. *Бор. Г. сц. 17.* Деформъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи. Проклятый **басурманъ**! проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло: нужно ему было свѣчку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня.—*Дубр., X. См. еще тамъ же, XI.* А кто всему виноватъ? Проклятый мусье... И нужно было нанимать въ дядьки **басурмана**! *Кап. д. I.* См. еще: *Граб., Арапъ П. В:, V.*

Басъ, а, м. Генералъ басъ.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. „Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи: что я такой-же генералъ? («Хиба винъ не тямитъ того, що я такій едноралъ, якъ винъ самъ»). Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: „что ты врешь? какой ты генералъ? ты-генералъ-басъ!" *Ист. анекд., VIII.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ

Оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ“ за послѣдніе годы.

Барсовъ А. В. „Живое Слово“ для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Ц. съ пер. 60 к.

Бородинъ С. „Вѣдомости“ 1703 г. 1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Профес. О лженаучности нашего правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. 1903 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Брюхановъ В. П. А. Н. Майковъ, какъ поэтъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Брюхановъ В. П. Объяснительное чтеніе. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Будде Е. Ѳ. профес. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Бунаковъ Н. Ѳ. Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ. 1901—1902 г.г. Ц. съ пер. 20 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Б. Къ вопросу о правописаніи. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Библіографія. Новая Школа. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Замѣтки и наброски. 1) Воспоминаніе о Жуковскомъ, 1) Памяти А. Ѳ. Гильфердинга. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. и Прядкинъ С. Н. Памяти П. В. Шейна; Памяти И. М. Желтова. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Варшавскій профессоръ. Московскій Музей изящныхъ искусствъ. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Виноградовъ П. А. Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматич. и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ. 1903 г. Ц. съ пер. 60 к.

Водарскій В. А. Разныя замѣтки и матеріалъ для изученія родного языка и словесности. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Въ помощь учащимся—**сборникъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя и Жуковскаго.** 1902 г. 13 печ. лист. Цѣна съ пер. 70 к.

Гальковскій Н. М. Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи. 1901 г. Цѣна съ пер. 20.

Гальковскій Н. М. Очерки сербской народной литературы. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Гальковскій Н. М. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Герасимовъ А. Г. Правописаніе, какъ научно обоснованный образъ праворѣчія. 1903 г. Ц. 15 к. съ пер.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гордѣевъ К. Ѳ. Поэтъ мести и печали Н. А. Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 25 к.

Горницкій П. К. Темы испытаній зрѣлости по рус. языку предложенныя въ учебныхъ Округахъ М. Н. Пр. въ 1894 по 1897 годъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М. Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М.: I. Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средн. школы по рус. яз. и словесности. II. Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи. III. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-лѣтн. годовщину его смерти. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Гуссовъ В. М. По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго образованія. 1901 г. Цѣна съ перес. 7 к.

Гуссовъ В. М. Вѣнокъ на могилу Гоголя. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ“ изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.

Данилевичъ А. Нѣсколько словъ о положеніи русск. языка въ русской школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Державинъ Н. С. Одинъ изъ перловъ Пушкинской юбилейной литературы. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Дроздовъ М. А. Къ вопросу о желательной постановкѣ преподаванія русской словесности въ духовныхъ семинаріяхъ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе басенъ и стихотвореній. 1902 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ельницкій К. В. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ. (Къ 20-лѣтію со дня смерти). 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Заболотскій П. А. О вліяніяхъ подъ которыми слагались личность и творчество Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Замотинъ И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. 1900 г. Цѣна съ перес. 50 к.

Зелернинъ Д. К. Этимологическія замѣтки. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Зоргенфрей Г. Г. Реальное и гуманитарное образованіе. 1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Обзоръ новыхъ книгъ по педагогикѣ и классной филологіи. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Зоргенфрей Г. Г. О классномъ чтеніи Горація. 1902 г. Ц. съ пер. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Памяти Константина Васильевича Кедрова. 1903 г. Ц 5 к. съ пер.

І. М. Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ“—Гомера). 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ивановскій В. И. Народныя присловья о городахъ и племенахъ Олонецкаго края. 1901 г. Цѣна съ пер. 8 к.

Ивк. С. О чемъ сказано въ книгѣ К. В Ельницкаго: «Мысли и чувства, выраженныя въ художественныхъ произведеніяхъ»? 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Кашинъ Н. П. Наши новѣйшія руководства для юношества. 1901 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Крыловъ И. С. Языкъ и слогъ произведеній Кольцова 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Корольковъ А. Н. Лордъ Байронъ. 1901 г. Цѣна съ пер. 10. к.

Корольковъ А. Н. Недопѣтая пѣсня (по поводу 60-лѣтія со дня кончины М. Ю. Лермонтова) 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Круковскій А. В. О постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ реальныхъ училищахъ. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ляскоронскій В. П. О юморѣ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 7 к.

Ляскоронскій В. П. Очерки Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», какъ отраженіе общественныхъ настроеній. 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Матеріалы для біографіи *И. С. Никитина* (письма его). 1902 г. Цѣна съ перес. 15 к.

Мочульскій В. Н. Проф. „Авторская исповѣдь“ Н. А. Гоголя 1903 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Мышецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина„—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Никольскій Д. А. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ. З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ З З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 25 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правоп. 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Опоковъ З. З. Нѣсколько словъ объ „орѳографическихъ" словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Первовъ П. Д. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. 1902 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Первовъ П. Д. Международная фонетическая ассоціація 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Подаринъ Н. А. Новые варіанты былинъ. 1898 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Прохоровъ Г. В. Литературно-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго. 1903 г. съ пер. Ц. 20 к.

П. С. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ въ средней школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 8 к.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его, II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна брошюры съ портретомъ 50 к. съ пер.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)". 1899 г. Цѣна съ перес. 10 к.

„Памяти А. С. Пушкина“. 1899 г. Цѣна съ пер. 20 к.

„Памяти Ивана Саввича Никитина“. 1899 г. Ц. съ перес. 30 к.

„Критико-библiографическiя статьи и замѣтки“ (разборъ изслѣдованiй о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Критико-библiографич. статьи и замѣтки“ (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина“ и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Къ вопросу о дѣленiи глаголовъ на два спряженiя и о правописанiи глагольныхъ формъ“. 1899 г. Ц. съ пер. 10 к.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положенiи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Библiографiя. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Къ празднованiю тридцатипятилѣней педагогической дѣятельности К. В. Ельницкаго. 1903 г. Ц. съ пер. 5 к.

П. А. По поводу постановки преподаванiя русскаго языка и словесности въ будущей новой средней школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рамзевичъ Н. К. „Энциклопедическiй Словарь“ издателя Ф. Павленкова. 1901 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Рамзевичъ Н. И. Изъ лексикона о бѣлорусской розгѣ (по поводу 40-лѣтiя отмѣны тѣлесныхъ наказанiй). 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Рогозинъ С. С. Звуки рѣчи, какъ результатъ работъ органовъ. 1901 г. Ц. съ пер 20 к.

Романовскiй В. Е. Объ отношенiи географiи и исторiи къ преподаванiю словесности. 1895 г. Ц. съ пер 25 к.

Рыбинскiй В. С. О „Фаустѣ“ Гёте. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рѣзановъ В. И. Памяти Л. Н. Майкова. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

Соболевскій А. И. Академикъ. Изъ введенія въ морфологію церковно-славянскаго языка. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческій очеркъ. 1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Солоникіо А. И. Очерки римской миѳологіи. 1903 г. Ц. съ перес. 60 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Соловьевъ А. В. Ученическіе годы В. А. Жуковскаго. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Соловьевъ А. В. Жизнь Грибоѣдова въ СПБ. 1903 г. Ц. съ пер. 30 к.

Смѣльницкій И. Н. Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи рус. самосознанія. 1902 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Смѣльницкій И. Н. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. 1899 г. Ц. 25 к. съ пер. 35 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Смѣльницкій И. Н. В. А. Жуковскій, характеръ и роль его поэзіи въ исторіи рус. литературы. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Суровцевъ А. Г. Кто придумалъ слово „временщикъ". 1901 г. Цѣна съ пер. 7. к.

Тимофеевъ Н. Частицы *не*, *ни* и *нѣ* въ рус. яз. ихъ значеніе и правописаніе. 1902 г. Ц. съ пер. 35 к.

Тремко Ѳ. И. Разборъ эллегіи Пушкина. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Харламовъ М. А. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся. 1900 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Чебышевъ А. А. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. Цѣна съ перес. 70 к.

Четыркинъ И. Д. Нѣсколько словъ о педагогическихъ съѣздахъ. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Четыркинъ И. Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд. *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Черняевъ П. Н. Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи" Жуковскаго современ. и послѣд. критики. 1902 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Шамраевъ В. Н. О жизни и твореніяхъ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Шеметова Н. В. Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. 1900—1902 г. Ц. съ пер. 70 к.

Шеметова Н. В. По прочтеніи «На Днѣ» —Горькаго. 1903 г Ц. 5 к. съ пер.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. Ц. 20 к. съ перес.

Щукинъ П. Н: I. Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель. II. Значеніе И. А. Гончарова въ исторіи рус. литературы. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 60 к.

Щукинъ П. Н. Григоровичъ, какъ народный писатель. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Ѳоминъ Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія). 1900 г. Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Два перла классической литературы: щиты Ахиллеса и Энея. 1901 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту буквы „ять". 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. 1903 г. Ц. съ пер. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Затруднительные случаи русскаго правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Гекторъ и Андромаха. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Флёровъ А. П. Библіографія. Житецкій. „Теорія поэзіи". 1901 г. Ц. съ пер. 10 к.

„Указатель" статей напечатанныхъ въ „Филол. Зап." за 13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. Ц. съ пер. 25 к.

„Указатель" за 25 лѣтъ: 1860—1886 г.г. Ц. 30 к. съ пер.

Оба „Указателя" вмѣстѣ—40 к. съ пер.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка нн 1904 г. на журналъ

„НОВЫЙ МІРЪ"

VI годъ изд.

Иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, исскусства и прикладныхъ знаній, съ преміями и приложеніями.

Изданіе Товарищества *М. О. Вольфъ.*—Общая редакція *П. М. Ольхина.*

Въ теченіи года каждый подписчикъ „*новаго міра*" получаетъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія и преміи къ нимъ: НОВЫЙ МІРЪ богато иллюстрированный литературно-художественный журналъ, въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, заключающій въ себѣ: беллетристику, поэзію, исторію, критику и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній. Всего въ годъ 24 №№ ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной общественной и экономической жизни Россіи. Въ годъ 24 №№ ЛИТЕРАТУРНЫИ КУРЬЕРЪ обзоръ событій и явленій въ русскомъ и иностранномъ литературномъ мірѣ, составляющій, вмѣстѣ со „Всемірной Лѣтописью", составную часть „Новаго Міра",—24 №№ ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ иллюстрированный обзоръ текущей жизни—политической, общественной и художественной—24 №№ ВРЕМЕННИКЪ Живописной Россіи обзоръ текущей русской жизни, представляющій собою газету-лѣтопись,--24 №№ МОЗАИКА иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, съ хроникой самообразованія и справочнымъ отдѣломъ,— 24 №№ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА въ колич. 24 книж., въ составъ которыхъ войдутъ **20 романовъ въ 24 томахъ**

русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ. Серія эта будетъ заключать въ себѣ историческіе, бытовые и соціальные романы.

БИБЛІОТЕКА *русскихъ и иностранныхъ писателей* въ 24 книгахъ, въ составъ которыхъ войдутъ: **сочиненія ЛЕССИНГА** въ 10 томахъ, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей П. Н. Полевого, съ портретомъ и біографіей Лессинга. **полное собраніе** *пословицъ русскаго народа* поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр. Капитальный трудъ В. И. Даля въ 8 томахъ. *Энциклопедія остроумія* Собраніе перловъ всемірнаго остроумія въ 2 томахъ, составленное В. Поповымъ.

Изданія, преміи и прилож. которыя получ. въ 1904 году гг. подписчики „НОВАГО МІРА“ уплачивая по **2** рубля въ теченія семи мѣсяцевъ.

Независимо отъ всего вышеперечисленнаго, всѣ подписчики получатъ еще: Великолѣпное художественное, историч. изданіе: **царь Іоаннъ грозный** его царствованіе, его дѣянія, его жизнь, современники и дѣятели въ портретахъ, гравюрахъ, живописи, скульптурѣ, памятникахъ зодчества и пр. (около *300* иллюстрацій), подъ редакіей *Н. В. Головина*. Особую, цѣнную, роскошную премію: **17 геліогравюръ** съ картинъ всемірно-извѣстныхъ художниковъ, исполненныхъ въ Лондонѣ въ художественномъ ателье Rembrandt Printing Co которыя могутъ служить для украшенія стѣнъ и для большого настольнаго кипсека или альбома.

Годовая подписная цѣна *„Новаго Міра“* на веленевой бумагѣ на 1904 г., со всѣми вышеобъявленными преміями и приложен., съ доставкою и пересылк. **14 руб**. Годовые подписчики, уплачивающіе сразу всю подписную сумму, получаютъ всѣ 17 геліогравюръ при самой подпискѣ.

Допускается льготная разсрочка платежа по 2 руб. въ въ мѣсяцъ или-же, по желанію, отъ 2 руб. при подпискѣ и отъ 1 руб въ мѣсяцъ, до полной уплаты всей подписной суммы. **2 руб.**

---

7) *Смѣсь.*

8) *Разсказы, стихотворенія и анекдоты.*

9) Свѣдѣнія билiографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же—касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще и объ ежемѣс. журналахъ.

10) Иностранное обозрѣніе (обзоръ событій въ иностранныхъ государствахъ).

11) Замѣтки наблюдателя (свѣдѣнія о жизни въ Европейской Россіи).

12) Сибирскіе отголоски (свѣдѣнія о жизни въ Сибири)

13) Отвѣты редакціи подписчикамъ.

14) Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица: В. И. Анучинъ, М. Р. Бейлинъ, М. Боголѣповъ, В. П. Булыгинъ, А. Бахаревъ, Р. Л. Вейсманъ, Г. Вяткинъ, З. Д. Вольскій, И. Г. Георгіевскій, А. К. Голодниковъ, И. К. Голубевъ, Ю. А. Горбатовскій. Н. А. Гурьевъ. В. А. Долгоруковъ, К. П. Дубровскій (псевдонимъ). А. А. Ершовъ, М. П. Захарченко, П. Ивановъ, М. Кл-нъ (псевдонимъ), Д. Н. Корнатовскій, А. М. Красовскій Е Ф Кудрявцевъ, С. А. Коваленко, (псевдонимъ). А. А. Колычевъ, П. Н. Копыловъ, И. П. Кузнецовъ Красноярскій, Е. А. Круглихина, Е. В. Кузнецовъ-Тобольскій С. К. Кузнецовъ, А. Б. Клюге, И. Коловратовъ, (псевдонимъ), Р. В. Лоренцони. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Новиковъ, Е. Н. Никитинъ. А. Ордынскій П. В. Оленинъ, А. Рославлевъ, И. О Родіоновъ, А. М. Серебрениковъ, М М. Самохваловъ, Н. В Скорняковъ, Г. Сергѣевъ, Е. Я. Снѣгурская. А. А. Скороходовъ, Э. Станиславская, М. Тумановъ (псевдонимъ), С. Г. Хрѣнкова, М. И. Цейнеръ, Ф. Ф. Филимоновъ, „Severus“ (псевдонимъ), Н. Г. Чмелевъ, П. Чистяковъ и друг.

Цѣна: въ годъ **4 руб. 50 коп.** съ доставкой и пересылкой. За пересылку заграницу добавляется еще **3 руб.**

Всѣ подписчики на 1904 годъ получать въ концѣ года въ видѣ преміи третій выпускъ „Альбома Сибирскихъ видовъ", состоящаго изъ художественно-исполненныхъ фототипогравюръ, на хорошей бумагѣ.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ, и изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ редакц. экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 страница *15* руб., $^1/_2$ стран *10* руб. $^1/_4$ стран. *6* рус.

Подписка и объявленія принимаются: „Сибир. Наблюд." въ г. Томскѣ, Дворянская ул., № 4 (телеф № 1) и въ книжномъ магазинѣ П. И Макушина; въ Москвѣ у И. К. Голубева, Покровка 52 домъ церкви Іоанна Предтечи и у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая, пр. Стараго университ., д. Бекендорфъ; въ Барнаулѣ у частн. пов. А. А. Ершова, въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова, (Новый Свѣтъ 67); въ Красноярскѣ въ книжн. маг. А. Ф. Комарова и въ редакціи газеты „Енисей", въ Бійскѣ у А. А. Зильбербарта: въ Тюмени у Г. П Кгаевскаго. Объявленія также принимаются въ Москвѣ въ Центральной Конторѣ Торгов. Дома „Л. и Э. Метцль и К°" Мясницая, д. Сытова, и въ конторѣ объявленій и подписки І. В. Барцтошевича, Мал. Лубянка, № 20.

Редакторъ-Издатель *В. А. Долгоруковъ.*

I.

Еженедѣльный журналъ „*Церковный Вѣстникъ*", вступаетъ въ 1904 году въ *тридцатый* годъ изданія.

1) Въ передовыхъ статьяхъ „Церковный Вѣстникъ" даетъ разрѣшеніе волнующихъ общество вопросовъ церковной и общественной жизни, выдвигаемыхъ современностью.

2) Въ статьяхъ церковно-общественнаго характера подвергаются обсужденію, съ церковной точки зрѣнія, современныя явленія русской и иностранной жизни.

3) Въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отзывы" „Церковный Вѣстникъ" знакомитъ съ выдающимися сужденіями печати, имѣющими живой интересъ для духовнаго читателя.

4) По настойчивому желанію подписчиковъ, „Церковный Вѣстникъ" давно уже на своихъ страницахъ даетъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходской практики.

5) Далѣе печатаются: Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы.

6) Библіографическія замѣтки о новинкахъ въ области духовной и свѣтской литературы.

7) Постановленія и распоряженія духовнаго и свѣтскаго правительства.

8) Лѣтопись церковной и общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей, особенно въ родственныхъ намъ по вѣрѣ странахъ.

9) Извѣстія и замѣтки, не нашедшія себѣ мѣста въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ, и 10 объявленія.

II.

Ежемѣсячный журналъ „*Христіанское Чтеніе*", старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ, вступая въ 1904 году въ восемьдесятъ четвертый годъ изданія, по прежнему будетъ давать:

1) статьи богословскія, философскія и историческія, принадлежащія преимущественно профессорамъ академіи, общезанимательныя по предметамъ, научныя по разработкѣ и доступныя по изложенію.

2) критическіе отзывы о новыхъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ богословско-философской и исторической лите-

ратуры, русской и иностранной, а также—обзоръ русскихъ духовныхъ (и отчасти свѣтскихъ) журналовъ.

Выходя въ количествѣ 12-ти книжекъ, каждая отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, "Христіанское Чтеніе„ даетъ въ годъ до 132 печатныхъ листовъ (болѣе 2000 стр.), составляющихъ два тома (по двѣ части въ каждомъ) научно-богословскихъ статей и очерковъ и одинъ томъ журналовъ академическаго совѣта.

III

Съ 1895 года редакція издаетъ «полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста» въ русскомъ переводѣ на слѣдующихъ основаніяхъ:

Въ 1904 году будетъ изданъ *десятый томъ* въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ Бесѣды Св. Іоанна Златоуста на 1 и 2 посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ и толкованіе на посланіе къ Галатамъ

Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые при подпискѣ или въ теченіе 1904 года пожелали бы получить и первые девять томовъ всѣ вмѣстѣ или порознь, уплачиваютъ за каждый томъ по *два* руб. (имѣсто *трехъ*), въ переплетѣ по *два* руб. *50* коп. съ пересылкой.

Примѣчаніе. По этой льготной цѣнѣ каждый подписчикъ имѣетъ право получить только по одному экземпляру первыхъ девяти томовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста 9 (девять) руб. въ изящномъ переплетѣ—9 руб. 50 коп.

б) отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб. съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста—6 руб. 50 коп. въ изящномъ переплетѣ—7 руб. (на полугодіе 3 руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній св. Іоанна Златоуста—5 руб., въ переплетѣ—5 руб. 50 коп.); за Христіанское Чтеніе“ 5 (пять) руб, съ приложеніемъ 10-го тома Твореній Св. Іоанна Златоуста—6 руб. 50 коп. въ изящномъ переплетѣ—7 руб.

Адресы: «Церковнаго Вѣстника» и «Христіан. Чтенія въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ «Церковнаго Вѣстн. проф. свящ. А. Рождественскій.
Редакторъ «Христ. Чтенія» проф. П. Смирновъ.

XI

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 г. **„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“** 18-й годъ.

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

(Издается съ 1887 г. подъ редакціею А. Х. САБИНИНА).

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ).

П Р О Г Р А М М А:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло 3. Статьи по земской медицинѣ. 4. Исторія медицины. 5. Переводныя статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7. Врачебная хроника и смѣсь. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р., для фельдшеровъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Г.г. фельдшеровъ фельдшерицъ и акушерокъ просятъ обращаться съ подпискою въ контору редакціи.

Редакторъ *А. Сабининъ.*

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1904 годъ.

Изданіе Комитета Россійскаго Общества

КРАСНАГО КРЕСТА

по подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и помощи пострадавшимъ отъ общественныхъ бѣдствій.

Три части: I. Отрывной по днямъ, II. Отрывной—мѣсячный и III. Годовой календарь-карточка.

Соединена программа подробныхъ дѣловыхъ и военныхъ календарей: I. Общія свѣдѣнія: Святцы; церковныя службы и чтенія св. Евангелія и Апостоловъ; высокоторжественные и неприсутственные дни; орденскіе праздники; посты. Восходъ и заходъ солнца и луны для С.-Петербурга и Москвы. Выдающіяся событія дня.

Медицинскіе совѣты по подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Совѣты по домоводству. Тиражи % бумагъ. Ярмарки и различныя другія свѣдѣнія. II. Военный отдѣлъ: Праздники войсковыхъ частей со свѣдѣніями изъ исторіи ихъ. Сроки линейнаго производства офицеровъ. Освобожденіе въ войскахъ иновѣрцевъ отъ занятій. Дни церковнымъ парадовъ. Форма одежды.

Размѣръ: Папка 16×10 дюйм.; отрывные листы 8×5 дюйм.; цифры 4 дюйм. Красивый внѣшній видъ: рисунокъ папки—портикѣ въ стилѣ ампиръ въ краскахъ съ золотомъ.

Цѣна 1 руб.; пересылка по дѣйствительной стоимости. Доставка на домъ въ Петербургѣ безплатно.

От Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Воронежской губ. на 1904 годъ, изданная Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ подъ редакціей Секретаря Комитета **Д. Г. Тюменева.**

Содержаніе: Воронежскій календарь Мѣстные праздники и крестные ходы въ Воронежской губ. и Православный мѣсяцесловъ.

Отдѣлъ I-й Справочный. Россійскій Императорскій Домъ. Главное Управленіе Россіи. Распоряженія Правительства: 1) Объ отмѣнѣ круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладыхъ сборовъ. 2) Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. 3) Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня. 4) Объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи полицейской стражи. 5) О ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ и по обезвреживанію сырыхъ животныхъ продуктовъ. Уставъ Воронежской Городской торговой школы. Уставъ Воронежской кассы взаимнаго вспоможенія на случай смерти. Уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Воронежской губ.

Правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли въ области Сыръ-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую.

Списокъ Воронежскихъ архипастырей, губернато-

ровъ, губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ г. Воронежа.

Дѣленіе Воронежской губерніи въ административномъ и другихъ отношеніяхъ.

Отдѣлъ II-й статистическій.

Отдѣлъ III-й научно-литературный. Очеркъ жизни о дѣятельности святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Къ двухсотлѣтію со дня кончины Святителя. (23 ноября 1703—1903 г.). *Н. И. Поликарповъ.* Евгеній Львовичъ Марковъ. (1835—1903). *В. В. Литвиновъ.* Договорныя грамоты Рязанскихъ князей XV в., какъ источникъ для исторіи Воронежскаго края. *С. Введенскій* Слабый ростъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губ. и незначительный районъ ихъ экономическаго вліянія. *В. П. Менжулинъ.* Замѣчательные уроженцы г. Воронежа и Воронежской губ. *В. В. Литвиновъ.*

Производство крестьянскаго сукна и другіе промыслы среди женскаго населенія Новохоперскаго уѣзда *В. В. Литвиновъ.* Васька Желтовскій. (Эпизодъ изъ исторіи раскола въ Воронежскомъ краѣ при Св. Митрофанѣ,—по архивнымъ документамъ). *С. Введенскій.*

Воспоминанія о Т. И. Рубашевскомъ. *А. Вязовскаго.*

Отдѣлъ IV-й Адресъ-Календарь лицъ, служащихъ по г. Воронежу и по Воронежской губ. *Указатель къ Адресъ-Календарю* служащихъ по г. Воронежу и Воронежской губ. *Объявленія.*

Цѣна книжки 1 р. 50 к. Продается въ Канцеляріи Губернскаго Статистическаго Комитета (въ зд. Губернскаго Правленія) и въ книжныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб.; съ доставкою *7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ.

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Жур. Мин. Нар. Просв., за апрѣль 1902 года).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Принимается подписка на 1904 г. на журналъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ"

издаваемый при Главномъ Управленіи военн-учебн. заведен.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 7—8 печатныхъ листовъ.

Условія подписки:

Безъ доставки 4 р., 50 коп., съ доставкой и пересылкой 5 р., за границу 6 р., 50 коп.

Подписка принимается въ книжномъ складѣ комиссіонера военно-учебн. заведеній В. А. Березовскаго С.-ПБ. Колокольная, 14. Для иногородныхъ адресъ въ редакцію: С.-Петербургъ, Саперный переулокъ, д. № 6, квар. 2.

Редакторъ *А. Н. Острогорскій.*

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

44-й годъ изд.	въ 1904 году—	44-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ специальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое специальное названіе, по волѣ основателя его,—вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ **6** р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р **20** к.

съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **10%**.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., $^1/_2$ стран.—5 р., $^1/_4$ стран.—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ,** **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго

***) Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Садовая ул., домъ Шерферъ, № 17.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Политическая роль античнаго театра *).

(Посвящается Ѳ. Ф. Зѣлинскому).

II.

Цицеронъ въ своей рѣчи: «Pro Sestio» (50, § 106), говоритъ: «tribus locis significari maxime de re publica populi Romani iudicium ac voluntas potest: contione, comitiis, ludorum gradiatorumque consessu» [66]). Драмы одного изъ первыхъ драматурговъ Рима подтверждаютъ заявленіе Цицерона, что театръ, между прочимъ, служилъ мѣстомъ выраженія общественнаго мнѣнія. О Нэвіи [67]) Авлъ Геллій сообщаетъ [68]): «De

---

*) Окончаніе. См. I в. 1904 г.

[66]) (Текстъ приведенъ по Baiter'у). «Въ трехъ мѣстахъ больше всего можетъ обнаруживаться сужденіе и образъ мыслей римскаго народа въ дѣлахъ государственныхъ: на сходкѣ, въ народныхъ собраніяхъ, въ публикѣ на сценическихъ и гладіаторскихъ играхъ».

[67]) O. Ribbeck. „Geschichte d. röm. Dichtung" I, 2 p 22.

[68]) „Noctes Attic." III, 3, 15. «Относительно Нэвія намъ извѣстно, что онъ въ тюрьмѣ написалъ двѣ драмы: «Гаріола» и «Леонта», когда за постоянное злословіе и порицанія, которыя онъ, по обычаю греческихъ поэтовъ, произносилъ по адресу первыхъ лицъ государства, тріумвиры (тюремныя власти) въ Римѣ бросили его въ темницу. Отсюда онъ впослѣдствіи, благодаря стараніямъ народныхъ трибуновъ, былъ выпущенъ, такъ какъ въ тѣхъ, выше названныхъ, драмахъ загладилъ свои проступки и дерзкія рѣчи, которыми онъ раньше многихъ задѣлъ».

Naevio accepimus, fabulas eum in carcere duas scripsisse «Hariolum» et «Leontem», cum ob assiduam maledicentiam et probra in principes civitatis de Graecorum poëtarum more dicta in vincula Romae a triumviris coniectus esset. Unde post a tribunis plebis exemptus est, cum in his, quas supra dixi, fabulis delicta sua et petulantias dictorum, quibus multos ante laeserat, diluisset». Въ другомъ мѣстѣ [69]) тотъ же авторъ пишетъ слѣдующее: «Scipionem istum, verone an falso incertum, fama tamen, cum esset adulescens, haud sincera fuisse et propemodum constitisse, hosce versus a Cn. Naevio poëta in eum scriptos esse:

Etiám qui res mágnas manu saepe géssit glorióse,
Cuius fácta viva núnc vigent, qui apud géntes solus praéstat,
Eum suús pater cum pállio unod ab amica abdúxit.

His ego versibus credo adductum Valerium Antiatem adversus ceteros omnis scriptores de Scipionis

---

[69]) VII, 8. 5. «Неизвѣстно, справедливо ли, или нѣтъ, но только Сципіонъ въ молодости не пользовался безупречной репутаціей, и почти установилось мнѣніе, что вотъ какіе стихи написалъ на него поэтъ Кн. Нэвій: «Даже того, кто не разъ славно оканчивалъ важныя предпріятія; чьи дѣянія теперь живы и являются въ полномъ блескѣ; кто одинъ выше всѣхъ въ глазахъ свѣта, даже того отецъ увелъ отъ подружки въ одной рубашкѣ» (O. Ribbeck. Com. Rom. frag [3] p 28 vv 108—110). Я думаю, что Валерій Антіатъ подъ вліяніемъ этихъ стиховъ составилъ себѣ о Сципіонѣ мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прочихъ писателей, и пишетъ, несогласно съ высказаннымъ нами выше, что той плѣнной дѣвушки Сципіонъ не возвращалъ отцу, а удержалъ ее при себѣ и пользовался ею для любовныхъ наслажденій».

moribus sensisse et eam puellam captivam non redditam patri scripsisse contra quam nos supra diximus, sed retentam a Scipione atque in deliciis amoribusque ab eo usurpatam».

Съ первымъ изъ этихъ свидѣтельствъ Геллія уже давно ставятъ въ связь то мѣсто «Miles Gloriosus» Плавта, гдѣ Периплекоменъ восклицаетъ:

«Apage, non placét profecto mihi illaec aedificátio,
nam ós columnatúm poëtae esse ínaudivi bárbaro,
quoí bini custódes semper tótis horis óccubant» [70]).

Кромѣ этихъ случаевъ, политическій характеръ которыхъ несомнѣненъ, среди фрагментовъ драматическихъ произведеній Нэвія можно отыскать не мало такихъ, относительно которыхъ легко допустима ихъ связь съ современностью. Сюда я отнесъ бы слѣдующіе два отрывка чуть ли не изъ самой лучшей его комедіи: «Тарентиллы»:

«Quae ego in theatro hic meis probavi plausibus,
ea nunc audere quemquam regem rumpere?
quanto libertatem hanc hic superat servitus» [71]).

Эти слова, сказанныя устами какого-нибудь изъ персо-

---

[70]) Pl. „Mil. Gl.“ 210—212 «Къ черту! Не нравится мнѣ, право, такое положеніе: я слышалъ, что лицо под перто рукой у иностранца-поэта, подлѣ котораго постоянно, всечасно лежатъ два караульныхъ».

[71]) O. Ribbeck. Com. Rom. fr. [3] p. 22, № 1. Nunc—коньектура Л. Мюллера. (Bothe) Ж. М. Нар. Пр. 1885, отд. клас. фил., стр. 290. Л. Мюллеръ полагалъ, что подъ regem надо разумѣть aedilem vel alium magistratum. «Неужели то, что я одобрилъ здѣсь, въ театрѣ, своимъ рукоплесканіемъ, дерзаетъ теперь уничтожить какой-нибудь деспотъ? Какъ здѣсь (въ театрѣ) рабство преобладаетъ надъ нашей (общей) свободой!»

нажей пьесы, а вѣрнѣе всего пролога, очень подходятъ къ задорному, самоувѣренному тону Нэвія.

Точно также въ виду начинавшей къ тому времени все сильнѣе сказываться эллиноманіи злободневный характеръ могли носить и слѣдующіе стихи изъ той же пьесы:

> «Primum ad virtutem ut redeatis, abeatis ab ignavia,
> Domi patres patriam ut colatis potius quam peregri probra [72]).

Вполнѣ примѣнимо къ событіямъ, имѣвшимъ въ Римѣ мѣсто послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, слѣдующее двустишіе, сохраненное Цицерономъ въ трактатѣ: «Cato maior» (6, § 20):

«Cedo, qui vostram rem publicam tantam amisistis tam cito»? на что слѣдовалъ отвѣтъ: «Proveniebant oratores novi, stulti adulescentuli» [73]). Правда, O. Ribbeck этотъ отрывокъ относилъ [74]) къ претэкстѣ «Lupus», но для этого нѣтъ никакого серьезнаго основанія, какъ это доказалъ Л. Мюллеръ [75]), указав-

---

[72]) Ibid. p. 25, № 12. «Первымъ долгомъ, чтобы вернуться къ мужеству, отрѣшитесь отъ вялости, чтобы вамъ лучше, какъ отцамъ, дома заниматься отечествомъ, чѣмъ за границей пороками».

[73]) O. Ribbeck. Trag. Rom. frag. [3] p. 322. «Скажи, пожалуйста, какъ это вы такъ скоро потеряли свое столь великое государство?» «Стали выступать новые ораторы, глупые молокососы».

[74]) „Die Römische Tragoedie“ p. p. 63—66.

[75]) „Q. Ennius“. S. Petersburg 1884, p. 85, и Ж. М. Нар. Пр. 1885, отд. клас. фил. стр. 294, и ibid. 1889, май 53.

шій на то, что этотъ стихъ уже потому не могъ быть заимствованъ изъ римской исторической пьесы, что у Цицерона ему предшествуютъ слѣдующія слова: «Quodsi legere aut audire voletis externa, maximas res publicas ab adulescentibus labefactatas, a senibus sustentatas et restitutas reperietis» [76]). Эти слова Цицерона достаточно ясно показываютъ, что это двустишіе могло быть извлечено только изъ палліаты, которыя были далеко не свободны отъ обличительныхъ намековъ на римскую дѣйствительность, какъ это показываютъ хотя бы комедіи Плавта. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакой настоятельной нужды вносить въ текстъ Цицерона коньектуры и отвергать возможность существованія у Нэвія палліаты подъ заглавіемъ: «Ludus».

Комедіи Плавта, Теренція и другихъ авторовъ палліаты должны быть совершенно выдѣлены изъ общаго теченія политической драмы, какъ настоящій отпрыскъ ново-аттической комедіи. Кромѣ того, эти произведенія переводной литературы не могли служить откликомъ на какія-либо событія римской жизни, въ виду той относительной точности, съ какою римскіе переводчики придерживались оригинала, созданнаго въ далекой Аттикѣ на много десятковъ лѣтъ раньше. Но, чѣмъ слабѣе была ихъ тенденціозная окраска, тѣмъ больше они имѣли цѣны, какъ плоды чисто эстетическаго направленія въ области искусства. Это съ особенной ясностью обнаруживается въ пьесахъ Теренція, который держится на гораздо большемъ разстояніи отъ своихъ зрителей, чѣмъ

---

[76]) «И если вы захотите почитать или послушать исторію иноземныхъ краевъ, то найдете, что молодежь расшатывала величайшія государства, а старики поддерживали и возстановляли».

Плавтъ. Нервный, страстный темпераментъ Плавта какъ бы толкаетъ его вступать въ непосредственныя сношенія съ своими зрителями, заставляя актеровъ отъ поры до времени перекинуться двумя-тремя фразами съ публикой, которая должна выйти на время изъ пассивной роли стороннихъ наблюдателей и стать свидѣтелемъ, а иной разъ и судьею въ томъ спорѣ, который происходитъ передъ ней на сценѣ [77]).

Эти случаи заговариванія съ публикой, неизвѣстные въ античной трагедіи и совершенно отсутствующіе въ пьесахъ Теренція, что чрезвычайно важно при сравненіи особенностей его авторской физіономіи съ Плавтомъ, придаютъ особенную живость тѣмъ сценамъ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, заставляя зрителя даже противъ его воли перестать быть безучастнымъ наблюдателямъ того, что происходитъ на сценѣ, и съ бо́льшимъ вниманіемъ прислушиваться къ словамъ актера. Понятно, что художественная цѣна этого сценическаго эффекта такъ не

---

[77]) См. Bacc. 1072; Aul. 716; Cist. 678; Most. 280, 709; Rud. 1418; Truc. 109, 482. Совсѣмъ иной характеръ носитъ заключительная часть Casina (v. v. 1011—1018), начинающаяся словами: „spectatores, quod futurumst, id memorabimus“ („зрители, мы скажемъ о томъ, что будетъ“), напоминающая конецъ Теренціевой „Andria“, гдѣ Давъ говоритъ:

„ne éxpectetis dum éxeant huc: íntus despondébitur;
intus transigétur, si quid ést quod restat„. (v. v. 980 sq).

„Не ждите, пока они выйдутъ сюда: помолвка произойдетъ въ домѣ; въ домѣ же завершится все, что еще остается». Эти обѣ сцены имѣютъ много сходства съ „prologus narraticius“, вмѣстѣ съ которымъ онѣ въ этихъ пьесахъ, какъ рамка, охватываютъ самую комедію, являющуюся въ такомъ случаѣ развитіемъ въ драматической формѣ одной изъ частей эпическаго цѣлаго.

высока, что онъ имѣлъ и имѣетъ мѣсто только въ пьесахъ, написанныхъ въ разсчетѣ на неособенно тонкую, мало развитую публику, вниманіе которой можетъ быть поддерживаемо только такими экстро-ординарными средствами. Но и въ этихъ случаяхъ непосредственнаго вовлеченія публики въ общій ходъ представленія Плавтъ никогда не выходитъ за тѣ границы, которыя строго были установлены творцами ново-аттической комедіи, и держится вдали отъ намековъ на политическіе интересы своихъ зрителей. Если же въ его пьесѣ: «Cistellaria», богиня Помощи (Auxilium) оканчиваетъ свою бесѣду съ зрителями совѣтомъ: «parite laudem et lauream, ut vobis victi Poeni poenas sufferant» [78]), то надо имѣть въ виду, что на пространствѣ всѣхъ комедій Плавта не найти болѣе остраго намека на тѣ событія, которыя въ ту пору не могли не волновать всякаго римлянина, и понятно, что болѣе пріятнаго въ то время для римской публики пожеланія богиня Помощи не могла выбрать. Также по сердцу должны были прійтись этой публикѣ и насмѣшки надъ карѳагеняниномъ [79]) и его спутниками [80]) въ комедіи: «Poenulus». Но эти насмѣшки,

---

[78]) v. v. 201—202 „заслужите хвалу и лавровый вѣнокъ, чтобы побѣжденные пунійцы пеню вамъ уплатили".

[79]) Poenul". v. 975: quae illaec avis est, quae huc cum tunicis advenit? 1121 Novistin tu illunc tunicatum hominem, qui siet. 1313 Sane genus hoc mulierosumst tunicis demissiciis. „Что это за птица идетъ сюда въ (одной) рубашкѣ"? „Знаешь ли ты, кто этотъ человѣкъ тамъ, одѣтый въ (одну) рубашку?" „Конечно, это обабившійся родъ людей въ длинныхъ рубахахъ".

[80]) Opinor digitos in manibus non habent, quia incedunt cum anulatis auribus. v. 980, 981. „Я думаю, у нихъ нѣтъ пальцевъ на рукахъ, потому что они расхаживаютъ съ ушами, украшенными кольцами".

въ сущности направленныя по адресу не самихъ кареагенянъ, а ихъ невиданнаго и, стало быть, потѣшнаго костюма, могутъ быть нами правильно оцѣнены только въ томъ случаѣ, если мы вспомнимъ хотя бы тѣ эпитеты, какими награждаются нѣкоторые чужестранцы въ комедіяхъ Аристофана [81]. И ужъ конечно, Агорастоклъ и Мильфіонъ [82]) такъ скупы на насмѣшки не отъ недостатка въ остроуміи, а потому что Плавтъ связанъ по рукамъ и по ногамъ литературнымъ преданіемъ ново-аттической комедіи. Правда, въ концѣ пьесы Антерастилида набрасывается на потѣшнаго кареагенянина съ градомъ такихъ эпитетовъ:

«Tune hic amator audes esse, hallex viri,
aut contractare, quod mares homines amant,
deglupta mena, sarrapis sementium,
manstruca, halagorasama tum autem plenior
alli ulpicique, quam Romani remiges». [83]) Но

стоитъ только сравнить эту сцену хотя бы съ тѣми ругательствами, какими осыпаетъ у Теренція Пиеія фальсифицированнаго Евнуха [84]), и станетъ яснымъ, что и Антерастилида охвачена тоже не шовинизмомъ, когда такъ отчитываетъ Ганнона.

Отрицательныя черты для изображенія кареагенянъ настолько обычны въ римской литературѣ, что долго останавливаться на этомъ едва ли стоитъ. Приведу для

[81]) Acharnes. 95 sq. Lysistr. 982 sq.

[82]) Въ выше названной комедіи „Poenulus".

[83]) Poen. V. s. „Ты это, мальчикъ-съ-пальчикъ, дерзаешь явиться здѣсь любовникомъ и трогать то, что любятъ мужчины? Ахъ ты облупленная селедка!.... да ты еще больше пропитанъ чеснокомъ и лукомъ, чѣмъ римскіе гребцы!"

[84]) Ter. Eun. 643 sq.

образца два-три примѣра изъ—«Bellum Punicum» Силія Италика. Въ первой книгѣ его поэмы Мурръ обращается къ Ардану съ злораднымъ восклицаніемъ (I 384): «fallax Poene, iaces!» [85]) Въ VI-й книгѣ Силій называетъ карѳагенянъ infidi [86]), а въ XI-й онъ говоритъ о «palam rumpenti foedera Poeno» (XI, 5) [87]). Взглядъ именно Силія Италика для насъ тѣмъ болѣе интересенъ, что за нимъ скрывается писатель гораздо болѣе древній, а именно Энній, 8-я и 9-я книги «Анналъ» котораго не могли не оказать своего вліянія на «Punica»— Италика при подражательномъ характерѣ его [88]) дарованія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самъ Силій указываетъ на Эннія, какъ на одного изъ своихъ предшественниковъ [89]). Съ особенной болью должны были бы отозваться въ сердцахъ римской публики слова Агорастокла относительно его познаній въ пунійскомъ языкѣ: «qui scire potui, dic mihi, qui illinc sexennis perierim Carthagine» [90]). Мнѣ кажется, что издатели этой комедіи лишаютъ всей силы и всякаго значенія слѣдую-

---

[85]) „Лукавый пуніецъ, ты лежишь!"

[86]) VI 64: „infidis servasse fidem memorabere Poenis". „Скажуть, что ты по отношенію къ пунійцамъ вѣроломнымъ вѣрность соблюдалъ".

[87]) „О пунійцѣ, открыто нарушающемъ договоры".

[88]) См. Wezel. „De Sil. Italici cum fontibus tum exemplis". Lipsiae 1873. Heynacher. Ueber die Stellung des Silius Italicus unter den Quellen zum zweiten Punischen Kriege". Berlin 1877. L Müller. „Q. Ennius". S. Petersburg. 1884 p. 172. А. И. Быковъ. „Силій Италикъ" „Жур. Мин. Нар. Просв." 1886, апрѣль. Стр. 69—73. отд. отт.

[89]) Sil. Ital. Punica XII 393.

[90]) Plaut. Poenul. v. v. 986—987.

щее восклицаніе: «Pro di immortalis, plurumei ad illum modum perieri pueri liberi Carthagine» [91]), оставляя его въ устахъ Ганнона, тогда какъ въ устахъ хотя бы Мильфіона они получили бы особую силу и окраску, являясь невольно прорвавшимся жалобнымъ стономъ о погибшихъ въ кареагенскомъ плѣну соотечественникахъ автора.

Послѣ этихъ очень невинныхъ по существу отголосковъ политическихъ страстей уже совсѣмъ беззубыми являются тѣ немногія схожія мѣста, которыя можно найти въ остальныхъ комедіяхъ Плавта, при чемъ постоянно нужно бояться, какъ бы не допустить натяжки и придать словамъ Плавта такой злободневный характеръ, котораго они въ дѣйствительности вовсе не имѣютъ.

Можетъ быть, напримѣръ, слѣдующія слова Меркурія, произносящаго прологъ въ «Amphitruo»:

«Virtúte dixit vós victores vivere,
non ámbitione néque perfidia» [92]),

надо сопоставлять съ вошедшей въ поговорку perfidia кареагенянъ.

Въ словахъ пролога къ—«Casina»: «nunc novae quae prodeunt comediae multo sunt nequiores quam nummi novi» [93]), нельзя не видѣть связи съ однимъ эпи-

---

[91]) „О безсмертные боги! Очень много свободныхъ юношей погибло такимъ образомъ въ Кареагенѣ".

[92]) Plaut. Amphitr. v. v. 75 sq. „Благодаря доблести" сказалъ онъ (Юпитеръ): „живете вы побѣдителями, а не чрезъ заискиванье и вѣроломство".

[93]) V. v. 9—10. „Теперь вновь появляющіяся (на сценѣ) комедіи много хуже новыхъ монетъ.

зодомъ изъ исторiи римской финансовой политики. Пуническiя войны такъ сильно отразились на состоянiи римской государственной казны [94]), что римлянамъ, послѣ отказа изъ нацiональной гордости отъ матерiальной поддержки со стороны союзниковъ [95]), оставалось только одно средство для выхода изъ затруднительнаго положенiя, а именно выпускъ плакированной монеты, что и случилось послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ, если вѣрить свидѣтельству Зонары [96]). Кромѣ выпуска этихъ субэратовъ, къ которому прiурочиваетъ слова пролога къ «Casina» и проф. Шерцль [97]), они могли быть вызваны также и той редукцiей [98]), серебряной монеты, начало которой Плинiй относитъ какъ разъ ко времени Пуническихъ войнъ [99]).

Уже выше былъ отмѣченъ намекъ Плавта («Miles». 211—212) на судьбу поэта Нэвiя, при чемъ необходимо подчеркнуть осторожность Плавта, воздержавшагося отъ

---

[94]) Ср. Liv. XXIII. 21. 6. XXIV 18, 10.

[95]) Liv XXII. 32. 4—9; 36, 9.

[96]) Ann. VIII, Ἱέρωνος πολλὰ πεπομφότος, σῖτον καὶ Νίκης ἄγαλμα οἱ Ῥωμαῖοι μόνα ἔλαβον, καίπερ ἐν ἀχρηματίᾳ ὄντες, ὥστε ἀργυροῦν νόμισμα, ἀμιγὲς καὶ καθαρὸν γινόμενον πρότερον, χαλκῷ προσμῖξαι». См. Р. Шерцль. „Римское монетное дѣло“. Харьковъ. 1893. Стр. 73. „Когда Гiеронъ прислалъ (римлянамъ) много пожертвованiй, римляне приняли только хлѣбъ и изображенiе „Побѣды“, несмотря на то, что у нихъ замѣчалось такое безденежье, что въ серебряной монетѣ, бывшей раньше безъ примѣси (иностор. металла) и чистой, они стали допускать примѣсь мѣди“.

[97]) Op. cit. стр. 184.

[98]) Ibid. 180, 169.

[99]) Plin. N. H. XXXIII. 44.

всякой оцѣнки этого событія и не показавшаго явно зрителямъ, на чьей сторонѣ находится его личная симпатія.

Комедіи Теренція, еще болѣе удаленныя отъ текущихъ интересовъ римской жизни, по этому самому не могли имѣть никакого политическаго значенія. Единственный разъ только Теренцій нарушилъ свой обычай и заставилъ прологиста къ «Adelphoe» произнести такія слова, которыя имѣли прямое отношеніе къ однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей римскаго политическаго міра. Докучливые намеки Лусція Ланувина и его приспѣшниковъ, старавшихся посѣять подозрѣніе, будто Теренцій значительную долю своихъ авторскихъ правъ долженъ уступить Сципіону и Лелію, помогавшимъ ему и въ писаніи комедій, встрѣтили съ его стороны такую шутливую отповѣдь:

«Quod illi maledictum véhemens esse exístumant,
eam laúdem hic ducit, máxumam, quom illís placet,
qui vóbis universis et populó placent,
quorum ópera in bello, in ótio, in negótio
suo quísque tempore úsust sine supérbia» [100]).

Можно держаться разнаго мнѣнія насчетъ тѣхъ причинъ [101]), какія заставили Теренція такъ деликатно обойти этотъ очень щекотливый вопросъ, вовсе его не

---

[100]) Ter. Adel. 17—21. «Что тѣ (завистники поэта) считаютъ сильной хулой, то онъ (поэтъ) признаетъ величайшей похвалой для себя, разъ онъ нравится тѣмъ лицамъ, которыя нравятся всѣмъ вамъ и народу, и услугами которыхъ каждый въ свое время не гнушаясь пользовался на войнѣ, въ мирѣ, въ занятіяхъ своихъ».

[101]) R. Büttner. Porcius Licinus und der litterarische Kreis des Q. Lutatius Catulus. Lpz. 1893 p. 45 sq.

разрѣшая, но во всякомъ случаѣ эти 5 стиховъ не могутъ служить опроверженіемъ того положенія, что комедіи Теренція лишены всякой политической окраски, служа удовлетворенію чисто художественныхъ интересовъ.

Впечатлѣніе, получаемое нами при изученіи Плавта и Теренція должно остаться для насъ руководящимъ и тогда, когда мы отъ нихъ переходимъ къ фрагментамъ остальныхъ авторовъ палліаты. Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ уже случай указать на всю опасность, представляющуюся при оперированіи надъ фрагментами съ какими-либо цѣлями, помимо чисто лингвистическихъ [102]). Высказанныя тамъ соображенія заставляютъ меня и въ данномъ случаѣ воздерживаться отъ пріурочиванія къ какимъ-либо опредѣленнымъ политическимъ событіямъ или лицамъ тѣхъ намековъ, которые при особомъ желаніи можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ фрагментовъ. Исключеніе должны составлять тѣ случаи, гдѣ такое пріурочиваніе уже сдѣлано самими древними, имѣвшими передъ нами то существенное, въ данномъ случаѣ, преимущество, что у нихъ были подъ руками не фрагменты, а цѣлыя пьесы. Такое указаніе сдѣлано, напримѣръ, Авломъ Геллiемъ [103]) относительно приведеннаго выше отрывка изъ Нэвія, въ которомъ поэтъ высмѣивалъ любовныя авантюры Сципіона.

Вѣроятно, намѣреваясь сдѣлать одинъ изъ такихъ же намековъ, Нэвій возглашаетъ въ другомъ отрывкѣ: «libera lingua loquemur ludis Liberalibus» [104]), но на-

---

[102]) „Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра». СПБ. 1903. Стр. 8 сл.

[103]) Noct. Att. VII. 8. 5.

[104]) O. Ribbeck. C. R. F. ³ p. 29. v. 112. „Развязнымъ языкомъ мы будемъ говорить на праздникѣ Вакха“.

ставивать на такомъ именно назначеніи этого отрывка, конечно, нельзя въ виду того, что оно не подкрѣплено никакимъ древнимъ авторитетомъ Изъ остальныхъ фрагментовъ палліаты ни одинъ не можетъ быть съ увѣренностью разсматриваемъ, какъ орудіе политической борьбы, а предварительное разсмотрѣніе комедій Плавта и Теренція успокаиваетъ насъ. что это зависитъ не отъ случайной пропажи именно такихъ тенденціозныхъ мѣстъ римской палліаты, а, наоборотъ, объясняется общимъ характеромъ этой отросли римской драмы.

Также мало слѣдовъ политической роли римскаго театра оставила намъ по себѣ и fabula togata, въ которой можно было бы надѣяться встрѣтить больше подходящаго матеріала, въ виду того, что она въ отличіе отъ palliata должна была быть отраженіемъ мѣстной жизни. Но приходится думать, что и ея сюжеты вращались въ томъ же кругѣ чисто личныхъ, такъ сказать, семейныхъ интересовъ, которымъ была посвящена и palliata.

Переходя отъ комедіи къ трагедіи, мы прежде всего должны остановиться на т. н. fabula praetexta, сюжетъ которой черпался изъ римской исторіи. По весьма правдоподобному предположенію G. Boissier [105]), исходившаго изъ словъ Азинія Полліона о fabula praetexta въ письмѣ къ Цицерону [106]), эти пьесы отличались отъ остальныхъ римскихъ трагедій прежде всего тѣмъ, что относились къ разряду т. н. pièces de circonstance и составлялись для частныхъ празднествъ, по большей части въ годовщину какого-нибудь крупнаго событія. На

---

[105]) „Les fabulae praetextae". Revue de philologie XVII. (1893) pp 100—108

[106]) Ad. fam. X, 32, 3.

примѣръ, вся обстановка тріумфальныхъ торжествъ могла подать мысль къ сочиненію такихъ пьесъ. У Шекспира Клеопатра, узнавъ, что войска Октавія побѣдили, въ ужасѣ представляетъ себѣ всѣ тѣ униженія, которыя придется ей теперь испытать:

«Комедіанты ловкіе мгновенно
Насъ выведутъ на сцену, представляя
Пиры Александрійскіе. Антоній
Въ нихъ будетъ пьяный вынесенъ на сцену.
А я увижу, какъ пискливый мальчикъ
Придастъ мнѣ видъ и голосъ потаскухи
И надъ моимъ величьемъ посмѣется» [107]).

То, что мы знаемъ о римскихъ претэкстахъ, заставляетъ насъ признать, что предположенія Клеопатры очень легко могли осуществиться. Извѣстно, что въ процессіи тріумфатора носили изображенія покоренныхъ странъ и взятыхъ городовъ, а иногда и картины, на которыхъ были изображены самыя побѣды и битвы. Вполнѣ естественно, что могла возникнуть мысль представить эти самыя битвы и побѣды на сценѣ театра, что должно было произвести гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на народъ. Такъ fabula praetexta Пакувія «Paulus» могла быть написана имъ или для тріумфа Эмилія Павла, или же для тѣхъ игръ, которыя были устроены по случаю его похоронъ [108]). При такомъ положеніи вещей весьма возможно, что эти пьесы, написанныя на сюжетъ чуть ли не современныхъ событій,

---

[107]) „Антоній и Клеопатра“. Актъ V, сцена I. Пер. П. Минскаго.

[108]) См. Boissier. Op. c. p. 103. По мнѣнію Л. А. Мюллера (De Pacuvii fabulis. „Ж. М. Пр.“ 1889. Май. Стр. 54), сюжетъ для этой пьесы дала битва при Каннахъ.

представляли авторамъ полную возможность для политической агитаціи съ театральныхъ подмостковъ, но утверждать этого нельзя, такъ какъ единственная дошедшая до насъ цѣликомъ fabula praetexta «Octavia» [109]) принадлежитъ ко времени имперіи.

Къ числу такихъ же претэстъ, несомнѣнно, относятся и тѣ двѣ пьесы, которыя написалъ Куріацій Матернъ [110]): «Катонъ» и «Домицій» [111]). Представители крайнихъ республиканскихъ мнѣній Катонъ Утическій и Л. Домицій Аэнобарбъ [112]), сложившій свою голову при Фарсалѣ, являлись героями этихъ пьесъ. Поэтому весьма заманчиво предположеніе Мейзера [113]), что ихъ авторомъ былъ тотъ самый Матернъ, который при Домиціанѣ долженъ былъ заплатить жизнью за черезчуръ ярко выраженную свободу мысли [114]).

Что касается остальныхъ римскихъ трагедій, то къ нимъ цѣликомъ примѣнимо все то, что выше было сказано по поводу римскихъ комедій. Зависитъ это, именно, отъ того, что авторы римскихъ трагедій въ сущности были только переводчиками греческихъ авторовъ. Но бывали и во дни представленія трагедій въ римскомъ

---

[109]) Ferd. Ladek. „De Octavia praetexta“ (tertium dissertationum Vindobonensium volumen an. 1891). G. Nordmeyer „De Octavia fabula“. Fleck. Iahrbüch. 19 Supplementband. (1893) p. p. 257—317. L. Müller. „De Pacuvii fabulis“. „Ж. М. Нр. Пр.“ 1889. Май. Стр. 54. K. Meiser. „Ueber historische Dramen der Römer. München. 1887 p. 6 sq.

[110]) Tacit. „Dial. de orat.“ 2.

[111]) Ibid. 3.

[112]) Характерно, что Домиція прославлялъ и другой другъ республики Луканъ въ своей „Phars“. VII 599—616.

[113]) „Ueber die historischen Dramen“ p. 7.

[114]) Dio. 67, 12.

театрѣ такіе случаи, когда публика находила въ тѣхъ словахъ, которыя слышала со сцены, связь съ наиболѣе жгучими интересами своей современной жизни. Такъ, нѣкоторыя мѣста изъ трагедіи Мамерка Скавра: «Атрей», дали возможность доносчику Макрону выставить ихъ передъ Тиберіемъ какъ направленные противъ него намеки, почему Скавру и пришлось самоубійствомъ предупредить проявленіе гнѣва императора [115].

Вѣроятно, къ трагедіи принадлежали тѣ стихи, которыми воспользовался трагическій актеръ Дифилъ для того, чтобы выразить всеобщее негодованіе противъ Помпея. Изъ письма Цицерона къ Аттику [116]) мы узнаемъ, что во время ludi Apollinares 59 года Дифилъ обратился къ Помпею со словами: «nostra miseria tu es Magnus» [117]). Это такъ понравилось публикѣ, что, по словамъ Цицерона, она заставила актера тысячу разъ повторить эти слова. Также понравился публикѣ и стихъ: «eandem virtutem istam veniet tempus cum graviter gemes» [118]). Эти стихи, замѣчаетъ Цицеронъ, пришлись такъ кстати, что можно было думать, будто ихъ нарочно сочинилъ какой нибудь врагъ Помпея. Громадный успѣхъ имѣло также и восклицаніе: «Si neque leges neque mores cogunt» [119]). Цицеронъ прямо говоритъ, что напалъ въ данномъ случаѣ на Помпея tragoedus Diphilus, а дѣленіе актеровъ по спеціально-

---

[115]) См. Tac. Ann. VI. 29.

[116]) Cic Ad. Att. II. 19. 3.

[117]) „Нашимъ несчастіемъ ты великъ“.

[118]) Cic. l. l. „Настанетъ время, когда ты сильно пожалѣешь о той же самой доблести своей.

[119]) Cic. l. l. „Если не стѣсняютъ ни законы, ни обычаи“.

стямъ, на трагическихъ, и комическихъ, соблюдалось такъ строго [120]), что у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что на этотъ разъ трагическій актеръ выступилъ въ качествѣ исполнителя какого-либо другого вида драмы. Не понятно поэтому, что заставило Риббека безъ всякихъ оговорокъ пропустить эти тексты въ своемъ собраніи фрагментовъ трагиковъ.

Слова Цицерона, которыми онъ начинаетъ свой разсказъ: «populi sensus maxime theatro et spectaculis perspectus est» [121]), вполнѣ примѣнимы и къ возобновленію трагедіи Акція: «Эврисакъ», когда актеръ Эзопъ, питавшій большую любовь къ Цицерону [122]), сумѣлъ своею игрою достичь того, что публика въ стихахъ:

«qui rem publicam certo animo adiuverit
statuerit, steterit cum Achivis», а также: «re dubia
haud dubitarit vitam offerre nec capiti pepercerit» [123]), усмотрѣла намекъ на Цицерона и приняла на свой счетъ упрекъ: «O ingratifici Argivi, immoenes Grai, immemores benefici, exulare sinitis, sistis pelli, pulsum patimini» [124]). Къ словамъ Акція Эзопъ отъ себя прибавилъ стихъ, передѣланный изъ «Андромахи»: «Sum-

---

[120]) См. мои „Очерки". Стр. 119 сл.

[121]) Cic. l. c. „Настроеніе народа особенно было видно въ театрѣ и на зрѣлищахъ".

[122]) См. „Очерки". Стр. 117.

[123]) Cic. Pro Sest. 56. 120. „кто твердымъ духомъ поддержалъ государство, упрочилъ его положеніе, стоялъ вмѣстѣ съ ахивянами"; „въ смутное время не смущаясь подвергъ опасности жизнь и не пощадилъ живота своего".

[124]) Cic. Pro Sest. 57. 122. O. Ribbeck. Trag. Rom. frag.[3] p. 210 sq. v. 357—365. См. L. Müller. „De Accii fabulis" „Ж. М. Нр. Пр." 1890. № 1, стр. 37. „Неблагодарные арги-

mum amicum, summum in bello, summo ingenio praeditum» [125]) для того, чтобы еще больше связать [126]) эту сцену трагедіи съ судьбою Цицерона, объ изгнаніи котораго онъ такъ скорбѣлъ, что слезы мѣшали произносить эти стихи [127]). Такимъ образомъ спектакль этотъ, помимо воли автора трагедіи, получилъ характеръ политической демонстраціи [128]). Весьма возможно, что пьеса эта потому именно и была возобновлена для этого спектакля, что она представляла наибольшую возможность Эзопу высказаться въ пользу возвращенія Цицерона, такъ какъ болѣе открытая агитація съ театральныхъ подмостокъ была невозможна.

Подобно тому, какъ пришлось воспользоваться старой пьесой Акція для того, чтобы отозваться со сцены на печальную судьбу изгнанника Цицерона, такъ и впослѣдствіи неоднократно лишенные сами по себѣ всякой

вяне, непризнательные греки, непомнящіе благодѣянія, вы позволяете ему жить въ изгнаніи, позволили сослать его, равнодушно относитесь къ его ссылкѣ!"

[125]) Cic. Pro Sest. 56, 121. „Превосходнаго друга, превосходнаго въ войнѣ, превосходными способностями одареннаго".

[126]) O. Ribbeck. „Die römische Tragoedie im Zeitalter d. Republik". p. 423.

[127]) Cic. Ibid. 58, 123.

[128]) См. Schol. Bobiensia ad Cicer. Pro Sest. 56. „Aesopus egisse videtur Accii fabulam, quae scribitur „Eurysaces", ita ut per omnem actionis cursum tempora reipublicae significarentur et quidem Ciceronis fortuna deploraretur". „Трагедію Акція, озаглавленную—„Эвризакъ" Эзопъ исполнилъ, повидимому, такъ, что во всей игрѣ его видны были намеки на обстоятельства государственной жизни, а именно горькія сѣтованія на участь Цицерона".

политической окраски сцены другихъ пьесъ служили орудіемъ для выраженія общественнаго мнѣнія. Такъ, если судить объ ателланѣ по фрагментамъ только Помпонія и Новія, то и ателлана окажется столь же свободной отъ всякой связи съ текущей дѣйствительностью, какъ и остальные виды римской драмы, за исключеніемъ fabula praetexta, но намъ извѣстны случаи, когда и за эти безобидныя сами по себѣ мѣста ателланъ ухватилось общественное недовольство, лишенное болѣе открытыхъ формъ для выраженія своего мнѣнія, и поставила популярную пѣсенку изъ ателланы: «venit Dorsennus a villa» [129]), въ связь съ возвращеніемъ Гальбы [130]) и увидало въ словахъ «hircus vetulus capreis (Capreis) naturam ligurrit» [131]) намекъ на Тиберія [132]).

Такую же пикантность придала при Неронѣ игра актера Дата такимъ словамъ ателланы, которыя были написаны, вѣроятно, безъ всякаго умысла. Светоній разсказываетъ [133]) про актера Дата, что онъ «in cantico quodam «Ὑγίαινε πάτερ, ὑγίαινε μῆτερ»! ita demonstraverat, ut bibentem natantemque faceret, exitum scilicet Claudi Agrippinaeque significans, et in novissima clausula: «O r c u s v o b i s d u c i t p e d e s» senatum gestu notarat» [134]). Неизвѣстно точно, изъ какого вида

---

[129]) O. Ribbeck. o. l. p. 333 v. 2: „пріѣхалъ Дорсенъ съ дачи».

[130]) Sueton. Galba. 13.

[131]) Ribbeck. v. 3. Двусмысленность: „старенькій козелъ лижетъ козулямъ половыя части“ или: „стар. коз. наслаждается природой въ Капреяхъ (нын. Capri).

[132]) Sueton. Tiber. 45.

[133]) Nero 39.

[134]) Ribbeck. v. 5 p. 334. „при пѣніи одного соло, онъ слова: „Будь здоровъ, отецъ! Будь здорова, мать!“ сопровож-

драмы взятъ былъ стихъ: «Videsne, ut cinaedus orbem digito temperat», въ которомъ, по словамъ Светонія [135]), публика усмотрѣла намекъ на самого Августа, пользовавшагося въ юности не совсѣмъ безупречной репутаціей.

Мимъ уже въ Греціи сдѣлался орудіемъ политической борьбы, при чемъ къ его помощи обращались и правители. Такъ, про Ксенарха, сына Софрона, преданіе разсказывало, что, по настоянію Діонисія, онъ высмѣивалъ регинцевъ [136]).

Въ Римѣ политическій характеръ мима обнаружился въ пьесахъ Лаберія, избравшаго мишенью для своихъ нападокъ не кого другого, какъ самого Цезаря, который поэтому и отдавалъ явное предпочтеніе его сопернику Публилію Сиру [137]). Для того, чтобы ослабить степень вліянія Лаберія на общество, Цезарь заставилъ его принять личное участіе въ состязаніи съ Публиліемъ, что́ дало поводъ Лаберію выступить съ знамени-

---

далъ такими жестами, что вызывалъ въ зрителяхъ представленіе о человѣкѣ пьющемъ и плавающемъ, желая сдѣлать такимъ образомъ, разумѣется, намекъ на кончину Клавдія и Агриппины, а при самыхъ заключительныхъ словахъ: „Оркъ (смерть) къ вамъ направляетъ свои стопы“—жестомъ указалъ на сенаторовъ“.

[135]) Suet. Div. Aug. 68. „Видишь ли, какъ распутный плясунъ пальцемъ правитъ міромъ?“

[136]) См. G. Kaibel Com. Graec. frag. vol. I p. 182.

[137]) Gell. Noct. Att. XVII, 14. 2. „C. Caesarem ita Laberii maledicentia et adrogontia offendebat, ut aeceptiores sibi esse Publili quam Laberii mimos praedicaret“. „Злословіе и заносчивость Лаберія такъ оскорбляли К. Цезаря, что онъ открыто говорилъ, что мимы Публилія ему больше нравятся, чѣмъ мимы Лаберія“.

тымъ прологомъ, въ которомъ онъ горько жаловался на судьбу, лишившую его на старости лѣтъ общественнаго уваженія. Но Лаберій [138]) сумѣлъ отплатить своему притѣснителю и вставилъ во время состязанія въ свою роль такія риклики, которыя должны были не особенно понравиться Цезарю. Своими восклицаніями: «Porro, Quirites! libertatem perdimus» и: «Necesse est multos timeat, quem multi timent», онъ достигъ того, что, по словамъ Макробія, «universitas populi ad solum Caesarem oculos et ora convertit, notantes impotentiam eius hac dicacitate lapidatam» [140]). Не знаю, нужно ли соглашаться съ E. Hoffmann'омъ [141]) и видѣть въ разсказѣ Макробія ὕστερον πρότερον. E. Hoffmann почему-то увѣренъ, что эти восклицанія являются единственными проявленіями той adrogantia Лаберія, которая заставила Цезаря отдать свои симпатіи Публилію и принудить Лаберія покрыть себя позоромъ публичнаго появленія на сценѣ. Если принять это мнѣніе, то останется неяснымъ, чтó заставило Цезаря раскаяться въ своей строгости и вернуть Лаберію его прежнее званіе чрезъ подарокъ золотого кольца [142]). Также мало нару-

---

[138]) См. Macrob. Saturn. II. 7. § 3. O. Ribbeck. Com. frag.[3] p. 359 sq.

[139]) „Впередъ, квириты! Мы теряемъ свободу". „Необходммо многихъ бояться тому, кого многіе боятся".

[140]) Macrob. ibid. § 5. „Вся безъ исключенія публика взоры и лица обратила на одного Цезаря, давая понять, что этими язвительными выраженіями Лаберія наказанъ деспотизмъ Цезаря».

[141]) Rhein. Mus. XXXIX (1884) „Der Wettstreit des Laberius und Syrus". p. p. 471—476.

[142]) См Suet. Divus Julius. 39.

шится политическій характеръ всего этого состязанія, если принять мнѣніе того же Hoffmann'a [143]), что состязаніе состояло главнымъ образомъ въ импровизаціи пьесъ, а не въ ихъ исполненіи, хотя къ принятію этого мнѣнія насъ рѣшительно ничто не обязываетъ.

Въ періодъ имперіи мимъ становится въ рукахъ недовольныхъ орудіемъ, которымъ они стараются изъ-за угла уколоть правителя, если только къ этому представлялся хоть малѣйшій поводъ. Такъ, извѣстно, что Маркъ Антонинъ возвысилъ Тертулла, несмотря на то, что самъ же былъ очевидцемъ особой нѣжности къ нему своей супруги. И вотъ Юлій Капитолинъ по этому поводу пишетъ [144]): de quo mimus in scaena praesente Antonino dixit: cum stupidus nomen adulteri uxoris a servo quaereret et ille diceret ter Tullus et adhuc stupidus quaereret, respondit ille: iam tibi dixi ter Tullus dicitur».

Неизвѣстно, конечно, всегда ли попадали эти стрѣ-

---

[143]) Ibid. 473.

[144]) Vita M. Antonini. 29 „Вся суть приведенной остроты заключается въ остроумномъ употребленіи слова ter: оно значитъ „трижды", „три раза". Въ выраженіи: „iam tibi dixi ter tullus dicitur„ ter можно слышать относящимся къ dixit, что значитъ „сказалъ три раза" или къ Tullus, и тогда получается имя Tertullus. Съ натяжкой можно было бы передать данное мѣсто на русскій языкъ, замѣнивъ имя „Tertullus" фамиліей „Трипольскій". О немъ (Антон.) мимъ (актеръ) на сценѣ сказалъ въ присутствіи Антонина: „когда онъ, ошеломленный, спрашивалъ раба объ имени любовника своей жены, тотъ сказалъ три раза: „Польскій"; когда же онъ, все еще озадаченный, продолжалъ спрашивать, рабъ отвѣтилъ: „уже сказалъ я тебѣ не разъ,—три (,) Польскимъ онъ называется". *Прим. ред.*

лы въ цѣль. Такъ, про другого императора извѣстно, что онъ не понялъ истиннаго смысла еще болѣе ядовитаго намека, и его удалось убѣдить, что нѣтъ никакого яда въ томъ, что́ въ его присутствіи сказалъ по-гречески одинъ изъ исполнителей мима. Актеръ сказалъ: «Qui ab uno non potest occidi, a multis occiditur. Elephans grandis est et occiditur, leo fortis est et occiditur, tigris fortis est et occiditur, cave multos si singulos non times [145]). Надо однако думать, что падкая на все пикантное публика поняла намекъ, точно такъ же, какъ она жадно ухватилась за парадоксъ изъ другого мима, будто in uno anulo bonos principes posse perscribi atque depingi [146]). Для того, чтобы подобные намеки достигли своей цѣли и произвели должное впечатлѣніе на публику, надо, чтобы въ настроеніи послѣдней было явное предрасположеніе къ усматриванію намека на слишкомъ наболѣвшія злобы дня и, можетъ быть, при болѣе покойномъ настроеніи публики и менѣе обостренныхъ отношеніяхъ ея къ правительству, осталось бы совершенно незамѣченнымъ то, что тогда вызвало цѣлые скандалы, которые приходилось прекращать путемъ карательныхъ мѣръ по отношенію къ актерамъ, которымъ и безъ того жилось не особенно сладко. Зная настроеніе римской оппозиціи во время имперіи, мы должны думать, что деликатность этихъ наме-

---

[145]) O. Ribbeck. Comicorum fr. [3] p. 379. № 13. „Кто не можетъ пасть отъ руки одного, падаетъ отъ руки многихъ. Слонъ громаденъ, и его (все-таки) убиваютъ, левъ силенъ, и его убиваютъ, тигръ силенъ, и его убиваютъ, остерегайся многихъ, если не боишься отдѣльныхъ людей“.

[146]) Ibid. Стр. 378. № 10. „На одномъ кольцѣ можно изобразить имена и портреты (всѣхъ) хорошихъ государей“.

ковъ и сравнительное безсиліе ихъ зависитъ вовсе не отъ незлобивости тогдашнихъ памфлетистовъ, которые могли смѣло разсчитывать на тѣмъ большій успѣхъ, чѣмъ сильнѣе задѣвали они и безъ того уже натянутые нервы тогдашней публики. Мимы не только задѣвали живыхъ, но не щадили и мертвыхъ. Такъ, Светоній про похороны Веспасіана разсказываетъ [147]), «Favor archimimus personam eius ferens imitansque, ut est mos, facta ac dicta vivi, interrogatis palam procuratoribus, quanti funus et pompa constaret, ut audit, sestertio centiens, exclamavit, centum sibi sestertia darent, ac se vel in Tiberim proicerent».

По поводу этихъ многочисленныхъ политическихъ намековъ, заключающихся въ памятникахъ римскихъ мимовъ, извѣстный изслѣдователь мима J. Reich въ своей очень трудолюбивой книгѣ [148]) заявляетъ, что они служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнило римское правительство священную неприкосновенность мима, получившаго благодаря этому чуть ли не аристофановскую свободу. Черезъ нѣсколько страницъ тотъ же ученый пишетъ [149]): «въ мимѣ было что--то особенное, что́ снискивало ему особенное благоволе-

---

[147]) Suet. Vespas. 19. „Первый актеръ Фаворъ, изображавшій Веспасіана (во время его похоронъ) и подражавшій, согласно существующему обычаю, поступкамъ и словамъ императора при его жизни, спросивъ при всѣхъ у завѣдующихъ государственными финансами, сколько стоитъ устройство торжественной похоронной процессіи, и услышавъ „десять милліоновъ сестерціевъ“, воскликнулъ: „дайте мнѣ сто тысячъ и бросьте меня хоть въ Тибръ“.

[148]) „Der Mimus“. I. 1. Стр. 190.

[149]) Стр. 203.

ніе всѣхъ «великихъ міра сего», начиная съ тиранна Діонисія и Филиппа македонскаго вплоть до императора Юстиніана, Іоанна Палеолога и Баязета, султана османовъ». Неговоря уже о томъ, какъ мало данныхъ у насъ для того, чтобы подписаться подъ отдѣльными частностями этого восторженнаго восклицанія [150]), общая картина благожелательнаго отношенія римскихъ властей къ мимамъ, какъ ее рисуетъ Рейхъ, едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Его взглядъ становится еще болѣе страннымъ оттого, что онъ прекрасно помнитъ хотя бы то, что́ Светоній разсказываетъ про Домиціана, который «occidit et Helvidium filium, quasi scaenico exodio sub persona Paridis et Oenones divortium suum cum uxore taxasset [151]), а какъ извѣстно всякому, кто читалъ хотя бы только Светонія, этотъ случай является далеко не единичнымъ. Но, если даже глядѣть на всѣ эти случаи кровавой расправы съ актерами, рискнувшими задѣть за живое сильнаго человѣка, какъ на нѣчто исключительное, то неужели для Рейха доказательствомъ терпимости римскаго правительства по отношенію къ мимамъ могутъ служить также и тѣ многочисленные законодательные акты, которыми представители этой власти старались «coërcere licentiam» (обуздывать вольность) сцены [152]). Эти акты

[150]) Надѣюсь, что недоразумѣніе, напримѣръ, по которому Юстиніана заносили въ ряды принципіальныхъ поклонниковъ мима, какъ литературнаго жанра, разсѣяно мною въ „Очеркахъ изъ исторіи древнеримскаго театра“ (С.-ПБ. 1903. Стр. 162 сл.), гдѣ я старался подчеркнуть тѣ личные мотивы, которые руководили Юстиніаномъ при изданіи законовъ, которыми нѣсколько расширялись права мимовъ.

[151]) Sueton. Domit. c. 10. „Казнилъ онъ также Гельвидія—сына за то, что онъ въ заключительной театральной

меня заставляютъ рѣшительно протестовать противъ утвержденія, будто римскій мимъ пользовался такою же священной свободой, какъ и комедіи Аристофана. Если бы это было такъ, тогда, навѣрно, римскіе актеры не пользовались бы такъ рѣдко [153]) возможностью со сцены показывать въ настоящемъ освѣщеніи правителей Рима, которые такъ усердно своими поступками давали пищу сатирическому остроумію, да и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда актеры рѣшались на это, они не старались такъ тщательно прикрывать истинный смыслъ своихъ остротъ, и разница между свободой Аристофановскихъ шутокъ и боязливой осторожностью римскаго театра происходитъ, главнымъ образомъ, отъ различныхъ политическихъ условій, при которыхъ жилъ Аристофанъ и авторы римскаго мима.

Доводы Рейха мало выигрываютъ въ убѣдительности отъ того, что для доказательства той любви, которою пользовались исполнители мимовъ у императоровъ, онъ называетъ Латина, котораго, конечно, не даромъ такъ прославляетъ Марціалъ [154]). Дѣло въ томъ, что едва ли возможно опредѣлить, за что больше любилъ Домиціанъ

пьесѣ поглумился будто-бы надъ разводомъ его (Дом.) съ женой въ лицѣ Париса и Эноны". Reich. l. l. p. 190 ср. Suet. Calig. 27: Atellanae poëtam ob ambigui ioci versiculum media amphitheatri harena igni cremavit. „Поэта-автора ателланы онъ сжегъ на кострѣ посреди арены амфитеатра за стишокъ, заключавшій въ себѣ двусмысленную шутку.

[152]) О нихъ см. мои „Очерки", стр. 145.

[153]) Случаи эти сопоставлены у G. Körting „Geschichte des Theaters". Paderborn. 1897. I, стр. 343.

[154]) См. Mart. IX, 29.

Латина: за игру или же за то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ доносчиковъ [155]).

Если бы Рейху удалось доказать покровительственное отношеніе римской власти къ миму, то получилось бы нѣчто чрезвычайно странное: римское правительство покровительствовало бы какъ разъ тому виду поэзіи, который былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ орудій оппозиціи [156]): гораздо понятнѣе та борьба противъ мима, которую римское правительство на самомъ дѣлѣ и вело, и слѣдами которой являются тѣ самые неоднократно изданные римскимъ правительствомъ противъ исполнителей мимовъ законы, которые совершенно опровергаютъ мнѣніе Рейха.

Необходимо эти съ трудомъ собранные случаи вмѣшательства римскаго театра въ политическую жизнь сопоставить съ той видной ролью, которую игралъ театръ въ общественной жизни Греціи, гдѣ хотя бы только тѣ комедіи Аристофана, которыя дошли до нашего времени, даютъ возможность [157]) всесторонне представить себѣ политическую программу той партіи, представителемъ которой являлся Аристофанъ. Нѣтъ нужды особенно подчеркивать, какую громадную роль сыгралъ въ XVIII вѣкѣ французскій театръ для торжества про-

---

[155]) См. схоліи къ Ювеналу IV 53 и I 35, гдѣ Латинъ отнесенъ къ числу nequissimi delatores (негоднѣйшихъ доносчиковъ).

[156]) См. Г. Буассье. „Оппозиція при Цезарѣ". Рус. перев., стр. 62.

[157]) См. Th. Kock. „Aristophanes als Dichter und Politiker" Rhein. Mus. 39 (1884) p. 134 sq.

свѣтительныхъ идей [158]). Любая «прохладная» комедія Петровской Руси вводитъ насъ въ самый разгаръ политическихъ страстей [159]). И сравнивая съ этими проявленіями ожесточенной и совершенно открытой борьбы театра только что названныхъ странъ съ тѣмъ, что происходило въ этомъ направленіи на сценѣ римскаго театра, нельзя не признать, что, если иногда негодованіе прерывало и его едва ли добровольное молчаніе, то борьба эта принимала характеръ не правильно организованной войны, а отдѣльныхъ вылазокъ волонтеровъ, принужденныхъ дѣйствовать изъ-за угла и обреченныхъ почти всегда на суровую расплату за свои набѣги въ неуказанную область. Это въ свою очередь опредѣляетъ для насъ ту мѣрку, съ которой мы должны приступать къ римскимъ пьесамъ для опредѣленія степени ихъ политической тенденціозности. Мы заранѣе должны знать, что пьесы въ родѣ «Ульриха фонъ Гуттенъ» Лассаля или «Ткачей» Гауптмана, римскій репертуаръ дать намъ не можетъ, но въ то же самое время мы должны постоянно зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы среди сотни, другой совершенно «нейтральныхъ стиховъ» не просмотрѣть ловко замаскированный намекъ, полный самой жгучей связи съ дѣйствительностью.

Б. Варнеке.

[158]) См. Ив. Ив. Ивановъ. „Сатирическая комедія во Франціи“. Артистъ № 35. „Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ XVIII в.“. „Русская Мысль“. 1894. №№ 4 и 5.

[159]) Н. С. Тихонравовъ. „Русскія драматическія сочиненія“, т. I, стр. XXXI.

Мнѣнія о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Ѳед. Евг. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона [1]).

Мысль объ упрощеніи русской орѳографіи, снова возникшая въ московскомъ педагогическомъ обществѣ по поводу моей лекціи о лженаучности нашего правописанія [2]) и поведшая къ ходатайству въ такомъ смыслѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, правда, отклоненному за неблаговременностью, вызвала въ печати цѣлый рядъ отзывовъ, изъ коихъ наиболѣе выдаются, отчасти по обстоятельности, отчасти по именамъ своихъ авторовъ, отзывы академиковъ И. В. Ягича и Ѳ. Е. Корша, бывшаго профессора, теперь члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія, А. С. Будиловича и одесскаго профессора А. И. Томсона.

Изъ четырехъ названныхъ ученыхъ двое—Будиловичъ и Томсонъ—являются рѣшительными противника-

---

[1]) Мнѣнія эти пріобрѣтаютъ теперь новый интересъ вслѣдствіе образованья при Императорской Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго ея Президента, комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, къ участью въ которой удостоился приглашенія и авторъ настоящей статьи.

[2]) Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія (Публичная лекція). Оттискъ изъ I—II вып. «Филол. Зап.». Воронежъ, 1901.

ми реформы, двое, притомъ болѣе авторитетные—Ягичъ и Коршъ,—хотя и не становятся прямо на сторону педагогическаго общества, но въ сущности ему сочувствуютъ.

Будиловичъ (начну съ него: въ разборѣ своемъ я не буду итти повременнымъ, а другимъ, болѣе удобнымъ, порядкомъ) прямо выступаетъ противъ педагогическаго общества и озаглавилъ свою брошюру (29 страницъ) «О Московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія» (Юрьевъ 1902—изъ Сборника Учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, томъ V).

Оппозиція Б—ча нисколько не является неожиданностью: говоря въ своей лекціи (стр. 48) о «раздающихся нерѣдко въ пользу орѳографическаго обычая голосахъ серьезныхъ и почтенныхъ филологовъ», я думалъ прежде всего именно объ Антонѣ Семеновичѣ. Вслѣдствіе этого я уже въ са́мой лекціи, а затѣмъ въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину (Ж. М. Н. П., 1902, августъ, стр. 50) вкратцѣ указалъ и опровергъ, что̀ могъ бы, по моимъ предположеніямъ, возразить Б—чъ.

Б—чъ, думается мнѣ, опасенъ для реформы своимъ именемъ, на которое иные будутъ ссылаться, не входя въ оцѣнку представленныхъ имъ доводовъ; особенно же у него опасно было бы обвиненіе (если бы таковому повѣрили власти), что мы, хотя и безсознательно, плодимъ сепаратизмъ и сѣемъ смуту (стр. 24—25). Едва ли однако Б—чъ можетъ сдѣлаться вождемъ сознательной и многочисленной оппозиціи, т. к. конечно лишь весьма немногіе примкнутъ къ его программѣ полнаго застоя въ орѳографіи—даже А. С. Бѣлкинъ (Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ. Ж. М. Н. П.,

1902, январь) кое-что уступаетъ: безусловно жертвуетъ ижицей и ѳитой, готовъ устранить ъ, не особенно распинается и за ѣ.

Мотивировка же у Б—ча крайне слабая: онъ возражаетъ не столько какъ языковѣдъ, сколько какъ археологъ, публицистъ и славянофилъ.

Прежде всего Б—чъ упрекаетъ составителей проекта въ томъ, что разсужденія ихъ въ «Докладѣ о правописаніи» —содержанье каковаго доклада онъ излагаетъ,—разсужденія, легшія въ основаніе предлагаемой реформы, не являются новостью (стр. 9). Упрекъ едва ли умѣстный у какого то ни было критика, тѣмъ менѣе у критика-охранителя. Именно, если бы реформаторы измыслили что-нибудь совершенно новое, они бы отрѣшились отъ потребностей дѣйствительной жизни, и приготовили бы своему дѣлу неизбѣжный провалъ. Съ другой стороны, его самого съ полнымъ правомъ можно упрекнуть, что онъ безъ надобности твердитъ зады, которыхъ реформаторы якобы не знали или не взвѣсили (стр. 28). Странно также винить насъ, что мы въ краткомъ докладѣ изложили вопросъ не столь подробно, какъ Гротъ въ цѣлой книгѣ; притомъ же суть дѣла представлена достаточно обстоятельно и ясно. Тамъ, гдѣ возражатель усмотрѣлъ неясности, онъ просто придирается.

Такъ, онъ напрасно видитъ неопредѣленность въ положеніи, что со звуковой стороны «правописаніе не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія», и спрашиваетъ (стр. 10), разумѣется ли здѣсь подъ діалектомъ какой-нибудь областной литературной языкъ, или мѣстное нарѣчіе, либо жаргонъ. Очевидно, что мы разумѣли и то́, и другое, и третье, и считались только съ литературнымъ произ-

ношеніемъ. Достаточно ясенъ (конечно, не безусловно точенъ: вѣдь филологія не математика) также нашъ принципъ сохраненія этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ, и нечего спрашивать: что́ здѣсь означаетъ «проявляется»? Чувствуется? Сознается? Выясняется путемъ научнымъ? И кому проявляется: безграмотному школьнику, человѣку образованному, ученому спеціалисту? (10 же) Очевидно же наша реформа имѣла въ виду не книжниковъ, а тѣмъ менѣе языковѣдовъ, и рѣчь идетъ о тѣхъ проявленіяхъ первоначальнаго звука, которыя легко могутъ быть замѣчены даже дѣтьми и простолюдинами, и на какія постоянно ссылаются учителя при обученіи грамотѣ, напр. присутствіе въ мужескомъ родѣ «ло́въкъ» звуковъ **о** и **в**, измѣнившихся въ женскомъ родѣ «лафка́» въ **а** и въ **ф**. Б—чъ, видно, не достаточно вдумался въ наше, хорошо взвѣшенное выраженіе, которое именно точнѣе предпочитаемаго имъ гротовскаго и ломоносовскаго: «слѣдовъ происхожденія и сложенія рѣченій», о коихъ говоритъ Ломоносовъ, если только таковые дѣйствительно сохранились въ живой рѣчи, и чисто-звуковая орѳографія не закроетъ—такъ, въ нашемъ примѣрѣ и при ней совершенно ясно, что древнѣйшій видъ корня есть л-о-в.

Упрекъ намъ въ томъ, что, если даже признать, въ виду постепеннаго измѣненія языка, необходимость періодическаго пересмотра орѳографіи, мы выступаемъ съ таковымъ слишкомъ скоро послѣ гротовскаго (стр. 11), опять-таки неоснователенъ, потому что Гротъ, намѣтя въ своихъ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» настоящую реформу, свелъ таковую въ «Русскомъ правописаніи», что̀ называется, на нѣтъ.

Чтобы уронить научное достоинство Доклада, Б—чъ,

умолчавъ объ участіи въ дѣлѣ академика Фил. Ѳ Фортунатова и отведши меня (лекція котораго будто-бы мало пригодилась реформаторамъ, т. к. я—замѣтьте, въ теоріи!—стою за писаніе «по звонамъ», какъ Тредьяковскій), подчеркиваетъ нѣсколько неточное выраженіе Доклада о несовсѣмъ выясненномъ явленіи: о степени мягкости звуковъ **ч** и **щ** (у Б—ча, стр. 12, прим.. по опечаткѣ—весьма зловредной опечаткѣ! - **ч** и **ш**). Онъ, конечно, правъ, что, цитуя по этому случаю Бѣлкина, указываетъ на желательность рѣшить вопросъ объ оттѣнкахъ слоговъ **ча чо ща що** и т. д. экспериментнымъ путемъ; однако забылъ, что намъ нечего думать о введеніи въ письмо тѣхъ тонкостей, которыя здѣсь обнаружатся, а тѣмъ менѣе ему.

Насчетъ нашихъ пробныхъ диктовокъ Б—чъ говоритъ, будто въ нихъ ошибки считались неправильно (стр. 16); между тѣмъ естественно было считать ошибки по Гроту, по коему испытуемые обучались. Тутъ же дѣлается намъ упрекъ въ нелогичности: будто мы утверждаемъ, что въ основаніи неполной грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лежитъ «мнимый» формализмъ и культъ буквы (стр. 17) О формализмѣ и буквоѣдствѣ говорится у насъ совсѣмъ въ иной связи, а именно какъ о тормазѣ при изученіи болѣе существенныхъ сторонъ родной словесности.

Возраженіе, что мы въ своемъ полуэтимологическомъ правописаніи даемъ слишкомъ большой перевѣсъ фонетикѣ, неосновательно (срав. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 34, прим. 2), и находится въ связи съ непониманіемъ нашего принципа не считаться ни съ прежними вѣками, ни съ областною рѣчью. Поэтому мы (наперекоръ Б—чу, стр. 21) вполнѣ естественно предлагаемъ писать «добраго» черезъ о-в-о—какъ въ сущности уже я въ своей

лекціи, стр. 41; вѣдь на **г** въ обыкновенной рѣчи ничто не указываетъ, а **о** слышится то на первомъ мѣстѣ—зло́го, то на второмъ—того́ Да и насчетъ полнаго отсутствія этого окончанія въ народныхъ говорахъ (тамъже) я могу сдѣлать поправку: произношеніе до́брово, си́нёво отмѣчено какъ бронницкое, какъ бѣлозерское, какъ ка́дниковское и какъ то́темское (въ То́тьмѣ—рядомъ съ -ова) [3]).

Совершенно неубѣдителенъ Б--чевъ доводъ въ пользу **ѣ** (опровергнутый уже въ дополнительномъ экскурсѣ о буквѣ **ѣ** при моей лекціи, стр. 52—53), будто **ѣ** проявляется донынѣ въ явленіяхъ «динамическаго» или подъемнаго движенія корневыхъ гласныхъ (стр. 18): живая рѣчь представляетъ мѣну коренныхъ гласныхъ лишь какъ пережитокъ—между видѣть и вѣдать, даже между липкій и слѣпокъ, ближайшей связи не чувствуется. Звуковая же разница между «мёд» и «дѣд» и у насъ можетъ быть выражена достаточно ясно. Въ этомъ случаѣ впрочемъ общее собраніе Педагогическаго общества нѣсколько исказило проектъ комиссіи, предположивши писать ё не всегда, а, по крайне неопредѣленному правилу, только «въ необходимыхъ случаяхъ».

Въ пользу **ъ** Б--чъ (стр. 19), среди другихъ, давно опровергнутыхъ, доводовъ, ссылается (кажется, это ново) на то́, что только его присутствіемъ объясняется цѣлость звонкихъ согласныхъ въ исходѣ словъ у малороссовъ: «Бог, дід, гриб». Не настаивая здѣсь на своей догадкѣ, что конечные звонкіе д. б. вовсе не уцѣлѣли,

---

[3]) Насчетъ -ово срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 24—25. Укажу еще на слова́ «севóднишней», «третёводнишней», гдѣ теперь **г** приходится читать за **в** даже внутри слова.

а возстановлены взамѣнъ глухихъ изъ другихъ падежей [4]), отмѣчу, что указанное обстоятельство говоритъ, пожалуй, въ пользу сохраненія **ъ** у малороссовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—за устраненіе его у великороссовъ; а т. к. малороссы прекрасно обходятся безъ **ъ**, то великороссы могутъ это и подавно [5]). Ссылка же на параллелизмъ между употребленіемъ **ъ** и **ь** (стр. 20) обращается лишь къ нашей зрительной привычкѣ и пристастію къ чисто внѣшней стройности: развѣ поляки затрудняются отсутствіемъ твердаго знака въ какомъ-нибудь словѣ sen, хотя и ставятъ мягкій (акутъ) надъ словомъ dzień? Да и параллелизмъ у насъ уже нарушенъ, т. к. мы пишемъ напр. полька, горько и Санька съ **ь**, а полка, горка и санки—безъ **ъ**.

Болѣе внушительные доводы Б - ча взяты не изъ области науки, а изъ области славянофильскихъ и патріотическихъ воспоминаній и вожделѣній. Для него наше теперешнее письмо есть то же древнее, святокирилловское, и будто бы одно способно служить объединяющимъ звеномъ для славянскихъ письменностей. Естественно, конечно, желать, да и можно надѣяться, что русскій языкъ станетъ междуславянскимъ; но, чтобы для этого имѣло значенье современное правописаніе—невѣрно. Одно лишь болгарское письмо сходно съ нашимъ; да и то́ тамъ нѣтъ **ы**, нѣтъ **і**, а съ другой стороны есть **ж**,

---

[4]) Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, вып. I, фонетика, Москва 1892, стр. 126.

[5]) Оговорю еще, что, если сохраненье звонкихъ исходовъ можетъ быть обращено въ пользу конечнаго ъ, то другая особенность малорусскаго выговора: віл вм. **волъ**, лїд вм. **лѥдъ**, находящаяся въ связи съ онѣмѣніемъ глухого и возникновеньемъ замкнутыхъ слоговъ, говоритъ противъ него.

и есть ъ въ значеніи гласнаго звука. Напротивъ того, при изученьи русскаго языка упрощенная правопись пригодится другимъ славянамъ такъ же, какъ и намъ самимъ А чтобы болгаре, или же сербы, при прежней, славяносербской орѳографіи, могли читать и понимать русскія книги, не учившись (или наоборотъ, россіяне—болгарскія и сербскія) - это рѣшительно слѣдуетъ отрицать. (Въ этомъ мѣстѣ я точнѣе изложилъ и опровергъ то, что у Б—ча является въ видѣ громкой, заключительной фразы).

На той же 29 ой страницѣ, Б—чъ насъ пугаетъ опасностью возбужденія въ настоящую «роковую годину.. споровъ между писателями и читателями, педагогами и учениками». Какъ будто нельзя расходиться въ правописномъ вопросѣ и дѣйствовать весьма дружно въ другихъ областяхъ! Взять хоть для примѣра самого Антона Семеновича и меня. Чтобы возникъ раздоръ «изъ-за той или другой кирилловской буквы», дѣйствительно было бы неразумно; но кто же взываетъ къ оружію, если не самъ нашъ негодующій противникъ? Вѣдь педагогическое общество имѣло въ виду постепенную и мирную реформу, безъ малѣйшаго притѣсненія кого бы то ни было.

Утверждая, что малорусская кулишовка обособила западныхъ малороссовъ отъ великороссовъ (стр. 23—24), Б—чъ превращаетъ слѣдствіе въ причину. Отдѣленные отъ Россіи галичане не такъ легко могутъ научиться литературной русской рѣчи; государственное же отдѣленіе ихъ (съ присоединеніемъ къ Польшѣ) произошло еще въ XIV вѣкѣ, когда не было не только кулишовки, но даже петровской гражданицы. Суть дѣла и здѣсь не во внѣшнемъ сходствѣ на бумагѣ, а въ томъ, чтобы малороссы знали общерусскую рѣчь и въ широкихъ

размѣрахъ ею пользовались.—Впрочемъ, по части внѣшности, наша реформа (устраненіемъ ъ и ѣ) посодѣйствовала бы сближенію гражданицы съ кулишовкой.

Въ перемѣнѣ орѳографіи Б—чъ видитъ опасность для семьи (произойдетъ де раздоръ отцовъ и дѣтей), отреченіе отъ завѣтовъ предковъ и чуть ли не ересь (стр. 23). Онъ знать не хочетъ, что упрощенье орѳографіи, удаленіе ея отъ латинской, не повлекло за собой у итальянцевъ и испанцевъ отпаденья отъ католичества, что введенье въ сербскую азбуку нѣмецко латинскаго j не совратило сербовъ въ латинство.

Б—чъ, положимъ, въ «стародавнемъ» (не очень, и не во всѣхъ отношеніяхъ!) «графическомъ обликѣ литературнаго языка» видитъ «нравственную цѣнность» (стр. 26). Эта нравственная сторона вопроса, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы писаніе лишнихъ буквъ дѣлало людей добрѣй или честнѣе, а въ томъ, что здѣсь проявляется вѣрность роднымъ обычаямъ, уваженіе къ предкамъ Однако такая вѣрность похожа на вѣрность лѣниваго раба, зарывшаго довѣренный ему талантъ въ землю (Матѳ. XXV, 25—27); да и объ уваженіи къ предкамъ лучше не заговаривать. Вѣдь ъ и ѣ люди обыкновенно выводятъ чисто машинально—даже самъ Б—чъ, конечно, лишь изрѣдка надъ ними задумывается и умиляется; большинство же людей, если задумается надъ этими знаками, то призна́етъ ихъ излишество, и ужъ никакъ не почувствуетъ благоговѣнія ко введшимъ ихъ въ употребленіе предкамъ.

Нѣкоторый расколъ, правда, можетъ произойти при нашей реформѣ—а именно въ области самой орѳографіи Но кто же будетъ раскольниками? Самъ Б—чъ и его единомышленники. Мы же, если наше дѣло восторжествуетъ, сразу провозгласимъ примирительное начало—

правописное единовѣріе. Однако и не желая никого преслѣдовать за орѳографическую вѣру, все-таки нельзя не напомнить нашимъ старовѣрамъ слова апостола: «писмя оубиваетъ, а духъ животворитъ» (II Коринѳ. 3, 7).

Еще болѣе странное впечатлѣніе, чѣмъ брошюра А. С. Б—ча, производитъ разсужденіе А. И. Томсона. Б—чъ ослѣпленъ славянофильскою и лжепатріотскою тенденціей, а Т., видимо, разсуждаетъ спокойно; но столь же далекъ и отъ истинно-научнаго, и отъ разумно-житейскаго взгляда.

Томсонъ посвятилъ вопросу цѣлую книгу (168 страницъ), подъ заглавіемъ: «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» Одесса 1903. Впрочемъ сочиненіе это отчасти потому довольно объемисто, что изложено нѣсколько мудрено и многословно, и съ постоянными повтореніями.

По части обученія Т. высказалъ кое-что дѣльное (насколько однако новое?). Онъ, конечно, правъ—я лично считаю это аксьёмой,—что правописанью не слѣдуетъ обучать посредствомъ диктовки, т. к. сдѣланныя, а затѣмъ исправленныя учителемъ ошибки обыкновенно оставляютъ по себѣ лишь смутное представленіе о двухъ написаніяхъ, изъ которыхъ одно, но неизвѣстно, которое, ошибочно. Дѣйствительно, диктовка хороша лишь какъ повѣрка; учиться же надо преимущественно путемъ списыванья [6]). Однако, когда Т—нъ напираетъ на важность этого чисто механическаго пріема, и подчер-

---

[6]) Отмѣчу еще, какъ удачную мысль Т—на, желаніе упростить шрифтъ (стр. 143). Но эта мысль не нова: упрощенье азбуки, между прочимъ, путемъ уравненія большихъ и малыхъ буквъ, предлагали уже г.г. Езерскій (Международ-

киваетъ, что не слѣдуетъ преподавать орѳографію ввидѣ правилъ, а также, что высшее званіе по этой части состоитъ въ машинальной правильности письма, то не произноситъ ли онъ безсознательно самый рѣзкій приговоръ надъ отстаиваемой имъ орѳографіей? Можно ли признать разумною такую вещь, которой нельзя разумно истолковать, и которую приходится усваивать чисто-внѣшнимъ образомъ?—И противъ пробныхъ диктовокъ нашего педагогическаго общества Т—нъ, подобно Будиловичу и Бѣлкину, возражаетъ; но возраженія его столь же несущественны.

Разсужденье о правописаніи, составляющее первую часть томсоновой книги, начинается съ указанія, что цѣли, которыя должны преслѣдовать разумное правописаніе, надо установить экспериментальнымъ путемъ, посредствомъ психологическихъ изслѣдованій (стр. 4—5); причемъ авторъ скромно оговаривается, что самъ не рѣшаетъ вопроса окончательно (стр. 7). Эта, небезынтересная, но для дѣла совсѣмъ ненужная психологія является у Т—на главнымъ образомъ ввидѣ самонаблюденія (стр. 15, 16, 17),—но полагаю, что буквенная практика интеллигента, особенно же филолога, весьма плохая мѣрка для изслѣдованія психологіи малолѣтнихъ школьниковъ. Впрочемъ Т—нъ съ высоты своей каѳедры и не желаетъ особенно смотрѣть на потребности школы, и совсѣмъ не стремится къ облегченію учениковъ (стр. 123, 119, 126).

Въ правописномъ дѣлѣ Т—нъ оказывается такимъ же рѣшительнымъ консерваторомъ, какъ и Б—чъ. Воз-

---

ная азбука, С.-ПБ. 1883), Колтановскій (Реформа русской азбуки, Винница 1900) и Герасимовъ (Подарокъ неизгнаннаго неба, «рожокъ-самъ-гудокъ», или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Москва 1901).

ражая реформаторамъ (намъ, московскимъ, и своимъ одесскимъ, проектъ которыхъ будто бы «во многомъ» — дѣйствительно лишь кое въ чемъ — расходится съ нашимъ, стр. 104—105), онъ утверждаетъ, что реформаторы смотрѣли на вопросъ односторонне. Односторонность эта состоитъ въ томъ, что мы думали только о потребностяхъ школы. А «новая» точка зрѣнія Т—на, утверждающаго между прочимъ, что лженаучное, съ одной точки зрѣнія, съ другой—можетъ оказаться научнымъ (стр. 3), это—всѣмъ намъ хорошо знакомое сознаніе грамотея, коему всякое отступленіе отъ привычныхъ начертаній представляется страннымъ (стр. 24, 26, 42 46, 49, 63, 69, 72, 73, 76); онъ, значитъ, собственно не сталъ на свою точку зрѣнія, а не сумѣлъ съ нея сойти. Для вполнѣ грамотнаго человѣка въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть болѣе удобнаго письма, чѣмъ ходячее, въ совершенствѣ имъ усвоенное. Написать напр. глагольную форму «ѣшь» съ буквою е и безъ мягкаго знака для насъ конечно труднѣе, чѣмъ написать ее потеперешнему; но совсѣмъ не то́ для начинающаго. Для насъ ходячія написанія (опять-таки Т—нъ правъ) въ нѣкоторомъ смыслѣ даже фонетичнѣе самыхъ фонетическихъ, т. е. мы соединяемъ напр. съ тѣмъ же начертаніемъ ѣ-ш-ь представленіе о звукахъ j е и ш въ извѣстныхъ оттѣнкахъ; но собственно то́, что̀ у насъ передъ глазами, вовсе этихъ оттѣнковъ не выражаетъ. Точно также французъ, видя напр. написаніе p-o-i-n-t читаетъ именно какъ надо, pwę; но всежъ вѣдь у него написано пойнт, или по крайней мѣрѣ, т. к. oi по-французски обыкновенно обозначаетъ oa,—pwą. И англичанина буквенное сочетаніе l-i-g-h-t наводитъ на вѣрное и точное чтеніе лайт, но все-таки жъ это должно бы читаться лихт.

Т—нъ опасается, что упрощенныя, болѣе фонетическія написанія заставятъ читающихъ останавливаться на буквахъ, тогда какъ при теперешнихъ мы прямо переходимъ ко смыслу. Дѣйствительно, такъ будетъ на первыхъ порахъ; но когда выработается новая привычка, точный выговоръ и вѣрный смыслъ будутъ столь же тѣсно примыкать къ упрощеннымъ начертаніямъ. А начинающихъ именно этимологическія написанія отвлекаютъ отъ восприятія цѣльнаго слова въ сторону отдѣльныхъ буквъ, тогда какъ при соотвѣтствіи буквъ привычнымъ звукамъ они быстрѣе будутъ переходить отъ буквъ ко звукамъ, а отъ звуковъ—къ смыслу. Вотъ вѣдь для чего важно изображеніе звуковъ нашей рѣчи, хотя Т—нъ и считаетъ его лишнимъ (стр. 10), т. к. «намъ нужны слова, или вѣрнѣе—значеніе словъ» [7]). Да и про свой собственный процессъ писанія авторъ признаётся, что тутъ дѣло не обходится безъ «промелькнувшихъ звуковыхъ образовъ» (стр. 18, срв. 35 и 43). Отчего еще, спрашивается, Т. не вспомнилъ, что чисто-звуковое письмо итальянцевъ, испанцевъ и сербовъ столь же хорошо вяжется съ соотвѣтственнымъ смысломъ, какъ мудреное «историческое» письмо французовъ и англичанъ?

То́, что французы и англичане не пришли къ упрощенію своихъ орѳографій (о чемъ не разъ заговаривали у нихъ), объясняется—какъ ужъ и указано у меня въ Лекціи, стр. 46—47,—не тѣмъ, что ихъ орѳографіи очень удобны, а тѣмъ, что онѣ плохи почти до

---

[7]) Уже въ своей лекціи (стр. 41, внизу) я, ссылаясь на тотъ же смыслъ, едвали неосновательно, утверждаю, что этимологическія ухищренія именно отвлекаютъ насъ отъ смысла.

неисправимости. Такъ, нашъ конечный **ъ** можно просто опустить, а въ связи съ устраненіемъ французскаго и англійскаго н ѣ м о г о **e** потребовалась бы крупнѣйшая ломка. Если не писать **e** въ концѣ словъ monde, sorte, то, чтобы французы не читали mọ, sor, надо ввести у нихъ новое—конечно, разумное, но имъ не привычное—правило, никакихъ конечныхъ согласныхъ не глотать; у англичанъ слово rate цѣнность, при опущеніи **e**, обратилось бы въ rat крыса, shine сіять—въ shin голень, и ради различенья пришлось бы ввести новыя знаки для звуковъ é, ä и дифтонга **эй**.—Что есть возможность усвоить даже французское и англійское правописаніе, а тѣмъ болѣе русское, разумѣется, справедливо—иначе вѣдь они давно были бы оставлены, и едвали бы даже возникли; только на это изученье тратится много времени, которое пригодилось бы для болѣе полезныхъ занятій.

Реформа, говоритъ далѣе Т—нъ (опять-таки это старо, какъ и всѣ его возраженія) угрожаетъ необходимому е д и н с т в у письма. Дà, единство, конечно, нужно; только въ какихъ размѣрахъ?! Развѣ есть теперь, да и было ли когда-нибудь, на Руси совершенное единство? Развѣ не существовало и не существуетъ въ иныхъ случаяхъ двоякихъ написаній, вовсе не мѣшающихъ взаимному пониманію? Очевидно, нѣкоторое разногласіе вполнѣ допустимо, а стремиться къ полному единству орѳографіи, хотя бы цѣной узаконенія цѣлаго ряда условностей, это—буквоѣдскій педантизмъ. Вдобавокъ при упрощенномъ письмѣ меньше будетъ поводовъ къ схоластическимъ спорамъ, и легче будетъ усвоить себѣ обычныя начертанія, т.-е. единство только выиграетъ.

Несомнѣнное удобство представляла бы также близость единой орѳографіи къ объединительному литера-

турному языку, имѣющему и свое произношеніе; удобство же для этой цѣли «историческаго» правописанія (стр. 68 и 69), ничто иное, какъ россійскій предразсудокъ: у итальянцевъ вполнѣ звуковое правописаніе отлично объединяетъ ихъ разнообразные говоры. Самъ Т—нъ (стр. 134) признаётся, что звуковое письмо по лондонскому произношенію повело бы у англичанъ къ большему единству произношенія; хотя выше (стр. 126) и утверждалъ (со значительнымъ преувеличеньемъ), что «по письму никто живому выговору не научится».

Кромѣ единства Т—нъ требуетъ и постоянства (стр. 78, 80, 81), т.-е. онъ идетъ на тó, чтобы со временемъ русское письмо, неизмѣнное при измѣненіи выговора, стало съ нимъ въ такое же противорѣчіе, какъ теперь англійское — трудность котораго впрочемъ по Т—ну (стр. 88) «въ значительной степени мнимая» [8]). Правда, по непослѣдовательности, онъ допускаетъ реформу въ отдаленномъ будущемъ, говоря, что буква ѣ впослѣдствіи могла бы пригодиться въ смыслѣ è, при е=é, если бы слова вѣсъ и вѣсь смѣшали свои окончанія, твердое и мягкое, въ одномъ среднемъ; здѣсь онъ забываетъ, что по его взгляду традицьённые ъ и ь, хотя бы и утратили всякій смыслъ, должны быть сохранены на вѣчныя времена.—И къ чему такъ нужно томсоновское постоянство?! Люди по большей части читаютъ сегодняшнюю газету, новѣйшіе номерà журналовъ, свѣжіе романы, а, если берутъ въ руки прежнихъ авторовъ, такъ въ новыхъ изданіяхъ; ходячіе учебники постоянно перепечатываются. Кто же имѣетъ дѣло со

[8]) Мнимость состоитъ въ томъ, что все-таки имѣются правила. Конечно, имѣются; но сложныя, и съ массой исключеній!

стариной, тотъ скоро вчитается въ особенности ея правописи, или лучше правописей.

Увлекшись своимъ единообразіемъ и постоянствомъ, Т -нъ договаривается до положенія (стр. 75), что «всякія новшества, какъ бы они ни были цѣлесообразны, крайне нежелательны и допустимы, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, лишь въ томъ случаѣ, если старое безусловно негодно, а новое выдерживаетъ всякую критику». Значитъ, пиши пропало: потому что (приведу слова кн. Вяземскаго [9]) «всякая человѣческая истина, всякое здравое мнѣніе имѣетъ, какъ Ахиллесъ, свою незастрахованную пятку, въ которую уязвить ихъ можно»; или, какъ еще сильнѣе выразился одинъ нѣмецъ, «для всякой глупости можно подобрать отговорку, ко всякой мудрости придирку» [10]).

Вѣскимъ доводомъ въ пользу существующаго правописанія Т -ну представляется то́, что оно является составной частью культурной исторіи народа (стр. 126). Этого, понятно, никто не станетъ отрицать, но такою же частью будетъ и новое, упрощенное, болѣе русское, если наперекоръ Т—ну восторжествуетъ; да и недовольство ходячимъ правописаньемъ и попытки къ его упрощенію тоже культурные факты.

Говоря о частностяхъ нашихъ проектовъ, критикъ замѣчаетъ, что буква «связана многими узами съ другими явленіями души, правильное функціонированіе которыхъ нарушалось бы внѣшнимъ устраненіемъ такой буквы» (стр. 83). Эту псевдонаучную фразу, которая

---

[9]) Письмо къ Плетневу отъ 19 ноября 1852 года. Гротъ. Сочин. Державина, т. IX, стр. 251.

[10]) Es giebt keine Dummheit, für die man nicht eine Ausrede, keine Weisheit, gegen die man nicht eine Einrede hätte.

въ переводѣ на простой языкъ значитъ, что непривычныя написанія будутъ насъ смущать и затруднять (срв. мою лекцію, стр. 22—23), Т—нъ самъ сводитъ къ абсурду, когда говоритъ (стр. 73), что «мѣлъ», написанный через е, покажется ему не бѣлымъ, а сѣрымъ.

Въ пользу ѣ Т—нъ ссылается также (не первый) на потребность различить «свѣдѣніе и сведеніе, синее и синѣе, въ полѣ предложный падежъ и въ поле винительный». Первыя двѣ пары гораздо проще и яснѣе могутъ быть различены посредствомъ того, чѣмъ разнятся въ живой рѣчи, т.-е. посредствомъ ударенія. Третья (къ которой можно прибавить еще тѣ же падежи у словъ море и горе), правда, представляетъ дѣйствительное неудобство; но неужели сохранять ѣ изъ-за нѣсколькихъ словъ, гдѣ проводится полезное, но книжно-искусственное различеніе? (Искусственное, т. к. въ непринужденномъ произношеніи имѣется иное различіе, и слышится «вытти в по́ля»—у окальщиковъ: «в по́лё»,—рядомъ съ «находиться в по́ле» или же «находиться в по́ли»).

Тѣмъ, что ѣ нами употребляется далеко не правильно, критикъ нашъ не смущается—онъ хочетъ сохранить его, не считаясь ни съ фонетикой, ни съ этимологіей, и несмотря на то́, что (какъ самъ признаётъ) «на ѣ тратится много труда и времени въ школѣ» (стр. 97), и что зубреніе ятеваго списка—отчасти неизбѣжное—является «педагогической оргіей» (стр. 158).

Т—нъ стоитъ также за конечный ъ, «какъ знакъ грамматическихъ категорій» (стр. 95—96), т.-е. онъ пренебрегаетъ научнымъ фактомъ, что конечный ъ онѣмѣлъ, и что обозначавшіеся имъ падежи теперь обозначаются отсутствіемъ окончанія. Еще молъ ъ могъ бы приго-

диться впослѣдствіи, для выраженья глухого гласнаго (стр. 90). Опять-таки не Т—ну бы это говорить, когда по его теоріи нечего считаться съ выговоромъ и не слѣдуетъ мѣнять традицьённаго письма; но, если и придать этому доводу другой видъ (говоря о передачѣ областной рѣчи, какъ Будиловичъ, стр. 20), то естественно возразить, что нашъ нѣмой **ъ**, особенно въ концѣ словъ, долженъ считаться весьма неудобнымъ знакомъ для гласнаго звука, пригоднымъ только для языковѣдовъ, пропитанныхъ духомъ староцерковнаго языка.

Однимъ изъ нашихъ **и** Т—нъ готовъ поступиться (стр. 94—95), хотя онъ нѣсколько дорожитъ различеніемъ двухъ «мировъ» и повторяетъ, что правило объ **і** очень просто (что оно нелѣпо—этого онъ въ расчетъ не принимаетъ). И опять-таки онъ припасаетъ **і** для будущихъ временъ, когда могло бы понадобиться отличить на письмѣ **і** въ какомъ-нибудь словѣ «сірый» отъ и въ словѣ «шире». Что бу ва **и** во второмъ словѣ обозначаетъ **ы**, Т—нъ не признаётъ, и въ связи съ этимъ считаетъ «недопустимыми» написанія ш-ы, ж-ы и постоянное ц-ы (стр. 98). Онъ увѣряетъ, будто на этотъ счетъ съ москвичами расходятся петербуржцы, произносящіе здѣсь **и**. Не знаю, отъ какихъ петербуржскихъ книжниковъ ему приходилось слышать выговоръ «ши, жи» [11])—я съ дѣтства произношу «жить» почти такъ же, какъ «быть», и совсѣмъ не такъ, какъ «лить» [12]).

---

[11]) Насчетъ «ци» срв. мою лекцію, стр. 38.

[12]) Звукъ, о которомъ здѣсь говорится, смахивающій на **и**, но болѣе близкій къ **ы**, я въ своей фонетикѣ называю «узкими ера́ми». Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Выпускъ I. Фонетика. Москва 1892. Стр. 14. Существованье такого звука, а именно его болѣе широкаго оттѣнка передъ твердыми согласными, допускаетъ и Т—нъ (стр. 98).

Не прочь Т—нъ отказаться и отъ ѳ (стр. 94); но боится обидѣть Ѳедоровыхъ, а особенно еще болѣе многочисленныхъ Ѳедоровъ и Ѳедоровичей, навязавъ имъ всѣмъ, инымъ изъ нихъ непривычную, букву ф.

Въ концѣ концовъ изъ намѣченныхъ нами жертвъ намъ предоставляется одна ижица (стр. 94). Да и къ той Т—нъ, со своей точки зрѣнія, напрасно отнесся столь сурово, ибо произвольное правило ея употребленія чрезвычайно просто, а отличеніе слова «мѵро» въ косвенныхъ падежахъ отъ словъ миръ-покой и міръ-вселенная, если, какъ онъ, дорожитъ такими различеніями должно быть признано полезнымъ.

Къ возраженью противъ сокращенія азбуки критикъ прибавляетъ (стр. 92) требованіе, чтобы устранители «лишнихъ» буквъ добавили также недостающія: значитъ, ё и знакъ для г проточнаго (благо). Это, конечно, правильно въ теоріи, да и было сдѣлано Московской орѳографической комиссіей; однако для практики необязательно.

Возражаетъ Т—нъ также противъ введенія въ русскую азбуку буквы j (стр. 101). Возраженье не особенно нужное, т. к. мы ввести j прямо не предлагали, а съ ученой стороны—не дѣльное [13]); хотя съ практической можно согласиться съ Т—номъ, что буквы я и ю имѣютъ свои удобства, что̀ оговорилъ еще Бётлингъ. (Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ: «Ученыя записки Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ». Т. I, стр. 60).

Что̀ касается собственно-орѳографическихъ упрощеній, то Т—нъ не очень стоитъ за различеніе падежей и родовъ у формъ «её» и «добрые»; но все-таки считаетъ его небезполезнымъ (стр. 87).

---

[13]) Срв. ниже, стр. 28—29.

Переносы критикъ согласенъ упростить (стр. 103), но обязательно съ установленьемъ полнаго единообразія, безо всякой двоякости—какія бы тутъ могли быть упрощенныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ точныя правила, мнѣ несовсѣмъ ясно.

Итакъ, Т—нъ уступаетъ лишь въ двухъ-трехъ мелочахъ, въ общемъ же онъ видитъ въ обоихъ докладахъ «насилія, противъ каковыхъ выступаетъ и наука, и все грамотное общество» (стр. 105); хотя самъ отмѣчаетъ — правда, не безъ оговорки относительно какихъ-то «психологическихъ и физіологическихъ причинъ», т.-е. той же привычки,—что это простая косность. Даже для школы, кромѣ устраненія ѣ, установленья постояннаго з въ приставкахъ «воз, из, низ, раз», да еще упрощенія переноса, проектъ будто бы серьёзнаго значенія не имѣетъ (стр. 118). Пусть та́къ (срв. однако мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 35); но вѣдь уже устраненье одного ѣ есть громадное облегченіе. Еще надо принять во вниманіе, что, устраняя нѣкоторыя правила, трудныя и произвольныя, мы косвенно облегчаемъ усвоеніе другихъ, болѣе разумныхъ, коренящихся въ самомъ языкѣ: выигравъ время, на нихъ можно будетъ продѣлать большее число упражненій, притомъ упражненій не лишенныхъ назидательности [14]). Впрочемъ помоему все-таки желательно сократить занятія по орѳографіи, хотя Т—нъ на это ни за что́ не хочетъ согласиться: лучше-де, если ужъ нужно облегченіе, произвести его насчетъ алгебры, тригонометріи, исторіи и чего угодно! (стр. 123).

При всемъ этомъ Т—нъ признаётъ «труд-

[14]) Таково сопоставленье родственныхъ словъ, напр. «тяжкій—тяжесть—тягость—тяготиться». Оговорю однако, что про тѣ же связи и тѣ же звуковые переходы можно бы толковать и при чисто-звуковыхъ написаніяхъ.

ность усвоенія историческаго письма, которое справедливо приравниваютъ къ изученію отдѣльнаго языка» (стр. 12, срв. 59, 61, 124), и приводитъ указаніе, что Вольтеръ и Руссо̀ не выдержали бы элементарнаго испытанія по орѳографіи (стр. 48). Съ другой стороны, онъ признаётъ легкость фонетическаго письма (стр. 22, срв. 70); отмѣчаетъ (стр. 93), что наше письмо все-же въ основаніи звуковое, что при чтеніи вслухъ и писаніи подъ диктовку, а также при чтеніи и писаніи всѣхъ не вполнѣ грамотныхъ, звуковая сторона является существенной составною частью, и что правописаніе тѣмъ легче усваивается, «чѣмъ легче опредѣлить букву, которою изображается каждый звукъ даннаго слова». Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что въ фонетическомъ письмѣ (онъ видно примѣшалъ фонетическую транскрипцію) было бы труднѣе разобраться, и что «правописаніе культурнаго народа можетъ быть только историческимъ» (стр. 23, срв. 45—46). Въ этомъ случаѣ Т—нъ крайне требователенъ относительно культурности, и, какъ фонетиковъ, записалъ въ дикари сербовъ, испанцевъ, итальянцевъ, древнихъ грековъ и индусовъ. Зато онъ очень нетребователенъ насчетъ историчности, и для практическаго правописанія считаетъ историческимъ все то́, что̀ непосредственно унаслѣдовано каждымъ пишущимъ изъ общеупотребительнаго въ данное время правописанія, напр. «цвѣлъ» черезъ ѣ и «мелкій» черезъ е, каковыя начертанія —невѣрныя какъ фонетически, такъ и исторически [15]) —у него получили громкую кличку «традиціон-

---

[15]) Исторически, т. е. по исторіи русскаго языка, что̀ впрочемъ въ сущности совпадаетъ съ этимологіей его словъ, а часто и съ ихъ фонетикой. Срв. лекцію, стр. 2—3.

ныхъ» или «традиціонно-историческихъ» (стр. 54). Готовъ онъ одобрить въ правописаніи все существующее, т. к. всякое историческое правописаніе складывается при естественномъ взаимодѣйствіи тѣхъ факторовъ, съ которыми вообще нужно считаться при письмѣ (стр. 79 прим.). Въ противоположность этому крайнему оптимизму, продолжаю думать, что главные факторы въ развитіи нашего правописанія и подобныхъ ему, это подчеркиваемыя у меня при моей лекціи, въ 4-мъ положеніи, недостаточная приспособленность пришлой азбуки, механическое сохраненье устарѣвшихъ написаній и мудрствованіе малосвѣдущихъ грамматистовъ.

Отстаиваемое имъ ходячее письмо у Т—на, для пущей важности, получаетъ новое, громкое названіе «морфологическаго» (стр. 36), каковое наименованіе впрочемъ столь же примѣнимо и къ нашему упрощенному письму, да и къ чисто звуковому, при коемъ ясно выступаетъ дѣйствительная морфологія живой рѣчи.

Пуская для научной доказательности въ ходъ свою психологію, Т—нъ говоритъ, что психическій процессъ писанія другой, чѣмъ говоренія, процессъ чтенія другой, чѣмъ слушанія, и что поэтому къ письменному языку нельзя прилагать мѣрку устнаго языка (стр. 60). Несомнѣнно это процессы не совсѣмъ сходные; но они тѣсно связаны другъ съ другомъ (т. к. писанье—замѣна устной рѣчи, чтенье—слушанія) и лишь насильственно разрываются тѣмъ же искусственнымъ правописаніемъ, которому поклоняется нашъ оппонентъ [16]).

---

[16]) Иные противъ возможности писать, какъ говорятъ, ссылаются на важность въ живой рѣчи интонаціи и жестовъ, а также на возможность переспросить собесѣдника. Насчетъ

Пространное разсужденіе Т—на, такъ же, какъ и Будиловичево, можетъ оказаться чрезвычайно вреднымъ для дѣла, если иные люди, которые собственно должны бы прямо признаться, что пишутъ и будутъ писать, какъ привыкли, станутъ говорить, что они пишутъ, и что всѣ должны писать, не по невѣжественнымъ проектамъ педагогическихъ обществъ, а по «лингвистической теоріи» профессора Т—на.

Значительно инымъ образомъ разсуждаютъ о задуманной реформѣ академики Ягичъ и Коршъ.

Ягичъ, въ XXIII томѣ своего «Архива для славянской филологіи», стр. 576—579, въ 1901 году, помѣстилъ отзывъ о моей лекціи. Здѣсь онъ высказывается противъ рѣшительно-фонетической реформы, но допускаетъ умѣренную и выражаетъ желаніе болѣе свободнаго движенія въ орѳографической области.

Сомнѣвается онъ однако въ своевременности моего замысла, т. к. рѣдко выдаются удобные моменты для реформъ, каковой былъ въ Сербіи при Вукѣ Караджичѣ, въ Хорватіи въ пору иллиризма (литературнаго объединенья съ сербами), въ Россіи—при Петрѣ Великомъ Возможность въ указанные періоды реформъ, конечно, явствуетъ изъ того, что онѣ дѣйствительно были произведены, но невозможность реформъ въ настоящее время ничѣмъ не доказана; да вѣдь и тогда реформы проходили отнюдь не съ общаго согласья.

интонація срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 31; насчетъ жестовъ скажу, что на нихъ обыкновенно не смотрятъ, иные же изъ нихъ могутъ быть выражены словами. Что жъ до переспроса, то собесѣдника не всегда можно переспросить, оратора же и лектора почти никогда; а съ другой стороны писаное можно перечитать много разъ, да и пишущій уже перечитывалъ свои выраженія и въ случаѣ неясности исправилъ.

Въ частности Я—чъ говоритъ въ своей замѣткѣ, что ѳ и ѵ легко могли бы быть устранены, и что къ отсутствію ъ привыкнутъ сами собой, если только почаще опускать его въ печати [17]). Вопросъ о двоякомъ і онъ считаетъ не особенно важнымъ. За ѣ однако Я—чъ заступается, потому что онъ имѣетъ этимологическій смыслъ.

Въ XXIV томѣ Архива, стр. 314—320 (въ 1902 г.), Я—чъ напечаталъ нѣмецкій переводъ моего, вызваннаго этою замѣткой письма, содержащаго изложеніе и краткую защиту предполагаемой реформы. Въ примѣчаньи къ моему письму (здѣсь, ниже, перепечатанному) Я—чъ признаётъ возможность удалить также ѣ (хотя и не находитъ употребленье этой буквы особенно труднымъ и желалъ бы его только лучше урегулировать) и настаиваетъ лишь на томъ, что устраненіе ѣ-тя не столь настоятельно (nicht so naheliegend), какъ устраненіе ѵ, ѳ, і и ъ.

Въ теоріи же Я—чъ всякое упрощенье правописи и начальнаго обученія считаетъ допустимымъ. Рѣшительно онъ высказывается лишь противъ нашего обращенія въ министерство, т. к. по его взгляду правительство въ такихъ дѣлахъ непремѣнно должно быть консервативнымъ (Положенье, повторяемое Томсономъ, стр. 139—140). Однако этотъ взглядъ не достаточно считается съ условіями русской жизни. У насъ Правительство, слава Богу, не разъ становилось во главѣ разумныхъ движеній и производило настоящіе, смѣлые и благодѣтельные перевороты.

---

[17]) Противъ употребленья конечнаго ъ, какъ противъ безцѣльной траты времени и денегъ, онъ очень рѣшительно высказался уже въ 1877 году (Archiv für slavische Philologie, II, 682).

Ѳ. Е. Коршъ по общему направленію весьма близокъ къ Я—чу, на дѣлѣ же гораздо радикальнѣе— уже тѣмъ, что выступаетъ съ собственнымъ реформеннымъ проектомъ. Статья его «О русскомъ правописаніи» (56 страницъ) напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ VII (1902 г.).

Коршъ, правда, здѣсь въ одномъ мѣстѣ выразился совсѣмъ постаровѣрски, что «то́, что̀ еще уцѣлѣло отъ старины, правописаніе обязано свято сохранить» (стр. 66); но онъ соглашается со мною, что наше письмо шаткое, лженаучное (стр. 69), и далѣе утверждаетъ, что только одинъ человѣкъ, Алдр. Аѳ. Потебня, писалъ у насъ грамотно, причемъ письмо его менѣе ученымъ людямъ не по плечу (стр. 70). Онъ, одобряя статью Павла Никит. Сакулина (Курьеръ, 1 іюня 1901 года), признаётъ «законность попытокъ къ созданію новой орѳографической системы, значительно упрощенной» (стр. 39—40), а потомъ даже очень рѣзко говоритъ (стр. 63—64) о необходимости «на-чисто отказаться отъ разныхъ ухищреній и ото всего того, что хоть было, да быльемъ поросло», и выставляетъ (стр. 72) положеніе, что правописаніе «тѣмъ легче, чѣмъ меньше въ немъ условнаго».

Отмѣтивъ, что у меня хорошо обоснована лженаучность теперешняго письма, К. однако отрицаетъ для русскаго языка возможность чисто звукового письма. Я же со своей стороны, несмотря на его возраженія, остаюсь убѣжденнымъ, что существуетъ, при незначительныхъ колебаніяхъ, общерусскій литературный выговоръ, который благодаря звуковому письму установился бы еще точнѣе [18]), и что отлично можно бы

[18]) Левція, стр. 7. Срв. у самого Корша (стр. 54): «вслѣдствіе вліянія орѳографія на выговоръ все болѣе и

(если бъ не сила привычки да пристрастіе къ областнымъ говорамъ) воспроизводить на бумагѣ звуки образованной рѣчи, не справляясь ни съ какой этимологіей и морфологіей, причемъ дѣйствительная грамматика живого русскаго языка обнаруживалась бы сама собой. Совсѣмъ ужъ не могу признать довода (стр. 41), что звуковое письмо существуетъ только у народовъ съ весьма цѣлостнымъ, или же, напротивъ того, съ весьма раздробленнымъ діалектически языкомъ, а при среднемъ состояніи, каковое замѣчается въ русскомъ языкѣ, невозможно. Оставляя въ сторонѣ языки, почти лишенные мѣстныхъ особенностей (да есть ли такіе?) скажу, что если орѳографія по литературному выговору можетъ объединять далеко разошедшіяся нарѣчія, то тѣмъ болѣе на ней могутъ помириться близкія другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ нарѣчію литературному.

Это впрочемъ частный, даже чисто-теоретическій споръ между мною и Ѳедоромъ Евгеньевичемъ [19]); но вотъ возраженіе, при которомъ я надѣюсь на широкое сочувствіе. Коршъ (стр. 39), осуждая ярыхъ консерваторовъ, осуждаетъ и тѣхъ, кто радъ всякой реформѣ всякому упрощенію. Съ ученой точки зрѣнія, конечно, послѣдовательность чрезвычайно важна; однако на практикѣ всякое упрощеніе слѣдуетъ привѣтствовать. Такъ напр. буква ѣ (это говоритъ Ягичъ, да и я самъ въ своей лекціи, стр. 32) имѣетъ больше историческаго права пребывать въ русской азбукѣ, чѣмъ і рядомъ съ и и ѳ рядомъ съ ф; но, если бы учебное начальство пошло на реформу, усвоивъ притомъ томсоновское мнѣніе, что ее

болѣе будетъ вырабатываться общелитературное произношеніе».

[19]) Этому спору ниже посвященъ особый экскурсъ.

можно производить лишь пунктъ за пунктомъ (Къ теоріи правописанія, стр. 137), я не задумался бы попросить «для малыхъ сихъ» прежде всего объ устраненіи ѣ.

Какъ принципъ своей орѳографіи, Коршъ выставляетъ изображенье идеально объединенной великорусской рѣчи, которая (въ вѣрности такой хронологіи я сомнѣваюсь, да не вижу въ ней и надобности) приблизительно соотвѣтствуетъ языку XV столѣтія.

Я, со своей стороны, полагаю, что облюбовавшій XV столѣтіе долженъ бы скорѣе примкнуть къ его орѳографіи, чѣмъ къ не долетающимъ до насъ звукамъ,—полагаю еще, что языкъ XX столѣтія имѣлъ бы больше правъ на вниманіе, и что, разъ считаться съ областною рѣчью, то надо посчитаться и съ тѣмъ, что общерусская рѣчь должна служить также малороссамъ и бѣлоруссамъ. Сомнѣваюсь притомъ, чтобы въ XV столѣтіи дѣйствительно было все то, что К. вводитъ въ орѳографію. Вообще остаюсь при убѣжденіи, что принципъ Московскаго педагогическаго общества, т.-е. принципъ этимологіи живого литературнаго языка, куда опредѣленнѣе и основательнѣе (А еще опредѣленнѣе—хотя тоже не математически точенъ—мой принципъ литературной фонетики).

Эти теоретическія возраженія впрочемъ не особенно важны, т. к. на дѣлѣ коршевская орѳографія близко подходитъ, если не всегда къ проекту московскихъ педагоговъ, то ко взглядамъ нашей орѳографической комиссіи.

Коршъ, какъ и педагогическое общество, исключаетъ изъ азбуки буквы **ѵ**, **ѳ**, **і** и **ъ**. Какъ оно, онъ устраняетъ **ь** послѣ шипящихъ, напр., въ словѣ «полноч». Какъ оно, ставитъ послѣ **ж** и **ш** вм. **и**—**ы**: «жыр, шыло»

(однако послѣ двойного **ж**, которое мягко,—**и**: в о ж ж и). Какъ оно, пишетъ -ово, -ево: «тово, сево, доброво». Согласно съ русскимъ отдѣленіемъ общества, онъ пишетъ -ой вм. -ый: «доброй». Различья родовъ во множ. ч. прилагательныхъ онъ тоже не признаётъ, только, что обобщаетъ не -ыи, -ии (какъ отдѣленіе и общество), или -ые, -ие (какъ комиссія), а -ыја, -иja. Несомнѣнно онъ не признаётъ также (это вѣдь выдумки) двоякаго написанія формы «её» и различенье по родамъ формъ «они, одни» и «онѣ, однѣ».

Главное отличіе коршевскаго письма въ томъ, что вводятся двѣ латинскія буквы: h и j.

Буква h является въ такихъ словахъ, какъ «блаhо, тоhда», т.-е. въ томъ значеніи, въ какомъ орѳографическая комиссія предлагала писать (что̀ было отклонено русскимъ отдѣленіемъ) г' [20]).

О іотѣ также думала комиссія, но не рѣшилась прямо ввести его, опасаясь господствующаго предразсудка противъ латинскихъ буквъ. Введши j, Коршъ, какъ Караджичъ, изгналъ буквы **я** и **ю**; онъ, значитъ, напишетъ «j-а-м-а, j-у-г». Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется **э**, такъ что русская «jель» напишется съ j, а англійское пиво «эль» получитъ обыкновенное **е** [21]). Для обо-

---

[20]) Здѣсь возникаетъ затрудненіе, отмѣчаемое самимъ К—шемъ (стр. 87): совпаденье прописного h съ нашимъ Н. (Срв. однако стр. 10, прим., и урѣзанное К на 56).

[21]) К. сохраняетъ однако **й**: «зимней, тройка», что помоему хорошо, ибо й значительно разнится отъ того звука, который слышится въ зачинѣ реченій: «jель, jаблоко, jуг, jомкой». Срв. мою статью «Мнѣніе г. Тулова» (и по его поводу—мое) «о русскомъ правописаніи». «Рус. Филол. Вѣст.», т. V, 1881 г., стр. 361. Но я не сталъ бы писать

значенья мягкихъ согласныхъ у К—ша (какъ давно предлагалъ Сумароковъ, срв. мою лекцію, стр. 37, прим.) и передъ гласными пишется ь: «огньа, вьорсты, льубил» [22]).

Ѣ у К—ша опредѣленъ на службу фонетикѣ: онъ обозначаетъ широкое е (французское è, нѣмецкое ä въ словѣ Aehre), противуполагаемое узкому е (é, нѣмецкому е въ Ehre). Такимъ образомъ слова вродѣ «задѣл, клѣтка, лѣс» сохраняютъ букву ѣ, но, «задеть, клеть, чернолесьјо»—ее теряютъ; зато «надмѣнной, жѣнской лѣв, студѣнт, камергѣр и т. п.» получаютъ ее вновь. Это - крупная ломка, на которую врядъ ли согласятся другіе (срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 40—42); но должно признать, что она не создала бы особенныхъ затрудненій: для неразличающихъ слухомъ широкаго и узкаго е можно дать простое и почти исчерпывающее правило, что передъ твердыми согласными пишется ѣ, а передъ мягкими—е; а для того, кто слышитъ эту разницу, не потребуется никакого правила.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ у К—ша нѣсколько част-

---

j и между гласными: «волнистыја, попадајутса», т. к. въ такомъ положеніи слышится звукъ, если, пожалуй, не тождественный съ й, то болѣе близкій къ нему, чѣмъ къ j. Или же я, ради простоты и ради сближенья съ сербскимъ письмомъ и со славянскою латиницей, устранилъ бы ужъ также й.

[22]) При такомъ письмѣ самъ собой отпадаетъ рядъ усложнительныхъ фикцій нашей школьной грамматики: будто напр. формы «короля, -лю, -лемъ, -лямъ, -лями, -ляхъ, швея, -ю, -ей, расходятся съ формами «стола, -лу, -ломъ, -ламъ, -лами, -лахъ, жена, -ну, -ной. Срв. у Грота, «Филологическія разысканія», изд. 2, т. I, стр. 273—274.

ныхъ измѣненій, о коихъ и я заговаривалъ въ нашей комиссіи; но которыя, какъ менѣе существенныя, или принадлежащія не столько къ правописанію, какъ къ праворѣчію, не были разсматриваемы и рѣшаемы. Такъ, онъ хочетъ писать «скушно» черезъ **ш**; «ходьут, топьут, просьут» черезъ **у**; -са и просто -с вм. -ся и -сь: гнатса, гналса, гналас». Онъ рекомендуетъ, согласно обыкновенному выговору и аналогично написаніямъ «дѣлО, желѣзО», писать черезъ **о** «морьо, польо, добројо дитьа и сильнејо» (Но попрежнему «лучше, хуже», т. к. тамъ дѣйствительно слышится **е** [23]).

Такова коршевская орѳографія, которая настолько упрощаетъ грамоту, настолько соотвѣтствуетъ основной цѣли начинаній московскаго педагогическаго общества и даже настолько сходится съ его предположеньями, что оно, не препираясь о принципахъ и несущественныхъ подробностяхъ, могло бы принять ее цѣликомъ [24]). Жаль

---

[23]) Не было у меня только постояннаго, при безударности, въ положеніи послѣ гласныхъ, глагольнаго окончанія -ит: «плепьаит, рисуит», отъ коего К. не прочь (стр. 86 и 75, пр. 2). На такое письмо я лично, какъ убѣжденный фонетикъ, конечно, вполнѣ готовъ; однако считаю его несогласнымъ съ пріемами не только ходячаго, но и коршевскаго письма—особенно употребленье **и** въ формахъ «ку́ит, кльу́ит», при «кујо́т, кльујо́т», этимологически недопустимо.

[24]) Впрочемъ я бы рѣшительно опротестовалъ одну мелочь: желанье обогатить русскую азбуку, ради иностранныхъ словъ, буквами, обозначающими ӥ и ӧ, для чего предлагаются ѵ и ѡ (стр. 84). Срв. мою рѣчь: «Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ», стр. 20. Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, т. VIII. Срв. также у Грота: «Спорные вопросы русскаго

однако, что самъ авторъ не освѣдомился объ этихъ предположеніяхъ и не подчеркнулъ своей съ ними, въ общихъ чертахъ, солидарности; жаль также, что онъ полемизуетъ противъ моего фонетическаго идеала, а не отмѣчаетъ, что мои дѣйствительныя предложенія почти совпадаютъ съ евоными.

Итакъ, въ лицѣ К—ша и Я—ча реформаторы могутъ привѣтствовать сильныхъ союзниковъ. Практики же педагоги, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сочувствуютъ болѣе-менѣе значительной реформѣ.

Нечего, значитъ, смущаться проповѣдью лицъ, пренебрегающихъ интересами юношества и возводящихъ въ идеалъ свою привычку или примѣшивающихъ къ чисто житейскому вопросу политику и религію. Нѣтъ, можно надѣяться, что и въ этомъ дѣлѣ скажется здравый смыслъ русскаго народа, и оправдаются ободрительныя слова Тургенева (Хорь и Калинычъ): «русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошлымъ и смѣло глядитъ впередъ».

правописанія», стр. 134 (Филологическія разысканія. 2 изд., т. II. Спб. 1876). Очевидно педагогическія общества одесское и казанское, а также педагогическое отдѣленіе Русскаго литературнаго кружка въ Ригѣ, мало расходящіяся съ нашимъ московскимъ обществомъ, также могли бы примкнуть къ Коршу (Указанье на взглядъ рижскаго кружка, а кромѣ того на сочувствіе реформѣ Неофилологическаго общества при петербургскомъ университетѣ заимствую у Будиловича, стр. 22, прим. Также авторъ цитуемой Б—чемъ замѣтки, г. Лямбекъ, видимо сочувствуетъ упрощенію).

Два приложенія.

I. Нѣсколько словъ въ защиту звукового письма.

Остаюсь при убѣжденіи, что у меня въ лекціи доказана не только лженаучность теперешней орѳографіи, но также возможность чисто-звукового письма. Повторю здѣсь вкратцѣ и отчасти дополню свои доводы (уже нѣсколько дополненные въ отвѣтѣ Алексѣю Серг. Бѣлкину [25]).

Если мы безъ ущерба для пониманія затемняемъ коренные звуки **к** и **с** въ нарѣчіяхъ «гдѣ, здѣсь, вездѣ» (Лекція, стр. 9—10), то очевидно и «прозьба» черезъ **з** нисколько не опасна [26]); если мы отлично понимаемъ, что р-а-з, р-а-с, р-о-з и р-о-с (стр. 21; прибавлю теперь еще р-а-з-о и р-о-з-о, хотя въ нихъ можно говорить и о вставкѣ), разновидности одного и того же предлога, и сознаёмъ связь между формами «распить, роспилъ, разопьемъ, разлить, ро̀злилъ, разорвать и (чтобъ те) ро̀зорвало», то неужели у насъ не хватитъ сообразительности узнать, теперь намъ на письмѣ непривычныя, разновидности предлога «объ»: «облит, аблить, абалью, апхот»? Если можно соблюдать гротов-

---

[25]) Также въ письмѣ Игн. Викент. Ягичу (Срв. ниже, стр 44—45).

[26]) Въ лекціи приведенныя нарѣчія сравниваются съ глаголомъ «здѣлать»; но лучше было бы взять другой примѣръ—если не теперешній, то хоть бы «здуть» или «збить»: въ первомъ глаголѣ предлогъ имѣетъ особое право писаться по слуху, ибо не означаетъ ни спуска, ни соединенія, а превратился въ безцвѣтную видову́ю приставку—знакъ завершённости.

скую орѳографію рАсти—рОсъ», то неужели такъ затруднительно написаніе «нАсить—нОсиш»? Если въ живой рѣчи, вовсе не думая о буквахъ, всякій легко справляется съ чередованіями **о-а** и **г-к-ж-ш**: «пирагі́, пиро́к, пиражо́к, пирашкі́», то можно ли считать неудобнымъ соотвѣтственное чередованіе буквъ?—Нѣтъ, «зрительныя загадки» (Коршъ, стр. 61) существуютъ здѣсь только для людей, привыкшихъ въ такихъ случаяхъ не ко сходству рѣчей устной и писанной, а къ различью [27]). Притомъ на привычку есть отвычка; а у будущихъ поколѣній—если бы ввести звуковое письмо—и привычка была бы на его сторонѣ. Вспомнимъ, что никто не огорчается звуковыми написаньями вродѣ итальянскаго grazia черезъ z, несмотря на прикладокъ grato, или латинскими scripsi и scriptus (поитальянски еще рѣзче—scrissi и scritto), при scribere (поитальянски scrivere), ни даже греческими θρίξ—τριχός или τρέφω—θρέψω—θρεπτός, и не считаетъ необходимымъ возстановить въ чистомъ видѣ корни grat, scrib, θριχ и θρεφ. Да и у насъ никто не тужитъ, что мы не проводимъ въ послѣднемъ русскомъ примѣрѣ букву **г** и не пишемъ «пирогёкъ, пирогьки» [28]).

Коршево разсужденье насчетъ буквеннаго аканья (стр. 43) нахожу совсѣмъ неправильнымъ. Онъ ссылается 1) на неточность орѳографіи, при которой начальный

---

[27]) Да и тѣмъ только стоитъ отвлечься отъ буквъ и мысленно произнести написанное, чтобы получились хорошо знакомые звуки.

[28]) Съ высшей точки зрѣнія колебанья въ корняхъ и въ наставкахъ, конечно, нежелательны (мы не стали бы вводить ихъ въ какой-нибудь нарочно сочиняемый волапюкъ), оттого они д. б. такъ и поражаютъ насъ на письмѣ.

слогъ реченія «собака» писался бы съ тѣмъ же а, какъ конечный. См. Лекцію, стр. 8, или срв. просто слова «капуста» и «копыто», гдѣ между первымъ и третьимъ гласнымъ та же разница, какъ у слова «собака»; изъ чего слѣдуетъ, что безъ вреда для звуковой точности можно бы—съ большимъ упрощеніемъ—провести повсюду при безударности букву а. [29]) 2) Коршъ напираетъ на сѣвернорусское оканье; которое однако литературному языку не указъ, а, если пожалуй заслуживаетъ подражанія, такъ не только на бумагѣ, но и въ рѣчи (Срв. мой отвѣтъ Бѣлкину, стр. 37, прим. къ 36). Вспомнимъ, что мы иногда, безо всякаго ущерба для смысла, допускаемъ акальскія написанія, напр. «канатъ, стаканъ, казакъ, касатка», отчасти отмѣчаемыя самимъ К—мъ (стр. 44); вспомнимъ также, что, обратясь за справками къ сѣверу, мы рискуемъ встрѣтить тамъ съ одной стороны «лОкея» и «кОрету», а съ другой— «сАлдата» и «парАходъ» [30]). Считаетъ онъ далѣе (какъ и всѣ привыкли считать), что имѣется «осязательная» и «практическая» причина не писать а вм. древняго о: это— связь между родственными формами. Но, при всей своей осязательности, эта причина не вѣская. Если можно сказать, что ввиду выговора «бóроды, борóдъ» должно (да къ тому же нетрудно) писать съ двумя о борода», то можно сказать и наоборотъ: т. к. выговоръ «бóроды, борóдъ» ясно указываетъ на происхожденье коренныхъ

---

[29]) Что нѣкоторыя тонкости при этомъ останутся невыраженными (стр. 59—60), я самъ вполнѣ сознаю. Лекція, тамъ же, и стр. 40. Вдобавокъ, т. к. оттѣнки безударныхъ гласныхъ зависятъ отъ мѣста ихъ относительно ударенія, то стоитъ обозначить послѣднее, и мы достаточно ясно укажемъ даже на эти оттѣнки.

[30]) Салдат произносятъ и малороссы!

гласныхъ въ словѣ «борода», то нѣтъ никакой надобности указывать на него посредствомъ ороографіи. Точно также писать д, а не т, въ род. пад. «бородъ» и въ производномъ словѣ «бородка» не особенно трудно, но вовсе не нужно. Помоему этимологическое письмо, если отрѣшиться отъ привычки (правда, глубоко въ насъ засѣвшей!), представляется прямо комичнымъ, когда оно съ важнымъ видомъ растолковываетъ намъ тò, чтò чувствуется всякимъ ребенкомъ. А соблюденье болѣе отдаленныхъ связей—т. е. связей, въ живой рѣчи уже не существующихъ—К. и самъ сочтетъ неумѣстнымъ [31]).

Требованія риѳмы, на которыя К. (подобно мнѣ, Лекція, стр. 4) тоже ссылается, еще рѣшительнѣе говорятъ за чистую фонетику. К. же, правда, отмѣчаетъ, что теперешнее письмо ставитъ иногда въ ложный свѣтъ риѳму: оно то прикрашиваетъ ее, напр. «Боже—что же?» (частица «же» звучитъ «жа), то клевещетъ на нее, напр. «поля пустыя—лѣса густые» (разница окончаній существуетъ лишь на бумагѣ); но затѣмъ онъ высказываетъ опасенье, что риѳма «молодъ—молотъ», написанная фонетически, т. е. въ обѣихъ частяхъ черезъ т, могла бы затемнить смыслъ (стр. 94). Не напирая на тó, что такихъ жалкихъ виршей, гдѣ было бы неясно, чтò говорится о молодости и чтò о молотѣ, и понимать-то не стоитъ; не подчеркивая, что въ рукопись и въ печать, по чьей-либо малограмотности, разсѣянности или недо-

---

[31]) Къ тому же мы неразъ затруднимся разграничитч чутье и знаніе: такъ я думаю (наперекоръ К—шу, стр. 43), что слово «городъ» теперь вовсе не сродни слову «загородка» (Второе о этого слова однако все-таки можетъ быть услышано: въ производныхъ «подгорóдный» и «иногорóдній»).

гадливости, могутъ попасть начертанія именно противорѣчащія намѣреньямъ автора [32]), — отмѣчу только, что созвучіе «молодъ—молотъ» состоитъ въ полномъ тождествѣ, а при употребленіи разныхъ буквъ изображается невѣрно, такъ что богатѣйшая риѳма на письмѣ кажется нечистой [33]). Вообще чтобы больше выдвигалась звучность риѳмъ (да не однѣхъ риѳмъ, но цѣлыхъ стиховъ, и даже прозы) опять-таки весьма желательно чисто-звуковое письмо.

Опасаться, будто *такое письмо* повлечетъ за собой «истребленіе этимологическаго чутья» (стр. 61), совсѣмъ не приходится—напротивъ того, оно вѣрнѣе изобразитъ явленія разговорной рѣчи, *ярче освѣтитъ законы живой грамматики*. Теперешняя орѳографія заставляетъ насъ напр. говорить въ словахъ «сводъ» и «рѣжь» объ окончаніяхъ -ъ и -ь (изъ коихъ второго, въ видѣ настоящаго гласнаго звука, никогда даже не существовало—этимологически было бы лучше

---

[32]) Это случилось напр. у Тютчева:

И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И міръ въ моей груди. Сочиненія, изд. 2, Спб. 1900 г., стр. 214.

[33]) Кстати приведу еще, какъ особенно яркій примѣръ, прекрасную—точную и нисколько не избитую—риѳму, которая на бумагѣ и не похожа на риѳму: «плавать—заводь».— А вотъ примѣръ, гдѣ желательно бы (т. к. сходство между сосѣдними риѳмами есть недостатокъ) подчеркнуть скрадываемое обычнымъ письмомъ различіе:

Онъ бѣшенъ, на лицѣ написана досада,
Но онъ соперникъ мой... и я—я очень рада.
Хмѣльницкій. Говорунъ, сц. 3.

вм. -жь писать -жй [34]); коршевскія и комиссьённыя начертанія, положимъ, значительно исправляютъ дѣло, опуская ъ и ь, и заставляя насъ говорить о безсуффиксности,—но одни чисто-звуковыя написанія, кончающіяся на т и на ш, укажутъ намъ, что падежъ и наклоненье здѣсь все-таки характеризуются, а именно превращеніемъ согласныхъ д и ж въ т и ш. Поучительно въ томъ же смыслѣ и слово «фляжка». К. несомнѣнно правъ, что нельзя—по обычаямъ нынѣшняго письма—писать «фляшка» черезъ ш, несмотря на нѣмецкое Flasche, т. к. имѣются «фляжечка» и «фляга» (стр. 63); но напрасно онъ упускаетъ изъ виду, что всежъ довольно дико употреблять букву ж тамъ, гдѣ нѣтъ и никогда не было соотвѣтственнаго звука. На мой взглядъ въ данномъ примѣрѣ наше этимологическое письмо не выясняетъ, а затемняетъ этимологію. Выговоръ «фляжечка» и «фляга» вѣдь только потому и могъ возникнуть, что такія слова̀, какъ «ношка», «дарошка», имѣвшія при себѣ разновидности «ножечка», «дарожечка» и «нага», «дарога», наравнѣ со словомъ «фльашка» содержали ш. Это и побудило меня (исключительно для выясненія дѣла, а не съ цѣлью какой-либо пропаганды) написать сравниваемыя здѣсь слова́ фонетически, какъ теперь, такъ и въ своемъ разборѣ «Этимологическаго словаря» Миклошича, подъ словомъ «Плосква», стр. 132 (Р. Ф. В., т. XXIII, стр. 300).

Что звуковое письмо (да не оно одно, а всякое письмо, менѣе мудреное, чѣмъ теперешнее) можетъ по-

[34]) Еще я любителямъ производственности посовѣтовалъ бы писать й въ инфинитивахъ: «дѣлатй, судитй», также въ словахъ «матй» и «исполатй». Велительное «гладй» при этомъ пріемѣ было бы отличено отъ предметницы «гладь».

казаться инымъ интеллигентамъ столь же невѣжественнымъ, какъ письмо нашихъ дворниковъ и кухарокъ, и что это обстоятельство можетъ повредить всякой, даже самой умѣренной реформѣ (стр. 61), конечно, справедливо—срв. отзывъ одного «учителя» о проектѣ нашего педагогическаго общества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1901 года, № 266 (27 сентября), стр. 3,—но тѣмъ неумѣстнѣе ученому подчеркивать ту неловкость, которую мы всѣ чувствуемъ при звуковыхъ написанiяхъ, а слѣдуетъ напирать на то́, что мы ее чувствуемъ только съ непривычки, не какъ ученые, не какъ живые люди, а какъ грамотеи. Незачѣмъ напр. говорить, что написанiе «патхот», съ а и съ двумя т, такое же безграмотное, какъ «аддаецца», съ а дд и цц (стр. 58)—долгъ ученаго признать (что̀ К. относительно перваго слова и дѣлаетъ, стр. 59), что эти начертанiя—второе, если исправить въ немъ е на ё—отлично воспроизводятъ русскiе звуки, причемъ предлогъ ад- вмѣсто от- нисколько не сбивчивѣе теперешняго предлога раз- рядомъ съ рос- (напр. «раздать роспись»), окончанье же -цца нисколько не страннѣе малорусскаго -цця: «вiддае́цця», или предлагаемаго самимъ К—мъ т с-а: «пробирајетса» (стр. 76) [35]).

Относительно литературнаго произношенiя я въ своей лекцiи счелъ себя въ правѣ сказать, что оно «достаточно установилось» (стр. 3—4), и не вижу основанiй отказываться отъ своихъ словъ.

Положимъ, иные образованные люди окаютъ, и произносятъ напр. слово «окно» такъ, какъ оно пишется; иные гакаютъ, т. е. надѣляютъ всѣ слова̀ такимъ г, какое слышится въ словахъ «Господь, благо»,—но не

---

[35]) Срв. отвѣтъ Бѣлкину, стр. 38, прим. къ 37.

подлежитъ сомнѣнію, что эти лица не обладаютъ настоящимъ литературнымъ произношеніемъ. Спорными являются лишь нѣкоторые частные случаи, въ коихъ мы съ Ѳедоромъ Евгеньевичемъ могли бы разрѣшить двоякое написаніе (Лекція, стр. 4; Коршъ стр. 65 и 72).

Къ тому же обыкновенно намъ можно бы и столковаться. Возьму для примѣра два слова, о которыхъ большинству реформаторовъ нечего и говорить, но которыя возбуждаютъ сомнѣніе при коршевскомъ различеніи буквы е, какъ узкаго, и ѣ, какъ широкаго е. Разумѣю слова̀ «скрежетъ» и «дѣвка», послѣднее въ падежахъ мягкаго окончанія: «дѣвкѣ, дѣвки». Первое реченье по моему выговору должно бы сохранить букву е, а по коршевскому—писаться на первомъ мѣстѣ черезъ ѣ, какъ чистая риѳма на глагольную форму «рѣжетъ» (Пушкинъ, Полтава, п. III; Коршъ стр. 73, прим. [36]). «Дѣвки» же, при моемъ выговорѣ и при коршевскомъ письмѣ, также остаются при своемъ, а покоршевски мѣняютъ ѣ на е. Въ обоихъ случаяхъ мнѣ естественно не воспользоваться предлагаемою мнѣ (стр. 72) льготою, а уступить. Слово «скрежетъ» очевидно мною (или другимъ, у кого я его перенялъ) было прочтено добросовѣстно, съ узкимъ звукомъ въ конечномъ слогѣ, что̀ вызвало мягкость звука ж, а вмѣстѣ съ тѣмъ узость перваго е,—каковому чтенію могли благопріятствовать тождесуффиксныя слова̀ «лепетъ» и «трепетъ» Живой выговоръ для этого—правда, не очень живого—реченія

[36]) Впрочемъ, пожалуй, все-таки несовсѣмъ чистая, ибо есть, кажется, нѣкоторая разница въ конечномъ слогѣ: глаголъ представляетъ тамъ ы, а имя—совсѣмъ глухой звукъ.

есть, конечно, коршевская фонема «скрѣжътъ». [37]). Во второмъ словѣ, при мягкости звука **к**, предшествующій **ф** не могъ сохранить слѣда давно исчезнувшаго **ъ**, а долженъ былъ умягчиться и сузить предшествующее ему **е**—мои «дѣфьки», очевидно, взяли твердость и широкость у другихъ падежей [38]).

Напротивъ того, относительно сочетаній **е-ш** и **е-ж** передъ мягкостью, напр. «вешьний, прежьний, вежьливый», мой выговоръ заслуживаетъ предпочтенія. Тутъ звуки, нѣкогда несомнѣнно мягкіе, имѣли за собою оставлявшій по себѣ мягкость ь и по онѣмѣньи послѣдняго очутились передъ мягкостью—откуда же тутъ могла возникнуть коршевская твердость: «вѣшъний, прѣжъний, вѣжъливый»? Очевидно, уста, вообще отвыкшія (вслѣдствіе отвердѣнія слоговъ «жя, шя, же, ше, жи, ж-ь, ш-ь») произносить мягкіе шипящіе, внесли твердыя **ж** и **ш** также туда, гдѣ при звуковомъ развитіи должны были сохраниться мягкія. Также и губнымъ при подобныхъ условіяхъ, напр. «хлебьник, древьний, гребля» (въ послѣднемъ словѣ **б** издавна соприкасалось съ мягкимъ **л**) не было основанія твердѣть [39]).

---

[37]) Подобнымъ же образомъ (съ мягкостью и съ узостью) я произношу слова «посмѣшище» и «убѣжище». Срв. «пристанище», «пожарище», а также польское nasi—s равно мягкому ш—вм. стариннаго naszy, по образцу ci=тн, oni. Произношу я еще и «медвéжьй»; но здѣсь, кромѣ сходныхъ образованій «оленій, лисій», могло влять и созвучіе жj (у меня—мягкое), въ другихъ родахъ и падежахъ: «медвѣжья, -ье, -ьяго» и т. д.

[38]) Это я призналъ уже въ своихъ Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русск. языка. Москва 1892, стр. 132.

[39]) Мимоходомъ замѣчу еще, что коршевскія «дефьки» плохо ладятъ съ его «хлѣбъником».

Относительно моихъ «провинцьялизмовъ» [40]), при коршевскихъ «провинцыализмахъ» (стр. 53), судить нѣсколько труднѣе. Я здѣсь не прочь отъ двоякости, хотя вѣсы все-таки какъ будто склоняются въ мою сторону. Коршево указанье, что выговоръ съ «цј» — нѣмецкій, свидѣтельствуетъ не противъ такого выговора, а въ его пользу: думаю, что едвали не всѣ спорныя словȧ заимствованы именно у нѣмцевъ, съ готовымъ ј [41]), и что «ыа» есть только добросовѣстное чтеніе, вродѣ моего узко-мягкаго «скре́жета», каковому чтенію въ данномъ случаѣ могло благопріятствовать заимствованное отдѣльно «провинцыя». Сочетанья «цј» дѣйствительно нѣтъ ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ (нѣтъ его также ни въ одномъ чисто-нѣмецкомъ), но оно настолько похоже на обычныя «чј, сј, тј» -- «птичья, лисья, сватья», — что не можетъ считаться страннымъ, тогда какъ «ыа» довольно-таки уродливо. (На эту группу я у Даля нашелъ лишь совсѣмъ необычные примѣры: «выалѣть, выалюсить, выахать, выопихать, выорать и выострять»). А ужъ сокращенье при моемъ выговорѣ длинноватыхъ «провинцыализмовъ, специальностей и апелляцыонныхъ инстанцый» положительно въ духѣ русскаго языка [42]). Притомъ «провинцьял» аналогично выговору «провьянт,

---

[40]) Звукъ ц у меня, кажется, въ такихъ словахъ не мягкій, а средній; букву же ь, а не ъ, я употребляю въ нихъ по обычнымъ пріемамъ русской графики (срв. «шью», «ружье»).

[41]) Срв. отмѣчаемый самимъ К—мъ (стр. 79) нѣмецкій или шведскій выговоръ слова «генералъ» (съ ј), о коемъ говорится и въ моихъ Лекціяхъ (Фонетикѣ), стр. 115.

[42]) Затронутыя здѣсь судьбы латинской наставки -tion представляютъ яркій примѣръ того, какъ языкамъ иногда трудно приходится съ пришлыми словами. Въ данномъ случаѣ особенно колебался польскій языкъ, гдѣ те-

матерьял, церемоньял», который во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ «провиант, материал и церемониал» Срв. развившіяся въ житейскомъ обиходѣ «крестьянин, Ульяна, Демьян.

Положительно К. преувеличиваетъ разногласье изслѣдователей относительно русскаго произношенія, говоря, что онъ самъ, Вас. Алексѣев. Богородицкій и я — «всѣ трое разно» писали объ этомъ предметѣ (стр. 72). Въ дѣйствительности у насъ гораздо больше сходства, чѣмъ различія, да и различіе почти исключительно касается такихъ тонкостей, которыхъ никто не предлагаетъ выражать на письмѣ.

Итакъ, я продолжаю утверждать, что есть возможность установить достаточно точное и во всякомъ случаѣ, для умѣющихъ правильно произносить, чрезвычайно простое фонетическое письмо. Къ тому же я полагаю, что подучиваться на звуковыхъ написаніяхъ дѣйствительнымъ свойствамъ литературной рѣчи [43]) было бы куда полезнѣе, чѣмъ изучать «звуковую сторону всего великорусскаго языка, идеально сведеннаго къ единству» (стр. 72, внизу), т. е. какую-то, хотя и остроумную, фикцію.

перь преобладаетъ упоминаемое К—мъ cj, но рядомъ съ prowincja употребляется также prowincyja, prowincya, а въ старину да въ народѣ еще и съ польскимъ удареніемъ prowincýa, prowincýja. Срв. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 176 и 178, прим. 4. Мимоходомъ замѣчу, что я несогласенъ съ К—мъ насчетъ обычности у образованныхъ россіянъ произношенія poèt, yakobinets, süjèt, büro (стр. 84)—на мой слухъ это произношеніе манерное.

[43]) Срв. указанье самого К—ша (стр. 52), что «какіе звуки отмѣчены правописаніемъ, только тѣ и существуютъ въ сознаніи большинства грамотныхъ».

2. Открытое письмо академику Игнатію Викентьевичу Ягичу [44]).

Москва 17/29 декабря 1901 года.

Глубокоуважаемый Игнатій Викентьевичъ!

Вслѣдствіе Вашего отзыва въ «Архивѣ» о моей публичной лекціи позволю себѣ обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ.

Мнѣ очень отрадно, что Вы также высказываетесь за упрощеніе орѳографіи (за устраненіе ера Вы говорили уже ранѣе). Вамъ, вѣроятно, вскорѣ придется судить объ этомъ вопросѣ въ качествѣ академика, т. к. по случаю моей лекціи, повторенной затѣмъ въ видѣ реферата въ состоящемъ при университетѣ Педагогическомъ обществѣ, въ Русскомъ его отдѣленіи, — послѣднее вспомнило о подобныхъ же мысляхъ заслуженнаго, теперь уже покойнаго преподавателя Влад. Петр. Шереметевскаго, и образовало подъ моимъ предсѣдательствомъ орѳографическую комиссію, въ которую вошли преподаватели Павелъ Никитичъ Сакулинъ, Иванъ Павловичъ Казанскій и Сергѣй Григ. Смирновъ, и куда нами былъ приглашенъ, въ качествѣ консультанта, также академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Надъ этимъ же вопросомъ въ то же время работало и другое отдѣленіе

---

[44]) Письмо это сдѣлалъ открытымъ самъ почтенный адресатъ, любезно напечатавъ его, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ своемъ «Архивѣ» (Archiv für slavische Philologie, XXIV, 314—319). Считаю не лишнимъ напечатать и русскій подлинникъ.

общества—отдѣленіе начальнаго образованія, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ Мих. Сем. Семеновъ. Предположенія этого отдѣленія и наши, которыя по большей части совпадали, разсматривались затѣмъ въ засѣданіяхъ отдѣленія русскаго языка и въ соединенныхъ засѣданіяхъ обоихъ отдѣленій, а наконецъ въ общихъ засѣданіяхъ общества. Теперь проектъ, принятый съ небольшими измѣненіями, пошелъ на разсмотрѣніе Министерства, которое мы просимъ, запросивши мнѣнія компетентныхъ лицъ (особенно Академіи Наукъ), образовать для выработки упрощенной орѳографіи особую комиссію. Проектъ (къ коему приложенъ рядъ дополнительныхъ личныхъ мнѣній, по большей части моихъ) значительно умѣреннѣе того, что я предлагаю въ лекціи.

Впрочемъ уже и въ лекціи я, выставивши фонетическій, караджичевскій идеалъ, выступаю однако лишь съ довольно умѣренными предложеніями. Вѣдь я допускаю, какъ уступку обычаю и колокольному патріотизму, оканье (тѣмъ болѣе различеніе, несовсѣмъ совпавшихъ, безударныхъ **е** и **и**), допускаю нефонетическія написанія вродѣ с-д, в-к (сдать, ловко). Но все-таки я полагаю, что людямъ науки не слѣдуетъ особенно напирать на силу обычая: о ней безъ насъ всѣ твердятъ, наше же дѣло отвѣтить на вопросъ, не будетъ ли упрощеніе орѳографіи (трудности которой никто почти не отрицаетъ) нарушеніемъ свойствъ русскаго языка и обидою наукѣ. А на это, конечно, отвѣтъ, что напр. свойства сербскаго языка отъ караджичевой реформы не только не исказились, а напротивъ того выступили яснѣе.

Относительно пользы этимологическаго письма для науки надо подчеркнуть, что мы все равно не можемъ

руководствоваться его (далеко не надёжными) показаніями, а относительно практической цѣны слѣдуетъ указать на то̀, что тамъ, гдѣ имѣется живая связь, она отлично сознаётся всѣми, даже неграмотными: всякому понятно, что звуковое сочетаніе в-о-с означаетъ тотъ же предметъ, какъ в-а-з-а̀, только въ другомъ количествѣ, что л-о̀-в-ъ-к и л-а-ф-к-а̀ одно и то же, только что первое относится къ мущинѣ, второе къ женщинѣ; такія дѣйствительныя связи при обученіи чтенію и письму порываютъ, пріучая учениковъ къ начертаніямъ вродѣ в-о-з-ъ, и замѣняютъ новыми, искусственными связями. Противъ этой пошлой схоластики, которая чрезвычайно гордится тѣмъ, что заслоняетъ дѣйствительныя свойства живой рѣчи, я и возстаю, да и Вы, навѣрное, ей вовсе не сочувствуете, хотя это и могли бы, пожалуй, вывести изъ Вашей статьи ревностные апологеты священной привычки. Указываемые у меня промахи нашей грамоты не единичные случаи (каковые можно указать и у Караджича), а типичные примѣры повсемѣстной борьбы двухъ противуположныхъ принциповъ, изъ коихъ этимологическій принципъ есть начало искусственное, ложное; почему обязательно провозгласить (по крайней мѣрѣ въ теоріи—а мы вѣдь люди теоріи), если ужъ не вполнѣ звуковое письмо, по литературному (когда пишутъ на мѣстномъ нарѣчіи—по мѣстному) выговору, то преобладаніе фонетики во всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Также существованіе уже въ настоящее время нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ общею системою, звуковыхъ написаній имѣетъ принципьяльное значеніе: оно доказываетъ возможность писать всегда фонетически [45])—какъ смыселъ реченій «мель, семья»

---

[45]) Иной м. б. возразитъ мнѣ, что я дѣлаю здѣсь не-

и т. д. не затемнился отъ употребленія въ нихъ Е вм. Ѣ, такъ не затемнился бы смыселъ всѣхъ словъ, которыя пишутся теперь правильно черезъ Ѣ. Вообще я считаю обязательнымъ для филолога объяснять публикѣ, что исторія языка довольно некстати приплетается къ вопросу о литературной орѳографіи, и при всякомъ случаѣ готовъ процитовать слова Миклошича: «вотъ что выходитъ, когда насъ, чтобы писать на родномъ языкѣ, отсылаютъ къ ученымъ изслѣдованіямъ» [46]).

Что̀ касается постепеннаго пріученія публики къ новымъ начертаніямъ, то эту задачу могла бы себѣ поставить развѣ Академія или какое-нибудь влiятельное изданіе, или знаменитый писатель. Сами Вы притомъ нѣсколько опасаетесь возможности цензурныхъ затрудненій. И дѣйствительно, недавно нѣкто Каза́риновъ хотѣлъ напечатать въ Москвѣ книгу безъ ъ, безъ ь (вмѣсто него апострофъ) и безъ ѣ, но цензура затруднилась этимъ.

Въ виду такого положенія дѣла, надо считать желательнымъ выхлопотать свыше разрѣшеніе на реформу, хотя бы весьма умѣренную, какая и предлагается нашимъ педагогическимъ обществомъ.

Вотъ предположенія общества (довольно близкія къ моему фонетико-этимологическому письму и почти, но не совсѣмъ, тождественныя съ проектомъ орѳогра-

---

позволительное заключенье отъ частнаго къ общему. Дѣйствительно, въ такую ошибку впалъ бы какой-нибудь иностранецъ, который вывелъ бы изъ этихъ написаній, что русское письмо вполнѣ звуковое; но заключать отъ нихъ къ возможности такого письма вполнѣ правильно. (Корректурная приписка).

[46]) Das kommt heraus, wenn man um seine Muttersprache zu schreiben an gelehrte Forschung gewiesen wird.

фической комиссіи): 1) исключаются ѣ, ъ, ѵ, і и ѳ. 2) ь пишется только тамъ, гдѣ нуженъ для произношенія: гнать, нянька, весьма, крестьянин; но гнатся, увлечся, ноч, мощ, леч. Съ устраненіемъ ъ, въ раздѣлительномъ значеніи употребляется вездѣ ь: обьём, сьесть. 3) Послѣ ж и ш пишется не и, а ы: жыр, жыть, сушыть, и послѣ нихъ не пишется ь: рож, тиш. 4) Послѣ ц всюду проводятся ы: не только цыганъ, цыновка и т. п., но и цыкорий, цытадель, станцыя, лекцыя. 5) Послѣ шипящихъ и ц ударяемое о постоянно изображается на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон. 6) Приставки воз, из, низ, раз, подобно безъ, чрезъ (черезъ) и другимъ префиксамъ, никогда не мѣняютъ з на с (Пунктъ комиссіей опротестованный). 7) Вмѣсто окончаній -ого, -аго и -его вводятся -ово и -ево: злово, доброво, синево, тово, ево. (Передъ этимъ пунктомъ стоялъ отклоненный Обществомъ пунктъ объ окончаніяхъ -ой и -ей вм. -ый и -ій: доброй, синей, великой, пегой, тихой; или же -кый, -гый, -хый вм. -кій, -гій, -хій: великый, пегый, тихый). 8) -ыи и -ии для всѣхъ родовъ вм. различаемыхъ по родамъ -ые и -ыя, -іе и -ія (Члены комиссіи здѣсь, въ случаѣ установленія одного окончанія, склонны были предпочесть уже употребительное на письмѣ е). 9) Мѣстоименіе её писать такимъ образомъ, а не черезъ я, и въ качествѣ род. пад. 10) Всегда писать они и одни (Комиссія считала окончаніе -е (-ѣ) допустимымъ, но безъ закрѣпленія его за женскимъ родомъ). 11) Въ мѣстномъ падежѣ словъ на -ій, -ія, -іе и въ дат. пад. словъ на -ія допускается по общему правилу е (ѣ): о Василии, на линии, к линии, в этом здании или о Василие, на линие, к линие, в

этом здание. 12) Признается, что правила переноса не могутъ имѣть никакой научной обязательности, и рекомендуется только переносить слова по слогамъ, съ соблюденіемъ правила причислять согласную къ слѣдующей гласной, при стеченіи же согласныхъ или всѣ относить къ послѣдующей гласной или нѣкоторыя оставлять при предыдущей.

Эти предположенія педагогическаго общества, при всей своей умѣренности, все-таки посягаютъ на палладій русской грамоты—на букву ѣ: притомъ въ педагогическомъ обществѣ даже не раздалось ни одного голоса въ ея пользу. Неужели Вы будете въ самомъ дѣлѣ за нее стоять? Мнѣ думается, что Вы чувствуете къ ней не болѣе, какъ ту же нѣжность, въ которой я и самъ признаюсь въ своей лекціи (стр. 48, внизу),—но вѣдь это не значитъ быть убѣжденнымъ въ ея полезности. Въ употребленіи ѣ-я дѣйствительно сказывается уваженіе къ преданію, но уваженіе, соединенное съ непониманіемъ исторіи: писать въ XX столѣтіи букву, которая была умѣстна развѣ въ XII—это грубый анахронизмъ. Къ тому же ороографія не есть уцѣлѣвшее до нашихъ временъ старинное зданіе. Если бы было такъ, я первый поспѣшилъ бы поднять на ноги Археологическое общество и не побрезгалъ бы даже содѣйствіемъ полиціи, чтобы спасти интересный памятникъ отъ варварскихъ рукъ усердныхъ не по разуму подновителей. Нѣтъ, ороографія это—планъ, по коему всѣ пишущіе обязаны воздвигать новыя зданія, а такой планъ, если устарѣлъ, несомнѣнно долженъ быть передѣланъ и примѣненъ къ современнымъ потребностямъ. Мы, филологи, м. б. и вознаграждаемся въ полной мѣрѣ за трудъ изученія ѣ-я, когда онъ въ какой-нибудь формѣ «женѣ» напоминаетъ намъ о цѣлой цѣпи звуковыхъ переходовъ;

но достаточно ли вознагражденія, выплачиваемаго горсткѣ ученыхъ, за труды мильёновъ другихъ людей? Притомъ, если устранить ѣ, у будущихъ филологовъ тѣ же историко-сравнительныя воспоминанія прекрасно будутъ вязаться съ буквою е. А ужъ разработка сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, конечно, нисколько не пострадаетъ отъ удаленія новорусскаго ѣ. Но, можетъ быть, ѣ полезенъ для студентовъ-филологовъ? Вовсе не полезенъ, а вреденъ. Сколько разъ мнѣ приходилось читать въ студенческихъ рефератахъ взводимую на почтенныхъ черноризцевъ напраслину, будто они не умѣли употреблять букву ѣ, т. к. писали къде черезъ е, а обитѣль—черезъ ѣ. Вотъ плоды полузнанія, которое хуже невѣдѣнія! Тѣмъ менѣе ѣ полезенъ для обыкновенныхъ людей. Они выносятъ изъ школы такое понятіе о ѣ, что «есть, молъ, въ русской азбукѣ буква ѣ, которую чрезвычайно трудно отличать отъ е, каковую науку я наконецъ превзошелъ (или: никакъ не могъ усвоить)». Какое прекрасное свѣдѣніе! Между тѣмъ сколько драгоцѣннаго времени уходитъ на его пріобрѣтеніе. Мнѣ сдается въ добавокъ, что даже господствующимъ въ обществѣ предразсудкомъ противъ нашей бѣдной филологіи, непризнаваньемъ изслѣдованія живой человѣческой рѣчи живымъ дѣломъ, мы преимущественно обязаны тому обстоятельству, что школьная грамматика является прежде всего наукою о буквѣ ѣ и другихъ схоластическихъ ухищреніяхъ.

Что̀ касается вопроса о своевременности ороографическаго похода, то вѣдь я и самъ нѣсколько сомнѣваюсь въ подготовленности русскаго общества (Лекція, стр. 29). Но мнѣ ждать дольше, кажется, не приходилось: сомнительно, чтобы я достигъ болѣе авторитетнаго положенія, чѣмъ имѣю теперь, а жизнь м. б. клонится

къ концу. Положимъ, именно въ 1899 году (печатно— въ 1901) я выступилъ случайно: хотѣлось мнѣ собрать нѣкоторую лепту для сербовъ-лужичанъ, въ пользу ихъ Будышинскаго народнаго дома, и когда затруднились разрѣшить мнѣ публичную лекцію о Мицкевичѣ, я пустилъ въ ходъ накопленный за много лѣтъ матерьялъ по правописанію.

А выступилъ я, пожалуй, какъ разъ въ удобный моментъ, когда производится реформа средней школы съ измѣненьемъ и расширеніемъ курса, на которое желательно выгадать время. Да и научное пониманіе русскаго языка теперь (по крайней мѣрѣ среди преподавателей) уже значительно повысилось—не даромъ въ послѣднія десятилѣтія съ университетскихъ каѳедръ излагались студентамъ дѣйствительныя свойства и соотношенія славянскихъ языковъ. Уже успѣхъ мой въ нашемъ педагогическомъ обществѣ, на каковой я самъ не разсчитывалъ, свидѣтельствуетъ о движеніи впередъ: въ 60-хъ годахъ, въ Петербургѣ, орѳографическія совѣщанья педагоговъ не вызвали такого ходатайства. Къ ходатайству этому вдобавокъ предполагаетъ примкнуть (вѣроятно, съ нѣкоторыми отступленіями въ подробностяхъ) нѣсколько иногороднихъ педагогическихъ обществъ.

Въ Академіи мы, кромѣ Филиппа Ѳедоровича Фортунатова, съ увѣренностью можемъ разсчитывать на Ѳедора Евгеньевича Корша и на Алексѣя Александровича Шахматова; полагаю, что и Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, мнѣнія котораго мнѣ не приходилось слышать, едвали можетъ отнестись къ нашему проекту отрицательно. Вы же, надѣюсь, замолвивъ (какъ филологъ передъ филологами) словцо за букву Ѣ въ такомъ случаѣ, гдѣ она пишется и по этимологіи, и по слуху (т. к произносится ä), не будете настаивать на необхо-

димости употреблять эту букву въ житейскомъ обиходѣ по теперешнему способу вкривь и вкось, а тѣмъ менѣе на другихъ, уже совершенно произвольныхъ, правилахъ.

Еще одна частность. «Курьёзнымъ» по Вашему мнѣнію признаніемъ, что мнѣ самому легче писать обыкновеннымъ правописаньемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ (Лекція, стр. 48, прим.), я предупреждаю указаніе на это со стороны противниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишній разъ подчеркиваю, что легкость нынѣшняго письма существуетъ для насъ, уже прошедшихъ школьныя мытарства, тогда какъ для учащихся имѣются большія трудности [47]).

Затѣмъ, въ надеждѣ, что Вы поможете намъ облегчить тяготу, по словамъ Шереметевскаго, «малыхъ сихъ», прошу Васъ принять увѣренье въ моемъ искреннемъ почтеніи. Прилагаю образчики новыхъ ороографій.

Вашъ *Р. Брандтъ.*

---

[47]) Въ связи съ ороографіей находится Ваше толкованіе инфинитива «идти» (Архивъ, т. XXIII, стр. 586). Я продолжаю держаться буслаевскаго объясненія, что д (конечно, не какъ таковое, и лишь ввидѣ усиленія звука т) внесено въ инфинитивъ изъ настоящаго—Лекція, стр. 49, прим. 53, Сравнит. морфологія, стр. 462, прим. 2. «Ить» вѣдь нигдѣ не встрѣчается—старопольское іść тутъ, понятно, ни при чемъ,—да оно бы и уцѣлѣло, какъ «пить, вить, жать»; старинное «и-т-ь-т-и», полагаю, представляетъ Ь, какъ знакъ мягкости, и вмѣстѣ съ тѣмъ потому, что сдваиванье согласныхъ старинному письму чуждо.

Образцы моихъ ороографій.

I. Звуковое письмо латинскими буквами.

Blaqadatȷ Qospada Boqa da budit sa fsemi vami. Bednyi (-yĭe, -yĭa) deti zgareli sa styda. Qde zdesȷ melaſnaĭa lafka? U Very xoltyi (-yĭe, -yĭa) glaza. Kakoĭa beçtviĭa! Universitet suſcestvuit i dle studentaf, i dle prafesarof. Etat prafesar uxe ne citait lekçiĭ (или: -çyĭ). Uxe?! Cort, gavarȷat, corin. Oci jeĭo cerneĭa noci. U lisiç jestȷ nory, u ptiç—gnȷozda. Na etaĭ jeli mnoga ſyfak. Xyna da baitça muxa svaĭevo. Detki zabylisȷ nedeçkim snom. ſ́castȷja nam izmenila. Daĭ mne braçkaĭ paçaluĭ. Raskrylas açkaĭa bezna. Ceĭ eta pegaĭ xyrebjonacik? Deduſka fsȷo cital vethaĭ zavet. Ja pju ocinȷ xytkaĭ caĭ. ſto ty s nim zdelaiſ? Teperȷ zamecaiça opſciĭ padjom duha. Jim nuxyn oddyh. Boh naſ pamoſ́nik i zaſcitnik. Prijatnava sna! Sjest nacnjotça f pȷatȷ cesof. Kak jevo nexut! A com menȷa prosȷut? On etava neskaxyt.

Такое письмо, съ нѣкоторыми дополненьями, годилось бы и для другихъ славянъ. Напр. посербохорватски: konȷ, konȷa; kralȷ, kralȷiça. Ruĭna vina caſe pune sluxahu se od junākā. A vaĭ, dugē nocji!

Именно мечта объ общеславянской (даже общеевропской, опять-таки съ приспособленьемъ къ мѣстнымъ потребностямъ) латиницѣ заставляетъ меня нѣсколько дорожить своимъ проектомъ русско-латинской азбуки. Говорю «свой проектъ»; но конечно здѣсь, какъ и вообще въ моихъ правописныхъ затѣяхъ, очень мало своего.

Преимущество этого письма передъ діакритическимъ (чешскимъ) заключается въ томъ, что оно не

отпугиваетъ непривычнаго глаза массою своеобразныхъ знаковъ, и что для него не надо вырѣзать новыхъ буквъ: ç есть во французской азбукѣ, ĭ — въ латинской; послѣднее пришлось бы только отлить въ большемъ количествѣ. Побольше понадобилось бы также j, причемъ съ нѣкоторыхъ спилили бы точки, — этотъ же безточный ȷ, перевернутый, служилъ бы длиннымъ ſ, т. е. ш. — Подобную утилизацію лишнихъ латинскихъ буквъ предлагалъ уже въ 1874 году (Вамъ вѣроятно извѣстный) Рожковскій — Écriture omnislave. Mémoire présentée à l'Académie d'Agram. Venise; однако его q въ значеніи ч и w въ значеніи ш ужъ слишкомъ условны. Рожковскій думалъ и объ упоминаемыхъ Вами удобствахъ телеграфнаго дѣла [48]).

2. Фонетическая гражданица.

Благадать Госпада Бога да будит са фсеми вами. Бѣдныи (-ыйѣ, -ыйа) дети згарели са стыда. Гдѣ здесь мелашнайа лафка? У Вѣры жолтыи (-ыйѣ, -ыйа) глаза. Какойа бецьтвийа! Университѣт существуит и дле студѣнтаф, и дле прафесароф. Ѣтат прафѣсар уже не чітаит лѣкцый (лекьций). Ужѣ?! Чорт, гаварьат, чорин. Очі јейо чернейа ночі. У лисиц јесть нóры, у птиц — гньозда. На ѣтай јели многа шышак. Жына да баитца мужа свайево. Дѣтки забылись недѣцким сном. Щастьја нам изменила. Дай мнѣ брацкай пацалуй. Раскрылас

---

[48]) Неизвѣстны мнѣ подробности русской латиницы, предлагаемой Международнымъ фонетическимъ союзомъ. Повидимому, это письмо удобно лишь какъ научная транскрипція или какъ учебная передача для иностранцевъ, но не для славянскаго обихода. Пав. Дм. Первовъ. Международная фонетическая ассоціація. Филолог. Зап., 1903 г., вып. IV—V.

ацкайа бѣзна. Чей ѣта пѣгай жыребьоначік? Дѣдушка фсьо чітал вѣтхай завѣт. Ја пју очінь жыткай чай. Што ты с ним здѣлаиш? Теперь замечаица опщій падјом духа. Јим нужын оддых. Бох наш памошник і защітник. Пријатнава сна! Сјѣст начньотца ф пьать чесоф. Как јево нѣжут! А чом меньа просьут? Он ѣтава нескажыт.

3. Мое полуэтимологическое письмо [49])

Благодать Господа Бога да будет со всеми вами. Бедныи (-ые, ыя) дети сгорели со стыда. Где здесь мелошная лавка? У Веры жолтыи (-ые, -ыя) глаза. Какойо бедьствийо! Университет существует и дле студентов, и дле професоров. (Или же -оф, черезъ **ф**? [50]). Етот професор уже не читает лекцый (или лекций). Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи јейо чернея ночи. У лисиц јесть но́ры, у птиц—гньозда. На етой јели много шышок. Жона да боитса мужа своево. Щастьјо нам изменило. Дай мне братской поцалуй (Или -це-? т. к. «цел». Срв. Лекцію, стр. 53). Роскрылас адская безна. Чей ето пегой жеребьоночок? Дедушка всьо читал ветхой

---

[49]) Здѣсь вмѣсто ьо, йо, јо можно подставить ё и сочетаніе ьё вмѣсто је—просто **е** и **ье**, а вмѣсто **е** въ началѣ словъ—э.

[50]) Опять краснорѣчивый примѣръ суетности этимологическаго принципа. Фонетически вполнѣ ясно, что надо писать **ф**; а этимологически? Съ одной стороны, конечно, русскій звукъ **ф** всегда есть древнее **в** (и то́ за исключеніемъ нѣкоторыхъ пришлыхъ, но совершенно обрусѣвшихъ словъ, вродѣ «фатиль, лафа, кафтанъ, кофта»), однако, съ другой стороны, въ живой рѣчи здѣсь **в** никогда не обнаруживается.

завет. Я пью очинь жыдкой чай. Што ты с ним сделаеш? Теперь замечаетса общой подјом духа. Јим нужон отдых. Бог наш помошник и защитник. Пријатново сна! Сјезд начньотса в пять часов. Как јево нежут! О чом меня просют? Он етово нескажот. [51]).

4. Письмо московской орѳографической комиссіи (Съ оговорками насчетъ измѣненій Педагогическаго общества).

Благ̓одать Господа Бог̓а да будет со всеми вами (Буква г̓ Обществомъ отвергнута). Бедные (Общество: -ыи) дети сгорели со стыда. Где здесь мелочная лавка? У Веры жолтые (Общество: -ыи) глаза. Какое бедствие! Университет существует и для студентов, и для професоров (Вопроса объ удвоеньи согласныхъ Общество не разсматривало). Этот професор уже не читает лекцый. Уже?! Чорт, говорят, чорен. Очи её чернее ночи. У лисиц есть но́ры, у птиц—гнёзда. На этой ели много шышек. Жена да боится мужа своево. Детки забылись не детским сном. Счастье нам изменило. Дай мне братскый (Общ.: -кий) поцелуй. Роскрылась адская бездна (Общ.: Р-а-з-). Чей это пегый (Общ.: -гий) жеребёночек? (Общ.: -бе-, т. к. тутъ не грозитъ никакого смѣшенія). Дедушка всё читал ветхый (Общ.: -хий) завет. Я пъю (Общ.

---

[51]) Относительно j и «мягкихъ буквъ» въ этомъ письмѣ оговорю слѣдующее. Роль іота могла бы быть передана букве̂ i, и безъ того играющей эту роль въ нѣкоторыхъ пришлыхъ словахъ: «іодъ, іезуитъ».—Несоотвѣтствіе между сочетаньями ьо, йо и jo (io) съ одной стороны, и буквами я, ю—съ другой,—не бѣда; напротивъ того, написанія л-ь-о-д, п-о-й-о-т, л-ь-j-о-т облегчили бы истолкованье уже въ начальной грамматикѣ истиннаго значенія буквъ я и ю, какъ равныхъ ьа, йа, ja; ьу, йу, jу.

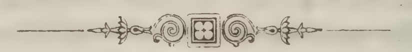
съ ь) очень жыдкый (Общ.: -кий) чай. Что ты с ним сделаеш? Теперь замечается общий подъём (Общ. съ ь) духа. Им нужен отдых. Бог' (Общ.: Бог) наш помощник и защитник. Приятново сна! Съезд (Общ. черезъ ь) начнётся (Общ: -е-) в пять часов. Как ево нежат! О чом меня просят? Он этово не скажет.

5. Коршевское письмо [52]).

Блаћодать Ћоспода Боћа да будет со всеми вами. Бѣдныја дети сгорели со стыда. Гдѣ здесь мелошнаја лавка? У Вѣры жолтыја глаза. Какојо бедствијо! Университѣт существуит и дльа студѣнтов и дльа професоров. Ѣтот профѣсор уже не читаит лѣкцый. Ужѣ?! Чорт, говорьат, чорен. Очи јејо чернејо ночи. У лисиц јесть норы, у птиц—гньозда. На ѣтой јели много шышок. Жена да боитса мужа својево. Дѣтки забылис не дѣтским сном. Щастјо нам изменило. Дай мнѣ братской поцелуй. Роскрылас адскаја бѣздна. Чей это пѣгой жеребьоночек? Дѣдушка всьо читал вѣтхой завѣт. Ја пју очень жыдкой чай. Што ты с ним сдѣлаиш? Теперь замечаитса общей подјом духа. Јим нужен отдых. Боћ наш помошник и защитник. Пријатново сна! Сјѣзд начньотса в пьать часов. Как јево нѣжут! О чом меньа просьут? Он ѣтово не скажыт.

Вотъ образчики предлагаемыхъ орѳографій, изъ коихъ ни одна, конечно, не достигаетъ недостижимаго идеала; но любая, помоему, лучше нынѣшней.

Романъ Брандтъ.

[52]) Прабавлено послѣ, для печати.

Человѣкъ-педагогъ *).

Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій.

IV.

Поступленіе Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева на службу въ шуйскую классическую прогимназію — Особенность такой школы въ ту пору — Симпатіи къ Ѳ—ру Вл—чу учениковъ и ихъ родителей. — Столкновеніе по службѣ. — Вынужденный переходъ на службу въ Орелъ.

По окончаніи Ѳедоромъ Владиміровичемъ Цвѣтаевымъ университетскаго курса (1874 г.), тотчасъ начинается педагогическая его служба, длившаяся свыше 25-ти лѣтъ, до самой его смерти.

Преподавательское мѣсто ему выпало въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ еще въ студенчествѣ занимался въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній; но онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Шуйскую мужскую прогимназію, желая тѣмъ посвятить свои молодыя силы просвѣщенію своего р о д н о г о города, близкаго ему по воспоминаніямъ дѣтскихъ лѣтъ. Мечта, достойная и молодого возраста, и особо-добраго сердца начинающаго педагога. Съ горячимъ увлеченіемъ принялся онъ за новое дѣло.

Это были годы усиленнаго насажденія у насъ «толстовскаго классицизма». Въ Шуѣ, уѣздномъ городкѣ,

---

*) Окончаніе. См. вып. I, 1904 г.

стоящемъ въ округѣ русской заводской промышленности, населенномъ торгово-промышленнымъ и крестьянскимъ людомъ, не имѣвшимъ у себя никакой иной школы, кромѣ низшей городской, учреждена была классическая прогимназія, которая затѣмъ должна была превратиться въ классическую гимназію. Всѣмъ памятно, какіе были учебники, учебныя пособія, методы и способы, которыми тогда внѣдряли тотъ своеобразный классицизмъ. Горькими оказались для шуйскихъ мальчиковъ «латынь», «греческій» и вводимые школьные порядки; вмѣстѣ съ дѣтьми немало горькаго переиспытали и ихъ родители...

Молодой и добрый учитель русскаго языка, самъ жившій и увлекавшій учениковъ сроднымъ и понятнымъ имъ предметомъ, скоро завоевалъ себѣ живыя симпатіи какъ учениковъ и ихъ родителей, такъ и молодыхъ товарищей по службѣ. Но прямота и добрая участливость его характера, эти драгоцѣнныя его свойства, свято пронесенныя имъ чрезъ всю его жизнь, дурно были поняты начальникомъ заведенія, человѣкомъ раздражительнымъ до болѣзненности, придирчивымъ и близорукимъ, который началъ подозрѣвать прибывшаго къ нему юнаго петербургскаго кандидата чуть не въ нигилизмѣ. Въ Московскомъ учебномъ округѣ не въ мѣру давало тогда въ школахъ чувствовать свою тяжелую руку служившее въ окружномъ управленіи лицо «австрійской школы», за подписью котораго Ѳедоръ Владиміровичъ и получилъ оффиціальную бумагу, съ увѣдомленіемъ, что въ этомъ округѣ ему нѣтъ мѣста... Къ счастію, вдумчиво вникшее въ дѣло другое административное лицо управленія сумѣло разобраться въ немъ, и Ѳедору Вл—чу было предоставлено учительское мѣсто въ другомъ городѣ того же округа, много лучшее, въ Орлѣ.

V.

Служба и жизнь Ѳ. В. Цвѣтаева въ Орлѣ. Занятія въ реальномъ училищѣ и военной гимназіи.—Прочная установка служебнаго положенія.—Пріѣздъ на службу въ военную гимназію родного брата и совмѣстная съ нимъ жизнь.—Преподавательскій кружокъ и его интересы и время—препровожденіе.—Отношенія Ѳ—ра Вл—ча семейныя, товарищескія, служебныя и къ ученикамъ.—Характеръ преподаванія своихъ предметовъ.—Выдающіеся успѣхи учениковъ.—Переводъ на службу въ Москву.

Въ городѣ, имѣющемъ въ себѣ нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, дѣятельность молодого педагога быстро расширяется *).

Директоромъ орловскаго реальнаго училища, куда былъ переведенъ Ѳедоръ Владиміровичъ, состоялъ въ ту пору А. И. Дружининъ; опытный въ пониманіи лицъ педагогическаго персонала, талантливый и доброжелательный, онъ хорошо оцѣнилъ своего новаго сослуживца. Въ непродолжительномъ времени онъ поручилъ ему секретарство въ педагогическомъ совѣтѣ училища, и потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще привлекалъ его къ составленію годичныхъ отчетовъ и разныхъ бумагъ оффиціальнаго характера. Съ неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ этотъ почтенный начальникъ относился къ Ѳ—ру Вл—чу до самой своей кончины. Слѣдующіе затѣмъ директоры находили въ его лицѣ уже не только преподавателя съ прочнымъ положеніемъ въ училищѣ,

---

*) Соотвѣтственно съ этимъ, въ указанномъ выше сборникѣ воспоминаній и другихъ матеріаловъ, изданіи г. Анненкова, служащемъ для настоящей нашей статьи, о жизни и дѣятельности Ѳ. В. Цвѣтаева въ Орлѣ и о бытѣ тамошнихъ педагоговъ содержатся уже подробныя данныя.

но и опытнаго себѣ помощника въ сферѣ административной.

Прочно установившаяся въ городѣ преподавательская репутація Θ. В—ча повела къ тому, что онъ былъ приглашенъ учить русскому языку и словесности также въ военную гимназію, гдѣ и преподавалъ до пріѣзда туда на педагогическую службу его младшаго брата (потомъ служившаго въ Москвѣ, нынѣ профессора въ Варшавѣ).

Оба брата поселились вмѣстѣ. Учительское содержаніе, получаемое двоими и шедшее у нихъ въ одну общую кассу, дѣлало ихъ достаточно обезпеченными, и потому частныхъ уроковъ они почти не давали. Завели они свое маленькое хозяйство: большое количество разной домашней птицы и лошадь съ экипажемъ—эту роскошь, обыкновенно совсѣмъ недоступную лицамъ педагогическаго сословія. Квартиру они имѣли въ лучшей части города, просторную, красивую, удобную, съ конюшней, сараями, садомъ. Заботы по хозяйству лежали исключительно на Θ. В—чѣ, болѣе любившемъ это дѣло и болѣе склонномъ къ нему.

Обезпеченные, дѣятельные, гостепріимные, они оба сдѣлались живымъ центромъ для большей части молодого слоя орловскаго преподавательскаго міра, уже и во второй половинѣ 70-хъ годовъ обширнаго и разнообразнаго. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ сходились учителя классической гимназіи, реальнаго училища, женскаго института и женской гимназіи. Здѣсь собирались, кромѣ молодежи, и педагоги старшаго поколѣнія, и начальники орловскихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и ректоръ духовной семинаріи о. протоіерей А. В. Богдановъ, впослѣдствіи епископъ тамбовскій Александръ.

Карточной игры, этого обычнаго развлеченія провинціальнаго общества, здѣсь совсѣмъ не было, да пре-

подавательская молодежь не для того и собиралась сюда. Заходили и сходились здѣсь просто за тѣмъ, чтобы отдохнуть и, какъ говорится, отвести душу.

Жизненныя дрязги, взаимные счеты и недоразумѣнія обыкновенно тутъ были далеко отъ собравшихся. Реальные факты текущей жизни нерѣдко заносили мысль собесѣдниковъ въ область общихъ вопросовъ педагогики, дидактики, литературы, той или иной науки и проч. Упоминаніе о какомъ-либо профессорѣ воскрешало воспоминанія объ университетской средѣ. Случится въ той или иной отечественной школѣ какой-либо изъ ряда выходящій казусъ, и онъ вызывалъ на этихъ товарищескихъ собраніяхъ живой обмѣнъ мыслей о формахъ, видахъ и средствахъ воспитанія, обученія, о типахъ школъ, при чемъ наглядныя иллюстраціи доставляла извѣстная практика орловскихъ учебныхъ заведеній. Заѣздъ въ Орелъ виднаго пѣвца, музыканта, актера возбуждалъ здѣсь нерѣдко рѣчи объ искусствахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ соучастниковъ бесѣдъ хорошо пѣли русскія пѣсни, большинство понимало въ нихъ толкъ, а другіе играли на роялѣ или на скрипкѣ.

Въ Москвѣ ставился памятникъ Пушкину, на открытіе котораго весною 1880 г. Дмитрій Влад. Цвѣтаевъ ѣздилъ отъ военной гимназіи депутатомъ, а Ѳедоръ Владиміровичъ относился къ Пушкину открыто съ благоговѣніемъ и зналъ чрезвычайно многое изъ него наизусть, и потому неоднократно на тѣхъ памятныхъ вечеринкахъ поднимались живыя рѣчи о свойствахъ и заслугахъ поэзіи Пушкина, въ сравненіи ея съ поэзіей другихъ писателей, при чемъ математики изрядно-таки, какъ тогда водилось, подзадоривали своими сужденіями словесниковъ. Дм. В—чъ тогда писалъ и началъ печа-

тать свои разъясненія баллад Шиллера [1]) въ связи съ его классными занятіями въ военной гимназіи, и Шиллеръ дебатировался и русскими преподавателями, и нѣмцами.

Къ концу 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ грустное эхо Берлинскаго конгресса звучало не переставая по всей Россіи, и потому вопросы объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи и Англіи и такъ называемый «нѣмецко-русскій» вопросъ занимали собиравшихся.

Трудно конечно, перечислить теперь даже главныя темы ихъ тогдашнихъ бесѣдъ; можно только сказать: думалось и говорилось ими здѣсь о многомъ, что̀ протекало въ доступной ихъ наблюденію и интересамъ тогдашней жизни. Обладая душой простой, теплой и отзывчивой, Ѳед. Вл—чъ служилъ, быть-можетъ, самъ того не замѣчая, живымъ связующимъ звеномъ кружка орловскихъ педагоговъ второй половины 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Нѣкоторые изъ членовъ кружка имѣли уже семьи, и въ такомъ случаѣ характеръ бесѣдъ въ значительной степени зависѣлъ отъ хозяйки дома. Двѣ-три изъ нихъ владѣли небольшими имѣніями, и рѣчь тогда сводилась на сельское хозяйство. Рѣдко кто бывало умѣлъ говорить съ ними о сельской жизни и хозяйствѣ такъ толково, дѣловито и авторитетно, какъ Ѳед. Вл., любившій

---

[1]) Въ нашихъ «Филологическихъ Запискахъ» 1881—1882 гг., подъ заглавіемъ: «Баллады Шиллера. Опытъ объясненія ихъ». Отдѣльное изданіе ихъ одобрено, какъ «отличное пособіе» при изученіи русской и нѣмецкой словесности Отзывы критики о книгѣ, необыкновенно сочувственные, собраны покойнымъ А. А. Хованскимъ въ «Филологическ. Запискахъ» 1883 г., вып. II.

деревню какою-то особенно горячей любовью. Одинъ изъ его учениковъ разсказываетъ, что Ѳ. Вл. какъ-то особенно интересно умѣлъ объяснять имъ стихотворенія Кольцова: «Урожай», «Пѣсня пахаря» и т. п. Это и понятно. Сынъ села, онъ зналъ сельскую природу не по книжкамъ и не по дачному кругозору, живо понималъ и непосредственно чувствовалъ эстетическую красоту и въ ней самой, и въ сельской работѣ, что такъ и помогало ему при изученіи и преподаваніи отечественной литературы, которую онъ зналъ и толковалъ отлично; это и отражалось на его урокахъ, благодѣтельно дѣйствуя на воспріимчивую душу учениковъ.

Любя сельскую природу, онъ, при первой возможности, въ свободный день, одинъ, съ братомъ или въ компаніи съ другими, отправлялся за городъ. Всѣ орловскія окрестности, и близкія, и болѣе отдаленныя, ему были хорошо извѣстны. Частыя встрѣчи съ жителями деревень и помѣщичьихъ усадебъ, съ ихъ тяжелыми трудами, заботами, нуждой и радостями, поддерживали въ немъ то знаніе сельскаго быта и всѣхъ его отрадныхъ и печальныхъ сторонъ, то знаніе и пониманіе народной жизни, которыя были ему свойственны, и прочные основы которыхъ съ дѣтства заложила въ немъ жизнь въ родномъ селѣ и подновлялись въ его поѣздкахъ на родину.

Лѣтнія каникулы обыкновенно проводя въ родномъ селѣ у старика-отца, онъ одинъ разъ видѣлъ своего отца и у себя въ гостяхъ. Одинъ изъ его сослуживцевъ, доселѣ живущій въ Орлѣ (В. Ѳ. Ферховъ), пишетъ: «Я былъ свидѣтелемъ того, какъ въ 1879 году обоихъ братьевъ посѣтилъ ихъ отецъ, почтенный сѣдой старецъ-священникъ, съ виду лѣтъ подъ 70. Трогательнѣе того, какъ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ относился къ своему родителю, я въ жизни не видалъ ничего и никогда не забуду это-

го. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ отношеніе моего покойнаго друга къ его отцу, мнѣ стало казаться, что я мало заботился о моей матери (отца у меня не было съ 9-ти лѣтняго возраста), хотя знакомые считали меня хорошимъ сыномъ. Столько вниманія, столько почтенія, столько заботъ, чтобы старцу было хорошо и пріятно, и столько тихой, не бьющей въ глаза, нѣжности было въ обращеніи Ѳ. Вл. съ дорогимъ гостемъ, что это невольно трогало и меня, и другихъ нашихъ товарищей, собиравшихся тогда въ его домѣ».

Въ служебной сферѣ Ѳ. Вл. оставался человѣкомъ прямымъ, безъ заднихъ мыслей, безъ лести, устойчивый предъ начальствующими и безъ высокомѣрія предъ подчиненными. Наученный горькимъ опытомъ въ первый годъ службы въ Шуйской прогимназіи и по природной скромности, выражавшейся у него въ постоянной канфузливости, онъ, столь любившій откровенную бесѣду въ товарищескомъ кругу, не любилъ высказываться вездѣ и предъ каждымъ, не любилъ и убѣждать другихъ, избѣгая всего показного. Въ нужную же минуту, когда рѣшалось дѣло, онъ высказывалъ свое мнѣніе ясно и безповоротно, особенно, если дѣло касалось учениковъ, которые въ лицѣ его всегда находили себѣ твердаго защитника и покровителя. Тотъ же сослуживецъ Ѳед. Вл—ча разсказываетъ: «Однажды, помнится мнѣ, ученикъ 2-го класса былъ исключенъ изъ нашего училища за неуспѣшность, при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Для перевода въ слѣдующій классъ въ то время нужно было имѣть по главнымъ предметамъ (если не ошибаюсь) полную тройку; у этого же ученика оказалась по математикѣ за 3-ю четверть года отмѣтка 2. Несмотря на то, что преподаватель послѣ экзамена согласенъ былъ передѣлать 2 на 3 или же отмѣтку 3 за

послѣднюю четверть года на 4, предсѣдатель совѣта этого не допустилъ, и бѣдный ученикъ былъ удаленъ изъ училища за неуспѣшность. Такое формальное отношеніе къ живому дѣлу воспитанія такъ глубоко возмутило Ѳ. В—ча, что онъ тутъ же послѣ совѣта отказался отъ должности секретаря, мотивируя свой отказъ передъ товарищами тѣмъ, что у него рука не подымается писать протоколы, которые идутъ въ совершенный разрѣзъ съ его совѣстью и убѣжденіями».

Ученикамъ онъ помогалъ и словомъ, и дѣломъ, обходился съ ними удивительно просто и сердечно, какъ бы въ родной семьѣ, репетировалъ съ болѣе слабыми уроки, призывая ихъ къ себѣ для того на домъ по вечерамъ и въ праздники, руководилъ ихъ домашнимъ чтеніемъ, давалъ имъ совѣты и указанія.

Отношенія Ѳ. В—ча къ учащимся и способъ преподаванія его всего подробнѣе обрисовываются въ воспоминаніяхъ одного изъ его бывшихъ учениковъ по реальному училищу, нынѣ то же занимающагося въ Орлѣ педагогическимъ дѣломъ (И. Ф. Рынды) *).

Онъ сообщаетъ: введенный директоромъ Дружининымъ въ третій классъ, «новый учитель, видимо стѣсняясь (такъ теперь я понимаю), сѣлъ на стулъ, снялъ очки и, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣта, узнавъ, что на очереди стоялъ вопросъ изъ синтаксиса «о предложеніяхъ», повелъ съ нами бесѣду о томъ, чѣмъ и какими способами человѣкъ можетъ выражать свою мысль. Классъ, привыкшій только къ заучиванію уроковъ по книгѣ, безъ особыхъ объясненій, притихъ и весь пре-

---

*) Отмѣтимъ также: что монографія г. Рында о Тургеневѣ, помѣщенная въ «Историческомъ Вѣстникѣ», посвящена имъ своему «дорогому учителю Ѳ. В. Цвѣтаеву».

вратился въ слухъ. Что касается меня, то я буквально застылъ на мѣстѣ отъ восторга при этой ясной, вразумительной и простой рѣчи, любуясь въ то же время чудными карими глазами говорившаго... На слѣдующемъ урокѣ новый учитель разбиралъ стихотвореніе Ю. Жадовской: «Христіанская любовь: Покрытый ранами, поверженный во прахъ...». Этотъ разборъ, равно какъ и послѣдовавшіе за нимъ до сихъ поръ у меня въ головѣ словно гвоздями прибиты. Объясненія Ѳ. Вл—ча отличались особою плавностью рѣчи, съ трогавшими сердце переходами его низкаго, мягкаго баритона; при этомъ каждое слово отчеканивалось имъ повладимірски, особенно отчетливо и опредѣленно.... Второй его урокъ пришелся на субботу. При училищѣ была у насъ церковь..., былъ прекрасный хоръ съ выдающимися голосами. Я состоялъ пѣвчимъ и, стоявши на клиросѣ лицомъ къ молящимся, вскорѣ увидѣлъ здѣсь нашего новаго учителя. Когда мы запѣли, онъ всѣмъ своимъ корпусомъ подался впередъ, глубоко погрузился въ слушаніе, видимо изучая наше стройное пѣніе. Послѣ всенощной я подхожу къ Ѳ. Вл. и прошу его дать мнѣ книгъ для чтенія. «Да вотъ вы завтра, послѣ обѣдни, приходите ко мнѣ, тамъ я вамъ и дамъ» При этомъ онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. На другой день, въ назначенный часъ, я былъ у него на квартирѣ. Съ какою особенною нѣжностію онъ принялъ меня, съ какимъ живымъ интересомъ выслушивалъ мои порывистыя рѣчи... Въ концѣ этой незабвенной бесѣды Ѳед. Влад. далъ мнѣ книгу, и мы разстались. Я попросилъ позволенія притти къ нему въ слѣдующее воскресенье... И вотъ пошли затѣмъ для меня эти дорогія воскресенья, которыхъ въ теченіе недѣли я ожидалъ, какъ манны небесной. На нихъ я росъ и крѣпъ душою: тутъ и раз-

рѣшалъ мой учитель зарождавшіеся въ моемъ дѣтскомъ мозгу новые вопросы и объяснялъ мнѣ все, что̀ оставалось непонятнымъ на урокахъ. Ѳ. Вл. относился ко мнѣ, какъ старшій родной, какъ братъ, упредившій меня годами, которому пришлось заняться моимъ образованіемъ, нравственнымъ и умственнымъ».

Ученикъ жилъ съ своей матерью, бѣдною, загнанною нуждою. Ѳ. Вл. «быстро своимъ чуткимъ сердцемъ понялъ тяжесть семейнаго положенія» и досталъ мальчику уроки въ двухъ домахъ. «Разъ, бывши въ 5 классѣ, зимою я (продолжаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рында) сильно занемогъ и лежалъ въ постели. Ѳед. Вл. скоро узналъ объ этомъ и, такъ какъ у насъ на квартирѣ было и холодно, и сыро, и очень тѣсно, онъ прислалъ свою лошадь за мною и свою шубу, и меня, всего закутаннаго, перевезли къ нему. Съ какою нѣжною заботливостію онъ пріютилъ у себя своего больного ученика! Сколько радости и облегченія приносилъ онъ мнѣ, когда бывало подойдетъ, сядетъ около меня и положитъ свою руку мнѣ на лобъ! Двѣ ночи, особенно тяжелыя для меня, онъ провелъ безъ сна, самъ подавая мнѣ то одно, то другое лѣкарство и служа мнѣ самъ при питаніи. И доселѣ я вижу, сколько истинно родного сочувствія, нѣжнаго участія и тихой ласки при этомъ уходѣ свѣтилось въ его большихъ и добрыхъ карихъ глазахъ. Такъ Ѳ. Вл. продержалъ меня у себя до полнаго выздоровленія».

«Благодаря такому исключительному руководительству Ѳ. Вл—ча, въ 3-мъ и 4-мъ классѣ я былъ записанъ на золотую доску. Эта честь заставила меня еще болѣе напрягать свои силы».

Затѣмъ передается, какъ Ѳ. Вл. продолжалъ свои заботы объ этомъ ученикѣ, какимъ «ангеломъ-хранителемъ» оказывался онъ, когда ученику, по стекшимся

для него неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, грозило исключеніе изъ училища, и представлялись жизненные соблазны, какъ доставилъ онъ ему первый литературный гонораръ, устроилъ постановку ученическими силами «Ревизора» съ цѣлію матеріальной помощи бѣднымъ ихъ товарищамъ, какъ читалъ и исправлялъ ученическія сочиненія, руководилъ домашнимъ чтеніемъ учениковъ и проч.

«Кончились выпускные экзамены... Въ началѣ августа, предъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ для поступленія въ технологическій институтъ, я остался ночевать у Ѳ. В—ча... Ѳ. Вл. ободрялъ меня предъ началомъ новаго дѣла, разсказывалъ и про свою студенческую жизнь, также исполненную большой бѣдности. И такъ онъ хорошо, братски-тепло рисовалъ картину студенческаго быта, предстоявшаго мнѣ... Наканунѣ отъѣзда Ѳ. Вл. сказалъ мнѣ: «Ты завтра приходи къ обѣду, а потомъ я заѣду къ тебѣ, а отдуда на вокзалъ». Такъ я и сдѣлалъ. За обѣдомъ онъ съ улыбкою все угощалъ меня: «Ѣшь, больше ѣшь; тамъ въ Питерѣ, братъ, насчетъ ѣды бѣдному человѣку плохо». Потомъ благословилъ онъ меня маленькой иконой Спасителя, начерченной на перламутрѣ, со словами: «Храни эту икону и всегда, а особенно въ минуты невзгоды, молись предъ ней, и Спаситель сохранитъ тебя». Эта икона хранится у меня и теперь, и сколько утѣшенія доставляетъ она мнѣ въ минуты отчаянія и упадка духа! Ѳ. Вл. вручилъ мнѣ также при этомъ и нѣсколько рублей!... На своей лошадкѣ онъ свезъ меня къ матушкѣ и оттуда, послѣ прощанія, на вокзалъ. Нужно ли прибавлять, что я плакалъ, разставаясь съ учителемъ, у котораго также текли въ ту минуту слезы?...

«Собирая воедино факты моей школьной студенче-

ской жизни, я утверждаю, что отношенія Ѳ. Вл—ча къ ученикамъ были необыкновенно мягки и сердечны, и потому ихъ невзгоды и несчастія всегда заставляли его болѣть душой. Обращеніе его съ нами всегда было ровное, спокойное; говорилъ онъ намъ «ты», но такъ тепло и просто, что это намъ всѣмъ доставляло только удовольствіе. Бывали случаи, когда онъ говорилъ ученику и обычное «вы», но это означало, что онъ этимъ ученикомъ недоволенъ. Отъ учениковъ онъ требовалъ прежде всего правды, и они, зная его всепрощающее и сострадательное сердце, не боялись высказывать ее... Любовь къ человѣку, любовь и состраданіе къ людямъ были его отличительнымъ достоинствомъ. Эти драгоцѣнныя свойства онъ проявлялъ особенно въ отношеніи насъ, учениковъ... Ѳ. Вл. всегда старался защитить ученика, найти въ его винѣ оправдывающія обстоятельства, прежде чѣмъ дать согласіе на строгую карательную мѣру... Не станетъ онъ размазывать, бывало, твою вину и тратить лишнія слова, а прямо и отчетливо выскажетъ свой взглядъ на проступокъ или на лѣнь, да скажетъ такъ, что, не унизивши провинившагося, возбудитъ въ его сердцѣ чувство стыда, а головѣ дастъ живую работу мысли.

«Свои предметы—русскій языкъ, славянскій, логику, теорію словесности, литературу—онъ преподавалъ образцово. Каждый его урокъ отличался замѣчательною ясностію и внушительностію. Его превосходные разборы русской и славянской рѣчи, его толкованія образцовыхъ произведеній словесности, какъ живые стоятъ предо мною, несмотря на даль тѣхъ лѣтъ, когда я былъ ученикомъ Ѳ. Вл—ча. Помню что̀ за дивныя минуты переживали мы, ученики, когда онъ объяснялъ—«Пророкъ» Пушкина и Лермонтова... А сколько разговоровъ и споровъ возбу-

ждали всегда вопросы, поднятые имъ на урокахъ! Этотъ учитель русскаго языка былъ истиннымъ крестнымъ отцомъ нашего духовнаго развитія», заключаетъ о немъ свои воспоминанія этотъ его бывшій орловскій ученикъ.

По свидѣтельству одного изъ орловскихъ товарищей Ѳ. Вл—ча, онъ «особеннно много работалъ надъ ученическими письменными упражненіями». Когда весной 1883 г. въ Орелъ пріѣхалъ на выпускные экзамены классической гимназіи и реальнаго училища депутатомъ отъ учебнаго округа профессоръ Московскаго университета Вс. Ѳед. Миллеръ, сочиненія учениковъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева обратили его особенное вниманіе достоинствами изложенія. Осенью того же года Ѳ. Вл—чу были предложены начальствомъ учебнаго округа два мѣста — инспектора гимназіи въ Вязьмѣ и преподавателя въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. По семейнымъ обстоятельствамъ (незадолго предъ тѣмъ онъ женился на дочери протопресвитера московскаго Успенскаго собора, въ Москвѣ же служили уже и его родные братья), онъ принялъ послѣднее назначеніе.

VI.

Жизнь и служба Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева въ Москвѣ. — Занятія въ 6-й классической гимназіи и Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ. — Характеръ преподаванія и отношеніе къ учащимся. — Назначеніе инспекторомъ 2-й женской гимназіи. — Отношеніе къ подчиненному педагогическому персоналу. — Заботы объ ученицахъ. — Трудности совмѣщенія занятій въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ для московскихъ педагоговъ. — Прощальное чествованіе Ѳ—ра В—ча въ 6-й классической гимназіи. - Юбилейное чествованіе во 2-й женской гимназіи. - Рановременная кончина. - Похороны — Прощальныя рѣчи, воспоминанія. — Заключеніе.

Педагогическая служба Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ Москвѣ началась съ января 1884 г. сразу

въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ: въ VI-ой мужской гимназіи и въ Усачевско—Чернявскомъ женскомъ училищѣ. Съ полною опытностію и какъ бы съ обновленными силами онъ принялся за знакомое ему дѣло въ новомъ городѣ и въ новой обстановкѣ. «Ѳ. В Цвѣтаевъ—пишетъ о немъ одинъ изъ бывшихъ его учениковъ по VI гимназіи (князь Б. А. Щетининъ)—съ перваго же урока сумѣлъ заинтересовать насъ (восьмиклассниковъ) своимъ предметомъ, который онъ излагалъ въ формѣ живой бесѣды о разныхъ явленіяхъ русской литературы, главнымъ образомъ Пушкинскаго періода. Передъ Пушкинымъ онъ положительно благоговѣлъ, какъ передъ святыней, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы и мы прониклись благоговѣніемъ къ творческому генію нашего величайшаго національнаго поэта. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалась главная и истинная заслуга Ѳедора Владиміровича, какъ преподавателя. Онъ безпрестанно читалъ намъ отрывки изъ произведеній Пушкина, подолгу и съ любовью останавливался на лучшихъ мѣстахъ, подробно выясняя ихъ смыслъ и красоту. Уроки эти не пропали даромъ: мы научились понимать и цѣнить Пушкина, а съ нимъ и всю русскую литературу. И какъ радовался бывало покойный, когда замѣчалъ, что подъ его вліяніемъ въ томъ или другомъ ученикѣ пробуждается горячій интересъ къ русской литературѣ». Авторъ вспоминаетъ случай о самомъ себѣ, когда онъ, излагая содержаніе «Бориса Годунова», постепенно при отвѣтѣ воодушевлялся и къ концу, въ увлеченіи, перешелъ къ чтенію наизусть. «Нужно было видѣть, какою радостію сіяло доброе лицо Ѳедора Владиміровича, какъ онъ одобрительно кивалъ мнѣ головой, повторяя иногда вслѣдъ за мною окончанія звучныхъ стиховъ Пушкина. Уже звонокъ

давно прозвонилъ, а онъ все ходилъ по классу и слушалъ мою декламацію.

«Добродушіемъ вѣяло отъ всей его крѣпкой натуры... Какъ въ характерѣ, такъ и во всемъ складѣ его ума чувствовалось что́-то не обычайно уравновѣшенное. Я ни разу не слыхалъ, чтобы онъ когда-либо возвысилъ голосъ или разсердился на кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, хотя поводовъ къ тому бывало, разумѣется, сколько угодно. Всегда ласковый и привѣтливый, онъ относился ко всѣмъ намъ съ какою-то отеческою нѣжностью, готовый во всякую минуту выгораживать и защищать насъ передъ начальствомъ, если бъ это понадобилось. Бывали случаи, когда, на педагогическомъ совѣтѣ онъ шелъ одинъ противъ большинства, спасая провинившагося гимназиста отъ увольненія.—Идетъ ли вопрѳсъ объ освобожденіи учениковъ отъ платы за ученіе, или о положеніи (суровой) мѣры взысканія на провинившагося, Ѳед. Вл. неизмѣнно подаетъ голосъ за, а не противъ, всегда въ пользу ученика, а не во вредъ ему. Для многихъ это былъ настоящій ангелъ-хранитель.

«Какъ педагогъ, Ѳ. Вл. былъ удивительно внимателенъ ко всѣмъ своимъ ученикамъ и доступенъ... Онъ всякому старался разъяснить, по мѣрѣ возможности, всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія, всякаго старался наставить на тотъ путь, который казался ему наиболѣе разумнымъ и истиннымъ. Зато и осаждали же мы его всѣ посторонними и «къ дѣлу неотносящимися» (по выраженію иныхъ педагоговъ) вопросами, просто, что̀ называется, проходу не давали!»

Но усиленная дѣятельность въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма отдаленныхъ одно отъ другого, давала себя чувствовать многими неудобствами. Спѣшныя переправы, сказываясь на здоровьи, поѣдали у него зна-

чительную долю заработка, такъ что скромная плата въ Чернявскомъ училищѣ почти вся цѣликомъ уходила на извозчиковъ между квартирой и училищами. Добрая слава его въ преподавательскомъ мірѣ Москвы, подкрѣпленная доброжелательными ходатайствами, послужила въ 1887 г. основаніемъ для попечителя московскихъ женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи ввѣрить ему деликатную и отвѣтственную должность инспектора 2-й женской гимназіи, при чемъ онъ былъ оставленъ штатнымъ преподавателемъ и въ мужской гимназіи.

Свойства характера Ѳед. Вл—ча, его сердечная доброта, уваженіе правъ личности въ каждомъ, съ кѣмъ новый кругъ обязанности теперь ставилъ его въ непосредственное соприкосновеніе, и его неослабныя заботы о всѣхъ ихъ, скоро пріобрѣли ему общія симпатіи и нравственно-высокое положеніе и въ этой новой средѣ, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ, но и начальникомъ.

«Невольно вспоминается мнѣ тотъ день», пишетъ одинъ изъ преподавателей этой женской гимназіи, В. М. Фриче: «когда я, начинающій преподаватель, впервые вошелъ въ ту комнату, тамъ, во второй гимназіи, гдѣ онъ царилъ начальникомъ. Я чувствовалъ себя неловко, волнуясь и робѣя. Нѣсколькими сердечными словами вернулъ онъ мнѣ бодрость и самообладаніе... И съ этой поры, въ продолженіе пяти лѣтъ, я—и не только я одинъ—мы всѣ слышали изо-дня въ день этотъ дружескій голосъ, и тепло жилось, и свободно дышалось подъ его доброй опекой. Не зналъ онъ къ намъ ни зависти, ни ревности. Онъ выше всего цѣнилъ успѣхъ того дѣла, во главѣ котораго онъ стоялъ, никогда не подчеркивая своего первенствующаго положенія, своей руководящей роли. Онъ былъ нашимъ не инспекторомъ, а добрымъ

отцомъ и любящимъ братомъ. Онъ былъ образцовымъ товарищемъ». «Да», свидѣтельствуетъ о немъ другой сослуживецъ: «къ нему подходили слова: товарищъ, другъ, отецъ, наставникъ, но уже никакъ не господинъ инспекторъ, господинъ начальникъ и т. п. Менѣе всего онъ искалъ популярности, а между тѣмъ онъ ее имѣлъ, хотя и совсѣмъ того не замѣчалъ. Онъ творилъ добрыя дѣла, творилъ подвиги милосердія и любви тихо, смиренно, словно при этомъ конфузясь, словно боялся обидѣть васъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ, трогательнымъ вниманіемъ... Учителя вспоминаютъ съ особенною признательностью ту его заслугу, что онъ всячески избѣгалъ вторгаться въ область чужого творчества съ своей начальнической регламентаціей; онъ горячо уважалъ индивидуальность въ лицѣ каждаго подчиненнаго ему преподавателя, довѣрялъ ему и благоволилъ къ нему принципіально; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уважалъ человѣка и въ ребенкѣ-ученикѣ, расположенный почти всегда, елико возможно, болѣе миловать тамъ, гдѣ другіе обязательно караютъ. На педагогическихъ совѣтахъ онъ держалъ себя необычайно просто, чисто потоварищески, не навязывая никому своего мнѣнія. Напротивъ, онъ очень любилъ, при всякомъ трудномъ, сложномъ и деликатно-щекотливомъ дѣлѣ, обязательно и немедленно обращаться къ суду своихъ товарищей-подчиненныхъ, къ ихъ мнѣнію, къ ихъ совѣту».

Заботясь о нравственной поддержкѣ и о матеріальномъ обезпеченіи каждаго и каждой изъ подчиненныхъ ему членовъ педагогическаго персонала, онъ внимательно слѣдилъ за успѣхами учеництъ и много хлопоталъ о матеріальной помощи бѣднѣйшимъ изъ нихъ. По его кончинѣ вскрылись черновыя его многочисленныхъ писемъ, ходатайствъ и представленій различнымъ лицамъ

и учрежденіямъ о матеріальномъ пособіи людямъ, ввѣреннымъ его попеченію. А сколько заботъ и хлопотъ доставляло ему бывало устройство благотворительныхъ вечеровъ и концертовъ, и сколько радости приносили ему матеріальные успѣхи ихъ, дававшіе послѣ возможность облегчить чужое горе, помочь нуждѣ ввѣреннаго ему молодого поколѣнія! Замѣчательно при этомъ, что, для преподаванія русскаго языка и словесности онъ всегда выбиралъ тѣ изъ старшихъ классовъ, которые наиболѣе были трудны, наиболѣе нуждались въ работѣ надъ ними опытнаго преподавателя. И его сердечныя, но по формѣ простыя, напутственныя рѣчи, которыми онъ ежегодно прощался съ оканчивающими воспитанницами, неизмѣнно каждый разъ рождали слезы у жадно внимавшей ему аудиторіи.

Но, какъ ни сроднился съ обѣими гимназіями Ѳед. Вл—чъ, съ годами начали убывать силы, большая голова педагога покрывалась серебромъ. Отъ долговременнаго чтенія ученическихъ задачъ, которыхъ изъ двухъ учебныхъ заведеній у него было чрезвычайно много, раньше времени стали слабѣть его большіе глаза, утрачивалась прежняя острота зрѣнія. Онъ съ грустью видѣлъ, что чтеніе письменныхъ работъ въ прежнемъ количествѣ для него становилось дѣломъ, физически все болѣе и болѣе труднымъ. Другимъ источникомъ его грусти и заботъ являлась увеличивавшаяся трудность совмѣщенія занятій въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, къ тому же находившихся далеко одно отъ другого. Необходимость переноситься длинный конецъ отъ Новой Басманной, гдѣ стоитъ 2 женская гимназія, за Большой Каменный мостъ, за Москву-рѣку, гдѣ находится 6-я мужская гимназія, и переноситься въ опредѣленное число минутъ, чтобы «не опоздать къ уроку», и особенно осенью и

весной, въ дурную погоду, была для него въ послѣдніе годы истиннымъ несчастіемъ. А семейныя обстоятельства и дороговизна столичной жизни побуждали его заботиться не сокращать размѣровъ заработка.

Эта необходимость давать возможно болѣе уроковъ, чтобы только сводить концы съ концами и не знать несчастія долговъ, эта боязнь опоздать, это постоянное внутреннее напряженіе были у Ѳ. Вл. Цвѣтаева, конечно, долею общей съ подавляющимъ большинствомъ московскихъ (да и московскихъ ли только?) педагоговъ, нервно, возбужденно, нетерпѣливо и неудовлетворенно снующихъ по обширному городу изъ одной школы въ другую и часто лишь на извозчикѣ, словно украдкой, совершающихъ свой завтракъ. Въ этой тяжкой долѣ подневольныхъ переходовъ и переѣздовъ является единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такомъ-то углу, на такомъ-то перекресткѣ непремѣнная встрѣча съ товарищемъ или пріятелемъ, также спѣшно дѣлающимъ свой переходъ до другой школы. «Вотъ тутъ, думаетъ переѣзжающій учитель, я непремѣнно встрѣчусь нынѣ съ Петромъ Ильичемъ, а тамъ непремѣнно наткнусь на Ивана Ивановича, если только они не заболѣли». И такъ идетъ у многихъ изъ нихъ жизнь безъ перемѣнъ многіе годы, пока ни подкосятся силы, и добрые люди не снесутъ, чаще преждевременно, на мѣсто послѣдняго покоя...

Трудности склоняли Ѳ—ра В—ча оставить занятія въ мужской гимназіи. И онъ рѣшилъ было, послѣ 22 лѣтъ службы, ограничиться полученіемъ половинной пенсіи, т. е. 350 р. съ чѣмъ-то въ годъ, и только убѣжденія друзей и родныхъ остановили отъ этого шага. Товарищи по 6-й мужской гимназій, видѣвшіе, какъ многое утрачивала бы она съ его уходомъ, весьма настойчиво уго-

ворили его не покидать ея ранѣе выслуги 25-тилѣтняго срока; они же потомъ, въ 1900 году, почтили его и задушевной прощальной трапезой, когда этотъ терминъ пришелъ для него, и онъ окончательно рѣшилъ разстаться съ этимъ учебнымъ заведеніемъ и дорогой ему средой, гдѣ работалъ онъ въ званіи учителя, секретаря педагогическаго совѣта и классанго наставника въ теченіе 16 лѣтъ. Много хорошихъ рѣчей, много сердечныхъ пожеланій пришлось ему выслушать на этой прощальной бесѣдѣ.

Едва окончилось это дружное чествованіе, какъ живая волна добрыхъ чувствъ въ отношеніи его охватила и весь педагогическій персоналъ 2-ой женской гимназіи, съ удовольствіемъ видѣвшій, что дѣятельность Θ—ра В—ча получаетъ возможность принадлежать всецѣло этому заведенію. Не ограничиваясь товарищеской трапезой, сослуживцы по женской гимназіи почтили его, за подписью ихъ всѣхъ, адресомъ, гдѣ, между прочимъ, излагали: «Но не столько вашъ учительскій юбилей, связанный съ другимъ учебнымъ заведеніемъ, мы вспоминаемъ теперь. Мы привѣтствуемъ въ васъ, глубокоуважаемый Θеодоръ Владиміровичъ, человѣка, который, будучи нашимъ инспекторомъ и, слѣдовательно, ближайшимъ начальникомъ нашимъ, являлся всегда нашимъ добрымъ товарищемъ и съ рѣдкой отзывчивостью и сердечностью входилъ въ положеніе всѣхъ насъ, всегда заботясь при томъ объединить насъ въ одну тѣсную семью для блага дорогой намъ гимназіи. Мы чествуемъ въ васъ, другими словами, тотъ животворный принципъ, который все глубже проникаетъ въ современную жизнь, расчищая почву для свѣтлаго будущаго, принципъ товарищескаго единенія и товарищескаго довѣрія, какъ вѣрный залогъ успѣшнаго веденія общаго дѣла».

Но это «общее дѣло» пришлось имъ вести уже, къ сожалѣнію, недолго.

Юбилейныя торжества лицъ умственно-нервнаго честнаго труда весьма часто являются какъ бы предвѣстниками приближенія жизненныхъ итоговъ. Уже слишкомъ многими и деликатно тонкими нитями соединена дѣятельность этихъ людей со всѣмъ ихъ внутреннимъ существомъ.

Мы обыкновенно видимъ и знаемъ преподавателей съ ихъ внѣшней стороны: но многіе ли проникаютъ въ ихъ внутренній душевный міръ, многіе ли доподлинно знаютъ и понимаютъ, какъ усиленно-напряженно должно постоянно работать ихъ сердце?

Не миновало и полгода послѣ послѣднихъ чествованій Θеодора Владиміровича его сослуживцами, какъ его сердце, столь много любившее и такъ много служившее нуждамъ другихъ, перестало биться раньше времени.

Послѣднимъ его служебнымъ дѣломъ было участіе на общемъ совѣщаніи инспекторовъ московскихъ женскихъ гимназій по разнымъ вопросамъ благосостоянія подвѣдомственныхъ имъ учрежденій и главнымъ образомъ о томъ, какъ устроить экзамены, чтобы не случилось близости или совпаденій, неудобныхъ и для преподавателей, и для учащихся. На возвратномъ пути въ вечернюю пору онъ немного простудился. Случилось крупозное воспаленіе легкихъ, осложнившееся слабостью сердца. Проболѣвъ всего три дня, Θедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ скончался въ ночь на 12 февраля 1901 года.

Неожиданная кончина Θедора Владиміровича глубоко отозвалась у всѣхъ знавшихъ его. Какъ нѣкогда ко гробу его отца, скромнаго, но достойнаго сельскаго протоіерея, законоучителя и благочиннаго, стеклось столько простого народа и иныхъ почитателей изъ об-

ширнаго ройона, что большой сельскій храмъ не могъ тогда вмѣстить въ себѣ всѣхъ туда прибывшихъ, такъ собралось и теперь само собою, движимое исключительно нравственными мотивами, очень большое общество со всѣхъ концовъ Москвы, люди различныхъ классовъ и возрастовъ. Кромѣ питомицъ женской гимназіи, сошлись сюда и родители его учениковъ и ученицъ, и его прежніе питомцы, давно сами выступившіе на жизненную арену, и недавніе гимназисты, ставшіе студентами; плотною стѣною обступили утопавшій въ цвѣтахъ и вѣнкахъ его гробъ многочисленные сослуживцы и товарищи. Всѣ эти лица принесли съ собою и несомнѣнную скорбь, многіе и слезы сожалѣнія, и недоумѣніе о преждевременности кончины любимаго человѣка, и громко высказывавшіяся горячія и почтительныя рѣчи о добротѣ и высокогуманномъ образѣ почившаго.

Редакторъ одного изъ духовныхъ журналовъ, законоучитель во 2-й женской гимназіи и межевомъ институтѣ, сослуживецъ и духовникъ Ѳедора Владиміровича, напутствовавшій его и предъ кончиной, о. протоіерей А. И. Полотебновъ сказалъ въ своемъ замѣчательномъ по силѣ выраженія надгробномъ словѣ:

«Основательное образованіе, прошедшее чрезъ духовную и свѣтскія школы и безпрерывно подновляемое, въ немъ гармонически соединялось съ теплотою добраго и любящаго сердца; глубокую опытность своихъ лѣтъ онъ умѣлъ соединить съ живою воспріимчивостью ко всему доброму въ сферѣ науки и жизни. Всегда скромный въ желаніяхъ, неизмѣнный въ простой обстановкѣ жизни, онъ умѣлъ сохранять чувства чести и достоинства, и внушалъ невольное расположеніе къ себѣ всѣхъ, кто такъ или иначе съ нимъ соприкасался. Товарищи его и сослуживцы видѣли всегда прямымъ, искреннимъ, до-

брожелательнымъ, сердечнымъ; родственники и знакомые—ближніе и дальніе, равно какъ и всѣ обращавшіеся къ нему по дѣламъ—всегда ласковымъ, внимательнымъ и въ нуждахъ готовымъ на всякую помощь, какъ бы ни было тяжело ему это и сколькихъ бы хлопотъ ни стоило. Любящій и нѣжный мужъ, онъ былъ рѣдкимъ попечительнѣйшимъ отцомъ своихъ дѣтей. Но самое дорогое въ немъ—это вѣра его и его высокое религіозное чувство, что́ особенно извѣстно мнѣ, какъ давно близкому къ нему и какъ духовнику его. Это былъ глубоко вѣрующій христіанинъ. Вѣра была запечатлѣна въ его сердцѣ... Вѣра давала ему высшія побужденія къ достойному прохожденію служенія его... Когда путь жизни его облегался мракомъ, вѣра была ему спасительнымъ свѣтильникомъ, въ ней находилъ онъ опору среди бурь житейскихъ... и тяжкихъ болѣзней... и послѣднее служеніе, дѣло его въ гимназіи было явнымъ выраженіемъ его глубокаго религіознаго чувства, это—заботливое устроеніе того, чтобы (оканчивающія) воспитанницы наши, согласно установившемуся у насъ преданію, начали выпускные экзамены свои Закономъ Божіимъ, съ архипастырскаго святительскаго благословенія (т. е. въ присутствіи преосвященнаго). Неизглядимо глубокое впечатлѣніе произвела на меня его предсмертная исповѣдь, полная свѣтлой вѣры и преданности Промыслу Божію, а также его благодатно-радостное, трепетно благоговѣйное принятіе Святыхъ Таинъ... О, какъ почтенъ гробъ, надъ которымъ можно сказать все это, не боясь, что упрекнутъ тебя въ увлеченіи, и сознавая, что сказалъ слишкомъ мало и недостаточно для оцѣнки человѣка поистинѣ прекраснаго»!

Другой изъ сослуживцевъ, преподаватель гимназіи, нынѣ профессоръ русской исторіи въ Московскомъ уни-

верситетѣ, М. К. Любавскій, засвидѣтельствовалъ предъ гробомъ:

«Велика была въ тебѣ нравственная сила, дорогой Ѳедоръ Владиміровичъ. По твоимъ же и по чужимъ разсказамъ знаю я, какъ тяжело жилось тебѣ въ былое время, особенно во время твоего провинціальнаго учительства, какія напасти и огорченія пришлось и потомъ претерпѣть отъ людей. Но свидѣтельствую вмѣстѣ съ тѣмъ, что ты не озлобился сердцемъ, не извѣрился въ людей, не пересталъ ждать отъ нихъ добра. И добро было... Твой высоко-нравственный оптимизмъ создавалъ вокругъ насъ свѣжую и легкую духовную атмосферу, въ которой намъ всѣмъ хорошо дышалось и работалось, и которая, кажется, насъ животворила... Земной тебѣ поклонъ отъ всѣхъ твоихъ товарищей и учениць за эту вѣру, надежду и любовь».

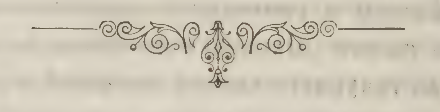
Горе и почтеніе бывшихъ учениковъ Ѳедора Владиміровича не позволили роднымъ поставить его гробъ на погребальную колесницу: студенты высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и гимназисты старшихъ классовъ понесли гробъ своего бывшаго наставника по всему городу, вплодь до траурнаго вагона желѣзной дороги, откуда онъ, въ сопровожденіи близкихъ родныхъ, направился во Владимірскую губернію, въ родное село почившаго, чтобы быть похороненнымъ рядомъ съ могилой отца. То были похороны, рѣдкія по многолюдству и по искренности выражаемой скорби.

Послѣднимъ актомъ выраженія искреннихъ чувствъ къ Ѳедору Владиміровичу со стороны лицъ, близкихъ къ нему, со стороны его товарищей по образованію, сослуживцевъ и учениковъ, было составленіе воспоминаній о немъ и изданіе ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ. Это, быть-можетъ, наилучшая слава, какая только

возможна на землѣ для такихъ тружениковъ нашей родины.

Въ жизни и дѣятельности этого скромнаго, но выдающагося педагога нельзя не увидѣть многихъ чертъ, общихъ характеру лучшихъ дѣятелей нашего учительскаго сословія, этихъ почтенныхъ и симпатичныхъ, хотя и очень, очень мало цѣнимыхъ тружениковъ нашей школьной нивы. Въ общемъ тяжела ихъ доля своей матеріальной необезпеченностью, вытекающей отсюда чрезмѣрной, часто непосильной массой труда и своею почти полною безвѣстностью въ обычномъ теченіи нашего соціальнаго строя; много и другихъ гнетущихъ обстоятельствъ въ ихъ жизни и дѣятельности. Надо несравненно большаго попеченія о нихъ, несравненно большаго вниманія къ нимъ, къ условіямъ ихъ быта и службы, а не то чуть не огульное осужденіе, доходящее до глумленія, какое замѣчалось въ повременной печати.

П.

Василій Ивановичъ Водовозовъ.

I.

Въ періодъ возбужденія въ Россіи интереса къ педагогическимъ вопросамъ и къ начальной школѣ, Василій Ивановичъ Водовозовъ, наравнѣ съ другими современными ему педагогами, поработалъ не мало надъ этими вопросами и съ пользой потрудился для начальной школы.

В. И. Водовозовъ родился въ 1825 году. Отецъ его, занимаясь торговлей, разорился, и Василію Ивановичу пришлось провести дѣтство среди довольно бѣдной обстановки. Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, его отдали въ Петербургское коммерческое училище. Окончивъ здѣсь курсъ (въ 1842 г.), онъ въ теченіе года подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и поступилъ для изученія филологическихъ наукъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ назначеніе на должность учителя Варшавской гимназіи. Время, свободное отъ учительскихъ обязанностей, онъ посвящалъ занятію переводами съ греческаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, которые зналъ основательно. Въ 1851 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ 1-ой гимназіи, въ Елизаветинскомъ и Смольномъ институтахъ, въ Констан

тиновскомъ военномъ и Аудиторскомъ училищахъ). Въ Смольномъ институтѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ Ушинскимъ, который, будучи инспекторомъ института, предоставилъ ему въ немъ уроки по словесности. И въ Петербургѣ, какъ ранѣе въ Варшавѣ, въ часы, свободные отъ уроковъ, Водовозовъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ греческаго. На каникулахъ онъ обыкновенно путешествовалъ.

Въ 1856 году редакторъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», А. В. Никитенко, предложилъ Водовозову сотрудничать въ означенномъ журналѣ, и Водовозовъ началъ печатать свои переводы и статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи и переводы въ журналахъ: «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Учителѣ», «Народной школѣ» и друг.

Съ 1857 года Водовозовъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, гдѣ внимательно изучалъ школьное дѣло. Съ открытіемъ Петербургскаго Педагогическаго общества онъ сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ.

Въ 1866 году Водовозовъ оставилъ службу и всецѣло отдался литературной дѣятельности, удѣляя значительную долю этой дѣятельности разработкѣ вопросовъ по начальному обученію. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ руководилъ лѣтними педагогическими курсами для начальныхъ учителей въ Костромѣ и Оренбургѣ.

Въ 1886 году Водовозовъ скончался въ Петербургѣ. «Своею шестидесятилѣтней жизнью онъ явилъ намъ», говоритъ Д. Д. Семеновъ: «высокій образецъ того, какъ нужно, несмотря ни на какія невзгоды, оставаться твердымъ до конца, какъ, не покладая рукъ, работать энергически, съ вѣрой въ благотворное значеніе честнаго

труда, и какъ въ преклонныхъ лѣтахъ продолжать любить свою родину, чутко отзываясь сердцемъ на все, что проситъ у него отвѣта».

За свои литературно-педагогическіе труды Водовозовъ награжденъ былъ золотою медалью Комитетомъ грамотности и такою же медалью Комиссіей по присужденію наградъ имени Ушинскаго

II.

Сочиненія В. И. Водовозова, по ихъ содержанію, можно раздѣлить на три группы: а) сочиненія по словесности, б) по исторіи и в) сочиненія по начальному обученію

а) Изъ сочиненій по словесности, кромѣ переводовъ классическихъ произведеній (напр., «Антигоны» — Софокла) и такихъ книгъ, какъ «Дѣтскіе разсказы и стихотворенія» и «Русскія сказки въ стихахъ», заслуживаютъ вниманія — «Новая русская литература», обнимающая періодъ отъ Жуковскаго до Гоголя включительно, и «Словесность въ образцахъ», гдѣ авторъ путемъ подробнаго анализа взятыхъ словесныхъ произведеній знакомитъ читателя съ основными положеніями по теоріи словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ можно наводить учащихся на выводъ ими этихъ положеній.

б) Къ трудамъ по исторіи относятся — «Разсказы изъ русской исторіи» и «Очерки русской исторіи XVII вѣка».

в) Къ трудамъ по начальному обученію относятся, кромѣ отдѣльныхъ педагогическихъ статей, слѣдующія

книги: 1) «Предметы обученія въ народной школѣ», 2) «Русская азбука для дѣтей» съ «Наставленіемъ для учителя» и 3) «Книга для первоначальнаго чтенія», ч. 1 и 2-ая, съ приложеніемъ къ ней «Книги для учащихъ».

Остановимся нѣсколько на этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, т.-е. на сочиненіяхъ по начальному обученію. 1) Въ книгѣ: «Предметы обученія въ народной школѣ», авторъ излагаетъ существенныя условія правильнаго воспитанія и успѣшнаго обученія дѣтей въ школѣ. Педагогическія правила онъ вездѣ выводитъ изъ излагаемыхъ имъ физіологическихъ и психологическихъ основаній. Онъ особенно настаиваетъ на соблюденіи последовательности и наглядности при обученіи.

Для соблюденія последовательности Водовозовъ требуетъ, чтобы учитель распредѣлялъ содержаніе учебнаго предмета по извѣстнымъ ступенямъ, сообразно ступенямъ послѣдовательнаго развитія учениковъ.

Для наглядности при обученіи, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики при изученіи предметовъ пользовались не только зрѣніемъ, но и другими внѣшними чувствами. «Мы знаемъ», говоритъ онъ: «что ребенокъ пріобрѣтаетъ представленія и понятія лишь послѣ того, какъ предметъ разносторонне дѣйствовалъ на его чувства. Слѣдовательно, при всякомъ объясненіи предмета нужно обращаться къ чувствамъ ребенка: преподаваніе должно быть наглядное въ обширномъ значеніи этого слова, т.-е. слѣдуетъ не только показывать ребенку предметъ, но и давать, гдѣ нужно, осязать его, дѣйствовать и на слухъ, и на обоняніе, и на вкусъ учащихся. Ребенокъ имѣетъ понятіе лишь о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ, и только постепенно, чрезъ скопленіе новыхъ наблюденій, переходитъ къ новымъ поня-

тіямъ. Слѣдовательно, въ преподаваніи прежде всего нужно имѣть въ виду т о и начинать съ т о г о, что ребенокъ знаетъ, что онъ твердо усвоилъ путемъ впечатлѣній, какія давала ему окружающая жизнь. Иначе говоря, надо начинать съ ближайшаго, извѣстнаго, вполнѣ доступнаго ребенку».

Требуя, чтобы обученіе всѣмъ предметамъ велось наглядно, Водовозовъ совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вести на низшей ступени обученія такъ называемые «предметные, или наглядные уроки», при чемъ ученики, подъ руководствомъ учителя, разсматриваютъ взятый предметъ и выражаютъ рѣчью замѣчаемые ими въ немъ признаки.

Такъ какъ при обученіи приходится пользоваться рѣчью, то относительно послѣдней Водовозовъ требуетъ, чтобы учащіеся слышали только ясную, отчетливую рѣчь,—слышали такъ, какъ надо, и понимали то, что слышатъ. Объясненія должны быть даваемы просто и выражены словами, извѣстными дѣтямъ.

Выяснивши общія требованія обученія, Водовозовъ приступаетъ къ изложенію методическихъ указаній относительно обученія грамотѣ, чтенію, письму, ариѳметикѣ, пѣнію и другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ начальной школѣ.

Грамота, по опредѣленію Водовозова, «есть умѣнье обозначать извѣстными письменными знаками отдѣльные звуки, изъ которыхъ состоятъ слова, а также читать слова по знакамъ этихъ звуковъ». Обученіе грамотѣ слѣдуетъ начинать съ звукового разбора словъ и выдѣленія звуковъ: если ребенокъ усвоитъ звукъ, то ему не трудно будетъ присоединить къ слуховому впечатлѣнію—зрительное, т.-е. букву, и это будетъ сознательная работа, а не пустое зазубриваніе буквъ.

Водовозовъ совѣтуетъ ознакамливать учениковъ сначала съ гласными звуками, какъ болѣе легкими, а затѣмъ переходить къ ознакомленію ихъ съ согласными. Онъ требуетъ, чтобы ученики сами подмѣтили въ словѣ требуемый звукъ и выдѣлили его. Для выдѣленія согласныхъ звуковъ берутся такія слова, въ которыхъ всѣ звуки знакомы ученикамъ, кромѣ того, съ которымъ предстоитъ имъ познакомиться.

Одновременно съ выдѣленіемъ звуковъ и сочетаніемъ ихъ въ слова ведутся подготовительныя упражненія къ письму: черченіе линій и писаніе элементовъ буквъ.

Обученіе чтенію должно быть направлено къ наученію учениковъ читать 1) правильно, 2) бѣгло, 3) сознательно и 4) выразительно. Водовозовъ довольно подробно излагаетъ средства, ведущія къ достиженію этихъ сторонъ чтенія.

Затѣмъ онъ излагаетъ средства научить учениковъ правильно и толково писать и указываетъ письменныя работы, которыя могутъ быть ведены въ начальной школѣ.

Толковое обученіе ариѳметикѣ, по словамъ Водовозова, не мыслимо безъ самаго широкаго примѣненія требованія наглядности. Если мы, говоритъ онъ, скажемъ дѣтямъ, что 4+2=6, то они запомнятъ это механически; если же мы покажемъ или, еще лучше, заставимъ ихъ самихъ высчитать на наглядномъ пособіи, сколько будетъ 4+2, то теперь формулу 4+2=6 они усвоятъ уже сознательно. Для нагляднаго счисленія служатъ слѣдующія пособія: кубики, палочки, шарики, камешки, счеты, вѣсы и различныя мѣры.

Придерживаясь метода «изученія чиселъ», разработаннаго въ то время по Грубе сначала Паульсономъ, а

затѣмъ Евтушевскимъ. Водовозовъ требуетъ основательнаго изученія каждаго числа.

Обученію пѣнію Водовозовъ придаетъ большое значеніе. У человѣка всегда, говоритъ онъ, существовало стремленіе выражать свои чувства въ пѣснѣ; отчего же не развить этотъ даръ Божій въ ребенкѣ, если онъ благотворно вліяетъ на чувство, подавляетъ грубые инстинкты и смягчаетъ характеръ.

Въ видахъ сохраненія здоровья учениковъ и физическаго ихъ развитія, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики въ срединѣ урока производили для отдыха гимнастическія движенія, а во время перемѣнъ устраивали подвижныя игры.

Говоря о классной дисциплинѣ и средствахъ къ поддержанію ея, Водовозовъ вооружается противъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. Не менѣе того онъ вооружается и противъ такихъ учителей, которые «и безъ тѣлесныхъ наказаній умѣютъ задать ученикамъ такую острастку, что цѣлый классъ дрожитъ при ихъ взглядѣ, и мертвая тишина воцаряется при ихъ приближеніи». Между учителемъ и учениками должны быть отношенія, основанныя не на страхѣ послѣднихъ къ первому, а на взаимномъ ихъ довѣріи, любви и уваженіи. Только при такомъ отношеніи въ классѣ можетъ быть живая дѣятельность и надлежащая дисциплина. Учитель долженъ со всѣми обращаться одинаково ласково, а на новичковъ долженъ обращать особенное вниманіе, дабы они сразу почувствовали себя въ школѣ такъ же хорошо, какъ и дома.

2) «Русская азбука для дѣтей» составлена Водовозовымъ по звуковому—аналитическому способу. Ознакомленію съ буквами предшествуютъ такъ называемыя звуковыя упражненія и подготовительныя упражненія

къ письму. Къ ознакомленію съ буквами ученики приступаютъ послѣ того, какъ ознакомились уже со всѣми гласными и по крайней мѣрѣ съ одиннадцатью согласными звуками.

Сначала ученики знакомятся съ однѣми письменными буквами, пользуясь ими не только при письмѣ, но и при чтеніи: они читаютъ по письменному шрифту. Къ знакомству съ печатными буквами они переходятъ послѣ ознакомленія съ значительнымъ количествомъ письменныхъ буквъ.

Въ «Наставленіи для учителя, приложеніи къ Русской азбукѣ», заключается подробное изложеніе хода обученія грамотѣ по звуковому способу. Въ этой книгѣ содержится достаточно матеріала для ознакомленія дѣтей со звуками и подробное изложеніе самаго хода обученія ихъ грамотѣ. Кромѣ того, въ первой части книги приведена проработка значительнаго числа уроковъ по «предметному обученію».

Какъ «Русскою азбукою», такъ и «Наставленіемъ для учителя», явившимися въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, Водовозовъ, наравнѣ съ другими педагогами того времени, способствовалъ распространенію въ обществѣ звукового способа обученія грамотѣ и ознакомленію учащихъ съ особенностями этого способа обученія.

3) «Книга для первоначальнаго чтенія», напечатанная первымъ изданіемъ въ 1871 году, предназначена преимущественно для употребленія въ сельскихъ школахъ. Въ ней помѣщенъ въ строго обдуманной системѣ матеріалъ, служащій какъ для обученія учениковъ отечественному языку, такъ и для обогащенія ихъ знаніями изъ естествовѣдѣнія, географіи, исторіи и другихъ предметовъ. Весь матеріалъ книги расположенъ въ та-

кой послѣдовательности, при которой, несмотря на возрастающую трудность этого матеріала, онъ является посильнымъ для учениковъ, прочитывающихъ, подъ руководствомъ учителя, статью за статьею.

Сначала въ книгѣ идутъ статьи, вводящія учениковъ въ окружающій ихъ міръ; затѣмъ идутъ разсказы о главнѣйшихъ животныхъ, потомъ сообщаются основныя свѣдѣнія изъ ботаники, минералогіи, физики и міровѣдѣнія. Изъ послѣднихъ учебныхъ предметовъ сообщены свѣдѣнія о теплѣ, холодѣ, объ испареніяхъ воды и атмосферныхъ явленіяхъ (роса, иней, снѣгъ). Послѣ статей объ естественно-историческихъ предметахъ въ книгѣ помѣщены статьи о производствахъ и промыслахъ, наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Затѣмъ слѣдуютъ статьи изъ элементарной географіи и описанія отдѣльныхъ мѣстностей и полосъ Россіи. Въ концѣ идутъ историческія статьи («Какъ жили русскіе до Петра В.», «Наши монастыри», «Ермакъ Тимофеевичъ»).

Между статьями элементарно-научнаго содержанія помѣщено достаточное количество стихотвореній и разсказовъ, развивающихъ доброе нравственное чувство и эстетическій вкусъ учащихся.

Вообще весь матеріалъ, помѣщенный въ книгѣ, отличается разнообразіемъ, содержательностью и служитъ къ показанію связи между явленіями природы и уясненію достоинства человѣческаго труда, различія между силой физической и умственной, между бытомъ необразованнаго и образованнаго человѣка и тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя налагаетъ на человѣка истинное образованіе.

Въ «Книгѣ для учителей», приложеніи къ «Книгѣ для чтенія» очень подробно изложены всѣ тѣ упражне-

нія, которыя могутъ быть ведены съ учениками при разучиваніи съ ними той или другой статьи, того или другого стихотворенія. Эта книга является своего рода методическимъ руководствомъ, очень цѣннымъ для начальныхъ учителей.

К. Ельницкій.

Павелъ Евфимовичъ Басистовъ.

II.

П. Е. Басистовъ, современникъ Ушинскаго, Корфа, Вышнеградскаго и Водовозова, содѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними болѣе разумной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, сначала въ среднихъ, а потомъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Почти вся его жизнь и педагогическая дѣятельность протекли въ г. Москвѣ. Павелъ Евфимовичъ родился въ 1823 году и происходилъ изъ мѣщанскаго сословія. Обучался онъ сначала во 2-й московской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1843 г.) со степенью кандидата филологическихъ наукъ. Московскій университетъ оказалъ на Басистова такое же благотворное вліяніе, какое онъ оказалъ и на Ушинскаго, съ которымъ Басистовъ обучался одновременно въ университетѣ. Лучшія идеи, посѣянныя въ студентахъ университета такими профессорами, какъ Грановскій, Рѣдкинъ, и друг., не могли не возбудить въ Басистовѣ стремленія къ лучшей, благородной дѣятельности.

Педагогическую дѣятельность въ качествѣ учителя и гувернера въ частныхъ домахъ Басистовъ началъ, еще будучи студентомъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ мѣсто учителя въ Тверской гимназіи, но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, переведенъ былъ на должность учителя словесности въ 1-ую московскую гимназію. И съ этого времени до конца своей жизни онъ работалъ въ Москвѣ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Съ 1844 по 1877 годъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,

именно, въ названной гимназіи, въ институтахъ, кадетскомъ корпусѣ, театральномъ училищѣ и друг.

Какъ учитель, Басистовъ обладалъ всѣми данными, чтобы глубоко и плодотворно влiять на учащихся: въ немъ счастливо соединились обширная эрудиція съ свѣтлымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, педагогическій тактъ съ сердечностью гуманнаго человѣка. Онъ одинъ изъ первыхъ полагалъ въ основу изученія русскаго языка и словесности чтеніе и изученіе образцовыхъ словесныхъ произведеній. Посредствомъ чтенія и разбора такихъ произведеній, а равно письменнаго и устнаго изложенія онъ вырабатывалъ въ учащихся способность владѣть языкомъ и писать грамотно. Онъ обладалъ даромъ выразительнаго чтенія и обучалъ учащихся такому чтенію. «Онъ при чтеніи», говоритъ Стоюнинъ: «своимъ мягкимъ голосомъ какъ бы рисовалъ картины и сцены, онъ, такъ сказать, вводилъ въ душу слушателя полный, живой образъ, который не требовалъ никакихъ посторонних характеристикъ, никакихъ объясненій. И Павелъ Евфимовичъ не часто отрывался отъ чтенія для какихъ-нибудь поясненій или замѣчаній. Онъ какъ будто боялся испортить непосредственное цѣльное впечатлѣніе отъ самаго образа, созданнаго поэтомъ. Но, если онъ дѣлалъ замѣчаніе, то оно было обдуманно, вѣско и еще болѣе освѣщало положеніе того или другого лица или идеальную его сторону».

Отъ письменныхъ работъ учащихся Пав. Евфим. требовалъ простоты, ясности и грамотности. Онъ настаивалъ, чтобы учащіеся излагали лишь то, что они продумали, пережили, переиспытали, и чтобы были въ своемъ изложеніи правдивы. Сообразно съ этимъ онъ подбиралъ и темы для письменныхъ работъ ихъ.

Наиболѣе продолжительное время, именно цѣлые

двадцать лѣтъ (1858 по 1877 г.) Басистовъ работалъ въ Мѣщанскомъ училищѣ. Здѣсь онъ не только самъ преподавалъ русскій языкъ, но и завѣдовалъ преподаваніемъ этого предмета во всѣхъ классахъ училища. Кромѣ того, ему поручено было устройство всей учебной и воспитательной части училища. И въ нѣсколько лѣтъ онъ значительно улучшилъ дѣло обученія и воспитанія въ заведеніи, что и отразилось подъемомъ умственнаго и нравственнаго развитія учащихся.

Въ 1877 году Московская городская дума избрала Павла Евфимовича завѣдующимъ московскими городскими начальными училищами.

Басистовъ оставилъ преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ и, принявши избраніе, до конца своей жизни энергично работалъ для городскихъ начальныхъ училищъ. Онъ заботился и о внѣшнемъ устройствѣ начальныхъ училищъ, и о правильной постановкѣ въ нихъ курса, и о введеніи въ нихъ болѣе цѣлесообразныхъ способовъ обученія. Въ первый же годъ завѣдыванія школами онъ составилъ, примѣнительно къ существующимъ узаконеніямъ, «Требованія отъ экзаменующихся при окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ города Москвы». Эти «Требованія» до нѣкоторой степени приблизили городскія училища къ учебнымъ заведеніямъ 3-го разряда по отбыванію воинской повинности. Затѣмъ, выходя изъ той мысли, что, какъ онъ выражается въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, «правильная школа должна относительно объема и способовъ преподаванія непремѣнно сообразоваться съ тѣмъ составомъ учащихся, какой выпадаетъ на ея долю», онъ стремился усилить, съ одной стороны, воспитательно развивающіе, а съ другой—практически полезные элементы ученія. «Общія усилія преподавателей и преподавательницъ», говоритъ

Басистовъ въ отчетѣ за 1881 годъ: «направлены были къ тому, чтобы сообщить дѣтямъ полезныя знанія и умѣнія. Правила языка и письма усвоивались дѣтьми посредствомъ по возможности частыхъ письменныхъ и устныхъ упражненій, при чемъ обращалось должное вниманіе на чистописаніе Обученіе ариѳметикѣ велось преимущественно путемъ рѣшенія задачъ изъ житейскаго быта, при чемъ дѣти практиковались и въ счисленіи на счетахъ».

Исполняя обязанности завѣдующаго городскими школами, Басистовъ заботился не только о правильной постановкѣ въ нихъ обученія и воспитанія, но и объ увеличеніи числа ихъ и о гигіеническомъ ихъ устройствѣ.

Въ своихъ отчетахъ онъ указывалъ на несоотвѣтствіе величины нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній количеству учащихся въ нихъ дѣтей и предлагалъ мѣры къ устраненію этого недостатка. По его просьбѣ было сдѣлано распоряженіе объ измѣреніи вмѣстимости классныхъ комнатъ для опредѣленія, насколько онѣ соотвѣтствуютъ числу помѣщающихся въ нихъ учениковъ.

Кромѣ того, Басистовъ старался выяснить, насколько школа вліяетъ на дальнѣйшее поведеніе и даже на дальнѣйшую судьбу ея учениковъ, и въ одномъ изъ отчетовъ (1880 г) онъ отмѣчаетъ, что, «подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ школы, многія дѣти, посѣщавшія вечерніе воскресные классы и занимавшіеся днемъ нищенствомъ, покидали свою несчастную профессію, поступали въ какое-нибудь мастерство, въ лавку или переходили на утренніе классы». Къ учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ Басистовъ всегда относился съ теплымъ участіемъ. Онъ старался узнать матеріальное

положеніе каждаго учителя и каждой учительницы и, насколько возможно было, ходатайствовалъ о матеріальной поддержкѣ болѣе нуждающихся. Нравственную же поддержку онъ оказывалъ самъ, своимъ теплымъ участіемъ, своимъ добрымъ словомъ. По заявленію самихъ учителей и учительницъ, онъ былъ не столько для нихъ начальникомъ, сколько лучшимъ другомъ и истиннымъ руководителемъ. Кромѣ своей практической педагогической дѣятельности, Басистовъ, интересуясь педагогическими вопросами, принималъ участіе въ тогдашней педагогической литературѣ. Составляя отзывы о появляющихся литературныхъ произведеніяхъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, онъ время отъ времени составлялъ и самъ статьи общаго педагогическаго характера. Къ такимъ статьямъ относится, напр., статья: «Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія», помѣщенная въ журналѣ: «Воспитаніе». Мало того, онъ составилъ нѣсколько учебниковъ и учебныхъ пособій по русскому языку и литературѣ. Въ 1848 годя онъ издалъ «Систему синтаксиса», составленную главнымъ образомъ на основаніи сочиненій Беккера, стремившагося сдѣлать грамматику отраслью логики. Въ предисловіи къ «Системѣ синтаксиса» Басистовъ говоритъ, что «дѣло грамматики не только указать грамматическія формы того или другого языка, но и объяснить ихъ; что объясненіе этихъ формъ заключается въ выражаемыхъ ими логическихъ отношеніяхъ понятій и мыслей; что эти логическія отношенія, при всемъ разнообразіи формъ въ различныхъ языкахъ, одни и тѣ же для всѣхъ языковъ, и что, слѣдовательно, грамматики отдѣльныхъ языковъ должны быть основаны на одной и той же для всѣхъ ихъ логикѣ языка вообще, какъ органа мысли, — только при этомъ осно-

ваніи различныя части грамматики могутъ соединиться въ стройную органическую систему». Ошибка Беккера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Басистова заключалась въ томъ, что они отожествляли два различные предмета (логику и языкъ въ его формахъ и законахъ). И вслѣдствіе такой ошибки русскій синтаксисъ въ изложеніи Басистова обратился въ голую логическую схему.

Грамматикѣ, какъ системѣ, Басистовъ отводилъ мѣсто въ старшихъ классахъ, гдѣ, по его мнѣнію, она должна проходиться въ томъ видѣ, въ какомъ этого требуетъ современное состояніе науки, т.-е по методѣ сравнительной и исторической; въ младшихъ же классахъ имѣютъ мѣсто лишь такъ называемыя грамматическія упражненія и упражненія въ толковомъ чтеніи и письменномъ изложеніи мыслей. Свои методическія воззрѣнія на преподаваніе отечественнаго языка Пав. Евф. изложилъ въ книгѣ: «Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка». «Преподаваніе отечественнаго языка до университетскаго курса», говоритъ онъ въ этой книгѣ: «проходитъ три ступени:

1) прежде всего должно достигнуть, чтобы ученикъ читалъ не только бѣгло, но и толково, и писалъ безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ;

2) потомъ, не упуская изъ виду прежнихъ цѣлей, слѣдуетъ обратить вниманіе на выработку слога и правильнаго расположенія въ письменныхъ ученическихъ работахъ и пріучать учащихся къ выразительному чтенію и къ разбору построенія читаемыхъ статей;

3) послѣ всего этого можно перейти, но не оставляя предшествующихъ занятій, къ историческому изученію образцовъ отечественной словесности».

Начальныя школы и первые два класса гимназій могутъ имѣть въ виду единственно первую цѣль.

Для второй ступени изученія отечественнаго языка полагается у насъ три среднихъ класса гимназій (III, IV и V). Наконецъ, отъ высшихъ классовъ гимназій требуется, кромѣ всего предыдущаго, историческое изученіе образцовъ отечественной словесности.

Для занятій съ учениками на двухъ первыхъ ступеняхъ обученія отечественному языку составлены Басистовымъ двѣ части «Хрестоматіи»: часть 1-ая—«Для чтенія и разсказа» и часть 2-ая — «Для разбора и письменныхъ упражненій».

Кромѣ означенныхъ трудовъ, Басистовымъ составлено нѣсколько пособій для преподаванія русской литературы. Къ такимъ пособіямъ относятся: изданіе Несторовой лѣтописи, снабженное примѣчаніями и словаремъ и—«Очерки жизни и сочиненій В. А. Жуковскаго».

Къ такимъ же пособіямъ слѣдуетъ отнести также переводъ съ греческаго языка трагедіи Еврипида: «Ифигенія въ Тавридѣ» и др.

Пользуясь за свои практическіе и теоретическіе труды и за свой общительный и высоконравственный характеръ заслуженнымъ уваженіемъ въ Московскомъ педагогическомъ мірѣ, Басистовъ былъ избранъ (въ 1875 г.) предсѣдателемъ Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія техническихъ знаній. Въ теченіе семи лѣтъ, до дня своей смерти, Басистовъ руководилъ занятіями учебнаго отдѣла и сумѣлъ значительно поднять дѣятельность его. Онъ старался привлечь къ активному участію въ Отдѣлѣ лучшихъ московскихъ педагоговъ, и

собранія его сдѣлались оживленными и производитель-
ными.

Въ 1882 г., устраивая педагогическій отдѣлъ вы-
ставки въ Москвѣ, Басистовъ заразился сыпнымъ ти-
фомъ, который и свелъ его въ могилу.

К. Ельницкій.

Объяснительное чтеніе стихотворенія М. Ю. Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“.

План урока. А) Чтеніе стихотворенія преподавателемъ и учениками. Б) Опредѣленіе идеи стихотворенія, дѣленіе его на двѣ части. В) Чтеніе стихотворенія по частямъ учениками, объясненіе его. Г) Разъясненіе и расширеніе (обобщеніе) идеи стихотворенія. Д) Нѣсколько замѣчаній о Лермонтовѣ. Е) Резюмированіе учениками проработаннаго на урокѣ.

А) До урока на доскѣ записано заглавіе читаемаго стихотворенія въ такой формѣ: «Когда волнуется желтѣющая нива»—стихотвореніе М. Ю. Лермонтова (3 октября 1814 г.—15 іюля 1841 г.).

Урокъ начинается чтеніемъ учениками этого заглавія и указаніемъ учителя, что чтеніе и объясненіе отмѣченнаго на доскѣ стихотворенія и будетъ служить предметомъ урока. Затѣмъ учитель медленно и выразительно читаетъ стихотвореніе самъ и приглашаетъ учениковъ прочитать его также. Когда стихотвореніе прочитано учениками одинъ или два раза, учитель задаетъ вопросы относительно идеи стихотворенія и дѣленія его на части.

Б) Учитель спрашиваетъ приблизительно такъ: Что изображаетъ Лермонтовъ въ этомъ стихотвореніи? Картины природы вообще указаны здѣсь или картины

той природы, которая окружаетъ поэта? Только ли о природѣ говоритъ Лермонтовъ? О чьихъ чувствахъ, чьемъ настроеніи говоритъ онъ? Зависитъ ли настроеніе поэта отъ наблюдаемой имъ природы? Почему, значитъ, поэтъ говоритъ о природѣ? Какъ передать однимъ предложеніемъ содержаніе этого стихотворенія, какова его идея? (Картины наблюдаемой Лермонтовымъ природы дѣйствуютъ на его настроеніе). О чемъ сначала говорится въ стихотвореніи, о природѣ или настроеніи поэта, и о чемъ потомъ? На сколько частей можно раздѣлить стихотвореніе? Какъ записать ихъ? Запись подъ заглавіемъ урока: Планъ. I. Природа, окружающая поэта. II. Настроеніе его при созерцаніи природы.

В) Ученики читаютъ стихотвореніе по частямъ. По прочтеніи каждой части, объясняются обычнымъ порядкомъ непонятныя слова и выраженія, и указывается отношеніе между мыслями. На доскѣ записывается оглавленіе содержанія въ такомъ видѣ: I. Природа, окружающая поэта: нива, лѣсъ, слива, ландышъ, ключъ. II. Настроеніе его при созерцаніи природы: исчезновеніе тревоги, успокоеніе, сознаніе счастья, религіозное чувство.

Г) Учитель предлагаетъ ученикамъ повторить идею стихотворенія, а затѣмъ задаетъ имъ такіе вопросы: Какъ же картины природы дѣйствуютъ на настроеніе Лермонтова? Какое у него настроеніе? Какое оно было раньше? Всякія картины природы такъ дѣйствуютъ на Лермонтова, или нѣтъ? Посмотримъ же, что общаго въ изображенныхъ поэтомъ картинахъ природы, и чѣмъ онѣ отличаются отъ другихъ картинъ. Красивы ли эти картины природы? Значитъ, на поэта дѣйствуетъ въ природѣ что? Въ чемъ же красота изображенныхъ Лермонтовымъ картинъ природы? Какъ названа нива

(«желтѣющая»), лѣсъ («свѣжій», т.-е. со свѣжею зеленью листьевъ, ярко-зеленый), слива («малиновая»,—«подъ тѣнью»—поэтому темно-малиновая), листъ («зеленый»), ландышъ («серебристый», съ розоватымъ или золотистымъ оттѣнкомъ и съ капельками росы), ключъ («студеный», въ оврагѣ, защищенномъ отъ пыли, т.-е. холодный, чистый, прозрачный). На что здѣсь обращено вниманіе? Значитъ, красота этихъ картинъ природы въ краскахъ, въ сочетаніи красокъ. Въ какомъ состояніи взяты эти предметы природы? Нива волнуется, лѣсъ шумитъ (т.-е. движетъ и шелеститъ листьями), слива прячется, ландышъ киваетъ головой, ключъ играетъ по оврагу и лепечетъ. Предметы природы взяты въ движеніи, которое придаетъ имъ еще большую прелесть. Картины природы, взятыя Лермонтовымъ, красивы, привлекательны; созерцаніе ихъ можетъ доставить человѣку удовольствіе, высокое наслажденіе. Только ли удовольствіе испытываетъ Лермонтовъ при видѣ этихъ картинъ природы? Нѣтъ, онъ испытываетъ душевное успокоеніе, чувствуетъ себя счастливымъ, ощущаетъ свою связь съ Богомъ. Объяснимъ, почему это такъ. Картины какой природы изображаетъ поэтъ, природы—необычной, грандіозной, величественной, или природы обычной, мирной? Вотъ первая причина особаго дѣйствія этихъ картинъ на душу Лермонтова. Всѣ предметы природы поэтъ беретъ здѣсь, мы сказали, въ какомъ состояніи? А движеніе считается признакомъ чего? Значитъ, все въ природѣ, по наблюденію поэта, живетъ. А въ какое время своей жизни взяты предметы природы? Нива и слива взяты зрѣлыми, лѣсъ—одѣтымъ свѣжею зеленью, ландышъ—цвѣтущимъ, ключъ—свѣжимъ, студенымъ; всѣ предметы взяты во время полнаго развитія жизненныхъ силъ своихъ. А какъ дол-

женъ дѣйствовать видъ такихъ предметовъ на душу? Успокоительно. Мы сказали, что поэтъ видитъ въ картинахъ природы жизнь, полноту силъ; а гдѣ причина, кто виновникъ этой жизни и этихъ силъ? Поэтому такая природа не только успокаиваетъ поэта, но и вызываетъ въ немъ что?—Да, мысль о Богѣ, чувство связи съ Богомъ, чувство религіозное. Итакъ, вотъ вторая причина особаго дѣйствія этихъ картинъ на душу Лермонтова.

Идея стихотворенія можетъ быть выражена и записана подъ планомъ въ такой формѣ: картины мирной, полной жизни и силъ природы успокоительно дѣйствуютъ на Лермонтова и вызываютъ въ немъ религіозное чувство *).

Идея эта можетъ быть обобщена при помощи вопросовъ: на одного ли Лермонтова такъ можетъ дѣйство-

---

*) По мнѣнію редакціи, планъ стихотворенія лучше бы передать въ такой формѣ

А. Планъ стихотворенія

I. Поэта въ природѣ окружаютъ—

1) нива,
2) лѣсъ,
3) слива,
4) ландышъ,
5) ключъ.

II. Подъ вліяніемъ природы, поэтъ

1) успокаивается,
2) сознаетъ счастье,
3) проникается религіозностью.

Б. Идея стихотворенія.

Жизнь и красота въ природѣ успокоительно дѣйствуютъ на поэта (человѣка) и вызываютъ въ немъ религіозно[е] чувство.

вать изображенная имъ природа, или и на другихъ людей? На всѣхъ ли людей эта природа такъ дѣйствуетъ? Нѣтъ, для этого нужно имѣть любовь къ природѣ, понимать природу, а, кромѣ того, нужно извѣстное настроеніе. Расширенная идея можетъ быть выражена въ прежней формѣ съ замѣною слова дѣйствуютъ словами: могутъ дѣйствовать и—слова Лермонтова словомъ человѣка.

Д) Если разсматриваемое стихотвореніе читается не первымъ изъ стихотвореній Лермонтова, то можно напомнить ученикамъ ранѣе извѣстныя имъ стихотворенія этого поэта, съ одной стороны, напр., такія, какъ «Выхожу одинъ я на дорогу», «Пророкъ», «Ангелъ», «Парусъ», съ другой стороны, такія, какъ «Молитва», «Вѣтка Палестины», «Бородино»,—задать нѣсколько вопросовъ о томъ, какъ въ этихъ произведеніяхъ Лермонтовъ относится къ жизни и людямъ и затѣмъ сдѣлать, напримѣръ, такое заключеніе о поэтѣ: М. Ю. Лермонтовъ часто называется поэтомъ грусти и разочарованія. Съ самаго ранняго дѣтства онъ испыталъ много тяжелыхъ впечатлѣній отъ жизни, видѣлъ много горя. Среди окружающаго его общества ему часто приходилось встрѣчать злыхъ, себялюбивыхъ, порочныхъ, ничтожныхъ и тупыхъ людей. Лермонтовъ разочаровался въ людяхъ и въ жизни, сталъ думать, что ужиться съ людьми нельзя и не стоитъ, что въ жизни нѣтъ счастья, что жизнь скучна, что она лишь «пустая и глупая шутка»; Лермонтовъ сталъ тосковать и выражалъ желаніе «забыться и заснуть». Но эта тоска и разочарованіе исчезали у поэта, когда онъ молился, когда онъ наслаждался природой, когда наблюдалъ несложную жизнь простого русскаго народа или думалъ о славныхъ событіяхъ русскаго прошлаго и испытывалъ горячую любовь къ родинѣ.

Въ такія минуты Лермонтовъ успокаивался и чувствовалъ себя счастливымъ, могъ «постигнуть счастье на землѣ».

Примѣчаніе. Стихотвореніемъ: «Когда волнуется желтѣющая нива», можно воспользоваться для выясненія понятія о періодѣ, а также для выясненія художественнаго пріема контраста: здѣсь состояніе движенія природы составляетъ контрастъ съ состояніемъ покоя души человѣческой.

В. Брюхановъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *)

Бата́лія, іи, ж.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша не хотѣвшая отстать отъ нея. „Ну, что?“ сказала комендантша: „каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?“—„Непріятель недалече“, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: „Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?“ *Кап. д*, *VII*.

Батальо́нъ, а, м.

(Голицынъ) пошелъ прямо на Переволоцкую (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного **баталіона** при подполковникѣ Гриневѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву. *Ист. пуг. б.*, *V*. У Рене было 8 драгунскихъ полковъ (5056 ч.), **батальонъ** ингерманландцевъ да 5000 молдаванъ. *Зап бриг. Моро-де—Бр.*, *прим.* См. еще *Ист. пуг б.*, *VIII*; *Зап. бриг. Моро-де—Бр.* Тогда Бошнякъ съ однимъ саратовскимъ **батальономъ** рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. *Ист. пуг. б.*, *VIII*. Губернскія **батальоны** *Тамъ же, прим. 9*. Гренадерскіе **батальоны**. *Зап. бриг Моро-де—Бр.*: **Батальонъ—карре.** При совершенномъ наступленіи ночи, его царское величество велѣлъ остановиться **батальону**—карре. *Зап. бриг. Моро—де—Бр.* См. еще *тамъ же*.

Батаре́я и, ж.

1. Опред. число орудій и артиллеристовъ при нихъ.

5-го октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну **батарею** на паперти церкви у

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г. и I 1904 г.

самаго предмѣстья, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. *Ист. пуг. б., III.* Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ **батарею**. *Ист. пуг. б., V.* См. еще *тамъ же, V, VII.* Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская **батарея**. Пугачевъ на нее не пошелъ. *Ист. пуг. б., VII.*

2. Укрѣпленiе.

Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ **батареи** и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности. *Ист. пуг. б., V.* Удалось сжечь одну **батарею**, не главную. *Ист. пуг. б., V.* По угламъ (въ слободѣ) были **батареи**. *Ист. пуг. б., прим. 41.* Мѣновой дворъ укрѣпленъ **батареями**. *Тамъ же, прим. 39.* См. еще *Ист. пуг. б., IV, V, VII, VIII; Пут. въ Арзр., IV.* Непріятельская **батарея**. *Ист. пуг. б., IV.* Турецкія **батареи**. *Пут. въ—Арзр., IV.*

Батистовый, ая, ое.

(Молодымъ людямъ плюютъ въ глаза, а они утираются **батистовымъ** платкомъ. *Пис. женъ 36 г.*

Батра́къ, á, м.

Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его разсчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ **батраки** другимъ крестьянамъ, за что эти платили ему добровольную дань. *Ист. с. Гор., Правл. прик.* Бѣдный Глинка работаетъ, какъ **батракъ**, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья (Бога)!.. *Пис. Плетн. янв. 31 г.* Горохино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ **батракахъ**; ребятишки пошли по міру. *Ист. с. Гор. Правл. прик.*

Ба́тька, и, м.

1. Священникъ.

Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго? Кто ни попъ, тотъ **батька**. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую

и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь? *Кап. д., VIII.*

2. Батюшка, отецъ.

Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, **батьки** Еремѣя? Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. *Объ ист. русск. нар., 3.* И вѣдь пошелъ, окаянный, за перегородку; какъ ты думаешь? вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами—и ничего... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и **батька** мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. *Кап. д., VIII.*

3. Шутл. по отношенію къ мужу.

Ну, матушка, сказалъ онъ: коли ты уже все знаешь, такъ, пожалуй, оставайся, мы потолкуемъ и при тебѣ.

То-то, **батька** мой, отвѣчала она: не тебѣ бы хитрить, посылай-ка за офицерами. *Кап. д., VI.*

Ба́тюшка, и, м.

1. Почтительное названіе родного отца.

А что скажетъ **батюшка**, а матушка-то что подумаетъ? Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я: когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. **Батюшка** и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ ли? Старикъ былъ тронутъ. *Кап. д., XIII.* И въ кого ты пошелъ? кажется, ни **батюшка**, ни дѣдушка пьяницами не были... *Кап. д., I.* Во всякомъ случаѣ ты получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему **батюшкѣ**; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 т. даны тобою мнѣ въ займы. *Пис. Коншину, 36 г.* (Алекс. Иван.) командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго **батюшки**.. *Кап. д., X.* См. еще *Кап. д., I; II, XIII, XIV; Дубр., IV, V; М. Шон.; Арапъ П. В. VI; Бар.—кр.; Ист. с. Гор.; Ист. анекд., IX., Пис. Дмитр. 36 г.*

2. Названіе священника.

Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

„Прикажете начинать?“ — „Начинайте, начинайте, **батюшка**“, отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... *Метель.*

3. Ласковое названіе другихъ лицъ.

Врешь, Максимычъ, сказала капитанша: у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой **батюшка**? *Кап. д., XIII.* Здоровъ ли вашъ медвѣдь, **батюшка** Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспомня при этихъ словахъ о своемъ косматомъ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, которыхъ и онъ былъ кагда-то жертвою. *Дубр., IX.* Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш:. играйте, какъ умѣете? „Ахъ, мой **батюшка**, возразилъ Потемкинъ: и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!“ Услыша таковой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться. *Ист. анекд., XX.* Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ русскихъ? А развѣ есть русскіе романы?... Пришли, **батюшка**, пожалуйста, пришли! *Пик. д., II.* См. еще: *Кап. д., I II III, VIII, IX, X XI, XIII, XIV; Дубр., III, V, IX, XIX; Гроб., Ист. анекд., IX; Станц. см.; Зап. Нащ.; Бар.-кр.*

Ласковое обращ. къ мужу.

— Ахъ, мой **батюшка**! возразила комендантша: да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? *Кап., д., IV.* „Что это съ тобою сдѣлалось?“ спросилъ изумленный комендантъ. — **Батюшка**, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна.. *Кап. д., VI.* См. еще *тамъ же, III; Арапъ П. В., V.*

Батюшка—братецъ — по отнош. къ мужу.

Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу! *Арапъ П. В., V.*

А за кого-же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать. Отгадайте, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ. **Батюшка-братецъ**, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать! Мало-ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что-ли? *Арапъ П. В., V.* См. еще *тамъ же.*

4. По отношенію Пугачову, какъ государю.

А нашъ **батюшка**, прибавилъ онъ: воленъ приказать—сейчасъ-ли васъ повѣсить, али дождаться свѣта Божія. *Кап. д., XI.* Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. **Батюшка** нашъ тебя милуетъ, говорили мнѣ. *Кап. д., VII.* См. еще *Ист. пуг. б., III; Кап. д., VIII, XI.*

Мн. ч. въ восклицаніи, выражающемъ страхъ, ужасъ.

Батюшки мои! кричала бѣдная старушка: отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу! *Кап. д., VII.* Ахти **батюшки**, князь, сказала Татьяна Аѳанасьевна: видѣла, видѣла его близехонько: какая жъ у него (арапа) страшная морда. *Арапъ П. В., IV.* См. еще *Кап. д., IV.* А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. **Батюшки**, помогите! *Пис. Плетн. мартъ 26 г.*

Ба́тюшкинъ, а, о.

Все кончено! отвѣчалъ я и отдалъ ей **батюшкино** письмо. *Кап. д., V.* Покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною посвойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово **батюшкино**. Доселѣ Богъ миловалъ: всего на-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди до усадьбы доберутся. До деревни **батюшкиной**. *Кап. д., XIII.*

Ба́шенный, ая, ое,

Одинъ путешественникъ пишетъ, что изо всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзумѣ нашелъ онъ **башенные** часы—и тѣ были испорчены. *Пут. въ Арзр., V.*

Башка́, и, ж.

Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана **башка**. Подойди ка поближе; говори, кто тебя подослалъ? *Кап. д., VI.* Но журналъ, будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь: не хочу продать вамъ кожу медвѣдя, еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой **башкѣ** моей.. *Пис. Погод. 32 г.*

Башки́рецъ, рца, м.

Иванъ Игнатьичъ отправился за башкирцемъ, который сидѣлъ въ амбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить. Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. *Кап. д., д., VI.* Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. *Ист. пуг. б., V.* Башкирецъ Салаватъ. *Ист. пуг. б. VI.* См. еще *Ист. пуг б., II, III, IV. VI, VII, VIII; Кап. д., III, IV. VI VII. VIII.* Непокорные башкирцы. *О Татищ.* Мятежные, бунтующіе башкирцы *Кап. д., XIII; Ист. пуг. б. прим. 77; Ист. пуг. б. VI; О Ташищ.* Ближайшіе, окрестные башкирцы. *Ист. пуг б., II, III.* Старый башкирецъ *Кап. д., VI.* Переносно. Б: Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю „Литературную Газету“, ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣтъ въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо представить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ“ ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. *Ст. и зам. изъ «Лит. газ». Разговоръ.*

Башки́рка, и ж.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю — и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. *Пис. женѣ 33 г.*

Башки́рскій, ая, ое.

Михельсонъ между тѣмъ шелъ Уральскими горами по малоизвѣстнымъ дорогамъ. Деревни башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. *Ист. пуг, б, VI.* Тоже см. *Ист. пуг. б., IV.* Я шелъ занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ, оглянулся—вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки.

Кап. д, IX. Тоже см. еще *тамъ же.* **Башкирскій** старшина. *Ист. пуг. б., V.*

Башлы́къ, а, м.

Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ **башлыкъ** на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію. *Пут. въ Арзр., II*;

Вода ручьями лилась ...съ **башлыка**, напитаннаго дождемъ. *Тамъ же.*

Башма́къ, а́ м.

(Индійцы) сняли съ меня **башмаки**, полагая, что они мѣшали бѣжать. *Дж. Тен.* Полагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные **башмаки**, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи. *Гроб.* Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная ножка молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій **башмакъ**. *Пик. д., II.* При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ **башмакахъ** (Намекъ на придворное званіе Жуковскаго). *Пис. Плетн. 26 г.* **Башмаки** съ красными каблуками. *Арапъ П. В., III.*

Башмачёкъ, чка, м.

Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые **башмачки**, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры избраны коегдѣ—и что за кавалеры! *Мысли на д., II.*

Башма́чникъ, а, м

Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцемъ и съ дядей-**башмачникомъ** дуэли кажется не будетъ. *Пис. женѣ сент. 33 г.*

Ба́шня, и, ж.

Ротенфельдъ: Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ **башню**... (Франца ведутъ.) Францъ (уходя): Однако жъ я ей обязанъ жизнію. *Сц. изъ рыц. вр., VII.* Рыцарь почтенъ на конѣ и въ замкѣ за рѣшеткою своей **башни**. *Тамъ же, I.* Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то **башни**); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. *Пис. Дельв. 24 г* См. еще *Кап д., III; Пис. брату 20 г. Сц. изъ рыц. вр., III*; *Скупой*

рыи.; Набр. ск. о Салт. 22 г; изъ дн. 1 мая. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію; этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память пріоромъ францисканoвъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ, въ Аѳинахъ. *Ст. и зам. изъ «Лит. газ.» XVII.*

Бди́тельный, ая, ое.

Онъ (музъ) **бдительнѣе,** нежели дикій буйволъ и канадскій олень. *Дж. Тен.*

Бедро́, а́, ср. Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по **бедрамъ** и пляшутъ по спинѣ... *Пут. въ Арзр., II.*

Безала́берный, ая, ое.

Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2,100 руб, мною тебѣ должныхъ. *Пис. Собол. 29 г.* Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? какая ты **безалаберная!** *Пис. женѣ 34 г.* См. еще *письмо Собол. 28 г.* Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ бы тебя; а это такое **безалаберное,** что за ухо бы выдралъ. *Пис. женѣ 34 г.*

Безбо́жіе, ія, ср.

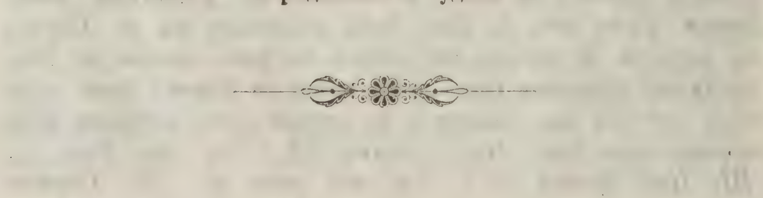
Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему **безбожіе.** *Пис. Жук. 24 г.*

Безбо́жникъ, а, м.

Когда проходилъ мимо нихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, **безбожникъ!**“ — и кидалъ въ него грязью. *Дѣтск. ск., III.*

В. Водарскій

Продолженіе будетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1904 г. **„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“** 18-й годъ.

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

(Издается съ 1887 г. подъ редакціею А. Х. САБИНИНА).

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ).

ПРОГРАММА:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло. 3. Статьи по земской медицинѣ. 4. Исторія медицины. 5. Переводныя статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7. Врачебная хроника и смѣсь. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р., для фельдшеровъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Г.г. фельдшеровъ фельдшерицъ и акушерокъ просятъ обращаться съ подпискою въ контору редакціи.

Редакторъ *А. Сабининъ.*

IV

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1904 годъ.

Изданіе Комитета Россійскаго Общества

КРАСНАГО КРЕСТА

по подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и помощи пострадавшимъ отъ общественныхъ бѣдствій.

Три части: I. Отрывной по днямъ. II. Отрывной—мѣсячный и III. Годовой календарь-карточка.

Соединена программа подробныхъ дѣловыхъ и военныхъ календарей: I. Общія свѣдѣнія: Святцы; церковныя службы и чтенія св. Евангелія и Апостоловъ; высокоторжественные и неприсутственные дни; орденскіе праздники; посты. Восходъ и заходъ солнца и луны для С.-Петербурга и Москвы. Выдающіяся событія дня.

Медицинскіе совѣты по подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Совѣты по домоводству. Тиражи % бумагъ. Ярмарки и различныя другія свѣдѣнія. II. Военный отдѣлъ: Праздники войсковыхъ частей со свѣдѣніями изъ исторіи ихъ. Сроки линейнаго производства офицеровъ. Освобожденіе въ войскахъ иновѣрцевъ отъ занятій. Дни церковнымъ парадовъ. Форма одежды.

Размѣръ: Папка 16×10 дюйм.; отрывные листы 8×5 дюйм.; цифры 4 дюйм. Красивый внѣшній видъ: рисунокъ папки—портикъ въ стилѣ ампиръ въ краскахъ съ золотомъ.

Цѣна 1 руб.; пересылка по дѣйствительной стоимости. Доставка на домъ въ Петербургѣ безплатно.

Поступаютъ въ продажу въ большіе книжные и писчебумажные магазины. Складъ изданія и пріемъ требованій: — С.-Петербургъ, Преображенская, 35 (противъ Сапернаго переулка) квартира Завѣдующаго изданіемъ С. П. Лебедева, телефонъ 2143.

Продажа календаря: въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста (Инженерная, 9); въ Комитетѣ Краснаго Креста первой помощи (Свѣчной, 9, телефонъ 2636); въ магазинахъ: „Новаго Времени“, Карбасникова, Кудрявцева, Башкова и другихъ.

От Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Воронежской губ. на 1904 годъ изданная Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ подъ редакціей Секретаря Комитета **Д. Г. Тюменева.**

Содержаніе: Воронежскій календарь. Мѣстные праздники и крестные ходы въ Воронежской губ. и Православный мѣсяцесловъ.

Отдѣлъ I-й Справочный. Россійскій Императорскій Домъ. Главное Управленіе Россіи. Распоряженія Правительства: 1) Объ отмѣнѣ круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладыхъ сборовъ. 2) Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. 3) Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о взаимномъ страхованіи отъ огня. 4) Объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи полицейской стражи. 5) О ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ и по обезвреживанію сырыхъ животныхъ продуктовъ. Уставъ Воронежской Городской торговой школы. Уставъ Воронежской кассы взаимнаго вспоможенія на случай смерти. Уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Воронежской губ.

Правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли въ области Сыръ-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую.

Списокъ Воронежскихъ архипастырей, губернато-

ровъ, губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ г. Воронежа.

Дѣленіе Воронежской губерніи въ административномъ и другихъ отношеніяхъ.

Отдѣлъ II-й статистическій.

Отдѣлъ III-й научно-литературный. Очеркъ жизни о дѣятельности святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Къ двухсотлѣтію со дня кончины Святителя. (23 ноября 1703—1903 г.) *Н. И. Поликарповъ.* Евгеній Львовичъ Марковъ. (1835—1903). *В. В. Литвиновъ.* Договорныя грамоты Рязанскихъ князей XV в., какъ источникъ для исторіи Воронежскаго края. *С Введенскій* Слабый ростъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губ. и незначительный районъ ихъ экономическаго вліянія. *В. П. Менжулинъ.* Замѣчательные уроженцы г. Воронежа и Воронежской губ. *В. В. Литвиновъ.*

Производство крестьянскаго сукна и другіе промыслы среди женскаго населенія Новохоперскаго уѣзда *В. В. Литвиновъ.* Васька Желтовскій. (Эпизодъ изъ исторіи раскола въ Воронежскомъ краѣ при Св. Митрофанѣ,—по архивнымъ документамъ). *С. Введенскій.*

Воспоминанія о Т. И Рубашевскомъ. *А. Вязовскаго.*

Отдѣлъ IV-й Адресъ-Календарь лицъ, служащихъ по г. Воронежу и по Воронежской губ. *Указатель къ Адресъ-Календарю* служащихъ по г. Воронежу и Воронежской губ. *Объявленія.*

Цѣна книжки 1 р. 50 к. Продается въ Канцеляріи Губернскаго Статистическаго Комитета (въ зд. Губернскаго Правленія) и въ книжныхъ магазинахъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ III—IV.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.

Типографія В. И. Исаева.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ III—IV ВЫПУСКОВЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

45-й годъ изд. — въ 1905 году — 45-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 45-й годъ своего существованія и 7-й годъ изданія подъ новой редакціей, вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, — быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Съ 1904 года, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,— вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ **6** р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ (1860—1886) 30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ (1887—1899) 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер. Съ дополненіемъ содержанія 1900—1903 г.г. 50 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к.

съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903, 1904 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к., съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **10**%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ**, **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—Садовая ул., домъ Шерферъ, № 17.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II.

Матеріалы для исторіи классическаго образованія въ Россіи въ біо-библіографическихъ очеркахъ его дѣятелей былого времени.

«Благодатный вѣкъ былъ вѣкъ
Екатерины».

Баратынскій.

Всемірная исторія прошлаго полна назидательныхъ примѣровъ того, какъ въ эпоху упадка словесности тщательно старались подводить итоги знаній, постепенно накоплявшихся въ предыдущіе періоды времени. Такими итогами смѣло могутъ гордиться классическіе народы, такъ называемые *грамматики* которыхъ составляли эксцерпты—почти единственные дошедшіе до насъ источники, ясно свидѣтельствующіе о той сокровищницѣ знаній, которыми обладали древніе греки и римляне. Подобные сборники эксцерптовъ появлялись въ Римѣ въ эпоху имперіи; достаточно назвать имена Геллія, Фронтова и Плинія Ст., чтобы уму читателя сразу представился тотъ громадный интересъ къ изученію старины въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, какимъ жило римское общество временъ имперіи.

Настоящее время, если и не представляетъ собою упадка изученія греко-римскаго міра въ нашемъ отечествѣ, все же является отчасти отсталымъ по сравненію съ нѣсколькими предыдущими десятилѣтіями

«классицизма». Подвести итоги предшествующей поръ этого пылкаго увлеченія древнимъ міромъ въ настоящую минуту затишья было бы, на нашъ взглядъ, вполнѣ умѣстно.

Но, оставляя пока въ сторонѣ ближайшую къ намъ эпоху, мы прежде всего намѣрены заглянуть въ далекое отъ насъ время и отмѣтить замѣтные слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II.

Усиленная литературная производительность въ эпоху Екатерины II уже давно служитъ предметомъ разнообразныхъ ислѣдованій главнымъ образомъ со стороны историковъ русской словесности, но эта эпоха важна и интересна не для историка только литературы: она была своего рода расцвѣтомъ и зарождавшагося у насъ классицизма, если можно такъ выразиться о той изумительной даже и для нашего времени массѣ переводчиковъ древнихъ классиковъ, которые жили и работали въ Екатерининское время. Всестороннее обозрѣніе этой переводческой дѣятельности, поскольку таковое представляется возможнымъ, и служитъ темою данной статьи, долженствующей составить отдѣльную главу, какъ бы сказать «Исторіи знакомства русскаго общества съ классическимъ міромъ». Хотя, вообще говоря, подобная тема могла бы служить и не отдѣльной только главой а спеціальнымъ изслѣдованіемъ.

Характеръ самой темы и недостаточность матеріала, которымъ въ данномъ случаѣ приходится располагать, побуждаютъ автора этой статьи строго придерживаться такого плана: за алфавитнымъ перечнемъ переводчиковъ,—этихъ главныхъ выразителей стремленія къ знакомству съ древне-классической литературой,—съ біографическими о нихъ свѣдѣніями, какія удалось

собрать, и перечнемъ ихъ главныхъ трудовъ въ этомъ направленіи, будетъ данъ выводъ съ статистическимъ указаніемъ, какіе авторы переводились преимущественно, и съ какихъ языковъ главнымъ образомъ дѣлались эти переводы; какъ относилось къ послѣднимъ правительство и общество; литературное значеніе этихъ переводовъ и позднѣйшая ихъ судьба.

Однако нельзя не признаться, что наше изслѣдованіе не отличалось бы полнотой, если бы о слѣдахъ знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II мы судили исключительно по однимъ переводамъ классиковъ.

Интересъ къ изученію древне-классической литературы въ Екатерининскую эпоху, помимо весьма значительнаго числа сдѣланныхъ въ то время переводовъ классическихъ писателей, проявляется еще во многомъ другомъ, а именно: въ пріобрѣтеніи скульптуръ и картинъ съ античными сюжетами для основаннаго Императрицей Эрмитажа, и въ появленіи значительнаго числа литературныхъ произведеній разнообразной формы, въ которыхъ затрагивались и разбирались вопросы классической древности.

Начало собранія греко-римской скульптуры въ Императорскомъ Эрмитажѣ, положенное въ 1718 году Петромъ Великимъ, при Екатеринѣ II, какъ это мы узнаемъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій [1]), обогатилось слѣдующими пріобрѣтеніями. Были вывезены изъ Италіи—голова Друза Цезаря, сдѣланная изъ паросскаго мрамора, треугольное подножіе канделябра,

---

[1]) См. «Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры». 3-е изд. СПБ. 1896, предисловіе къ 1-му изд. (сост. С. Гедеоновымъ), стр. III сл.

на стѣнахъ котораго изображены, между прочимъ, силенъ и менада, Венера Таврическая, колоссальная голова Юноны, головы Ахиллеса, Антиноя и Сабины и бюстъ Люція Вера.

Изъ одного англійскаго источника [2]) мы узнаемъ, что нѣкто Лайдъ Броунъ продалъ въ 1787 г. агенту Россійской Императрицы коллекцію древнихъ скульптурныхъ произведеній. Означенная коллекція, собранная въ Римѣ въ концѣ XVIII в., вѣроятно, въ значительномъ своемъ объемѣ поступила въ Императорскій Эрмитажъ изъ дворцовъ: царскосельскаго, таврическаго и другихъ.

Въ этомъ же собраніи антиковъ были многочисленные бюсты и статуи боговъ (Амуръ, Аполлонъ, Асклепій, Гераклъ, Діонисъ, Панъ, Посидонъ, Юпитеръ, Афродита, Артемида, Аѳина, Гера, Гигіея) и императоровъ (Германикъ, Тиберій, Отонъ, Адріанъ, М. Аврелій, Люцій Септимій Северъ, Агриппина младшая, Юлія, дочь Тита, Марція Атацилія Севера); а также значительное собраніе канделябровъ и вазъ. Между послѣдними интересна одна колоссальная ваза съ изображеніемъ Ифигеніи.

Всѣ поименованные предметы составляютъ и по настоящее время лучшее украшеніе Императорскаго Эрмитажа. Въ выше цитованномъ каталогѣ, составленномъ старшимъ хранителемъ Императорскаго Эрмитажа по отдѣленію классической археологіи и древностей Г. Е. Кизерицкимъ (1847—1903), указаны какъ мѣстности (стр 191 сл.), изъ которыхъ происходятъ памятники, такъ и періоды исторіи искусствъ (стр. 197 сл.), къ которымъ они относятся.

Картинная галлерея Эрмитажа, какъ и вообще все

---

[2]) Ibid. стр V.

это учрежденіе, получила свое начало въ царствованіе Екатерины II [3]), и первоначальное «пустынное убѣжище», гдѣ Императрица проводила часы досуга въ тѣсномъ кругу людей науки и искусства, постепенно превратилось въ художественный музей, который, къ концу ея царствованія, сталъ однимъ изъ первыхъ среди подобныхъ хранилищъ въ цѣлой Европѣ. Екатерина II пріобрѣла при посредствѣ близкихъ ей лицъ, особенно Дидро (1713—1784) и своихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, слѣдующія картины съ античнымъ содержаніемъ: въ 1768 г. «Тріумфъ Галатеи» Ж. Б. Ванлоо (1684—1745), въ 1769 г. «Похищеніе Европы» Фр. Альбани (1578—1660) и «Персея и Андромеду» Рубенса (1577—1640), въ 1772 г. «Данаю» Тиціана (1477—1576), «Вакха» въ 1779 г., «Похищеніе Европы» Гвидо Рени (1575—1642).

Къ неизвѣстнымъ годамъ относятся пріобрѣтенія слѣдующихъ картинъ: «Граціи и Амуры» Либери (1605—1687), «Ахиллъ при дворѣ Ликомеда» Маттеиса (1662—1728), «Римскія развалины» въ двухъ видахъ Панини (1692—1765), «Клеопатра» Гвидо Рени, «Меценатъ представляетъ свободныя искусства Августу» Тьеполо (1696—1770), «Бахусъ и Аріадна» Турки (1582—1648) и «Судъ Париса» Франческини (1648—1729).

Въ то время и русскіе историческіе живописцы писали не мало картинъ на темы изъ древне-классической жизни, такъ И. А. Акимовъ (1764—1814) написалъ картины: «Прометей и Минерва» и «Геркулесъ, сожигающійся на кострѣ»; П. И. Соколовъ (1753—

---

[3]) См. предисловіе къ «Каталогу картинной галлереи» Императорскаго Эрмитажа ч. I, Спб. 1901, стр. III—XIII (сост. А. Сомовъ).

1791) былъ признанъ въ 1778 году назначеннымъ въ академики за картины «Меркурій и Аргусъ» (нынѣ находится въ музеѣ Имп. Александра III) и «Дедалъ привязываетъ крылья Икару» (нынѣ въ музеѣ Акад. Худ.), и въ 1782 г. за произведеніе «Венера и Адонисъ» (находится въ музеѣ Акад. Худож.) получилъ степень академика.

Кромѣ Акимова и Соколова, исторія русской живописи знаетъ имена и другихъ художниковъ Екатерининской эпохи, работавшихъ въ томъ же направленіи.

Императрица давала порученія писать картины и нѣкоторымъ изъ современныхъ ей, знаменитымъ иностраннымъ художникамъ. Корифей тогдашней англійской школы Дж. Рейнольдсъ изобразилъ «Младенца Геркулеса, задушающаго змѣй»—аллегорію юной, но уже мощной Россіи.

Въ вышеупомянутомъ «Каталогѣ картинной галлереи» ч. I Императорскаго Эрмитажа, составленномъ А. Сомовымъ, старшимъ хранителемъ Эрмитажа по отдѣленію картинъ, рисунковъ и гравюръ, картины, пріобрѣтенныя при Императрицѣ Екатеринѣ II, отмѣчены условнымъ знакомъ. Изъ всѣхъ этихъ картинъ обращаетъ на себя особое вниманіе произведеніе Джованни Баттиста Тьеполо «Меценатъ представляетъ свободныя искусства Августу», описаніе самой картины дано на стр. 138 каталога подъ № 1671. Эта картина, на нашъ взглядъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала духу того времени и вкусу императрицы, которая сама вызывала къ жизни литературныя силы и пробуждала въ своихъ приближенныхъ духъ, если можно такъ выразиться, меценатизма. Доказательствомъ этого служитъ и слѣдующій фактъ. По совершеніи коронованія императрицы Екатерины II профессоръ исторіи въ Московскомъ

университетѣ Іоганнъ Готфридъ Рейхель (┼1778 г.) произнесъ на латинскомъ языкѣ слово о томъ, что «науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ Государствѣ», тогда же, въ 1762 г., это слово было переведено на русскій языкъ Денисомъ Фонъ-Визинымъ (см. Сопиковъ ч. IV, № 10726, стр. 434).

Правду сказать, интересъ къ такого рода увлеченіямъ художественными произведеніями съ классическими сюжетами или вовсе не распространялся дальше двора и его приближенныхъ сановниковъ или распространялся крайне незамѣтно. Однако, принося съ собой извѣстное эстетическое наслажденіе, онъ во всякомъ случаѣ способствовалъ пробужденію и развитію художественнаго вкуса и возникновенію любви ко всему античному въ той средѣ, а черезъ нее, такъ или иначе, передавался тѣмъ немногимъ, кто имѣлъ счастливый случай ближе стать къ представителямъ этой среды (поэты, переводчики, артисты и др.).

Отъ обозрѣнія состоянія искусства и художествъ въ вѣкъ Екатерины II переходимъ къ разсмотрѣнію произведеній наукъ и литературы, имѣвшихъ отношеніе къ древне-классическому міру.

Въ интересахъ успѣшнаго знакомства съ литературами древнихъ классическихъ народовъ переведено было методическое руководство къ чтенію классическихъ писателей,—такова вышедшая въ 1774 г. въ Петербургѣ брошюра: «О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей мнѣніе съ нѣмецкаго на Россійской языкъ переведенное «Дмитріемъ Семеновымъ».

Въ этомъ сочиненіи указывается и разъясняется «четвероякая» польза, происходящая отъ чтенія древ-

нихъ писателей (стран. 6): «Во первыхъ служатъ они къ основательному изученію Греческаго и Латинскаго языка, а тѣмъ самимъ къ достиженію премногихъ понятій, которыя бы иначе и на умъ намъ не пришли. Во вторыхъ къ поправленію вкуса или ощущенія красоты какъ въ нравахъ, такъ и въ художествахъ. Въ третьихъ, къ снисканію основательнаго знанія древней исторіи, и въ четвертыхъ, къ изученію философіи».

Объ отсутствіи лести у древнихъ писателей читаемъ здѣсь, между прочимъ, такую тираду (стр. 15): «Не обрѣтаемъ мы въ нихъ никакихъ безсмачныхъ и подлодушныхъ похвалъ знатнымъ или богатымъ особамъ приписанныхъ. Они разсуждаютъ о всѣхъ людяхъ съ похвалы достойною свободностію».

Въ этой же брошюрѣ для пользы учебнаго дѣла рекомендуется раздѣлить преподавателей древнихъ языковъ на четыре категоріи (стр. 24 сл.): учителей грамматики, реторики, исторіи въ связи съ древностями, и философіи. Преподается совѣтъ читать авторовъ по хрестоматіямъ (стр. 26 слл.), глубже вникая въ смыслъ читаннаго, расчленяя періоды, разбираясь въ этимологическомъ составѣ словъ, прибѣгая къ сравненіямъ въ значеніяхъ словъ и понятій древнихъ и отечественныхъ. Самое чтеніе рекомендуется вести статарно и курсорно. Въ старшихъ классахъ признается необходимымъ чтеніе писателя въ полномъ его объемѣ. «Есть ли, говорится въ заключеніи, учитель какъ въ остропонятіи и строгомъ разсудкѣ, такъ и въ охотѣ къ основательному наставленію юношества недостаточенъ, то ни по какимъ предписаніямъ и методу хорошимъ онъ не здѣлается, какъ бы точно съ нимъ въ семъ случаѣ поступлено ни было» (стр. 43 слл.).

Разсмотрѣнная нами брошюра педагогическаго

содержанія очевидно имѣла не мало читателей; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1787 г. въ Москвѣ вышло второе изданіе даннаго сочиненія [4]).

Тогда же, въ вѣкъ Екатерины II, былъ поднятъ вопросъ и о значеніи изученія греческаго языка для языка отечественнаго и богословской науки (см. у Сопикова №№ 9599 и 3656); появились греческія и латинскія азбуки и буквари числомъ около 15 (см. у Сопикова *азбука*), вышло свыше 20 грамматикъ по древнимъ языкамъ, при чемъ, конечно, первенствующее мѣсто занимаютъ руководства по латинскому языку (см. у Сопикова *грамматика* и №№ 6737, 8813 -14), какъ оригинальныя, такъ и переводныя—Христофора Целларія (1638—1707) и Шеллера (1735—1803), или обработанныя по иностраннымъ источникамъ.

Заслуживаетъ вниманія сочиненіе: «Цвѣтъ чистаго латинскаго языка, изъ лучшихъ латинскихъ писателей выбранный» (№ 12518) [5]) іеромонаха Серафима; въ этомъ трудѣ латинскія фразы расположены въ алфавитномъ порядкѣ выраженій, составленныхъ изъ глаголовъ, именъ и частицъ съ русскимъ переводомъ; ориги-

---

[4]) См. Сопиковъ, Опытъ россійск. библіог. ч. V, №№ 12588—9, стр 111; Прозоровъ въ своемъ «Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 годъ (Спб. 1898) отд. I, № 29, стр. 2 не упоминаетъ 2-го изд. брошюры Д. Семенова, а проф. Нагуевскій въ «Библіографіи по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 г.» (Казань 1889) вовсе не называетъ поименованнаго труда, равно какъ и многіе другіе, имѣющіе прямое отношеніе къ римской литературѣ, о чемъ будетъ сказано нами ниже.

[5]) №№, какъ и выше указаны по «Опыту россійской библіографіи» Вас. Сопикова (Спб. 1813—1821)

наломъ служило сочиненіе Помея (1619—1673): «Flos latinitatis». Къ этому же времени относится появленіе оригинальнаго труда Соловьева по лат. просодіи (№ 9117) и трехъ хрестоматій, изъ которыхъ одна греческая (№ 4360), переведенная съ оригинала, составленнаго профессоромъ Московскаго унив. Маттеи (1744—1811), и двѣ латинскія (№№ 12545 и 4698),—одна изъ нихъ составлена гл. обр. изъ отрывковъ Цицерона.

Въ эпоху Екатерины II было издано до 10 словарей латинскаго языка (см. у Сопикова *лексиконъ* и № 10341), составленныхъ преимущественно по Целларію и Іоганну Геснеру (1691—1761). Не мало было издано за это время и такъ называемыхъ школьныхъ «латинскихъ разговоровъ» (№№ 9489—92).

Къ этой же эпохѣ относится и трудъ проф. Московскаго унив. Павла Сохацкаго (1766—1809): «Краткое начертаніе латинскаго слога» (№ 6771), составленное нѣмецкимъ ученымъ Филлеборномъ—это была краткая исторія римской литературы и руководство по лат. стилистикѣ. Кромѣ труда Сохацкаго, въ вѣкъ Екатерины II было переведено съ латинскаго сочиненіе копенгагенскаго проф. Олая Боррихія (1626—1690): «Созерцаніе превосходнѣйшихъ писателей латинскаго языка» (№ 11074). Наконецъ, въ то время появилась отдѣльная монографія о Цицеронѣ (№ 4026), переведенная съ нѣмецкаго языка. Тогда же были изданы драмы, составленныя по классическимъ образцамъ—«Менехмы» (№ 5450) Реньяра (1655—1709) и «Плутусъ» (№ 5552) Гольберга (1684—1754).

Что касается древне-греческой *философіи*, то мы можемъ насчитать до 20 сочиненій Екатерининской эпохи, въ которыхъ разбираются вопросы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ этой области знаній.

Съ исторіей греческой философіи мы можемъ до извѣстной степени ознакомиться по переводнымъ сочиненіямъ Фенелона (1651—1715): «Описаніе жизни древнихъ философовъ» (№ 7564), и Виланда (1733—1813): «Агатонъ, или картина философическая нравовъ и обычаевъ греческихъ» (№ 2480) и также по книгѣ: «Исторія философическая» (№ 4935).

Въ сочиненіи: «Зерцало древней учености» (№ 4274), находимъ описаніе сектъ древнихъ философовъ. Съ личностью Сократа насъ знакомятъ сочиненія Шофина: «Исторія Сократова» (№ 4914), затѣмъ «Разговоръ Сократа съ Тимоклеею» (№ 9418), «Слово Сократу» (№ 10853) и драма Томсона (1700—1748): «Сократъ» (№ 3455) — всѣ эти сочиненія переводныя. О Солонѣ узнаемъ изъ книги: «Жизнь Солона» (№ 3966); сочиненія: «Духъ Пиѳагоровъ» (№ 3529) и «Собранные полевые цвѣты» (№ 12524), знакомятъ насъ съ ученіемъ пиѳагорейцевъ.

Изреченія, мнѣнія и нравоученія древнихъ философовъ можемъ читать въ слѣдующихъ сборникахъ: Кабинетъ любомудрія (№ 4972), Стези благонравія (№ 11352), Лучи мудрости (№ 6055), Отборные плоды древнихъ умовъ (№ 7964=8296), Нравоученія древнихъ философовъ (№ 6895—6) Собраніе нравоучительныхъ рѣчей (№ 10937), Апофѳегмата (№ 2003), Разговоры Фокіоновы (№ 9473), Притчи философа Синтипа (№ 9057), и въ соч. Виланда: «Исторія Абдеритовъ» (№ 2485). Въ то же время были написаны—философическая повѣсть: «Ипархія и Кратесъ» (№ 4647) и рѣчь «О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ» (№ 10033).

Переходимъ къ обзору сочиненій, въ которыхъ разбираются *историческіе* вопросы.

Изложенію событій древней исторіи посвящены слѣдующіе труды: «Сокращенная древняя исторія» (№ 2651, ср. № 4723) г-жи Лепренсъ де-Бомонтъ (1711—1780), «Исторія о правленіи древнихъ республикъ» (№ 4832), «Процвѣтающая Греція» (№ 3061), «Аѳинская республика» (№ 5867) Ламберта Босія (1728—1777), «Размышленіе о греческой исторіи» (№ 9493) соч. Мабли (1709—1785), «Римская исторія» (№ 4881) Ролленя (1661—1741) въ переводѣ В. Тредьяковскаго, «Политическое состояніе древняго Рима» (№ 11131) соч. Ив. Рижскаго, «Исторія о перемѣнахъ, бывшихъ въ римской республикѣ» (№ 4825) аббата Вертота (1655—1735), «Исторія о римскихъ императорахъ» (№ 4854),—трудъ Кревіера (1693—1765), ученика Ролленя, состоящій въ 12-ти томахъ и служившій продолженіемъ «Римской исторіи» Ролленя;—на русскій яз. были переведены В. Тредьяковскимъ только первые четыре тома сочиненія Кревіера.

Изслѣдованія отдѣльныхъ эпохъ и характеристики историческихъ дѣятелей находимъ въ сочиненіяхъ: «Приключенія Клеандра царевича Лакедемонскаго» (№ 8978), «Кодръ» (№ 3379)—драматическій отрывокъ, «Алкивіадъ» (№ 6184) Мейснера (1753—1807), «Аристидъ» (№ 2015), «Приключенія Ѳемистокла» (№ 9007), «Исторія Филиппа Македонскаго» (№ 4933) Оливьера (1756—1814), «Антигонъ» (№ 7391)—опера Метастазія (1698—1782). «Исторія Фокіона, аѳинскаго законодателя» (№ 4936) По исторіи Кира имѣемъ два сочиненія (№ 5143—4).

Въ частности, изъ сочиненій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ исторіи Рима, назовемъ слѣдующія: (оперы, трагедіи, повѣсти): «Браки самнитянъ» (№ 7400),—опера Розіера († 1805), «О сраженіи Горацієвъ съ Куріаціями» (№ 4367). «Нума Помпилій» (№№ 8689—90)—Флоріана (1755—1794), «Нума или процвѣтающій Римъ»

(№№ 12450—51) Хераскова, «Катилина» (№ 11913)—трагедія Кребильона (1674—1762), «Фабій и Катонъ» (№ 12347)—соч. Гиллера, «Брутъ» (№ 11865 ср. № 2606)—трагедія Вольтера (1694—1778), «Цинна» (№ 11973)—трагедія П. Корнеля (1606—1684), «Смерть Цезарева» (№ 11960, ср. № 2607)— трагедія Вольтера, «Юлій Цесарь» (№ 11984)—трагедія Шекспира (1564—1616), «Смерть Помпеева» (№ 11958)—трагедія П. Корнеля, «Жизнь и дѣянія Нерона» (№ 3991), «Повѣсть о заговорѣ Пизона противъ Нерона» (№ 3732), «Сенека» (№ 11951, ср. № 11950)—трагедія Клейста (1715—1759), «Сонъ Марка Аврелія» (№ 11125) и «Луцій Веръ» (№ 7442)—опера Апостола Зено (1668—1750)

По *географіи* древнеклассическаго міра назовемъ слѣдующіе труды: «Пелопонисъ» (№ 11345)—переводъ статьи изъ Энциклопедіи, Исторія Парнасская (№ 4870) и Исторія Лигуріи и острова Корсики (№ 4763).

Сдѣланное въ 1783 г. пріобрѣтеніе Крыма, конечно, должно было вызвать интересъ къ изученію историческихъ судебъ нашего Юга, главнымъ обр. въ эпоху заселенія этой страны греками и римлянами. Къ этому времени относятся изслѣдованія Андр. Лызлова (№ 4912—3) А. С. Нарушевича (1733—1796), Н. Я. Озерецковскаго (1750—1827) и др. Къ древностямъ, искусству и археологіи могутъ быть причислены слѣдующіе труды: «Картина древности» (№ 5099)—соч. въ трехъ частяхъ іеромонаха Ѳеофана, «Образованіе древнихъ народовъ» (№ 6966)—четырехтомный трудъ извѣстнаго гравера и живописца Дандре Бардона († 1783), «Слово о патріотизмѣ древнихъ» (№ 10758)—рѣчь моск. профессора Рейхеля, «Исторія о торговлѣ и мореплаваніи у древнихъ» (№ 4866), Названіе древнихъ мореходныхъ судовъ греческихъ (6445), «Слово о римскомъ правленіи» (№ 10738),

«О Сенатѣ» (№ 8533) изслѣдованіе знаменитаго Павла Мануція (1511—1574) [6]), «Начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ» (№ 6781), «Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ» (№ 4156), «Магазинъ древностей римскихъ» Петра Бурмана (1668—1741) съ прибавленіемъ книжки Пемпонія Мелы о древностяхъ города Рима (№ 6134), «О нравахъ древнихъ Римлянъ» (№ 6886—7, ср. № 7770), «О богослуженіи Римлянъ» (№ 11079), о весталкахъ (№ 7829), «Весталка» (№ 3473)—драма съ франц., Описаніе обрядовъ при бракосочетаніи и погребеніи у древнихъ народовъ въ употребленіи находившихся (№ 7633) – сочиненіе Ридо, «Памятникъ рѣдкостей» (№ 8062), «Слово о художествахъ древнихъ» (№ 10743, ср. № 9737)—рѣчь проф. Рейхеля, «О первыхъ изобрѣтателяхъ всѣхъ въ свѣтѣ вещей» соч. Полидора Виргилія Урбинскаго (№ 8091), «Руководство къ познанію древнихъ живописей» (№ 9942) – Винкельмана (1717 — 1768), Храмъ Книдійскій (№ 6308) и Открытіе города Геркулана (№№ 7988—9). Наибольшее количество сочиненій однако же падаетъ на долю миѳологіи (свыше 50). Къ сочиненіямъ общаго характера должны быть отнесены: «Словарь историческій» (№№ 10400—1), «Храмъ всеобщаго баснословія» (№ 12475), [7]) «Храмъ древности» (№№ 12477 — 8), «Исторія о языческихъ богахъ» (№ 4779, ср. №№ 4876, 8024), «Введеніе въ миѳологію» (№ 11090), Руководство къ миѳологіи (№ 9916).

---

[6]) Переводъ этого сочиненія посвященъ «любителямъ римскихъ древностей».

[7]) Въ этомъ сочиненіи, написанномъ въ діалогической формѣ, рѣчь ведется между двумя вымышленными лицами— *Палеофиломъ* (любителемъ древности) и *Мистагогомъ* (показывающимъ и объясняющимъ древности иностранцамъ).

соч. Гедерика (1675—1748), «Начертаніе миѳологіи» (№ 6785) Ліоне, «Миѳологическій лексиконъ» (№ 5922).

Въ частности, по миѳологическимъ сюжетамъ были написаны *балеты*: «Ацисъ и Галатея» (№ 2103) Гильфердинга, «Дидона оставленная» (№ 2107), *оперы:* «Алкидъ на распутьи» (№ 7388)—Метастазія, «Діанинодрево» (№ 7412), «Цефалъ и Прокрисъ» (№ 7507) Сумарокова, «Алцеста (№ 7389) его-же; *драмы:* «Антигона» (№ 3304) Марка Кольтелини, «Филемонъ и Бавкида» (№ 3467); *трагедіи:* «Эдипъ» (№№ 2608 и 11976) и «Меропа» (№№ 11926 и 2613) Вольтера, «Пантея» (№ 11935), «Дейдамія»(№ 11884) Тредьяковскаго, «Агріопа» (№ 11848) В. Майкова; *комедіи:* «Девкаліонъ и Пирра» (№ 5351) Сенфуа (1698—1776); *повѣсти* и, такъ сказать, *романы:* «Галатея, пастушеская повѣсть» (№ 12405), «Купидонъ и Псиша» (№ 7440)—соч. Кольтелини, «Любовь Псиши и Купидона» (№ 6121) соч. де Лафонтена (1621—1695), «Кадмъ и Гармонія» (№ 12446) Хераскова, «Оставленная Дидона (№ 7468)—Метастазія (ср. еще №№ 8356—7, 8969, 8593, 8979, 3074, 6974). Нельзя обойти молчаніемъ и то обстоятельство, что въ эту пору увлеченія грекоримскимъ міромъ наблюдалось и другое направленіе—*сатирическое*, представляющее прямой контрастъ *классическому*; такимъ образомъ въ насмѣшливомъ тонѣ писались шуточныя поэмы (Энеида на изнанку), пародіи на разговоры въ царствѣ мертвыхъ Лукіана и комедіи (напр., Дидона).

Очень много за это время было издано сочиненій, имѣвшихъ отношеніе къ эпохѣ Троянской войны (трагедіи, похожденія, приключенія и т. п.) таковы: «Исторія о разореніи Трои» (№ 12918), «Ифигенія» (№ 11908), трагедія Расина (1639—1699) «Ифигенія въ Тавридѣ» (№ 3368) Кольтелини, «Странствованія Телемака»

(№ 11569, ср. 8994, 8616—7) Фенелона, «Похожденіе Улисса» (№ 8619) Маменя, драма «Цирцея и Улиссъ» (№ 3470), «Похожденіе Ахиллесово» (№№ 8594—5), Ахиллъ въ Сцирѣ (№ 3306) Метастазія, Похожденіе Неоптолема (№ 8607—8), «Андромаха» (№ 11853),—трагедія Расина, «Гипермнестра» (№ 11880),—трагедія ле Міера (1723—1793).

Въ то время было переведено также нѣсколько сочиненій писателей новѣйшей латыни, а именно: «Отроческое наставленіе» (№ 6333) Мурета (1526—1585), «Пять рѣчей Августа Ернести» (№ 3079), профессора въ Лейпцигѣ (1733—1801) и трактатъ Корнелія Агриппы (1486—1535) «О благородствѣ женскаго пола» (№ 2258).

Источники и пособія, которыми мы пользовались при составленіи предлагаемаго очерка, были преимущественно библіографическіе труды Сопикова, Геннади, Прозорова, Нагуевскаго [8]) и др., которые мы и ука-

---

[8]) Здѣсь умѣстно замѣтить, что, вообще говоря, механическій трудъ Нагуевскаго, въ сравненіи съ указателемъ Прозорова, безсистеменъ, малосодержателенъ, кратокъ; его замѣчанія изобличаютъ въ немъ новичка въ области библіографіи, и пользоваться его указаніями слѣдуетъ съ большой осторожностью. Для примѣра укажемъ нѣсколько болѣе значительныхъ промаховъ Нагуевскаго, въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ нашему изслѣдованію. Здѣсь г. Нагуевскимъ не указаны слѣдующіе труды: «Обзоръ римской литературы по Бэрнхію» (Сопиковъ № 11074), изслѣдованіе Вашилова по Овидію (№ 15 нашего указателя); переводы: Вегеція (№ 27 наш. указ.); Клавдіана (№ 37 наш. указ.), поэмы Овидія «Ibis» (№ 41 наш. указ.), перепечатки романа

зываемъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ справочнаго словаря Геннади мы заимствовали въ значительной степени ссылки на литературу, и не можемъ не сожалѣть, что наши указанія въ этомъ направленіи должны были уменьшиться съ того мѣста, на которомъ прерванъ цѣнный трудъ Геннади. Разобранныя нами сочиненія просмотрѣны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, [9]) по самымъ оригиналамъ, которые въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя библіографическія *рѣдкости*.

Цѣлью предлагаемаго труда было показать, какихъ размѣровъ достигло знакомство русскаго общества съ классической литературой въ Екатерининскую эпоху. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса, до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно, не поднимавшагося въ наукѣ, важно для изученія *исторіи классической филологіи въ нашемъ отечествѣ*.

Апулея: «Золотой оселъ», въ переводѣ Кострова (№ 44 наш. указ.); далѣе не приведено 1-е изд. труда Шишкина по Цицерону (№ 114 наш. указ.); нѣкоторыя сочиненія приведены подъ двумя различными заглавіями (ср. №№ 367 и 369 въ указ. Нагуевскаго и № 104 въ наш. указ.). Кромѣ этихъ промаховъ въ работѣ г Нагуевскаго много опечатокъ въ означеніи годовъ (напр. при № 500=№ 86 наш. указ. значится 1868 г. вм. 1768) и именъ (напр. при № 584=№ 111 наш. указ. значится И. Ф. и С. С. вм. И. Ф. и В. И.)

[9]) Книгъ, указанныхъ въ нашемъ обзорѣ подъ №№ 1, 2, 8, 16, 27, 32, 34, 37, 39, 48, 59, 63, 66, 73, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 105, 108, 109, 112, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123 (всего 34) и представляющихъ собою переводы сочиненій классическихъ авторовъ, мы не могли достать въ библіотекахъ того университетскаго города, гдѣ намъ пришлось работать. Эти книги мы описываемъ на основаніи существующихъ библіографическихъ трудовъ.

О судьбахъ классической филологіи на Западѣ мы имѣемъ возможность узнать изъ книги Фрейнда: «Предметъ и задачи филологіи (классической)», переводъ которой былъ помѣщенъ на страницахъ «Филологическихъ Записокъ» за 1882 г.; что же касается исторіи классической филологіи въ Россіи, то о ней мы имѣемъ представленія самыя смутныя, если не сказать болѣе: достаточно указать на 2-е примѣчаніе къ стр. 66-й книги Дж Гау: «Минерва», переведенной В. Алексѣевымъ. (Спб. 1893), гдѣ переводчикъ убѣжденно называетъ нѣсколько русскихъ ученыхъ филологовъ ближайшаго къ намъ времени и не признаетъ существованія подобныхъ ученыхъ въ предшествующую эпоху. Судите сами, читатель, не слишкомъ ли это смѣлый и суровый приговоръ надъ исторіей науки, которой насчитывается въ нашемъ отечествѣ почти двѣсти лѣтъ существованія!?

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ переходимъ къ разсмотрѣнію самихъ переводовъ древнихъ классиковъ и ихъ, такъ сказать, иниціаторовъ въ эпоху Екатерины II.

№ I. А. Б.

Геннади, «Справочный словарь» т. I, стр. 1.

Нагуевскій, «Библіографія» № 585, стр. 32.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 10203, стр. 367.

1) «Луція Аннея Сенеки о управленіи міра, о Божіи промыслѣ, и какъ многая злая благимъ мужамъ случаются, и стихи на смерть прскв. вивн. Б. А. Спб. 1786. 4°».

Геннади къ приведенному заглавію книги дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Стихи ли это на смерть Б. А., или

подъ буквами Б. А. скрыто имя автора—этого изъ брошюры, переведенной по Сопикову съ лат яз.,—не видно» У Нагуевскаго заглавіе списано не точно.

№ II. Акимовъ Иванъ.

Геннади, «Справочный словарь» т. I, стр. 14.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 1484, стран. 80.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 8606, стр. 178 и № 10337, стр. 381.

2) «Похожденіе Керея и Каллирои, соч. на греческомъ языкѣ Харитономъ Афродійскимъ. Съ нѣмецкаго Спб. 1766. 12⁰».

Другое заглавіе: «Славные язычники, или весьма достойнѣйшія любопытства приключенія Керея и Каллирои, знатнѣйшихъ Сиракузянъ». Калуга 1793. 8⁰».

У Прозорова заглавіе списано не точно, отчасти также и у Геннади.

Акимовъ Иванъ, переводчикъ XVIII вѣка академіи наукъ, переводилъ съ франц. и нѣмец. яз.; между прочими книгами перевелъ съ нѣм. яз. трагедію: «Сенека» (Спб. 1765. 8⁰), см. Сопиковъ ч. V, № 11950, стр. 41.

№ III. Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ † 1780 г.

Bacmeister, «Russische Bibliotek» VI, p. 561.

Венгеровъ, «Русскія книги» стр. 390—391.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 18.

Его же, «Русскія книжн. рѣдкости», № 42, стр. 50.

Нагуевскій, «Библіографія» № 515, стр. 27.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 2221,

стр. 53—54; ч. II, № 2374, стр. 73, ч. III, №№ 3717—8, страв. 11.

Филаретъ, «Обзоръ» т. II, стр. 164.

«Энцикл. лексиконъ» т. III.

Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ, священникъ Спасскаго собора, что на бору, въ Москвѣ и учитель кадетскаго корпуса, былъ сынъ пономаря замоскворѣцкой церкви Св. Николая, съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевымъ (1727—1801), протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора [10]), занимался переводами съ древнихъ языковъ, умеръ въ 1780 г. въ Спб.

3) Валерія Максима изреченій и дѣлъ достопамятныхъ книгъ девять. Переведены съ латинскаго языка Иваномъ Алексѣевымъ. Часть перьвая. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1772 году. 8° стр. 22 нен.+464. Часть вторая. Тамъ же 8° стр. 520».

Въ «Предувѣдомленіи къ читателю (нен. стр 3—7) переводчикъ обращается съ просьбой, если въ переводѣ встрѣтится какая-либо неясность,—не произносить поспѣшно приговора о его трудѣ, но принять во вниманіе разницу въ языкѣ и штилѣ. Далѣе, упомянувъ о такихъ людяхъ, которые судятъ о латинскихъ книгахъ, не будучи вовсе съ ними знакомы «съ нѣкоторою важностію и увѣрительнымъ видомъ: что тутъ добраго ничего найти не можно; а темъ самимъ стараются отнять честь и достоинство отъ всѣхъ писателей латинскихъ, хотя впрочемъ безплодно», переводчикъ дѣлаетъ такое сравненіе: «но я не знаю, не болѣе ли они (т. е. эти критики) на такихъ цѣновщиковъ походятъ, которые не зная доброты вещи принимаются определить ей цѣну,

[10]) Ср. Брокгаузъ, Энцикл. словарь т. I, стр. 415.

а что всего удивительнѣе, не дая притомъ другимъ свѣдующимъ о ней довольно, выговорить слово. Почему и мнѣнія таковыхъ о моемъ переводѣ я не уважаю ни мало».

Въ заключеніи переводчикъ говоритъ о достоинствахъ переводимаго имъ писателя, которымъ «всякаго званія и состоянія, всякаго возраста и обоего пола любителямъ чтенія книгъ пользоваться можно, съ такимъ притомъ увѣреніемъ, что они читая его не потеряютъ времени напрасно».

За «предувѣдомленіемъ» помѣщены: «Жизнь Валерія Максима изданная сочинителемъ неизвѣстнымъ» (нен. стр. 8—9), примѣчаніе «о типографическихъ погрѣшностяхъ» (нен. стр. 10) и подробнѣйшее оглавленіе содержанія книги (нен. стр. 11—20).

Кромѣ подробнаго ко всему сочиненію оглавленія, помѣщеннаго въ I-ой части, имѣемъ два указателя: 1) знаменованіе начальныхъ литеръ и цѣлыхъ слоговъ отъ именъ отдѣленныхъ (нен. стр. 21—22) и 2) изъясненія именъ разныя власти, званія, и мѣста означающихъ, собственно у Римлянъ въ употребленіи бывшихъ; также нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, игръ и знаковъ по алфавиту (стр. 1—32).

Переводу собственно текста предшествуетъ переведенное «Къ Тиверію Цесарю Августу предисловіе» (стр. 33—35).

Приложенный въ началѣ перевода указатель именъ и предметовъ избавилъ переводчика отъ необходимости давать примѣчанія въ сноскахъ.

Какъ изъ подробнаго, приведеннаго въ оглавленіи, обозрѣнія содержанія всего сочиненія, такъ и изъ приложенныхъ къ переводу рказателей видно, что переводъ исполненъ заботливой рукой знатока дѣла. Предувѣдо

мленіе свидѣтельствуетъ намъ о существованіи уже и въ то время явныхъ враговъ классическаго образованія, открывая передъ нами непригляднуую картину партійной борьбы изъ-за преимуществъ той или другой литературы,—борьбы, которая велась безъ пониманія дѣла, но съ важнымъ видомъ напускной учености. Подобныхъ критиковъ въ то время было не мало, какъ это мы увидимъ ниже, когда поведемъ рѣчь о Ѳ. В. Тумановскомъ [11]).

4) «Эліана различныя повѣсти, перевелъ съ Греческаго Иванъ Алексѣевъ, часть I. Спб 1773. 8⁰».

Прозоровъ «Систематич. указатель» отд. II, № 1521 стран. 83.

Сопиковъ, «Опытъ россійск. библ.» ч. III, № 3717, стран. 11.

Означенный переводъ, вѣроятно, принадлежитъ не Алексѣеву, такъ какъ «второе» изданіе перевода Эліана, вышедшее въ двухъ частяхъ въ Москвѣ въ 1787 г. и упоминаемое у Сопикова въ ч. III, № 3718, стр. 11, несомнѣнно принадлежитъ не Алексѣеву, см ниже Сичкаревъ Иванъ LXXIV.

5) Діодора Сикилійскаго историческая библіотека. Переведена съ Греческаго на Россійскій языкъ Иваномъ Алексѣевымъ. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1774 года. 4⁰ стр. 14 нен.+373+1 (типографическія погрѣшности). Часть вторая. Тамъ же 1774 года. 4⁰ стр. 16 нен.+334+1 (типографическія погрѣшности). Часть третья. Тамъ же 1774 года. 4⁰ стр. 24 нен.+418+1 (типографическія погрѣшности). Часть четвертая. Тамъ же 1775 года. 4⁰ стр. 18 нен.+435+1 (типографическія погрѣшно-

---

[11]) См. LXXXII, 110.

сти). Часть пятая. Тамъ же 1775 года. 4° стр. 22 нен.+1 (типографическія погрѣшности)+424. Часть шестая. Тамъ же 1775 года. 4° стр. 12 нен. +430+1 (типографическія погрѣшности)».

Въ I ой части помѣщены кн. I—III, во II-ой кн.—IV - V, въ III-ей—кн. XI—XIII, въ IV-ой—кн. XIV—XVI, въ V-ой—кн. XVII—XIX и въ VI-ой—кн. XX.

Библіографы считаютъ означенное сочиненіе рѣдкимъ, хотя эта рѣдкость врядъ ли правдоподобна: намъ приходилось видѣть нѣсколько экземпляровъ этой книги.

Бурцевъ, Описаніе т. I, № 297, стр. 246

Геннади, Русск. книжн. рѣдкости № 42, стр. 50.

Сопиковъ, Опытъ россійск. библ. ч II, № 2221, стр. 53—54.

Въ I-ой части въ «Предувѣдомленіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» (стран. 1—10) послѣ краткой характеристики разныхъ представителей власти у народовъ древняго міра, переводчикъ воздаетъ похвалы Императрицѣ Екатеринѣ, Великой Монархинѣ, истинной матери отечества, «которая непрестанно печеся и неусыпно трудяся о устроеніи и совершеніи блаженства всѣхъ и всякаго состоянія своихъ подданныхъ, между другими премногими отъ многихъ непостигаемыми дѣлами, и достойно божественными почитаемыми не оставила снабдить и тою оставшеюся пользою и удовольствіемъ, чтобъ знающіе нѣкоторые языки и незнающіе переводимыми на природной языкъ со всѣхъ другихъ могли пользоваться книгами. На сей конецъ благоволила учредить особенное собраніе, которое бы о переводѣ иностранныхъ книгъ на Россійской языкъ старалось. А какъ оное собраніе составляютъ мудрые отъ Премудрой Монархини избранные особы, потому и видимъ, что книги назначаются для перевода

и въ свѣтъ выходятъ отъ онаго отборныя: то есть нужныя, полезныя и заключающія въ себѣ невинную пріятность».

Далѣе, сказавъ нѣсколько словъ о пользѣ и вредѣ чтенія книгъ сообразно съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ читателя, переводчикъ замѣчаетъ слѣдующее: «дожили и мы, благосклонный читатель, до того вожделеннаго времени, когда каждой уже на своемъ природномъ языкѣ можетъ имѣть изрядную библіотеку, состоящую изъ книгъ хорошихъ, сколько сочиненныхъ, столько переведенныхъ. Въ таковой библіотекѣ не только достойно, но и преимущественно предъ другими можетъ имѣть мѣсто мною переведенная книга, именуемая «Историческою библіотекою, сочиненія Діодора Сикилійскаго».

О своемъ трудѣ переводчикъ говоритъ слѣдующее: «я не держался автора столь твердо, чтобъ переводить слово въ слово: въ чемъ сколько не находилъ нужды, столько различіе свойствъ языковъ здѣлать того не позволяло. Старался же о томъ единственно, чтобъ не отойти отъ его мыслей; выражая оныя, сколь возможно, точно. Однако признаюся, что и въ семъ не могъ ни себя удовольствовать ни читателя... Но въ недостаткѣ и погрѣшноотяхъ, надѣюсь, что благосклонный читатель проститъ мнѣ, темъ удобнѣе, когда разсудитъ, что нѣтъ ни одного столь ученаго и столь зоркаго и осторожнаго, чтобъ онъ или не незналъ ничего, или ни малѣйшаго не здѣлалъ пропуска и погрѣшности». Указавъ, наконецъ, на противорѣчивыя мѣста въ греческомъ подлинникѣ, переводчикъ заявляетъ, что имена нѣкоторыхъ деревьевъ, травъ, животныхъ, рыбъ и птицъ онъ оставилъ непереведенными, такъ какъ, «на нашемъ языкѣ нѣтъ еще ни Дендрологическаго, ни Ботаническаго, ни

Зоологическаго, ни Ихѳіологическаго, ни Орниѳологическаго лексиконовъ, чтобъ пользоваться въ такихъ случаяхъ ими было можно».

Во II-ой части, въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ», г. Алексѣевъ, разобравъ по категоріямъ людей, которые бы могли оказать обшеству существенныя услуги, но не оказываютъ таковыхъ по какимъ-либо причинамъ, пишетъ: «находятся и между обращавшимися въ наукахъ и чужестранныхъ языкахъ довольно, которые не хотятъ ни сочинить ничего, ни перевести, темъ отговариваяся, что они не хотятъ себя критикѣ подвергнуть. Ущербъ подлинно чувствительный въ чести и славѣ, ежели только онъ тутъ быть можетъ. Но я мнѣнія сему противнаго. Особливо, что ежели человѣкъ ни въ чемъ совершенъ быть не можетъ, то желать наипаче критики должно, чтобъ темъ лучше узнать и увидѣть наши погрѣшности и недостатки, и послѣ темъ исправнѣе выдавать въ свѣтъ свои сочиненія или переводы. Ибо какъ истинная критика показываетъ намъ овыя безъ всякой зависти или пристрастія, то мы обязаны такихъ исправителей благодарить много, и нетолько не убѣгать ихъ или опасаться, но искать наипаче... Когда же страшатъ ихъ такіе критики, которые или отъ злонравія и зависти или нѣкоторой страсти подобной сверботѣ, чтобъ охуждать, язвить и отнимать честь у другихъ сочиненій или переводовъ, поправлять принимаются всѣ и всякаго рода безъ упущенія, не имѣя впрочемъ силъ къ тому довольныхъ, таковыхъ критиковъ нетолько уважать не надлежитъ, но наипаче почитать за людей праздныхъ и неимѣющихъ дѣла». Далѣе переводчикъ подробно разбираетъ «мимоходомъ съ нѣкоторою можетъ быть нѣкоторыхъ пользою» филологическій споръ о передачѣ

собственныхъ именъ. Послѣ такого экскурса въ области этимологическихъ изысканій переводчикъ возвращается къ темѣ своего предисловія и воодушевленно говоритъ о славѣ въ потомствѣ, которая выпадаетъ на долю литературнаго, какъ можно догадываться, дѣятеля. Въ то благодатное время и бѣдность не могла быть препятствіемъ для занятій литературными трудами, такъ какъ Монархиня по божественной своей прозорливости предусмотрѣвъ и сіе припятствіе благоволила особенно трудящимся въ переводѣ книгъ иностранныхъ для большаго поощренія опредѣлить награжденія достойныя Монаршой щедроты. Чего ради и бѣдность не припятствуетъ въ полезныхъ дѣлахъ обществу трудиться, когда имѣетъ всегда готовую трудовъ награду. Не упоминаю уже я о томъ побужденіи и ободреніи, каковое трудящимся въ сочиненіяхъ или переводахъ полезныхъ дѣлаютъ Меценаты, которыми отечество наше предъ другими государствами хвалиться можетъ справедливо. Почему есть ли при всемъ томъ кто имѣя способность и время нехочетъ трудиться, таковой по достоинству можетъ справедливо быть названъ тунеядцемъ и беполезнымъ общества членомъ, когда не хочетъ содѣйствовать трудами своими къ онаго пользѣ».

Далѣе переводчикъ указываетъ на мотивы, побудившіе его заняться переводомъ Діодора. Съ одной стороны, это были помянутыя выше «великія награжденія», съ другой—убѣдительные совѣты и настоянія брата, которому переводчикъ и воздаетъ благодарность въ чувствительныхъ словахъ, проникнутыхъ истинно братской любовью.

Къ этой части труда переводчикомъ приложены— 1) обстоятельно составленный указатель къ первымъ двумъ частямъ; 2) эклоги или выписки, въ которыхъ

излагается содержаніе утерянныхъ пяти книгъ (VI—IX) греческаго подлинника; 3) указанія на четыре, извращающія смыслъ, ошибки, которыя тутъ же и исправляются.

Въ III-ей части въ пространномъ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ проводитъ параллель между устнымъ преданіемъ и письменностію, говоритъ на основаніи источниковъ объ извѣстнѣйшихъ въ древнемъ мірѣ биліотекахъ и распространяется о великой пользѣ книгопечатанія.

Въ IV-ой части въ «Предисловіи къ читателю» переводчикъ говоритъ о необходимости предварительнаго знакомства съ предисловіями до начала чтенія самихъ сочиненій и даетъ характеристику этихъ предисловій, изъ чего можно заключить, что г. Алексѣевъ словоохотливый переводчикъ, любящій высказываться въ предисловіяхъ.

Въ V-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» говорится о разнообразныхъ цѣнителяхъ переводовъ, о трудности, представляющейся при переводахъ, упоминается о нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ переводчикахъ (Поповскомъ и Крашенинниковѣ [12]), говорится о пользѣ перевода историческихъ сочиненій, и, наконецъ, указываются недостатки подлинника.

Въ VI-ой части въ «Предисловіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ» пространно говорится объ удовольствіи и пользѣ, доставляемыхъ чтеніемъ книгъ, приводятся сужденія объ этомъ философа Зенона, поэтовъ Горація и Клавдіана, говорится о необходимости чтенія книгъ, указываются и способы наиболѣе плодотворнаго чтенія.

---

[12]) См. LVIII и XXXV.

Кромѣ обширныхъ оглавленій общаго характера, предпосланныхъ каждой книгѣ, въ самомъ текстѣ перевода на поляхъ помѣщены заголовки частностей содержанія. Переводчикъ переводилъ все, не исключая и неблагопристойнаго, котораго такъ избѣгали другіе современные ему болѣе цѣломудренные переводчики («напр. Ильинскій, переводившій Светонія [13]), или анонимный переводчикъ «Шести писателей исторіи о Августахъ»).

Языкъ перевода чисто научный, причемъ попадается много словъ и формъ своеобразныхъ, таковы, напр., апотекарь (ч. VI, стр. 249), Аѳинеане (passim), одесятствованіе (ч. II, стр. 36), Карѳагена (вм. Карѳагенъ ч. VI, стр. 21), Саламина (вм. Саламинъ ч. III, стр. 25, 140 и чаще), составница отравъ (ч. II, стр. 72), треногъ (вм. треножникъ ч. IV, стр. 341), упрекательный (ч. VI, стр. 180); попадаются и иностранныя слова, причемъ они то переводятся, то остаются непереведенными, напр. децемвиры или десятомужи (ч. III, стр. 162), акридофаги (саранчеѣды ч. I, стр. 291), илогоны, т.-е. въ лѣсахъ обитающіе (ч. I, стр. 286), ихѳіофаги, т.-е. рыбоѣды (ч. I, стр. 272) и т. п. Орѳографія не вездѣ выдержана, наприм. встрѣчаемъ: иперворейцы (ч. I, стр. 161) и иперворeане (ч. I, стр. 232).

6) «Плутарха Херонейскаго нравственныхъ и философическихъ сочиненій часть I. Преложенная съ Греческаго языка Иваномъ Алексѣевымъ. Въ Санктпетербургѣ, иждевеніемъ Императорской Академіи наукъ 1789. 4° стр. 354+1 нен. (Роспись статьямъ въ I части находящимся)».

Въ этой книгѣ нѣтъ предувѣдомленія; она начинается прямо съ перевода. Кромѣ общаго заглавія къ

[13]) См. XXVI, 35 и 36.

каждой главѣ имѣются еще заголовки на поляхъ. Вотъ содержаніе книги: I, О воспитаніи дѣтей (стр. 1—27); II О слушаніи (стр. 28—50); III Какъ ласкателя отъ друга распознать можно (стр. 51—104); IV Какимъ образомъ узнавать можно успѣхи въ пріобрѣтеніи добродѣтели (стр. 105—127); V О полученіи отъ непріятелей пользы (стр. 128—142); VI О множествѣ друзей (стр. 143—151); VII О фортунѣ (стр. 152—157); VIII О добродѣтели и порокѣ (стр. 158—160); О утѣшеніи къ Аполлонію (стр. 161—204); X Апофѳегмы или остроумныя изрѣченія царей и полководцевъ (стр. 205—254); XI Апофѳегмы Римлянъ (стр. 254—284); XII Апофѳегмы Лаконическія (стр. 284—347); XIII Учрежденія Лаконическія (стр. 347—354).

Отсутствіе обстоятельнаго указателя предметовъ, упоминаемыхъ въ этой книгѣ, поставило переводчика въ необходимость прибѣгнуть къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, каковыхъ въ переводѣ 35, и касаются они древностей, этимологическихъ объясненій словъ, миѳологіи и географіи. Интересенъ запасъ особенныхъ словъ и формъ у переводчика, напр.: благочестно (стр. 242), вреды (стр. 149), добръ (род. п. отъ добро стр. 9, 10, 112 и др.), отвѣдывать (въ знач. «пытаться», стр. 5), съ примѣсомъ вм. съ примѣсью (стр. 268), царикъ вм. царекъ (стр. 2), чиво, чивый (стр. 250, 26) и др.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что Алексѣевъ ограничился переводомъ лишь І-ой части нравственно философскихъ сочиненій Плутарха.

Если принять въ соображеніе, съ одной стороны, то обстоятельство, что переводы Ивана Алексѣева дѣлались какъ съ латинскаго, такъ въ особенности съ греческаго языка, и слѣдовали они быстро одинъ за другимъ, и, съ другой стороны, обратить вниманіе на соб-

ственное признаніе переводчика въ особой благодарности брату Петру за его убѣдительные совѣты и настояніе и на его сознаніе, что онъ обращался больше въ латинскомъ языкѣ, чѣмъ въ греческомъ (см. «Предисловіе» ко II-ой части перевода Діодора), то все это дастъ намъ право сдѣлать до нѣкоторой степени вѣроятное заключеніе о томъ, что переводъ Діодора исполненъ общими усиліями обоихъ братьевъ—переводчиковъ. Переводы, такъ сказать, на компанійскихъ началахъ были особенно распространены въ вѣкъ Екатерины II-ой, таковы, напр., переводы Флавія, исполненные Самуйловымъ, Ждановымъ и Семеновымъ [14]), переводы Лукіана, Платона и Павзанія, исполненные Пахомовымъ и Сидоровскимъ [15]), переводъ Витрувія, сдѣланный Баженовымъ ,вѣроятно, при содѣйствіи Каржавина [16]) и др.

№ IV. Алексѣевъ Михаилъ.

Венгеровъ, «Крит. біографич. словарь» т. I, стр. 392.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 18.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 828, стр, 48.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. III, № 4969, стр. 245.

Шторхъ, «Сист. обозр.» ч. I, стр. 213.

Алексѣевъ Михаилъ, титулярный совѣтникъ и предсѣдатель верхняго суда колыванскаго намѣстничества. Ему принадлежитъ переводъ слѣд. сочиненія:

7) «Іосифа Флавія о войнѣ Іудейской. Съ латин-

---

[14]) См. LXVIII, 96; XXIII и LXX.

[15]) См. L, 67, 68, 69, и LXXII.

[16]) См. VIII, 12, и XXVIII.

скаго на Россійскій языкъ переведена Колыванскаго намѣстничества, Верхней расправы Предсѣдателемъ Титулярнымъ Совѣтникомъ Михайломъ Алексѣевымъ. Въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи наукъ 1786—1787. 2 части. 4°»

1-я часть вышла третіимъ тисненіемъ въ 1804 году, 2-я часть—вторымъ тисненіемъ въ 1818 году.

Въ началѣ сочиненія помѣщены—«Жизнь Флавія Іосифа» (стр. 1—53), за которой идетъ «О Іустѣ Тиверіадцѣ, писавшемъ Іудейскихъ Царей лѣтопись» (стр. 54) и затѣмъ—«Флавія Іосифа о войнѣ Іудейской, или Іудейской исторіи о раззореніи Іерусалима кн. VII». Въ I-ой части находятся кн. I—II, во II-ой части остальныя книги; предъ каждой книгой имѣется подробное изложеніе содержанія. При «Жизни Іосифа» даны заголовки на поляхъ, при текстѣ же самаго перевода этихъ заголовковъ нѣтъ, кромѣ вступленія, но даны заглавія при отдѣльныхъ главахъ, которыя разбиты на рубрики.

№ V. А. М.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 20.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 121, стр. 13.

Рогожинъ, «Указатель къ Сопикову» стр. 267, къ № 9661.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.», ч. IV, № 9661, стр. 300.

8) «Разсужденія Аристотелевы о добродѣтеляхъ и порокахъ; перев. съ лат. М. А. Спб. 1787. 12°»

№ VI. Аполлосъ (Андрей Байбаковъ). 1745–1801.

«Библіогр. Записки» т. II, 1859 г., № 8.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. II, стр. 908.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 38 сл.

Губерти, «Матеріалы» т. II, № 31, стр. 56—57.

Евгеній, «Словарь ист.» т. I, стр. 43—47.

Прозоровъ, «Сист. указатель» отд. IX, № 301, стр. 207.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 355.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. IV, № 8835 - 9, стр. 200 и ч. IV, № 10419, стр. 393.

Филаретъ, «Обзоръ» т. II, стр. 145.

Байбаковъ Андрей Димитріевичъ, членъ россійской Академіи, плодовитый писатель второй половины XVIII вѣка, родился въ 1745 г. въ Малороссіи, учился сначала въ Московской духовной академіи (1759—1767 г.г.), а потомъ въ Московскомъ университетѣ; былъ корректоромъ въ университетской типографіи. Въ 1772 г. назначенъ преподавателемъ поэзіи и потомъ реторики въ Моск. академіи; въ 1775 г. принялъ монашество, былъ ректоромъ Троицкой семинаріи, затѣмъ ректоромъ Московской академіи и позже епископомъ орловскимъ (1788 г.), потомъ архангельскимъ (1798 г.). Умеръ 14 мая 1801 г.; оставилъ около 20 сочиненій преимущественно богословскаго и назидательнаго характера.

9) «Правила піитическія о стихотвореніи Россійскомъ и Латинскомъ, со многими противъ прежняго прибавленіями, съ пріобщеніемъ піитико-историческаго словаря, въ коемъ содержатся баснословныхъ боговъ, мѣстъ, временъ, цвѣтовъ, деревъ и проч. имена, съ ихъ краткою исторіею и нравоученіемъ; также Овидіевы превращенія, и при концѣ отборные Публія Виргилія Марона стихи. Въ пользу юношества обучающагося поэзіи, и для всѣхъ Россійскаго стихотворенія любителей Д. Б. К.

Изданіе девятое. Москва, въ типографіи Н. С. Всеволожскаго. 1817. 8° стр. 64+31+75». Въ началѣ книги помѣщено «Предувѣдомленіе къ третьему изданію» (стр. III—IV). Означенное сочиненіе выдержало 10 изданій (1-е вышло въ 1774 г., 2 е въ 1780 г., 3-е въ 1785 г., 4-ое въ 1790 г., 5-ое въ 1795 г., 6 ое въ 1801 г., 7-ое въ 1807 г., 8-ое въ 1812 г., 9-ое въ 1817 г., и 10-ое въ 1826 г.) и по своему содержанію раздѣлено на слѣд. отдѣленія:

1) Правила піитическія. Членъ первый, гдѣ кратко говорится о поэзіи, стихѣ вообще, метрѣ и риѳмѣ (§§ 1—8, стр. 5—8); I. О стихѣ хореическомъ (§§ 9—14, стр. 9—13); II. ямбическомъ (§§ 15—19, стр. 13—16); III, дактило-хореическомъ (§ 20, стр. 16—19) и IV, анапесто-ямбическомъ (§§ 21—22, стр. 19—22); V, о стихахъ, слогами бывающихъ (§ 23, стр. 22—23); VI, о строфѣ (§§ 24—29, стр. 23—26); VII, о вольности въ стихахъ (§ 30, стр. 26). Членъ вторый о разныхъ поэзіи видахъ (§§ 31—49, стр. 26—55). 2) De carminibus usitatioribus in lingua latina (§§ I—XV, стр. 56—64), т.-е. правила о родахъ стиховъ латинскихъ, у славныхъ писателей римскихъ употребительнѣйшихъ; также о стихахъ куріозныхъ и забавныхъ. 3) Словарь піитико историческихъ примѣчаній, изданный въ 1781 г. особо (отд. стр. 1—31). 4) Цвѣты, взятыя изъ книгъ Пуб. Виргилія Марона. Здѣсь на лѣвой сторонѣ помѣщенъ самый текстъ: Flores e Virgilio excerpti. Videatur Hodegus pag. 31, а на правой—стихотворный переводъ (стр. 32—75) подъ заглавіемъ «Цвѣты, состоящіе въ отборныхъ стихахъ Пуб. Виргилія Марона, избранные Лангіемъ [17]) въ его путеводительной книгѣ, называе-

[17]) Ioachim Lange (1670—1744), профессоръ теологіи въ Галле.

мой Hodegus (изъ Энеиды, пѣсни 1—7). Здѣсь нѣкоторые начальные стихи Виргилія означены по тексту; переводъ же стихотворный принадлежитъ извѣстному переводчику В. П. Петрову [18]), о чемъ однако нигдѣ не упоминается. Для примѣра достаточно сравнить переводъ первыхъ 57 стиховъ изъ I ой пѣсни; они соотвѣтствуютъ слѣд. стихамъ перевода Петрова: 5, 13—16, 19, 39—40, 55—56, 77, 87—88, 91—92, 114—116, 118, 125—126, 131, 135—137, 139—140, 209—211, 219—220, 230—234, 298—302, 307—313, 315—318, 331, 364—366, при чемъ Аполлосъ счелъ нужнымъ мѣстами подновить переводъ, такъ, наприм., ст. 219 въ переводѣ Петрова читается такъ:

«Едва скончалъ слова, прогнавый густость тучъ».
У Аполлоса:
«Едва скончалъ слова, прогнавши густость тучъ»
Или ст. 317 у Петрова:
«Притворну на лицѣ надежду проливаетъ».
Аполлосъ замѣняетъ такъ:
«Притворну на лицѣ надежду изъявляетъ».

Сравнивая далѣе 20 стиховъ VII ой пѣсни, соотвѣтствующихъ слѣд. стихамъ перевода Петрова: 20—22, 30 67, 184, 204, 231, 400—401, 432—433, 442, 595—596, 600, 669—670, 762, 836, мы и тутъ встрѣчаемъ мѣстами подновленный языкъ, ср. переводъ стиховъ: 231, 442, 595—596, 670.

Упомянутый выше словарь піитико-историческихъ примѣчаній, составляющій какъ бы 3-ю часть «Правилъ піитическихъ», представляетъ собою отдѣльное сочиненіе, полное оглавленіе котораго слѣдующее:

---

[18]) См. LII, 72.

10) «Словарь піитико-историческихъ примѣчаній», въ которомъ содержится:

1) Вещи къ изобрѣтенію и разумноженію въ Поэзіи служащія.

2) Баснословныя имена собственныя боговъ проч. съ ихъ краткою исторіею.

3) Смыслъ нравственный или натуральный, который подразумѣвали піиты въ баснословіи.

4) Превращенія Овидіанскія, изъ всѣхъ его писаній вкратцѣ выбранныя, которыя поставлены подъ буквой П.

Въ пользу Юношества обучающагося поэзіи въ семинаріи Троицкой.

Трудами ректора І. Аполлоса.

Въ Москвѣ въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1781 года. 16° стр. 51».

Означенный словарь весьма замѣчателенъ для своего времени и очень интересенъ по характеру подобранныхъ категорій, таковы, напр., статьи: безобразные, безразсудные, богачи, болтуны, боязливые, бѣдные, воздержные, войска многочисленныя, волшебники и волшебницы, воры, врачи, всадники, искусные, гимназіи, голодъ, горы огнедышущія, гостепріимные, дураки, дѣвственные, жены ученыя, животныя кормили [19]), забывчивые, кони славные, корабельщики, красавцы и красавицы, любовь дѣтей къ родителямъ, любовью къ отечеству славные, любострастные, милосердые, молчаливые, нелюдимки, ненавистники наукъ, обжоры, памятливые, повара, похотливые, празднолюбцы, пьяные поибли, расточители, ревнивые, ругатели, сады славные,

[19]) Перечисляются тѣ, которые были вскормлены животными.

скороходы, скупые и сребролюбцы, смерти разные роды, собаками разтерзанные, счастливцы, учители, хитрецы и обманщики, чаши ядовитыя, швеи, шуты, щедрые.

Разнообразныя превращенія, описанныя Овидіемъ, сообщаются вкратцѣ подъ словомъ «Превращенія Овидіанскія» на стр. 33 - 37.

Помимо своей прямой цѣли—облегчить юношество, словарь замѣчателенъ, какъ трудъ оригинальный: нѣкоторыя изъ предложенныхъ въ немъ толкованій весьма своеобразны, такъ, напр.: «Адулаторъ или Церберъ, Адской песъ, о которомъ говоритъ Піитъ, что онъ ласкается къ тѣмъ, которые во адъ входятъ и весьма лихъ на исходящихъ оттуда: означаетъ зловреднаго человѣка».

Въ другомъ мѣстѣ о миѳическомъ рожденіи богини Венеры сказано: «Венера, родившаяся изъ пѣны морской, богиня любви и сластолюбія, означаетъ иногда утѣхи и удовольствіе, или пріятное расположеніе тѣла и темпераментовъ». Басня о похищеніи Юпитеромъ Ганимеда объяснена такъ: «Ганимедъ, отрокъ похищенный черезъ орла къ Юпитеру, означаетъ человѣка мудраго и благочестиваго, небеснаго сожителя достойнаго» и т. д. въ подобномъ же родѣ.

Книги, отмѣченныя нами подъ №№ 9 и 10, упомянуты здѣсь потому, что первая изъ нихъ заключаетъ отчасти переводъ, хотя и не самостоятельный, изъ Виргилія; а вторая является пособіемъ къ чтенію Овидія. Такихъ пособій къ усвоенію «Овидіевыхъ превращеній» было издано въ вѣкъ Екатерины II нѣсколько, о главнѣйшихъ изъ нихъ мы скажемъ ниже, когда зайдетъ рѣчь о Башиловѣ и Виноградовѣ [20]).

---

[20]) См. X, 15 и XI, 18—20.

№ VII. Афанасій (Алексѣй Ивановъ) 1746–1805.

Геннади, «Справ. словарь», т. I, стр. 52.

Евгеній, «Словарь дух. пис.» т. I, стр. 60.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 667, стр. 37.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 355.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 1762, стран. 3–4.

«Труды Кіевской дух. акад.» 1863, мартъ (краткая біографія).

Филаретъ, «Обзоръ» т. II, стр. 155.

«Энц. словарь справоч.» т. I, стр. 569.

Аѳанасій (Алексѣй Ивановъ) родился въ 1746 г. въ Москвѣ, учился въ Московской духовной академіи (1764–1774), въ которой, по окончаніи курса, былъ учителемъ грамматики, поэзіи и реторики. Въ 1777 г. Алексѣй Ивановъ принялъ монашество; позже, въ 1783 г., былъ префектомъ Московской академіи и профессоромъ философіи; въ 1785 г. былъ назначенъ профессоромъ еврейскаго языка и богословія, въ 1786 г. опредѣленъ ректоромъ, возведенный въ санъ архимандрита, въ 1788 г.—епископъ Коломенскій, въ 1799 г.—епископъ Воронежскій, а позже Екатеринославскій; съ 1801 г. былъ архіепископомъ. Умеръ 18 авг. 1805 г.

11) «Авла Геллія Аѳинскихъ ночей записки, содержащіяся въ двадцати книгахъ. Переведены съ латинскаго языка въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи. Часть первая. Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія. 1787. 8⁰ стран. XXXIII+1 стран. нен. (погрѣшности)+470. Часть вторая Тамъ же. 1787 стр. XXIII+1 стр. нен. (погрѣшности)+464.

Въ I-ой части на стр. III—VI помѣщена «Жизнь

Авла Геллія», вся наполненная похвалами этому уче нѣйшему и трудолюбивому автору—филологу, любителю философіи, юриспруденціи, исторіи, медицины, геометріи и страстному путешественнику, который «объѣздилъ и Грецію, не яко праздный зритель, но яко любопытнѣйшій испытатель». На стр. V—X помѣщено «Предисловіе» А. Геллія на ночи Аѳинскія. Это предисловіе, называемое Epilogus, обыкновенно помѣщается въ изданіяхъ Геллія въ концѣ всего сочиненія предъ указателемъ. Далѣе на стр. XI—XXXIII имѣемъ «Оглавленіе вещей содержащихся въ первой части», на стр. 1—470 текстъ перевода кн. I—X. Во 2 ой части на стр. I—XXIII помѣщено «Оглавленіе вещей содержащихся во второй части», на стр 1—411 переводъ кн. XI—XX и на стр. 413—469 «Оглавленіе достопамятныхъ вещей въ А. Гелліи находящихся». Въ обѣихъ частяхъ около 450 примѣчаній, которыя глав. обр. касаются древностей, литературы, философіи, естественной исторіи, и астрономіи, гражданской исторіи, географіи, миѳологіи, этимологическаго объясненія словъ и, наконецъ, нѣкоторыя носятъ личный характеръ. Интересенъ въ переводѣ запасъ особенныхъ словъ и формъ, каковы, напр. жесточае (II, 354), законоискусникъ (I, 342), коньѣктанеа (I, 303), краестрочіе (II, 158), мечебитецъ (II, 52), нестатно (II, 237), птицезрѣніе (I, 375 и II, 95), размѣрительный (II, 246), утробозритель (I, 219).

VIII. Баженовъ Василій Ивановичъ. 1737—1799.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь» ч. I (1836)
Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. IV стр. 678.
«Вѣстн. Евр.» статьи Пыпина и Попова 1867, т. IV и 1868, т. IV.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 57.

Евгеній, «Словарь».

Кобеко, «Д. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (Спб. 1887, 3-е изд.), стр. 163 и 382 сл.

Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты» 1867, стр. 333 (Бажановъ вм. Баженовъ).

«Москов. губ. Вѣд.» 1844, № 47 (біографія).

Нагуевскій, «Библіографія» № 504, стр. 27.

Новиковъ, «Словарь».

Пекарскій, «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII ст.» Спб. 1869, стр. 133, 208 и 217.

Reimers L'Académie dec Beaux Arts de St-Pet. 1807, p. 6.

Смирновъ, «Истор. Моск. Акад.» стр. 246.

Сопиковъ, ч. II, № 2065, стр. 37.

«Сѣв. Вѣстн.» ч. I, Спб. 1804, стр. 354.

«Энцикл. лексиконъ» т. IV, ст. кн. Эристова.

«Энцикл. словарь справ.» т. II.

Баженовъ Василій Ивановичъ, знаменитый художникъ-архитекторъ, получившій образованіе сначала въ Московской дух. акад., затѣмъ въ Москов. университетѣ, наконецъ, бывшій воспитанникомъ Императорской Академіи Художествъ съ основанія ея и первымъ ея пансіонеромъ, отправленнымъ заграницу; родился 1 марта 1737 года въ Москвѣ, а умеръ 2 августа 1799 года въ Спб. въ должности вице-президента Академіи Художествъ. Баженовъ былъ талантливый художникъ, котораго въ 1759 г. отправили сначала въ Парижъ, а въ 1762 г. въ Римъ. Изученіе архитектуры на моделяхъ привело Баженова къ изученію труда римскаго архитектора Витрувія. По возвращеніи въ Россію, живя въ Москвѣ, Баженовъ составилъ полный переводъ всѣхъ десяти книгъ архитектуры Витрувія. По Сопико-

ву Баженову помогалъ въ переводѣ Өедоръ Каржавинъ. [21]) По проектамъ Баженова въ Спб. построено много зданій (главный фасадъ зданія Академіи Художествъ, дворца въ Екатерингофскомъ паркѣ и др.), также и въ Москвѣ (зданіе арсенала, домъ Пашкова, что нынѣ Румянцевскій музей и др.). Смерть помѣшала Баженову выполнить рядъ милостивыхъ порученій Императора Павла I (напр., разработку вопроса о русскихъ художникахъ).

12) «Марка Витрувія Полліона объ архитектурѣ, книга первая и вторая. Съ примѣчаніями доктора Медицины и Французской Академіи члена г. Перо̀. Съ Французскаго на Россійской языкъ, съ прибавленіемъ новыхъ примѣчаній, переведены при модельномъ домѣ, въ пользу обучающагося Архитектурѣ юношества, иждивеніемъ Римской Академіи святаго Луки профессора Флорентинской и Болонской Академіи члена, Императорской Санктпетербургской Академіи художествъ Академика, Императорской Академіи Россійской и Экспедиціи строенія Кремлевскаго дворца члена, [22]) г. Коллежскаго Совѣтника Василья Баженова. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ, 1790 года, 4⁰ стр. 230. Книга третія. Тамъ же. 1792 года, 4⁰ стр. 134+2 стр. (погрѣшности). Книга четвертая. Тамъ же. 1793 года, 4⁰ стр. 122. Книга пятая. Тамъ же 1794 года, 4⁰ стр. 157+2 стр. (погрѣшности) Книга шестая. Тамъ же, 1794 года, 4⁰ стр. 94+2 стр. (погрѣшности). Книга седмая. Тамъ же, 1795 года, 4⁰ стр. 84+2 стр.

---

[21]) См. XXVIII.

[22]) По мысли Императрицы Екатерины II Баженовымъ былъ составленъ проэктъ огромнаго кремлевскаго дворца, который въ 1772 г. былъ заложенъ, но не строился.

(погрѣшности). Книга осмая. Тамъ же, 1796 года, 4° стр. 75. Книга девятая. Тамъ же, 1797 года, 4° стр. 79 Книга десятая. Тамъ же, 1797 года, 4° стр. 206».

Означенное сочиненіе начинается съ перевода «Предисловія французскаго переводчика при второмъ изданіи сея книги въ 1684 году, въ Парижѣ» (стр. 1—30). За предисловіемъ идетъ самый текстъ перевода, снабженный громаднымъ числомъ примѣчаній и многими снимками (планами и рисунками). Всѣхъ, примѣчаній кромѣ подстрочныхъ, свыше 1100; снимки, планы и чертежи (дски) объяснены въ примѣчаніяхъ въ концѣ главъ.

Французскій переводчикъ Витрувіева сочиненія Perrault (1613—1688) очень много потрудился въ своей жизни: изучивъ медицину, онъ ее бросилъ, чтобы отдаться архитектурѣ, въ которой онъ особенно прославился, какъ устроитель Луврской коллонады (1666—70). 1-е изданіе французскаго перевода Витрувія вышло въ 1673 году въ листъ. Имя этого знаменитаго французскаго архитектора русскій переводчикъ пишетъ то Перò (кн. 1—2, 7—10), то Перрò (кн. 3—6).

Можно пожалѣть, что старательный русскій переводчикъ Витрувіева труда съ французскаго перевода не приложилъ къ своей работѣ указателя наименованій, столь необходимаго въ такой энциклопедіи, какъ трудъ Витрувія «Объ архитектурѣ».

IX. Барковъ Иванъ Семеновичъ (или Степановичъ). 1732—1768.

Березинъ, «Словарь» стр. 268.

Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы» т. II, стр. 38—39.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. Ш, стр 75—76.

Венгеровъ, «Крит. біограф. словарь» в. 25.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 66.

Гречъ, «Опытъ» стр 188.

Губерти, «Матеріалы» в. I, №119, стр. 186—187.

Евгеній, «Словарь».

Карамзинъ, «Пантеонъ россійск. авторовъ» (изд. Смирдина 1848, т. I), стр. 587.

Нагуевскій, «Библіограф.» № 409, стр. 22 и № 639, стр. 36.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. II, № 2855, стр. 253 и ч. II, № 2153, стр. 46.

Чистовичъ, «Ист. Спб. дух. Акад.» стр. 58.

«Энцикл. лексиконъ» Плюшара т. IV, стр. 359—360.

«Энцикл. словарь» спр т. II, стр. 128.

Барковъ Иванъ Семеновичъ или Степановичъ, переводчикъ и поэтъ XVIII в., родился въ 1732 г. и былъ «поповъ сынъ». Когда въ 1748 г. Ломоносову и Брауну пришлось экзаменовать воспитанниковъ Невской семинаріи, чтобы выбрать изъ нихъ студентовъ для академическаго университета, то къ нимъ, вопреки волѣ своего начальства, явился Барковъ, обнаружившій на экзаменѣ «вострое понятіе» и достаточное знаніе латинскаго языка. Въ академіи Барковъ учился очень хорошо, отличался остроуміемъ, но велъ себя крайне предосудительно: пилъ и буянилъ, за что былъ исключенъ изъ академіи въ 1751 г. и опредѣленъ по «наборному дѣлу»; однако вскорѣ ему позволили частно учиться у профессоровъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ XVIII ст. Барковъ, служа при академіи копіистомъ и корректоромъ, былъ назначенъ академическимъ переводчикомъ;

умеръ въ 1768 г. Всѣ переводы Баркова были изданы неизвѣстнымъ издателемъ въ Спб. въ 1872 г. Кромѣ перевода сатиръ Горація и басенъ Федра, Барковъ написалъ много и другихъ сочиненій, особенно же непристойныхъ стихотвореній. Въ Императорской публичной библіотекѣ хранится списокъ этихъ пикантныхъ произведеній, носящихъ заглавіе: «Дѣвическая пирушка, или собраніе стихотвореній г. Баркова». Со времени Баркова всякія непристойныя литературныя произведенія стали называть «барковщиной».

13) «Квинта Горація Флакка сатиры или бесѣды съ примѣчаніями, съ латинскаго языка переложенныя Россійскими стихами Академіи наукъ переводчикомъ Иваномъ Барковымъ. Въ Санкпетербургѣ. При Императорской Академіи наукъ 1763 г. 4° стр. 8 нен. + 184».

Переводъ посвященъ графу Григорію Григорьевичу Орлову. Переводъ собственно сатиръ помѣщенъ на стр. 1—150, а на стр. 151—184 напечатано «Письмо Горація Флакка о стихотворствѣ къ Пизонамъ переведено Николаемъ Поповскимъ». За посвященіемъ помѣщено стихотвореніе самого переводчика. Оно также носитъ характеръ посвященія, въ которомъ однако есть не мало сатирическаго. За этимъ стихотворнымъ посвященіемъ (стр. 3—4) напечатано предисловіе (стр. 5—6), гдѣ кратко сообщается о сатирахъ вообще и Гораціевыхъ въ частности. Здѣсь, между прочимъ, переводчикъ пишетъ: «Сатиры его (т.-е. Горація), писанныя разговоромъ, заключаютъ въ себѣ одно только нравоученіе, такъ какъ и письма, которыя не меньшей похвалы достойны; но я разсудилъ за благо лучше оныхъ не переводить, нежели подать о себѣ такое ммѣніе, будто бы черезъ то хотѣлъ я унизить честь и славу князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, которыя имъ уже пе-

реведены и при академіи напечатаны [23]). За предисловіемъ помѣщено «Житіе Квинта Горація Флакка» (стр. 7—8). Переводъ снабженъ подстрочными примѣчаніями къ соотвѣтствующимъ стихамъ текста; каждой сатирѣ предшествуетъ краткое ея содержаніе, изложенное въ примѣчаніяхъ. Послѣднія напечатаны въ два столбца. Сатиры имѣютъ особыя заглавія, а именно: книга первая: I. Танталъ (стр. 1—9), II. Купіевній (9—18), III. Тигеллій (19—29), IV. Криспинъ (29—37), V. Веселая дорога (37—45), VI. Туллій (45—55), VII. Рупилій (55—58), VIII. Пріапъ (58—61), IX. Скучная встрѣча (62—66), X. Луцилій (67—74). Книга вторая: I. Требатій (75—82), II. Офеллъ (82—90), III. Дамазиппъ (91—113), IV. Катій (114—120), V. Улиссъ (120—128), VI. Загородной домъ (129—136), VII. Давъ (137—145), VIII. Фунданій (145—150).

Примѣчанія къ переводу «Письма къ Пизонамъ» принадлежатъ Баркову, какъ видно изъ «Житія Горація».

14) «Федра, Августова отпущенника, нравоучительныя басни, съ Езопова образца сочиненныя, а съ Латинскихъ Россійскими стихами преложенныя, съ пріобщеніемъ подлинника, Академіи наукъ переводчикомъ Иваномъ Барковымъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ 1764 года. 8° стр. 4 нен.+167. 2-ое изданіе вышло въ Спб въ 1787 г.

Къ означенной книгѣ приложены «Діонисія Катона двустрочные стихи о благонравіи къ сыну» (Dionysii Catonis disticha de moribus ad filium) стр. 168 слл. Въ «Предисловіи» (стр. 1—2) переводчикъ, говоря о пользѣ басенъ и о нравственныхъ качествахъ, скрываемыхъ подъ личиной звѣрей, пишетъ: «Примѣняя сіи

---

[23]) См. ниже «Кантемиръ» XXVII, 38.

и другіе многіе басенные прилоги къ обращеніямъ житейскимъ, находимъ мы слѣды, чего держаться, чего убѣгать долженствуемъ». О своемъ трудѣ переводчикъ замѣчаетъ слѣдующее: «Что касается до моего перевода, то старался я, сколько возможно, соглашать свои мысли съ Федровыми; о сходствѣ жъ оныхъ читатель разсудить можетъ изъ пріобщеннаго при семъ подлинника. Вмѣсто того, что нѣкоторыя басни для непристойнаго содержанія мною не переведены, на концѣ присовокупилъ я Катоновы двустрочные стихи о благонравіи къ сыну, желая, чтобъ учащееся юношество, а особливо любящее стихотворство и словесныя науки, симъ моимъ трудомъ съ добрымъ успѣхомъ пользовалось».

За предисловіемъ напечатано «Житіе Федрово» (стр. 3—4), въ которомъ, между прочимъ, говорится о слогѣ басенъ и о первомъ ихъ изданіи (1696 г.). Въ русскомъ переводѣ оригиналъ басенъ напечатанъ на четныхъ страницахъ, а стихотворный—на нечетныхъ. Басня 11-я на 16 стр. ошибочно помѣчена 12-ой. Примѣчаній всего лишь два (на стр. 118 и 148), они касаются критики текста. Въ своемъ переводѣ шестистопными стихами Барковъ старался придерживаться краткости и точности подлинника, и, за исключеніемъ выраженій обветшалыхъ и жесткихъ, что надобно приписать болѣе времени, нежели Баркову, переводъ его можно и теперь еще читатъ съ удовольствіемъ.

X. Башиловъ Семенъ. 1741–1770.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. V, стр. 222.
«Вѣстн. Европы» ч. 61 (1812, № 4), стр. 312.
Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 72 сл.

Гречъ, «Опытъ». стр. 231.

Евгеній, «Словарь».

Новиковъ, «Словарь».

Смирновъ, «Ист. Троицк. сем.» стр. 106—108 и 502.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, ч. Ш, № 6244, стр. 387.

«Энцикл. словарь», т. V, стр. 129 ст. Языкова.

Башиловъ Семенъ, ученый XVIII вѣка, родился въ 1741 г. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, при которой отецъ его состоялъ приказнымъ; учился Башиловъ Семенъ въ Троицкой семинаріи, а съ 1757 г. по 1762 г. въ Московскомъ университетѣ. Съ 1763 г. Башиловъ преподавалъ математику въ Троицко-Сергіевской семинаріи; съ 1766 г. былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, гдѣ однако оставался лишь три года; затѣмъ въ 1769 году былъ переведенъ въ коммиссію составленія новаго уложенія «сочинителемъ», а въ 1770 г. въ сенатъ «сенатскимъ секретаремъ». Умеръ Башиловъ 11 іюля 1770 г. 30-ти лѣтъ отъ роду; въ своей жизни онъ сдѣлалъ много переводовъ съ французскаго языка изъ энциклопедіи, Вольтера, Монтескье и др., писалъ по юриспруденціи и много помогалъ Шлецеру при изданіи русской лѣтописи. Въ журналѣ «Ни то ни Сіо» (1769 г.) Башилову принадлежитъ переводъ сочиненія Сенеки: «О провидѣніи» (стр. 113—144).

---

15) «Краткая миѳологія съ Овидіевыми превращеніями, переведена съ французскаго языка С. Б. Въ Санктпетербургѣ при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 1776 года. 16° стр. 128».

См. рец. въ «Спб. учен. вѣд.» 1777 г. стр. 124.

У Сопикова годъ изданія книги означенъ невѣрно (1767); у Нагуевскаго же это сочиненіе вовсе не названо.

Въ упомянутой книгѣ на стр. 3—4 помѣщено такое предисловіе: «Заблужденіе древнихъ язычниковъ столь далеко простиралось, что не только не стыдились они обожать людей отличившихъ себя либо высокими добродѣтелями, или гнуснѣйшими пороками: но и самыя презрительныя вещи были предметомъ ихъ богопочитанія. Думаютъ что Нинъ, основатель Ассирійской Монархіи подалъ поводъ къ сему заблужденію: онъ повелѣлъ подданнымъ своимъ воздавать божескія почести отцу своему Немвроду. Сей примѣръ возбудилъ желаніе и въ прочихъ народахъ къ подражанію тому. Не можно сказать, чтобъ въ тогдашное время не было людей просвѣщеннѣйшихъ, которые бы могли проникнуть слѣпоту того суевѣрія; а особливо у Грековъ и у Римлянъ довольно такихъ разумовъ находилось: однакожъ никто изъ нихъ не отважился доказывать явно единое бытіе истиннаго Творца неба и земли, бояся народнаго невѣжества и насилій. Всякой языкъ имѣлъ особыхъ боговъ; но были же у нихъ и общіе; и сихъ-то послѣднихъ представляю я читателю, съ описаніемъ краткой исторіи и чудесъ каждаго, кои выбраны изъ Овидіевыхъ превращеній».

Разсматриваемая краткая миѳологія—своего рода миѳологическій катехизисъ, который содержитъ въ себѣ вопросы и отвѣты раздѣленные на XXVIII уроковъ. Къ каждому уроку прибавлено особое «Изъясненіе». Это интереснѣйшая книжка, изъ которой приводимъ нѣкоторые выдержки.

Урокъ I (стр. 5). *Вопросъ* Кто былъ старѣе изъ всѣхъ боговъ? *Отвѣтъ.* Небо. *Вопросъ.* Кто были дѣти

и жена его? *Отвѣтъ*. Титанъ, Сатурнъ и Сибела, а женою Веста. *Вопросъ*. Какъ назывались дѣти Сатурновы? *Отвѣтъ*. Отъ сестры своей Сибелы имѣлъ онъ Юпитера, Нептуна, Плутона и Юнону. *Вопросъ*. Кто велъ войну съ Сатурномъ? *Отвѣтъ*. Юпитеръ согналъ его съ неба, и принудилъ удалиться къ Янусу царю Итальянскому.

Урокъ II (стр. 8 сл.). *Вопросъ*. Которую дочь произвелъ Юпитеръ самъ собою? *Отвѣтъ*. Минерву, богиню премудрости, брани, наукъ и художествъ, яко плодовъ моря. *Вопросъ*. Что сдѣлала Юнона въ отмщеніе Юпитеру за произведеніе Минервы? *Отвѣтъ*. Она родила безъ сообщенія съ нимъ Марса, бога брани.

Урокъ III (стр. 12 сл.). «Нижнія божества» (небесныя, земныя и морскія). *Вопросъ*. Какъ называютъ сіяніе, видимое на нашей гемисѳерѣ прежде солнечнаго возрожденія? *Отвѣтъ*. Авророю, или богинею зари. *Вопросъ*. Какъ звали пастуха Нептунова? *Отвѣтъ*. Проѳеемъ, который превращался въ разные виды, и предсказывалъ будущее: только надлежало его къ тому принудить.

Урокъ IV (стр. 14 сл.). «О адскихъ божествахъ». *Вопросъ*. Какъ называли назначенное мѣсто для праведныхъ? *Отвѣтъ*. Полями Елисейскими.

Къ этому уроку дано добавленіе, которое начинается такъ: «Боги важнѣйшимъ поставляли словомъ заклинать себя Стиксомъ; такъ что въ случаѣ нарушенія ея, лишались они нектара и божества» и оканчивается слѣдующими словами: «Неподалеку отъ Тартара Елисейскія поля, гдѣ души праведныхъ наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не возвращались для оживотворенія другихъ тѣлъ: тогда пили онѣ воду изъ рѣки Леѳеи, имѣющей въ себѣ силу

приводить въ забвеніе все, что не видѣли онѣ въ Плутоновомъ царствѣ».

Урокъ V (Овидіевы превращенія, стр. 17—25).

Урокъ VI (стр. 25 сл.) *Вопросъ.* Что случилось съ Юпитеромъ, когда онъ низшелъ на землю для погашенія на ней пожара? *Отвѣтъ.* Подъ видомъ Діанны, обманулъ онъ Калисту. *Вопросъ.* Что послѣдовало съ нею, когда Діанна усмотрѣла ея чреватою? *Отвѣтъ.* Выгнала изъ своего сообщества, а Юнона превратила ея въ медвѣдицу.

Урокъ VII (стр. 29 сл.). *Вопросъ.* За что воронъ изъ бѣлаго превращенъ въ чернаго? *Отвѣтъ.* За то, что объявилъ Аполлону о невѣрности Коронисиной. *Вопросъ.* Кто совѣтовалъ ворону не объявлять того? *Отвѣтъ.* Ворона, которая прежде была царевною.

Урокъ XI (стр. 46). *Вопросъ.* Какимъ образомъ Юпитеръ сдѣлался отцемъ Персею? *Отвѣтъ.* Вошедъ въ башню, въ которую Акризъ заключилъ дочь свою Данаію. *Вопросъ.* Какъ вошелъ Юпитеръ въ сію башню? *Отвѣтъ.* Превратившись въ золотой дождь.

Урокъ XIII (стр. 55 сл.). *Вопросъ.* Какое было наказаніе Арахнѣино? *Отвѣтъ.* Она превращена въ паука. *Вопросъ.* Но послужилъ ли сей примѣръ исправленіемъ Ніобѣ, царицѣ Ѳебанской? *Отвѣтъ.* Никакъ, она презрѣла Латову, за что и была наказана смертію четырнадцати дѣтей своихъ.

Урокъ XIV (стр. 60 сл.). *Вопросъ.* Что учинилъ Пелопсъ въ то время, когда онъ оплакивалъ сестру свою Ніобу? *Отвѣтъ.* Разодравъ на себѣ платье, оказалъ плечо свое, сдѣланное изъ слоновой кости.

Урокъ XX (стр. 87). *Вопросъ.* Кто была женою у славнаго музыканта Орфея? *Отвѣтъ.* Евридика, умершая вскорѣ послѣ своей свадьбы. *Вопросъ.* Что дѣлалъ

Орфей по смерти своея супруги? *Отвѣтъ* Сходилъ во адъ искать ея, и привелъ въ сожалѣніе Плутона пріятностью своей музыки. *Вопросъ.* Вывелъ ли онъ супругу свою на свѣтъ? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, потому что не сохранилъ договора, предписаннаго ему отъ Плутона.

Урокъ XXIII (стр 104). *Вопросъ.* Которые спорили изъ Греческихъ князей объ Ахиллесовомъ оружіи? *Отвѣтъ.* Уликсъ и Аяксъ. *Вопросъ.* Кому жъ оно досталось? *Отвѣтъ.* Уликсу, а Аяксъ отчаянный убилъ самъ себя.

Урокъ XXVI (стр. 117 сл.). *Вопросъ.* Справедливо ли писалъ Виргилій объ Енеѣ и Дидонѣ? *Отвѣтъ* Нѣтъ; ибо они жили въ разныя времена.

Урокъ XXVIII (стр. 125 сл.). *Вопросъ.* Къ кому Римляне имѣли прибѣжище во время великаго мора? *Отвѣтъ.* Къ Ескулапу, котораго привезли они въ Римъ подъ видомъ змія.

И такъ вся книга въ такомъ же родѣ.

XI. Виноградовъ Иванъ Ивановичъ. † 1801 г.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. IX, стр. 455 ст. М. М.

Бурцевъ, «Описаніе» т. VII, № 2282, стр. 86.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 155.

«Москов. Наблюдатель» 1837, кн. I, стр. 141.

Прозоровъ, «Сист. указ.» отд. II, № 57, стр. 10; № 1286, стр 71, отд. VI, № 118 стр. 139, отд. IX, № 304, стр. 208.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ росс.» библ. ч. III, № 4298, стр. 159; ч. IV, № 11549. стр. 520; ч. V, № 12475, стр. 97.

Виноградовъ Иванъ Ивановичъ, сынъ священника, воспитывался въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ учительской семинаріи. Несмотря на выдающіяся способности, Виноградовъ былъ отданъ за пьянство въ солдаты въ Семеновскій полкъ, гдѣ дослужился до сержанта; въ 1796 году уволенъ въ отставку. Умеръ отъ пьянства въ 1800 году или въ 1801. Былъ друженъ съ современными литературными знаменитостями, самъ писалъ стихи и много переводилъ съ франц., нѣмецк. и древнихъ яз.

Свои стихотворенія и переводы Виноградовъ печаталъ въ журн.: «Растущій Виноградъ».

---

16) «Стихотворенія Сафы, Лесбійскія стихотворицы, пер. съ греч. Иванъ Виноградовъ. Изданы съ описаніемъ житія сея славныя своими дарованіями, любовію и происшедшими отъ оныя злоключеніями женщины, и присовокупленіемъ пѣсней, переведенныхъ изъ Анакреона и другихъ стихотвореній». Спб. 1792, 12⁰».

Оглавленіе означенной книги приведено по указателю Прозорова, въ свою очередь заимствовавшаго титулъ отъ Смирдина.

17) «Златые остатки древности, содержащіе древнихъ греческихъ философовъ драгоцѣнныя нравоученія. Переводъ съ Еллино-Греческаго языка. Часть первая. Въ Москвѣ, въ привилегированной типографіи у Мейера, 1783 году 8⁰ стр. 2 нен.+86».

Часть вторая носитъ нѣсколько иное заглавіе: «Златые остатки древности, содержащіе древнихъ греческихъ философовъ драгоцѣнныя нравоученія, съ присовокупленіемъ нравоученій писателей средняго вѣка. Переведенные съ французскаго И. И.»

Часть вторая. 1783 года 8° стр. 87—144» (т.-е. продолженіе счета страницъ 1-ой части).

Прозоровъ (отд. VI, № 118, стр. 139), очевидно, не имѣлъ книги въ рукахъ и потому не зналъ, сколько частей она въ себѣ заключаетъ.

Сочиненіе посвящено генералъ-порутчику Михаилу Львовичу Измайлову. Изъ посвященія и еще двухъ мѣстъ видно, что переводчикомъ книги былъ Иванъ Виноградовъ. Содержаніе этого сочиненія слѣдующее.

I-я часть.

I. Фокилида увѣщательная поема (3—14).

II. Пиѳагоровы золотые стихи (стр 15—21) [24].

III. Солона элегія (стр. 22—26; на заголовкѣ ошибочно стоитъ IV вм III).

IV. Симонида о бѣдности жизни человѣческой (стр. 26—28; здѣсь опущено въ заголовкѣ означеніе: IV).

V. Наvмахія о должности и добродѣтеляхъ дѣвицы и супруги (стр. 28—32).

VI. Мнѣніе Пиѳагорейцевъ (стр. 32--40).

VII. Димократа философа златыя мнѣнія (стр. 41--51).

Нравоучительныя мнѣнія на разныя матеріи, собранныя изъ древнихъ греческихъ стихотворцовъ (стр. 52—86).

Въ концѣ напечатано: «Переводилъ И. В.».

II-я Часть.

Увѣщательныя стихи древнихъ философовъ (стр. 89—98).

Разумныя и нравоучительныя рѣчи древнихъ философовъ и знаменитыхъ людей (стр. 99—117).

---

[24]) Естественно, что по вышеприведенной причинѣ у Прозорова при имени «Пиѳагоръ» во II отд. на стран. 60 указаніе на этотъ переводъ отсутствуетъ.

Острыя и замысловатыя слова древнихъ обоего пола знаменитыхъ людей (стр. 118—127).

Разумныя слова знаменитыхъ женъ и дѣвицъ (стр. 127—132).

I. Размышленіе о спокойствіи истинномъ и мнимомъ (стр. 133—138).

II. Размышленіе о обхожденіи и благопристойности (стр. 138—144).

18) Храмъ всеобщаго баснословія, или баснословная исторія о богахъ египетскихъ, еллинскихъ, латинскихъ и другихъ, заключающая въ себѣ: 1) каждаго бога изображеніе, родословіе, дѣла, различныя названія, вещи посвященныя, жертвоприношенія, обряды, бывающія при оныхъ празднества и пр. 2) Смыслъ каждой басни, какой подразумѣвали баснословы. Съ латинскаго перевелъ И. В. 3 части.

Въ Москвѣ въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785 года. 8° часть I-я, стр. XII+144, часть II-я стр. 107, часть III-я стр. 132».

На оборотѣ заглавнаго листа читаемъ: «Двоякій онаго плодъ книга заключаетъ: во басняхъ веселитъ и купно наставляетъ». Въ началѣ книги на XII-ти стр. помѣщенъ приступъ къ «Храму баснословія».

Книга описана нами по Бурцеву (библіогр. описаніе рѣдк. и замѣчат. книгъ) т. VII, № 2282, стр. 86.

Подлинникъ означенной книги принадлежитъ Помею (Pomey, François Antoine 1619—1673), извѣстному Ліонскому ученому, и носитъ заглавіе: «Pantheum mythicum seu fabulosa deorum historia 12° 1757 Amstelodami».

19) Другой русскій переводъ этого сочиненія Помея вышелъ въ Москвѣ же въ 1808 г. и сдѣланъ Павломъ Рейпольскимъ, Харьковскаго коллегіума учителемъ (часть I-я—небесные боги 8° стр. 155, часть II-я—

земные боги стр. 112 и часть III-я — морскіе боги стр. 150).

Кромѣ «Храма всеобщаго баснословія», переведеннаго Иваномъ Виноградовымъ, въ вѣкъ Екатерины II-ой былъ дважды изданъ «Храмъ древности»—своего рода миѳологическій лексиконъ, I-е изданіе котораго вышло въ Спб. въ 1771 г., 2 е—въ Москвѣ въ 1784 г. Вотъ полный титулъ этой книги во 2-мъ изданіи:

20) «Храмъ древности, содержащій въ себѣ Египетскихъ, Греческихъ, Римскихъ боговъ имена, родословіе, празднества и бывшіе при оныхъ обряды, знатныхъ древнихъ мужей достопамятныя дѣла и приключенія. Собранъ изъ разныхъ Греческихъ и Латинскихъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей. Переведенъ на Россійской языкъ. Изданіе второе. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1784 года. 8⁰ стр. 438».

Березинъ-Ширяевъ т. VIII, стр. 41 сл. (здѣсь описано I изданіе).

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. IX, № 296, стр. 207.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12477—8, стр. 97.

Означенное сочиненіе неизвѣстнаго переводчика, имѣющее много общаго съ трудомъ Помея, посвящено кн. Александру Алексѣевичу Вяземскому (1727—1796) и есть жертва благодарности за изліяніе тѣхъ милостей, каковыми пользуются упражняющіеся въ свободныхъ наукахъ». Въ помѣщенномъ на стр. 7—8 «Предувѣдомленіи» говорится о необходимости и пользѣ подобной книги, и поднимается споръ о передачѣ греческихъ именъ на русскій языкъ.

XII. Волковъ Борисъ.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XIII, стр. 36

«Вѣстн. Европы» 1810, VII. стр. 213.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 168.

Нагуевскій, «Библіогр.» № 144, стр. 9.

Пекарскій, «Исторія Имп академ. наукъ» т. II, стр. 948.

Снегиревъ, «Словарь» стр. 223.

Сопиковъ, «Опытъ росс. библ.» ч. V, № 12534, стр. 105.

Волковъ Борисъ, переводчикъ Академіи Наукъ и учитель въ академической гимназіи; переводилъ съ латинскаго и французскаго языковъ, писалъ также и оригинальныя сочиненія.

21) «Марка Туллія Цицерона три книги о должностяхъ съ содержаніемъ каждой главы, и съ примѣчаніями на достопамятныя рѣчи, переведены академіи наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1761 г. 12° стр. 26 нэн.+492.».

Переводъ посвященъ президенту Императорской Академіи Наукъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728—1803). Посвященіе начинается такими словами: «Между прочими Вашего Высокографскаго Сіятельства достохвальными стараніями о распространеніи въ Россійскомъ народѣ наукъ и полезныхъ знаній, за не меньше важное почесть должно и учиненное въ Академіи Наукъ предъ давнымъ ужѐ временемъ опредѣленіе, чтобъ для любопытства и наставленія тѣхъ, кои иностранныхъ языковъ не разумѣютъ, переведены были на нашъ языкъ всякія какъ полезнаго, такъ и пріятнаго содержанія книги».

За посвященіемъ (стр. 1—6) слѣдуетъ обращеніе «Къ читателю» (стр. 7—26), въ которомъ говорится о занятіяхъ Цицерона философіей въ связи съ политическими событіями того времени, предлагается краткое изложеніе содержанія переведеннаго сочиненія и въ заключеніи сообщается о характерѣ какъ самаго перевода, такъ и данныхъ при немъ примѣчаній. Приведемъ выдержки изъ этого предисловія. ...«Какъ Юлій Цезарь овладѣлъ республикою, то Цицеронъ будучи не въ состояніи ни употреблять своего старанія, ни подавать полезныхъ совѣтовъ, и видя, что сенатская власть была уничтожена, и во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ тиранская воля была единственнымъ правиломъ, удалился въ свою вотчину, и углубился въ философію, въ которой съ малолѣтства съ толь великимъ раченіемъ упражнялся, и оная была ему единымъ убѣжищемъ и утѣшеніемъ. Въ ономъ уединеніи началъ онъ трудиться надъ философскими своими сочиненіями, которыя изрядствомъ и красотою не только ни мало не уступаютъ его ораторическимъ сочиненіямъ, но еще несравненно больше ему чести приносятъ; потому что изъ оныхъ совершенно видѣть можно честное его житіе, которое онъ имѣлъ больше случаевъ оказать, нежели свое краснорѣчіе» (стр. 8 сл.).

Написалъ Цицеронъ книги о должностяхъ для наставленія своего сына, которое сочиненіе по общему всѣхъ согласію почитается за наилучшее изъ всей древности. Цицеронъ предлагаетъ въ ономъ о должностяхъ человѣческихъ и правила, которыя онъ предписываетъ для препровожденія жизни, столь общи и пространны, что въ оныхъ заключается все правосудіе, и столь чисты и непорочны, что всякой христіанинъ безъ угрызенія совѣсти онымъ послѣдовать можетъ» (стр 13)...

«Изъ всѣхъ языческихъ книгъ не можно ни отъ одной толь великой пользы получить, какъ отъ Цицеронова сочиненія о должностяхъ человѣческихъ, которое написано порядочнымъ образомъ и преисполнено наставленій и правилъ, касающихся до препровожденія всякой жизни, и въ которомъ вступаетъ Цицеронъ въ пространное описаніе и самыя малыя подробности, принадлежащія до благопристойности» (стр. 21 сл.).

Переводчикъ, по его собственному признанію, особенно старался о наблюденіи ясности въ переводѣ, и «многія не очень вразумительныя мѣста изъяснены примѣчаніями, переведенными съ французскаго языка». Всѣхъ примѣчаній въ этой книгѣ около 300, при чемъ «важнѣйшія изъ оныхъ касаются до изъясненія и истолкованія нѣкоторыхъ мнѣній языческихъ философовъ, въ которыхъ хотя и содержится нѣкоторая истинна, однако должны оныя соглашать не только съ принятыми философскими основаніями, но и съ христіанскимъ закономъ. Другія служатъ къ большему изъясненію самаго сочиненія, котораго однимъ переводомъ не очень ясно изображать можно было, какъ напримѣръ, чтобъ знать людей, мѣста и дѣйствія, о которыхъ Цицеронъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ; и чтобъ дополнить въ другихъ мѣстахъ нѣкоторыя дѣянія, которыя не обходимо нужны для лучшаго разумѣнія. Въ сихъ выбрано только самое нужнѣйшее, и не заблагоразсуждено вступать въ пространное описаніе и критику» (стр. 22 сл.).

Нѣкоторыя примѣчанія носятъ субъективный характеръ и заключаютъ въ себѣ много назидательнаго. Въ общемъ, все это сочиненіе переведено съ знаніемъ и любовію къ дѣлу.

XIII. Волчковъ Сергѣй Савичъ † 1773 г.

Брокгаузъ, «Энцикл. словарь» т. XIII, стр. 115.

Бурцевъ, «Описаніе» т. II, № 421, стр. 435, т. IV, № 1603, стр. 214—215.

Верещагинъ, «Русск. илл. изд.» № 261, стр. 81.

Геннади, «Справ. словарь» т. I, стр. 170—171.

Губерти, «Матеріалы» в. I, № 56, стр. 99 100; № 62, стр. 108.

Евгеній, «Словарь».

Пекарскій, «Исторія Имп. Акад Наукъ» т. II, стр. 94 сл., 154 сл., 782 сл.

Прозоровъ, «Систем. указатель» отд. II, № 1257, стр. 69 и № 1488, стр. 81.

Снегиревъ, «Словарь».

Сопиковъ, «Опытъ россійск. библіогр.» ч II, № 2113 сл. стр. 42—43; ч. III, № 4085—9, стр. 94—107 и № 4875, стр. 230—231.

Волчковъ Сергѣй Савичъ, секретарь и переводчикъ Академіи Наукъ съ 1731 г. по 1759, а позже директоръ сенатской типографіи; умеръ въ Спб. въ 1773 г. Это былъ ревностнѣйшій переводчикъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ преимущественно сочиненій педагогическаго, философскаго и историческаго содержанія. Къ сожалѣнію, Волчковъ порядочно зналъ одинъ только нѣмецкій языкъ и былъ вовсе необразованъ.

22) «Житіе и дѣла Марка Аврелія Антонина, цесаря римскаго, а при томъ собственныя и премудрыя его разсужденія о себѣ самомъ съ нѣмецкаго на россійской языкъ перевелъ Академіи Наукъ секретарь Сергей Волчковъ. Въ Спб. въ 1738 и 1739. Спб. 1740». Изд. 3-е Спб. 1775. 8° стр. 511».

Означенная книга напечатана по Высочайшему по-

вѣленію Императрицы Анны Іоанновны, которой и посвящена. Переводъ этого сочиненія былъ переизданъ четыре раза: въ 1760 г. 1775, 1789 и 1798 г.г. въ Спб. Книга описана у Сопикова (ч. Ш, стр. 95—107), Губерти (в. I, № 38, стр. 69—72) Бурцева (т. II, № 421, стр. 435) и Прозорова (отд. II, № 93, стр. 12).

23) «Езоповы басни съ нравоученіемъ и примѣчаніями Рожера Летранжа, вновь изданныя на Россійской языкъ переведены въ Санктпетербургѣ канцеляріей Академіи Наукъ секретаремъ Сергеемъ Волчковымъ Печатаны въ Спб. при Академіи Наукъ 1747 года 8° стр. 8 нен.+515».

Подлинникъ этого сочиненія изданъ на англійскомъ языкѣ и переведенъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ «Fables diverses tirées d' Esope (et d' autres auteurs) accompagnées du sens moral et des reflexions du chevalier, Lestrange; traduites de l' anglois, avec des figures, par. F. Barlon, Amst. 1711». Всѣхъ басенъ 188; за предисловіемъ помѣщено «Езопово житіе» въ 18 главахъ. Послѣднее было издано отдѣльно подъ заглавіемъ: «Житіе славнаго баснописца Езопа» (тоже заглавіе по-нѣмецки) всего—12 листовъ одностороннихъ: на 6-ти помѣщенъ текстъ и на 6-ти гравюры, изображающія жизнь Эзопа; на гравюрахъ русскія и нѣмецкія надписи съ означеніемъ годовъ съ 1745 по 1750 г. Это изданіе очень рѣдкое, оно описано у Губерти (в. I, № 56, стр. 99—100) и Верещагина (№ 261, стр. 81).

Кромѣ изданія 1747 г. въ XVIII в. были еще изданія русскаго перевода басенъ Эзопа, принадлежащаго Волчкову: въ Спб. въ 1760 и 1762 г.г.—оба въ 12° и безъ примѣчаній, и въ 1775 г. съ примѣчаніями въ 8°

(Сопиковъ ч. II, №№ 2114, 2116, стр. 43 и Губерти в. I, № 62, стр. 108) и позже въ XIX вѣкѣ.

Предлагаемъ описаніе этого перевода по изданію 1810 года, которое значится «вторымъ» (Сопиковъ ч. II. № 2119, стр. 43). На стр. 1—12 помѣщено «Предисловіе издателя книги», въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Намъ ни до лица̀, ни до случаевъ ево на свѣтѣ дѣла нѣтъ; да въ одной силѣ нравоучительныхъ примѣровъ сего славнаго человѣка нужда (стр. 2). Цѣль изданія басенъ та, что «дѣти охотнѣе всего сказки слушаютъ и исторіи читаютъ» (стр. 4) и «подобны бѣлой бумагѣ, на которой худое и доброе писать можно; а сіе писаніе во власти того состоитъ, кому они сперва для воспитанія на руки отданы будутъ, а онъ уже изъ нихъ добраго или злова человѣка здѣлать можетъ» (стр. 3 сл.). Все предисловіе носитъ строго-педагогическій характеръ. За предисловіемъ помѣщено «Езопово житіе» (стр. 13—63) въ 18 главахъ; а затѣмъ идутъ басни (на стр. 64—434), помѣщенныя въ такомъ порядкѣ: сначала напечатанъ переводъ басни, затѣмъ *ученіе* и, наконецъ, *примѣчаніе;* иногда ученіе и примѣчаніе дается къ двумъ баснямъ вмѣстѣ, а не къ каждой въ отдѣльности. Возьмемъ для примѣра басню 23 (стр. 120—121): «*Гора въ родинахъ*». «Какъ великой горѣ часъ пришолъ родить, то она весьма зашаталась и ужасной стонъ испустила; а около ее живущіе люди въ крайней страхъ пришедши, хотя съ нетерпѣливостію ждали, какое новое чудо отъ нея родится, только напослѣдокъ малая и смѣшная мышь изъ подъ горы выбѣжала».

Ученіе. Такія смѣшныя родины часто и у многихъ людей бываютъ.

Примѣчаніе. Родинамъ сей горы подобны дально-

видныя намѣренія и славныя предпріятія гордыхъ. Какому доброму успѣху кромѣ смѣшнова конца отъ такого дѣла быть, которое безъ совѣту начато, а безъ разсужденія и здраваго разума ведено?»

Въ 1750 году Волчковъ прислалъ въ Академію Наукъ изъ Москвы свой переводъ первой части «Житій славныхъ мужей Плутарха»; переводъ этотъ было поручено разсмотрѣть особой комиссіи, состоявшей изъ профессоровъ Тредіаковскаго, Ломоносова, Крашенинникова и Попова. Комиссія нашла въ переводѣ много погрѣшностей, и онъ былъ признанъ совсѣмъ негоднымъ (ср. Пекарскій, Истор. Имп. Акад. Наукъ т. II, стр. 154—156 и 161—162). Собственныя имена въ этомъ переводѣ были исковерканы до неузнаваемости, такъ, вм. *Діонисъ* и *Эсхилъ* появились *Денисъ* и *Ешилъ* и т. п.

24) «Полибіевой военной исторіи томъ перьвой съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ Академіи наукъ ассесоромъ Серьгѣемъ Волчковымъ. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1756 года. 4° стр. 12 нен.+504....

Томъ второй..... переведенъ Академіи Наукъ совѣтникомъ Сергѣемъ Волчковымъ. Тамъ же 1763 года 4° стр. 6 нен.+490».

Это иллюстрированное изданіе пропустилъ Верещагинъ, но оно описано у Губерти (в. I, № 86, стр. 134—135), Прозорова (отд. II, № 1257, стр. 69) и Сопикова (ч. III, № 4875, стр. 230—231), однако не вездѣ точно и полно, такъ какъ 2-ой томъ сочиненія, повидимому, не былъ въ рукахъ этихъ библіографовъ.

Въ I т. помѣщенъ реэстръ (стр. 3—9 нен.), затѣмъ обращеніе «къ читателю» (стр. 11—12 нен.) «Предисловіе комментаторово» (стр. 1—26 нум.). «Жи-

тіе Полибія» (стр. 27—54), «Описаніе колонны» (стр. 55–119) и книги I-ой гл. 1–14 (стр. 121—504).

Изъ обращенія къ читателю узнаемъ, что виновникомъ перевода сихъ книгъ былъ гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ (1711–62). «Сей то истинный и честнѣйшій сынъ отечества своего, къ особливой пользѣ Россійскихъ войскъ, семь томовъ или частей Полибіевыхъ книгъ избравши, Правительствующему Сенату изволилъ представить, дабы оныя на нашъ языкъ переведши напечатать; которая работа по указу Правительствующаго Сената въ 1752 году началась, а въ половинѣ сего 1756 года подъ Божіимъ благословеніемъ, такъ щастливо окончалась, что вы ужѐ первой томъ въ рукахъ своихъ имѣете».

Французскій комментаторъ этого перевода былъ, какъ можно догадываться по многимъ мѣстамъ, Шевалье Фоларъ (Folard Jean Charles 1669—1752), извѣстный военный дѣятель, французскій же переводъ Поливія принадлежалъ Винцентію Тюиллье (Vincent Thuillier 1685—1736); [25]) этотъ переводъ вышелъ въ Парижѣ въ 1727 г. и позже въ Амстердамѣ въ 1753 г. въ 6-ти томахъ съ дополнительнымъ 7-мъ томомъ и съ рисунками.

«Житіе Полибія» составлено по «Тюильери» (см. стр. 23. т. II) весьма добросовѣстно. Въ заключеніи «Житія» читаемъ (стр. 54): «мнѣ (говоритъ русскій переводчикъ) для нѣкоторыхъ притчинъ и самому у читателей своихъ прощенія просить, и на труды свои не смотря того опасаться должно, что можетъ быть и я по скудости ума моего подлиннаго разумѣнія Автора не понялъ, или вмѣсто Полибіевыхъ мыслей иногда свои внесъ. Однако жъ во удовольствіе критиковъ ничего не

---

[25]) См. т. II, стр. 23 пер., Волчкова.

скажу. Въ такомъ случаѣ я знатную отвагу учинилъ, а за наглость наказаніе терпѣть должно. Мнѣ это не малая польза, чтобъ жестокихъ Ценсоровъ или разсмотрителей труда моего имѣть. Ежели они друзья, и притомъ умные люди, то меня жестокостію своею больше научатъ. Буде же пристрастные охуждатели и сатирики, то я долженъ ихъ любить съ такимъ сожалѣніемъ, что они въ непристойное ученымъ людямъ искушеніе впали».

Статья «Описаніе Колонны, какимъ способомъ оную сочинять, и какъ симъ порядкомъ биться» (стр. 55—119) заключаетъ въ себѣ 12 главъ и носитъ спеціально-военный характеръ; къ описанію приложена карта «Сициліи древней». За описаніемъ колонны идетъ текстъ перевода кн. I гл. 1—14 (стр. 132—504) съ предисловіемъ автора (стр. 121—132). Къ I-му тому приложено 40 отдѣльныхъ плановъ съ видами построенія войска въ разныя времена исторіи, съ изображеніями военныхъ орудій и съ двумя виньетками.

Во II-мъ т., имѣющемъ только двѣ виньетки, помѣщенъ реэстръ (стр. 1—6 нен.), предисловіе (стр. 1—30) и главы 15—18—I-й книги (стр. 31—232). Въ предисловіи переводчикъ защищается отъ тѣхъ, которые не согласны съ его ученіемъ о колоннѣ. Со стр. 233-ей идетъ «Описаніе Атаки и обороны городовъ у древнихъ народовъ. Часть первая»—всего 37 артикуловъ. Въ переводѣ очень много примѣчаній научныхъ и спеціальныхъ; въ нихъ встрѣчаются сравненія древнихъ войнъ съ новѣйшими (см. I т. стр. 155 сл. 183 сл., 191, 213, 308 и др.). Жаль, что переводчику не удалось довести своего труда до конца, но и въ своемъ неоконченномъ видѣ переводъ Волкова—солидный и добросовѣстный трудъ. Въ этомъ переводѣ много иностран-

ныхъ словъ (акція, апроши, инвенторъ, каваліеръ, контравалаціонный, махина въ см. машина, циркумвалаціонный, эволюція) и новыхъ выраженій (баранный, облеженіе, окружательный, осаждатель, смѣльство, старичный и др.).

П. Черняевъ.

Продолженіе будетъ.

Максимъ Горькій— литературная характеристика *).

Справедливость требуетъ сказать, что кромѣ симпатичныхъ и, такъ сказать, героическихъ босяковъ, у Горькаго есть типы иного сорта. Я остановлюсь только на одномъ изъ нихъ, на героѣ разсказа: «Проходимецъ». Этотъ разсказъ—великолѣпное созданіе нашего автора. Любопытно, что, говоря о босякахъ Горькаго, обыкновенно забываютъ о проходимцѣ, такъ называемомъ дворянинѣ Промтовѣ. Это обстоятельство, впрочемъ, понятно: «Проходимецъ» представляетъ рѣзкую противоположность прочимъ босякамъ Горькаго и ни какъ не укладывается въ рамки, заранѣе намѣчаемыя критиками. Но мы тѣмъ болѣе цѣнимъ этотъ разсказъ, такъ какъ онъ, кромѣ огромной талантливости автора, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ, что непосредственная жизнь, правда во всей ея наготѣ, Горькому дороже всѣхъ теорій.—Въ одинъ дождливый осенній вечеръ нашъ авторъ принужденъ былъ заночевать подъ хлѣбнымъ магазиномъ, такъ какъ въ деревнѣ никто не хотѣлъ пустить на ночь прохожаго. Здѣсь, подъ поломъ, при обстановкѣ, не особенно завидной, лежалъ другой искатель приключеній, назвавшій себя дворяниномъ Павломъ Игнатьевичемъ Промтовымъ. Завязалось знакомство. Лже-дворянинъ Промтовъ оказался очень интереснымъ босякомъ, совсѣмъ не похожимъ на обычный репертуаръ героевъ Горькаго. Вотъ краткая біографія господина

*) Оконч. Начало см. в. I. 1904 г.

Промтова, изложенная имъ самимъ. Его выгнали изъ шестого класса гимназіи за шашни съ инспекторскою горничною. Потомъ онъ сидѣлъ въ острогѣ, какъ политическій преступникъ; былъ хористомъ въ Нижнемъ; поступилъ въ оперетку. Онъ имѣлъ, по его словамъ, огромный успѣхъ у женщинъ и былъ съ ними крайне циниченъ. «Наружность страстнаго брюнета, прошлое политическаго преступника,—дамы въ восторгѣ», такъ самъ онъ характеризуетъ себя (Горьк. III, 215). Опереточный успѣхъ возбудилъ въ немъ ненависть и отвращеніе къ людямъ. За какую-то таинственную и, безъ сомнѣнія скандальную исторію его сослали въ глухой уѣздный городъ. Съ нимъ бѣжала одна молодая купчиха, которая здѣсь стрѣляла въ него, а сама утопилась. Оправившись отъ раны, Промтовъ поступилъ секретаремъ въ полицію. Тутъ объяла его удручающая скука, и скука довела его до женитьбы, отъ которой онъ еще больше заскучалъ: бросилъ жену, поступилъ въ дьячки, оставилъ эту профессію и сдѣлался интимнымъ другомъ и помощникомъ одной особы, занимавшейся мучнымъ дѣломъ. Умѣренно обворовавъ ее, онъ сколотилъ небольшой капиталецъ и добился права жить въ Петербургѣ, гдѣ поспѣшилъ поступить на содержаніе. Скоро за подлогъ былъ высланъ, бродяжничалъ, былъ сыщикомъ, репортеромъ, опять бродягой и босякомъ. Какъ видите, біографія очень интересна. Конечно, всему этому вѣрить нельзя, какъ и вообще всему, что повѣствуютъ Промтовы. Да онъ и самъ говоритъ: «Я разсказываю факты моей жизни кратко и поверхностно... Да и суть не въ фактахъ, а въ настроеніяхъ. Фактъ—одна дрянь и мусоръ» (III, 226) Настроенія плодятъ факты, они творятъ мысли и идеалы. А знаете вы, что такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору,

когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однихъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сырой земли, онъ увидѣлъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ по глупости сказалъ себѣ: «я достигну его! И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ».. (III, 227). Въ другомъ мѣстѣ этотъ проходимецъ говоритъ такъ: «...можетъ-быть, всякая ложь—хороша, или же, наоборотъ, все хорошее—ложь... Ложь нельзя называть вредной, поносить ее всячески, предпочитать ей истину... еще не извѣстно вѣдь, что она такое, эта истина, никто не видалъ ея паспорта... и, можетъ-быть, она чертъ знаетъ, чѣмъ окажется» (III 227). Однимъ словомъ, морали у проходимца никакой. Промтовъ признаетъ только силу разума. «Умъ—это силища», говоритъ онъ... «Вѣрьте въ умъ и никогда не пропадете. Знайте, что каждый человѣкъ содержитъ въ себѣ дурака и мошенника: дуракъ—его чувство, а мошенникъ—умъ. Чувство потому глупо, что оно прямо и правдиво, и не умѣетъ притворяться, а развѣ можно жить и не притворяться? Необходимо притворяться, даже изъ жалости къ людямъ это нужно»... (230).

Такова мораль Промтова: его поступки, конечно, служатъ только иллюстраціей его нравственныхъ взглядовъ. Промтовъ вороватъ, циниченъ, безсердеченъ, лживъ; зайдя въ деревенскую избу, онъ начинаетъ безсовѣстно лгать мужикамъ, передавая будто бы новые законы о всеобщемъ передѣлѣ земли, сообщая невозможные медицинскіе совѣты въ родѣ настоя на дождевыхъ червяхъ. За это ему обильно даютъ «пищевой продуктъ». Питаясь чужимъ трудомъ, Промтовъ тѣмъ не менѣе считаетъ болѣе пріятнымъ не просить, а вы-

нуждать подаянія. Вотъ какъ онъ получаетъ, выражаясь его словами, «пищевой продуктъ»·. Когда Промтовъ, въ сопровожденіи Горькаго, вошелъ въ деревенскую улицу, на его выразительномъ лицѣ явилась скорбная мина, глаза стали глупыми, весь онъ согнулся, сжался, и лохмотья на немъ стали стоймя, какъ плавники ерша. У одной хаты подъ окномъ стояла женщина, кормя грудью ребенка. Промтовъ поклонился ей и просительно сказалъ: «Невько моя! А дайте жъ страннымъ людямъ хлѣба!»

— Не погнѣвайся! отвѣчала женщина, окинувъ насъ подозрительнымъ взглядомъ.

— «Чтобъ у тебя въ грудяхъ сперло, суча дочка», пожелалъ ей Промтовъ. Женщина взвизгнула, какъ ужаленная, и бросилась къ намъ.

— Ахъ вы ..

Промтовъ, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей въ лицо своими черными глазами, и выраженіе ихъ было дико и зловѣще. Баба поблѣднѣла, вздрогнула и, что-то пробормотавъ, быстро пошла въ хату. Конечно, можно было ожидать, что баба вышлетъ своего мужа съ вилами противъ лихого человѣка; на дѣлѣ, чего и ожидалъ Промтовъ, вышло иное. Женщина вынесла полкорovая хлѣба и солидный шмотокъ сала. Молча и низко поклонившись Промтову, она просительно сказала ему: «Пожалуйста, возьмите, человѣче Божій, не гнѣвайтесь!».

— Спаси тебя Боже отъ злого ока, отъ ворожбы и трясцы!... внушительно напутствовалъ ее Промтовъ.—

Свой способъ добывать пропитаніе онъ изъяснялъ такъ: «Если на бабу стрѣльнуть хорошенько глазами,—она приметъ за колдуна, испугается и не только хлѣба—всю мужнину «кишеню» цѣликомъ отдастъ. Для чего мнѣ просить и унижаться передъ ней, когда я могу

приказывать? Я всегда думалъ, что лучше вырвать, чѣмъ выпросить... ну, а если нельзя вырвать, конечно, надо просить»..—Ясно, что у проходимца нѣтъ никакой совѣсти. Это онъ самъ со свойственной ему наглостью утверждаетъ: «какое мнѣ дѣло до чужой спины?» спрашиваетъ онъ (211). Нѣтъ законовъ, иныхъ, развѣ во мнѣ», провозглашаетъ онъ (212).

Вотъ мораль и поступки проходимца! Къ чести Промтова нужно сказать, что онъ имѣетъ о своей особѣ вѣрное представленіе и знаетъ себѣ настоящую цѣну. «Я увѣренъ», говоритъ онъ: «что если меня когда-нибудь будутъ бить—меня не изувѣчатъ, а убьютъ. На это нельзя обижаться и было бы глупо этого бояться» (III, 235).

Этотъ великолѣпный типъ весьма важенъ для пониманія нравственныхъ взглядовъ нашего автора на изображаемыя имъ явленія жизни. Читатель повѣсти Горькаго: «Проходимецъ», ни на мгновеніе не сомнѣвается, какъ смотритъ авторъ на лже-дворянина Промтова: нравственная брезгливость автора сквозитъ вездѣ. А между тѣмъ Павелъ Игнатьевичъ Промтовъ—краса и цвѣтъ босячества, послѣднее слово ницшеанской морали на практикѣ. Промтовъ не только отвлеченно, въ теоріи, переоцѣнилъ цѣнности, но свою переоцѣнку въ широчайшихъ размѣрахъ примѣняетъ въ жизни. И тѣмъ не менѣе онъ крайне не симпатиченъ какъ читателю, такъ и автору, тогда какъ Коноваловъ, Орловъ, Аристидъ Кувалда, Мальва и другіе босяки разныхъ половъ—возбуждаютъ наше участіе. И это понятно: босяки послѣдней категоріи и въ своемъ паденіи сохранили въ душѣ искру правды и добра, а проходимецъ Промтовъ свое нравственное паденіе сдѣлалъ прибыльнымъ и пріятнымъ для себя ремесломъ.

У Горькаго есть еще разсказъ: «Мой спутникъ», въ которомъ выводится еще безсовѣстная личность—грузинскій князь Шакро. Недоброжелатели Горькаго здѣсь усмотрять явное вліяніе Ницше. Дѣйствительно, князь Шакро—сильное, настоящее животное, наслѣдственный хищникъ, совершенно не знающій нравственнаго закона; его принципъ пользоваться чужимъ, гдѣ можно и какъ можно. Въ разсказѣ проведена параллель между альтруистомъ и эгоистомъ, при чемъ первый, просвѣщенный и гуманный, оказывается въ глупомъ положеніи работника у человѣка дикаго и тупого, но твердо убѣжденнаго въ своемъ правѣ господствовать и повелѣвать. Послѣ четырехмѣсячной рабской службы своему спутнику разсказчикъ былъ обманутъ и брошенъ самымъ мошенническимъ образомъ, но онъ нисколько не сердился на него. Въ разсказѣ звучитъ грустная нота. Авторъ раздумываетъ «о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новой моралью (христіанской), новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни, и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ ихъ понимать. Тяжела жизнь такихъ одинокихъ». Авторъ грустить объ участи такихъ людей, но уподобляетъ ихъ «сѣменамъ добрыхъ злаковъ», нуждающихся въ плодотворной почвѣ». Какъ видите, это чисто христіанская мораль и даже почти библейскій языкъ. У читателя князь Шакро вызываетъ брезливость и негодованіе. Но Горькій относится къ нему съ всепрощающей любовью и снисхожденіемъ, какъ къ больному ребенку. «Я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ», говоритъ онъ.

Не рѣдко въ печати, собственно въ газетной прессѣ, можно встрѣтить заявленія, что Горькій опасный и

вредный писатель: будучи проникнутъ идеями философа Ницше, Горькій—де смѣшиваетъ нравственныя понятія: онъ изображаетъ своихъ босяковъ сверхъ-человѣками, а они на самомъ дѣлѣ подъ—человѣки. . Самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ такихъ взглядовъ служитъ проходимецъ Промтовъ съ княземъ Шакро и извѣстное уже намъ отношеніе Горькаго къ ультра-ницшеанскимъ воззрѣніямъ изображенныхъ имъ этихъ проходимцевъ.

Въ 1899 году въ журналѣ: «Жизнь», былъ помѣщенъ большой романъ Горькаго: «Ѳома Гордѣевъ». До этого времени Горькій почти исключительно изображалъ босяцкій міръ. Въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» затронута другая среда—наше купечество.

Горькій изображаетъ двѣ категоріи купечества: прежнее и современное. Представителемъ прежняго, дореформеннаго купечества служитъ Игнатъ Гордѣевъ. Изъ простыхъ судорабочихъ онъ выбивается въ хозяева и самъ становится виднымъ на Волгѣ пароходчикомъ. Въ повѣсти мы уже застаемъ его на вершинѣ жизни, которая вся ушла въ борьбу за богатство и въ страстную любовь къ сыну, маленькому Ѳомѣ. Игнатъ Гордѣевъ—личность не выдуманная: на Волгѣ часто попадаются такіе типы, а прежде они были еще чаще. Вотъ какъ самъ авторъ характеризуетъ Игната: «Богатырски сложенный, красивый и не глупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они по пути къ своимъ цѣлямъ не умѣютъ, даже не могутъ задуматься надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучатся въ борьбѣ съ нею, но

совѣсть, — это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ ее своимъ желеніямъ, ибо они безсознательно чувствуютъ, что если дашь ей просторъ и свободу, — она изломаетъ жизнь». Словомъ, Игнатъ Гордѣевъ — цѣльная, непосредственная натура, которая всякому движенію отдается вся, со стихійной энергіей. Къ этому разряду купца стараго типа, кромѣ Игната Гордѣева, слѣдуетъ отнести лѣсоторговца Ананія Щурова. Купецъ Яковъ Маякинъ служитъ какъ бы переходнымъ типомъ отъ стараго къ современному типу купечества. Ко второй категоріи, — молодого купечества, принадлежатъ молодые люди изъ купеческихъ семей, получившіе высшее образованіе, общее или техническое, побывавшіе за границею и вернувшіеся на родину съ непреклоннымъ намѣреніемъ превратить русское купечество въ комерсантовъ и негоціантовъ на западный ладъ. Въ повѣсти Горькаго выведено два представителя этихъ новыхъ людей. Таковъ сынъ Маякина Тарасъ. Онъ началъ протестомъ, вслѣдствіе чего былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе на шесть лѣтъ. Отецъ, конечно, проклялъ его и запретилъ произносить его имя въ домѣ. Но, отбывъ срокъ наказанія, Тарасъ съ видоизмѣненными политическими взглядами сначала скромно пристроился въ контору, потомъ выгодно женился и открылъ въ товариществѣ выгодное дѣло. Когда все это выяснилось для отца, Яковъ Маякинъ съ распростертыми объятіями принялъ своего нѣкогда блуднаго, а теперь возрожденнаго сына, предвидя въ немъ великаго коммерческаго дѣльца. Еще ярче изображенъ другой представитель молодого купечества, не помраченный ни единымъ пятнышкомъ — Африканъ Дмитріевичъ Смолинъ. Онъ намѣренъ построить кожевенный заводъ, длл чего нужны деньги, съ каковою цѣлью

Африканъ женится на засидѣвшейся въ дѣвицахъ дочери Якова Маякина. Слѣдовательно, для Африкана кожевенный заводъ и женитьба—явленія одного порядка, предпріятія чисто коммерческія. Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, Африканъ по пальцамъ высчитываетъ, что кожа при существующихъ цѣнахъ на говядину обойдется ему даромъ, а крупная фабрика убьетъ всякую конкурренцію, такъ что другимъ, мелкимъ производителямъ, будетъ «гробъ и крышка», какъ выражается будущій тесть Африкана—Яковъ Маякинъ. Далѣе, въ разговорѣ съ Маякинымъ Африканъ заявляетъ, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами собирается купить мѣстную газету и такимъ образомъ забрать въ свои руки прессу, такъ какъ изданіе газеты, кромѣ защиты интересовъ личности и торговли, даже съ чисто коммерческой точки зрѣнія, можетъ быть очень прибыльнымъ дѣламъ.

Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ говорятъ сами за себя, и, можетъ-быть, журналистъ Ежовъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти) правъ, говоря, что «либеральные купцы новѣйшаго типа представляютъ помѣсь волка съ жабой и змѣей»...

Ни къ одной изъ указанныхъ разновидностей купечества не принадлежитъ Ѳома Гордѣевъ, главное дѣйствующее лицо повѣсти. Ѳома, оставшись послѣ смерти отца обладателемъ милліоннаго состеянія, не увлекается нимало дѣловой стороной жизни. Для него это лишь внѣшность, не имѣющая значенія; онъ ищетъ сущности жизни. ея смысла, и никакъ не можетъ уяснить себѣ цѣли и (смысла) своего существованія. Его пьянство, кутежи, дикія выходки не даютъ исхода природнымъ силамъ, и бѣдный Ѳома бьется въ тѣхъ путахъ, которыми для него являются его богатство и происхожденіе

изъ душной купеческой среды. Онъ хотѣлъ бы уйти и бросить все, лишь бы на немъ не тяготѣла отвѣтственность за эти милліоны и связанные съ ними потъ и кровь другихъ. Въ головѣ его, гдѣ бродятъ лишь смутныя мысли, все это не формулируется ясно, но нѣчто въ этомъ родѣ онъ смутно чувствуетъ и къ этому стремится. Его крестный отецъ, Яковъ Маякинъ, силится заинтересовать Ѳому торговымъ дѣломъ, соблазнить его тою властью, которую даютъ деньги; пытается создать ему семейную жизнь; но всѣ его попытки безполезны. Пьянство и безобразія доводятъ Ѳому до того, что купечество объявляетъ его сумасшедшимъ, а надъ его имуществомъ Маякинъ назначается опекуномъ. Ѳому сначала посадили въ сумасшедшій домъ, а послѣ выхода оттуда отправили куда-то на Уралъ, къ родственникамъ матери; а затѣмъ, вернувшись въ городъ, Ѳома поселился у сестры на дворѣ, во флигилькѣ, и началъ появляться на улицахъ города, истертый, измятый, почти всегда выпившій, то мрачный, то съ жалкой и грустной улыбкой юродиваго. Знающіе его купцы и горожане часто смѣются надъ нимъ, кричатъ ему вслѣдъ: «Эй ты пророкъ! Подь сюда! Ну-ка! Насчетъ свѣтопреставленія скажи слово, а? Хе-хе-хе! Про-орокъ!»

Въ художественномъ отношеніи повѣсть: «Ѳома Гордѣевъ», принадлежитъ къ неудачнѣйшимъ. Особенно смутно и неясно очерченъ самъ Ѳома. Онъ изображается то мистикомъ, искателемъ правды, то пьяницей, то тупицей, не понимающимъ простыхъ вещей; зато иногда Ѳома говоритъ умныя и язвительныя вещи; конечно, въ послѣднемъ случаѣ устами Ѳомы говоритъ самъ авторъ.— Повѣсть не имѣетъ отчетливаго плана, страдаетъ длиннотами; авторъ бродитъ какъ бы впотьмахъ, ясно не имѣя предъ собою цѣли. И при всемъ томъ читатель

поражается массой тонко подмѣченныхъ и ярко изображенныхъ отдѣльныхъ штриховъ, есть страницы великолѣпныя, по большей части отдѣльныя картины. Совершенно такой же отзывъ принуждены мы дать и о второй большой повѣсти Горькаго: «Трое». Здѣсь Горькій изобразилъ судьбу трехъ крестьянскихъ мальчиковъ, попавшихъ въ городъ. Двое изъ нихъ погибло, а судьба третьяго, Павла, остается не достаточно выясненной. Особенно смутно и сбивчиво рисуетъ намъ Горькій характеръ главнаго дѣйствующаго лица—Ильи Лунева. Отъ природы умный и энергичный, онъ могъ бы достигнуть значительныхъ успѣховъ въ жизни, и на самомъ дѣлѣ становится хозяиномъ галантерейной лавки. Но Горькій почему-то дѣлаетъ Лунева убійцей. Лунева терзаютъ какія-то сомнѣнія, не укоры совѣсти, какъ результатъ убійства, а не то зависть къ другимъ людямъ, не то тоска, что онъ не видитъ смысла въ жизни. Очаровательно и трогательно начало повѣсти, гдѣ изображается жизнь дѣтей въ закоулкахъ широкаго двора пригороднаго трактира. Но, чѣмъ дальше развертываетъ авторъ свою повѣсть, тѣмъ болѣе путаницы выступаетъ предъ читателемъ. Конецъ повѣсти прямо нелѣпъ: Луневъ разбиваетъ свою голову о стѣну... и такой конецъ тѣмъ болѣе страненъ, что онъ совершенно ничѣмъ не мотивированъ. Конечно, и въ повѣсти: «Трое», многія страницы превосходны. Вообще большія произведенія Горькому не удаются: онъ можетъ дать великолѣпную картину, рядъ яркихъ образовъ; можетъ схватить и живо передать поразившій его типъ,—здѣсь нуженъ только талантъ, онъ у Горького и имѣется налицо, и потому многіе изъ его мелкихъ разсказовъ великолѣпны. Въ большомъ же произведеніи необходимъ стройный планъ, строгое соотвѣтствіе частей, умѣнье противопоставить

картины по законамъ сходства и контраста, а главное— автору всегда должно имѣть въ виду свою цѣль, тенденцію, къ выясненію которой онъ стремится. Для всего этого необходимо имѣть широкій кругозоръ и дисциплированный умъ. А этого у Горькаго мы не видимъ. Не касаясь пока біографіи нашего автора, какъ на причину тому мы пока укажемъ на порывистость и страстность темперамента Горькаго. Высказанное положеніе можно было бы достаточно иллюстрировать анализомъ разсказовъ: «Двадцать шесть и одна» и «Васька Красный». Эти разсказы идейны и написаны съ огромнымъ талантомъ... Все-таки я не откажу себѣ въ удовольствіи коснуться одного изъ разсказовъ Горькаго подъ названіемъ: «Кирилка», тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ нѣчто общее съ разсказомъ: «Двадцать шесть и одна», заключая въ себѣ глубокій символическій смыслъ (конечно символизмъ не въ декадентскомъ духѣ). Въ разсказѣ изображаются нѣсколько проѣзжихъ, принужденныхъ ожидать переправы, вслѣдствіе внезапнаго вскрытія рѣки. Здѣсь были—дьячекъ Исай, земскій начальникъ Сущовъ и купецъ Мамаевъ. Здѣсь же былъ и перевозчикъ Кирилка— мужиченко на кривыхъ ногахъ, въ рваномъ полушубкѣ, туго подпоясанный, перегнувшійся впередъ и какъ бы застывшій въ поклонѣ господамъ. Маленькое, сморщенное лицо его поросло рѣдкой сѣрой бородкой, глаза были спрятаны въ мѣшкахъ морщинъ, тонкія темныя губы были сложены въ улыбку, и въ ней одновременно соединялись почтительность съ насмѣшкой и глупость съ плутовствомъ. Изъ безчисленныхъ дыръ его полушубка высовывались клочья грязной овчины, и весь этотъ человѣкъ казался изжеваннымъ, какъ будто сейчасъ вырвался изъ какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его. О переправѣ нечего и думать, такъ какъ рѣка вне-

запно разгулялась, но, по обычаю русскаго человѣка искать виновнаго, всѣ обрушиваются на злополучнаго Кирилу. Кипятится больше всего земскій, какъ представитель власти; купецъ заискивающе ему поддакиваетъ, такъ какъ ему не съ руки расходиться во взглядахъ съ начальствомъ; дьячокъ благоразумно придерживается нейтралитета, а Кирилка вполнѣ философски спокоенъ, сознавая полную свою непричастность къ поведенію рѣки и невозможность переслушать всѣ пустыя рѣчи, раздающіяся вокругъ него. Пока путники бранили мужика вообще и Кирилку въ частности, всѣ сильно проголодались: но ни у кого ничего съѣстнаго не было. И представьте себѣ общій восторгъ, когда вдругъ у Кирилки за пазухой оказалось фунта съ два хлѣба. Земскій отобралъ хлѣбъ, который и былъ раздѣленъ между всѣми путниками, конечно, кромѣ Кирилки. Хлѣбъ былъ отвратительный, болѣе похожій на глину, съ запахомъ потной овчины и кислой капусты. Но... брезгливо морщась, путники мигомъ съѣли его до крошки, при чемъ земскій разражается новыми филиппиками на Кирилу за недородъ, за плохое качество хлѣба.

Наконецъ, рѣка расчистилась; подъѣхали лодки, и путники усѣлись въ нихъ и отчалили отъ берега. Когда лодки отчалили, Кирилка добродушно крикнулъ перевозчику: Дядя Антонъ! за почтой поѣдешь, хлѣбъ мнѣ привезите,—слышь? Господа-то, пути ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна была!» Въ этой сжатой передачѣ трудно представить всю жизненность этого очерка, цѣликомъ выхваченнаго изъ жизни. Но тенденція автора ясна: въ интеллигентныхъ сферахъ мы часто можемъ слышать, какъ безпощадно честятъ мужика—пьяницей, лѣнтяемъ, лежебокомъ; но здѣсь упускается изъ виду одно обстоятельство: всѣ мы ѣдимъ Кирил-

кинъ хлѣбъ. И съ этимъ фактомъ нельзя не согласиться.

Извѣстно, что всякій писатель наиболѣе высказывается въ одномъ какомъ-нибудь произведеніи, а остальныя его сочиненія служатъ развитіемъ или пополненіемъ его главной мысли. Такого центральнаго произведенія, которое выражало бы квинтъ—ессенціи взглядовъ Горькаго, мы пока не имѣемъ, хотя у него есть превосходнѣйшіе отдѣльныя небольшія разсказы. Это обстоятельство можетъ зависѣть отъ того, что Горькій очень недавно выступилъ на литературное поприще. Во всякомъ случаѣ, какъ художникъ и новаторъ, Горькій достаточно высказался, и въ этомъ отношеніи его литературная физіономія достаточно опредѣлена. Этого совершенно нельзя сказать объ идейной сторонѣ творчества Горькаго. Онъ выступилъ съ новымъ въ литературѣ типомъ босяка, что было новымъ и интереснымъ явленіемъ. Этотъ типъ съ разными его разновидностями онъ успѣлъ уже достаточно и исчерпать. Повторенія вообще надоѣдливы, и Горькій отлично это понимаетъ. Отъ босяковъ онъ перешелъ къ изображенію купечества и крестьянъ, перешедшихъ въ условія городской жизни. Таковы его повѣсти: «Ѳома Гордѣевъ» и «Трое». Въ цѣломъ эти произведенія уступаютъ его болѣе раннимъ произведеніямъ, посвященнымъ босячеству; но превосходятъ ихъ широтой кругозора, такъ сказать, исторической перспективой. Жизнь идетъ впередъ, выдвигаетъ новые вопросы, способствуетъ выработкѣ новыхъ взглядовъ, новыхъ общественныхъ комбинацій. Настоящій художникъ, кого мы несомнѣнно видимъ въ лицѣ Горькаго, какъ органъ восприятія общества, долженъ отражать въ себѣ явленія жизни и претворять ихъ въ образы. Такъ Горькій и поступаетъ. Послѣднее его произведеніе, не прерывая

связи съ предшествующей дѣятельностью Горькаго, даетъ намъ совершенно новые типы. Говоримъ о пьесѣ: «Мѣщане». Собственно это не драма, но и не комедія: это драматическій эскизъ, какъ самъ авторъ назвалъ свое произведеніе. Форма произведенія совершенно не подходитъ къ обычнымъ формамъ сценическихъ произведеній. Здѣсь нѣтъ ни завязки, ни развязки. Конечно, отъ этого пьеса проигрываетъ въ цѣльности и опредѣленности впечатлѣнія на зрителя. Но, несмотря на это, «Мѣщане» производятъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ авторъ коснулся жгучихъ вопросовъ времени. Въ основѣ пьесы— старая борьба между отцами и дѣтьми, старая житейская и литературная исторія. Горькій одинаково отнесся неодобрительно и къ тѣмъ, и другимъ; впрочемъ, дѣтямъ досталось больше. Я не буду передавать содержанія «Мѣщанъ», да это въ сущности и невозможно: все дѣло въ настроеніяхъ, изображаемыхъ авторомъ. А этого никакими пересказами, характеристиками и критиками нельзя достигнуть: для этого необходимо если не посмотрѣть, то покрайней мѣрѣ прочесть пьесу. По паѳосу это сильнѣйшее произведеніе Горькаго. Авторъ выступаетъ съ страстными филиппиками противъ общества. Страстный и увлекающійся, онъ бросаетъ намъ укоры, что мы искусственно дѣлаемъ жизнь сложной, тогда какъ она проста; что мы превращаемъ ее въ несчастье и горе, а на самомъ дѣлѣ жизнь счастье и радость; мы дряблы, лишены чувства свободы, не способны ни на что смѣлое и рѣшительное, лишены инстинкта борьбы... и вотъ жизнь принадлежитъ другимъ, тѣмъ, кто бодръ и веселъ, кто умѣетъ бороться, кто слѣдуетъ своимъ влеченіямъ и понимаетъ жизнь просто, находя удовольствіе и въ добрыхъ отношеніяхъ съ людьми, и въ борьбѣ съ ними.

Таковъ общій смыслъ пьесы Горькаго. Для своей

тенденціи автору было необходимо представить два разряда лицъ. Къ разряду пошлаго мѣщанства Горькій отнесъ старика Безсѣменова съ женою, ихъ сына, бывшаго студента, Петра и его сестру Татьяну, школьную учительницу. Для насъ сразу ясно, что старикъ Безсѣменовъ весь ушелъ въ мелочной расчетъ и житейскія дрязги. Его дѣти, Петръ и Татьяна—люди неглупые, съ образованіемъ, но крайне апатичные и лишенные всякой воли. Почему они таковы? Авторъ не даетъ на это отвѣта. Самымъ сильнымъ представителемъ иного направленія авторомъ выставленъ Нилъ, воспитанникъ Безсѣменова. Онъ всегда бодръ, веселъ. «Мнѣ всегда весело», говоритъ Нилъ въ первомъ актѣ. «Я жить люблю, люблю шумъ, работу, веселыхъ простыхъ людей», говоритъ онъ во второмъ актѣ. Нилъ любитъ сильныя ощущенія, изобличающія въ немъ натуру борца.

«Я ужасно люблю ковать», говоритъ Нилъ: «Предъ тобой красная безформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотомъ—наслажденіе. Она плюетъ въ тебя шипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая... И ты сильными съ плеча ударами дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно»... Вотъ еще тирада Нила: «Ѣздить на скверныхъ паровозахъ осенними ночами подъ дождемъ и вѣтромъ или зимою, въ мятель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ, утомительно... Ѣздить въ такую пору трудно, опасно, если хочешь, и все же въ этомъ есть своя прелесть»... На всѣ средства души удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ: тому помѣшать, этому помочь... вотъ въ чемъ радость жизни».

Слыша или читая эти слова, мы готовы повѣрить

Нилу, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ, что въ немъ большая сила. Къ сожалѣнію, мы должны вѣрить Нилу на слово, такъ какъ въ пьесѣ слышимъ одни только рѣчи, а дѣйствія не видимъ никакого. Правда, на сценѣ происходятъ столкновенія Нила съ Безсѣменовымъ, и вообще иногда представители силы схватываются съ представителями нравственнаго мѣщанства и побѣждаютъ послѣднее. Но побѣждать ничтожныхъ—не велика честь, какъ легко быть великаномъ среди пигмеевъ. Въ этомъ недостатокъ идейной стороны пьесы, которая все-таки даетъ настроеніе, на которое разсчитывалъ авторъ *).

Итакъ, въ Горькомъ, разсматривая его произведенія не съ фактической, а съ идейной стороны, мы должны прежде всего цѣнить поэта настроеній. Онъ охотно и удачно рисуетъ бурныя и грандіозныя картины природы, такъ какъ его неспокойная душа сродна этимъ явленіямъ. У Горькаго есть страстность, темпераментъ, качества, въ малой степени присущія какъ современнымъ писателямъ, такъ и современному обществу. Горькій даже спеціально проповѣдуетъ культъ борьбы: популяризаціи этой идеи посвящены особыя произведенія, написанныя не то стихами, не то прозой: это «Пѣсня о соколѣ» и «Пѣсня о буревѣстникѣ». Въ сочиненіяхъ

---

*) Послѣдняя пьеса Горькаго: «На днѣ», ни въ сценическомъ, ни въ литературномъ отношеніяхъ не превосходитъ «Мѣщанъ». Мы смотримъ на обѣ эти пьесы, какъ на желаніе автора попытать свои силы на драматическомъ поприщѣ. Онѣ не стоятъ таланта Горькаго, и мы надѣемся, что талантливый писатель подаритъ насъ истинно идейно-художественой пьесой: многія частности обѣихъ пьесъ даютъ полное право надѣяться на это.

Горькаго всюду сквозитъ бурная и мятежная душа автора. Въ этомъ отношеніи Горькій болѣе всего напоминаетъ геніальнаго Лермонтова, при чемъ мы, конечно, не приписываемъ Горькому Лермонтовскаго аристократизма и демонизма. Какъ натура страстная, Горькій не можетъ съ холодною разсудительностью относиться къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Этого невозможно требовать отъ него, и потому мы сразу видимъ симпатію и антипатію автора. Послѣднее обстоятельство и служитъ причиной нападокъ и нареканій на Горькаго. Но нападки эти далеко не всегда справедливы: у читателя и критика должна быть собственая точка зрѣнія, иногда совсѣмъ отличная отъ авторской. Но факты всегда изображаются Горькимъ вѣрно. Онъ рисуетъ свои картины сильными, увѣренными штрихами, и пораженный читатель новизну изображеннаго Горькимъ литературнаго типа готовъ считать за новое общественное явленіе. Такъ случилось съ босяцкомъ міромъ нашего автора. Босякъ то добродушный, то озлобленный—явленіе обычное не только въ наши дни, но свойственное русской жизни во всѣ времена,—по крайней мѣрѣ былины говорятъ, что, во времена св. Владимира былъ уже классъ людей, носившихъ характерное имя—«голей кабацкихъ». Эту непокойную вольницу мы видимъ далѣе въ роли то новгородскихъ ушкуйниковъ, то каликъ перехожихъ, то ратниковъ Ермака Тимоѳеевича, то украинскихъ казаковъ, борцовъ за вѣру и отечество По самому свойству своему босякъ—этотъ неспокойный элементъ общества, не можетъ уложиться въ строгія общественныя рамки. Босякъ—какъ бы исключеніе изъ общаго правила цивилизованнаго общества, и, такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, потому что всякое правило искусственно, то босякъ является непремѣннымъ спутникомъ всякой ци-

вилизаціи. А потому болѣе на Горькаго ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на проповѣдника и иллюстратора идей Ницше. Философія Ницше—результатъ переоцѣнки цивилизаціи Западной Европы; переоцѣнка коснулась и нравственности... Горькій же въ своихъ произведеніяхъ является сторонникомъ здравыхъ и общепріятныхъ нравственныхъ устоевъ. Мы видѣли, что проходимецъ Промтовъ ходитъ по крещеной Руси съ дѣйствительно сверхчеловеческой совѣстью, за что авторъ относится къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ, а иногда и съ негодованіемъ. Вообще нужно сказать: русскій человѣкъ причину всѣхъ отечественыхъ явленій привыкъ искать на Западѣ,—пріемъ иногда плодотворный, иногда ложный. Въ отношеніи Горькаго этотъ пріемъ не состоятеленъ; если признать ницшеанцемъ Горькаго, то придется причислить къ послѣдователямъ Ницше и Пушкина съ Лермонтовымъ, Альфреда Мюссе, Байрона и другихъ поэтовъ, жившихъ значительно раньше Ницше.

Итакъ, литературный успѣхъ и слава Горькаго—прямое слѣдствіе его прекраснаго дарованія. Впрочемъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ раздаются голоса, что Горькій обязанъ своей славѣ исключительно легендѣ о происхожденіи изъ босяцкой среды. Такъ ли это? Мы имѣемъ краткую автобіографію нашего автора, которой и воспользуемся. Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ (онъ же Максимъ Горькій) родился въ 1869 году въ Нижнемъ Новгородѣ въ семьѣ красильщика. Дѣдъ Горькаго, сначала офицеръ въ Сибири, былъ разжалованъ Императоромъ Николаемъ I за жестокое обращеніе съ солдатами. Его сынъ убѣжалъ отъ отца и женился на дочери одного богатого купца, противъ воли ея родителей. Дѣдъ Горькаго съ материнской стороны былъ сначала простымъ бурлакомъ. Горькій лишился отца,

когда ему было 4 года; его мать вышла вторично замужъ и передала мальчика его дѣду, который научилъ его чтенію по псалтыри и часослову, а затѣмъ опредѣлилъ въ школу, гдѣ онъ пробылъ всего пять мѣсяцевъ, такъ какъ заболѣлъ оспой. Мать Горькаго скоро умерла, а дѣдъ разорился, и вотъ всего девяти-лѣтній мальчикъ попадаетъ въ магазинъ обуви; потомъ онъ поступилъ въ ученики къ чертежнику, бѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ въ поварята потомъ въ помощники садовника; былъ въ Казани въ крендельномъ заведеніи, торговалъ яблоками, пилилъ дрова, таскалъ грузы. Какъ жилось Горькому, видно изъ того, что въ 1888 г. онъ покушался на самоубійство, по счастью для насъ неудачное. Потомъ Горькій въ Царицынѣ былъ желѣзно-дорожнымъ сторожемъ, потомъ продавалъ баварскій квасъ. Наконецъ, пристроился письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго Ланина. Однако и послѣ этого бродячая жизнь Горькаго не прекращалась. Въ Тифлисѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и въ газетѣ: «Кавказъ», напечаталъ свой первый разсказъ. Въ Нижнемъ въ 1893 г. Горькій познакомился съ Короленкой, который и имѣлъ рѣшающее вліяніе на его литературную карьеру. Въ 1898 г. вышелъ первый сборникъ разсказовъ Горькаго, давшій ему литературное имя. Итакъ, сама жизнь была школой нашего писателя. Систематическаго образованія онъ не получилъ никакого. Своимъ познаніямъ и развитію онъ обязанъ чтенію, конечно, случайному и безсистемному. Но намъ при знакомствѣ съ сочиненіями Горькаго и въ голову не приходитъ, что онъ прошелъ такую исключительную школу и потерпѣлъ столько превратностей судьбы. Привыкнувъ считать способными къ литературной работѣ лишь людей съ высшимъ, законченнымъ

образованіемъ, мы съ трудомъ представляемъ себѣ литератора, литературная подготовка котораго состояла, между прочимъ, въ торговлѣ квасомъ и яблоками... Для всякаго ясно, что отсутствіе систематическаго образованія—важный недостатокъ.

И удивительно, что этотъ важный недостатокъ не чувствуется при чтеніи сочиненій Горькаго. Очевидно, огромныя дарованія нашего автора съ успѣхомъ преодолѣли то, что тщательно хотѣла скрыть отъ него судьба. Итакъ, литературный успѣхъ Горькаго—не результатъ его біографіи: напротивъ, слава досталась Горькому, совершенно вопреки его біографіи.

Н. Гальковскій.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ занимаетъ видное мѣсто въ числѣ дѣятелей по народному образованію. Посвятивши себя преимущественно начальной школѣ и элементарному обученію, онъ оставилъ въ этой области значительный слѣдъ и не мало способствовалъ усовершенствованію начальнаго обученія.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ родился въ 1844 г. Сынъ сельскаго священника Нерехтскаго у. Костромской губ., Димитрій Ивановичъ первыя десять лѣтъ своей жизни провелъ въ родномъ селѣ, подъ вліяніемъ своего добраго и трудолюбиваго отца и въ общеніи съ крестьянскими дѣтьми.

Это вліяніе и это общеніе оставили на всю жизнь благотворный слѣдъ въ душевномъ складѣ Димитрія Ивановича. Онъ самъ говоритъ, что отецъ его своимъ примѣромъ и своими добрыми убѣжденіями внушилъ ему любовь и уваженіе къ крестьянину, какъ нашему поильцу и кормильцу, что и содѣйствовало его тѣсному сближенію, еще въ періодъ ранняго дѣтства, съ крестьянской средой.

Десяти лѣтъ Димитрій Ивановичъ отданъ былъ въ Костромское духовное училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. Стѣсненныя матеріальныя средства заставили отца помѣстить сына, по окончаніи имъ курса въ духовномъ училищѣ, въ Ярославскую военную школу на казенный счетъ. По окончаніи здѣсь курса, Димитрій Ивановичъ, какъ лучшій воспитанникъ, переведенъ былъ въ Московскую военно-учительскую семинарію, которая

въ то время была однимъ изъ лучшихъ педагогическихъ учебныхъ заведеній. Въ ней работали такіе преподаватели, какъ—Гедике, Шуфъ, Зенгбушъ, Басистовъ, профессоръ Юркевичъ. Вспоминая о своемъ ученіи въ учительской семинаріи, Димитрій Ивановичъ говоритъ: «можно безъ преувеличенія сказать, что персоналъ семинаріи отличался горячею преданостью своему дѣлу и идеально-добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Это были не «служаки»—чиновники, а какъ бы «священнослужители», ставившіе высокимъ званіе учителя и внушившіе намъ, молодымъ людямъ, святую обязанность ставить интересы дѣла выше своихъ личныхъ интересовъ, относиться къ учительству и воспитательству, какъ къ высокой миссіи, а къ дѣтямъ съ гуманною заботливостью и любовію».

Воспитательное вліяніе учительской семинаріи совпало по своему характеру съ вліяніемъ перваго дѣтства и укрѣпило въ душѣ Димитрія Ивановича любовь къ учительству и стремленіе служить народу на почвѣ народнаго образованія

По окончаніи въ 1866 году курса въ семинаріи, Димитрій Ивановичъ, какъ первый ученикъ, былъ оставленъ при семинарской начальной школѣ въ качествѣ образцоваго учителя. На уроки Димитрія Ивановича приходили какъ ученики, такъ и преподаватели семинаріи. Сознавая, какое значеніе имѣютъ для готовящихся къ учительской дѣятельности наблюдательные уроки образцоваго учителя, Димитрій Ивановичъ внимательно готовился къ своимъ урокамъ; онъ составлялъ подробные конспекты ихъ.

Объ этомъ онъ самъ говоритъ такъ: «имѣя въ виду, что на образцовыхъ урокахъ семинаристы учатся искусству преподаванія, я съ первыхъ же дней моей учи-

тельской дѣятельности пріучился тщательно обдумывать и заранѣе письменно разработывать каждый свой урокъ, взвѣшивать каждое свое слово въ классѣ и со вниманіемъ относиться къ каждому своему шагу».

Послѣ каждаго урока Димитрій Ивановичъ провѣрялъ, что изъ написаннаго въ конспектѣ вышло на урокѣ удачно и что не вполнѣ удачно. Въ послѣдующіе годы онъ пополнялъ и измѣнялъ ранѣе составленные конспекты и такимъ образомъ у него мало-помалу накоплялся методическій матеріалъ, который и вошелъ въ составъ его методическихъ трудовъ по обученію отечественному языку. Кромѣ внимательной подготовки къ урокамъ, педагогическому усовершенствованію Димитрія Ивановича способствовало также участіе его въ педагогическихъ конференціяхъ семинаріи, на которыхъ разбирались практическія работы семинаристовъ.

Тому же способствовало самостоятельное изученіе существовавшихъ тогда педагогическихъ сочиненій и внимательное чтеніе издававшихся тогда педагогическихъ журналовъ.

Занимаясь днемъ въ начальной школѣ при семинаріи, Димитрій Ивановичъ по вечерамъ безвозмездно работалъ въ школѣ для взрослыхъ, открытой имъ вмѣстѣ съ другими учителями при одной изъ московскихъ фабрикъ. Успѣшность занятій Димитрія Ивановича обратила на себя вниманіе лицъ заинтересованныхъ дѣломъ народнаго образованія.

Въ 1870 году Димитрій Ивановичъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Московскаго комитета грамотности. Принимая живое участіе въ разработкѣ многихъ существенныхъ вопросовъ народнаго образованія (о содержаніи курса народной школы, о методѣ и пріемахъ преподаванія, о программѣ для народныхъ школъ,

о выработкѣ программъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей и т. д.), Димитрій Ивановичъ выяснялъ себѣ рѣшеніе этихъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялъ свой педагогическій кругозоръ. Одновременно съ этимъ онъ пріобрѣталъ извѣстность выдающагося педагога. Его стали приглашать въ разные города руководителемъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей земскихъ школъ. И выдающимся онъ былъ руководителемъ: своими образцовыми уроками, своими сообщеніями и бесѣдами, своимъ увлеченіемъ дѣломъ обученія дѣтей онъ оказывалъ благотворное вліяніе на слушателей.

Кромѣ того, попечители и содержатели многихъ фабричныхъ школъ стали просить его заняться устройствомъ этихъ школъ. И онъ, принявши на себя этотъ трудъ, поднималъ школы до образцоваго состоянія. Такъ, напр., получивъ предложеніе заняться улучшеніемъ школы при фабрикѣ Морозова (во Владимірской губ.), Димитрій Ивановичъ, нашедши эту школу въ самомъ убогомъ положеніи (учениковъ было мало, занятія шли плохо), въ короткое время довелъ эту школу до такого состоянія, что учебное начальство посылало учителей другихъ школъ поучиться, какъ ведется дѣло обученія и воспитанія въ Морозовской фабричной школѣ. Такое же преобразованіе было совершено Димитріемъ Ивановичемъ и въ школѣ при фабрикѣ Товарищества Тверской мануфактуры, и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ.

Въ 1874 году Димитрій Ивановичъ былъ избранъ инспекторомъ школъ Московскаго патріотическаго общества, а вскорѣ затѣмъ ему предложено было принять на себя дѣятельность наблюдателя за учебною частью въ школахъ Дамскаго попечительства о бѣдныхъ. Мно-

го пришлось потрудиться Димитрію Ивановичу для устройства и учебной, и воспитательной части въ школахъ названныхъ обществъ.

Съ открытіемъ въ Москвѣ въ 1872 году постоянныхъ педагогическихъ курсовъ, устроенныхъ Московскимъ Обществомъ воспитательницъ и учительницъ, Димитрій Ивановичъ состоялъ лекторомъ по методикѣ русскаго языка и руководителемъ практическими занятіями слушательницъ-учительницъ этихъ курсовъ.

Такая масса разнообразныхъ занятій требовала далеко большаго количества времени, чѣмъ какимъ располагалъ Димитрій Ивановичъ. И послѣдній долженъ былъ въ 1877 году оставить свои занятія въ семинарской школѣ, въ которой онъ трудился болѣе десяти лѣтъ съ большою пользою какъ для учениковъ школы и семинаріи, такъ и для собственнаго педагогическаго самоусовершенствованія.

Одновременно съ своею практическою педагогическою дѣятельностью Димитрій Ивановичъ составлялъ свои руководства по начальному обученію и по методикѣ этого обученія. И руководства эти являются собственно плодами его практической дѣятельности. Каждое его руководство въ послѣдующихъ изданіяхъ представляетъ значительныя улучшенія сообразно указанію опыта, что и показываетъ, что Димитрій Ивановичъ постоянно совершенствовался въ педагогическомъ дѣлѣ.

Первымъ по времени составлена была Димитріемъ Ивановичемъ «Азбука правописанія». Она представляетъ сборникъ примѣровъ и статей, подобранныхъ такимъ образомъ, что учащійся отъ первой до послѣдней ступени встрѣчается лишь съ извѣстными ему правилами правописанія (подобно тому, какъ въ букварѣ упражненія даются лишь на извѣстныя буквы). Для на-

ученія учениковъ правописанію, нужно, говоритъ Димитрій Ивановичъ: «упражнять ихъ на послѣдовательно и цѣлесообразно подобранномъ матеріалѣ; вся сила не въ сообщеніи только правилъ правописанія и не въ изученіи грамматической теоріи, а въ упражненіяхъ, воздѣйствующихъ на слухъ и зрѣніе».

Вскорѣ послѣ «Азбуки правописанія» составленъ и изданъ былъ «Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію по звуковому способу». Букварь этотъ содержитъ въ себѣ слова и фразы для упражненія въ письмѣ и чтеніи въ сферѣ изученныхъ буквъ; затѣмъ въ немъ находятся небольшія по объему и легкія по содержанію статейки и стихотворенія. Подъ статейками помѣщены вопросы для отвѣтовъ учениковъ. Съ цѣлью сокращенія расходовъ на отдѣльные учебники по закону Божію, ариѳметикѣ и церковно-славянскому языку, Димитрій Ивановичъ ввелъ въ «Букварь» въ дальнѣйшихъ его изданіяхъ все содержаніе перваго года школьнаго ученія, а именно: а) статьи для объяснительнаго чтенія, б) разсказы о двунадесятыхъ праздникахъ, в) матеріалъ для церковно-славянскаго чтенія и важнѣйшія молитвы, г) матеріалъ для первоначальныхъ занятій по ариѳметикѣ (вычисленія въ предѣлахъ сотни и соотвѣтствующія задачи).

Къ «Букварю» составлено «Руководство для учителей», въ которомъ авторъ въ доступной формѣ изложилъ практическіе совѣты и указанія относительно веденія занятій по «Букварю».

Спустя годъ послѣ выхода «Букваря», изданъ былъ «Элементарный курсъ грамматики», предназначенный для начальной школы. Трудъ этотъ составленъ изъ письменныхъ плановъ уроковъ въ школѣ при семинаріи. Грамматическій матеріалъ расположенъ въ руководствѣ

въ дидактической системѣ: отъ простого и легкаго къ болѣе сложному и трудному. Каждое грамматическое знаніе является результатомъ наблюденія надъ примѣрами и закрѣпляется многими устными и письменными упражненіями. Этимологическія и синтактическія свѣдѣнія усваиваются учениками попутно, въ живой связи между собою Какъ методическое руководство, «Грамматика» Тихомирова признается одною изъ лучшихъ и съ успѣхомъ употребляется при элементарномъ обученіи. Заключая въ первомъ своемъ изданіи лишь самое главное и существенное, что легко могло быть пройдено въ трехгодичной школѣ, грамматика въ послѣдующихъ изданіяхъ постепенно расширялась и дополнялась, со гласно указаніямъ учителей, пока ни превратилась въ полный элементарный курсъ, отвѣчающій потребностямъ лучшихъ городскихъ школъ. Тогда для сельскихъ школъ составленъ былъ Тихомировымъ новый краткій учебникъ—«Начатки грамматики».

По порученію Московской Городской Управы, Димитрій Ивановичъ составилъ и издалъ «Опытъ плана и конспекта занятій по русскому языку». Въ этомъ «Опытѣ» не только помѣщена мотивированная программа, съ распредѣленіемъ по годамъ ученія учебнаго матеріала по русскому языку, но и приведено множество конспектовъ по объяснительному чтенію и матеріала для письменныхъ и устныхъ упражненій учениковъ при занятіи на урокахъ по русскому языку.

Затѣмъ онъ издалъ составленную имъ «Книгу для церковно-славянскаго чтенія», сначала первую, а спустя нѣсколько лѣтъ и вторую часть ея. При составленіи этой книги Димитрій Ивановичъ исходилъ изъ той мысли, что ближайшею цѣлью обученія учениковъ церковно-славянскому языку должно служить доведеніе ихъ до

умѣнія читать и понимать славянскія книги, и что при обученіи славянскому чтенію, какъ и всякому другому учебному предмету, должна быть соблюдаема надлежащая послѣдовательность. Сообразно съ этимъ онъ подобралъ и расположилъ матеріалъ для чтенія.

Къ «Книгѣ для церковно-славянскаго чтенія» составлено авторомъ «Руководство для учителей», въ которомъ указаны методы и пріемы обученія славянскому языку и приведены методическія указанія для разработки каждой отдѣльной статьи, помѣщенной въ «Книгѣ для чтенія».

Затѣмъ, въ 1887 году была издана книга: «Чему и какъ учить на урокахъ родного языка». Книга эта, по словамъ самого автора, слагалась и вырабатывалась въ теченіе всей его педагогической практики и явилась какъ бы ея общимъ итогомъ. Нѣкоторыя изъ ея главъ (какъ напр., о правописаніи, объ обученіи грамотѣ, о церковно-славянскомъ чтеніи) были обработаны ранѣе въ видѣ предисловій къ соотвѣтствующимъ учебнымъ руководствамъ, о которыхъ сказано выше; остальныя же главы представляютъ собою лекціи, читанныя авторомъ на курсахъ. Въ своей книгѣ Димитрій Ивановичъ разсматриваетъ общіе вопросы, касающіеся содержанія учебнаго предмета (родного языка), и излагаетъ методы и пріемы обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, устному и письменному изложенію мыслей, церковно-славянскому чтенію, грамматикѣ и правописанію. Этимъ своимъ трудомъ Димитрій Ивановичъ принесъ значительную пользу дѣлу начальнаго обученія отечественному языку.

Выяснивъ себѣ задачи начальной школы и роль въ ней книги для обученія отечественному языку, Д. И. Тихомировъ принялся за составленіе книги: «Вешніе всхо-

ды». Выходя изъ той мысли, что школа имѣетъ своею задачею, съ одной стороны, развить въ учащихся навыки и умѣнія, которыя способствовали бы ихъ самоусовершенствованію по выходѣ изъ школы, а, съ другой стороны, обогатить ихъ такими знаніями и впечатлѣніями, которыя послужили бы основаніемъ къ такому самоусовершенствованію, Димитрій Ивановичъ подобралъ подходящій матеріалъ для чтенія учениковъ, сгруппировалъ его по сходству содержанія и внутренней связи и расположилъ по трудности для учениковъ. Сначала въ книгѣ помѣщены статьи и стихотворенія, касающіяся семейной жизни; затѣмъ помѣщены статьи, вводящія учениковъ въ жизнь съ другими людьми—чужими, при чемъ выясняется желательный характеръ отношеній въ этой сферѣ. Чтеніе этихъ статей обогатитъ учениковъ впечатлѣніями о необходимости взаимной уступчивости, о долгѣ любви, о готовности жертвовать на пользу другихъ своими личными интересами. Далѣе помѣщенъ въ книгѣ матеріалъ, направленный къ выясненію ученикамъ, что честный трудъ есть долгъ каждаго человѣка по отношенію къ себѣ и другимъ Затѣмъ изъ круга личныхъ отношеній чтеніе ведетъ учениковъ въ кругъ общественныхъ отношеній и даетъ понятіе объ общественной жизни и потребностяхъ общественныхъ, государственныхъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенію, объ обязанностяхъ каждаго гражданина по отношенію къ обществу и цѣлому народу, о долгѣ служить на пользу общества, внушаетъ, наконецъ, чувство уваженія къ чужому народу, человѣку вообще безъ различія племени и вѣры. Затѣмъ ученики читаютъ статьи, знакомящія ихъ съ жизнью природы и съ тѣми изъ ея явленій, съ которыми необходимо познакомиться каждому человѣку. Чтеніе этихъ статей внушитъ ученикамъ, что человѣкъ

для своего же блага долженъ относиться разумно не только къ подобному себѣ, но и ко всему его окружающему.

Кромѣ русскаго текста, во второй и третьей книжкахъ «Вешнихъ всходовъ» помѣщенъ церковно-славянскій текстъ для изученія учениками церковно-славянскаго языка. Текстъ этотъ взятъ изъ евангелія и другихъ священныхъ книгъ и своимъ содержаніемъ знакомитъ учениковъ съ основами христіанской религіи и нравственности. Такимъ образомъ текстъ этотъ авторитетно подкрѣпляетъ и освящаетъ тѣ мысли и впечатлѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, какія вынесли ученики изъ чтенія статей, напечатанныхъ по-русски.

Группировка статей въ отдѣлы по сходству содержанія, по внутренней идейной связи не только облегчаетъ усвоеніе знаній и впечатлѣній, но и оказываетъ благотворное вліяніе на духовныя силы дѣтей, пріучая ихъ соединять и обобщать вновь воспринятое съ усвоеннымъ ранѣе. Кромѣ того, такая группировка даетъ учителю возможность упражнять учениковъ, путемъ бесѣдъ по поводу цѣлаго ряда однородныхъ статей, въ отвлеченіи мыслей, въ сопоставленіи, въ сравненіи и обобщеніи ихъ, что несомнѣнно способствуетъ развитію мышленія учениковъ и подготовляетъ ихъ къ серьезному чтенію болѣе сложныхъ и цѣльныхъ произведеній.

Матеріалъ, помѣщенный въ «Вешнихъ всходахъ», можетъ служить для устныхъ и письменныхъ упражненій учениковъ. Вообще эта книга можетъ считаться одною изъ лучшихъ для занятій по русскому языку въ начальной школѣ. Составлена она, какъ видно изъ словъ составителя, а равно и изъ указаннаго выше ея

плана и содержанія, по образцу «Родного Слова» Ушинскаго, что, конечно, и послужило въ пользу ея.

Къ книгамъ: «Вешніе всходы», относится «Руководство для учащихъ». Въ немъ приведены планы объяснительнаго чтенія почти всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ книгахъ. Кромѣ того, здѣсь находится много задачъ для письменныхъ и устныхъ упражненій учениковъ, въ связи со статьями для чтенія. Издавши книги: «Вешніе всходы», Димитрій Ивановичъ составилъ и издалъ элементарное руководство: «Правописаніе до грамматики». Путемъ подбора матеріала для орѳографическихъ упражненій авторъ знакомитъ учащихся съ главнѣйшими правилами правописанія, не сообщая имъ грамматическихъ терминовъ и опредѣленій. Кромѣ того, онъ подводитъ учащихся путемъ наблюденія надъ рѣчью къ уразумѣнію тѣхъ понятій, которыя впослѣдствіи, по прохожденіи грамматики, послужатъ прочною основою для разумнаго усвоенія отвлеченныхъ грамматическихъ знаній. Такимъ образомъ «Правописаніе до грамматики», служа практическимъ руководствомъ къ наученію дѣтей правописанію, является вмѣстѣ съ тѣмъ первою ступенью, подготовляющею учащихся къ изученію грамматики. Руководство: «Правописаніе до грамматики», можетъ быть съ пользой употребляемо при начальномъ обученіи.

Кромѣ указанныхъ руководствъ, Д. И. Тихомировымъ составлены—«Начатки географіи» и «Изъ исторіи родной земли». Въ первой книгѣ, предназначенной для учащихся младшаго возраста, помѣщены основныя географическія понятія, свѣдѣнія изъ жизни и природы родной страны и общія свѣдѣнія о земномъ шарѣ и вселенной. Во второй, предназначенной для школъ и народа, рядомъ съ разсказами о выдающихся истори-

ческихъ лицахъ и событіяхъ, помѣщены и культурные очерки жизни русскаго народа отъ начала его исторіи и до нашего времени. Историческія событія иллюстрируются подходящими по содержанію художественными произведеніями, каковы стихотворенія, драматическіе отрывки лучшихъ русскихъ писателей.

Къ литературно-педагогическимъ трудамъ Д. И. Тихомирова слѣдуетъ отнести и «Записки о краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ». Въ «Записки» эти вошли какъ сообщенія и бесѣды, которыя велъ Димитрій Ивановичъ на курсахъ, такъ и протоколы пробныхъ и наблюдательныхъ уроковъ, а равно и отвѣты курсистовъ и курсистокъ на поставленные имъ вопросы и другія данныя, выражающія дѣятельность курсовъ.

Принявши на себя въ 1895 году обязанности редактора и издателя журналовъ: «Педагогическій листокъ» и «Дѣтское чтеніе», Димитрій Ивановичъ въ значительной мѣрѣ поднялъ эти журналы. Въ «Педагогическомъ листкѣ» онъ помѣстилъ значительное число своихъ педагогическихъ статей. Ранѣе же онъ помѣщалъ свои статьи въ журналахъ: «Семья и Школа», «Народная школа» и другихъ.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, трудился преимущественно для начальной или народной школы. Посмотримъ же, какія воззрѣнія на народную школу у него выработались.

«Необходимо дать», говорилъ онъ естественный выходъ и безпрепятственное осуществленіе стремленіямъ народа къ справедливости, добру и свѣту и всѣми мѣрами содѣйствовать духовному росту какъ всей націи, такъ и отдѣльныхъ ея представителей. Лучшимъ и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ тому можетъ служить только хорошо поставленная школа, должен-

ствующая явиться источникомъ добра и свѣта и той могучей силой, которая, давая направленіе всей будущей дѣятельности человѣка, ведетъ его къ возможному и совершеннѣйшему счастью. Чтобы имѣть такое воспитывающее значеніе, народная школа должна быть общеобразовательной школой, доступной равно для всѣхъ и каждаго. Спеціальное и профессіональное образованіе должно быть построено на основѣ общаго».

«Расширяя и увеличивая свое образовательное содержаніе въ зависимости отъ духовнаго роста самого народа, народная школа должна находиться въ непосредственной связи, какъ первый концентръ, съ слѣдующими ступенями образованія—средней и высшей школами, какъ общеобразовательными, такъ и профессіональными. Вообще народная школа должна быть первой, хотя и законченной по содержанію ступенью той лѣстницы просвѣщенія, по которой каждый можетъ подниматься, насколько онъ имѣетъ силъ и средствъ».

«Обладаніе духовными благами не должно быть привилегіей избранниковъ, а неоспоримымъ правомъ всѣхъ и каждаго, какъ право на воздухъ, свѣтъ и тепло. Минимумъ образованія долженъ быть для каждаго осуществимъ и обязателенъ».

«Начальная школа должна быть школой безсословной; въ ней могутъ обучаться дѣти разныхъ сословій, какъ дѣти одной матери—родины, какъ граждане одного государства».

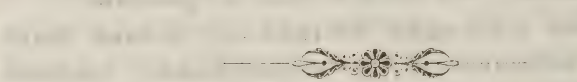
«Душою школы долженъ быть учитель или учительница, служащіе дѣлу по призванію, горячо любящіе школу и глубоко вѣрующіе въ ея просвѣтительную силу, обладающіе общимъ и спеціальнымъ образованіемъ и непремѣнно стремящіеся къ самостоятельному его расширенію».

«Школьный наставникъ долженъ быть хорошо обезпеченъ и матеріально, и въ своихъ гражданскихъ правахъ».

«Народная школа въ деревнѣ должна служить культурнымъ центромъ, вокругъ котораго сплачиваются и всѣ другія общественно-образовательныя учрежденія».

«Общее попеченіе о школахъ (земскихъ) должно принадлежать земству, хозяину, которому въ этомъ дѣлѣ щедрую помощь можетъ оказывать государство; послѣднему принадлежитъ наблюденіе и контроль надъ школами». «Главную силу и нравственную поддержку въ дѣлѣ просвѣщенія родины должно оказывать русское образованное общество, живо сознающее въ наше время громадное значеніе широкаго просвѣщенія народныхъ массъ».

К. Ельницкій.

Русскій языкъ и словесность въ коммерческихъ училищахъ министерства финансовъ.

«Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но объясняетъ и утверждаетъ его обычаи».

Пушкинъ.

I.

Нѣтъ важнѣе предмета въ курсѣ средней школы, какъ отечественный языкъ, потому что онъ одинъ только можетъ сообщить юношамъ то литературное образованіе, которое полагается краеугольнымъ камнемъ всего человѣческаго гуманнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ учебный предметъ не вызывалъ и не вызываетъ столько споровъ среди педагоговъ, какъ родной языкъ. Не беря русскій языкъ во всемъ объемѣ гимназическаго курса, укажу, что въ послѣдніе два-три года на страницахъ «Журнала Мин. Нар. Пр.», «Русской Школы», «Педагогическаго Сборника», «Филологическихъ Записокъ» появлялся рядъ статей, говорящихъ о необходимости капитальной реформы школьной грамматики отечественнаго языка. Мало того, авторы многихъ статей до очевидности ясно показываютъ, почему давно уже слышится о гимназистахъ одинъ печальный припѣвъ; припѣвъ этотъ обыкновенно формулируется такъ: «оканчивающіе гимназіи реальныя и классическія не умѣютъ грамотно и литературно писать по-русски». Никто не провѣрялъ, насколько питомцы тѣхъ же учебныхъ заведеній сознательно относятся къ

родной рѣчи. Если бы произвели подобнаго рода провѣрку, то оказалось бы, что ученики не понимаютъ строя родной рѣчи. Не ходя далеко, укажу здѣсь на статьи г.г. Тростникова («Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классической гимназіи». «Рус. Шк». 1900 г., № 1, 2-й), профессора Казанскаго университета Будде («Учебникъ грамматики русскаго яз.» 1900 г. и ст.: «Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ». «Русск. Шк.» № 3, 1901 г.) и профессора Москов. университета Р. Θ. Брандта («О лженаучности нашего правописанія», «Фил. Зап.» 1901 г. Вып. I—II). Такъ, г. Будде пишетъ, между прочимъ: «...Если мнѣ удастся въ рядѣ статей выяснить все положеніе школьнаго дѣла изученія грамматики русскаго языка, если мнѣ удастся фактически убѣдить читателей въ томъ, что подъ именемъ предмета «грамматики русскаго языка» преподается и изучается въ нашей средней школѣ вовсе не грамматика и вовсе не русскаго языка, если мнѣ удастся показать, что, далѣе, въ этомъ названіи и изученіи кроется одно сплошное недоразумѣніе, которое вредно отражается на всемъ состояніи образованія нашего подрастающаго поколѣнія, развивая въ немъ неправильныя представленія объ отечественномъ языкѣ..., то дѣло и составленіе нами нашего «Учебника» будетъ.. признано необходимымъ первымъ шагомъ въ процессѣ... реформы школьнаго преподаванія на новыхъ началахъ» («Рус. Шк.» № 3, 1901 г., стр. 165).

И не одна грамматика плохо поставлена въ средней школѣ. Такъ называемыя теорія и исторія словесности вызываютъ еще болѣе недоумѣній. Коммерческія училищи, при семилѣтнемъ курсѣ преслѣдующія обще-

образовательныя и спеціальныя цѣли, тѣмъ внимательнѣе должны были отнестись къ вопросу и постановкѣ преподаванія отечественнаго языка. Нельзя сказать, чтобы два съѣзда г.г. директоровъ и представителей коммерческихъ училищъ въ Петербургѣ въ іюнѣ 1901 г. и январѣ 1902 г. обходили этотъ вопросъ молчаніемъ. Но рѣшеніе, къ которому пришли на съѣздахъ, принято не всѣми, да и принять его безусловно было невозможно. Присматриваясь къ практикѣ коммерческихъ училищъ, просматривая программы, напр. Петровскаго училища въ Петербургѣ, Практической Академіи въ Москвѣ и др. училищъ, приходишь по неволѣ къ грустному выводу, что коммерческія училища внесли въ постановку русскаго яз. и словесности тѣ же недочеты, какіе уже давно указаны для гимназій и реальныхъ училищъ. Послѣ сказаннаго понятна станетъ предлагаемая вниманію дѣятелей въ коммерческихъ училищахъ попытка разсмотрѣть вопросъ о русскомъ языкѣ и словесности обстоятельно и начертать программу, чуждую ошибокъ, указанныхъ для гимназій и реальныхъ училищъ, и отвѣчающую задачамъ коммерческой школы.

II.

Прежде всего уяснимъ, къ какому результату должна стремиться коммерческая школа при занятіяхъ отечественнымъ языкомъ и словесностью, чтобы не потерять значенія общеобразовательнаго средняго учебнаго заведенія.

По нашему убѣжденію, результатомъ всѣхъ занятій отечественнымъ языкомъ въ коммерческомъ училищѣ

должно быть достиженіе такого душевнаго настроенія у юношей, которое покойный В. П. Острогорскій называлъ этико-эстетическимъ, и которое одно воспитываетъ человѣка, умѣющаго хорошо мыслить, чувствовать и жить. Коммерческое училище, разъ оно претендуетъ на роль общеобразовательной школы, обязано выпускать юношей съ извѣстнымъ идеальнымъ настроеніемъ, которое скажется въ нравственной требовательности, отвращеніи ко всему дурному и пошлому, въ стремленіи ко всему возвышенному, благородному, въ любви къ человѣку и родинѣ, въ желаніи служить ей по мѣрѣ силъ.

Для достиженія только что указаннаго мною литературнаго образованія коммерческое училище располагаетъ двумя средствами, обозначаемыми обычно терминами: «русскій языкъ» и «словесность». Эти термины указываютъ на двѣ ступени въ длинномъ процессѣ (7 лѣтнемъ для коммерческой школы) литературнаго образованія, которое должно дать своимъ питомцамъ коммерческое училище. Чтобы ученики старшихъ классовъ коммерческихъ училищъ были способны усваивать изъ произведеній русской и иностранной словесности возвышенныя мысли, благородныя чувства, художественные образы, воспроизводящіе жизнь природы и человѣка и пріучающіе любить свое родное и уважать достойное человѣка чужое, для этого необходимо дать имъ подготовку въ низшихъ классахъ. Если взять коммерческое училище съ 7 лѣтнимъ курсомъ, то классы I—III охватятъ низшую ступень, классы VI—VII—высшую, а классы IV и V-й будутъ служить переходомъ и связующимъ звеномъ между указанными двумя ступенями обученія отечественному языку и словесности.

Совершенно особо, но сопровождая все обученіе

родному языку и словесности, стоятъ занятія, имѣющія цѣлью пріучить къ правильной, логически-послѣдовательной и красивой литературной письменной рѣчи.

III.

Остановимся на низшей ступени обученія. Тутъ предметомъ обученія служитъ «русскій языкъ». На этой ступени ближайшею задачею школа должна поставить слѣдующее: научить учащихся правильно, свободно говорить и писать на родномъ языкѣ и сознательно относиться къ грамматическому строю его.

Во избѣжаніе пререканій, оговариваюсь, что средняя общеобразовательная школа обязана всѣхъ своихъ питомцевъ научить говорить и писать правильнымъ современнымъ литературнымъ языкомъ. Такому литературному языку, какимъ нашъ письменный языкъ явился подъ перомъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова и другихъ геніальныхъ художниковъ русскаго слова, необходимо учиться изъ какой бы семьи ни происходилъ питомецъ *). Чтобы усвоить такой языкъ, надо вчитаться въ него, а это можетъ случить-

*) Это замѣчаніе имѣетъ въ виду такой взглядъ: «Вотъ передъ нами два ученика, оба учатся хорошо, оба ровно отлично знаютъ синтаксисъ и приблизительно равныхъ способностей, но посмотрите, какая громадная разница, въ ихъ рѣчи, если одинъ взятъ изъ интеллигентной семьи, а другой нѣтъ. Очевидно, что умѣть говорить зависитъ отъ того общества, въ которомъ ученикъ вращается, онъ говоритъ тою рѣчью, какую слышитъ въ своей средѣ, а не тою, ка-

ся только тогда, когда подъ руками учениковъ будетъ находиться хрестоматія съ отрывками изъ произведеній означенныхъ первостепенныхъ русскихъ писателей. Въ этой же хрестоматіи долженъ находиться и значительный запасъ стихотвореній для заучиванія наизусть и выразительнаго произношенія. Могу указать на хрестоматію г. Мартыновскаго: «Русскіе писатели», какъ на наиболѣе отвѣчающую означенной цѣли.

Избѣгая ошибки гимназій и реальныхъ училищъ, которыя, по заявленію учителей и профессоровъ, отводили неподобающую роль грамматикѣ, т.-е. теоріи, въ ущербъ чтенію и воспроизведенію произведеній творческаго русскаго слова, коммерческія училища на низшей ступени обученія отечественному языку обязаны отодвинуть грамматику на второй планъ. Грамматика не может ъ научить литературному языку; знаніе языка достигается практическимъ путемъ, путемъ чтенія и воспроизведенія. Кажется, гимназіи и реальныя училища имѣли продолжительный и печальный опытъ съ изученіемъ новыхъ (нѣмецкаго и французскаго) языковъ: питомцы ихъ еще кое-какъ грамматику знаютъ, но не владѣютъ знаньемъ языковъ, тратя 7 или 8 лѣтъ на ихъ изученіе! Грамматика русскаго языка имѣетъ опредѣленное значеніе въ курсѣ средней школы. Какъ теорія языка, она, во-1-хъ, помогаетъ учащимся утвердиться въ правильномъ употребленіи языка (устно и письменно), въ сознательномъ отношеніи къ явленіямъ

кую изучаетъ по грамматикѣ и синтаксису. Умѣнье же хорошо и правильно писать зависитъ всецѣло отъ умѣнья хорошо и правильно мыслить». Пед. Сбор. 1903 г., іюль, 65—66 стр. см. св. Кремлевскаго: «Разумно ли начинать школьное обученіе съ русскаго яз. и ариѳметики?»

языка; во-2-хъ, она развиваетъ умъ, дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ содержанію не только произведеній творческаго слова, но и всякой другой науки. Она помогаетъ учащимся разбираться въ различныхъ оттѣнкахъ мысли и чувства, скрытыхъ въ языковой оболочкѣ. Такъ смотрѣлъ на значеніе грамматики отецъ этой науки Ломоносовъ, говоря: «Тупа ораторія, косноязычна и неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики». Гимназіи и реальныя училища, неправильно понимая значеніе грамматики, извратили и способъ ея преподаванія, и ея содержаніе. Прочтите предисловіе къ «Учебнику грамматики русскаго языка» г. Будде, статьи г. Тростникова въ «Русской Школѣ» за 1900 и 1902 г. и вы узнаете, что въ средней школѣ и понынѣ обучаютъ не грамматикѣ русскаго литературнаго языка, а грамматикѣ, представляющей осколки латинской грамматики и формальной логики; что сами обучающіе неясно представляютъ, что и какъ преподать изъ каждой части школьной грамматики.

Но отодвигая изученіе грамматики русскаго литературнаго языка на второй планъ, необходимо измѣнить самый способъ преподаванія ея. Если мы хотимъ придать грамматикѣ родного языка значеніе учебнаго предмета, способствующаго умственному развитію учениковъ, то необходимо ограничить и даже совсѣмъ изгнать въ преподаваніи ея все механическое. Вѣдь въ средней школѣ и теперь еще вы очень часто встрѣтите преподавателей-словесниковъ, обучающихъ русской грамматикѣ совершенно такъ же, какъ и грамматикѣ латинской: они заставляютъ учениковъ механически усваивать памятью правила по одному изъ излюбленныхъ учебниковъ русской грамматики (Кирпичникова, Петрова и

др). Конечно, для коммерческихъ училищъ такой пріемъ обученія грамматикѣ ничего, кромѣ потери дорогого времени, не принесетъ. Не менѣе важнымъ является вопросъ и объ объемѣ грамматическаго курса. Въ этомъ случаѣ для г.г. преподавателей коммерческихъ училищъ будетъ интересною и поучительною слѣдующая маленькая историческая справка. Такъ, нѣкогда вся грамматическая школьная премудрость вмѣщалась на 84 скромныхъ страницахъ «Сокращенной русской грамматики» Востокова. Нынѣ же учебники русской грамматики положительно пугаютъ своими размѣрами: въ грамматикѣ Смирновскаго 230 страницъ, въ грамматикѣ Преображенскаго 200 стр., синтаксисъ Поливанова содержитъ 150 страницъ, а этимологія Будде 178 стр. И только «Учебный курсъ русской грамматики» В. А. Яковлева (СПбургъ 1900 г.) своими 87 страницами напоминаетъ учебникъ Востокова.

Наконецъ, больное мѣсто нашихъ школьныхъ учебниковъ русскаго языка составляютъ опредѣленія, правила и терминологія. Для коммерческихъ училищъ необходимо выбрать изъ различныхъ путей, коими ученые изучаютъ явленія современнаго русскаго языка, систему Потебни, этого геніальнаго лингвиста, и его послѣдователей. Пора проводить въ учебникѣ русской грамматики послѣдовательно одну точку зрѣнія, именно—грамматическую. Послѣ сказаннаго осмѣливаюсь представить сперва программу курса русской грамматики для трехъ классовъ коммерческихъ училищъ, чтобы ясно было, чему учить въ коммерческихъ училищахъ на урокахъ русскаго языка.

Предварительныя свѣдѣнія

Рѣчь. Слово. Звукъ и буква. Алфавитъ. Особенности русскаго алфавита. Дѣленіе буквъ на гласныя и

согласныя. Буквы мягкія и твердыя (гласныя и согласныя). Согласныя буквы звонкія и глухія (звучныя и отзвучныя). Дѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія: гортанныя, губныя, зубныя и нёбныя.

Фонетика.

Законы измѣненія буквъ. Измѣненія гласныхъ: 1) чередованіе (замѣна), 2) полногласіе (разложеніе), 3) вліяніе ударенія, 4) выпаденіе и сокращеніе. Измѣненія согласныхъ: 1) чередованіе (замѣна), 2) уподобленіе, 3) переходъ и выпаденіе.

Словообразованіе (Морфологія).

Слова измѣняемыя и неизмѣняемыя. Части измѣняемыхъ словъ: окончаніе (флексія), суффиксъ, префиксъ, основа, корень. Сложеніе словъ.

Словоизмѣненіе (Морфологія).

Этимологическая форма слова (грамматическая). Части рѣчи. Знаменательныя и незнаменательныя части рѣчи.

Имя существительное. Родъ именъ существительныхъ (съ окончаніями). Склоненіе именъ существительныхъ. Падежи. Числа. Раздѣленіе существительныхъ по склоненіямъ. Правильныя склоненія: І-ое—мужескій и средній родъ съ окончаніями въ именительномъ пад. *ъ*, *ь*, *й*, *о*, *е*; ІІ-е—женскій родъ съ окончаніями *а*, *я*; ІІІ-е—женскій родъ съ окончаніемъ *ь*. Неправильное склоненіе: 1) путь, бремя, 2) дитя, ребенокъ.

Имя прилагательное. Окончанія именъ прилагательныхъ. Склоненіе именъ прилагательныхъ. Окончанія степеней сравнительной и превосходной.

Имя числительное. Количественное и порядковое имя числительное. Сложныя числительныя. Склоненіе именъ числительныхъ.

Мѣстоименіе. Разряды ихъ: указательныя, вопросительныя и относительныя. Частичное раздѣленіе мѣстоименій указательныхъ: личныя, возвратное, притяжательныя, опредѣлительныя, собственно-указательныя, неопредѣленныя. Склоненія мѣстоименій: существительное и прилагательное. Глагогъ. Лица, числа и времена. Спряженіе глагола: первое и второе. Неправильные глаголы. Причастія и дѣепричастія. Простыя глагольныя формы и глагольныя формы сложнаго состава.

Словосочетаніе (Синтаксисъ).

Предварительныя понятія.

Понятіе о синтактической формѣ. О связи между словами въ предложеніи.

Простое предложеніе

Рѣчь и ея формы. Опредѣленіе грамматическаго простого предложенія. Главные члены нормальнаго простого предложенія. Сказуемое простое и составное. Связка. Инфинитивъ въ предложеніи. Выраженіе простого сказуемаго. Глагольныя формы: личныя формы, залоги, виды. Составное сказуемое и его выраженіе. Замѣна прилагательнаго въ сказуемомъ нарѣчіемъ. Подлежащее и его выраженіе. Устраненіе подлежащаго. Предложенія—полныя, неполныя и безличныя (безсубъектныя). Распространеніе простого предложенія. Опредѣленіе и его выраженіе. Приложеніе. Дополненіе. Значеніе косвенныхъ падежей и предлоговъ. Дополненіе

непосредственное и посредственное. Слова неуправляемыя и несогласуемыя, или обстоятельства и ихъ выраженіе (нарѣчіемъ, дѣепричастіемъ и косвенными падежами именъ существительныхъ).

Независимые члены простого предложенія. Синтактическія формы для выраженія отрицанія, вопроса, восклицанія.

Сложное предложеніе.

Соединеніе двухъ или нѣсколькихъ простыхъ предложеній въ одно синтактическое цѣлое, сложное предложеніе. Виды простыхъ предложеній при соединеніи въ сложное. Независимыя, или главныя, зависимыя, или подчиненныя, и придаточныя предложенія. Способы образованія сложнаго предложенія изъ простыхъ: сочиненіе, подчиненіе и вставка.

Сочиненіе предложеній безсоюзное и союзное. Три разряда союзовъ: союзы сочинительные (соединительное, противительное и раздѣлительное сочиненіе); союзы подчинительные (подчиненіе одного независимаго другому независимому, подчиненіе независимому придаточнаго и подчиненіе придаточнаго придаточному); союзы--нарѣчія и мѣстоименія.

Виды подчиненныхъ предложеній. Вводныя и вносныя предложенія. Эллипсисъ словъ и предложеній.

Періодъ. Способы образованія періодовъ. Двѣ части его—повышеніе и пониженіе. Замѣчаніе о видахъ періода: періодъ сочинительный и подчинительный.

Такова программа свѣдѣній, какія вполнѣ достаточны для сознательнаго отношенія къ строю современнаго литературнаго русскаго языка. Конечно, чтобы выработать эту сознательность, необходимо такъ препо-

давать грамматику, чтобы въ умахъ учениковъ, дѣйствительно, пробуждалась рефлексія въ отношеніи къ синтактической работѣ мысли, происходящей обыкновенно безсознательно.

Вмѣсто загроможденія школьной программы по русской грамматикѣ различными подробностями и, прямо скажу. нелѣпыми неясностями, мною оставлено самое существенное. Повторяю, что обученіе правильному употребленію литературной рѣчи на письмѣ составляетъ особую работу; она должна совершаться параллельно и одновременно *), но совершенно въ другіе часы.

IV.

После ознакомленія съ строемъ современной литературной рѣчи, когда ученики пріучились сознательно относиться къ этимологическимъ и синтактическимъ формамъ ея, съ IV-го кл. коммерческихъ училищъ слѣдуетъ приступить къ тому литературному образованію, которое выше поставлено задачею ихъ въ области изученія языка. Но сразу приступить къ изученію произведеній литературы во всемъ объемѣ нельзя. Чтобы умѣть разбираться и сознательно относиться къ произведеніямъ литературы, надо предварительно на основаніи образ-

*) Скажу больше: по моему глубокому убѣжденію, качество ученическихъ сочиненій по языку и содержанію было бы безусловно высоко, если бы письменныя работы велись особыми учителями, при чемъ уроки обученія ороографіи и стилистикѣ должны оплачиваться не ниже 100 руб. На эту сторону въ нашей школѣ не обращали вниманія, оттого и результаты—плохіе.

цовыхъ произведеній ознакомиться съ главнѣйшими положеніями теоріи словесности, какъ науки. Лѣтъ десять тому назадъ въ педагогической средѣ возвысились голоса противъ этой науки. Неумѣлое преподаваніе этого весьма интереснаго и развивающаго предмета, съ одной стороны; много спорнаго въ содержаніи теоріи словесности, какъ науки, съ другой—повели къ тому, что этотъ предметъ считали малодоступнымъ и излишнимъ для учениковъ 14—16 лѣтнихъ. Его рѣшили замѣнить разборами образцовъ, а сводку отнесли къ VIII-му классу гимназій. Но, если взглянуть на практику гимназій, то станетъ ясно, что въ сущности изгнать теорію словесности изъ курса литературы невозможно, потому что и нынѣ происходитъ, при чтеніи и разборѣ образцовыхъ произведеній въ V—VII классахъ гимназій, прохожденіе положеній изъ теоріи словесности, но прохожденіе разбросанное, несистематическое. Вредъ подобнаго изученія давно уже былъ указанъ покойнымъ профессоромъ Незеленовымъ («О преподаваніи русской словесности». С.-Пб. 1880 г.): «Уму человѣческому свойственно стремленіе къ приведенію своихъ знаній въ порядокъ. Это старая, вѣковѣчная истина, но, къ сожалѣнію, ее все еще приходится доказывать» (43 стр.). Далѣе, спорность многихъ положеній теоріи словесности нисколько не можетъ служить основаніемъ къ исключенію ея изъ курса общеобразовательной средней школы. Въ каждой другой наукѣ найдется не меньше спорнаго, но это не мѣшаетъ имъ входить въ курсъ гимназій. Да никто и не станетъ въ средней школѣ сообщать спорное, тѣмъ болѣе, что теорія словесности заключаетъ достаточно положительнаго матеріала, который даетъ работу мысли, возбуждаетъ стремленіе къ самостоятельности занятій. Въ са-

момъ дѣлѣ, ужели много спорнаго встрѣтится въ курсѣ теоріи словесности, имѣющемъ задачею сообщить учащимся 1) понятіе о сочиненіи, его свойствахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, 2) главнѣйшія элементарныя понятія о дѣятельности души, поскольку послѣдняя проявляется въ сочиненіи; 3) понятіе о главныхъ формахъ сочиненія, о родахъ прозы и поэзіи на основаніи возможно большаго количества произведеній выдающихся писателей не только русской, но и міровой литературы; 4) нѣкоторыя необходимыя для образованнаго человѣка понятія объ искусствахъ, о прекрасномъ, объ эстетическомъ удовольствіи и т. п.

Курсъ теоріи словесности въ IV и V классахъ коммерческихъ училищъ представляетъ ту педагогическую выгоду, что позволяетъ внести въ него и главнѣйшія произведенія словесности иностранной. Въ силу сказаннаго слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ постановленіе коммисіи по русскому языку на второмъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ, чтобы въ IV и V классахъ читались избранные образцы русской и иностранной прозы и поэзіи съ цѣлью теоретическаго ознакомленія съ сочиненіемъ, его элементами и строеніемъ.

Вопросъ заключается въ томъ, что́ сообщить необходимо и въ какомъ объемѣ въ IV и V классахъ коммерческихъ училищъ, принимая во вниманіе количество уроковъ, назначенныхъ для теоріи словесности.

Считая четыре недѣльныхъ урока въ IV и три въ V классѣ и признавая необходимымъ сообщить только нужное и положительно установленное, предлагаю слѣдующую программу теоріи словесности.

IV-й классъ.

Предварительныя свѣдѣнія.

Какъ въ грамматикѣ изучалось слово и какъ изучаетъ его теорія словесности. Примѣры: «Молитва» — Лермонтова, «Послѣдняя борьба» — Кольцова (наизусть).

Слово — представленіе. Ассоціація представленій. Смежность представленій внѣшняя и внутренняя. Сходство представленій. Слово — понятіе. Существенные признаки, необходимые въ понятіи. Объемъ и содержаніе понятія. Виды понятій: общія (родовыя) и частныя (видовыя). Двоякая дѣятельность ума (разсудокъ и воображеніе). Образованіе логическаго сужденія. Субъектъ и предикатъ.

«Старосвѣтскіе помѣщики» — Гоголя, «Бирюкъ» или «Пѣвцы» — Тургенева. Рѣчь — сочиненіе. Сочиненіе и его принадлежности.

«Лѣсъ и степь» — Тургенева. «Поэтъ» — Языкова. «Когда волнуется желтѣющая нива» — Лермонтова (наизусть). «Іоаннъ III» — Карамзина. Ритмъ рѣчи. Отрывистая, періодическая и стихотворная рѣчь *).

«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» — Жуковскаго (въ отрывкахъ). «Днѣпръ» — Гоголя (наизусть). Художественная рѣчь и ея свойства.

Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. «Пѣснь про царя Ивана Васильевича» — Лермонтова. Эпитеты и тропы.

Былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ. «Не былинушка во чистомъ полѣ зататалася»...

---

*) Здѣсь разумѣется чтеніе различнаго рода рѣчи, чтобы наглядно ученикамъ показать различіе ритма рѣчи. О періодѣ ученики уже знаютъ.

«Калину съ малиной вода поняла» (наизусть). «Живыя мощи» —Тургенева. Метафора, метонимія, синекдоха, иронія, сарказмъ, сравненіе, символъ.

«Парусъ» —Лермонтова (наиз.). Нѣсколько басенъ Крылова, ученныхъ въ III кл. «Лѣсъ»—Кольцова (наизусть). «Утесъ» —Лермонтова (наиз.). Аллегорія и олицетвореніе.

«Бѣсы» —Пушкина (наизусть). Отрывки изъ «Полтавы» —Пушкина (наиз.). Фигуры: тавтологія и антитеза.

Отрывки изъ «Тараса Бульбы»—Гоголя. «Поѣздка въ Соловки» —Максимова. Стиль, или слогъ сочиненія и его свойства. Чистота, точность и правильность. «Уралъ»—Пушкина. «Пирамиды»—Ковалевскаго. «Битва на Куликовомъ полѣ»—Карамзина. Одинъ или два Севастопольскихъ разсказа Л. Н. Толстого. «Туча» — Пушкина (наизусть).

«Юность и старость» —Карамзина. «Объ обязанностяхъ» —Филарета. «Твердость и упрямство»—Жуковскаго. Основныя формы сочиненія: описаніе, повѣствованіе и разсужденіе. Описательно-повѣствовательныя сочиненія. Виды описательныхъ и повѣствовательныхъ сочиненій. «Бѣловѣжская пуща»—Усова. «Дорога»—Гоголя. «Первая встрѣча русскихъ съ татарами»—Сиповскаго. «Рѣшеніе Тараса»—Гоголя. Описаніе простое и художественное. Повѣствованіе простое и художественное. Литературныя формы описательно-повѣствовательныхъ сочиненій. «Марѳинька» —Гончарова. «Борисъ Годуновъ» —Карамзина. «Плюшкинъ»—Гоголя. Характеристика. Историческая характеристика.

«Писемскій» —Острогорскаго. «Кольцовъ» —Бѣлинскаго. Біографія.

«Фрегатъ Паллада»—Гончарова. «Письма русскаго

путешественника»—Карамзина (въ отрывкахъ). Путешествіе.

«Записки кн. Н. Б. Долгоруковой». Мемуары.

Отрывки изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (Объ Олегѣ, Святославѣ). Пименъ и Григорій—Пушкина. Лѣтопись. «Сосна» (наиз.)—Лермонтова. «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»—Пушкина (наиз.). Искусство. Творческія силы въ искусствѣ. Поэзія въ ряду другихъ изящныхъ искусствъ. «Полтава»—Пушкина. «Старосвѣтскіе помѣщики»—Гоголя. «Воспитаніе Онѣгина»—Пушкина. Изъ «Евгенія Онѣгина» гл. I, VI (отъ словъ: «Друзья мои»), гл. VIII (отъ словъ: «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ»). Изъ «Мертвыхъ душъ»—Гоголя (гл. XI отъ словъ: «Темно и скромно происхожденіе моего героя»). Типическое изображеніе жизни, идеализація, отношеніе поэта къ изображаемой жизни.

«Воздушный корабль»—Лермонтова (наизусть). «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ»—Пушкина (наиз.). «Скупой рыцарь» его же. Основныя формы поэзіи (эпосъ, лирика и драма).

Народный эпосъ.

Святогоръ. Идолище поганое. Василій Буслаевъ. Садко. Взятіе Казани. Грозный царь Иванъ Васильевичъ и Никита Романовичъ. Былины и историческія пѣсни.

Литературная обработка народнаго эпоса.

Отрывки изъ «Иліады» (Бой Гектора съ Ахиллесомъ) и «Одиссеи» (Пребываніе Одиссея у царя Алкиноя)—Гомера. Изъ «Энеиды» Вергилія (Лаокаонъ и змѣя). «Эдда» и «Пѣснь о Нибелунгахъ». «Пѣснь о Роландѣ». Изъ «Божественной комедіи» Данте (III п., XXXIII и XXXIV съ краткимъ содержаніемъ всей поэмы). Изъ «Освобожденнаго Іерусалима»—Тасса. Отрывокъ изъ «Россіады»—Хераскова. Изъ поэмы Жуковскаго: «Ка-

моэнсъ». Поэмы Пушкина: «Цыганы» и «Полтава» (Отр. наиз.) «Мертвыя души» —Гоголя (отр. наиз.). Отрывки изъ «Шильонскаго узника» —Байрона. Поэма и эпопея. Героическая поэма. Нео-классическая поэма. Драматическая поэма. Художественно-реальная поэма.

«Кубокъ» и «Графъ Габсбургскій» —Шиллера (въ перев. Жуковскаго). «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и «Бѣсы» (наиз.) Пушкина. Баллада.

«Сиракузянки» Ѳеокрита. «Палемонъ» —Панаева. «Рыбаки» —Гнѣдича. «Старосвѣтскіе помѣщики» —Гоголя. Идиллія. «Метафизикъ», «Стрѣлка часовая» —Хемницера. «Котъ, Ласточка и Кроликъ» —Дмитріева. «Червонецъ, Листы и корни» —Крылова. «Два голубя» —Дмитріева. «Два голубя» —Крылова. Басня.

V-й классъ

Предварительныя свѣдѣнія.

Логическіе пріемы, какъ необходимая принадлежность разсужденія. Логическое опредѣленіе понятій и условія его. Логическое дѣленіе понятій и условія его. Примѣрный разборъ разсужденія Карамзина: «О любви къ отечеству». Разсужденіе. Умозаключеніе. Наведеніе. Аналогія. Доказательства. Разборъ разсужденія Карамзина: «О счастливѣйшемъ времени жизни». Разборъ произведенія Тургенева: «Воробей». Разборъ разсужденія Буслаева: «Народные пѣвцы». «Различіе между науками и искусствомъ» —Павлова. «Понятіе объ исторіи въ древнемъ и новомъ мірѣ» —Грановскаго. «Слово въ Великій Пятокъ» —арх. Иннокентія. «Обязанности защитника, обвинителя и предсѣдателя суда» —Кони. Разсужденіе въ ораторскомъ искуствѣ. «Объ искусствѣ» —Тэна. «Объ Ольгѣ» —Соловьева. «О границахъ живописи и

поэзіи»—Лессинга. «Милліонъ терзаній»—Гончарова. Разсужденіе въ наукѣ. Понятіе о научныхъ методахъ. Научная система. Понятіе о наукѣ. Критика.

«Донъ-Кихотъ»—Сервантеса. «Айвенго»—В. Скотта. «Домби и сынъ»—Диккенса. «Евгеній Онѣгинъ»—Пушкина. «Герой нашего времени»—Лермонтова. «Обломовъ»—Гончарова. «Дворянское гнѣздо»—Тургенева. «Война и миръ»—Л. Н. Толстого. Романъ. Отличіе его отъ поэмы. Поэзія русской дѣйствительности въ романахъ Пушкина, Гончарова и др. писателей.

«Бѣдная Лиза»—Карамзина. «Дубровскій, Капитанская дочка, Арапъ Петра В.»—Пушкина. Изъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргорода»—Гоголя. «Записки Охотника» и «Муму»—Тургенева. Изъ «Дѣтства и Отрочества»—Л. Н. Толстого. Повѣсть. Повѣсти Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева.

«Чужой толкъ»—Дмитріева. «Къ уму своему»—Кантемира. «Первое января»—Лермонтова «Утренняя прогулка»—Некрасова. Сатира. Видъ сатиры.

Олимпійская третья ода Пиндара. «Фелица»—Державина. «Памятникъ»—Державина и Пушкина (наиз.). Ода. Нео-классическая ода. Сатирическій элементъ въ одахъ Державина.

«Поэтъ» (н.), «Чернь», «Поэту» (н).—Пушкина. «Дума»—Лермонтова. Понятіе о думѣ. Дума-сатира. «Опять ты здѣсь», «Море»—Жуковскаго (наиз.). «Брожу ли я вдоль улицъ»... «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»—Пушкина. «Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой»,—Лермонтова.

Появленіе новыхъ направленій въ русской литературѣ—сентиментальнаго и романтическаго. Понятіе объ элегіи. Особенности поэтическаго настроенія въ элегіяхъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

«Ужъ какъ палъ туманъ, Ты рябинушка, А и горе, Ахъ ты, поле, Не шуми, мати зеленая дубровушка».— Народная бытовая пѣсня.

«Стонетъ сизый голубочекъ» — Дмитріева. Пѣсни Кольцова о добромъ молодцѣ. Различіе между народною и литературною лирикою. Литературныя подражанія народнымъ пѣснямъ. Измѣнчивость и подвижность лирическихъ формъ поэзіи.

Драма. Предварительныя понятія о волѣ. Темпераментъ и характеръ. Содержаніе драмы. Единство дѣйствія. Конфликтъ. Завязка и развязка. Экспозиція, повышеніе дѣйствія, кульминаціонный пунктъ, пониженіе дѣйствія, катастрофа.

Виды драмы. Драма у грековъ. «Прикованный прометей»—Эсхила. «Эдипъ-царь»—Софокла. «Медея»—Эврипида. Средневѣковая драма. Драма въ Англіи до Шекспира. «Макбетъ и Король Лиръ».—Шекспира. Шекспировскій театръ. «Сидъ»—Корнеля, «Гоѳолія и Федра»—Расина. Французская классическая трагедія. Мѣщанская драма. «Натанъ»—Лессинга. Гёте: «Гетцъ фонъ-Берлихингенъ», «Вертеръ», «Фаустъ». Романтическая драма Шиллеръ: «Орлеанская дѣва». Трагедія Пушкина: «Борисъ Годуновъ». Понятіе о трагедіи. Трагическій характеръ. Трагическая вина.

«Тартюфъ, Мизантропъ»—Мольера. «Недоросль»—Фонвизина. «Горе отъ ума»—Грибоѣдова. «Ревизоръ»—Гоголя.

Комедія у грековъ (Аристофанъ). Нео-классическая комедія. Идейный мотивъ комедіи Грибоѣдова. Мораль пошлой жизни въ комедіи Гоголя. Понятіе о комедіи. Комическій характеръ. Комическая вина—«Бѣдность не порокъ», «Свои люди—сочтемся»—Островскаго. Драма въ видовомъ значеніи этого слова. Особенности

зя. Колеблющаяся граница между реальной драмой и комедіей. Психологія самодурства и разновидности его. Разборъ комедій Островскаго.

Къ начертанной нами программѣ для IV и V-го классовъ коммерческихъ училищъ прибавимъ два замѣчанія.

Первое касается свѣдѣній изъ западно-европейской литературы. Нами внесено то, что возможно пройти въ классѣ при извѣстномъ количествѣ уроковъ. Но весьма желательно путемъ внѣкласснаго чтенія значительно раздвинуть рамки указанной нами программы. Такъ, весьма желательно прочитать невнесенныя мною сочиненія Лессинга, Гёте, Шиллера, Байрона, Мольера. Не менѣе желательно увеличить количество произведеній и русскихъ писателей.

Кромѣ того, весьма желательно ввести въ означенный списокъ русскихъ и европейскихъ писателей больше именъ: Гольдсмита, Ричардсона, Писемскаго, Григоровича, Кохановской, Мея, Полонскаго и др.

Второе замѣчаніе касается метода преподаванія. Мы не желали бы стѣснять преподавателя, но для мало-опытныхъ педагоговъ скажемъ, что всегда для учениковъ выводы будутъ осязательнѣе тогда, когда они обоснованы на усвоенномъ матеріалѣ. Поэтому въ нашей программѣ мы называли сперва произведенія, а потомъ выводы и опредѣленія. Только свѣдѣнія, связывающія отдѣлы и свѣдѣнія изъ психологіи мы находимъ необходимымъ сообщить лекціоннымъ способомъ, чтобы не вдаваться въ подробности.

Въ основу названнаго курса теоріи словесности нами положены книги В. Острогорскаго, Житецкаго и Стоюнина. Кромѣ того, хрестоматія Филонова и

кн. Верещагина: «Руководство къ чтенію избранныхъ произведеній всемірной литературы» (2 части. 1902»).

Считая наиболѣе пригодными для коммерческой школы только тѣ теоріи, которыя извлекаются изъ фактовъ, мы внесли въ свою программу историческую перспективу. Приверженцамъ догматизма, тѣхъ теорій, подъ которыя подгоняются факты, мы скажемъ словами г. Житецкаго, что подобнаго рода теоріи не пригодны въ наукахъ, «которыя имѣютъ дѣло съ вѣчно подвижнымъ и вѣчно юнымъ духовнымъ творчествомъ человѣка. Такова именно и есть наша наука, потому что предметомъ ея служитъ это самое творчество въ поэтическихъ проявленіяхъ его».. (Предисловіе къ теоріи поэзіи. Изд. 2-ое. 1900 г.). Въ заключеніе этой главы скажу, что слѣдовало бы спеціально для коммерческихъ училищъ составить хрестоматію, содержащую съ хорошими вводными статьями и разъясненіями всѣ перечисленныя и подлежащія анализу произведенія русской и всеобщей литературы. Желательно, чтобы такая хрестоматія была доступна по цѣнѣ, чтобы каждый ученикъ имѣлъ ее подъ рукою.

V.

Съ VI го класса начинается для учениковъ коммерческихъ училищъ послѣдняя ступень ихъ литературнаго образованія. Послѣ того какъ они ознакомились съ большимъ количествомъ русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ узнали главнѣйшія положенія теоріи словесности, какъ науки,—запаслись нѣкоторыми хотя элементарными свѣдѣніями изъ психологіи творчества,—послѣ этого имъ возможно историческое

знакомство съ главнѣйшими моментами русской литературы.

Было время, когда раздавались голоса педагоговъ противъ внесенія въ курсъ средней школы исторіи словесности. Теперь противники послѣдней смолкли; но остается еще много вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ учебнымъ предметомъ. Лучшимъ доказательствомъ того, сколько трудностей представляетъ этотъ учебный предметъ и его правильная постановка въ средней школѣ, является нѣсколько разъ измѣняемая программа этого предмета въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Мин. Нар. Пр. Еще такъ недавно снова г. министръ нар. пр. поставилъ на обсужденіе педагогическихъ совѣтовъ гимназій вопросъ о курсѣ этого предмета.

Понятно желаніе центральной учебной власти поставить наилучшимъ образомъ преподаваніе исторіи русской литературы въ средней школѣ: художественная словесность имѣетъ слишкомъ важное значеніе среди другихъ предметовъ курса общеобразовательной школы.

Позволю себѣ привести здѣсь обширную выписку изъ статьи А. П. Флёрова, который (недавно въ своей статьѣ: «Родной языкъ въ школѣ и зло современнаго правописанія» («Педаг. Сб.» 1903 г. №№ 9, 10 и 11-й) сдѣлалъ сводку всего, что раньше говорилось объ образовательно-воспитательномъ значеніи поэзіи.

Произведенія художественнаго слова приближаютъ читателя къ истинному пониманію собственнаго внутренняго міра и всего окружающаго, уясняютъ передъ нимъ жизнь. «Развертывая передъ читателемъ самые разнообразные характеры, поступки, положенія, картины, поэзія заставляетъ его переживать такія чувства и съ такою окраскою, какія, быть-можетъ, даже никогда бы не посѣтили его души или посѣщаютъ ее рѣдко.

Благодаря этому, при чтеніи художественныхъ произведеній психика обогащается новымъ опытомъ и пріобрѣтаетъ воспріимчивость, чуткость къ пережитому хотя бы только въ такомъ видѣ чувству. Вся гамма чувствъ, какія только были пережиты человѣческимъ сердцемъ, подъ вліяніемъ художественныхъ образовъ, проходитъ чрезъ сознаніе читателя въ сопровожденіи самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и варіацій; при этомъ одни изъ этихъ чувствъ и оттѣнковъ, альтруистическаго порядка, закрѣпляются въ душѣ, какъ обладающія внутренней привлекательностью и психическою самоцѣнностью, отъ другихъ же эмоцій, эгоистическихъ и мизантропическихъ, воля старается освободиться и застраховать чувство на будущее время, яснѣе различивъ въ художественномъ возсозданіи ихъ тяжелую окраску и понявъ неизбѣжность душевной за нихъ расплаты»...

Кромѣ того, «поэзія, углубляя мысль, очищая и расширяя область чувства, дѣлаетъ нашу душу причастной здѣсь, на землѣ, того высшаго настроенія, которое въ евангеліи называется «царствіемъ Божіимъ».

«Поэзія облегчаетъ бремя житейскихъ невзгодъ и подкрѣпляетъ духъ въ тяжелыя минуты нравственной нерѣшительности и раздумья надъ тщетой человѣческихъ стремленій»... «Душа читателя, воспринимая настроеніе художника, освобождается отъ тягостныхъ осадковъ мелочного эгоизма и остается единственно при тѣхъ ясныхъ, мягкихъ и грѣющихъ элементахъ чувства, которые заставляютъ струны нашей психики колебаться въ унисонъ съ гармоніей общечеловѣческой, космической жизни»...

Наконецъ, поэзія имѣетъ огромное національное значеніе. «Являясь истолкователемъ божественной истины, вложенной въ міръ души и природы, поэтъ уясняетъ

родному народу сущность національнаго склада, содѣйствуетъ облагороженію національной психики. Національному сомосознанію русской интеллигенціи особенно великія заслуги оказали Пушкинъ, Достоевскій и Л. Толстой»...

«Особенно цѣнна поэзія въ юные годы. По словамъ г. Сикорскаго, съ наступленіемъ юности, чувства получаютъ печать необыкновенной глубины, искренности и идеальной чистоты. Основную черту умственнаго развитія юноши составляетъ глубокое стремленіе освѣтить и объединить всю душу, связать въ одно цѣлое всѣ впечатлѣнія, хранящіяся въ памяти, и установить единое цѣльное міросозерцаніе, примиривъ всѣ противорѣчія, рѣшивъ для себя всѣ вопросы.

Юность—та пора въ жизни человѣка, когда рѣшается вопросъ о характерѣ и направленіи всей послѣдующей жизни. Въ такую пору и полезно познакомить юношество съ цѣлымъ рядомъ художественныхъ произведеній, изображающихъ высшія чувства: любовь къ наукѣ, самоотверженность, вѣрность долгу, патріотизмъ и т. п. Надѣюсь, послѣ сказаннаго станетъ ясно, что средняя общеобразовательная школа, сообщая учащимся извѣстную массу знаній, не должна при преподаваніи исторіи русской словесности забывать о ея воспитательномъ значеніи. Послѣднее рѣшаетъ вопросъ о курсѣ исторіи словесности въ коммерческихъ училищахъ. Несмотря на то, что коммиссія по русскому языку на 2-мъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ постановила въ VI, VII и VIII кл. читать произведенія русской литературы XIX столѣтія до 80-хъ годовъ,—во многихъ училищахъ доселѣ изучается литература нетолько XVIII, XVII, но и XI и XII-го столѣтія.

Къ свѣдѣнію г.г. педагоговъ, поклонниковъ древ-

ней литературы, приведу здѣсь слова покойнаго В. П. Острогорскаго, сказанныя имъ въ 1885 году. «Вся исторія древней русской литературы, проходимая нынѣ въ мужскихъ гимназіяхъ очень подробно, должна быть сведена къ весьма небольшому minimum'у, такъ какъ, за немногими исключеніями, она представляетъ матерьялъ почти одинъ только историческій, бытовой, къ тому же—совсѣмъ исключительный, духовно-монашескій, а никакъ не эстетическій, общечеловѣческій, который могъ бы благотворно воспитать сердце и воображеніе юноши, дать уму здоровую пищу и общечеловѣческую оцѣнку жизни. Занимая юношей почти цѣлый годъ (VI-й кл. по прежн. учеб. планамъ) митрополитомъ Иларіономъ, Кирилломъ Туровскимъ, Даніиломъ Паломниковъ..., памятниками, написанными церковнославянскимъ или стариннымъ русскимъ языкомъ, мы уподобляемся тѣмъ схоластикамъ, убивавшимъ время на изученіе всевозможныхъ видовъ силлогизмовъ, о которыхъ сказалъ Лессингъ: «чтобы поднять вязанку соломы, не нужно никакой машины; но въ логикѣ именно для этого послѣдовательно и методически употребляются машины» («Бесѣды о преподаваніи словесности», 89 стр.).

Если подобныя рѣчи говорятся о курсѣ литературы въ гимназіяхъ, носящихъ по преимуществу филологическій характеръ, то что сказать тѣмъ г.г. преподавателямъ, которые, не мудрствуя лукаво, копируютъ гимназическія программы въ коммерческихъ училищахъ, имѣющихъ въ виду готовить молодыхъ людей къ практической дѣятельности, а если и къ теоретической (нѣкоторыхъ), то во всякомъ случаѣ не къ филологической? Еще ярче выступаетъ нелѣпость внесенія древней литературы въ курсъ коммерческихъ училищъ Привислинскаго края съ преобладающимъ составомъ учениковъ-

-католиковъ, которымъ не только непонятны, но и враждебны византійскіе идеалы и воззрѣнія.

Нѣтъ резона томить учениковъ и надъ подражательною литературою XVIII-го столѣтія, потому что за два года при трехъ урокахъ въ VI и VII кл. (коммерческихъ училищъ съ VIII классомъ пока мало) едва возможно сдѣлать то, что намѣчено пройти изъ литературы XIX столѣтія. Легко можетъ случиться, что при подробномъ изученіи литературы XVIII-го столѣтія ученики коммерческаго училища выйдутъ изъ школы, совершенно незнакомые съ произведеніями писателей послѣ Гоголя.

Не желая оставить учениковъ коммерческихъ училищъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно историческаго развитія русской литературы, выше упомянутая коммиссія по русскому языку высказала пожеланіе, чтобы со 2-го полугодія въ VII или VIII кл. коммерческихъ училищъ была выяснена преемственная связь произведеній ея.

Наконецъ, еще одинъ важный вопросъ, въ чемъ должно заключаться чтеніе избранныхъ произведеній русской литературы въ VI и VII кл. коммерческихъ училищъ. Не разъ названная коммисія рѣшила этотъ вопросъ такъ: а) ознакомленіе съ содержаніемъ и языкомъ, б) выясненіе основной мысли и плана, в) характеристика наиболѣе типическихъ лицъ, г) историко-литературныя и біографическія свѣдѣнія, д) чтеніе критическихъ статей о значеніи литературной дѣятельности даннаго писателя» («Матеріалы по коммерческому образованію», вып. II, стр. 58). В. П. Острогорскій относительно біографіи писателя замѣтилъ, что она должна сводиться къ рѣшенію трехъ главнѣйшихъ вопросовъ: а) какъ смотрѣлъ поэтъ на свое собственное дѣло поэ

зіи, свое поэтическое призваніе; b) какъ смотрѣлъ на жизнь, т. е. какъ къ ней относился, съ какимъ чувствомъ, какія стороны жизни, свѣтлыя или темныя, изображалъ, и c) что именно своею дѣятельностью внесъ въ литературу, т.-е. какіе живые типы, изображеніе какихъ именно явленій жизни или какое особое направленіе» («Бесѣды», 5 стр.).

Незеленовъ рекомендовалъ психологическій разборъ характеровъ въ произведеніяхъ писателей, указывая на то, что подобнаго рода изученіе, во-1-хъ, лучше всего ознакамливаетъ учащихся съ самой сущностью произведенія, во-2-хъ, знакомитъ учащихся съ людьми, съ жизнью и даетъ содержаніе для мышленія, въ-3-хъ, пріучаетъ къ правильному логическому расположенію мыслей и, въ 4-хъ, очень нравится учащимся. Къ такому разбору полезно присоединить и біографію автора («О преподаваніи рус. сл.», 57).

Г. Верещагинъ, авторъ послѣдняго по времени обстоятельнаго «Руководства къ чтенію избранныхъ произведеній русской словесности въ исторической послѣдовательности» (изд. 2-ое СПетербуръ. 1903 г.) выставляетъ такія требованія въ «Предисловіи»: «Читая въ старшихъ классахъ гимназіи избранныя произведенія отечественной словесности, необходимо уяснять ученикамъ эти произведенія изъ нихъ самихъ, т.-е. выяснять ихъ тему, главную мысль (идею), планъ и, наконецъ, содержаніе со строны его цѣльности и силы выраженія. Но, такъ какъ каждое литературное произведеніе является продуктомъ личнаго творчества писателя и фактомъ историческаго развитія словесности, то для болѣе или менѣе основательнаго пониманія, нужно его разсмотрѣть и въ этихъ отношеніяхъ»...

Приведенныхъ мнѣній вполнѣ достаточно, чтобы

установить въ общихъ чертахъ кругъ занятій съ учениками VI и VII классовъ коммерческихъ училищъ на урокахъ литературы. Литература есть отраженіе жизни въ представленіи народнаго генія. Изучать литературу значитъ изучать образы и типы, созданные писателемъ усвоить духъ, мысли, чувства, словомъ, прочувствовать; все, чѣмъ жилъ, мучился, болѣлъ тотъ или другой творецъ художественныхъ произведеній. Исторія литературы въ этомъ отношеніи есть исторія сердца генія, гдѣ отражается весь міръ.

Изученіе образовъ и типовъ, созданныхъ писателемъ, неизбѣжно повлечетъ къ знакомству съ силою и качествомъ таланта писателя, съ окружающею его дѣйствительностью, съ ея радостями, горестями и упованіями. Усвоеніе идей и чувствъ неизбѣжно приводитъ къ ознакомленію съ природными настроеніями писателя, съ вліяніями на него со стороны друзей, родителей, знакомыхъ и школы. Наконецъ, для полноты изученія приходится создать около писателя историческую перспективу, ввести его въ ряды другихъ художниковъ слова, его современниковъ, и дать ему соотвѣтствующую оцѣнку. Въ послѣднемъ случаѣ прійдется обратиться къ критикѣ.

Указавъ кругъ занятій при изученіи исторіи литературы въ VI и VII кл. коммерческихъ училищъ, скажу нѣсколько словъ о самомъ курсѣ.

По-моему, прежде изученія новѣйшаго періода русской литературы съ Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, учителю необходимо урока въ три-четыре изложить предъ учениками ходъ литературы въ XVIII столѣтіи, когда началась новая русская литература. Въ этомъ вступленіи на фонѣ культурной исторіи Россіи учитель познакомитъ съ сущностью европейскаго нео-классицизма, съ излюбленными нео--классическими формами произ-

веденій, съ ученіемъ энциклопедистовъ, Локка, Беккарія и Монтескье, съ англійскимъ и французскимъ сантиментализмомъ и укажетъ, какъ все пережитое въ Европѣ Западной отражалось въ Россіи. Тутъ передъ учениками промелькнутъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Екатерина II, Державинъ, Фонвизинъ, Новиковъ, Дружеское общество, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ *).

Послѣ такого вступленія необходимо приступить къ изученію произведеній писателей начала XIX-го столѣтія, когда закончился подражательный періодъ нашей литературы и начался художественно-самостоятельный. И здѣсь преподавателю прійдется сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о прекрасномъ началѣ дней александровыхъ (по выраженію Пушкина), объ отечественной войнѣ 12-го года, объ умственномъ движеніи въ русскомъ обществѣ въ началѣ XIX столѣтія, а изъ западно-европейской литературы необходимо познакомить учениковъ съ Байрономъ.

Затѣмъ изучать писателей слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, (сопост. съ Григоровичемъ и «Бѣдными людьми» —Достоевскаго), Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Н. Толстой и Островскій.

Во второмъ полугодіи въ VII классѣ коммерческихъ училищъ, по прохожденіи намѣченныхъ писате-

---

*) Коммерческія училища, стремясь развить самодѣятельность въ учащихся, стараются въ VI и VII кл. по больше оставить времени для домашнихъ занятій; поэтому заинтересованные ученики по Хрест. Галахова и по изданіямъ г. Чудинова и другихъ постараются прочитать произведенія названныхъ писателей. Возможно этихъ писателей сдѣлать предметомъ литературныхъ бесѣдъ.

лей, преподаватель сдѣлаетъ довольно обстоятельное заключеніе курса исторіи русской словесности. Въ этомъ заключеніи, опираясь на всю совокупность прочитаннаго и изученнаго изъ русской и всеобщей литературы въ IV, V., VI и VII кл., онъ выяснитъ ученикамъ понятія о словесности, литературѣ, исторіи литературъ всеобщей и частной. Далѣе учитель остановится подробно на исторіи русской литературы, которую раздѣлитъ на древнюю и новую, съ подробнымъ указаніемъ періодовъ новой. Указавъ различіе между литературой устно-народной и искусственной, онъ остановится на четырехъ періодахъ народнаго творчества: миѳическомъ (сказка, обрядовая пѣсня), героическомъ (былины Кіевскія и Новгородскія), историческомъ (историческія пѣсни) и частно-бытовомъ (семейныя пѣсни). Здѣсь прійдется историческія пѣсни сопоставить съ пѣснею Лермонтова о Калашниковѣ, бытовыя пѣсни съ поэзіей Кольцова. Кромѣ того, придется кое-что вновь прочитать, расширяя знакомство съ произведеніями творческаго слова.

Въ заключеніе учитель скажетъ нѣсколько словъ о древней письменности, о ея общемъ характерѣ, остановившись подробнѣе на «Словѣ о полку Игоревѣ», которое можно прочесть по одному изъ поэтическихъ переложеній.

Подобнаго рода заключеніе необходимо, во-1-хъ, потому, что оно освѣтитъ общей связующей мыслью пріобрѣтенныя литературныя знанія, во-2-хъ, дополнитъ эти послѣднія знакомствомъ съ произведеніями народными.

Что касается метода преподаванія, то стѣснять учителя не находимъ удобнымъ; но замѣтимъ, что при вступленіяхъ и заключеніи онъ обязательно будетъ академическій или лекціонный; въ другихъ случаяхъ эвристическій. При этомъ всегда необходимо учителю помнить, что выводы тогда только имѣютъ значеніе и

убѣдительны, когда имъ предпосланы факты, т.-е. произведенія въ данномъ случаѣ.

Выполнить намѣченный мною курсъ исторіи литературы легко при помощи такихъ книгъ, какъ Руководство г. Верещагина и Исторія литературы Пыпина, не говоря о многочисленныхъ Хрестоматіяхъ и спеціально школьныхъ изданіяхъ писателей русскихъ и западноевропейскихъ.

VI.

Въ этой главѣ мнѣ остается сказать объ обученіи учениковъ коммерческихъ училищъ письменному владѣнію литературною русскою рѣчью. По моему мнѣнію, задачею этого обученія должно быть— довести учениковъ коммерческихъ училищъ до умѣнья правильно, гладко и литературно писать, равно выработать привычку легко охватывать данную тему и умѣло ее выразить на письмѣ. Будущему коммерческому дѣятелю придется употреблять литературную рѣчь и для торговыхъ сношеній, и для представленія своихъ нуждъ въ департаменты, и для обсужденія различныхъ сторонъ своей профессіи въ журналистикѣ и ежедневной прессѣ.

При обученіи письменному употребленію литературной рѣчи въ коммерческихъ училищахъ надо различать два момента. До четвертаго класса письменныя работы учениковъ носятъ тотъ элементарный характеръ, который даетъ имъ кличку упражненій; а съ IV-го кл. начинаются работы, называемыя обыкновенно сочиненіями.

Задачею упражненій является пріученіе учениковъ къ правильной орѳографически, этимологически и син-

тактически рѣчи, равно навыкъ кратко и распраст-раненно излагать прочитанное или выученное наизусть произведеніе либо отрывокъ изъ него. При этомъ считаю наиболѣе важнымъ пріучить къ связному краткому изложенію болѣе или менѣе обширныхъ произведеній, потому что въ дѣловомъ языкѣ важна сжатость и ясность.

Достичь указанной цѣли на этой ступени возможно путемъ слѣдующихъ видовъ письменныхъ упражненій: списыванія съ книги, письма выученнаго наизусть, письма подъ диктовку разученной въ классѣ статейки и изложенія прочитаннаго или выученнаго наизусть.

Первыя три разновидности упражненій имѣютъ въ виду такъ называемую орѳографію. Не желая повторять ошибку гимназій и реальныхъ училищъ, которыя поставили первой задачею преподаванія русскаго языка именно усвоеніе правописанія, коммерческія училища должны помнить слѣдующее: 1) нѣтъ никакого разумнаго основанія стремиться усвоить во всѣхъ тонкостяхъ и деталяхъ лишенное весьма часто разумныхъ основаній и полное не поддающихся обобщенію единичныхъ начертаній современное правописаніе; 2) овладѣть рѣчью можно путемъ изученія великихъ художниковъ родного слова, а не путемъ изученія орѳографическихъ правилъ и писанія безконечныхъ диктовокъ; 3) вопреки прежней пренебрежительности, надо въ учащихся коммерческихъ училищъ развивать уваженіе, интересъ и любовь къ мѣстнымъ нарѣчіяхъ, потому что, по словамъ Срезневскаго, въ каждомъ мѣстномъ нарѣчіи есть сила неосязаемая и тѣмъ неменѣе мощная, сосредоточивающая въ себѣ всѣ другія силы *), потому что народный языкъ богатъ свое-

*) См. объ орѳографіи и ея вредѣ прекрасн. ст. А. П. Флёрова, «Пед. Сбор». 1903 г. т. XI.

образною колоритностью и живостью. Это тотъ великій могучій, правдивый и свободный русскій языкъ, о которомъ говорилъ умирающій Тургеневъ (Стихотворенія въ прозѣ); 4) «крайне несправедливо видѣть въ грамматическихъ ошибкахъ признаки неподготовленности молодого человѣка къ университетскому курсу и изъ-за этихъ ошибокъ закрывать ему дорогу къ высшему образованію» (Ушинскій, изъ ст. г. Флёрова). Если преподаватели коммерческихъ училищъ усвоятъ твердо сказанное, то они не заставятъ своихъ учениковъ проливать горькія слезы надъ диктовками, не будутъ мучить ихъ непрерывными орѳографическими упражненіями, а первое мѣсто отведутъ изложенію.

На второмъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ комиссія по русскому языку относительно изложеній высказалась, чтобы въ I кл. оно производилось по вопросамъ, во II кл. по плану [2]). По моему мнѣнію, и вопросы, и планъ при изложеніи—дѣло второстепенное: способный ученикъ часто и не нуждается въ вопросахъ и планѣ, которые иногда мѣшаютъ даже плавности его изложенія. Главное вниманіе при изложеніи въ I и II кл. слѣдуетъ обратить на построеніе рѣчи: ученики часто не умѣютъ строить предложенія, не умѣютъ правильно связать отдѣльныя предложенія союзами или союзными выраженіями, любятъ накоплять и однообразно употреблять союзы, наприм., многіе ученики очень часто всякое предложеніе начинаютъ союзомъ и. Совѣтую въ I кл. пріучать, по возможности, излагать краткими простыми предложеніями, такъ, какъ излагаются въ Хрестоматіяхъ статейки для начальнаго обученія. Постепенно рѣчь учениковъ расширяется, и къ

---

[2]) См. «Матеріалы по ком. образ.», вып. II, стр. 29).

концу III кл. они уже не должны стѣсняться построеніемъ предложеній. Еще одно небольшое замѣчаніе объ изложеніяхъ. По—моему, не слѣдуетъ слишкомъ рано начинать письменныя изложенія. Въ приготовительномъ кл. и въ I-мъ надо только пріучать къ устному изложенію, и только къ концу года въ I-мъ кл. можно попробовать письменно изложить разсказанное. По крайней мѣрѣ, рекомендуемаго мною правила необходимо держаться въ коммерческихъ училищахъ Привисленскаго края съ инородческимъ составомъ учащихся. Съ IV-го начинаются такъ называемыя сочиненія. Переходомъ къ нимъ могутъ служить въ теченіе перваго мѣсяца такія упражненія, какъ составленіе плановъ прочитанныхъ произведеній, краткое изложеніе большихъ произведеній. Далѣе слѣдуютъ самостоятельныя описанія, повѣствованія и разсужденія на темы, связанныя съ прочитанными произведеніями русской и иностранной литературы. Подобнаго рода темъ много указано въ выше названныхъ хрестоматіяхъ г. Верещагина.

VII.

Таковъ ходъ и кругъ занятій русскимъ языкомъ и словесностью въ коммерческихъ училищахъ мин. финансовъ. Думается мнѣ, что, при надлежащемъ исполненіи всего сказаннаго мною, но не исключительно мнѣ принадлежащаго, коммерческія училища дадутъ своимъ питомцамъ именно такое литературное образованіе, какое вполнѣ достаточно для всякаго образованнаго человѣка. Мало того, мнѣ кажется, что подобнаго рода литературное образованіе способно многимъ ученикамъ заронить въ душу такой глубокій интересъ къ литера-

турѣ, что нѣкоторые ученики не покинутъ заниматься ею и по выходѣ изъ стѣнъ школы.

Но общаго очерка того пути, коимъ надо итти къ намѣченной цѣли, мало. При неподготовленности въ настоящее время педагогическаго персонала для коммерческихъ училищъ, приходится дать не только общія указанія, но и представить обработку мелочей курса. Особенно слѣдуетъ это сдѣлать относительно грамматики литературнаго русскаго языка.

Въ программѣ секціи коммерческихъ училищъ на 3-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію поставленъ, между прочимъ, вопросъ о возможности научнаго изложенія русской грамматики въ коммерческихъ училищахъ. Полагаю, что разсужденія тутъ мало помогутъ дѣлу, и потому необходимо сдѣлать попытку научнаго изложенія русской грамматики, насколько послѣднее возможно въ коммерческихъ училищахъ при извѣстномъ умственномъ развитіи учениковъ.

С. Брайловскій.

Г. Бендинъ.
1904 г. янв.

Новѣйшіе русскіе писатели въ программѣ средней школы.

Давно назрѣвшій вопросъ относительно пополненія и реорганизаціи учебной программы въ средней школѣ въ области словесности, кажется, близокъ къ желательному разрѣшенію. Надобно думать, что предположенія въ этомъ направленіи скоро станутъ дѣйствительнымъ фактомъ, а слова обратятся въ дѣло. Извѣстіе о томъ, что Министерство Народного Просвѣщенія имѣетъ въ виду ввести въ програму гимназій и реальныхъ училищъ изученіе новѣйшихъ русскихъ писателей, можетъ быть привѣтствуемо, какъ фактъ чрезвычайной важности въ школьномъ дѣлѣ.

По проникшимъ въ печать слухамъ для новой программы намѣчены слѣдующіе авторы: Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Майковъ, гр. А. Толстой и Фетъ, чтеніе которыхъ предназначается въ выпускныхъ классахъ. Хотя учащаяся молодежь такъ или иначе уже знакома съ произведеніями этихъ писателей, если не въ полномъ объемѣ, то въ образцахъ и отрывкахъ, по хрестоматіямъ и сборникамъ, тѣмъ не менѣе классное изученіе ихъ не можетъ считаться излишнимъ, такъ какъ оно сопровождается соотвѣтственными біографическими и историко-литературными объясненіями. Мы и не думаемъ, что названные писатели войдутъ въ школу съ полнымъ объемомъ ихъ сочиненій; это не возможно по многимъ причинамъ, но достаточно и важнѣйшихъ изъ

нихъ, ибо внимательное отношеніе къ небольшому даже числу произведеній писателя, правильная постановка точки зрѣнія на него и этико-художественная оцѣнка того или другого сочиненія, въ связи съ положенной въ основѣ идеей, дадутъ больше, чѣмъ огульное чтеніе писателя въ многотомномъ собраніи его трудовъ.

Программа словесности въ средней школѣ давно уже нуждается въ сказанномъ пополненіи, ибо она одна въ ряду программъ другихъ предметовъ оставалась до сихъ поръ въ какомъ-то оледенѣломъ состояніи и уже болѣе полувѣка не двигалась съ мѣста. Все шло впередъ: на страницы учебника исторіи заносились имена и событія изъ послѣдняго времени: здѣсь можно встрѣтить и Бисмарка, и Османа-пашу, рѣшенія международныхъ конгрессовъ и т. д.; въ руководства по физикѣ вошли важнѣйшія изобрѣтенія по техникѣ новаго времени, въ географическіе атласы поправки соотвѣтственно дѣйствительному положенію государственныхъ границъ на сушѣ и водѣ или по даннымъ изъ новѣйшихъ изысканій путешественниковъ и мореплавателей. Одна лишь, повторяемъ, программа словесности оставалась попрежнему старой. Вопросы общественной жизни и личной психологіи человѣка, насколько они возможны въ курсѣ словесности, остаются все въ томъ же кругу, который опредѣляется произведеніями старыхъ писателей. Все тѣ же Бѣдная Лиза и Марья Ивановна, Плюшкинъ и скупой рыцарь, Митрофанушка да Иванушка; отчего же не пора перейти къ Лаврецкому, Рудину или къ Обломову, Титу Титычу и др.? Выходившіе изъ средней школы по окончаніи въ ней курса чувствовали, что имъ на урокѣ словесности не договаривали послѣдняго слова; что за Пушкинымъ и Гоголемъ развертывается громадная ширина отечественной литературы, о которой они,

еще до полученія аттестата зрѣлости, слышали вездѣ, только не въ школѣ, а если, допустимъ, и въ классѣ, то отлично замѣчали, что объ этомъ имъ говорили какъ-то бѣгло, наскоро, точно въ скобкахъ или между прочимъ. Получалось понятное недоумѣніе, которое, конечно, не вело къ пользѣ и заставляло вперять глаза въ неразрѣшимую задачу. Волей-неволей создавалось заглазное чтеніе, къ которому ученикъ не всегда умѣлъ правильно отнестись и считалъ, пожалуй, по собственному пониманію запретнымъ то, что въ сущности должно было бы быть обязательнымъ.

Вмѣстѣ съ пополненіемъ общеобразовательнаго курса нашей средней школы, новая программа словесности обязательно внесетъ въ него и желательное обновленіе. Преподаватель русскаго языка изъ личной практики знаетъ, какъ туго обычно идетъ у него курсъ древней до-Петровской словесности, какъ медленно и, просто говоря, скучно тянется у него дѣло, когда онъ проходитъ съ учениками памятники письменности, именуемые литературными, изъ XIII, XIV и т. далѣе вѣковъ вплоть до оживленія общественной русской жизни. Только отъ искусства преподавателя зависитъ возможность удержать вниманіе учащихся на различныхъ «сказаніяхъ и повѣданіяхъ», которыя важны лишь для составленія общихъ картинъ давноминувшей жизни въ изученіи спеціалистами, а не тѣми юными слушателями, которые еще не могутъ проникнуться интересами историко-литературнаго изслѣдованія въ области древнихъ памятниковъ, не имѣя вдобавокъ къ тому требуемыхъ знаній. И сколько бы выигралъ русскій учащійся юноша, если бы ему вмѣсто «Задонщины» объяснили «Войну и миръ» —Толстого, вмѣсто «Домостроя» «Семейную хронику»—Аксакова, вмѣсто «Хожденія за три моря» хотя бы «Фрегатъ —Палладу» —

Гончарова, а вмѣсто уродливыхъ виршей дали бы ему послушать музыку новѣйшихъ поэтовъ. Безъ нравственнаго ущерба для себя поступилась бы нынѣшняя программа и въ спискѣ сочиненій великихъ въ своемъ родѣ Ломоносова, Державина и Карамзима для другихъ, болѣе близкихъ къ намъ именъ. По справедливому мнѣнію друзей школы курсъ древней нашей литературы нуждается въ тщательномъ и въ самомъ смѣломъ пересмотрѣ. Мы не имѣемъ въ древней нашей словесности своихъ Данте, Сервантесовъ, Шекспировъ, которые значатся, какъ великіе писатели, въ исторіи литературы западныхъ народовъ, которыхъ слѣдуетъ знать, и которыми нужно дорожить. Что же и кого мы можемъ поставить имъ въ параллель у себя? Одно «Слово о полку Игоревѣ», которое вмѣстѣ съ немногими произведеніями древней письменности въ такомъ случаѣ могло бы составить небольшой курсъ древней словесности, въ особеностии если къ этому курсу добавить характерныя произведенія народной поэзіи. Зато съ какимъ замѣтнымъ оживленіемъ принимается ученикъ за книгу, когда онъ вышелъ изъ времени старины и перешелъ къ болѣе живымъ и интереснымъ образамъ. Самочувствіе его, выражаясь фигурально, становится бодрѣе, дѣятельность его принимаетъ болѣе интенсивный характеръ, мышленіе его останавливается на особенностяхъ душевнаго склада человѣка въ разнообразныхъ проявленіяхъ его природы. «Словесность», говорилъ Карамзинъ: «есть зерцало ума и чувства народнаго». Такъ откуда же, какъ не изъ источника дѣйствительной словесности черпать ту силу, которая, по словамъ одного поэта, дѣлаетъ человѣка «владѣтелемъ своихъ страстей», а по пересказу другого можетъ указать ему: «вотъ кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый». Въ этихъ двухъ началахъ, опредѣляющихъ разумность отно-

шеній человѣка къ самому себѣ и къ другому, заключается мораль всей поэзіи, равно какъ главнѣйшая точка зрѣнія, съ какой должно итти ея преподаваніе въ школѣ. Чѣмъ больше матеріала въ его разнообразіи для выясненія этихъ началъ и реальнаго подтвержденія ихъ сущности, тѣмъ выгоднѣе для преподавателя, тѣмъ лучше для учащихся. По послѣднему разъясненію Ученаго комитета М. нар. просв. темы для ученическихъ сочиненій должны быть предлагаемы изъ области тѣхъ дисциплинъ, которыя преподаются на историко-филологическомъ факультетѣ. Это разъясненіе вполнѣ совпадаетъ съ необходимостью расширенія курса литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для увеличенія матеріала, служащаго для выбора темъ, задаваемыхъ ученикамъ. И мы, надобно полагать, скоро будемъ имѣть этотъ матеріалъ расширеннымъ въ соотвѣтственной мѣрѣ. Что же однако препятствовало этому до послѣдняго времени? Раньше можно было думать, что введеніе въ программу средней школы новѣйшихъ писателей представитъ затрудненіе въ томъ, что эти писатели недостаточно еще изучены; что критика не установила еще о нихъ вполнѣ законченнаго и опредѣленнаго сужденія, и что сами преподаватели еще не подготовлены къ этому курсу, такъ какъ въ университетѣ онъ не читается. Но въ настоящее время опасенія подобнаго рода совершенно излишни, ибо у насъ есть и хорошія изданія сочиненій важнѣйшихъ авторовъ, и достаточно полная ихъ оцѣнка. Критическія статьи Добролюбова, Ап. Григорьева, Майкова, Миллера и др., историко-литературные труды Пыпина, Скабичевскаго, Полевого, не говоря уже о Бѣлинскомъ, даютъ не мало матеріала для составленія соотвѣтственныхъ характеристикъ и общихъ заключеній. Критика сочиненій Тургенева, Некрасова, Островскаго, Достоев

скаго, гр. Л. Толстого и др. сложилась уже въ богатую литературу и о многихъ изъ нихъ не только у насъ, но и за границей. Дѣлала въ этомъ отношеніи свое дѣло и учебная литература, давшая нѣсколько курсовъ и очерковъ нашей новѣйшей словесности, каковы книжки Евстафьева, Родонежскаго, Смирновскаго и проч. Словомъ, все готово для того, чтобы оффиціальное предположеніе получило полное свое осуществленіе и явилось отвѣтомъ на давнишній запрось времени и обстоятельствъ дѣла.

Какъ и въ какихъ деталяхъ будетъ расположенъ проектируемый курсъ литературы, еще неизвѣстно; однако, судя по названнымъ въ предположеніи именамъ писателей, можно понять, что проектъ имѣетъ въ виду представителей двухъ основныхъ теченій литературы, установленной у насъ Пушкинымъ и Гоголемъ. Первый далъ изображенія характеровъ, «являющихъ высокое достоинство человѣка»; Гоголь представилъ образы, отражающіе «всю страшную, потрясающую тину мелочей, окутавшихъ нашу жизнь; всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная жизнь». Въ линію за Пушкинымъ поставлены Тургеневъ, Майковъ, гр. А. Толстой и Фетъ. Конечно, у каждаго изъ этихъ писателей есть свои особенности, опредѣляемыя ихъ талантами и спеціальными литературными заслугами, тѣмъ не менѣе всѣ они могутъ быть сведены въ группу писателей положительныхъ. Тургеневъ, который самъ называлъ себя ученикомъ Пушкина, ближайшій по силѣ къ нему дарованія художникъ, бытописатель нашей жизни, въ извѣстной степени романтикъ съ широкимъ кругозоромъ на окружающую его русскую среду со всѣми ея слоями. Изображая важнѣйшія явленія изъ внутренней жизни русскаго общества,

его «Отцовъ и дѣтей», его «Новь»; онъ вывелъ въ художественныхъ портретахъ массу русскихъ лицъ, которыхъ находилъ то въ «Красивой Мечи», то на «Бѣжиномъ лугу», то въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». По словамъ поэта, назначенье Тургенева было: «Отчизнѣ гражданъ воспитать», и въ этомъ его великая заслуга передъ отечествомъ, которое онъ такъ любилъ, такъ зналъ, хотя и мало въ немъ жилъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнью, что въ выборѣ писателей для пополненія гимназической программы Тургеневъ долженъ занять первое мѣсто, какъ величайшій изъ художниковъ послѣ Пушкина. Майковъ—лучшій представитель пушкинской лирики, поэтъ эстетикъ, въ особенности въ своихъ антологіяхъ, которыя такъ высоко и справедливо цѣнилъ Бѣлинскій. Свидѣтель послѣднихъ годовъ крѣпостнаго права и момента его разрѣшенія, въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Нива», «Картинка», онъ, какъ Пушкинъ, «лирой пробуждалъ чувства добрыя». Гр. А. Толстой, у котораго «какъ у Баяна были гусли въ рукахъ» — поэтъ русской старины, которую онъ представилъ въ своихъ былинахъ, балладахъ и романѣ, знакомомъ русскому читателю съ юнаго возраста. Совсѣмъ оригинальный, самобытный поэтъ, гр. А. Толстой занимаетъ въ нашей литературѣ свое особенное мѣсто и въ былинныхъ темахъ вызвалъ себѣ послѣдователя въ лицѣ Сурикова. Фетъ-служитель чистаго искусства; грацію поэзіи Фета Тургеневъ называлъ «плѣнительною, хотя считалъ ее однообразною».

Мы не ставимъ вопроса, почему эти писатели, объединненные общими ими признаками литературной дѣятельности, предпочтены другимъ изъ школы писателей положительныхъ, но считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе, почему наряду съ ними не названы другіе авто-

ры того же основного направленія и изъ того же времени, напримѣръ, Тютчевъ, сотрудникъ Пушкина по «Современнику»? О Тютчевѣ Некрасовъ писалъ слѣдующія строки: «въ «Современникѣ» начали появляться стихотворенія, въ которыхъ было столько оригинальности, мысли и прелести изложенія, столько, однимъ словомъ, поэзіи, что, казалось, только самъ же издатель журнала (т.-е. Пушкинъ) могъ быть ихъ авторомъ». И дѣйствительно, стихотворенія Тютчева, обыкновенно небольшія, даже крошечныя по объему, такъ богаты содержаніемъ и великолѣпны по образамъ, что поистинѣ могутъ считаться алмазами русской поэзіи. Довольно въ этомъ отношеніи сослаться на авторитетъ Тургенева, разборчиваго цѣнителя поэтической красоты». Въ нашихъ глазахъ, говоритъ онъ, какъ оно не обидно для современниковъ, Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратьевъ по Аполлону... На одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ который онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ». Тютчевъ не занялъ бы въ школѣ много времени, но занялъ бы мѣсто какъ ближайшій наслѣдникъ Пушкина, который былъ «полезенъ обществу живою прелестью стиховъ».

Не упоминаетъ проектъ никого изъ нашихъ писателей славянофиловъ, представлявшихъ въ свое время чрезвычайно крупное явленіе въ русской общественной жизни. Писатели, какъ выразители народнаго ума и чувства, касались основного вопроса славянофиловъ очень часто; у Майкова, у Тютчева, родственника И. С. Аксакова, произведенія съ этимъ содержаніемъ не рѣдкость, и въ нашей исторіи славянофильство—одна изъ важныхъ ея страницъ. Лучшимъ поэтомъ патріотизма и славянофильскихъ стремленій былъ Хомяковъ, воспи-

танный въ средѣ Веневитинова, кн. Одоевскаго, братьевъ Кирѣевскихъ и др.. По словамъ Лонгинова, онъ былъ не только центромъ мыслящихъ людей извѣстнаго круга, но вносилъ собою оживленіе и напоминанье о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества. На это Хомяковъ употреблялъ данные ему Богомъ дары, которые онъ умѣлъ развить и обогатить: таланты поэта и мыслителя, увлекательный даръ слова, тонкую діалектику, глубокія убѣжденія, энергичный характеръ». Основа поэзіи *Хомякова*—религіозное чувство, глубокій патріотизмъ, который онъ умѣлъ соединять съ общими интересами всего славянства, гдѣ, по его словамъ: «мы родные братья, дѣти матери одной». Кто не знаетъ наизусть его прекраснаго стихотворенія: «Къ дѣтямъ», кто не помнитъ его «Кіева», его «Новуходоносора» и мн. др. Намъ бы казалось, что Тютчевъ и Хомяковъ, во многомъ близкіе другъ къ другу, должны быть внесены въ школьную программу для полноты ея содержанія и расширенія ея границъ, въ которыя необходимо ввести существенныя явленія нашей литературы.

Но важнѣйшимъ намъ представляется вопросъ: что же изъ названныхъ въ предположеніи писателей будетъ взято въ программу для школьнаго преподаванія? Юноша читаетъ теперь Тургенева безъ запрета всего. Школа должна установить, что изъ длиннаго списка сочиненій этого писателя лучшее и болѣе существенное какъ само по себѣ, такъ и въ смыслѣ общественнаго культурнаго значенія. Въ существующихъ учебникахъ изъ Тургенева помѣщены его «Записки охотника» и «Дворянское гнѣздо», несомнѣнно, весьма важныя произведенія и по идеѣ, и по художественному выполненію; но этого, намъ кажется, мало. Личность Рудина была бы также очень интересна въ серіи литературныхъ пор-

третовъ, начиная отъ Евгенія Онѣгина; въ немъ много типичныхъ свойствъ русскаго человѣка, да и самъ онъ интересенъ, какъ предметъ анализа и характеристики. Если Рудинъ не вполнѣ реаленъ, и жизнь его проходитъ безъ желательнаго осуществленія его стремленій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ собою много поучительнаго. Читаютъ наши юноши также «Отцовъ и дѣтей»; несомнѣвно и то, что до нихъ доходятъ отъ старшихъ толки о томъ, какое умственное движеніе вызвалъ этотъ романъ въ русскомъ обществѣ при своемъ появленіи, благодаря характерной личности Базарова. Сочувствовалъ ли Тургеневъ этому герою извѣстнаго момента нашей жизни и велъ ли онъ положительную проповѣдь о такъ называемомъ нигилизмѣ—разрѣшено критикой съ достаточной полнотой, и самый вопросъ въ этомъ видѣ не можетъ быть страшнымъ и опаснымъ на урокѣ словесности; страшнѣе и опаснѣе будетъ его замалчиваніе. Нѣжное, сердечное, чисто «тургеневское» чувство не могло возводить на пьедесталъ героевъ такого склада, и типы этого рода, какъ и время ихъ, уже прошли. Юноша узнаетъ въ школѣ причины, породившія Базаровыхъ, и условія, сведшія ихъ со сцены, а самъ романъ останется, какъ бытовая лѣтопись изъ прошлаго нашей умственной жизни, какъ и многіе другіе образы изъ литературы прошлаго времени. Мы полагали бы, что «Отцы и дѣти» должны быть поставлены въ курсѣ о Тургеневѣ уже потому, что Базаровъ самъ молодъ, самъ еще учится, а, слѣдовательно, очень близко стоитъ по возрасту и по положенію къ читателю—учащемуся, котораго онъ заинтересуетъ не меньше, чѣмъ отжившій свое старикъ Плюшкинъ или доживший до сѣдинъ Фамусовъ, ибо надобно сознаться, что зрѣлому читателю, видѣвшему жизнь и людей, тотъ и другой болѣе понятны,

чѣмъ юношѣ, носящему въ душѣ своей совсѣмъ иныя представленія. Отношенія отцовъ къ дѣтямъ и обратно— дѣтей къ отцамъ серьезнѣйшій—вопросъ въ складѣ общественной и семейной жизни,—вопросъ, проходящій черезъ всю нашу литературу; онъ ставится и въ «поученіяхъ» древнихъ авторовъ, его мы находимъ и въ «Домостроѣ» и въ повѣсти «Горе-злосчастье», и въ «Духовной» — Татищева, и въ «Недорослѣ» — Фонвизина, и въ «Горѣ отъ ума»—Грибоѣдова; его же мы видимъ и въ «Отцахъ и дѣтяхъ»—Тургенева; онъ же перешелъ и въ современную нашу литературу. Какая длинная нить, которая врядъ ли когда закончится! Зачѣмъ же ее обрывать значительно раньше времени.

Позволительно съ большимъ основаніемъ думать, что въ серію сочиненій Тургенева войдутъ и его «Стихотворенія въ прозѣ», между которыми не мало превосходнѣйшихъ, требующихъ заучиванія наизусть.

Гр. А. Толстого слѣдуетъ начать въ знакомствѣ съ нимъ съ его «Автобіографическаго очерка», какъ Фонвизина съ его «Чистосердечнаго признанія». Онъ попреимуществу изобразитель нашей старины—былевой и исторической и этой послѣдней главнымъ образомъ изъ времени Іоанна IV. «Василій Шибановъ», «Старицкій воевода», «Князь Серебряный», первая часть трилогіи—«Смерть Іоанна Грознаго»,—все это художественныя вещи, которыхъ не обойдешь молчаніемъ въ самомъ даже небольшомъ курсѣ о талантливомъ писателѣ. Допустимъ, что и баллада его, и романъ читаются учениками раньше послѣдняго класса; но вѣдь также читается и Пушкинъ, и Гоголь; надобно имѣть въ виду, что чтеніе и изученіе не совсѣмъ одно и то же. Г. Ро-

донежскій въ своемъ «Очеркѣ исторіи русской литературы», предназначенномъ для школы, только упоминаетъ, но не останавливается на названныхъ только что произведеніяхъ поэта, удѣляя достаточно мѣста разсмотрѣнію его былинъ и трилогіи. Хороша также поэма графа Толстого: «Іоаннъ Дамаскинъ», дающая поводъ къ интереснѣйшему разсужденію о томъ, что такое талантъ, и какъ велика его сила, бьющаяся наружу, помимо воли ея обладателя. Психологическій анализъ, приложенный къ этой поэмѣ, заставитъ снова встрѣтиться съ вопросомъ о свободѣ творчества, съ которымъ встрѣчались ученики въ курсѣ о Пушкинѣ. Оригинальность гр. Толстого сказалась также и въ его своеобразномъ языкѣ, достигающемъ красоты и колорита народной или старокнижной рѣчи съ ихъ формами и построеніемъ, что въ отношеніи къ послѣдней мы замѣчаемъ у Пушкина, напр.: въ «Олегѣ», «Пророкѣ и «Борисѣ Годуновѣ».

Майковъ—ближайшій преемникъ Пушкина по художественности своей поэзіи; мелкія его стихотворенія, особенно въ антологическомъ родѣ, представляютъ неподражаемую прелесть содержанія и гармонію стиха, что такъ высоко, въ уровень съ Пушкинымъ, ставилъ Бѣлинскій. Въ этомъ отношеніи онъ является классикомъ въ полномъ смыслѣ слова. Художникъ-живописецъ по начальной своей дѣятельности, Майковъ остался такимъ же и впослѣдствіи, когда, оставивъ палитру, взялся за перо и далъ русской литературѣ образцы художественнаго слова во всѣхъ видахъ поэзіи. Однако Майковъ попреимуществу лирикъ, какимъ онъ остается и въ піэсѣ: «Два міра», названной имъ лирической драмой, и въ небольшихъ поэмахъ, каковы «Клермонтскій соборъ», «Савонаралла» и др. Бѣлинскій отмѣтилъ въ немъ «свѣжу

голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы»... О немъ же въ «Современникѣ» за 1855 г., въ моментъ особенного подъема русскаго поэтическаго духа, было сказано, что «на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства». Вслѣдствіе всего этого Майкова должно признать лучшимъ представителемъ лиризма и съ этой точки зрѣнія разсматривать его произведенія, изъ коихъ многія выучиваются дѣтьми съ ранняго возраста. Группы такихъ стихотвореній должны быть отнесены къ первому отдѣлу его сочиненій, изучаемыхъ въ курсѣ литературы; ко второму, по нашему мнѣнію, должны принадлежать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ поэтъ касается историческихъ темъ нашей или инонародной жизни, какъ, напримѣръ, поэмы: «Іафетъ», «Клермонтскій соборъ», «Савонорала», «Приговоръ», «Кто онъ»? «Нива», «Картинка». И наконецъ къ третьему отдѣлу мы отнесли бы тѣ сочиненія поэта, идею которыхъ онъ носилъ въ себѣ всю жизнь, а именно: «Три смерти», и затѣмъ—«Два міра», какъ плодъ его глубокаго изученія древняго Рима и философіи. На Фета критика смотрѣла съ двухъ, совершенно противоположныхъ сторонъ: насколько одни его превозносили, настолько другіе отрицали. Л. Майковъ, братъ поэта, признавалъ въ немъ «идеальное созерцаніе жизни и лирическое къ ней отношеніе». Поэзія его свободна «отъ преходящихъ условій мѣста и времени» и проявляется свободно, какъ плодъ извѣстнаго настроенія души. По Фету, какъ и по Гете пѣвецъ поетъ, «какъ поетъ птица», и смыслъ и красота этой пѣсни въ ней самой, а не во внѣшнемъ побужденіи. Самъ Фетъ называлъ свои стихотворенія пѣснями, при чемъ лиризмъ считалъ «цвѣ-

томъ и вершиною жизни». Но это не пѣсня бурной страсти или трагическаго момента, напротивъ того: она выражаетъ мирныя настроенія человѣка и дѣйствуетъ на душу успокоительно, передавая ощущенія красоты и гармоніи; она попреимуществу проникнута чувствомъ радости, свѣтлыхъ мечтаній и увлекательныхъ надеждъ и въ этомъ смыслѣ сближается съ поэзіей Жуковскаго. Какъ лирикъ, Фетъ близко подходитъ къ Майкову, который превосходитъ своего современника и друга живописью, но уступаетъ ему, по мнѣнію Тургенева, въ «плѣнительной граціи».

Значеніе Фета въ гимназической программѣ словесности заключается, по нашему убѣжденію, именно въ установленіи или, лучше сказать, въ подтвержденіи того принципа, что искусство, а, слѣдовательно, и поэзія, живетъ само по себѣ, что въ немъ есть свои собственныя живительныя силы, почему правъ былъ поэтъ нашъ, когда говорилъ: «я никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо, помимо красоты». Большое число пьесъ Тютчева оставлено безъ заглавія, и дѣйствительно піэсамъ этимъ нельзя подобрать названія, такъ какъ онѣ выражаютъ непередаваемыя словомъ во всей полнотѣ вибраціи чувства. «О, еслибъ безъ словъ сказаться душѣ было можно!» восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній въ приливѣ просящагося изъ груди чувства и чувства нѣжнаго и мягкаго, ибо ни злобы, ни негодованія въ поэзіи Фета нѣтъ.

Крупныхъ оригинальныхъ выдающихся произведеній Фетъ не далъ, поэтому изученіе его можетъ быть сведено къ двумъ отдѣламъ: 1) оригинальныя стихотворенія въ антологическомъ и лирическомъ родѣ и 2) переводныя, преимущественно изъ Горація, съ одами котораго онъ познакомилъ русскаго читателя.

Тѣмъ не менѣе мы не стояли бы усиленно за Фета въ гимназической программѣ, такъ какъ Тютчевъ и Майковъ, какъ поэты съ большимъ содержаніемъ, могли бы быть совершенными выразителями нашей лирики того времени.

Труднѣе, намъ кажется, сдѣлать выборъ для гимназической программы писателей Гоголевской школы,— не потому, конечно, что въ этомъ отношеніи наша литература не богата, напротивъ того: мы имѣемъ значительное число авторовъ этого направленія. Затрудненіе встрѣчается лишь въ томъ, кого изъ этихъ авторовъ включить въ названную программу. Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Григоровичъ, Писемскій, могли бы каждый въ отдѣльности быть полезными намъ въ гимназическомъ курсѣ; всѣ они одинаково популярны и имѣются въ полныхъ собраніяхъ ихъ сочиненій. Въ учебныя книги вошли изъ нихъ главнымъ образомъ первые три, и, по нашему мнѣнію, съ достаточнымъ основаніемъ: Гончаровъ касается жизни русскаго дворянства, Островскій беретъ темы преимущественно изъ среды купеческой, Некрасовъ знакомитъ читателя съ сферой и условіями жизни крестьянства. Хотя общая картина жизни этихъ сословій въ настоящее время значительно измѣнилась, и число Обломовыхъ и Титъ Титычей значительно сократилось, а подневольныхъ крестьянъ уже совсѣмъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе созданные этими писателями типы имѣютъ въ нравственномъ отношеніи огромное значеніе, какъ выразители человѣческаго бездѣлья или самодурства, или наконецъ бездолья подъ гнетомъ нужды, силы и невольнаго невѣжества. И съ именемъ каждаго изъ этихъ писателей сложилось у русскаго читателя довольно отчетливое представленіе: Гончарова мы знаемъ, какъ изобразителя «обломовщины», Остров-

скаго, какъ бытописателя «Темнаго царства», а Некрасова, какъ «печальника горя народнаго».

Литература Гончарова не велика, и слава автора «Обыкновенной исторіи», «Обломова» и «Обрыва» покоится главнымъ образомъ на второмъ его произведеніи. Илья Ильичъ—одинъ изъ капитальнѣйшихъ образовъ въ русской беллетристикѣ; знать его необходимо каждому, какъ урокъ нравственной и практической жизни, безплодно проведенной Обломовымъ по безволью его и бездѣлью. Что даетъ себѣ и обществу этотъ добрый, честный, получившій образованіе человѣкъ «хрустальной души» съ его лѣнью, равнодушіемъ и инертностью? Разборъ свойствъ души Обломова и причинъ его положенія—интересный и нравоучительный анализъ особенно въ сопоставленіи съ характеристикой обрусѣвшаго нѣмца Штольца, —этотъ разборъ важенъ тѣмъ болѣе въ томъ отношеніи, что черты обломовщины мы встрѣчаемъ въ той или другой мѣрѣ и въ Онѣгинѣ, и въ Тентетниковѣ, и въ Лаврецкомъ и т. д. до многихъ знакомыхъ нашихъ изъ дѣйствительной жизни. Въ беллетристикѣ Гончарова можно было бы остановиться на одномъ «Обломовѣ», но въ курсѣ объ этомъ писателѣ слѣдуетъ ввести его художественный «Милліонъ терзаній», какъ образецъ литературнаго разбора, вдобавокъ такого произведенія, которое ученики уже прошли раньше по своей программѣ. Произведенія въ духѣ разсужденій и критики въ гимназическомъ курсѣ послѣ Карамзина не встрѣчаются, ихъ проходятъ мимо и у Пушкина, и у Гоголя, не говоря уже о Бѣлинскомъ, который по курсу совсѣмъ не полагается, поэтому разсужденіе Гончарова было бы цѣлесообразнымъ пополненіемъ программы.

Островскій занялъ въ нашей литературѣ свое осо-

бенное мѣсто и не потому только, что онъ исключительно писатель драмматическій, представитель русской народной драмы въ широкомъ смыслѣ слова, а потому, что онъ ознакомилъ читателей въ художественныхъ образахъ съ малоизвѣстной въ литературѣ до того времени средой—купечествомъ и мелкимъ чиновничествомъ, такъ какъ гоголевскіе образы изъ этой среды имѣютъ свои особые отличительные признаки. Добролюбовъ далъ блестящую характеристику Островскаго, какъ писателя въ этомъ содержаніи; его статьи: «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», укажутъ, что слѣдуетъ взять и какъ поставить взятое у Островскаго для гимназической программы. Такія пьесы, какъ «Свои люди—сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Гроза», должны занять здѣсь первое мѣсто, какъ пьесы бытовыя и идейныя. Двѣ послѣднія изъ нихъ вошли въ классическій репертуаръ нашихъ театровъ, на ряду съ «Ревизоромъ» и «Горемъ отъ ума». Съ ними надо не только познакомиться, но ихъ надо знать, какъ лучшія созданія нашего драматурга, какъ свидѣтельства, можетъ-быть, прошлаго, но недалекаго прошлаго русской жизни. Драматическія хроники Островскаго менѣе извѣстны; на сценѣ, особенно провинціальной, онѣ почти не появляются, но въ знакомствѣ съ писателемъ онѣ необходимы. Важнѣйшею изъ нихъ для гимназическаго курса надо поставить «Козьму Минина». Съ героемъ этой хроники учащіеся знакомы не только изъ исторіи: они знаютъ его и изъ извѣстнаго романа Загоскина, читаемаго обыкновенно подростками съ большою охотою—обстоятельство, очень интересное для классныхъ занятій въ смыслѣ составленія параллельныхъ характеристикъ, сравненій и выводовъ. Хроники Островскаго интересны, сверхъ того, какъ особый видъ драматической поэзіи, значительно

пополняемый ими, если считать въ этомъ ряду историческія драмы Сумарокова, Озерова, а также «Орлеанскую дѣву» —Жуковскаго, «Бориса Годунова»—Пушкина и трилогію гр. А. Толстого, съ которыми учащіеся знакомы по курсу до Островскаго.

На этихъ двухъ писателяхъ—Гончаровѣ и Островскомъ, сближаемыхъ общимъ имъ духомъ поэзіи и останавливается проектъ новой программы словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Некрасовъ сюда не вошелъ,—потому ли, что для знакомства съ нимъ нѣтъ времени, по другимъ ли причинамъ, неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ объ этомъ пропускѣ должно пожалѣть. Имя Некрасова такъ извѣстно даже изъ начальной хрестоматіи, поэзія его такъ характерна, а сочиненія его читаются такъ широко, что обойти его въ новой программѣ словесности—значитъ оставить въ ней весьма замѣтный пробѣлъ. Некрасовъ написалъ много, и изъ этого многаго для средней школы пригодилось бы не мало прекрасныхъ вещей. Мелкихъ стихотвореній его въ короткой статьѣ не пересчитать: «Власъ», «Школьникъ» «Внимая ужасамъ войны», «Несжатая полоса», «Русь» и т. д. всѣ они, ровно какъ и болѣе крупныя, гдѣ мы видимъ изображеніе «Крестьянскихъ дѣтей» или самой крестьянки—«Морозъ красный носъ» —прекрасны, какъ прекрасны его «Русскія женщины», признанныя Достоевскимъ «шедеврами». Если Некрасовъ не отличался изяществомъ своего стиха, блѣднѣющаго при сравненіи со стихами Пушкина и Лермонтова, и самъ называлъ его «суровымъ и неуклюжимъ», то въ этомъ стихѣ было прекрасное и оригинальное содержаніе, давшее поэту нашему особое мѣсто въ исторіи нашей литературы. Наконецъ, самый приговоръ этотъ, подтвержденный даже Тургеневымъ, несовсѣмъ справедливъ по

отношенію ко всѣмъ произведеніямъ Некрасова, между которыми есть вполнѣ выдержанныя и по внѣшнему своему выраженію, и по силѣ поэтической рѣчи *).

Программы для предметовъ школьнаго преподаванія пересматриваются не часто, а новыя создаются совсѣмъ рѣдко; поэтому при составленіи дополнительной программы по словесности для нашихъ среднихъ учебныхъ

---

*) Понятно, самое важное въ изученіи русской литературы—это усвоить то, что составляетъ суть жизни, мысли и чувства народа, такъ какъ въ литературѣ отражается жизнь. Тѣ или другіе типы въ ихъ внутренней и внѣшней жизни и даютъ представленіе о послѣдней. Названные писатели (до Достоевскаго и Толстого) даютъ намъ типы, и положительные, и отрицательные, изъ жизни высшаго сословія, купечества, чиновниковъ; но каждому русскому интересно и дорого знать жизнь также крестьянина, мѣщанина—горожанина. И намъ думается, что въ спискѣ изучаемыхъ въ средней школѣ писателей должны быть не забыты Кольцовъ и Никитинъ. Первый, подобно Пушкину, своимъ художественнымъ стихомъ обрисовалъ свѣтлую главнымъ образомъ сторону крестьянскаго быта (см. ст. Бѣлинскаго и В. Майкова); второй далъ намъ картины горькой жизни бѣдствующаго мѣщанина. Стихотворенія и Кольцова и Никитина, подобно стихотвореніямъ другихъ поэтовъ, встрѣчаемъ мы во всѣхъ почти хрестоматіяхъ. Полезно юношамъ познакомиться и съ страданіями человѣческими. Въ этомъ отношеніи Никитинъ, чистый душою, стойкій въ убѣжденіяхъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, является художникомъ, заслуживающимъ вниманія русскихъ юношей. Наши дѣти совершенно не знаютъ жизни и по вступленіи въ жизнь терпятъ много отъ послѣдней, а изученіе жизни всѣхъ сословій, помимо чисто эстетическаго развитія, несомнѣнно, сослужило бы свою службу въ развитіи нашихъ дѣтей, въ подготовкѣ ихъ къ жизни. *Ред.*

заведеній въ настоящее время необходимо воспользоваться всѣмъ, чтобы она вышла возможно содержательной и полной. Для прохожденія ея нужно найти время, выигрывая его при цѣлесообразномъ сокращеніи курса древней словесности, ибо отъ оживленія преподаванія важнѣйшаго общеобразовательнаго предмета, какимъ является отечественная литература, получается несомнѣнный выигрышъ въ дѣлѣ воспитанія подрастающаго поколѣнія. Впереди стоятъ еще такіе колоссы русской словесности, какъ Достоевскій и гр. Л. Толстой; поэтому рѣшительно невозможно урѣзывать оставшееся безъ нихъ.

Повторяемъ: все готово для осуществленія сообщеннаго печатью проекта, и друзья нашей школы ждутъ его въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Н. Марковъ.

Матеріалъ

для словопроизводственнаго словаря.

Громадный міръ внутреннихъ ощущеній человѣка вызвалъ необходимость переносить слова отъ одного значенія къ другому, и, благодаря такому процессу, образовались цѣлые ряды новыхъ словъ, которыхъ прежде въ языкѣ не было. Отсюда видно, что при словопроизводствѣ необходимо принимать во вниманіе, въ какомъ смыслѣ употреблено данное слово: въ собственномъ или переносномъ. Собственный смыслъ слова есть тотъ, въ которомъ удержалось первоначальное значеніе корня; переносный смыслъ слово получаетъ, когда мы, на основаніи сходства впечатлѣній, свойство одного предмета переносимъ на другой. Каждое слово, взятое отдѣльно, понимается въ прямомъ значеніи; когда же оно соединяется съ другимъ словомъ въ одно выраженіе, то можетъ сохранить или собственный смыслъ, или получить переносное значеніе, напримѣръ: теченіе рѣки и теченіе времени; высокій домъ и высокій чинъ; паденіе съ дерева, паденіе нравовъ и т. д.

Имѣя въ виду только что сказанное, объяснимъ происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, представляющихъ интересъ по своему составу.

1) **Предметъ** (пред-мет-ъ). Это слово происходитъ отъ корня „мет“ (въ глаголѣ метать): предметъ—нѣчто внѣшнее, бросающееся въ глаза; въ переносномъ же смыслѣ предметъ—все то, что доступно нашему умственному взору

2) **Понятіе** (по-н-я-т-і-е). Первоначальный корень „ѧ“

(ѧ-ти=взять, брать). Слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ понять—значитъ взять, схватить; въ переносномъ же значеніи понятіе—то, что усвоено, сдѣлалось нашимъ умственнымъ достояніемъ. Буквальный смыслъ слова виденъ изъ слѣдующаго примѣра, заимствованнаго изъ народной пѣсни:

„Калину съ малиной вода поняла:
На ту пору матушка меня родила" *).

3) **Воображеніе** (во-об-раж-е-н-і-е). Первоначальный корень въ этомъ словѣ „раз" откуда—„образъ". Слово „образъ" встарину означало ударъ, почему образить значило: обрубить, обдѣлать, такъ что „образъ"—нѣчто обрубленное, обдѣланное. Вотъ почему, въ переносномъ смыслѣ, воображеніе—способность создавать художественные образы **).

4) **Наука** (на-ук-а). Корень—ук=ык (навыкъ, навыкать, привычка, привыкать). По первоначальному смыслу корня наука есть не что иное, какъ навыкъ („отдать въ

---

*) Кор. ѧ имѣетъ цѣлую семью словъ, которыя употребляются то въ буквальномъ, то въ переносномъ значеніи. Ѧ слав. въ рус. яз. Я удержалъ въ глаголахъ взять, принять, отнять, занять, унять и др., съ измѣненіемъ ѧ $\frac{\text{въ ьм, ем}}{\text{им}}$ также или въ производныхъ словахъ удерживается первоначальный смыслъ, или производнымъ словамъ придается другое значеніе. Вотъ нѣсколько словъ отъ корней **ем, им**: преемникъ, преемственный, пріёмъ, пріемникъ; принимать, занимать, отнимать, понимать, внимать, воспринимать и др. *Ред.*

) Кор. **раз есть усиленіе корня **рѣз** (какъ **лѣз—лаз**): **рѣзать, врѣзать, зарѣзать, отрѣзать, прирѣзать, надрѣзать**, и др.; нѣкоторые изъ словъ отъ корня **рѣз** обозначаютъ, какъ и отъ корня **раз**, проявленія, состоянія нашей души: **врѣзалось** въ память, отразилось на сердцѣ, на послѣдующей жизни и т. п. *Ред.*

науку“); но теперь слово „наука“ понимается въ болѣе обширномъ смыслѣ: это есть рядъ свѣдѣній, законовъ, приведенныхъ въ систему.

5) **Искусство** (ис-кус-ств-о). Корень „кус“, появляющійся въ словахъ: искусить (пытать), искусъ (опытъ), искушеніе (испытаніе). Слѣдовательно, искусство нѣчто, пріобрѣтенное опытомъ, навыкомъ, упражненіемъ *).

6) **Сочиненіе** (со-чин-е-н-і-е). Корень этого слова—„чин“—рядъ. Слѣдовательно, сочиненіе—не простое записываніе мыслей, а расположеніе ихъ по рядамъ, въ извѣстномъ порядкѣ,—такъ, чтобы одна мысль вытекала изъ другой; сочинять—значитъ соединять мысли въ ряды. Поэтому рядъ глубоко-мысленныхъ разсужденій, расположенныхъ безъ всякаго порядка, нельзя назвать сочиненіемъ **).

7) **Впечатлѣніе** (в-печат-л-ѣ-н-і-е). Впечатлѣніе—дѣйствіе предмета на наши внѣшнія чувства,—то, что какъ бы оставило отпечатокъ, слѣдъ въ нашей памяти (отъ корня пек: *пек*-у, *печ*ать, от*печ*атать, за*печ*атлѣть, от*печ*атокъ)

8) **Пошлый** (по-ш-л-ый). Первоначальный корень въ этомъ словѣ шед (ход); пошлый—то же, что ходячій. Слѣ-

---

*) Кус, **кус**ать, кусаніе, отвѣдываніе пищи, для чего необходимо кусать; искусство=**кус**аніе, такъ сказать, душевными зубами, стремленіе человѣка создать то, что не дано природой,—создать нѣчто новое при помощи творческихъ силъ души въ области того или другого искусства: слѣпить, напр., изъ глины статую, нарисовать что-ниб. и т. д.

Ред.

) Слав. пар. **ча, чьн; съ измѣненіемъ корня получается многочисленная семья словъ: **ча, чьн**· **кон-, кан-** / **чин-**: **начало, начьнѫ**, искони, конъ, споконъ (вѣку), конаться, конецъ, оканчивавать; чинъ, чинить, учинить, сочинить, причинить, сочиненіе, причина и др. *Ред.*

довательно, съ этимъ словомъ соединяется понятіе о томъ, что часто обращается (опошливается): пошлый человѣкъ, пошлое выраженіе, пошлая физіономія, пошлая пѣсня, пошлое слово.

9) **Надменный** (на-дм-е-нн-ый). Корень дм, слав. дъм; ъм есть разложеніе слав. ж (=у); поэтому первоначальный корень „дж (ду), откуда происходятъ слова: дуть, духъ, воздухъ. Такимъ образомъ „надменный“ соотвѣтствуетъ причастію надутый: „надменный человѣкъ“—человѣкъ пустой (надутой), но много о себѣ думающій; «надутый слогъ»—пустой по содержанію, но выраженный славянскими формами.

10) **Лукавый** (лук-ав-ый). Корень „лук“, значеніе котораго видно изъ другихъ словъ той же семьи: лука (изгибъ, кривизна), лукошко (выдолбленная изъ дерева чашка, предметъ, сплетенный изъ соломы, ивовыхъ прутьевъ, изъ драни, напр., въ Воронеж. губ. лукошко=сѣвалка), лукоморье (заливъ, изгибъ берега). Слѣдовательно, „лукавый“—изворотливый, криводушный: „лукавое слово“—хитрое, неискреннее слово; „лукавый кинжалъ“—дѣйствующій не открыто, а въ удобную минуту, исподтишка.

11) **Хитрый** (хит р ый). Это слово происходитъ отъ церковно-славянскаго глагола хытити. Звукъ ы въ слав яз. разлагается на ъв, ов, ав или ва, откуда: хытити=хватать. Слѣдовательно, въ первоначальномъ значеніи слово „хитрый“ выражаетъ то же, что и глаголы: хватать, брать; въ переносномъ смыслѣ слово „хитрый“ значитъ лукавый неоткровенный и искусно сдѣланный: хитрый человѣкъ, хитрый поступокъ, хитрая работа, хитрый рисунокъ (ср. хитрый и хищный, хитрость и похищеніе, похитить и похищать, восхитительный и восхищенный).

12) **Прочій** (проч-ій)—отъ слова „прокъ“, въ смы-

слѣ остатокъ, польза, добро, такъ какъ то, что остается и не портится, прочно, хорошо.

13) **Сверстникъ** (с-верст н ик ъ). Корень — „верст“ (верста, сверстать, наверстать) Слово „верста“ встарину имѣло смыслъ измѣренія вообще и потому примѣнялось не только къ пространству, но и ко времени, означая возрастъ, а также равенство, пару.

14) **Говядина**—отъ стариннаго слова „говядо“— крупный скотъ. У славянъ этимъ словомъ означалось стадо рогатаго скота; оно исчезло, осталось производное отъ него—„говядина“—мясо.

15) **Изъянъ** (изъ-я-н-ъ). „Изъянъ“—то, что изъято, убыло, иначе - убыль. Отсюда видно, что корень въ этомъ словѣ тотъ же, что въ глаголѣ взять (ѧ=я): вз-ѧ-ти—взять, изъѧти—изъять, изъ-ѧ-т-ъ—изъянъ.

16) **Недугъ** (не-дуг-ъ). Это слово произошло отъ стариннаго „дугъ“ (сила, крѣпость), откуда—„дюжій“ (дуж-ій)= сильный, крѣпкій и „недужный“=больной. Одна русская пословица говоритъ: „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“.

17) **Опоекъ** (о-по-ек-ъ) и **выростокъ** (вы-рост-ок-ъ)— кожа, получаемая съ молодого теленка, котораго поили только молокомъ, и съ болѣе старшаго, выросшаго теленка.

18) **Прапорщикъ** (прапор-щ-ик-ъ). Это слово произошло отъ стариннаго „прапоръ“, что значитъ знамя Слѣдовательно, „прапорщикъ“ – носящій знамя, т.-е. такой военный, который находился при знамени. Недавно слово „прапорщикъ“ означало первый офицерскій чинъ; оно однозначуще съ словомъ „хорунжій“ (отъ „хоругвь“--наше церковное знамя)—первый военный чинъ у казаковъ.

19) **Вожделѣніе** и **иждивеніе** „Вожделѣніе“, „вожделѣнный“—значитъ желаніе, сильно желаемый; иждивеніе“ (изживеніе)—то, что проживается. Первоначальный корень

въ глаголахъ: желать, возжелать; жить, изжить: зж переходитъ въ жд. Этотъ переходъ наблюдается и въ другихъ словахъ: громоздить—нагромождать, размозжить—изможденный. Примѣры: „Мигъ вожделѣнный насталъ“; „мой сынъ поступилъ на казенное иждивеніе“.

20) **Изба**. Первоначальный корень въ этомъ словѣ тотъ же, что и въ словѣ т о п и т ь (топ); отъ него сохранилось только коренное **п**, замѣненное, по требованію выговора, **б**. Постепенное исчезновеніе гласнаго и согласнаго звуковъ корня (**т** и **о**) произошло такъ: ис-топ-к-а, ис-тп-а, ис-тб-а—из-тб-а—из-б-а *).

21) **Обязать** (об-яз-а-ть). Первоначальный корень этого слова въ глаголѣ о б в я з а т ь: когда оно употребляется въ собственномъ смыслѣ, коренной звукъ **в** сохраняется, но въ томъ же словѣ, имѣющемъ переносный смыслъ, **в** исчезаетъ: о б в я з а т ь платкомъ голову; я многимъ ему о б я з а н ъ **).

22) **Тужить** (туж-и-ть)—значитъ горевать, отъ стариннаго слова „туга“—горе, печаль ***).

23) **Браный и бранный**. Первое слово происходитъ отъ глагола б р а т ь (работать узорную ткань). Отъ причастія „б р а н ы й“ происходитъ и названіе самой матеріи: старинное „б р а н ь“. Первоначальный смыслъ слова „браный“ сохранился въ выраженіяхъ: „браная скатерть“, „бра-

*) Въ словарѣ Изюмова и з б а объяснена отъ корня из=хиз=хиж: изба—хижина. *Ред.*

**) Правильнѣе признать корень ѧз съ соотвѣтственнымъ ему ѫз: съ-в-ѧз-ь, съ-ѭз-ъ, ѫз-ъ-к-ы-н. *Ред.*

***) Кор. тѫг- изъ тѧг-: тѧг-а—тѫг-а. Встарину причиняли страданія, накладывая тяжести: татары послѣ битвы на Калкѣ наложили на князей доски, помѣстились на доскахъ и стали пировать. *Ред.*

ный пологъ". Забывъ происхожденіе, русскій языкъ забылъ и значеніе слова „браный": у Жуковскаго и Кольцова названы „браными" уже столы, а не скатерти:

„Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставили" (Жуковскій).

„За дубовы столы, за набраные, на сосновыхъ скамьяхъ, сѣли званые" (Кольцовъ).

Слово „бранный" происходитъ отъ существительнаго „брань"—битва: бранные доспѣхи (военные доспѣхи), бранная слава (военная слава), бранное поле (поле битвы), но „бранное слово"—ругательное слово.

24) **Поприще** (по-пр-ищ-е). Корень слова виденъ въ глаголахъ попрать, препираться (пир, пер), означающихъ споръ, распрю, побѣду (съмрьтиѭ съмрьть попьравъ); **ищ**—суффиксъ существительныхъ для обозначенія мѣста, пространства (жилище, училище, обиталище, пастбище, кладбище, городище, становище). Слѣдовательно, „поприще"—мѣсто, гдѣ происходитъ споръ или распря, борьба.

25) **Гостиница, гостиный, гостиная**. Эти слова происходятъ отъ существительнаго гость. Встарину слово „гость" значило купецъ, откуда: „гостиный дворъ" (купеческій дворъ), „гостиная сотня" (сотня купцовъ). Купцы встарину назывались „гостями" потому, что въ то время единственнымъ чужимъ человѣкомъ, пришельцемъ, прибывшимъ съ торговою цѣлію, былъ иностранный купецъ. Хотя купцами и руководила корысть, но они были мирные пришельцы, гости. Поэтому понятія „гость" и „купецъ" выражали одно и то же. Теперь слово „гость" утратило свое первоначальное значеніе и означаетъ человѣка, прибывшаго навѣстить знакомыхъ. Отъ него произошли другія слова: „гостиница"—комната, гдѣ угощаютъ, но за деньги; „гостиная"—комната, въ которой принимаютъ гостей.

26) **Столица** (стол-иц-а). Корень тотъ же, что въ сло-

вѣ „престолъ“. „Стольный городъ“—городъ, гдѣ находился столъ, сѣдалище правителя, его мѣстопребываніе, такъ какъ сѣдалище было похоже на столъ большого размѣра, откуда съ приставкою—престолъ *).

27) **Полтора и полтретья**. Эти дробныя числительныя состоятъ изъ существительнаго пол (половина) и числительныхъ порядковыхъ: тора (втора, третья (род. пад.). Въ первомъ словѣ звукъ в послѣ плавной выпалъ. Слѣдовательно, въ обоихъ числительныхъ первая часть (пол) означаетъ половину, а вторая показываетъ, чего именно берется половина: въ первомъ числительномъ говорится о половинѣ второй единицы, во второмъ—о половинѣ третьей; первая же единица въ числительномъ полтора и двѣ первыхъ—въ числительномъ полтретья подразумѣваются, потому что, если ужъ есть вторая или третья единица, то первая или двѣ первыхъ непремѣнно должны быть.

Д. Ѳоминъ

Варшава.
1904 г. 28 мая.

---

*) Отъ кор. стел—стол,—то, что постлано. *Ред.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія.

Урокъ 100.

Образцы спряженія глаголовъ.

А) Глагольныя формы воспомогательнаго глагола БЫТЬ.

Формы			отъ корня и основы ЕС-, (Е)С-
изъявительнаго наклоненія	настоящ. врем.	единств. числа	1 л. я есмь, 2 л. ты ес(с)и, 3 л. онъ, —а, —о есть;
		множест. числа	1 л. мы есмы, 2 л. вы есте, 3 л. они, онѣ суть.
причаст. дѣйств. зал.	настоящ. врем.	им. пад. ед. числа	муж. рода сущій, жен. рода сущая, сред. рода сущее.
повелительн. наклоненія	настоящ. врем.		отъ корня БУ, основы БУД
		единств. числа	1 л. будь я, 2 л. ты будь 3 л. онъ, —а, —о будь или пусть будетъ;
		множеств. числа	1 л. — 2 л. вы будьте, 3 л. — пусть они, онѣ будутъ.
изъявительн. наклоненія	будущ. врем.	единств. числа	1 л. я буду, 2 л. ты будешь, 3 л. онъ, —а, —о будетъ;
		множ. числа	1 л. мы будемъ, 2 л. вы будете, 3 л. они,-ѣ будутъ.
причастія дѣйств. зал.	будущ. врем.	им. пад. ед. чис.	муж. рода будущій, жен. рода будущая, сред. рода будущее.
дѣеприч. дѣйств. зал.	наст. врем.		для всѣхъ родовъ } будучи

Формы			отъ корня и основы БЫ
неопред. накл.	дѣйств. зал.		быть
изъявител. накл. дѣйств. залога	прошедш. врем.	един. числа	1 л. я былъ, —а, —о 2 л. ты былъ, —а, —о 3 л. онъ, -а, —о былъ, —а, —о
		множеств. числа	1 л. мы были, 2 л. вы были, 3 л. они, онѣ были.
сослагательн. наклон. дѣйств. зал.	прошедш. врем.	единств. числа	1 л. я былъ, -а, -о бы, 2 л. ты былъ, -а, -о бы, 3 л. онъ. —а, —о былъ, -а, -о бы;
		множеств. числа	1 л. мы были бы, 2 л. вы были бы, 3 л. они, онѣ были бы.
дѣепр. дѣйст. зал.	прош. врем.		для всѣхъ родовъ } бывъ, бывши.
причастія дѣйств. залога.	прош. врем.		муж. р. бывшій, жен. р. бывшая, ср. р. бывшее.
причастія страд. зал.	прошедш. вр.		муж. р. (за)бытъ, жен. р. (за)быта, ср. р. (за)быто;
			муж. р. (за)бытый, жен. р. (за)бытая, ср. р. (за)бытое.

*) См. съ IV в. 1900 г. и за 1901, 1902, и 1903 годы.

Глагольныя формы дѣй

					перваго спряж		
отъ основы А)					нес-	бре-	мел-
I.	изъявит. накл. дѣйст. зал.	наст. вр или будущ. прост.	един. чис.	1 л. я	несу	брею	мелю
				2 л. ты	несешь	бреешь	мелешь
			мн. чис.	3 л. они, онѣ	несутъ	бреютъ	мелютъ
II.	повелительн. наклон. дѣйств. зал.	множ.	чис.	1 л.	неси я	брей	мели
				2 л. ты	неси	брей	мели
				3 л. онъ, а-, о	неси или пусть несетъ	брей или пусть бреетъ	мели или пусть мелетъ
		един.	чис.	1 л. —	—	—	—
				2 л. вы	несите	брейте	мелите
				3 л. они, онѣ	пусть несутъ	пусть бреютъ	пусть мелютъ
III.	дѣепр. дѣйст. зал.	настоящ. врем.		для всѣхъ родовъ	нес я несучи	бре я бреючи	мел я мелючи
IV.	причаст. дѣйств. зал.	наст. вр.	именит. пад. ед. числа	муж. рода	несущій	бреющій	мелющій
				жен. рода	несущая	бреющая	мелющая
				сред. рода	несущее	бреющее	мелющее
V.	причастія страдат. залога	наст. времен.	именительн. пад. един. числа	муж. рода	несомъ	бреемъ	—
				жен. рода	несома	бреема	—
				срел. рода	несомо	бреемо	—
				м., ж., ср. р.	несомый, -ая, -ое	бреемый, -ая, -ое	—
отъ основы Б.)					нес	бри	моло
I.	неопред. накл.				нес ть	бри ть	моло ть
II.	изъявит. накл. дѣйст. залога	прошедшаго вр.	ед. ч.	1 л. я	нес(л)ъ	брилъ	мололъ
				2 л. ты	несла	брила	молола
				3 л. онъ, -а, -о	несло	брило	мололо
			мн. ч.	1 л. мы	несли	брили	мололи
III	сослагат. накл.	прош. врем.	ед. ч.	1 л. я	нес(л)ъ бы	брилъ бы	мололъ бы
			м. ч.	1 л. мы	нес(л)и бы	брили бы	мололи бы
IV.	дѣепр. дѣйст. зал.	прош. вр.		для всѣхъ родовъ	несъ(ш) несши	бривъ(ш) бривши	моловъ(ш) моловши
V.	прич. дѣйст. зал.	им. п. ед. ч.		м., ж., ср. р.	несшій, -ая, -ее	брившій	моловшій
VI.	прич страд зал.	прош врем.	им. п. ед. ч.	м., ж., ср. р.	несенъ, -а, -о несенный, -ая, -ое	бритъ, -а, -о бритый, -ая, -ое	молотъ -а молотый
VII	изъявит. наклон дѣйств з.	будущ. сложн. врем.	един. число	1 л. буду	несть	буду брить	буду молоть
				2 л. будешь	несть	будешь брить	будешь молоть
			мн. ч.	3 л. будутъ	несть	будутъ брить	будутъ молоть

ствительнаго залога

ія	—второго спряженія.		
возьм-	хвали-	терпи-	услыши-
возьму возьмешь возьмутъ	хвалю хвалишь хвалятъ	терплю терпишь терпятъ	услышу услышишь услышатъ
возьми возьми возьми или пусть возьметъ — возьмите пусть возьмутъ	хвали хвали хвали или пусть хвалитъ — хвалите пусть хвалятъ	терпи терпи терпи или пусть терпитъ — терпите пусть терпятъ	услышь услышь услышь или пусть услышитъ — услышьте пусть услышатъ
— —	хваля (хвалючи)	терпя —	— —
— — —	хвалящій хвалящая хвалящее	терпящій терпящая терпящее	— — —
— — — —	хвалимъ хвалима хвалимо хвалимый	терпимъ терпима терпимо терпимый	— — — —
взя-	хвали-	терпѣ-	услыша-
взять	хвалить	терпѣть	услышать
взялъ взяла взяло взяли	хвалилъ хвалила хвалило хвалили	терпѣлъ терпѣла терпѣло терпѣли	услышалъ услышала услышало услышали
взялъ бы взяли бы	хвалилъ бы хвалили бы	терпѣлъ бы терпѣли бы	услышалъ бы услышали бы
взявъ(ш) взявши	хваливъ(ш) хваливши	терпѣвъ(ш) терпѣвши	услышавъ(ш) услышавши
взявшій	хвалившій	терпѣвшій	услышавшій
взятъ -а, -о взятый	хваленъ -а, -о хваленный	претерпѣнъ -а, -о претерпѣнный	услышанъ -а, -о услышанный
— — —	буду хвалить будешь хвалить будутъ хвалить	буду терпѣть будешь терпѣть будутъ терпѣть	— — —

С. Сложныя формы страдательнаго залога.

Формы глаг.		вида несовершеннаго.	вида совершеннаго.
I. Неопр. накл.		Быть { принимаемымъ, хвалимымъ, принимаему, хвалиму.	Быть { привятымъ, похваленнымъ, приняту, ховалену.
II. Изъявительнаго наклоненія	1) наст. вр. ед. ч.	1 л. Я принимаемъ, хвалимъ (есмь). 2 л. Ты принимаемъ, хвалимъ (еси). 3 л. Онъ принимаемъ, хвалимъ (есть).	Нѣтъ.
	1) наст. вр. мн. ч.	1 л. Мы принимаемы, хвалимы (есмы). 2 л. Вы принимаемы, хвалимы (есте). 3 л. Они принимаемы, хвалимы (суть).	
	2) прош. вр. ед. ч.	1 л. Я, 2 л. Ты, 3 л. Онъ { былъ принимаемъ, хвалимъ.	1 л. Я, 2 л. Ты, 3 л. Онъ { былъ-а-о принятъ, похваленъ.
	2) прош. вр. мн. ч.	1 л. Мы, 2 л. Вы, 3 л. Они { были принимаемы, хвалены.	1 л. Мы, 2 л. Вы, 3 л. Они { были приняты, похвалены.
	3) будущ. вр. ед. ч.	1 л. Я буду 2 л. Ты будешь 3 л. Онъ будетъ { принимаемъ, хвалимъ.	1 л. Я буду 2 л. Ты будешь 3 л. Онъ будетъ { принятъ, похваленъ.
	3) будущ. вр. мн. ч.	1 л. Мы будемъ 2 л. Вы будемъ 3 л. Они будутъ { принимаемы, хвалимы.	1 л. Мы будемъ 2 л. Вы будете 3 л. Они будутъ { приняты, похвалены.
III. Сослагат. наклон.	ед. ч.	1 л. Я, 2 л. Ты, 3 л. Онъ,-а,-о { былъ бы принимаемъ, хвалимъ,-а,-о.	1 л. Я, 2 л. Ты, 3 л. Онъ { былъ бы принятъ, похваленъ.
	мн. ч.	1 л. Мы, 2 л. Вы, 3 л. Они { были бы принимаемы, хвалимы.	1 л. Мы, 2 л. Вы, 3 л. Они { были бы приняты, похвалены.
IV. Повелит. накл.	ед. ч.	2 л. Ты будь 3 л. Онъ пусть будетъ { принимаемъ, хвалимъ.	2 л. Ты будь 3 л. Онъ пусть будетъ { принятъ, похваленъ,
	мн. ч.	2 л. Вы будьте 3 л. Они пусть будутъ { принимаемы, хвалимы.	2 л. Вы будьте 3 л. Они пусть будутъ { приняты, похвален[illegible]
V. Причастія		наст. { принимаемый, принимаемъ, хвалимый, хвалимъ. прош. { хваленный, хваленъ.	Нѣтъ. Принятый, привятъ. Похваленный, похваленъ.
VI. Дѣепричастія		наст.—будучи принимаемъ, хвалимъ. прош. { бывъ, бывши { принимаемъ, хвалимъ.	Нѣтъ. Бывъ, Бывши, Будучи { принятъ, похваленъ.

Задачи.

1) Проспрягать глаголъ **быть почитаему,** поставивъ причастія въ формахъ женскаго рода.

2) Проспрягать глаголъ **быть обучаему,** поставивъ причастія въ формахъ средняго рода.

3) Проспрягать полно глаголы быть читаему, быть двинуту, быть названу, быть обучаему, быть наставляему, быть—свергнуту, сняту, скошену, срѣзану, быть воспитываему.

Урокъ 101.

Повтореніе всего пройденнаго.

Поставить пропущенныя буквы.

Сыч.. и филинъ—ночны.. хищны.. птицы.

Летуч..я мыш.. ц..лый ден.. спит.., спрятавшись гдѣ-нибудь въ древесн..мъ дупл.. или дымовой труб. , либо подъ крыш..й пуст.. зданія, приц..пившись задними ногами и вися внизъ головой.—Сказки такъ меня занимали, что я мен... тосковалъ о вольн..мъ воздух.., не такъ рвался къ оживающ..й природ.., къ разливш...ся рѣк. , къ разнообразн. му царству прилет..вш..й птиц...—Гораздо лучш.. рыбу ѣст.., ч..мъ рыб.. на обѣдъ попаст..ся.—Мы разос..лали коверъ и подушки на сухомъ песк.., подальше отъ вод.., потому что мать боялась сырости...—Глубина неб..съ син...т..; свѣт..т.. яркая луна, церков.. въ сумр..к.. бѣл..т.., на погост.. тишина.—Замолкнулъ громъ, шум. т.. гроза устала; свѣтл .ют.. неб..са; межъ черныхъ туч.. привѣтно засіяла лазур.. полоса.—Жаръ давно св .лилъ, прохлада отъ вод..

умножила прохладу отъ наступающ... вечера; длинная туча пыл.. шла по дорог.. и приближал..сь къ деревн..; слышалось въ ней бле..ніе и мычаніе стада; опускал..сь за крутую гору потухающ... солнце.— Пусто, глухо въ чист..мъ пол..; листь.. пожелт..ли; пышный цв..тъ обили в..тры; птицы улет..ли; тучи черн... на землю налегли т..нями; непроглядн... туманы говорятъ съ в..трами.—Въ пол.., въ рощ.., въ воздух.. царствовало безмолві..; н.. что не отзывалось жизн..ю; кузнеч. къ пріутихъ, не трещалъ въ трав..; даже гибкі.. длинны . стебли чеснока съ ихъ тучн..ю верхушк..ю стояли неподвижно на закраин.. дорог...—Вечеръ былъ тихъ и яс .нъ; роща, одушевле...ая возвративш..юся весною, была наполне..а зап..хомъ черемухи, благовонн..мъ дыханіемъ маткиной—душк.. и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревь..мъ; соловьи свистали вд..лекѣ; въ воздух.. слышалось жужжані . насѣкомыхъ; мелкі.. струйки источн..ка, озлаща..мы.. заходящ..мъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкі.. деревья, сливали н .жное свое плескань.. съ шорохомъ тростн..ка и трепетані..мъ цвѣтущ... шиповника.—Вправо отъ дорог.. неоглядно желт..ли поля, покрыты.. шершавымъ жнивомъ; слѣва тянулись крестьянскі.. гумн.., обнесе...ы.. старымъ землянымъ вал..мъ.— Скромны. картины русской ранн... весны превосходны: влѣво зелен .ющі.. озими играют.. на сонц..; поднятый къ яровому пос..ву тучный черноземъ лежит.., какъ бархатъ, и грѣ..т..ся; тихі.. ручейки и рѣчки то мелькают.. въ перелогахъ, какъ волшебны.. зерк..ла въ изумрудныхъ рамкахъ; то вьют..ся, какъ лент.., отражая въ себ.. облака; грунтовы.. дороги обсохли, но еще не завале..ы пылью: ѣзда̂ по нимъ удобна и пріятна.—Сколько птицъ появилось, и какъ он.. вс.. ожили и поютъ: токуют.. тетерева, свищ..т . по врем..намъ солов..й, куку...т.. однообразно ку-

кушка, чирикаютъ вороб..и.—Крикъ болотн..о кулика весьма разнообраз..нъ: онъ очень коротокъ и живъ, когда куликъ гонит.. какую-нибудь хищн..ю или недобр..ю птицу прочь отъ своего гн..зда; онъ протяж..нъ и чистъ, когда болотный куликъ летит.. спокойно и высоко, и превраща..т..ся въ хриплый стонъ, когда охотн..къ или собака прибл..жают..ся къ его гн..зду или д.тя.ъ.—Ноч.. для зайца совершенно зам..ня..т.. день: въ продолжені.. е.. онъ бѣга..т.., ѣст.., р..звит..ся.—Въ великолѣпн...ш.й квартир. паукъ влад.ніе себ.. отмежевалъ: по шкафамъ пыш..ымъ, расцвѣче..ымъ и по картинамъ золоче..ымъ онъ паутину разос..лалъ.—Глян.ш.. съ гор..: какой видъ! круглы.. низкі.. холмы, распаха...ы..е и засѣ...ны.. доверху, в.ют..ся между ними; продолговат.ми островами разброса..ны небольші.. рощи; отъ деревн.. до деревн. б.гут.. узкі.. дорожки; церкви бѣл..ют..; между лозняками сверка..т.. рѣчка, въ ч..тырехъ м..стахъ перехваче..ая плотинами; далеко въ пол.. торчат.. драхвы; стар.н..кій господскій домъ съ своими служб..ми, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду.—За наш.ю дач..ю находит..ся небольшой лѣсоч..къ, куда дѣти каждый день ходят.. съ нян..ю играт.. и рѣзвит..ся.—При согласі.. и единодушi.. всякое дѣло легко дѣла..т.ся.—Крыл..шки бабоч..къ очень н..жны и тонки.—Учен..ки высшихъ училищ.. называют..ся студентами.—П..рвымъ императоромъ въ Россі.. былъ Петръ Великій.—Сегодня мы учили по свяще...ой исторі. о пророк. Илі...—Въ нынѣшн.. время около городовъ ужъ не строят.. каме..ыхъ стѣнъ и башен...—Дитят.. мам..н..ка расчесыват.. головку купила частый гр..б..шокъ.—Поздн.. осень холодна и дождлива.—Лис.. шуба тепла и легка.—Коров... молоко вкусно и п.тательно.—Изъ овеч..й шерсти приготовляютъ прочны..

матері.. —Въ дом.. верхн.. одежду снимают...—Лис.., кун.. и собол.. мѣха теперь дороги.—Настан..тъ мѣсячн.. лѣтн.. ноч..,—зачѣмъ путн. камъ искат.. постоял. двора? Въ открыт. мъ пол.., подъ открыт..мъ небомъ, просторн.., привѣтлив.. и дешевл...—Какъ оч..рованное, дремл.тъ на возвышені.. село. Еще бол.., еще лучше.. блестят.. при мѣсяц. толпы хатъ; еще осл..пительн.. выр..зывают..ся изъ мрака низкі. ихъ ст..ны.—Кто въ пер..вый разъ увид..тъ передъ собою безбрежное мор.., тотъ, безъ сомнѣнія, буд..тъ пораже..ъ этимъ величественн..шимъ явленіемъ природы.—Драгоцѣнн.шее украш..ніе Иверскихъ воротъ въ Кремл. составля..тъ божественный ликъ свят..шей „Вратарницы", т.-е. Иверской Божіей Матери.—Пудъ мыла изведеш.., а родинк.. не смо..ш..—За каждой мухой не нагоня..ш.ся съ обухомъ.—Своей тѣн.. не догон..ш..—Частички воды постоянно стремят..ся разб..жат..ся, разлит..ся; поэтому воду держатъ въ сосудахъ.—Сяд..т.., дѣти, и принимайт..сь за дѣло: вын..т.. тетради, достан..т.. перь.. и пишит.. подъ диктовку. Буд..т.. внимательны и не шалит..—Если вамъ на дач.. наскучит. сид..т. дома, вы идет.. за деревню, гуля..т.. и брод..т.. по окрестностямъ. Въ знойный полд..нь вамъ жарко,—вы выход..т.. на рѣку, броса..т..сь въ холодн..ю воду и, накупавшись, ворот..т..сь домой, св..жи и бодры.—Вс.. дѣла.т..ся въ м..р.. не по наш..му хот.нію, а по Бож..му извол..нію.—Н..которы.. люди вѣрятъ въ привид..ні.. и боят ся ихъ.—Солнечное затм..ніе бываетъ полное и час..ное.—Давай жить дружно: то я къ теб., то ты зови мен.. къ себ...—Богъ люб..тъ т...о, кто не обид..тъ н.к..о.—Нужно больше надѣят..ся на Бога, ч..мъ на сам...о себ...—Сегодня н.. къ к.му мы не пойдемъ, потому что съ сам...о утра идет.. дождь.—Мѣстоименія н..кто и н..что не склоняются.—Н.. въ какомъ город.. Россі.. нѣтъ

стольких достопримѣчательност..й, какъ въ Москв...—Н..какая рѣка мн.. не нравит. ся бол.. нашей: дно е.. вездѣ пес..ча..ое, берега живописны; на н. й есть прекрасн...шій.. мѣста для охот.. и рыбной ловл ..—Этихъ бѣдныхъ сиротъ н..кому пріютит.. и н..кому не хоч..т .ся о нихъ позабот..-ся.—Съ к..мъ живемъ, къ т..мъ и привыка..мъ.—На вс. хъ не угодиш...—Мы вс..—дѣти одн... Отца небесн...—Съ к..мъ пошли гулят.. ваши об . сестры? Съ нян..ю: он.. одн.. никуда не ходят...—Михаилъ Ѳедорович.. Романовъ былъ избра..ъ на царство ч..тырна..цатаго февр. ля тысяч.. ш...сотъ трина..цатаго года.—Государь Александръ Второй родился с. мна..цатаго апрѣля тысяч.. восем .сотъ восем..на..-цатаго года въ Москв.. Д..вят..на..цатаго февраля тысяч.. восем..сотъ п. т..десят.. пят.. года онъ вступилъ на престолъ, вос..м. надцатаго марта тысяч.. восемьсотъ п..т..д..сят.. шест...о года окончилъ Севастопольск.. войну, девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ ш.. д..сятъ перв... года освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимост. , два..цатаго но..-бря тысяча восемьсотъ шестьдесятъ ч..твертаго года ур. внялъ вс. хъ своихъ подданыхъ предъ закономъ и судомъ, а черезъ дес..т.. лѣтъ ввелъ всеобщ.. воинск.. повинность; при немъ въ тысяч . восемьсотъ пятьдесятъ де..вят..мъ году былъ покоренъ Кавказъ, а дв. на..цатаго апрѣля въ тысяча восемьсотъ сем..десят.. сед..момъ году была объявлена война Турці.. для освобождені.. славянъ изъ-подъ турецкаго владычества. Умеръ Алекрандръ Второй пер..-в...о марта тысяча восемьсотъ вос..м..д..сят . пер..-ваго года мученическ... смерт ..ю

Урокъ 102

Нарѣчіе.

Для объясненія.

Московскій Кремль—священное мѣсто для всего русскаго народа: **здѣсь** жили наши государи, митрополиты и патріархи; **здѣсь** древнѣйшіе соборы съ мощами святыхъ угодниковъ и чудотворными иконами; **здѣсь** усыпальница царей и святителей. Главное мѣсто въ Кремлѣ занимаетъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются наши государи.

Издали стали долетать до моего слуха то отрывистый мѣрный шорохъ, то звонкое металлическое шарканье. **Вблизи** я увидѣлъ, что это косили крестьяне.

Коси, коса, пока роса; роса долой, и мы **домой**.

Лѣтомъ днемъ жарко, а **утромъ** и **вечеромъ** прохладно.

Долго я блуждалъ по кустарникамъ, пока попалась едва замѣтная тропинка, которая вывела на дорогу.

Да будетъ благословенно имя Божіе **отнынѣ** и **довѣка**.

Широко стлался зеленый лугъ. **Медленно** и **плавно** расхаживали на немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси. Селезни и утки лежали тамъ и сямъ **неподвижно**.

Иногда кажется, что заяцъ **скосу** налетаетъ на пень или охотника; но это происходитъ отъ торопливости и пугливости зайца, а глаза его не косы.

Зачѣмъ ты такъ рано ложишься спать?—**Затѣмъ**, чтобы раньше вставать.

Правила.—*Нарѣчія обозначаютъ 1)* **мѣсто** *на вопросы: гдѣ? куда? откуда? 2)* **время** *на вопросы: когда? съ какихъ поръ? до какихъ поръ? какъ долго?*

3) —**образъ дѣйствія** *на вопросы: какъ? какимъ образомъ?* 4) **причину** *на вопросы: почему? отчего?* 5) **цѣль** *на вопросы: зачѣмъ? для чего?*

Задача 1.

Слѣдующія предложенія дополнить какимъ-либо изъ слѣдующихъ **нарѣчій: тамъ, гдѣ; сначала, потомъ, вправо; ярко; вдали, быстро, навстрѣчу; долго, домой, вечеромъ; зимою, жарко; утромъ, вечеромъ; изстари; исподтишка; всегда, внимательно, старательно; сперва, начерно, потомъ, набѣло; впопыхахъ; отчего, потому что; сдуру.**

Хорошо.., ...насъ нѣтъ.—.. мы ѣхали по большой дорогѣ, а... свернули на проселочную.—На лугу... пестрѣли разнообразные цвѣты.—.. послышался звонъ колокольчика: это пріѣхалъ папа: дѣти... побѣжали ему...—Мы сегодня долго гуляли въ полѣ;... уже вернулись поздно...—... топятъ печи... —... солнце встаетъ, а.. садится.—Хлѣбосольство у русскаго народа ведется еще... —Молчанъ-собака ... кусаетъ.—Хорошій ученикъ въ классѣ слушаетъ.. и готовитъ уроки...—Задачу нужно... рѣшить ..., а...переписат...—Только жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая. .—...ты не былъ въ классѣ?.. я былъ боленъ.—Ягненокъ,... надѣвши волчью шкуру, пошелъ по стаду въ ней гулять.

Задача 2.

Составить предложенія, въ которыхъ обстоятельства обозначались бы слѣдующими **нарѣчіями: внутри, снаружи, впереди, сзади, туда, сюда, впередъ, никуда, ниоткуда; всегда, никогда, прежде, послѣ, теперь, сейчасъ, тотчасъ; такъ и сякъ, хорошо, дурно, прилично, громко, тихо, навзничь, дружески, взапуски,**

вразсыпную, второпяхъ; сгоряча, спросонокъ, спроста, сослѣпу, поэтому, потому, оттого; зачѣмь, затѣмь.

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать нарѣчія.

Старый лѣсъ.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе тѣнистые старые темные лѣса, но подъ словомъ „старый" не должно разумѣть „состарѣвшійся", дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ; отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривлясь набокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обрастаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ.

Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень; освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ

листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ; сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

С. Аксаковъ.

Урокъ 103.

Образованіе нарѣчій.

Для объясненія.

Въ гостяхъ хорошо, а **дома** лучше.

Кругомъ насъ шумѣлъ густой лѣсъ.

Я люблю кататься **верхомъ**.

Даромъ ничего не даютъ. Въ весеннее и лѣтнее время **утромъ** и **вечеромъ** въ лѣсу поютъ птицы.

Чтобы найти квартиру подешевле, мы должны были отправиться **на конецъ** города.

Наконецъ, гости распрощались и уѣхали.

Во время половодья вода иногда забирается **въ низъ** нашего дома.

Съ высокой колокольни страшно смотрѣть **внизъ**.

Буря съ страшною силою ударила **въ верхъ** дома и чуть не снесла всей крыши.

Змѣй поднялся высоко **вверхъ**.

Тотъ часъ, въ который придется умереть каждому изъ насъ, никому не извѣстенъ.

Корабль сталъ на мель. **Тотчасъ** спустили лодки и стали его осматривать.

По лѣтнему расписанію почтовый поѣздъ долженъ приходить на нашу станцію въ 12 часовъ дня, а **по зимнему** въ 6 часовъ вечера.	Въ сентябрѣ мы большею частью одѣваемся еще **полѣтнему**, а въ апрѣлѣ иногда приходится одѣться и **позимнему**.
Сегодня небо **ясно**, а вчера было **пасмурно**.	При чтеніи выговаривай слова **ясно** и громко. Осенью небо смотритъ **пасмурно**.
Мое перо **хорошо**, а твое **лучше**.	Я пишу **хорошо**, а братъ **лучше**.
Это дерево **высоко**, то **выше**, а то, что на горѣ, **весьма высоко**.	Коршунъ летаетъ **высоко**, соколъ еще **выше**, а орелъ поднимаетсв **весьма высоко**.
Братъ протискался сквозь толпу и забрался **въ первые** ряды.	О твоемъ поступленіи въ училище я узналъ **впервые** только сегодня.
Въ первыхъ рядахъ для зрителей были поставлены кресла, **во вторыхъ** стулья, а **въ третьихъ** простыя скамьи.	Ученикъ долженъ, **во-первыхъ**, вести себя всегда прилично, **во-вторыхъ**, въ классѣ слушать внимательно и, **въ-третьихъ**, учиться прилежно.
Дядя пріѣхалъ гостить къ намъ **со всѣмъ** своимъ семействомъ.	Дядя **совсѣмъ** переселился жить въ нашъ городъ.
По этому мосту ходить опасно: онъ очень ветхъ.	Ты опоздалъ, **поэтому** мы тебя и не ждали.
Предъ лицомъ сѣдого встань и **почти** стараго человѣка, учитъ Священное писаніе.	Все поле **почти** сплошь было покрыто рядами скошенной ржи и копнами убраннаго хлѣба.

Правила.—*Нарѣчіе можетъ образоваться отъ различныхъ частей рѣчи: имени существительна-*

го, прилагательнаго, числительнаго, мѣстоименія, глагола.

Различныя части рѣчи переходятъ въ нарѣчіе или безъ соединенія съ предлогомъ, или къ нимъ присоединяется какой-либо предлогъ; въ послѣднемъ случаѣ предлогъ пишется **слитно** съ тѣмъ именемъ, съ которымъ образуетъ нарѣчіе.

Примѣры.

1) **Имя существительное** можетъ быть нарѣчіемъ **безъ предлога**: домъ—дома, лѣто—лѣтомъ, мигъ—мигомъ.

2) **Имя существит.** можетъ быть нарѣчіемъ въ соединеніи **съ предлогомъ**; въ этомъ случаѣ существ. должно имѣть окончаніе того падежа, какого требуетъ соединяющійся съ нимъ предлогъ:
начало—съ + начала =**сначала** (оконч. род. пад.),
стать —къ + стати =**кстати** (оконч. дат. пад.),
лишекъ—съ + лишкомъ=**слишкомъ** (оконч. твор. пад.),
мѣсто —въ + мѣсто =**вмѣсто** (оконч. винит. пад.).
мѣсто —въ + мѣстѣ =**вмѣстѣ** (оконч. пред. пад.).

3) **Имя прилагательное** въ формѣ винител. пад. ед. числа сред. рода **съ краткимъ** окончаніемъ можетъ быть нарѣчіемъ. Такія нарѣчія называются **качественными** и въ предложеніи обозначаютъ образъ дѣйствія по качеству.

Качественныя нарѣчія имѣютъ степени сравненія

Лошадь бѣгаетъ **быстро**.

Поѣздъ желѣзной дороги движется **быстрѣе** лошади.

Свѣтъ распространяется **весьма быстро**.

4) **Имя прилагательное**, числительное и мѣстоименіе въ соединеніи **съ предлогомъ** также образуютъ нарѣчіе въ формѣ того или другого падежа, напр.: скорый—**вскорѣ**, общій—**вообще**, частый—**зачастую**;

двое—**вдвое, вдвоемъ; вдвойнѣ**, впервые, во-первыхъ, во вторыхъ—всѣмъ—совсѣмъ, тѣмъ—**затѣмъ**, чѣмъ—**зачѣмъ**.

Задача

Образовать нарѣчія изъ слѣдующихъ словъ

а) **безъ предлога**: зима, осень, день, ночь, верхъ, низъ, пѣшъ, босъ, низкій, крѣпкій, скорый, твердый, поспѣшный, красивый, легкій,—

б) **съ предлогами**:

въ { слѣдъ, слѣдствіе, передъ, мигъ, послѣдствіе, задъ, начало, старина, нутрь,

въ { скорый, лѣвый, двойной, полный, довольный, тройной, правый, запертый | въ { трое, четверо, пятеро.

на { примѣръ, оборотъ, вѣкъ, встрѣча, передъ, задъ | на { скорый, равный, вѣрный, крѣпкій, легкій, тугой, правый, двое, лѣвый, трое, прямой,

съ { передъ, задъ | съ { высокій, новый, полный, правый, лѣвый, молодой

съ { первый; со { весь | по { долгій, перемѣнный, мѣсячный, одинокій, немногій, парный, прежній, напрасный

по { двое, трое | по { тотъ, сей | за { живой, мертвый, | за { что, тотъ

за	одинъ	изъ	рѣдкій далекій	до	сытый	отъ	тотъ.

в(ъ)+по+тьма
на +из(ъ)+усть
с(ъ)+про +сонъ
на +из(ъ)=ис+косой

в(ъ)+за+пускать
на +раз(рас)+хватать
в(ъ)+тихій+молчать.

в)—**съ отрицаніемъ не и предлогомъ:**

не+по+далекій
не+из(ъ)+мѣнять
не+в(ъ) +по+падать.

Уроки 104 и 105.

Правописаніе нарѣчій.

Правила.—[1]) *1) Буква* ѣ *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ*

возлѣ	вкратцѣ	вѣрно
нынѣ	вскорѣ	рѣдко
подлѣ	развѣ	непремѣнно
послѣ	вмѣстѣ	гдѣ
вчужѣ	здѣсь	отмѣнно
въявѣ	покамѣсть	внѣ
совсѣмъ	вполнѣ	доколѣ
слѣва	извнѣ	доселѣ
нѣкогда [2])	вдвойнѣ	дотолѣ
нигдѣ	вчернѣ	отколѣ
кромѣ	соборнѣ	отселѣ
вдалекѣ	пѣшкомъ	оттолѣ.
вездѣ	наединѣ	

[1]) Всѣ перечисляемыя здѣсь нарѣчія должны послужить для справокъ при выполненіи слѣдующей далѣе задачи.

[2]) Срав. съ нарѣчіемъ **никогда**.

2) *Буква* **е** *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ:*

прежде	вовсе	вотще	уже	втрое	въ отрицаніи не.
теперь	всуе	крайне	весьма	ежедневно	
вообще	втуне	свыше	вдвое	ежеминутно	

3) *Буква* **и** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
снаружи, кстати, по-латыни, по-русски и т. п.

4) *Буква* **а** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
сначала, справа, слѣва, снова, изрѣдка, издавна, спробѣла, докрасна и т. п.

5) *Буква* **ъ** *пишется въ вслѣд. нарѣчіяхъ:*
близъ, вверхъ, межъ, ужъ, покамѣстъ.

6) *Буква* **ь** *пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ:*
въявь, лишь, сплошь, наотмашь, вишь, прочь, точь въ точь, весьма, чуть-чуть, навзничь, настежь, наизусть.

7) *Представка* **нѣ** *пишется въ нарѣчіяхъ:*
нѣкогда (=когда-то); но, если **некогда** означаетъ недостатокъ времени, то пишется представка **не**.

8) *Представка* **не** *отъ представки* **ни** *въ нарѣчіяхъ отличается удареніемъ:*
нигдѣ́—нѣ́гдѣ, никуда́—нѣ́куда.

Задача [1]).

Поставить пропущенныя буквы.

Берегись козла с.перед.., лошади с..зад.., а лихого человѣка ото..всюду.—Лучш.. другъ в..далек.., чѣмъ врагъ в..близ..—Русскіе люди любятъ посл.. обѣда соснуть часокъ.—Откол.. гроза, оттол.. и вёдро.—Око видитъ далеко, а умъ ещ.. дальш..—

[1]) Въ задачѣ помѣщены примѣры и на предыдущій урокъ. На примѣрахъ этой же задачи можно сдѣлать и вообще орѳографическій разборъ въ предѣлахъ пройденнаго.

Родительское сердце подл.. дѣтокъ, а дѣтское возл.. игрушекъ.—Везд . хорошо, гд . есть добрые люди.—Въ деревнѣ лѣтомъ во..общ.. рано встаютъ, но раньш.. всѣхъ просыпается пастухъ.—С.. начал.. молись, а по..томъ смѣл.. за дѣло берись.—Подымался и улегся с.. нов.. на закатѣ легкій вѣтерокъ — Прибѣжали въ избу дѣти, в..торопяхъ зовутъ отца.—Водяные пауки любятъ бѣгать по водѣ в..задъ и в..передъ.—От...сюд.. ясн.. было видно, какъ на той сторонѣ рѣки загорѣлось селеніе; какъ по..тому берегу бѣжали люди на помощь, какъ, наконецъ, проскакали туда пожарныя команды. Пожаръ захватили вô-время; по..тому его скоро и затушили.—По .этому дѣлу я уж.. заходилъ къ вамъ, но н..засталъ васъ; по. этому я зайду къ вамъ ..ще завтр..—Бѣднымъ людямъ за..частую приходится во многомъ терпѣть н..достатокъ.—Путники остановились, распрягли лошадей, по..томъ стали готовить себѣ ужинъ.—Вся семья в..м..ст.., такъ и душа на мѣстѣ.—Н..кто н.. знаетъ, что ему суждено с..выш..—Лодка наполнилась водою и тот..часъ же пошла ко дну.—Вонъ в..далек.. сверкнула молнія.—Мы прочли статью и в..кратц.. ее разсказали.—Въ концѣ марта или началѣ апрѣля солнышко уже сильн... грѣетъ, и снѣгъ по..не..многу начинаетъ таять; но н..рѣдк.. морозы опят.. усиливаются, и в..нов.. выпадаетъ глубокій снѣгъ.—На..силу свою н.. вс .гда полагайся.—Намъ поймался такой лещъ, что мы на .силу его вытащили.—Н..гд.. такъ природа не красива, какъ въ странахъ горныхъ.—Намъ пора было сдѣлать и привалъ, но н..гд.. было остановиться, и мы поѣхали дальш..—Мы согласились дѣйствовать за..одно съ вами.—Если взялся за..одно дѣло, то и кончай его, а за два дѣла с..разу не берись.—Богомольцы част.. и..шкомъ проходятъ большія разстоянія.—В..старину всѣ живали за..про-

ст..—Н..когда поч..ти вся Россія была с..плош.. покрыта лѣсами.—У лѣниваго одна поговорка: „Пора бы за дѣло приняться, да н.когда; ещ.. успѣю".— Свой глазъ в..зд.. смотрокъ.—Весна в.другъ началась во всей красѣ, и жизнь заиграла по..всюд..— Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались в..зд.. на болотахъ. В.слѣдъ за ними уж.. бѣгалъ водяной паукъ, а в.скор.. и всякая птица собралась въ сухіе тростники от..всюд.—Что.бы н..забыть того, что учили, крайн.. необходимо чащ.. повторять пройденное.—Отъ всего вылѣчишься, кром.. смерти.—Засвѣтятъ звѣзды и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ; ни одна не убѣжитъ отъ него, разв.. погаснетъ на небѣ.—Черный лѣсъ и древл.. разломанныя горы силятся закрыть Днѣпръ хотя длинною тѣнью своею,—напрасно: нѣтъ н..чего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ.—Тамъ, гд. пр..жд.. были пни да болота, стоитъ т..п..р.. великолѣпнѣйшая столица.—Дождь усиливался; вѣтеръ бушевалъ в..двое сильн.. прежняго; рѣка ревѣла; дѣваться намъ было н..куда, и приходилось, по..видим..му, долг.. ждать, пока буря утихнетъ, и можно будетъ переправиться черезъ рѣку.—За свою оплошность намъ придется расплачиваться в..двойн.. и даже в. тройн.— У охотника ружье вс..гда должно быть на.готов..— По..прежн..му братъ любитъ готовить уроки только в..черн.., и большихъ трудовъ стоитъ заставлять его переписывать работы на..б.ло.—Се..одн.. таетъ, а завтр..—Богъ знаетъ.—Свой своему по..невол.. братъ.—Нын.. на ногахъ, а завтр.. въ могилѣ.— Вотщ.. странникъ стучался по окнамъ: н..гд..не отворяли ему: везд.. было пусто.—Кто умн.., тотъ достанетъ скор..—Меньш.. говори, а больш.. слушай.—Каменные дома штукатурятся с..наруж.. и из..нутр.., а деревянные большею частію тольк.. в..нутр..—Т..п..рь многіе говорятъ по-французск.,

по-нѣмецк.. и по-англійск..—Что берется в..займы, то должно быть н..пр..м..нн.. отдано.—Братъ заболѣлъ, и на..в..рядъ ли онъ скор.. выздоровѣетъ.—Господь повелѣлъ дѣлать добро в..тайн..—В..тайн.. своей никого не дѣлай участникомъ.—За..чѣмъ ты пріѣхалъ с..да? За..т..мъ, чтобы повидаться съ родными.—За..чѣмъ пойдешь, то и найдешь.—За..тѣмъ лѣскомъ находится имѣніе нашей тети.—Чужое горе в..чуж.. небольно. На.. канун.. дня своего ангела я вс..гда бываю во всенощной.—В..скор.. собрались дѣти, и тот..часъ же началась на лужайкѣ игра. Дѣти бросились отъ Пети в..разсыпную. Онъ погнался за ними, но споткнулся и плашм.. растянулся на дорожкѣ. Но, къ счастью, Петя не ушибся, а только с..л..гка оцарапалъ себѣ колѣно.—Накушавшись до..сыт.. чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу.—С..прав.. сіялъ снѣжный Кавказъ; в..перед.. возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею не..в..далек... находилась крѣпость; во..кругъ нея видны были слѣды разореннаго аула.—Зд..с.., подъ окномъ, не..прем..нн.. коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ по..выш.. вытягиваетъ заря свой сочный стебель; ещ.. выш.., точн.. на..легк.., богородицыны слезки выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальш.., на.. л..в.. отъ усадьбы, лоснится рожь, и овесъ уж.. пошелъ въ трубочку, и красив.. ширится каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стебелькѣ.—Тогда-то с..выш.. вдохновенный раздался звучный гласъ Петра: „За дѣло съ Богомъ!“—Октябрь уже.. наступилъ; уж.. роща отряхаетъ послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей.—Давно на деревнѣ и уж.. не разъ по..полуноч.. кричали пѣтухи; давно уж.. изъ трубъ подымается столбами кое гд.. сѣрый дымъ, хотя в..пот..махъ и не примѣтный, но дающій о себѣ знать

по вылетающимъ съ нимъ в..мѣст.. искоркамъ; а на дворѣ все еще темно.—Пришла зима. Рѣка со..вс..мъ стала. Р..зк.. застучали колеса по колкой, мерзлой дорогѣ.—Друзья вели бесѣду на..дин..—Хорошъ бываетъ сонъ, да в.яв..не исполняется.—Къ назначенному часу мы всѣ уж.. готовы были отправиться, но братъ по..чему-то опоздалъ; онъ, в..прочемъ, от..част.. зналъ дорогу; по..этому мы тронулись въ путь, надѣясь, что онъ в..скор.. насъ догонитъ.—Нижній Новгородъ изъ..давн.. славится своею ярмаркою.—Желѣзо можно раскалить до..красна и даже до..бѣла.—Я не люблю тѣхъ, кто смотритъ вс..гда из(ис).. под..лобья.—Громаднѣйшее дерево в..с..ма быстрымъ теченіемъ поднесло къ водопаду, и оно стойм.. погрузилось въ пучину.—Слово умнаго человѣка вс..гда бываетъ к..стат..—Въ гимназіи учатся по..латын.. и по..греческ..—Я знаю такое мѣстечко на нашемъ озерѣ, близ.. нависшихъ ивъ, гд.. на. вѣрняка хорошо будетъ ловиться рыба.—Меж.. тѣмъ какъ съ берегу лисичка рядитъ, судитъ, кумъ рыбку удитъ.—С..лѣв.. из..далека послышался звукъ трубы, и в.мигъ весь лагерь пришелъ въ движеніе.—Н..-пріятель былъ застигнутъ в..расплохъ и разбитъ на..голову.—Я по..дружески совѣтовалъ своему товарищу перестать лѣниться, заняться дѣломъ, пока..м..ст.. еще не поздно; но онъ меня не послушался. Посл.. однако онъ горько.. сожалѣлъ объ этомъ.—Долгъ свой я заплатилъ с..полна.—Есть люди, которые все любятъ дѣлать на..пер..коръ.—Ты напрасн.. разсердился на меня: я во..вс.. не хотѣлъ тебя обидѣть.—Во..вс.. время пребыванія своего въ деревнѣ я еж..дневно бывалъ въ лѣсу и в..слѣдстві.. этого отличн.. изучилъ его в..дол.. и по..перекъ и в..послѣдстві.., уже.. много лѣтъ спустя, я не забылъ его.—В..продолжені. каникулъ я в..полн.. подготовился къ переэкзаменовкѣ, а въ..течені.. двухъ

послѣднихъ недѣль успѣлъ даж.. н..сколько познакомиться съ курсомъ и слѣдующаго класса.—По синимъ волнамъ океана, лиш.. звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется.—На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ (Петръ), думъ великихъ полнъ, и в..дал.. глядѣлъ.—Подъ гору в..скач.., а на гору хоть плачь.—На..вз..нич.. падать опасно.—За городомъ дѣти в..сласт.. набѣгались и в..довол.. наигрались.—Когда пошло дѣло в..крив.. да в..кос.., такъ лучш.. его брось.—Шапочка въ двѣ денежки и то на..бекрен..—Солдаты подошли къ рѣкѣ и стали переправляться в..брод.. гуськомъ.—Посл.. пожара мы с..нов.. выстроили себѣ домъ, но уж.. въ другомъ мѣстѣ. С..перед.. нашего дома устроенъ обширный цвѣтникъ съ фонтаномъ; с..зад.. къ нему примыкаетъ дворъ, а за дворомъ, к..низу, разрастается молодой садъ; с..л..в.. отъ дома идетъ обрывъ, от..куд.. открывается прекраснѣйшій видъ на рѣку; а с..прав.., н..в..далек.., стоитъ станція желѣзной дороги. Въ домѣ мы живемъ в..мѣст.. съ родными; имъ сдаемъ в..наймы нижній этажъ. На этой новой усадьбѣ намъ в..дво.. просторнѣе, чѣмъ на прежней.—На..завтр.. намъ задано выучить на..из..ст.. три стихотворенія.—Мы поднимались в..верхъ по рѣкѣ. В..другъ налетѣла буря. Лодка зачерпнула воды поч..ти в..ровен.. съ краями и чут.. чут.. не пошла ко дну; мы по.. перем..нн.. стали вычерпывать воду, но волны еж..минутн.. грозили потопить насъ, и только близость берега спасла насъ отъ неминуемой гибели.—Парохо..ъ нашъ попалъ въ самую быстрину и то..и..дѣло сталъ встрѣчать льдины, с..начал.. маленькія, а по..томъ все толще и крупнѣе. Тол..к.. что пароходъ сталъ мало..мальск.. справляться съ теченіемъ, какъ в..другъ, н..ожид..нн.., показалась громаднѣйшая льдина и на..искос.. перерѣзывала намъ дорогу. Во..

время мы успѣли свернуть отъ нея в..сторону, но все..таки она подводною своею частью, хотя и в..скол..з.., такъ черкнула по..боку пар..хода, что тотъ затрещалъ. Н..конецъ, мало..по..мал.. пароходъ выбрался на свободную ширину разлившейся, какъ море, рѣки и плавн.., и быстр.. понесся далѣе.—Из..стар.., давнымъ..давно, н..кому не въ память, стоятъ зд..с.. эти курганы. Н..которые изъ нихъ ..ще высоки, другіе же ..два замѣтны, уж.. распаханы и почти сравнялись съ землей.—Н..какое дѣло не нужно дѣлать кое..какъ.—Уж.. стемнѣло; тамъ.. и..сямъ засверкали огоньки.—Вотъ, слово..за..слово, пустынникъ съ медвѣдемъ знакомятся, по..томъ дружатся, по..томъ не могутъ уж.. разстаться и цѣлые проводятъ в..м..ст.. дни.

Урокъ 106.

Предлогъ.

Для объясненія.

I.

Своя волюшка **до**водитъ до горькой долюшки. Войска **вы**ступили въ **по**ходъ.

Приходъ пароходовъ въ гавань и **от**плытіе ихъ изъ нея **при**носятъ **при**брежнымъ жителямъ немалую **при**быль.

Передъ нами разстилалась **без**предѣльная равнина, безъ малѣйшихъ возвышеній, **на**полненная **без**численнымъ множествомъ озеръ, болотъ и топей.

Въ **пре**клонномъ **воз**растѣ люди теряютъ свои силы.

Наши **пра**дѣды жили просто, да проживали лѣтъ со сто.

Иногда дно рѣки обрывается отвѣснымъ уступомъ: тогда вода **низ**вергается съ этого уступа съ ужаснѣйшимъ шумомъ, **разс**ыпается неисчислимымъ множествомъ сверкающихъ брызгъ и въ паденіи своемъ представляетъ удивительную картину. Красоту водопада на словахъ трудно **пере**дать.

Правила. *Предлогъ съ глаголомъ пишется* **слитно.**

Съ именнами существительными предлогъ пишется отдѣльно и слитно. Слитно предлогъ пишется тогда, когда служитъ для существительнаго **представкою**, *т.-е. составляетъ съ нимъ одно понятіе, одно слово.*

Предлогъ-представка *съ именами прилагательными также пишется* **слитно.**

Нѣкоторые предлоги пишутся съ словами только слитно, отдѣльно же никогда не употребляются. Эти предлоги—слѣдующіе: **воз, раз, низ, вы, па, про, пре.**

Задача.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ поставить правильно предлоги, отдѣльно или слитно.

У..видя, что мужикъ, трудяся надъ...дугами, ихъ при..быльно с .бываетъ съ..рукъ (а дуги гнутъ съ..терпѣньемъ и не в..другъ), медвѣдь за..думалъ жить такими же трудами. По..шелъ по..лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за . версту проказу.—Душа наша без..смертна.—Языкъ до.. Кіева до .ведетъ.—На..шла коса на..камень.—Пере..зрѣлые плоды вредны.—С..боръ плодовъ съ..деревьевъ до..ставляетъ дѣтямъ большое у..довольствіе.—Под..земныя воды не..за..мѣтны.—Дѣти под..бѣжали къ..рѣкѣ и стали купаться.—Вечеромъ и утромъ отъ..предметовъ от..брасываются длинныя тѣни.—За..добрыя дѣла Господь за..платитъ.—Гора съ..горой не с .ходится, а человѣкъ съ.. человѣкомъ сойдется.

Для объясненія.

II.

Въ + ходъ = **в**ходъ.
Отъ + ходъ = **от**ходъ.
Надъ + пись = **над**пись.
Подъ + пись = **под**пись.
Изъ + влеченіе = **из**влеченіе.
Съ + умасбродъ = **с**умасбродъ.
Въ + ѣздъ = **въ**ѣздъ.
Объ + ясненіе = **объ**ясненіе.
Разъ + исканіе = **разы**сканіе.

Безъ + толковый = **без**толковый.
Въ + росшій = **в**росшій.
Изъ + гнанный = **из**гнанный.
Надъ + писанный = **над**писанный.
Подъ + крашенный = **под**крашенный.
Съ + умасбродный = **с**умасбродный.
Съ + умасшедшій = **с**умасшедшій.
Съ + ѣденный = съѣденный.
Предъ + идущій = **преды**дущій.

Въ + ходить = **в**ходить.
Безъ + покоить = **без**покоить.
Изъ + брать = **из**брать.
Надъ + писать = **над**писать.
Подъ + бросить = **под**бросить.
Отъ + обѣдать = **от**обѣдать.
Съ + умѣть = **с**умѣть.
Объ + явить = **объ**явить.
Отъ + экзаменоваться = **от**ьэкзаменоваться.
Отъ + искать = **оты**скать.

Правила. — *Если предлогъ оканчивается на* **ъ**, *а слово, съ которымъ онъ пишется вмѣстѣ, начинается съ согласной или твердой гласной буквы, то* **ъ** *не пишется; но, если слово начинается съ мягкихъ глас-*

ныхъ—**я**, **ю**, **е**, **ѣ** *и твердой* **э**, *то буква* **ъ** *передъ ними удерживается.*

Если предлогъ оканчивается на **ъ**, *а слово, съ которымъ онъ пишется вмѣстѣ, начинается съ буквы* **и**, *то изъ двухъ буквъ:* **ъ+и**, *образуется* **одна буква—ы**.

Задача.

Поставить правильно предлоги, отдѣльно или слитно съ словами, въ слѣдующихъ примѣрахъ (указать, гдѣ писать или не писать **ъ**).

Отъ..своихъ отъ..сталъ и къ..чужимъ не при..сталъ.—Безъ..плодное древо съ..рубаютъ.—Безъ..родному дитяти негдѣ голову при.клонить.—Мы отъ..огрѣли изъ..зябшаго странника.—Изъ..дѣваться надъ..несчастнымъ грѣшно.—Зимою бываютъ отъ..тепели.—Съ..луга неслись разъ..удалыя пѣсни.—Зрѣніе и слухъ у нѣкоторыхъ животныхъ необыкновенно изъ..ощряются.—Тетя позвала насъ къ..себѣ въ.мѣстѣ отъ..обѣдать и отъ.ужинать.—Взошло солнце, и подъ..облачныя вершины горъ за..сіяли своими вѣчными снѣгами.—Разъ.умъ одолѣваетъ силу.—Гости уже разъ..ѣхались.—Мы въ..полнѣ поняли разъ..ясненный урокъ и уже вы..учили его.—Съ..ютить этихъ съ..умасбродныхъ людей невозможно.—Съ..вершины высокой горы взоръ объ.емлетъ необозримое пространство.—Объ.явленія вы..вѣшиваются на..видныхъ мѣстахъ.—Сосѣдъ мой по..спѣшаетъ въ..отъ..ѣзжія поля съ..охотою своей.—Темное чистое небо торжественно и необъ..ятно высилось надъ..нами.-Въ..городахъ нерѣдко въ..стрѣчаются громадные двухъ..этажные и трехъ.этажные дома..—Потерянную вещь не всегда бываетъ легко отъ.искать.—Разъ..игралась метель, и путники принуждены были вернуться.—Одинъ изъ..пальцевъ

на каждой рукѣ называется без..именнымъ.—Былъ бы хлѣбъ, а зубки съ..ищутся.

Урокъ 107.

Предлогъ (продолженіе).

Для объясненія.

Раз+копать=**раск**опать.
Раз+пилить=**расп**илить.
Раз+таять =**раст**аять.
Раз+франтиться=**расф**рантиться.
Раз+ходиться= **расх**одиться.

Разъ+цѣпить=**расц**ѣпить.
Раз+числить =**расч**ислить.
Раз+шаркаться=**расш**аркаться.
Разъ+щедриться=**рас**щедриться.
Воз+кликнуть=**воск**ликнуть.

Низ+падать=**нис**падать.
Из+цѣлять=**ис**цѣлять.
Воз+трубить=**вос**трубить.
Раз+фыркаться=**расф**ыркаться.
Низ+ходить=**нис**ходить.

Изъ+числять=**исч**ислять.
Из+шагать=**ис**шагать.

Расписáться—**ро**спись. **Рó**здыхъ. **Рó**зыскъ. **Рó**зыгрышъ. Безъ+предѣльный=**без**предѣльный. **Чрез**мѣрный.

Правила.— *Въ предлогахъ — представкахъ* **раз**, **воз**, **низ**, **из** *буква* **з** *измѣняется въ* **с** *передъ слѣдующими (отзвучными) буквами:* **к**, **п**, **т**, **ф**, **х**, **ц**, **ч**, **ш**, **щ**.

Предлоги **без** *и* **чрез**, *будучи представками, ни предъ какими буквами* **з** *въ* **с** *не измѣняютъ.*

Задача 1.

Если надъ предлогомъ—представкою **раз** стоитъ удареніе, то онъ измѣняется въ **роз**.

Поставить пропущенныя буквы въ слѣдующихъ словахъ:

Ра..красить, во..питанникъ, бе..толковый, бе..форменный, ни..вергнуть, и..чезать, ра..ширить, ра. щелкать, ра..честь, ра..четъ, ра..считать, ра..считывать, ра..сѣчь, ра..толковать, во..гордиться, ра..богатѣть, ра..цѣловаться, во..чувствовать, ра..мачивать, и..толковать, и..требить, в..крикнуть, ра..шевелить, ра..щепъ, ра .щелина, бе..конечный, бе..численный, чре..вычайный, и..бранный, во..расти, ни..менный.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Пора.. кинулась Русь широко, далеко!—Первая ра..пускается береза, она же первая начинаетъ и желтѣть.—Здравствуй, русская моло..ка, ра..красавица душа, бѣлоснѣжная лебедка, здравствуй, матушка-зима!—Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы, и зимой бы цвѣты ра..цвѣтали!—Въ и..ходѣ іюля стоятъ сильные жары.—Дѣдушка просыпается на во..ходѣ солнца.—Какъ забѣлѣлась ярко гречиха ра..цвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!—Ра. считывай на свои силы, а на чужую помощь не надѣйся.—Не всякимъ ро..казнямъ вѣрь.—Не радуйся чужому бе..временью: самъ подъ Богомъ ходишь.—Игриво поверхность земли ра..сѣкая, волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая, хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ, бѣгутъ, ни..падаютъ по склону земному въ бе..донную пасть къ великану сѣдому.—Того, что скрываетъ та бездна нѣмая, ничья здѣсь

душа не ра..кажетъ живая.—Соловей в..порхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.—Ласточки и..чезаютъ отъ насъ въ концѣ августа; ранній отлетъ этихъ птичекъ пред..казываетъ ранн..ю зиму.—И..требленіе лѣсовъ служитъ причиною обмелѣнія рѣкъ.—Ра..чищенная дорожка вывела насъ изъ липовой рощи.—Каково и..печешь, таково и съѣшь.—Замерли грома ра..каты.—Ворота тесовы ра..творилися: на коняхъ, на саняхъ гости въѣхали.—Вотъ на таборъ кочевой ни..ходитъ сонное молчанье.—Вершины горъ, и..чезая въ темныхъ облакахъ, казались бе..конечными. У лисицы хвостъ пушистый, ра..кидистый и золотистый.—Вешнее солнышко землю во..крешаетъ.—Сы..дѣтства привыкъ я понимать нѣмое молчаніе неба.—Въ небѣ неподвижно стояли ястреба, ра..пластавъ свои крылья.—Человѣкъ предполагаетъ, о Богъ ра..полагаетъ.

М. Львовъ.

Нѣсколько

вступительныхъ строкъ, въ данномъ случаѣ имѣющихъ свое основаніе.

Знаки препинанія для пониманія письменной и печатной рѣчи имѣютъ большое значеніе. Ѳ. И. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» (ч. II, § 173, изд. 2-ое) говоритъ объ этомъ слѣдущее: «Для большей ясности и опредѣленности въ изложеніи мыслей на письмѣ, принято отдѣлять слова и цѣлыя предложенія знаками препинанія (т. е. знаками остановки)... знаки препинанія имѣютъ двоякое значеніе: 1) Способствуютъ ясности въ изложеніи мыслей, отдѣляя одно предложеніе отъ другаго, или одну часть его отъ другой; и 2) выражаютъ ощущенія лица говорящаго и его отношенія къ слушающему. Первому требованію удовлетворяютъ: запятая (,), точка съ запятой (;), двоеточіе (:); второму—знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), многоточіе (....) и тире (—). Сверхъ того, для ясности и удобства изложенія мыслей на письмѣ употребляются еще слѣдующіе вспомогательные знаки: скобки ( ) и вносные знаки или кавычки («»)».

Въ «Русскомъ правописаніи» Я. К Грота о «назначеніи» знаковъ препинанія говорится короче, чѣмъ у перваго академика, а именно: «Для облегченія читателю пониманія писанной рѣчи служитъ указаніе большей или меньшей связи между предложеніями, а отчасти и между членами предложеній, посредствомъ зна-

ковъ препинанія: *точки, точки съ запятой, двоеточія и запятой*». Затѣмъ, у перваго академика въ общихъ чертахъ, а у второго подробно—излагаются правила употребленія знаковъ препинанія. Эти правила съ различными измѣненіями и дополненіями мы находимъ въ нашихъ многочисленныхъ учебникахъ русской грамматики, а также теоріи словесности и спеціальныхъ (объ употребленіи знаковъ препинанія) книгахъ и книжечкахъ, сжато изложенныхъ и многословныхъ. Сбивчивость въ изложеніи правилъ, неясность, противорѣчія— характерные признаки всѣхъ названныхъ руководствъ.

Обратимся къ примѣрамъ. Въ «Историч. грам.» (§ 173, 3, а) имѣется такое правило: «Передъ соединительнымъ союзомъ *и*, передъ раздѣлительнымъ *или*, не ставится запятой, когда они соединяютъ два члена предложенія», и въ этихъ же строкахъ нарушается это правило, какъ то же сдѣлано въ приведенномъ выше отрывкѣ: «отдѣляя одно предложеніе отъ другаго, или одну часть его отъ другой»... или тамъ же (подъ б) говорится: «Предъ союзомъ *а* всегда ставится (??) запятая»... Всегда ли?

Неясность формулировки правилъ употребленія находимъ мы и въ «Русскомъ правописаніи», напр.. «Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только самостоятельныя или главныя предложенія, но и придаточныя (*предъ* **или** *запятая не поставлена*, хотя и требуется она правиломъ «Р. прав.» подъ **106**, стр. 107, изд. 11), относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки». Что значитъ выраженіе: «не очень кратки?» какимъ числомъ членовъ предложенія можно обозначить эту краткость? всякія ли очень распространенныя одного вида придаточныя предложенія можно отдѣлять другъ отъ друга точкою съ запятой?

Подобную туманность, неясность, сбивчивость въ формулировкѣ правилъ употребленія знаковъ препинанія можно бы указать въ любомъ руководствѣ, въ лю-

бомъ учебникѣ (см. объ этомъ, напр., въ «Филологич. Зап.» за 1899 г., вып. V, разборъ книги: «Къ ученію о періодахъ»...). Туманность эту мы видимъ и въ слѣдующихъ строкахъ «Историч. грам.» (§ 173, стр. 103, изд. 2): «Въ рѣчи періодической» отдѣляются «двоеточіемъ части періода; точкою съ запятою—члены періода; запятою—подчиненныя части этихъ послѣднихъ, т.-е. придаточныя и отдѣльныя слова. Въ краткомъ періодѣ части могутъ быть отдѣляемы точкою съ запятой; тогда члены отдѣляются запятою». О постановкѣ знаковъ препинанія въ періодической рѣчи въ «Рус. правопис.» не говорится ни слова. Въ другихъ руководствахъ, касающихся правилъ постановки знаковъ препинанія, встрѣчаются такія строки, которыя могутъ быть напечатаны въ сатирическихъ журналахъ (см. о послѣднемъ критич. замѣтки въ «Фил. Зап.» за 1899 г.).

Ни грамматикою, ни логикою нельзя объяснить постановку двоеточія въ такомъ, напр., случаѣ, какъ у Ѳ. И. Буслаева. Онъ въ «Историч грам.» говоритъ: ....«требованію удовлетворяютъ: запятая (,), точка съ запятой (;)...» Разберемся въ этомъ предложеніи. Подлежащимъ въ немъ служатъ слова: «запятая... точка...» сказуемое къ нимъ «удовлетворяютъ», и это-то сказуемое отъ своихъ подлежащихъ отдѣлено двоеточіемъ! Спрашивается, какое же для этого основаніе. Подобная постановка двоеточія опирается, конечно, на правило, которое мы находимъ у академика Буслаева и почти во всѣхъ учебникахъ по русской грамматикѣ,—правило, гласящее: **двѣ точки употребляются передъ перечисленіемъ**... да передъ всякимъ ли? Почти всѣ учебники говорятъ: **да!** По правилу этихъ учебниковъ требуется тотъ же знакъ, т.-е. двоеточіе, и въ слѣдующемъ, напримѣръ, предложеніи: мы увидѣли: лѣсъ, рѣку, горы..., т.-е. опять-таки не понятно, почему надо ставить двѣ точки: вѣдь поставить въ данномъ примѣрѣ двѣ точки нѣтъ ника-

кого основанія: нельзя же отдѣлять дополненіе отъ своего дополняемаго! Или, наприм., въ знаменитомъ Лермонтовскомъ стихотвореніи: «Когда волнуется желтѣющая нива...», имѣющемъ грамматическую форму художественно построеннаго періода, между повышеніемъ и пониженіемъ въ большинствѣ руководствъ, учебниковъ по рус. языку и хрестоматій, въ которыхъ напечатано это стихотвореніе, поставленъ знакъ тире и запятая (,—). Какое для этого основаніе? Вѣдь пропуска словъ и предложеній предъ союзомъ **тогда** нѣтъ!..

Нечего послѣ сказаннаго удивляться тому, что окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (да и въ высшихъ) ставятъ знаки препинанія «по вдохновенію», а часто—и тамъ, гдѣ ихъ не должно быть.

По нашему убѣжденію, во-первыхъ, необходимо съ каждымъ знакомъ препинанія связать извѣстное представленіе, указать его назначеніе;

во-вторыхъ, отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ старинныхъ правилъ (напр.: то предъ употребленнымъ во второй разъ союзомъ **и** въ слитномъ предложеніи (между однородными членами этого предложенія) ставятъ запятую, то не ставятъ, каковыя правила можно видѣть на указанныхъ страницахъ «Историч. грам.» и «Рус правописанія»; или, напр. читаемъ въ самыхъ разнообразныхъ руководствахъ и учебникахъ, какъ основное правило: предъ союзомъ и, соединяющимъ два однородныхъ члена предложенія, запятая не ставится, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее можно и поставить (см. назван. сочиненія академиковъ Ѳ. И. Буслаева и Я. К Грота);

въ-третьихъ, точно формулировать правила употребленія знаковъ препинанія. Пусть 1) точка (.) дѣйствительно обозначаетъ законченную мысль, что въ устной рѣчи и при чтеніи обозначается остановкою голоса (паузою) и пониженіемъ его; 2) запятая (,)— самую малую паузу, безъ пониженія голоса; 3) точка

съ запятой—болѣе значительную паузу, безъ пониженія голоса, какъ, напр., пауза между членами періода; 4) знакомъ тире (—) исключительно слѣдовало бы обозначать пропускъ частей предложенія или цѣлыхъ предложеній, не ставить его вмѣсто скобокъ ( ), двоеточія (:); 5) знакомъ многоточіе (...)—пропускъ словъ и предложеній подъ вліяніемъ аффективнаго состоянія Цѣль появленія этой книжечки и объясняется, съ одной стороны, сказаннымъ. съ другой—желаніемъ дать учащимся и людямъ, занимающимся самообразованіемъ, вполнѣ доступное для нихъ руководство.

Руководя съ десятокъ лѣтъ занятіями ученицъ VIII кл. женской гимназіи съ ученицами низшихъ классовъ, я не могъ не видѣть, что дѣти легко усваиваютъ грамматическія свѣдѣнія вообще и правила употребленія знаковъ препинанія въ частности, если имъ знанія даются при посредствѣ индуктивнаго метода; поэтому позволилъ себѣ (съ незначительной переработкой) напечатать въ этой книжечкѣ обработанные моими ученицами (Б-ой, Р-ой, В-ой, С-ой, Р-ой и др.), подъ моимъ руководствомъ, матеріалы для пробныхъ уроковъ на темы: употребленіе запятой, точки съ запятой, двоеточія, и др. Главнымъ образомъ время въ классѣ требуется на усвоеніе дѣтьми правилъ употребленія этихъ трехъ знаковъ препинанія. При изложеніи правилъ употребленія другихъ знаковъ препинанія,—правилъ, и несложныхъ, и нетрудныхъ, я примѣнилъ методъ дедуктивный.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой же работѣ печатается замѣтка объ употребленіи буквы ѣ. Злободневнаго ятеваго вопроса въ школѣ, обществѣ и печати мы не будемъ касаться. Будетъ ли изгнана Ѣ изъ русской азбуки, останется ли она въ

ней, есть ли основаніе для существованія ея *),—это вопросъ будущаго. Мы имѣемъ въ виду statum quo русской азбуки. Сѣтованія дѣтей, родителей, общества, печати на то, что усвоеніе буквы ѣ отнимаетъ много времени у школьниковъ, причиняетъ имъ огорченія, страданія,—мало этого: эта буква бываетъ причиною дли выбрасыванія нѣкоторыхъ школьниковъ изъ учебныхъ заведеній,—все это правда, да не вполнѣ: буква ѣ тутъ не при чемъ: скорѣе тутъ виноваты педагоги, которые не заботятся о томъ, чтобы указать средства дѣтямъ, какъ скоро и безъ особаго напряженія памяти усвоить случаи употребленія буквы ѣ въ представкахъ, корняхъ, производственныхъ звукахъ и окончаніяхъ словъ. Не малый грѣхъ принимаютъ на себя тѣ составители учебниковъ русской грамматики, которые, разсчитывая на механическое усвоеніе памятью словъ съ буквою ѣ, сочиняютъ стихи изъ словъ, въ которыхъ пишется эта буква; преступно поступаютъ тѣ педагоги, которые даютъ для зазубриванія эти стихи. **Выучи**, и ученикъ учитъ, учитъ долго, до помраченія мозговъ,—учитъ иногда, зажмуривъ глаза. А результатъ этого зубренія? Въ первомъ же повѣрочномъ диктантѣ дѣлаетъ ученикъ ошибки въ тѣхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ стихахъ, сочиненныхъ (хитро) изъ словъ съ

---

*) Интересующіеся вопросомъ о буквѣ ѣ могутъ найти указанія въ ст. Р. Ѳ. Брандта, Д. Н. Ѳомина, С. Н. Прядкина за послѣдніе годы въ «Фил. Зап.»,—академика А. И. Соболевскаго въ журналѣ: «Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія», за 1904 г., и др.

Руководствъ для усвоенія буквы ѣ въ корняхъ безъ зазубриванія, а при помощи списыванія, много, напр., прекрасно составленная съ этою цѣлью книжечка Д. Н. Ѳоминымъ: буква ѣ въ коренныхъ словахъ. Слова эти взяты не отдѣльно, а въ связи съ другими, въ живой и письменной рѣчи: въ пословицахъ и изреченіяхъ. См. «Указатель» къ «Филол. Запискамъ» за послѣдніе годы.

буквою ѣ, какъ недавно зазубривали стихами изложенныя исключенія въ латинской грамматикѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? дѣти или педагоги и сочинители стиховъ?

Чтобы научиться писать грамотно, нужно сознательно представлять себѣ составъ словъ, а для послѣдняго необходимо имѣть ясное представленіе о частяхъ слова: представкѣ, корнѣ, производственныхъ звукахъ и окончаніи. Въ школахъ, по моимъ наблюденіямъ, этотъ отдѣлъ проходятъ формально: задается урокъ о составѣ словъ, зазубривается дѣтьми, и дѣло кончено: вопросъ, поставленный въ «примѣрной программѣ», рѣшенъ, выполненъ, и достаточно .. Вотъ одна изъ причинъ безграмотности нашихъ школьниковъ вообще и незнанія, въ какихъ случаяхъ въ словахъ нужно писать букву ѣ, въ частности.

Въ теченіе своей многолѣтней педагогической практики при разучиваніи грамматич. матеріала ни разу я не заставлялъ школьниковъ зубрить ни **пресловутые стихи** изъ словъ съ буквою ѣ, ни списки словъ съ этой буквою, по обыкновенію печатаемые въ концѣ учебниковъ руской грамматики и также «Русскаго правописанія»—академика Грота, и, слава Богу, всего менѣе въ этой области грамматики мои ученики и ученицы дѣлаютъ ошибки.

Для знакомства съ частями слова я беру всегда корни словъ съ буквою ѣ, напр., кор. **вѣд**—, пишу его на доскѣ, прошу учащихся подыскивать слова съ этими коренными звуками и подписываю подъ корнемъ, а дѣти списываютъ написанное на доскѣ въ особыя тетрадки, напримѣръ, берутся коренные звуки: **вѣд** **вѣс** (с=д)—**вѣщ** (щ=с·т), и подъ ними пишутся производныя слова; при этомъ коренные звуки подчеркиваются.

вѣд-	(д) **вѣс-**
вѣд-*ь*	**вѣс**-т-*ь*
За-по-**вѣд**-*ь*	Из **вѣс**-т-і-*е*
Ис-по-**вѣд**-*ь*	Из **вѣс** т-н-*ы-й*
За-кон-о-**вѣд**-*ъ*	**вѣс**-т-н-ик-*ъ*
За-кон-о-**вѣд**-ѣ-н-і *е*	. . . . .
вѣд-ѣ-н-і-*е*	(д) **вѣщ** (=**вѣс-т-**)
С-**вѣд**-ѣ-н-і-*е*	Из-**вѣщ**-а-*ть*
Не-**вѣд**-ѣ-н-і-*е*	За-**вѣщ**-а-*ть*
Прав-о **вѣд**-ѣ-н-і-*е*	На-**вѣщ**-а-*ть*
вѣд а *ть*	У-**вѣщ**-а-*ть*
За-**вѣд** у-*ю*	У-**вѣщ**-а-н-і-*е*
За-**вѣд**-ова-*ть*	У-**вѣщ**-ева-*ть*

. . . .

Для сознательнаго распознаванія дѣтьми созвучныхъ корней ведется бесѣда, приблизительно такая.

Дѣти, отъ этого ли корня слова: **вед**-у, **вес**-ть, при вед-у, при-вес ть; с-вед-у, с-вес-ть, с вед-é-н-і-е?

— Нѣтъ.—

Что значитъ слово **вѣд**-ать?

— Знать.—

А слова—вед-у, вес-ть, напр., въ выраженіи: весть лошадь, корову?

—Эти слова значатъ—весть предметъ одушевленный съ одного мѣста на другое.—

Да, корень **вед** значитъ – силою заставить другой предметъ сойти съ мѣста и итти, куда его поведутъ; а корень **вѣд** вообще означаетъ пріобрѣтать знанія при помощи памяти, мышленія и воображенія,- хранить въ душѣ эти знанія, имѣть знанія. Значеніе коренныхъ звуковъ представками, производственными звуками измѣняется, что видно изъ слѣдующаго: общее значеніе корня **вѣд** – измѣнено, напр., въ словѣ запо**вѣдь**: слово запо**вѣдь** говоритъ только о тѣхъ свѣдѣніяхъ,

знаніяхъ, **заповѣдяхъ**, которыя заповѣдалъ (далъ возможность знать) Богъ людямъ, давъ законъ свой.

Знаніе учащимися смысла коренныхъ звуковъ даетъ имъ возможность не смѣшивать звучащіе одинаково корни и правильно писать произведенныя отъ нихъ слова сознательно, т.-е. знать части словъ, ихъ написаніе. Занятіе подобнымъ словопроизводствомъ словъ лучше всего дѣлать въ концѣ урока, минутъ за 10, за 15 до звонка. Работа эта оживляетъ дѣтей: каждый изъ учащихся старается подыскать хоть одно слово съ тѣми или другими коренными звуками. Въ теченіе учебнаго года въ I кл. можно постепенно, не спѣша, разучить слова съ буквою ѣ въ корняхъ и на этомъ же матеріалѣ познакомить дѣтей съ составомъ слова, и тогда они въ состояніи будутъ называть семьи словъ отъ корней съ другими гласными звуками. Тетради съ словами, въ которыхъ пишется ѣ, будутъ для учениковъ справочникомъ на все школьное время. Если ученикъ сдѣлаетъ ошибку въ словѣ съ буквою ѣ, ему можно предложить просмотрѣть ту или другую семью словъ съ буквою ѣ въ корнѣ, а еще лучше переписать эту семью, и зрительная память, а также самый механизмъ письма («сама рука напишетъ») несомнѣнно помогутъ ему не дѣлать подобныхъ ошибокъ въ другой разъ.

Для списыванія и сознательнаго усвоенія памятью коренныхъ звуковъ и семей словъ съ буквою ѣ, произведенныхъ отъ нихъ; а также для сознательнаго ознакомленія дѣтей съ составомъ слова и назначается II-я часть моей книжечки.

Съ тою же цѣлью, оказать помощь дѣтямъ, помѣщены въ этой книжечкѣ и правила переноса частей словъ въ другую строку.

Насколько будетъ полезно выпускаемое мною это руководство, судить объ этомъ не мнѣ.

Буду считать себя счастливымъ, если моя книжечка принесетъ пользу «малымъ симъ», а также и лицамъ, которыя пожелали бы самостоятельно усвоить грамматическія данныя, которыя даются этою книжечкою. «Чтѹщїи исправлѧйте, а не клѧнѣте»

Составитель.

Воронежъ.
23 іюля 1904 г.

I.

Знаки препинанія.

А.

Употребленіе запятой *).

1.

Дѣти, разберемъ съ вами слѣдующее предло-
Кто такое? Кто? Какой? Какъ?
женіе: **императоръ Петръ Великій съ опасно-**
Что дѣлалъ?
стью для своей жизни руководилъ боемъ подъ Полтавою въ борьбѣ съ шведами въ концѣ іюня тысяча семьсотъ девятаго года (примѣры всѣ я буду писать на доскѣ, а вы пишите ихъ въ своихъ тетрадяхъ).

М., назовите мнѣ подлежащее въ этомъ примѣрѣ.

— **Петръ:** это слово отвѣчаетъ на вопросъ: кто?—
(Вопросы надписывайте надъ частями предложенія).

С., что дѣлалъ Петръ?

— ...**руководилъ**—это слово сказуемое.—

Л., кто такое Петръ?

— **Императоръ**—приложеніе.—

П., какой Петръ?

— **Великій**—опредѣленіе къ слову «Петръ».—

Б., какъ Петръ руководилъ боемъ?

— ...**съ опасностью**—обстоятельственное слово образа дѣйствія.

(Дѣти разбираютъ остальныя части предложенія и надписываютъ надъ ними вопросы).

*) Матеріалы для пробныхъ уроковъ по русск. языку ученицъ VIII кл. С-ой, Д-ской и др.

На одинаковые ли, Ш , вопросы отвѣчаютъ части нашего предложенія?

— Нѣтъ, на разные вопросы.—

Какое, Т., мы разобрали предложеніе?

— Распространенное, полное, повѣствовательное, утвердительное.—

Есть ли внутри предложенія хоть одинъ знакъ препинанія?

— Нѣтъ ни одного знака препинанія.—

Какое же можно вывести правило?

— Между частями предложенія, отвѣчающими на разные вопросы, знакъ препинанія—запятая не ставится.

Да. Кто скажетъ примѣръ распространеннаго предложенія? Можно ли между частями этого предложенія поставить какой-нибудь знакъ препинанія? Н., повторите правило. С., скажите вы примѣръ. Повторите всѣмъ классомъ правило. Дѣти повторяютъ (далѣе всѣ правила разучиваются также, т.-е. принимаетъ дѣятельное участіе въ разучиваніи правилъ весь классъ).

2.

Запишемъ, дѣти, примѣры и разберемъ ихъ.

«Идетъ волшебница зима».—«За весной, красой природы, лѣто знойное пройдетъ».—«Петръ Великій побѣдилъ Карла Двѣнадцатаго: онъ, т.-е. Петръ, былъ геніальный полководецъ».—«Побѣдитель Мамая на Куликовомъ полѣ, т.-е. Димитрій Донской, умеръ въ 1389 году».—«Одинъ только металлъ, а именно золото, людьми цѣнится дороже остальныхъ».—«Царь звѣрей, или левъ, своимъ страшнымъ ревомъ наводитъ ужасъ на всѣ живыя существа».—

«Одно только созданье свое, человѣка, Богъ надѣлилъ разумомъ».

М , назовите подлежащее въ первомъ примѣрѣ.

— Подлежащее въ немъ слово «зима».—

Какимъ словомъ оно пояснено?

— Словомъ «волшебница» —

На какой вопросъ это слово отвѣчаетъ?

— На тотъ же вопросъ, какъ и слово «зима» .—

Какъ же называется такая часть предложенія, которая поясняетъ другую часть и отвѣчаетъ съ нимъ на одинъ вопросъ?

— Приложеніемъ.—

Да, приложеніемъ. А какое оно мѣсто занимаетъ въ отношеніи къ своему опредѣляемому?

— Оно стоитъ передъ опредѣляемымъ.—

Отдѣлено ли оно отъ него какимъ нибудь знакомъ препинанія?

— Нѣтъ, не отдѣлено.—

Запомнимъ же правило: приложеніе, стоящее предъ своимъ опредѣляемымъ, знакомъ препинанія не отдѣляется.

Н., читайте слѣдующій примѣръ и назовите въ немъ приложеніе.

— Во второмъ примѣрѣ приложеніе выражено словомъ «красой» съ опредѣленіемъ къ нему, выраженымъ словомъ «природы».—

Какое мѣсто въ предложеніи занимаетъ по отношенію къ своему опредѣляемому приложеніе?

— Оно стоитъ послѣ него.—

Какое же можно вывести, послѣ разбора этого примѣра, правило?

— Приложеніе съ своимъ опредѣляемымъ, стоящее послѣ опредѣляемаго, съ которымъ оно отвѣчаетъ на одинъ и тотъ же вопр съ, отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой.

Да, хорошо. Запомните же дѣти правило:

приложеніе съ пояснительными при немъ словами, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, отъ послѣдняго и другихъ частей предложенія отдѣляются запятой. С., повторите правило. М., придумайте примѣръ на это правило.

Теперь прочитаемъ и разберемъ остальные примѣры. Д., есть ли приложеніе въ остальныхъ примѣрахъ? какими словами оно выражено и какое мѣсто занимаетъ по отношенію къ своему опредѣляемому?

— Есть; выражено оно словами: «Петръ», «Димитрій», «золото», «левъ», «человѣка»; всѣ эти приложенія стоятъ послѣ своего опредѣляемаго.—

Да, это—приложенія. Обратите, дѣти, вниманіе на тѣ слова, которыя стоятъ предъ первыми четырьмя приложеніями. С., назовите ихъ.

— Т.-е., а именно, или.

А можно какое-нибудь одно изъ этихъ словъ подразумѣвать предъ приложеніемъ, выраженнымъ словомъ «человѣка»?

— Можно.—

Слѣдовательно, еще какое можно вывести изъ разбора примѣровъ правило? М., скажите вы.

— **Приложеніе, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, хотя бы оно было выражено однимъ словомъ, если предъ нимъ находится налицо или подразумѣвается одинъ изъ союзовъ: а именно, то-есть, или, отдѣляется отъ частей предложенія запятой.**

Ш., повторите правило. З., скажите предложеніе съ приложеніемъ, предъ которымъ стоитъ **или**; а вы, Д., скажите примѣръ приложенія съ подразумѣваемымъ союзомъ.

Дѣти, въ какихъ же случаяхъ приложеніе отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой?

Дѣти повторяютъ правила и приводятъ для разъясненія его примѣры.

3.

Дѣти, пишите еще примѣры, которые я буду писать на доскѣ. «**Дитя, я плѣнился твоей красотой**»—«**Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ**».—«**Мнѣ, Владычица, явила Ты свѣтъ небеснаго лица**».—«**Скачи, князь, до вражьяго стану**».—«**О, будь моимъ вождемъ, природа!**»—«**Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка?**» Н., скажите, какую часть предложенія составляютъ слова: «**Дитя**», «**родимый**». «**Владычица**», «**князь**», «**природа**», «**батюшка**»?

— Обращеніе.—Да, обращеніе. А что такое обращеніе?

— **Обращеніе—это тотъ предметъ въ предложеніи, къ которому мы обращаемся съ рѣчью и въ то же время называемъ его какимъ-нибудь именемъ.**

Вѣрно. Р., какое мѣсто названныя слова обращенія занимаютъ въ предложеніи?

— Первыя два стоятъ въ началѣ предложенія, третье и четвертое—въ срединѣ предложенія, а послѣднія два—въ концѣ предложенія.

Посмотрите на знакъ препинанія, которымъ отдѣлены слова обращенія отъ частей предложенія.

— Запятой.—

Б., не можете ли вы сказать, какія слова въ первыхъ двухъ примѣрахъ мы произносимъ съ удареніемъ, какъ бы на распѣвъ?

— «Плѣнился твоей красотой...» «со мной говоритъ».

А слова обращенія въ этихъ примѣрахъ мы также произносимъ?

— Нѣтъ, скорѣе, безъ усиленія голоса.—

Значитъ, когда же слово обращенія, стоящее въ началѣ предложенія, отдѣляется запятой?

— **Когда слово обращенія, стоящее въ началѣ предложенія, мы произносимъ спокойно, безъ усиленія голоса на немъ, тогда отдѣляемъ его запятой.**

Т., повторите. — С., скажите примѣръ и назовите въ немъ слово обращенія.

Смотрите, дѣти, на третій и четвертый примѣры. А., какимъ знакомъ препинанія отдѣлены въ этихъ примѣрахъ слова обращенія?

— Предъ обращеніемъ и послѣ него поставлена запятая. —

Скажите же полно, какъ отдѣлить знакомъ препинанія обращеніе стоящее въ срединѣ предложенія?

— **Если слово обращенія стоитъ въ срединѣ предложенія, то запятая ставится предъ словомъ обращенія и послѣ него.** —

В., повторите правило и поясните его примѣромъ. Назовите слово обращенія въ вашемъ примѣрѣ. Какъ же вы разставите знаки препинанія въ вашемъ примѣрѣ?

4.

Итакъ, дѣти, мы знаемъ теперь, въ какихъ случаяхъ приложеніе и обращеніе отдѣляются запятой отъ частей предложенія, при которомъ или въ которомъ они находятся. Будемъ теперь разучивать новыя правила употребленія запятой. Запишемъ и разберемъ слѣдующіе примѣры.

«Ну, право, хвалить себя мы (листья) можемъ безъ грѣха». — «Да, были въ наше время богатыри». — «Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ». — «Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ (псарей) онъ (волкъ) съѣсть». — «Ты (соловей), сказываютъ,

пѣть великій мастерище».—«Онѣгинъ былъ, по мнѣнію многихъ, ученый малый».—«Пустыни, по словамъ путешественниковъ, имѣютъ свои прелести».—«Римъ отъ галловъ, по преданію, спасли гуси».—«По счастью, тутъ недалеко журавль случился».

Дѣти, подчеркните въ написанныхъ вами примѣрахъ слѣдующія слова и предложенія: **«право», «да», «мнѣ казалось», «кажется», «сказываютъ», «по мнѣнію многихъ», «по словамъ путешественниковъ», «по преданію», «по счастью».** Какъ называются подчеркнутыя нами слова и предложенія? М., скажите вы.

— Вводными словами и предложеніями.—

Да. Для чего они вводятся въ нашу рѣчь?

— **Вводятся они въ нашу рѣчь для того, чтобы придать ей тотъ или другой оттѣнокъ: одни слова и предложенія указываютъ на увѣренность говорящаго, какъ въ примѣрахъ слова: «да», «право»; другими обозначается предположеніе, сомнѣніе, вѣроятность, какъ—предложеніями: «кажется», «казалось»; третьи даютъ основаніе мысли, составляютъ поясненіе, замѣчаніе, какъ въ написанныхъ примѣрахъ: «сказываютъ», «по мнѣнію», «по счастью».**

Хорошо. Д., какое мѣсто занимаютъ вводныя слова и предложенія въ данныхъ примѣрахъ?

— **Одни изъ нихъ стоятъ предъ предложеніемъ, другія внутри предложенія, въ которое они введены.**

Да. А можетъ наша рѣчь заканчиваться вводными словами или предложеніями?

— Можетъ.—

Какимъ же знакомъ препинанія отдѣлены ввод-

ныя слова и предложенія отъ частей предложеній, которымъ они придаютъ тотъ или другой оттѣнокъ?

— Запятой.—

Полнымъ предложеніямъ скажите правило.

— **Вводныя слова и предложенія, какое бы мѣсто они ни занимали въ отношеніи къ той рѣчи** (предложенію), **которой они даютъ тотъ или другой оттѣнокъ, отъ частей ея, этой рѣчи** (предложенія), **отдѣляются запятой.**

Такъ. Ѳ., опредѣлите вводныя слова и предложенія. С., скажите, какое они могутъ занимать мѣсто въ нашей рѣчи. П., какимъ знакомъ препинанія они отдѣляются отъ частей нашей рѣчи?

5.

а) Пишите, дѣти, въ своихъ тетрадяхъ примѣръ, который я буду писать на доскѣ.

1. «**Высоко стоитъ солнце на небѣ, горячо печетъ землю-матушку**». Д., какое мы написали предложеніе?

— Слитное. —

Опредѣлите, какое предложеніе называется слитнымъ.

— **Предложеніе, въ которомъ нѣсколько подлежащихъ при одномъ сказуемомъ или нѣсколько сказуемыхъ при одномъ подлежащемъ, или нѣсколько второстепенныхъ членовъ съ подразумѣвающимися главными членами при второмъ, третьемъ изъ нихъ, называется слитнымъ.**

Правильно. С., повторите опредѣленіе. Н., скажите примѣръ слитнаго предложенія.

Т., а почему мы назвали записанное предложеніе слитнымъ?

— Мы назвали его слитнымъ потому, что въ

немъ при одномъ подлежащемъ («солнце»)—два сказуемыхъ («стоитъ, печетъ»).—

Придумайте примѣръ сами.

— «**Встань, проснись, пробудись, на себя погляди**».—

Про кого здѣсь говорится.

— Про лѣниваго мужика.—

Почему это предложеніе можно назвать слитнымъ?

— Въ немъ при подразумѣваемомъ подлежащемъ **ты**—четыре сказуемыхъ: «Встань, проснись, пробудись,... погляди».—

Да, четыре сказуемыхъ.

Т., какой знакъ препинанія поставленъ внутри разобранныхъ нами слитныхъ предложеній (смотрите на примѣры, написанные на доскѣ).

— Запятая.—

Не скажите ли, по какому правилу?

— По правилу: **сказуемыя съ относящимися къ нимъ пояснительными словами, если послѣднія не отдѣлены отъ своихъ сказуемыхъ какимъ-нибудь знакомъ препинанія, и если между этими сказуемыми нѣтъ союза и,—другъ отъ друга отдѣляются запятой.**—

Кто? Кто?

Пишите еще примѣры: 2) «**Шведъ, русскій**

Чѣмъ?

колетъ, рубитъ, рѣжетъ».—3) «**Отдѣлкой,**

Чѣмъ?

чистотой ларецъ въ глаза кидался».—

Гдѣ? Гдѣ?

«**За горами, за долами ужъ гремитъ**

Какъ? Какъ?

объ немъ разсказъ».—4) «**Весело, дружно,**

Какъ?

мило дѣти своими нѣжными голосками запѣли пѣсню елкѣ».—5)«**Люди часто страдаютъ**

Отчего? Отчего? Отчего?

отъ болѣзней, нужды, обиды, нехри-

Отчего?
стіанскаго отношенія другъ къ другу»—.
Когда? Когда? Когда?
6) «**Вчера, днемъ, въ одиннадцать часовъ, разразилась страшная гроза**». —Теперь, дѣти, посмотримъ, какія части предложенія въ продиктованныхъ вамъ примѣрахъ отдѣлены запятой и почему. Д., какія однородныя части предложенія въ первомъ примѣрѣ?

«**Шведъ, русскій**»—подлежащія и «**колетъ, рубитъ, рѣжетъ**»—сказуемыя.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ подлежащія?

— На вопросъ: **кто?**

(Дѣти, надписывайте вопросы надъ однородными частями предложенія). По какому правилу поставлена запятая между ними?

— По правилу: части предложенія, отвѣчающія на одинъ вопросъ и не соединенныя союзомъ **и**, другъ отъ друга отдѣляются запятой.—

М., а въ слѣдующихъ предложеніяхъ (отъ 3 до 6) есть однородныя части?

— Есть, а именно: во второмъ примѣрѣ два дополненія («**отдѣлкой, чистотой**»), отвѣчающія на вопросъ: **чѣмъ?** въ третьемъ два обстоятельственныхъ слова мѣста («**за горами, за долами**»), отвѣчающія на вопросъ: **гдѣ?** въ четвертомъ—три обстоятельственныхъ слова образа дѣйствія («**весело, дружно, мило**»), отвѣчающія на вопросъ: **какъ?** въ пятомъ—четыре обстоятельственныхъ слова причины («**отъ болѣзней, нужды, обиды**, нехристіанскаго **отношенія**»), отвѣчающія на вопросъ: **отчего?** въ шестомъ—три обстоятельственныхъ слова времени («**вчера, днемъ, въ одиннадцать часовъ**»), отвѣчающія на вопросъ: **когда?**—

Вѣрно. Значитъ, запятую ставить надо и между

несоединенными союзами дополненіями, обстоятельственными словами?

— Да.—

Перечислимъ же теперь, между какими однородными частями предложенія ставится запятая. Ф., сдѣлайте это вы.

— Запятая ставится между однородными дополненіями и однородными обстоятельственными словами, если между ними нѣтъ союза **и**.—

А можно сказать—между всѣми вообще однородными частями предложенія?

— Нѣтъ, нельзя.—

Почему же?

— Намъ еще вы не говорили объ однородныхъ опредѣленіяхъ.—

Да, мы еще не разбирали предложеній, въ которыхъ есть однородныя опредѣленія. Запишемъ и разберемъ слѣдующіе примѣры·

Какой? Какой? Какой?
Скучный, туманный, пасмурный
Какой?
осенній день нагоняетъ тоску на душу.—
Какой? Какой? Какой?
Старый вѣтвистый зеленый дубъ отражался въ зеркальной поверхности большой величественной рѣки».—«**Предъ нами**
Какое? Какое?
было большое озеро, въ три версты
Какое?
шириною, съ наклонившимися надъ водою деревьями».—М., есть ли однородныя опредѣленія въ первомъ предложеніи?

— Есть: «**скучный, туманный, пасмурный, осенній**»...потому что всѣ они отвѣчаютъ на вопросъ: **какой?**—

Ж., назовите опредѣлительныя однородныя слова во второмъ предложеніи.

— Во второмъ предложеніи однородныя опредѣленія: «**старый вѣтвистый зеленый**», поясняющія слово «**дубъ**», и—«**большой величественной**», поясняющія слово «**рѣки**».—

Почему же вы ихъ называете однородными?

— Потому что они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ.—

Не скажете ли, почему между первымъ, вторымъ и третьимъ однородными опредѣленіями въ первомъ предложеніи поставлена запятая, а между третьимъ и четвертымъ нѣтъ?

— Первые три по смыслу одинаковы: «**пасмурный, туманный** день и бываетъ **скучнымъ**, а четвертое опредѣленіе («**осенній**») указываетъ на время, когда бываютъ скучные дни.—

Вѣрно. Н., не скажете ли вы, почему не поставлена запятая между опредѣлительными словами: «**большой величественной**»?

— Эти опредѣленія не одинаковы по смыслу: первымъ опредѣленіемъ указывается на величину рѣки, а вторымъ на впечатлѣніе, которое вызываетъ въ насъ «**величественная**» рѣка.—

А одинаковы ли по смыслу однородныя опредѣленія во второмъ примѣрѣ? Т., скажите вы.

— Нѣтъ, не одинаковы по смыслу: первое опредѣленіе говоритъ о возрастѣ дуба, второе о томъ, что у этого дуба много вѣтвей; а третье—о томъ, что листья на вѣтвяхъ дуба имѣютъ зеленый цвѣтъ.—

Хорошо. Итакъ, дѣти, вы теперь понимаете, что однородныя опредѣленія, во-первыхъ, отвѣчаютъ на одинъ вопросъ; во-вторыхъ, они могутъ быть одинаковы по смыслу, но могутъ быть и не одинаковы по смыслу, т.-е. могутъ опредѣлять одну и ту же сторону предмета, но могутъ быть и такія однородныя опредѣленія, изъ которыхъ одно поясняетъ одну сторону предмета, другое—другую и т. д. Какія же изъ одно-

родныхъ опредѣленій въ нашихъ примѣрахъ отдѣлены другъ отъ друга запятой? С., скажите вы.

— Запятой отдѣлены однородныя опредѣленія, отвѣчающія на одинъ вопросъ и одинаковыя по смыслу, т.-е. поясняющія одну сторону предмета.—

Теперь разберемъ третій примѣръ. Какое **озеро** было передъ нами? Т., скажите вы.

— «**Большое**».—

Какое оно еще?

— ...«**въ три версты шириною**...»—

И еще какое оно?

— ...«**съ наклонившимися надъ водою деревьями**.»—

Дѣти, этими опредѣленіями мы описываемъ предметъ; поэтому ихъ можно назвать **опредѣленіями-описаніями**. Одинаковую ли грамматическую форму они имѣютъ, какъ, напр., опредѣлительныя слова: «**скучный, насмурный**»? П., скажите вы.

— Нѣтъ: одно выражено прилагательнымъ въ формѣ именительнаго падежа, другое—въ формѣ винительнаго падежа съ предлогомъ «**въ**», третье—въ формѣ творительнаго падежа съ предлогомъ «**съ**».—

Обратите вниманіе: опредѣленія-описанія могутъ имѣть самую разнообразную грамматическую форму, но отвѣчаютъ на одинъ вопросъ: въ разобранномъ нами примѣрѣ всѣ они отвѣчаютъ на вопросъ: **какіе?**

Какая же особенность **опредѣленій-описаній**?

— Они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ, но могутъ быть выражены неодинаковою грамматическою формою.—

Хорошо. А знакъ препинанія въ разобранномъ нами примѣрѣ между **опредѣленіями-описаніями** есть? В., скажите вы.

— Между **опредѣленіями-описаніями** поставлена запятая.—

Скажите же, З., въ какихъ случаяхъ между опре-

дѣленіями, отвѣчающими на одинъ вопросъ, ставится запятая?

— **Запятая ставится, во-первыхъ, между опредѣленіями, отвѣчающими на одинъ воросъ и опредѣляющими одну какую-нибудь сторону предмета (цвѣтъ, длину и т. п.); во-вторыхъ, между опредѣленіями-описаніями, какую бы грамматическую форму они ни имѣли.**

Н., повторите правило.—Д., скажите предложеніе съ опредѣленіями—описаніями.—В., а вы—съ однородными опредѣленіями, поясняющими предметъ съ одной стороны. А вы, М., скажите предложеніе съ опредѣленіями, поясняющими разныя стороны предмета.

П., какія же однородныя опредѣлительныя слова не отдѣляются другъ отъ друга запятой?

Теперь мы можемъ общѣе сказать относительно постановки запятой между членами слитнаго предложенія. Запомните же это правило: **запятая ставится между опредѣленіями—описаніями, опредѣленіями однородными, поясняющими предметъ съ одной стороны, и всѣми остальными однородными частями предложенія, если ни предъ однимъ изъ нихъ нѣтъ союзовъ и, а также ли, или, либо, то. да (=и)** (Ученицы повторяютъ это правило и приводятъ свои примѣры на него).

б) Пишите, дѣти, еще примѣры. «**И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды**».—«**Или (либо) панъ, или (либо) пропалъ**».—«**Рыболовъ ли взятъ волнами, али (=или) хмельный молодецъ, аль ограбленный ворами недогадливый купецъ?**»—«**Сколько васъ въ семьѣ?**»—«**Да я, да дядя-Иванъ, да Васька, да тетка-Малашка**».—«**То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ (Петръ В.) все-**

объемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ». —Дѣти, подчеркните союзы предъ однородными частями предложенія. При каждомъ ли однородномъ членѣ предложенія есть союзъ? Ф., скажите вы.

— При каждомъ.—

Какая особенность въ употребленіи союза **ли—или?**

— **Или** стоитъ предъ однородными частями предложенія, а **ли** послѣ.—

Да, но это безразлично для постановки знака препинанія. Что же можно сказать относительно употребленія запятой въ слитныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ при каждомъ однородномъ членѣ предложенія употребленъ одинъ изъ союзовъ: **и, да, или, то, либо?** Б., скажите вы.

— **Запятая ставится предъ союзомъ и (а также предъ да, или, либо, то), соединяющимъ первый однородный членъ предложенія со вторымъ, второй съ третьимъ, третій съ четвертымъ и т. д., то-есть, если этотъ союзъ и (а также—да, или, либо, то) есть предъ каждымъ изъ однородныхъ членовъ предложенія.**—

Да, союзъ не долженъ быть пропущенъ ни предъ однимъ изъ однородныхъ членовъ предложенія.

Дѣти повторяютъ правило и приводятъ на него примѣры.

Записывайте еще примѣры: 1) **«Ни богатый, ни бѣдный, ни полководецъ, ни солдатъ не могутъ избѣгнуть смерти».**—2) **«Насъ было двое: братъ да я».**—3) **«Мужья и братья, жены и дѣвы, старый и молодой принимали живое участіе въ борьбѣ съ врагами отечества».**—4) **«По берегамъ рѣки и тамъ, и сямъ разбросаны небольшія села, деревеньки и хутора».**—5) **«Къ поддержанію**

здоровья человѣка служатъ какъ (=и) гигіенически устроенное жилище и одежда, такъ (=и) здоровая пища и незараженный воздухъ».—6) «**Родина мила сердцу не мѣстными красотами, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими утро и колыбель человѣчества».** 7) «**Первый нашъ ученый, то-есть Ломоносовъ, всю жизнь употребилъ на водвореніе наукъ въ «любезномъ» отечествѣ».** 8) «**На покосѣ, или сѣнокосѣ, крестьянки работаютъ въ праздничныхъ нарядахъ»**—Разберемъ записаные нами примѣры. Н., назовите подлежащія въ первомъ примѣрѣ.

— Подлежащія въ первомъ примѣрѣ «богатый», «бѣдный», «полководецъ», «солдатъ»: эти слова отвѣчаютъ на вопросъ: кто?—

Что стоитъ предъ каждымъ подлежащимъ?

— Отрицательная частица **ни**.—

Какъ образовалась эта частица?

— Изъ отрицанія **не** и союза **и**; союзъ **и**, прибавленный къ **не**, усиливаетъ отрицаніе: «**ни богатый**=ни одинъ изъ богатыхъ».—

Какое мѣсто занимаетъ запятая въ этомъ предложеніи?

— Она стоитъ предъ вторымъ **ни**, третьимъ и четвертымъ.—

Ну, а, если бы **ни** стояло предъ однородными дополненіями, обстоятельственными словами, опредѣленіями, то поставили бы вы запятую и—по какому правилу?—

— Да, поставила бы—по правилу: **однородныя части предложенія отдѣляются другъ отъ друга запятой, если предъ каждою частью стоитъ ни.**

А почему нѣтъ запятой между подлежащими во второмъ примѣрѣ?

— Между ними стоитъ **да=и**, а, когда двѣ однородныхъ части предложенія соединены союзомъ **и**, **да=и**, то запятая между ними не ставится.—

Д., скажите, между какими частями предложенія поставлена запятая въ третьемъ примѣрѣ.

— Между вторымъ и третьимъ подлежащимъ, между четвертымъ и пятымъ?—

А почему же нѣтъ запятой предъ и? вѣдь этотъ союзъ три раза встрѣчается между однородными членами предложенія?

— Вѣдь онъ употребленъ не предъ каждою однородною частью предложенія? а въ правилѣ раньше сказано, что запятая ставится предъ вторымъ, третьимъ, четвертымъ однороднымъ членомъ предложенія, если предъ каждымъ изъ нихъ есть союзъ и.—

Значитъ, запятая ставится между 2-ю и 3-ею однородными частями предложенія, не соединенными между собой союзомъ **и**? или—между парами однородныхъ частей предложенія, соединенныхъ союзомъ **и**, или, какъ принято говорить, попарно соединенныхъ союзомъ **и**?

— Да.—

Запомните же правило: запятая ставится между однородными частями предложенія, соединеными союзомъ и попарно.

З., скажите, почему въ четвертомъ примѣрѣ (прочтите его) въ одномъ случаѣ предъ и есть запятая, а въ двухъ нѣтъ.

— Предъ въ первый разъ употребленнымъ и («и тамъ») и въ третій разъ («деревеньки и хутора») не поставлена запятая по правилу: запятая ставится предъ второю однородною частью предложенія, если и стоитъ предъ каждою изъ нихъ; однородныя же части — «**и тамъ, и сямъ**» ... по вопросу: **гдѣ?** а затѣмъ — «**деревеньки и хутора**» —по вопросу: **что?** т. е. эти однородныя части отвѣчаютъ на разные вопросы: гдѣ? что?—

Т., предъ какимъ словомъ стоитъ запятая въ пятомъ предложеніи?

— Предъ союзомъ **такъ**.—

А раньше какой союзъ употребленъ въ этомъ же предложеніи, имѣющій такой же смыслъ, какъ и союзъ **такъ**?

— Союзъ **какъ**.—

Можно ли союзы **какъ, такъ** замѣнить чѣмъ-нибудь?

— Можно—союзомъ и.—

Значитъ, чему же равны союзы **какъ-такъ**?

— Союзу и—и.—

Теперь скажите же, почему предъ **какъ** нѣтъ запятой, а предъ **такъ** есть.

— Союзъ **такъ** равенъ во второй разъ употребленному **и** предъ однородною частью предложенія, а предъ вторымъ, третьимъ и д. д. союзомъ **и** въ такихъ случаяхъ ставится запятая.—

Не скажете ли правило?

Если предъ первою однородною частью предложенія стоитъ какъ=и, а предъ второю такъ=и, то запятая ставится предъ союзомъ такъ, равнымъ второму—и.—

С., повторите правило.—Ѳ., скажите примѣръ.

П., есть ли однородныя части предложенія въ шестомъ примѣрѣ?

— Есть, по вопросу: чѣмъ? «**красотами**», «**воспоминаніями...**»—

Какой союзъ между этими частями предложенія?

— Противительный союзъ а.—

А чему равенъ союзъ да въ слѣдующемъ примѣрѣ: «**хотѣлъ исполнить свое дѣло, да хотѣй не велѣлъ**»?

— Да=но, противительному союзу.—

Запомните, дѣти, правило: если однородныя части предложенія противополагаются другъ другу союзами а, да (=но), же, на-

противъ, то предъ этими союзами ставится запятая, если каждая изъ противополагаемыхъ частей не имѣетъ при себѣ пояснительныхъ словъ или придаточныхъ предложеній, отдѣленныхъ какимъ-нибудь знакомъ препинанія (Ученицы повторяютъ правило и говорятъ на примѣненіе его примѣры).

У., прочтите седьмое предложеніе. Ученица читаетъ. Какая часть предложенія поставлена въ запятыхъ?

— Приложеніе съ находящимся налицо союзомъ «**то-есть**».

А въ восьмомъ предложеніи есть приложеніе?

— Есть: «**или сѣнокосѣ**».—

Равенъ ли здѣсь союзъ **или** союзу **то-есть**?

— Да, равенъ.—

Какое же вытекаетъ отсюда правило?

Если союзъ или употребленъ въ рѣчи одинъ разъ, но равенъ пояснительному союзу то-есть, то предъ нимъ ставится запятая.—

Итакъ, дѣти, въ слитномъ предложеніи однородныя части предложенія а) могутъ быть употреблены безъ связи, обозначаемой союзами; б) каждая однородная часть можетъ имѣть предъ собою одинъ изъ союзовъ: **и, да** (=и), то, ли, или, либо; в) могутъ эти части противополагаться другъ другу союзами **а, да** (=но), **же, напротивъ**; г) могутъ быть части однородныя связаны союзами попарно; д) союзъ **и**, поставленный предъ каждою изъ двухъ однородныхъ частей предложенія, можетъ быть замѣненъ союзами **какъ—такъ**. А., разскажите, какъ ставить запятую въ этихъ случаяхъ. А вы, дѣти, слушайте внимательно: А. будетъ говорить правила, а вы—пояснять ихъ примѣрами (Такъ повторяются всѣ разученныя правила объ употребленіи запятой въ слитномъ предложеніи).

6.

а) 1) «**Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ,** *кто малымъ доволенъ*».—2. «*Кто у Бога проситъ да работать любитъ,* **тому невидимо Господь посылаетъ**».—3) «**Спаситель сказалъ апостолу Петру,** *что поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ*».—4) «**Тотъ человѣкъ,** *который довольствуется малымъ,* **можетъ быть названъ счастливымъ**».—5) «*Когда люди будутъ жить по завѣту Спасителя,* **тогда меньше будетъ страданій**».—6) «**Мамай бѣжалъ въ Крымъ,** *потому что былъ разбитъ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ*».—«**Монголы завоевали Русь потому, что** *между удѣльными князьями не было согласія*».—7) «*Гдѣ столъ былъ яствъ,* **тамъ гробъ стоитъ**».—8) «*Какъ поживешь,* **такъ и прослывешь**».—9) «**Мартышка тутъ съ досады и печали о камень такъ хватила ихъ (очки), что** *только брызги засверкали*».—10) «*Чтобы сдѣлаться разумнымъ созданьемъ Божьимъ,* **необходимо отдавать себѣ отчетъ во всякомъ своемъ словѣ и дѣлѣ**».—11) «*Если хочешь, чтобы тебя уважали,* **то будь человѣкомъ**».—12) «*Хотя жизнь человѣка и коротка,* **однако и въ теченіе ея можно сдѣлать много хорошаго**».—13) «*Какъ бы тяжело ни жилось человѣку,* **онъ не долженъ доходить до отчаянія**».—Дѣти, мы написали нѣсколько сложныхъ предложеній. По какому способу сочетанія предложеній они соединены? У., скажите вы.

— По способу подчиненія: каждое сложное предложеніе состоитъ изъ главнаго и несокращеннаго придаточнаго.—

За исключеніемъ, конечно, примѣра подъ № 11-мъ?

— Да: это сложное предложеніе состоитъ изъ главнаго, придаточнаго условнаго и придаточнаго дополнительнаго къ условному.—

Запятая между главными и придаточными поставлена по какому правилу? Д., скажите вы.

— **По правилу: всякое придачное несокращенное предложеніе отъ частей главнаго, къ которому оно относится, отдѣляется запятой.**

Да. Хорошо. А всякое ли сокращенное придаточное отдѣляется отъ частей главнаго запятой?

— Нѣтъ, не всякое.—

б) Пишите, дѣти, примѣры «Императоръ **Петръ Первый,** *названный Великимъ*, **преобразовалъ Россію**».—«**Весна,** *краса природы,* **оказываетъ большое вліяніе на настроеніе души человѣка**».—«**Дитя,** *послушное, нѣжное и ласковое въ отношеніи къ окружающимъ*, **пользуется ихъ любовью**».—Какія сокращенныя придаточныя предложенія въ данныхъ примѣрахъ? Д., скажите вы.

— Сокращенныя придаточныя опредѣлительныя.— Какою грамматическою формою каждое изъ нихъ сокращено?

— Въ первомъ примѣрѣ придаточное опредѣлительное сокращено формою причастія страдательнаго залога, во второмъ—существительнымъ именемъ, въ третьемъ—полною формою имени прилагательнаго.—

Есть ли при причастіи, существительномъ имени и прилагательномъ пояснительныя слова?

— Есть.—

Какое мѣсто занимаютъ сокращенныя придаточныя опредѣлительныя предложенія въ отношеніи къ своему опредѣляемому?

— Придаточныя предложенія стоятъ послѣ своего опредѣляемаго.—

Вы видите, что всѣ три они отдѣлены отъ частей

главнаго предложенія запятой. М., не скажете ли правила, когда же отдѣляются запятой сокращенныя придаточныя опредѣлительныя.

— **Придаточныя предложенія опредѣлительныя, сокращенныя причастіемъ, существительнымъ именемъ и полною формою прилагательнаго имени, если, во-первыхъ, стоятъ послѣ своего опредѣляемаго, во-вторыхъ, имѣютъ при себѣ пояснительныя слова, отъ частей главнаго предложенія отдѣляются запятой.**—

Значитъ, можетъ ли быть отдѣлено запятой придаточное опредѣлительное сокращенное, если оно стоитъ предъ своимъ опредѣляемымъ или послѣ него, но не имѣетъ при себѣ пояснительныхъ словъ?

— Нѣтъ, оно не отдѣляется запятой отъ частей главнаго предложенія.—

Т., повторите правило и скажите на примѣненіе его примѣръ.

Пишите еще примѣры: 1) *По выпаденіи снѣга* **земля кажется покрытою бѣлымъ покрываломъ**».— 2) «*Вслѣдствіе наступленія морозовъ* **растительное царство на зиму какъ бы замираетъ**».— 3) «Сторожевой отрядъ воиновъ извѣстилъ полководца *о приближеніи къ городу многочисленнаго непріятельскаго войска*.—4) *Для отраженія непрошеннаго гостя* посланы наши отважные воины».— 5) *Разбивъ враговъ*, **войско долго преслѣдовало ихъ**».—6)—*Узнавъ о возмущеніи стрѣльцовъ*, императоръ Петръ Первый возвратился изъ-за границы для усмиренія ихъ».—7) «*Призванный* (или—*будучи призванъ*) *въ Москву*, Филиппъ согласился быть митрополитомъ».—8) *Побѣжденный* (или—*будучи побѣжденъ*) *подъ Полтавою*, Карлъ Двѣнадцатый бѣжалъ въ Турцію». - 9) *Прилежный и внимательный къ своему дѣлу* (или—*будучи прилежнымъ и внимательнымъ*

къ своему дѣлу), **ученикъ пріобрѣтаетъ основательныя знанія**».—10) «*Отважные, предусмотрительные и рѣшительные* (или—*будучи отважными, предусмотрительными и рѣшительными*), **казаки на полѣ битвы наводятъ ужасъ на своихъ враговъ**».—11) «**Родникъ между ними** (пальмами) **изъ почвы безплодной** *журча* **пробивался водою холодной**».—12) «**И шелъ**, *колыхаясь*, *какъ въ морѣ челнокъ*, **верблюдъ за верблюдомъ**, *взрывая песокъ*».—

Разберемъ теперь эти примѣры. Д., скажите, на какой вопросъ отвѣчаютъ слова въ первомъ предложеніи: «*При выпаденіи снѣга*»...

— На вопросъ: когда?—

Какая же это часть предложенія?

— „*По выпаденіи*“—обстоятельственное слово времени, а слово „*снѣга*“ опредѣленіе къ нему —

Не знаете ли, какое придаточное предложеніе сокращено этими словами.

— «Когда выпадетъ снѣгъ».—

Въ сокращенномъ видѣ сохранило оно форму предложенія?

— Нѣтъ, оно стало второстепеннымъ членомъ главнаго предложенія.—

Такъ. В., какое придаточное предложеніе сокращено словами: «*Вслѣдствіе наступленія морозовъ*»?

— Придаточное обстоятельственное причины: «потому что (или—такъ какъ) наступили морозы»... и сокращенное, и несокращенное придаточное предложеніе отвѣчаетъ на вопросъ: почему?—

Вѣрно. С., какое придаточное сокращено словами: «*о приближеніи къ городу многочисленнаго непріятельскаго войска*»?—

— ...«Извѣстилъ» о чемъ?—извѣстилъ о томъ, что приближается многочисленное непріятельское войско; на вопросъ: о чемъ? отвѣчаетъ дополненіе; слѣдова-

тельно, сокращено придаточное дополнительное.

Да. А *«для отраженія непрошеннаго гостя»?*

— Придаточное обстоятельственное цѣли, потому что отвѣчаетъ на вопросъ: для чего? или—зачѣмъ?—

Обратите въ придаточное предложеніе эти слова.

— «Чтобы отразить непрошеннаго гостя...» —

Вѣрно. Во всѣхъ четырехъ примѣрахъ какого же вида придаточныя предложенія сокращены?

— Дополнительное и три обстоятельственныхъ: времени, причины и цѣли. —

Какою частью рѣчи всѣ они сокращены?

— Существительнымъ именемъ.—

Можно ли эти существительныя съ пояснительными къ нимъ словами, составляющія второстепенные члены предложенія, отдѣлить запятой?

— Нѣтъ, нельзя: мы знаемъ, что части предложенія, отвѣчающія на разные вопросы, другъ отъ друга запятой не отдѣляются.—

Да. Запомните же, дѣти, правило: **придаточныя дополнительное и обстоятельственыя, сокращающіяся именемъ существительнымъ съ пояснительными и безъ пояснительныхъ къ нему словъ, знакомъ препинанія отъ другихъ членовъ предложенія не отдѣляются, потому что названныя предложенія становятся второстепенными членами предложенія, отвѣчающими на вопросы или дополненій, или обстоятельственныхъ словъ**. Т., повторите правило.

Теперь будемъ разбирать остальные примѣры, продиктованные вамъ. На какой вопросъ отвѣчаетъ дѣепричастіе *«разбивъ»* съ пояснительными къ нему словами? У., скажите вы.

— На вопросъ когда преслѣдовало? *разбивъ*, или когда разбило.—

А въ примѣрѣ шестомъ—дѣепричастіе *«узнавъ»* съ пояснительными къ нему словами?

— На вопросъ: почему возвратился? «узнавъ», или—потому что узналъ.—

Какія же придаточныя предложенія сокращены дѣепричастіемъ?

— Первое—придаточное обстоятельственное времени, а второе—причины.—

Запомните это. Смотрите на примѣръ седьмой. Когда Филиппъ согласился быть митрополитомъ? М , отвѣтьте вы на этотъ вопросъ.

— *«Призванный въ Москву»* — это сокращенное придаточное предложеніе обстоятельственное времени.—

Какою глагольною формою оно сокращено?

— Формою причастія страдательнаго залога.—

Какою формою еще можно сократить это предложеніе? Смотрите на написанное въ скобахъ.

— Формою дѣепричастія страдательнаго залога.—

Д., какое придаточное предложеніе сокращено словами: *«побѣжденный подъ Полтавою»?*

— Придаточное обстоятельственное причины, потому что оно отвѣчаетъ на вопросъ: почему бѣжалъ Карлъ Двѣнадцатый?—

Да. Обратите, дѣти, вниманіе какимъ знакомъ препинанія отдѣлены отъ частей главнаго предложенія сокращенныя придаточныя обстоятельственныя времени и причины?

— Запятой.—

З., скажите правило.

— **Придаточныя предложенія обстоятельственныя времени и причины, сокращенныя формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога и формою причастія или дѣепричастія страдательнаго залога, отъ частей главныхъ предложеній отдѣляются запятой.**—

Н., повторите правило. Д., скажите примѣръ придаточнаго обстоятельственнаго времени, сокращеннаго формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога. А вы

П.,—формою дѣепричастія страдательнаго залога..

Какою частью рѣчи сокращено придаточное предложеніе въ девятомъ примѣрѣ? С., скажите вы.

— Придаточное времени или причины, потому оно отвѣчаетъ и на вопросъ: когда ученикъ пріобрѣтаетъ знанія? и на вопросъ: почему пріобрѣтаетъ знанія?—

Да. Дѣти, на основаніи этого примѣра, вы видите, какъ и на основаніи раньше разобранныхъ, что придаточныя времени и причины сокращаются одинаковыми формами. Въ послѣднемъ примѣрѣ оно сокращено а) прилагательнымъ въ полной формѣ, б) прилагательнымъ съ прибавленіемъ къ нему дѣепричастія вспомогательнаго глагола. Также сокращено придаточное предложеніе и въ слѣдующемъ примѣрѣ Р., скажите же, какое это предложеніе.

— Придаточное предложеніе, сокращенное прилагательнымъ именемъ въ полной формѣ, а также съ прибавленіемъ къ нему формы дѣепричастія вспомогательнаго глагола (будучи), а именно: «*отважные, предусмотрительные и рѣшительные*», а также— «*будучи отважными, предусмотрительными и рѣшительными*»,—отвѣчаетъ на вопросъ: почему казаки наводятъ ужасъ? слѣдовательно, оно—обстоятельственное причины.

Да. А знакомъ препинанія оно отдѣлено отъ частей главнаго предложенія?

— Отдѣлено.—

Что же можно сказать относительно отдѣленія знакомъ препинанія сокращенныхъ придаточныхъ обстоятельственныхъ времени и причины? В., не можете ли вы сказать общее правило?

— **Придаточныя обстоятельственныя предложенія времени и причины, сокращенныя, во-первыхъ, формою дѣепричастія дѣйствительнаго залога, во-вторыхъ, формою причастія или дѣепричастія страдательнаго за-**

лога, въ-третьихъ, полною формою прилагательнаго имени или съ прибавленіемъ къ ней дѣепричастія вспомогательнаго глагола, отъ частей главнаго предложенія отдѣляются запятой.—

Хорошо. Повторимъ это правило всѣмъ классомъ.

(Повторяется правило, и приводятся примѣры на него).

На какой вопросъ отвѣчаетъ въ одиннадцатомъ примѣрѣ слово «*журча*»? Д., скажите вы.

— На вопросъ: какъ? этимъ дѣепричастіемъ выражено обстоятельственное слово образа дѣйствія.

Хорошо. А въ двѣнадцатомъ примѣрѣ—дѣепричастіями «*колыхаясь*», «*взрывая*»?

— Этими дѣепричастіями также выражены обстоятельственныя слова образа дѣйствія.—

Ѳ., назовите пояснительное слово, относящееся къ дѣепричастію «*взрывая*».

— Слово «*песокъ*». Имъ выражено прямое дополненіе по вопросу: что взрывая?

А есть ли пояснительныя слова при дѣепричастіи «*колыхаясь*»

— Нѣтъ.—

А что же къ нему относится?

— Придаточное предложеніе образа дѣйствія: «*какъ въ морѣ челнокъ*».

Во всѣхъ ли случаяхъ дѣепричастія, отвѣчающія на вопросъ: какъ? отдѣлены отъ частей главнаго предложенія запятой?

— Нѣтъ: въ первомъ случаѣ дѣепричастіе «*журча*» не отдѣлено запятой, а дѣепричастія «*колыхаясь*» и «*взрывая*» отдѣлены.

Не можете ли вы сказать, когда же дѣепричастіе, отвѣчающее на вопросъ: какъ? отдѣляютъ отъ другихъ членовъ предложенія запятой, а когда не отдѣляютъ его.

— Когда при дѣепричастіи, отвѣчающемъ на вопросъ: какъ? есть пояснительныя слова или придаточныя предложенія, тогда его запятой отдѣляютъ, а, когда нѣтъ ихъ, не отдѣляютъ.

Да. Повторимъ же и запомнимъ это правило: **дѣепричастіе, имѣющее при себѣ пояснительныя слова или придаточныя предложенія и отвѣчающее на вопросъ: какъ? отъ частей предложенія, къ которому оно относится, отдѣляется запятой; а, если при немъ (дѣепричастіи) нѣтъ ни пояснительныхъ словъ, ни придаточныхъ предложеній, то оно запятой не отдѣляется** (объясненное повторяется и поясняется примѣрами).

Теперь, дѣти, вамъ извѣстны случаи употребленія запятой для отдѣленія приложенія, обращенія, вводныхъ словъ и предложеній, придаточныхъ предложеній несокращенныхъ и сокращенныхъ. Остается намъ разучить случаи, когда запятой другъ отъ друга отдѣляются главныя предложенія и однородныя придаточныя. Напишемъ примѣры и разберемъ ихъ.

1) «**Русская зима славится морозами, осень надоѣдаетъ своею слякотью, лѣто у Пушкина названо «карикатурой южныхъ зимъ», а весна – «красой природы».**—2) «**Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды (въ могилы), и чей-нибудь ужъ близокъ часъ».**—3) «**Очаровательны бываютъ лунныя майскія ночи,** *когда все зеленѣющее и цвѣтущее бросается въ глаза, когда эта зелень и ароматъ цвѣтущихъ растеній чувствуются при вдыханіи воздуха нашими легкими*».—4) «**Съ благодарностью и уваженіемъ мы должны произносить имена великихъ князей московскихъ,** *потому что изъ нихъ Дмитрій Донской и Іоаннъ Третій сокрушали монгольское иго, и*

потому что послѣдній и преемники его объединили и возвысили Русь въ политическомъ отношеніи».

Между какими предложеніями въ первомъ и второмъ примѣрахъ поставлена запятая? Т., скажите вы.

— Между главными предложеніями. —

Есть ли внутри этихъ главныхъ предложеній какой-ниб. знакъ препинанія?

— Нѣтъ. —

Близки ли по смыслу эти предложенія въ первомъ примѣрѣ?

— Близки по смыслу: весна, лѣто, осень и зима — времена года. —

Да, дѣти, эти предложенія близки по смыслу. Близкими по смыслу были бы и такія, напр., предложенія, изъ которыхъ въ одномъ было бы подлежащимъ слово «ель», въ другомъ — «сосна», въ третьемъ «пихта», въ четвертомъ - «дубъ» и т. д. Эти слова (видовыя понятія) есть имена предметовъ одного ряда; ихъ можно замѣнить однимъ словомъ — «деревья» (родовое понятіе). Если въ рядомъ стоящихъ предложеніяхъ будутъ подлежащими имена существительныя, которыя можно замѣнить однимъ существительнымъ именемъ, то мы будемъ помнить, что эти подлежащія — предметы одного ряда; что между предложеніями съ такими подлежащими близкая связь; а поэтому между ними и ставятъ знакъ, которымъ обозначается самая краткая пауза (остановка голоса безъ пониженія его). Такъ почему же поставлена запятая между главными предложеніями въ первомъ примѣрѣ? В., скажите вы.

— Запятая поставлена между ними потому, что въ нихъ подлежащія предметы одного ряда; что внутри этихъ предложеній нѣтъ знаковъ препинанія. —

Прибавимъ къ этому: если между такими предложеніями стоитъ одинъ изъ союзовъ: и, или, и, либо, то, же, но, то они (предложенія) другъ отъ друга отдѣляются запятой.

З., скажите полное правило, по которому главныя предложенія, соединенныя названными союзами и безъ этихъ союзовъ, другъ отъ друга отдѣляются запятой.

— Главныя предложенія, внутри которыхъ нѣтъ знаковъ препинанія, или—въ которыхъ подлежащія—предметы одного ряда, хотя бы эти предложенія были соединены союзами **а, же, но, то, или, либо, и,** другъ отъ друга отдѣляются запятой.—

Хорошо. А можно ли это правило примѣнить къ придаточнымъ однороднымъ предложеніямъ? обратите вниманіе на третій и четвертый примѣры.

— Да, можно, потому что внутри ихъ нѣтъ знаковъ препинанія, и потому что подлежащія въ нихъ—предметы одного ряда.

Повторите же первое правило и прибавьте къ нему то, что вы только что сказали.

— **Главныя предложенія и придаточныя однородныя, если подлежащія въ нихъ—предметы одного ряда, и если внутри ихъ нѣтъ знаковъ препинанія, хотя бы названныя предложенія были соединены союзами а, же, но, то, и, ли, либо, или, другъ отъ друга отдѣляются запятой** (Ученицы повторяютъ правило и приводятъ для поясненія его примѣры).

Запишемъ, дѣти, еще два примѣра и разберемъ ихъ. 1) «**Императоръ Петръ Великій разбилъ подъ Полтавою Карла Двѣнадцатаго,** *шведскаго короля,* **и,** *завоевавъ раньe этого берега Невы,* **построилъ при устьѣ ея новую столицу**».— 2) «**Въ тринадцатомъ вѣкѣ разгромили Русь многочисленныя полчища монголовъ,** *которые пришли изъ Азіи,* **и,** *ослабленное этимъ погромомъ,* **отечество наше несло на себѣ иго этого свирѣпаго народа почти два съ половиною вѣка**».

И., Прочтите главное предложеніе въ первомъ при-

мѣрѣ, въ которомъ союзомъ **и** соединены однородныя части предложенія.

— «**Имп. Петръ Вел. разбилъ подъ Полтавою Карла Двѣнадцатаго и построилъ при устьѣ ея новую столицу**».

— Какое это предложеніе?—

— Слитное: въ немъ два сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ **и**: «**разбилъ и построилъ**».

Какая часть предложенія слово «*короля*» съ опредѣленіемъ къ нему «*шведскаго*»?

— Приложеніе.—

По какому правилу это приложеніе поставлено въ запятыхъ?

— По правилу: приложеніе съ пояснительными словами, стоящее послѣ своего опредѣляемаго, отъ другихъ частей предложенія отдѣляется запятой.—

Почему же вы передъ **и** поставите запятую? вѣдь вы знаете правило, что въ слитномъ предложеніи передъ **и**, одинъ разъ употребленнымъ, запятая не ставится?

— **И** соединяетъ не приложеніе съ слѣдующею частью предложенія, а два сказуемыхъ: «**разбилъ и построилъ**».—

Хорошо. А для чего послѣ **и** поставлена запятая?

— Чтобы показать, что этотъ союзъ къ придаточному предложенію, сокращенному формою дѣепричастія «*завоевавъ*», не относится.

Да. Теперь скажите же правило, въ слитномъ предложеніи союзъ **и** можетъ ли имѣть предъ собою и послѣ себя запятую?

— **Въ слитномъ предложеніи союзъ и, соединяющій двѣ однородныя части предложенія, можетъ быть поставленъ между запятыми, если ему предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ—или приложеніе, или придаточное предложеніе, или вводныя предложенія и**

слова, или обращеніе, отдѣляемыя отъ другихъ частей предложенія запятой».—

Да. Хорошо. Дѣти, повторимъ это правило и придумаемъ примѣры....

Д., прочтите слѣдующій примѣръ и скажите, сколько въ немъ главныхъ предложеній.

— Въ этомъ примѣрѣ два главныхъ предложенія: первое—«**Въ тринадцатомъ вѣкѣ Русь разгромили многочисленныя полчища монголовъ**»,— **второе—«и отечество наше несло на себѣ иго этого свирѣпаго народа почти два съ половиною вѣка».—**

Что же соединяетъ между собою въ прочитанномъ вами примѣрѣ союзъ **и**?

— Два главныхъ предложенія.—

Почему же этотъ союзъ поставленъ между запятыми?

— Союзъ и поставленъ между запятыми потому, что ему предшествуетъ несокращенное придаточное опредѣлительное предложеніе: «*которые пришли изъ Азіи*», и за нимъ слѣдуетъ сокращенное обстоятельственное предложеніе времени или причины, отвѣчающее на вопросъ: *почему?* потому что было ослаблено=«*ослабленное* этимъ погромомъ», или на вопросъ: *когда*? послѣ того, какъ было ослаблено=«*ослабленное этимъ погромомъ*».—

Попробуйте изъ этого правила и предыдущаго построить одно, общее правило.

— **Запятыми съ обѣихъ сторонъ отдѣляется союзъ и, соединяющій однородныя части слитнаго предложенія, а также и два главныхъ предложенія, если ему, союзу и, предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ или вводныя слова и предложенія, или приложеніе, или обращеніе, или полныя и сокращенныя придаточныя предложенія, отдѣляемыя**

отъ частей предложеній, къ которымъ они относятся, запятой.—

(Правило повторяется дѣтьми и поясняется приводимыми ими примѣрами).

Задачи для сознательнаго усвоенія правилъ употребленія запятой.

а) Переписать въ тетради изъ напечатанныхъ ниже примѣры подъ №№ 1—10 и объяснить поставленный знакъ препинанія.

б) Придумать или найти въ хрестоматіи примѣры, подобные переписаннымъ подъ №№ 1—10; написать ихъ и поставить знакъ препинанія.

в) Переписать примѣры подъ №№ 11—20, подчеркнуть въ нихъ приложенія, обращенія, вводныя слова и предложенія.

г) Придумать или найти въ хрестоматіи подобные примѣрамъ подъ №№ 11—20.

д) Разобрать остальные примѣры устно и дать отчетъ, по какимъ правиламъ въ нихъ поставлена запятая.

1) «Только жучка удалая въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая впопыхахъ».—2) «Здравствуй, русская молодка, раскрасавица-душа, бѣлоснѣжная лебедка,—здравствуй, матушка-зима!»—3) «Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ природы».—4) «Я знаю такое мѣстечко въ нашемъ озерѣ, близь нависшихъ ивъ, гдѣ навѣрняка хорошо будетъ ловиться рыба».—5) «Накушавшись досыта чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать на мельницу».—6) «Тамъ, гдѣ прежде были пни да болота, стоитъ теперь великолѣпнѣйшая столица».—7) «Весна вдругъ началась во всей

красѣ, и жизнь заиграла повсюду».—8 «Межъ тѣмъ, какъ съ берега лисичка рядитъ, судитъ, кумъ рыбку удитъ».—9) «Летучая мышь цѣлый день спитъ, спрятавшись гдѣ-нибудь въ древесномъ дуплѣ или дымовой трубѣ, либо подъ крышей пустого зданія, прицѣпившись задними ногами и вися внизъ головой».—10) «Только что пароходъ сталъ мало-мальски справляться съ теченіемъ, какъ вдругъ, неожиданно, показалась громаднѣйшая льдина и наискось перерѣзывала намъ дорогу».—11) «Во время мы успѣли свернуть отъ нея въ сторону, но все-таки она подводною своею частью, хотя и вскользь, такъ черкнула по боку парохода, что тотъ затрещалъ; наконецъ, мало-помалу пароходъ выбрался на свободную ширину разлившейся, какъ море, рѣки и плавно, и быстро понесся далѣе».—12) «Пароходъ нашъ попалъ въ самую быстрину и то и дѣло сталъ встрѣчать льдины, сначала маленькія, а потомъ все толще и крупнѣе».—13) «Гораздо лучше рыбу ѣсть, чѣмъ рыбой на обѣдъ попасться».—14) «Мы разостлали коверъ и подушки на сухомъ пескѣ, подальше отъ воды, потому что мать боялась сырости».—15) «Изстари, давнымъ-давно, никому не въ память, стоятъ здѣсь эти курганы».—16) «Разсчитывай на свои силы, а на чужую помощь не надѣйся».—17) «Игриво поверхность земли разсѣкая, волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая, хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ, бѣгутъ, ниспадаютъ по склону земному въ бездонную пасть великану сѣдому».—18) «Передъ нами разстилалась безпредѣльная равнина, безъ малѣйшихъ возвышеній, наполненная безчисленнымъ множествомъ озеръ, болотъ и топей».—19) «Того, что скрываетъ та бездна нѣмая, ничья здѣсь душа не разскажетъ живая».—20) «Въ небѣ неподвижно стояли ястреба, распластавъ свои крылья».—21) «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».—22) «Богъ любитъ того, кто не обидитъ никого».—23) «Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ

прибыльно сбываетъ съ рукъ (а дуги гнутъ съ терпѣньемъ и невдругъ), медвѣдь задумалъ жить такими же трудами: пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу».—24) «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ (Петръ), думъ великихъ полнъ, и въ даль глядѣлъ». 25) «Вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными».—26) «Громаднѣйшее дерево весьма быстрымъ теченіемъ поднесло къ водопаду, и оно стоймя погрузилось въ пучину».—27) «Когда пошло дѣло вкривь да вкось, такъ лучше его брось».—28) «Съ кѣмъ живемъ, къ тѣмъ и привыкаемъ».—29) «Ни въ какомъ городѣ Россіи нѣтъ столькихъ достопримѣчательностей, какъ въ Москвѣ».—30) «Разыгралась метель, и путники принуждены были вернуться».—31) «Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется».—32) «Наши прадѣды жили просто, да проживали лѣтъ со сто».—33) «Подъ гору вскачь, а на гору хоть плачь».—34) «Каково испечешь, таково и съѣшь».—35) «Вскорѣ собрались дѣти, и тотчасъ же началась на лужайкѣ игра».—36) «За нашею дачею находится небольшой лѣсочекъ, куда дѣти каждый день ходятъ съ нянею играть и рѣзвиться».—37) «Сказки такъ меня занимали, что я менѣе тосковалъ о вольномъ воздухѣ, не такъ рвался къ оживающей природѣ, къ разлившейся рѣкѣ, къ разнообразному царству прилетѣвшей птицы».—38) «Долго я блуждалъ по кустарникамъ, пока ни попалась едва замѣтная тропинка, которая вывела на дорогу».—39) «Пустынникъ съ медвѣдемъ знакомятся, потомъ дружатся, потомъ не могутъ ужъ разстаться и цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни».—40) «Государь Александръ Второй родился семнадцатаго апрѣля тысяча восемьсотъ восемнадцатаго года въ Москвѣ, девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятаго года вступилъ на престолъ, восемнадцатаго марта тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестого года окончилъ Севастопольскую войну,

девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго года освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, двадцатаго ноября тысяча восемьсотъ шестьдесятъ четвертаго года уравнялъ всѣхъ своихъ подданныхъ передъ закономъ и судомъ, а черезъ десять лѣтъ ввелъ всеобщую воинскую повинность; при немъ въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятомъ году былъ покоренъ Кавказъ, а двѣнадцатаго апрѣля въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмомъ году была объявлена война Турціи для освобожденія славянъ изъ-подъ турецкаго владычества».—41) «Драгоцѣннѣйшее украшеніе Иверскихъ воротъ въ Кремлѣ составляетъ божественный ликъ святѣйшей «Вратарницы», т.-е. Иверской Божіей Матери» —42) «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь».—

Примѣры для списыванія съ пропущенной въ нихъ запятой.

Списывая на дому въ одинъ разъ отъ десяти до пятнадцати примѣровъ, учащіеся ставятъ въ нихъ самостоятельно пропущенный знакъ препинанія и въ классѣ устно даютъ отчетъ, по какому правилу поставили его (знакъ препинанія).

1) «Ты косой (заяцъ) пожаловалъ откуда?»—2) «Ахъ если бы скорѣе день настаrъ!»—3) «Что ты спишь мужичокъ?»—4) «Онѣгинъ добрый мой пріятель родился на брегахъ Невы».—5) «Въ то время ты говорятъ былъ въ Угличѣ».—6) «Проказница-Мартышка Оселъ Козелъ да косолапый Мишка затѣяли сыграть квартетъ,—достали нотъ баса альта двѣ скрипки и сѣли на лужокъ подъ липки».—7) «Крикъ и визгъ которые умолкли на минуту снова возобновились».—8) «Ходилъ дядя Семенъ на болото продрогъ промокъ проголодался.»—9) Начало пригрѣвать солнышко начала лосниться до-

рога пришла масленица и началось катанье съ горъ.»—
10) «Ну каково пріятель поживаешь?» «Охъ кумъ что вижу ты бѣды моей не знаешь».—11) «За горами за долами за широкими полями не на небѣ на землѣ жилъ старикъ въ одномъ селѣ».—12) «Родимый лѣсной царь насъ хочетъ догнать».—13) «Я видѣлъ здѣсь вотъ въ этой самой кельѣ (въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный) здѣсь видѣлъ я царя».—14) «Медленно проходитъ городомъ дядя-Власъ старикъ сѣдой».—15) «Вы отыскиваете себѣ мѣсто подлѣ опушки оглядываетесь осматриваете пистонъ перемигиваетесь съ товарищемъ».—16) «Мельничиха принесла намъ молока яицъ картофелю хлѣба».—17) «Вдругъ рѣзкій болѣзненный крикъ раздался надъ рѣкою».—18) «Въ полѣ въ рощѣ въ воздухѣ царствовало безмолвіе».—19) «Зимою въ ночь глухую заложилъ я тройку удалую».—20) «Жадно весело конь дышетъ воздухомъ полей».—21) «И мѣсяцъ и звѣзды и тучи толпой внимали той пѣсни святой».—22) «Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда».—23) Луна тихо смотрѣла на безпокойную но покорную стихію».—24) «И пращъ и стрѣла и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы».—25) «Надѣлала синица славы а моря не зажгла».—26) «Сквозь волнистые туманы пробирается луна на печальныя поляны льетъ печальный свѣтъ она».—27) «Зимою солнышко свѣтитъ да мало грѣетъ».—28) «Ты знаешь я (лисица) была въ курятникѣ судьей».—29) «Вошелъ меньшой братъ хозяина мальчикъ лѣтъ семнадцати».—30) «Отпусти ты старче меня въ море».—31) «Правда груба да Богу люба».—32) «Бога ты не боишься разбойникъ».—33) «Ну старуха какой воротникъ я тебѣ привезъ!»—34) «Ну тащися сивка пашней-десятиной».—35) «Степь то-есть безлѣсная равнина окружала насъ со всѣхъ сторонъ».—36) «Скажи мнѣ кудесникъ любимецъ боговъ что сбудется въ жизни

со мною».—37) «Будитъ вѣтеръ буйный будитъ не пробудитъ тихій сонъ могилы».—38) «Лиственный лѣсъ называется чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ».—39) «Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга медленно съѣзжавшую съ крутизны».—40) «При восхожденіи солнца прежде всего заалѣли верхушки деревьевъ».—41) «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ думъ великихъ полнъ и въ даль глядѣлъ».—42) «Однажды Лебедь Ракъ да Щука везти съ поклажей возъ взялись».—43) «Не можетъ волкъ ни охнуть ни вздохнуть».—44) «Смерчи или водяные холмы разбиваются ядрами съ кораблей».—45) «Базаръ кипѣлъ народомъ потому что было воскресенье».—49) «Ахъ братцы какъ я былъ доволенъ когда церквей и колоколенъ садовъ чертоговъ полукругъ открылся предо мною вдругъ».—47) «Имя ерша очевидно происходитъ отъ его наружности».—48) «Всякая птичка даже воробей привлекала мое вниманіе».—49) «Изъ лѣсного оврага на днѣ котораго лихо журча бѣжалъ маленькій родничокъ неслось воркованье дикихъ голубей или горлинокъ; слышался также кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги».—50) «Уроди мнѣ Боже хлѣбъ мое богатство».—51) «Всякое дуновеніе вѣтерка проникаетъ кажется въ сердце мое и развиваетъ въ немъ чувство радости».—52) «Коробочка говоритъ Чичикову: «Если случится муки брать ржаной или гречневой или крупъ или скотины битой такъ ужъ пожалуйста не обидь меня».—53) «Какъ черный пологъ ночь виситъ и даль пространная чернѣетъ».—54) «Лишь только соловей бывало запоетъ сынъ маленькій отцу проходу не даетъ».—55) «По синимъ волнамъ океана лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ корабль одинокій несется».—56) «По нивѣ прохожу я узкой межой поросшей кашкою и цѣпкой лебедой».—57) «Мартышка въ зеркалѣ увидя образъ свой тихохонько медвѣдя толкъ ногой».—58) «Въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма мно-

го почтенныхъ людей которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ чтобы не поговорить со слугою а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ».—59) «Сбереги намъ Боже ниву трудовую».—60) «Съ тѣхъ поръ какъ вѣчный Судія мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка въ очахъ людей читаю я страницы злобы и порока».—61) «Ужъ подлинно что тамъ (въ кунсткамерѣ) чудесъ палата».—62) «Духовной жаждою томимъ въ пустынѣ мрачной я влачился и шестикрылый серафимъ на перепутьи мнѣ явился».—63) «Врите врите бѣсенята» заворчалъ на нихъ (дѣтей) отецъ».—64) «И тихъ и чистъ и ясенъ сводъ небесъ».—65) «Молодость счастлива тѣмъ что у нея есть будущее».—66) «Громъ блескъ стукъ конскихъ копытъ – раздавались со всѣхъ сторонъ».—67) «Коренастъ крѣпокъ высокъ и могучъ бываетъ многолѣтній дубъ».—68) «У неизвѣстнаго человѣка былъ въ рукахъ старый истертый дырявый бумажникъ».—69) «Въ гармоніи соперникъ мой былъ шумъ лѣсовъ или вихорь буйный или иволги напѣвъ живой или ночью моря шумъ глухой иль шопотъ рѣчки тихоструйной».—70) «Въ прекрасный лѣтній день бросая по долинѣ тѣнь листы на деревѣ съ зефирами шептали».—71) «Ахъ кабы на цвѣты да не морозы и зимой бы цвѣты расцвѣтали».—72) «Городъ чудный городъ древній ты вмѣстилъ въ свои концы и посады и деревни и палаты и дворцы».—73) «Въ лѣсу ночной порой и дикій звѣрь и лютый человѣкъ и лѣшій бродитъ».—74) «Долго ль мнѣ гулять по свѣту то въ коляскѣ то верхомъ то въ кибиткѣ то въ каретѣ то въ телѣгѣ то пѣшкомъ?»—75) «Какъ аукнется такъ и откликнется».—76) «Погибъ аки (какъ) шведъ подъ Полтавой».—77) «Чурбанъ она (обезьяна) то понесетъ то такъ то сякъ его обхватитъ то поволочитъ то покатитъ».—78) «Какъ поживешь такъ и прослывешь».—79) «Я слышалъ топотъ дальній трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ». 80) «Гдѣ можно насъ гусей несчаст-

нѣе найти?»—81) «Страшно страшно поневолѣ средь невѣдомыхъ равнинъ».—82) «И тамъ и сямъ виднѣлись деревеньки».—83) «Ни жизнь ни власть меня (Б. Годунова) не веселятъ».—84) «Приходитъ наконецъ ему (волку) расчесться за овецъ».—85) «Бирюкъ по словамъ окрестныхъ мужиковъ честно исполнялъ свои обязанности».—86) «Олегъ князь русскій умеръ по народному преданію отъ укушенія змѣи».—87) «Бабушка и тетушка съ восклицаніями и какъ мнѣ показалось со слезами обнимались съ моимъ отцомъ и матерью».—88) «Завтра можетъ-быть и я буду тамъ откуда никто не приходитъ».—89) «Въ тысяча восемьсотъ пятомъ году какъ извѣстно былъ учрежденъ уставъ Казанскаго университета».—90) «Казалось плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ».—91) «Разумѣется свѣтъ не безъ добрыхъ людей».—92) «Можетъ-быть на мой закатъ печальный блеснетъ любовь улыбкою прощальной».—93) «Ромулъ и Ремъ какъ говоритъ преданіе построили Римъ».—94) «По улицамъ слона водили какъ видно на показъ».—95) «Я всякому ты знаешь радъ». 96) «Мы вѣрно ужъ поладимъ коль рядомъ сядемъ».—97) «Принесло вѣтромъ грозную тучу и раскаленная жгучими лучами солнца земля напилась влаги небесной».—98) «По платью встрѣчаютъ по уму провожаютъ».—99) «Жизнь наша что море кипитъ и волнуется».—100) «Ты вставай вставай добрый молодецъ! отвезу тебя къ отцу къ матери къ малымъ дѣтушкамъ-голубятушкамъ».—101) «Пришла суровая матушка-зима съ своими трескучими морозами снѣжная съ мятелями и вьюгами которыя иногда причиняютъ большія бѣды и людямъ и домашнимъ животнымъ».—

Б.

Употребленіе точки съ запятой *).

1.

На этомъ урокѣ я постараюсь выяснить вамъ случаи употребленія точки съ запятой, но прежде вспомнимъ, повторимъ съ вами то, что вамъ уже извѣстно о знакахъ препинанія.

Не можете ли вы, М., сказать мнѣ, какое вообще значеніе имѣютъ знаки препинанія.

— Знаки препинанія употребляются для того, чтобы отдѣлять слова или предложенія другъ отъ друга, указывать на близкую или отдаленную связь между ними. Это облегчаетъ читателю понимать написанное или напечатанное и способствуетъ болѣе ясному усвоенію прочитаннаго.—

Скажите, П., какіе знаки препинанія вамъ извѣстны.

— Точка и запятая.—

Для чего ставится запятая?

— Запятая между частями предложенія и предложеніями ставится для того, чтобы показать близкую связь между ними, чтобы дѣлать на мѣстѣ, занимаемомъ запятою, самую малую остановку голоса, но безъ пониженія его.—

А точка?

— Точка ставится между предложеніями, чтобы показать, что предложенія эти вполнѣ самостоятельны, пе-

*) Матеріалъ для пробнаго урока по русскому языку на тему: А) «Употребленіе точки съ запятой», даннаго въ III классѣ ...ской женской гимназіи ученицами VIII класса С-ой и Р-ской.

редаютъ отдѣльныя, самостоятельныя мысли; чтобы при чтеніи дѣлать паузу тамъ, гдѣ стоитъ этотъ знакъ, и понижать голосъ.—

Теперь посмотримъ, въ какихъ же случаяхъ употребляется точка съ запятой. Запишите въ тетрадяхъ вашихъ такой примѣръ: «**Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой и въ даль укатился,** *жестокою бурей гонимый;* **засохъ и увялъ отъ холода, зноя и горя, и вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря».**

Скажите мнѣ, Н., какое предложеніе мы написали?

— Мы написали слитное предложеніе.—

Почему вы назвали его слитнымъ?

— Потому что въ немъ нѣсколько однородныхъ членовъ предложенія.—

Какихъ?

— Сказуемыхъ, а именно: «**оторвался, укатился, засохъ и увялъ, и докатился**»...

— Есть ли при этихъ сказуемыхъ какія-нибудь пояснительныя предложенія?

— Есть.—

А именно?

— Первое сказуемое пояснено придаточнымъ предложеніемъ: «*жестокою бурей гонимый*».—

А второе, третье и четвертое?

— Второе и третье—пояснены словами: «отъ холода, зноя и горя»: а четвертое—«наконецъ... до Чернаго моря».—

Какимъ знакомъ препинанія отдѣлено придаточное предложеніе отъ своего главнаго?

— Запятой.—

А чѣмъ отдѣлены другъ отъ друга первое и второе сказуемыя?

— Точкой съ запятой.—

Есть ли знакъ препинанія между словами, поясняющими второе и третье сказуемыя?

— Есть: запятая поставлена между словами: «отъ холода, зноя...»

Значитъ, когда же надо ставить точку съ запятой въ слитномъ предложеніи?

— Точку съ запятой въ слитномъ предложеніи надо ставить между однородными членами его въ томъ случаѣ, когда эти члены имѣютъ при себѣ пояснительныя слова или придаточныя предложенія, отдѣленныя отъ нихъ знакомъ препинанія.—

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и придумываютъ примѣры.

Возьмемъ еще слитное предложеніе. Запишите его: **«Осажденные съ каждымъ днемъ слабѣли,** *изнемогая душою и тѣломъ*; **терпѣли ненастье, иногда и голодъ;** *не смѣя винить короля,* **винили воеводу Замойскаго».**

Какое это предложеніе?

— Слитное: въ немъ три сказуемыхъ. —

Назовите ихъ.

— **«Слабѣли», «терпѣли»,** и **«винили».**

Имѣютъ ли при себѣ эти сказуемыя пояснительныя слова или придаточныя предложенія?

— Первое сказуемое имѣетъ придаточное предложеніе, второе—пояснительныя слова, третье—придаточное предложеніе.—

Какіе же знаки препинанія вы поставите въ этомъ слитномъ предложеніи?

— Между сказуемыми этого предложенія надо поставить точку съ запятой, потому что они имѣютъ при себѣ или придаточныя предложенія, или пояснительныя слова, отдѣленныя запятою.—

Повторите правило, на основаніи котораго вы такъ разставили знаки препинанія

Ученица повторяетъ это правило, а другія—говорятъ примѣры на него.

2.

Теперь напишите еще примѣръ:

«**Между колесами телѣгъ,** *полузавѣшанныхъ коврами,* **горитъ огонь; семья кругомъ готовитъ ужинъ**».

Сколько въ этомъ примѣрѣ предложеній?

— Три предложенія.—

Какія?

— Два главныхъ и одно придаточное.—

Назовите главныя предложенія.

— «**Между колесами телѣгъ горитъ огонь**» — первое главное; «**семья кругомъ готовитъ ужинъ**» — второе.—

Прочтите придаточное.

— ...«*полузавѣшанныхъ коврами*» — придаточное предложеніе.—

Къ какому главному относится это придаточное?

— Къ первому.—

Должно ли отдѣлить его знакомъ препинанія?

— Да, это придаточное должно отдѣлить отъ своего главнаго запятой, потому что это—сокращенное придаточное опредѣлительное предложеніе, и стоитъ оно послѣ своего опредѣляемаго.—

Не можете ли вы сказать, какую общую мысль выясняютъ эти три предложенія.

— Они выясняютъ картину вечера въ цыганскомъ таборѣ.—

Замѣтьте же: **точка съ запятою ставится между равносильными главными предложеніями, когда внутри ихъ есть знаки препинанія.**

Когда же еще употребляется точка съ запятой?

Ученицы повторяютъ выясненный случай и приводятъ примѣры на это правило.

3.

Запишемъ еще примѣръ и разберемъ его.

«Погода прекрасная: кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракиты блестятъ, *словно вымытые;* **широкая ровная дорога вся покрыта мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь».**

Сколько всего мы написали предложеній?

— Шесть предложеній, изъ которыхъ 5 главныхъ и одно придаточное.—

Прочтите главныя предложенія. Ученица читаетъ.

Прочтите придаточное.

— ...*«словно вымытые»*...—

Къ какому главному оно относится?

— Къ третьему главному.—

Какую мысль выясняютъ всѣ эти предложенія?

— Они рисуютъ картину майскаго дня въ полѣ.—

Теперь обратите вниманіе на подлежащія этихъ предложеній: назовите ихъ!

— **«Погода», «небо», «листья», «дорога», «рожь».**—

Можно ли всѣ эти подлежащія замѣнить однимъ какимъ-нибудь словомъ?

— Нѣтъ, нельзя.

Да, нельзя: эти подлежащія, какъ вы знаете, предметы не одного ряда.

— Запомните же еще правило употребленія точки съ запятой: **точка съ запятой ставится между главными предложеніями, когда подлежащія въ нихъ предметы не одного ряда.**

Ученицы повторяютъ сказанное и придумываютъ примѣры.

4.

Напишемъ и разберемъ новый примѣръ: «**Онъ (Ленскій) вѣрилъ,** *что душа родная*», *близкая его сердцу*, «*соединиться съ нимъ должна; что*, *безотрадно изнывая*, *повседневно ждетъ она*». Д., скажите, сколько въ даномъ примѣрѣ предложеній.

— Пять предложеній: одно главное и четыре придаточныхъ —

По какому способу сочетанія предложеній соединены они?

— По способу подчиненія.—

Прочтите главное предложеніе.

— «Онъ вѣрилъ». —

— Прочтите придаточныя.

— «...*что душа родная соединиться съ нимъ должна*»—первое; «*что повседневно ждетъ она*»—второе; *близкая его сердцу*—третье; «*безотрадно изнывая*»—четвертое. Первыя два предложенія подчинены главному, третье—первому придаточному, четвертое—второму придаточному.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ первыя два придаточныя предложенія?

— На вопросъ—во «что?—

Слѣдовательно, эти предложенія какія?

— Дополнительныя однородныя, потому что они отвѣчаютъ на одинъ вопросъ: вѣрилъ во что?—

— Отдѣлены ли второе и четвертое придаточныя предложенія отъ частей дополнительныхъ предложеній знакомъ препинанія?

— Да, отдѣлены запятой.—

Запомните же слѣдующее правило: **между однородными придаточными предложеніями, относящимися къ одному главному, ставится точка съ запятой, если при нихъ есть придаточ-**

ныя предложенія, отдѣленныя отъ нихъ знаками препинанія.

Итакъ, въ какомъ же еще случаѣ употребляется точка съ запятой? Ученицы повторяютъ правило и приводятъ на него свои примѣры.

5.

Напишите еще слѣдующій примѣръ: «**Путешественники говорятъ**, *что Днѣпръ изобилуетъ рыбою; что вода его отмѣнно чиста, здорова и пріятна для вкуса.*

Сколько мы написали предложеній?

— Три предложенія: одно главное и два придаточныхъ.—

Прочтите главное.

— «Путешественники говорятъ».—

Прочтите придаточныя предложенія.

— «...*что Днѣпръ изобилуетъ рыбою*»—это первое придаточное; «*что вода его отмѣнно чиста, здорова и пріятна для вкуса*» —второе придаточное.—

На какой вопросъ отвѣчаютъ оба эти придаточныя?

— На вопросъ—что?—

Слѣдовательно, какія они?

— Однородныя дополнительныя.—

Назовите подлежащее перваго придаточнаго предложенія.

— «*Днѣпръ*».—

А второго придаточнаго?

— ...«*вода*».—

Оба эти подлежащія—предметы одного ряда или нѣтъ?

— Нѣтъ, не одного ряда.—

Запомните теперь новое правило употребленія точки съ запятой между однородными придаточными предложеніями: **точка съ запятой ставится еще**

между однородными придаточными предложеніями (относящимися къ одному главному) въ томъ случаѣ, когда подлежащія въ нихъ предметы не одного ряда.

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и подтверждаютъ примѣрами.

Теперь скажите мнѣ, въ какихъ же случаяхъ ставится точка съ запятой между однородными придаточными предложеніями?

— **Точка съ запятой ставится между однородкыми придаточными предложеніями, во-первыхъ, тогда, когда внутри этихъ придаточныхъ предложеній есть знаки препинанія; во-вторыхъ, тогда, когда въ однородныхъ придаточныхъ предложеніяхъ подлежащія предметы не одного ряда.**

Когда еще примѣняются эти правила?

-- Они примѣняются при отдѣленіи главныхъ предложеній другъ отъ друга.—

6.

Пишите еще примѣръ: «**Пѣсни умолкли;** *какъ очарованное,* **дремлетъ на возвышеніи село**».

Скажите, П., сколько предложеній въ этомъ примѣрѣ.

— Три предложенія; изъ нихъ два главныхъ и одно придаточное.—

Прочтите первое главное.

— «Пѣсни умолкли».

А второе главное?

— ...«дремлетъ на возвышеніи село».—

Прочтите придаточное предложеніе.

— ...*какъ очарованное*»...

Къ какому главному относится это придаточное?

— Ко второму главному: «дремлетъ на возвышеніи село».—

— Запомните же правило: **придаточное отъ главнаго, къ которому оно не относится, отдѣляется точкой съ запятой.**

Повторите еще разъ это правило. Ученицы повторяютъ и приводятъ на примѣненіе его свои примѣры.

7.

Разберемъ еще примѣръ. Пишите его.

«**И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо,** *превращая все въ неопредѣленность и даль; хотя вечернія сумерки и спустились*, **а пѣсни все не утихали**». Сколько предложеній въ этомъ примѣрѣ?

— Четыре предложенія: два главныхъ и два придаточныхъ.—

Прочтите, Б., первое главное.

—«**И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо**»...

Прочтите второе главное.

— ...«**а пѣсни всё не утихали**».—

Прочтите первое придаточное.

— ...«*превращая всё въ неопредѣленность и даль*».—

Къ какому главному относится это придаточное?

— Къ первому главному.—

Теперь прочтите второе придаточное предложеніе.

— ...«*хотя вечернія сумерки и спустились*».—

Къ какому главному оно относится?

— Ко второму главному: «**а пѣсни всё не утихали**».

Запомните же послѣднее правило: **между придаточными, относящимися къ разнымъ главнымъ, ставится тоже точка съ запятой.**

Повторите это правило. Ученицы повторяютъ и это правило.

Дѣти, какіе знаки препинанія вы поставите, если бы вамъ дано было такое предложеніе: «**вечерѣло** *когда мы въѣхали въ луга покрытые изумрудною зеленью* **надъ ними вслѣдствіе близости рѣки разстилался густой туманъ**». З., скажите вы.

Послѣ «**вечерѣло**» поставила бы запятую, потому что дальше идетъ придаточное предложеніе, относящееся къ сказуемому «**вечерѣло**»; послѣ придаточнаго—запятую, потому что за нимъ слѣдуетъ также придаточное, относящееся къ слову «**луга**», и предъ вторымъ главнымъ—точку съ запятой, потому что придаточное къ этому главному не относится.—

Такъ. А если бы придаточныя относились ко второму главному предложенію?

— Тогда послѣ перваго главнаго надо ставить точку съ запятой, чтобы показать, что придаточныя предложенія къ нему не относятся; а придаточныя другъ отъ друга надо отдѣлить запятой и второе придаточное отъ второго главнаго—также запятой.

Теперь скажите мнѣ, дѣти, какую мы дѣлаемъ паузу при чтеніи, когда встрѣчаемъ точку съ запятой.

— Пауза эта больше, чѣмъ обозначаемая запятой, и меньше, чѣмъ обозначаемая точкой.—

Да. А понижаемъ ли мы голосъ предъ этимъ знакомъ?

—Нѣтъ.—

Да, не понижаемъ. Въ этомъ сходство этого знака съ запятой, а разница какая?

— Разница въ паузѣ, времени остановки голоса.—

Дѣти, почему же въ однихъ случаяхъ между главными, а также главными съ придаточными мы ставимъ точку, въ другихъ—точку съ запятой? М., скажите вы.

— Если между предложеніями главными ставится

точка съ запятой, то это значитъ, что между ними естъ связь.—

Да. Но какая связь? грамматическая или связь по мысли, проводимой въ главныхъ предложеніяхъ?

— Связь по мысли.—

Да, дѣти, связь эта бываетъ по мысли, или, какъ говорятъ, логическая, когда главными предложеніями мы описываемъ картину природы, напримѣръ: наступленіе весны, зимнюю вьюгу и др., или когда разсказываемъ о случаѣ, событіи изъ жизни человѣка,—изображаемъ характеръ человѣка, указываемъ типичныя (отличительныя) черты общества, цѣлаго народа и т. п.

Дѣти повторяютъ сказанное и поясняютъ съ помощью учительницы примѣрами, которые они придумываютъ.

Мы разучили правила употребленія точки съ запятой.

Эти правила ученицы мнѣ ещё повторяютъ и приводятъ примѣры.

Ученицы говорятъ громко, глядя на записанные ими примѣры: имъ легче воспроизводить въ памяти правила въ томъ порядкѣ, въ которомъ велось ихъ объясненіе. При помощи примѣровъ ученицы должны связно воспроизвести всѣ правила на употребленіе точки съ запятой. Чтобы лучше усвоить объясненное, дѣти придумываютъ свои примѣры и правила повторяютъ нѣсколько разъ. Если кто-нибудь изъ нихъ затруднится въ точности и правильности ихъ изложенія, то учительница придетъ къ нимъ на помощь; если же ученицы будутъ затрудняться, какъ правильно выразить свою мысль, при помощи наводящихъ вопросовъ имъ будетъ оказана помощь въ подборѣ подходящихъ словъ и выраженій. Какъ и въ другихъ случаяхъ, разучиваніе въ классѣ даннаго матеріала, повтореніе его — лучше зубренія учебника («Повтореніе—мать знаній»).

Задачи для сознательнаго усвоенія учащимися правилъ употребленія точки съ запятой.

1.

а) Списать №№ 1—10 и объяснить, по какимъ правиламъ въ нихъ поставлена точка съ запятой. б) Списать №№ 11 —21 съ тою же цѣлью.

1) «Здѣсь, подъ окномъ, непремѣнно коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ повыше вытягиваетъ заря свой сочный стебель; еще выше богородицыны слезки выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, налѣво отъ усадьбы, лоснится рожь, и овесъ ужъ пошелъ въ трубочку, и красиво ширится каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стебелькѣ».—2) «Глубина небесъ синѣетъ; свѣтитъ яркая луна; церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ; на погостѣ тишина».—3) «Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала; свѣтлѣютъ небеса; межъ черныхъ тучъ привѣтно засіяла лазури полоса».—4) «Дождь усиливался; вѣтеръ бушевалъ вдвое сильнѣе прежняго; рѣка ревѣла; дѣваться намъ было некуда и приходилось, повидимому, долго ждать, пока буря утихнетъ, и можно будетъ переправиться черезъ рѣку».—5) «Московскій Кремль—священное мѣсто для всего русскаго народа: здѣсь жили наши государи, митрополиты и патріархи; здѣсь древнѣйшіе соборы съ мощами святыхъ угодниковъ и чудотворными иконами; здѣсь усыпальница царей и святителей; здѣсь главное мѣсто занимаетъ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются наши государи».—6) «Пусто, глухо въ чистомъ полѣ; листья пожелтѣли; пышный цвѣтъ обили вѣтры; птицы улетѣли; тучи черныя на землю налегли тѣнями; непроглядные туманы говорятъ съ вѣтрами».—7) «Широко стлался зеленый лугъ; медлено и плавно расхаживали на немъ бѣлые, какъ

снѣгъ, гуси; селезни и утки лежали тамъ и сямъ неподвижно».—8) «Въ концѣ марта или началѣ апрѣля солнышко уже сильно грѣетъ, и снѣгъ понемногу начинаетъ таять; но нерѣдко морозы опять усиливаются, и вновь выпадаетъ глубокій снѣгъ».—9) «Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею невдалекѣ находилась крѣпость; вокругъ нея видны были слѣды разореннаго аула».—10) «Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны —11) «Скромныя картины русской ранней весны превосходны: влѣво зеленѣющія озими играютъ на солнцѣ; поднятый къ яровому посѣву тучный черноземъ лежитъ, какъ бархатъ, и грѣется; тихіе ручейки и рѣчки то мелькаютъ въ перелогахъ, какъ волшебныя зеркала въ изумрудныхъ рамкахъ; то вьются, какъ ленты, отражая въ себѣ облака; грунтовыя дороги обсохли, но еще не завалены пылью; ѣзда по нимъ удобна и пріятна».—12) «Спереди нашего дома устроенъ обширный цвѣтникъ съ фонтаномъ; сзади къ нему примыкаетъ дворъ, а за дворомъ разрастается молодой садъ; слѣва отъ дома идетъ обрывъ, откуда открывается прекраснѣйшій видъ на рѣку; а справа, невдалекѣ, стоитъ станція желѣзной дороги».—13) Круглые низкіе холмы, распаханные и засѣянные доверху, вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозняками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду».—14) «Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовонньмъ дыханіемъ травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вда-

лекѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; мелкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникало сквозь рѣдкія деревья, сливали нѣжное свое плесканье съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника».—15) «Жаръ давно свалилъ; прохлада отъ воды умножила прохладу отъ наступающаго вечера; длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ; слышалось въ ней блеяніе и мычаніе стада; опускалось за крутую гору потухающее солнце».—16) «Отсюда ясно было видно, какъ на той сторонѣ рѣки загорѣлось селеніе; какъ по этому берегу бѣжали люди на помощь; какъ, наконецъ, проскакали туда пожарныя команды».—17) «Въ полѣ, въ рощѣ, въ воздухѣ царствовало безмолвіе; ничто не отзывалось жизнью; кузнечикъ пріутихъ, не трещалъ въ травѣ; даже гибкіе длинные стебли чеснока съ ихъ тучною верхушкою стояли неподвижно на закраинѣ дороги».—18) «Вправо отъ дороги неоглядно желтѣли поля, покрытыя шершавымъ жнивомъ; слѣва тянулись крестьянскія гумна, обнесенныя старымъ землянымъ валомъ».—19) «Ласточки исчезаютъ отъ насъ въ концѣ августа; ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму».—20) «Патріархъ... Какого онъ (Гр. Отрепьевъ) роду?—Игуменъ. Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся, невѣдомо гдѣ; жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ; наконецъ, пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что еще младъ и не разуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу, кроткому и смиренному, и былъ онъ весьма грамотенъ: читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога».—21) «Терекъ своенравный крутые роетъ берега; предъ нимъ паритъ орелъ державный; стоитъ олень, склонивъ рога; верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса, въ лугахъ несется конь черкеса».—

2.

По даннымъ схемамъ составить примѣры и поставить знаки препинанія.

Линія ——— обозначаетъ части главнаго предложенія, а ——— главное предложеніе; линія ~~~ означаетъ придаточныя предложенія и пояснительныя слова, отдѣляемыя отъ поясняемыхъ частей предложенія запятой.

1) сказуем. сказуем. сказуем.

Подлеж. подлеж. подлеж. сказ.

дополн. дополн. дополн.

обст. слово обст. слово обст. слово

2) Главн. предложеніе главное предлож.
———, ———, ——— ——— ——(——) ———

3) Подл. Рѣка ——— подл. горы ——— подл. лѣсъ ———

4) ———, что рѣка что горы что лѣсъ

5) ———, который, ~~~, который ( ) который ~~~

6) Глав. предлож. придаточн. главное

прид. 1 степ. 2 степ.

прид. 1 степ. 2 степ.

прид. прид.

7) ——— ~~~ ~~~ ———

3.

Списать примѣры и разставить знаки препинанія *).

1) Утро свѣжестью пахнуло поле зеленью одѣто сквозь волнистые туманы улыбнулось уже лѣто».—2) «Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый лежитъ въ тѣни оставя нивы пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ».—3) «Смерть глядитъ и на царей кому въ державу—тѣсны міры глядитъ на пышныхъ богачей что въ златѣ и сребрѣ кумиры глядитъ на прелесть и красы глядитъ на силы дерзновенны и точитъ лезвее косы».—4) «Семья кругомъ готовитъ ужинъ въ чистомъ полѣ пасутся кони за шатромъ ручной медвѣдь лежитъ на волѣ».—5) «Природа только тогда выходитъ изъ продолжительнаго усыпленія когда снѣгъ растаетъ отъ теплаго вѣтра и яркихъ лучей солнца когда воды съ шумомъ утекутъ въ море образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ».—6) «Не упрекай себя за то что любишь ты поля съ ихъ мирной тишиной и зыбь родной рѣки и дремлющій лѣсокъ что пѣсню любишь ты и молча ей внимая пока звучитъ она лаская и маня позабываешь ты отрадно отдыхая призывъ рабочій дня».—7) «Я уже мысленно ступалъ по тропинкѣ протоптанной черезъ дворъ она вела къ липовой аллеѣ».—8) «Слѣдомъ за льдинами стремился одинокій шестъ торчавшій перпендикулярно изъ воды поглядывая съ любопытствомъ во всѣ стороны на верхнемъ концѣ его преспокойно сидѣла ворона».—9) «Сподвижники Ермака разсказывали любопытнымъ о трудахъ ими перенесенныхъ о вышинѣ Уральскихъ горъ которыхъ хребты скрывались въ облакахъ о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ».—

*) Число примѣровъ для списыванія дается учителемъ по его усмотрѣнію.

10) «Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса надо мной и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя сѣрыя облава ракиты тревожно шевелились и лепетали».—11) «Она разсказала мнѣ что дядя ея умеръ оставивъ завѣщаніе въ ея пользу что похороны были торжественны несмотря на отсутствіе близкой родни».—12) «Наступило время когда отдохнувъ во время долгой зимы поселянинъ снова выѣзжаетъ въ поле когда приладивъ соху въ сошникъ праздно лежавшій столько времени и успѣвшій покрыться ржавчиной пахарь дѣлаетъ чище серебра взрывая согрѣвшуюся солнцемъ землю».—13) «Краснымъ полымемъ заря вспыхнула по лицу земли туманъ стелется разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ подобралъ туманъ выше темя горъ».—14) «Въ Неаполитанскомъ краѣ бываютъ землетрясенія наводненія изверженія Везувія съ горящей лавой и пепломъ здѣсь бываютъ при томъ пожары повальныя болѣзни горячка здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканическій воздухъ заражается и рождаетъ заразу».—15) «Такое маленькое существо какъ человѣкъ садится верхомъ на огромнаго слона стучитъ ему молотомъ въ голову и правитъ имъ какъ овечкой величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку беретъ за рогъ носорога и ведетъ изъ Эѳіопіи въ Версаль».—16) «Частоколъ обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами отпряженный волъ лѣниво лежащій возлѣ него имѣютъ для меня неизъяснимую прелесть».—17) «Направо отъ креселъ стоитъ небольшой кругленькій столикъ закрытый тяжелымъ металлическимъ подносомъ на немъ виднѣется нѣжно голубая чашка украшенная медальёнами съ пастушками крышечка съ такими же медальёнами и прозрачность чашки въ которую бьетъ свѣтъ изъ окна не позволяетъ сомнѣваться въ ея аристократическомъ кровномъ саксонскомъ происхожденіи».—18) Мнимая мать самозванца вызван-

ная боярами изъ келіи торжественно объявила народу что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ что она какъ жена слабая дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи».— 19) «Улицы которыя были длинны широки гладко вымощены дороги большими камнями устланныя для пѣшихъ двери домовъ сдѣланныя изъ краснаго дерева безпрерывный рядъ фонарей поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ красивыя площади гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе документы подъ домами богатыя лавки гдѣ сквозь стеклянныя двери съ улицы видно множество всякаго рода товаровъ рѣдкая чистота опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ образуютъ картину неописанной прелести».— 20) «При спускѣ съ горы намъ представились—лѣсъ одѣтый зеленью деревня которая поражала малочисленностью своихъ хижинъ рѣка обыкновенно среди лѣта становившаяся похожей болѣе на ручей чѣмъ на рѣку».— 21) «Петръ Великій какъ развитой мальчикъ любилъ играть въ военныя игры окружилъ себя бойкими ловкими смышлеными людьми изъ дѣтей придворныхъ и конюховъ составилъ себѣ потѣшное войско изъ котораго вышло потомъ настоящее образцовое войско».— 22) «Я вспоминаю и какъ сейчасъ вижу предъ собою низенькую комнату озаренную свѣчой въ старинномъ подсвѣчникѣ ужинъ уже поставленный на столѣ майскую ночь глядящую изъ сада сквозь растворенное окно соловья который обдаетъ садъ домъ и дальнюю рѣку своими раскатами и шорохомъ вѣтвей».—23) «Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью что казался одушевленнымъ снѣгъ засыпалъ меня и Савельича лошади шли шагомъ и скоро стали».—24) «Человѣкъ долженъ быть счастливъ тѣмъ что онъ имѣетъ способность любить поля съ ихъ мирной тишиною зыбь нивы спѣющей и дремлющій лѣсокъ что пѣсню можетъ

онъ любитъ и гладь рѣки широкой и отраженія ея красивыхъ береговъ».—25) «Долго впослѣдствіи разсказывали голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ какъ видѣли они царя (Петра В.) работавшаго на верфи какъ утомленный трудомъ отирая потъ со своего чела садился онъ на отрубокъ дерева какъ опустивъ топоръ между ногъ дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами».—26) «Пушкинъ тщательно отдѣлывалъ со стороны слога свои произведенія которыя предназначалъ къ печати нѣсколько разъ читалъ ихъ вслухъ чтобы слышать созвучіе стиховъ заботился о точности ясности сжатости языка безъ чего произведенія не считалъ изящными, совершенными».—27) «Немногимъ можетъ--быть извѣстно что духъ его (Мазепы) не укротимъ что радъ и честно и безчестно вредить онъ недругамъ своимъ что ни единой онъ обиды съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ«.—28) «Путешественники говорятъ что Прикаспійскія степи покрыты роскошными пастбищами на которыхъ пасутся стада рогатаго скота что длина ихъ простирается до тысячи верстъ а ширина до трехсотъ».—29) «Стала расти и показываться изъ-за деревьевъ широкая туча давно лежащая свинцовой пеленой на горизонтѣ все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ».—30) «Вправо отъ дороги необозримо желтѣютъ поля покрытыя шершавымъ жнивомъ влѣво тянутся крестьянскія избы».—31) «Купечество менѣе стѣсняемое въ торговлѣ войско въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами приказные люди знаками милости отличаемые за ревностную службу могли быть довольны Борисомъ» (Годуновымъ).—32) «Филиппъ очистилъ лѣса проложилъ дороги осушилъ болота каналами завелъ оленей рогатый скотъ рыбныя ловли соляныя варницы украсилъ сколько могъ пустыню».—33) «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной тихія долины полны свѣжей мглой не пылитъ дорога

не дрожатъ листы».—34) «Горизонтъ замыкался только небомъ и слѣва опушками рощъ которыя спускались въ долину облака на дальнемъ горизонтѣ выходили какъ будто изъ земли».—35) «Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей досыта до отвала наѣвшись выспалась подъ нимъ потомъ глаза продравши встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала».—36) «Современники Сперанскаго помнятъ еще какою возвышенностью отличались его бесѣды съ какою живостью излагалъ онъ предметы самые отвлеченные какую логику и убѣдительность имѣли его доводы какая наконецъ точность и поэзія были въ его выраженіяхъ».—37) «Въ воскресные и праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи (обломовцы): тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ». 38) «Старуха не умѣла никогда различать двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой крестьяне коимъ всѣмъ она была кума ея вовсе не боялись ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ плутуя заодно что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ но и тутъ крестьяне пользуясь его слабостью на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу».—39) «Все его (Сильвіо) добро было уложено оставались однѣ голыя простреленныя стѣны. Мы сѣли за столъ хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ и скоро веселость его сдѣлалась общею пробки хлопали поминнутно стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага».—40) «Маленькая горенка съ маленькими окнами не отворявшимися ни въ зиму ни въ лѣто отецъ больной человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ надѣтыхъ на босую ногу безпрестанно вздыхавшій ходя по комнатѣ и плевавшій

въ песочницу вѣчное сидѣнье на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ съ чернилами на пальцахъ и даже на губахъ вѣчная пропись предъ глазами: «Не лги послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ» вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ знакомый но всегда суровый голосъ· «Опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время когда ребенокъ наскуча однообразіемъ труда придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ и вѣчно знакомое всегда непріятное чувство когда вслѣдъ за сими словами краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ,—вотъ бѣдная картина первоначальнаго его (Чичикова) дѣтства».—41) «На сорокѣ (лошади) тянулись они (Чичиковъ съ отцомъ) полтора дня слишкомъ на дорогѣ ночевали переправлялись черезъ рѣку закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму которою начинался узкій переулокъ весь стремившійся внизъ и запруженный грязью долго она работала тамъ всѣми силами и мѣсила ногами подстрекаемая и горбункомъ (кучеромъ) и самимъ бариномъ и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ стоявшій на косогорѣ съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ... Тутъ жила родственница ихъ дряблая старушонка».—42) «Псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ забросивши вверхъ голову выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ какъ будто за это получалъ Богъ знаетъ какое жалованье другой отхватывалъ наскоро какъ понамарь промежъ нихъ звенѣлъ какъ почтовый звонокъ неугомонный дискантъ вѣроятно молодого щенка и все это наконецъ повершалъ басъ можетъ-быть старикъ надѣленный дюжею собачьей натурой потому что хрипѣлъ какъ хри-

питъ пѣвческій контрабасъ когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести ноту и все что ни есть порывается кверху закидывая голову а онъ одинъ засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ присѣвъ и опустившись почти до земли пропускаетъ оттуда свою ноту отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла».—43) Все оживаетъ съ весной): въ самой тонкой вѣткѣ въ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ хлынувшій изъ корня насѣкомыя роями жужжатъ въ неподвижномъ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени солнце вездѣ и всюду: оно насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго почернѣвшаго снѣга оно жаркими лучами обливаетъ поля гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье».

4.

Составить примѣры на данныя темы, напр., такія:

1) Утро. 2) Вечеръ. 3) Ясный лѣтній день. 4) Морозная лунная зимняя ночь. 5) Начало весны (или лѣта, осени, зимы). 6) Степь. 7) Буранъ. 8) Зимняя вьюга. 9) Ливень. 10) Гроза. 11) Послѣ грозы. 12) Ледоходъ... или—самостоятельно выбранныя самими учащимися.

С. Прядкинъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Безбóжно, нарѣч.

Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій сократилъ время моего заточенья. **Безбожно** молодаго человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова. Но дѣлать... но дѣлать нечего! *Пис. Вяз. 16 г.*

Безви́нность, и, ж.

Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей **безвинности**. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ. *Пис. Жук. 26 г.*

Безви́нный, ая, ое.

Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и **безвинныхъ**. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. *Кап. д., XIII.*

Безви́нно, нарѣч.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ **безвинно** оклеветанъ. *О Мильтонѣ.*

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г., I, IV—V 1903 г., I и II 1904 г.

Безво́дица, ы, ж.

Мы лишились множества людей отъ **безводицы**. *Зап. Моро-де Бр.*

Безвре́дный, ая, ое.

Безвре́денъ,—дно. Мы тронулись и къ восьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ, какъ на лодони. Турки открыли **безвредный** огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. *Пут. въ Арзр., IV.* **Безвредное** злорѣчіе. *Мысли на д., II.* Добродушіе смѣшное, но **безвредное!** *Баратынск.* Тяжелое время, тяжелый годъ! По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ **безвреденъ** и недостижимъ. *Пис Плетн. 31 г* (Горячки) лечатъ меркуріемъ, котораго употребленіе **безвредно**, по причинѣ жаровъ. *Пут. въ Арзр., II.*

Безвре́менный, ая, ое.

Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей **безвременной** могилѣ... *Дельвигъ.*

Безвѣріе, ія, ср.

Ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже и въ тѣхъ, въ коихъ... не видно ни направленія къ **безвѣрію**, ни кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ въ настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ произведеніе жалкое и постыдное... *Пис. Бенк. окт. 28 г* Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ **безвѣріи**. *Пис. Жук. 26 г.*

Безвѣ́стный, ая, ое.

Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ **безвѣстную**... я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Прости. *Пис. брату 20 г.* Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противъ простого казака, четыре года тому назадъ **безвѣстно** служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству. *Ист. пуг. б. VIII.*

Безгра́мотный, ая, ое.

Но грамота не есть естественная способность, дарован-

ная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ **безграмотный** не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. *Мысли на д., X.* Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой **безграмотный** мужикъ нашъ долго не разберетъ. *Изъ дневн.* Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ **безграмотный**, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать“.. *Жел. маска.* Доказательство тому: царствованіе **безграмотной** Екатерины I й. *Историч. замѣч., примѣч.* Однако жъ, сказала она со вздохомъ: хоть барышня можетъ и смѣшна, все же я передъ нею дура **безграмотная**. *Бар.-кр.* См. еще *Ист. пуг. б., Ш*; *О зап. Самсона.*

Безгрѣ́шенъ, шна, о.

Намѣреніе въ нихъ (стихахъ „кинжалъ“) **безгрѣшно**. *Пис. Жук. 25 г.*

Бездáрность, и, ж.

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его **бездарностью**. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ, Державинъ. *О русск. лит., 3.*

Бездáрный, ая, ое.

Бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русскою словесностью... *О русск лит., 3.* Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой **бездарныхъ** или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. *О русск. лит., 3.*

Бездéнежный, ая, ое.

Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и **безденежную** раздачу соли. *Ист. пуг б., VШ.*

Бéздна, ы, ж

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ

этою **бездной** поэмъ, романсовъ ироическихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. *О русск. лит., 3.* Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколькихъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для **бездны** мыслей, чувствъ и картинъ. *Мелочи.*

Бездóнный, ая, ое.

То казалось ей. что... (отецъ) тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, **бездонное** подземелье. *Метель.* Дороги были непроходимы, люди вязли въ **бездонной** грязи... *Ист. пуг. б., VI.*

Бездýшный, ая, ое.

Кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—**бездушный**, холодный, надутый, скучный пустомеля. *Пис. Кюхельб. 25 г.*

Бездѣ́йствіе, ія, ср.

И могъ ли Барклай де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ-ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и встать въ **бездѣйствіи** на равнинахъ Тарутинскихъ? *Объясн. къ стих. „Полков."* Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или **бездѣйствіемъ** начальники мятежа, и Польша погибла. *Изъ зап. кн.* 1) Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое **бездѣйствіе**. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. *Проектъ изд ж.* Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его **бездѣйствіе**, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? *Пис. Гнѣд. (черн.)* Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода; я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе

вотчиной. Я успокоился; но скоро скука **бездѣйствія** стала меня мучить. *Ист. с. Гор.* См. еще *Пут. въ Арзр., I; Кап. д., V, XIII; Пис. Бенк. 28 г., ему же 31 г. (черн); Ист. с. Гор.* Одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ **бездѣйствіи**, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты. *Объясн. къ стих. „Полков“.* Совершенное **бездѣйствіе**. *Ист. анекд., XVIII.*

Бездѣлица, ы, ж.

— Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.

— За что такъ?

— За сущую **бездѣлицу**: за пѣсенку, Василиса Егоровна. *Кап. д., IV.* Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не **бездѣлица** въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторацін. *Пут. въ Арзр., I.* Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожь прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы **бездѣлицу**. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. *Пис. Соболь. 26 г.* Далѣе Мильтонъ увѣрялъ, что править государствомъ—**бездѣлица**. *О Мильтонѣ.* Бертольдъ: Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ **бездѣлицы**; теперь уже я все разсчиталъ: опытъ мой не можетъ не удасться. *Сц. изъ рыц. вр., I.* См. еще *Кап. д., III; Росл.; Журн. ст., О Мильтонѣ. Изъ дневн.; Пис. брату 24 г. апр., Пис. Вяз. 30 г.*

Бездѣлка, и, ж.

Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, бо́льшей частью устремились на блестящія **бездѣлки**, когда талантъ чуждается труда... *О выходѣ Иліады.*

Бездѣльникъ, а, м.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ ему: знаешь ли, **бездѣльникъ**, чего ты достоинъ? *Кап. д., XII.*

Не будучи отъ природы жестока, она (Екат. II) для такого **бездѣльника**, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не

намѣрена; однако, совѣтуетъ впредь быть осторожнѣе. *Ист. анекд., III.* Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣстъ поди, отдохни. *Кап. д., X.* См. еще *Кап. д., X.*

Бездѣ́тный, ая, ое;

Бездѣтенъ, тна, о. Царь умираетъ **бездѣтенъ.** *Набр. ск. о Салт. 22 г.*

Безжа́лостный, ая, ое.

Судьба бѣдняковъ, которыми торговалъ **безжалостный** помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась. *Мысли на д., V*

Беззабо́тный, ая, ое.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и **беззаботной** жизни. *Выстр., II;* Куда дѣвалась эта шумная, праздная, **беззаботная** жизнь? *Мысли на д., II.* Разсказъ Моро де Бразе о походѣ 1711 года... Отличается умомъ и веселостью **беззаботнаго** бродяги... *Зап. Моро де-Бр.*

Беззако́ніе, ія, ср.

И дерзнулъ (Григ.)... возмущать святую братію всякими соблазнами и **беззаконіями.** *Бор. Г., сц. 8.*

Беззако́нникъ, а, м.

Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого нибудь другого **беззаконника.** *Пис. Вяз. 25 г.*

Беззако́нный, ая, ое.

Сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною **беззаконными** старцами. *Прим. къ Полт.*

Беззащи́тный, ая, ое.

Беззащи́тенъ, тна, тно. За то (черкесы) никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на **беззащитнаго.** *Пут. въ Арзр., I.* Состояніе бѣдной, **беззащитной** сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашили меня. *Кап. д., IX.* А край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти **беззащитенъ.** *Ист. пуг. б., VI.*

Беззу́бый, ая, ое.

Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы!— а каковъ Сашка рыжій? *Пис. женѣ окт. 33 г.*

Безконе́чность, и, ж.

Иногда онъ (Иконниковъ) учтивъ до **безконечности**, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда. *Изъ лицейск. зап.* Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до **безконечности**. *Объ обязан челов.*

Безконечный, ая, ое.

Она принесла самоваръ и за чашкою чая только-было принялась за **безконечные** разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову. *Кап. д., IV.* Странное дѣло! въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отмстить, оказывая ей равнодушіе: онъ позвалъ Лизавету Ивановну и танцовалъ съ нею **безконечную** мазурку. *Пик. д., IV.* **Безконечно—разнообразный**. Өаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина и симъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анөимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ онаго **безконечно-разнообразные** эффекты! *Торж. дружбы.*

Безко́рмица, ы, ж.

Во время его отсутствія Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го ночью войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя **безкормицей**, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. *Ист пуг. б., IV.*

Безкоры́стіе, ія, ср.

Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ **безкорыстія** автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. *Крит. зам.* Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненіи, все еще нераспро-

данныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Пис. И. Дмитр., 35 г.*

Безкоры́стный, ая, ое.

Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и **безкорыстнымъ** уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? *Крит. зам.* Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было **безкорыстной** любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ! *О русск. лит.* Тоже см. *Радищ.; Пис. Жук. 25 г.* Все благородное, **безкорыстное,** все возвышающее душу... *Дун. Тен.* **Безкорыстное** вдохновеніе, мнѣніе—*О вых. Ил., Пис. Дуровой 36 г.;* **Безкорыстная** *мысль—Мелочи.*

Безкоры́стно, нарѣч.

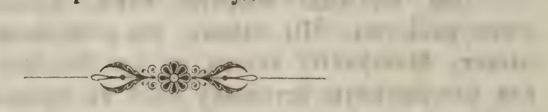
По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели **безкорыстно.** Не хвалюсь и не жалуюсь—ибо женка моя прелесть не по одной наружности—и не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. *Пис. Плетн. 31 г.*

Безлѣ́сенъ, сна, сно.

Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна но плодоносна. *Пут. въ Арзр., V.*

В. А. Водарскій.

Продолженіе будетъ

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1904

СОДЕРЖАНІЕ VI ВЫПУСКА

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

44-й годъ изд.	ВЪ 1904 ГОДУ —	44-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,—вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ **6** р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к.

съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **10**%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., $^1/_2$ стран.—5 р., $^1/_4$ стран.—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { **С. Н. Прядкинъ, Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

***) Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Очерки римской миѳологіи *)

(по Преллеру).

Отдѣлъ четвертый.

VIII. Божества земли и земледѣлія.

Религіозныя представленія древнихъ италійцевъ, связанныя съ обоготвореніемъ земли, въ общемъ носятъ характеръ, схожій съ эллинскимъ культомъ хѳоническихъ боговъ. Моленіями, съ которыми народъ обращался къ богамъ этой категоріи, испрашивали у нихъ обильную жатву и благословеніе на засѣянныя нивы. Божества эти всегда являются парными, въ образѣ бога и богини,—такъ: Saturnus и Ops, Tellumo и Tellus, Dis Pater и Mater Larum и т. д. [98]). Но въ то же время съ представленіями о божествахъ земли и земледѣлія всегда соединялись мысли объ усопшихъ, о подземномъ царствѣ и загробной жизни. Греческое и этрусское вліяніе очень рано сказалось на туземномъ культѣ боговъ этого разряда. Тѣмъ не менѣе не трудно распознать главный характеръ туземныхъ представленій объ этихъ богахъ, если мы начнемъ обозрѣніе ихъ

---

*) Окончаніе. См. в.в. I и V за 1902 г., в.в. II и IV—V за 1903 г.

[98]) Причина та, какъ объясняетъ Варронъ, что земля соединяетъ въ себѣ двойственную природу, именно: природу мужской оплодотворяющей силы и женской способности воспріятія оплодотворенія и питанія (см. Varro у Августина. C. D. VII, 23).

культа съ простѣйшихъ формъ богопочитанія, какъ онѣ практиковались въ селахъ и деревняхъ, и уже послѣ этого перейдемъ къ разсмотрѣнію того же культа, но съ болѣе сложнымъ характеромъ, въ городахъ. Въ настоящемъ, четвертомъ отдѣлѣ, мы разсмотримъ культъ этихъ боговъ въ ихъ отношеніи къ земледѣлію; слѣдующій же, пятый отдѣлъ, будетъ посвященъ исключительно обозрѣнію религіозныхъ представленій о богахъ подземнаго царства и соединявшихся съ нимъ религіозныхъ вѣрованій о загробной жизни.

1. Tellumo. Tellus, Ceres.

Tellus и Ceres большею частью призывались вмѣстѣ, какъ напр., въ молитвѣ фламина при началѣ посѣва или передъ началомъ жатвы, когда закалывалась въ жертву porca praecidanea. Теллумъ представляется мужскимъ двойникомъ матери—земли (Mater Tellus), какъ греческій Ζεὺς χθόνιος по отношенію къ Деметрѣ и Геѣ. Итакъ, Tellus прежде всего олицетворяетъ собой землю, какъ противоположность небесному своду; поэтому оба эти божества, небо и земля, какъ источникъ всѣхъ космическихъ явленій, призываются всегда вмѣстѣ при произнесеніи клятвенныхъ формулъ [99]). Затѣмъ Tellus представляетъ нѣдра земли, воспринимающія посѣвъ, чтобы возвратить его человѣку въ умноженномъ количествѣ и возродить посѣян-

---

[99]) Varro, r r. I, 1, 5; ср. Macrob. S. III, 9, 12: Tellus Mater teque, Jupiter, obtestor. Cum Tellurem dixit, manibus terram tangit, cum Jovem dicit, manus ad coelum tollit.

ное въ лучшемъ видѣ; въ этомъ случаѣ Tellus призывается по преимуществу, какъ Mater dea. Но она же, мать-земля, служитъ также общей для всего живущаго могилой и потому вмѣстѣ съ прочими божествами земли призывается на ряду съ манами [100]). Затѣмъ Tellus — представительница всякаго порядка въ природѣ и залогъ прочнаго, устойчиваго устройства всего сущаго: она олицетворяетъ твердую кору земного шара, и потому во время землетрясеній обращались съ молитвой главнымъ образомъ къ ней, къ землѣ, хотя, кромѣ нея, призывалась также и Церера [101]). Наконецъ, Tellus, подобно греческой Деметрѣ Ѳесмофорѣ, была покровительницей брака. Постройкой своего храма въ Римѣ Теллусъ обязана консулу П. Семпронію, который далъ обѣтъ воздвигнуть ей святилище по поводу землетрясенія, случившагося въ 268 г. до Р. Х. во время битвы римлянъ съ пиценцами. Храмъ этотъ находился на склонѣ Каринъ, богатѣйшаго квартала въ Римѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ домъ Спурія Кассія. Имя Ceres, несомнѣнно, одного корня съ глаголомъ creare и этимологически родственно съ именемъ Cerus (иначе Kerus).

Обратимся теперь къ обозрѣнію культа этой богини земли и земледѣлія, какъ онъ практиковался по деревнямъ и въ городѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Слѣдуетъ отличать городскія празднества, которыя бла-

---

[100]) Varro, l.l. V, 64; ср. форму заклинанія T. L. VIII, 9, X 28; а также A. Victor Caes. 33 по поводу смерти ненавистнаго Галліена: quum irruens vulgus pari clamore Terram Matrem Deosque inferos praecaretur, sedes impias uti Gallieno darent.

[101]) T. L XLI, 28, 2.

годаря греческому вліянію справлялись съ бо́льшей пышностью и были обставлены разнообразными ритуальными, основанными на миѳологическихъ сказаніяхъ, подробностями, какъ напр.: Цереаліи и Сатурналіи, и деревенскія, которыя съ бо́льшей чистотой сохранили первоначальный туземный, италійскій характеръ. Послѣднія, деревенскія празднества, обозначаются однимъ общимъ именемъ Sacra popularia, такъ какъ они были обще-народными праздниками безъ предпочтенія извѣстныхъ родовъ и справлялись безъ посредства жрецовъ въ каждой отдѣльно семьѣ подъ наблюденіемъ отца или матери семейства [102]). Бо́льшею частью праздники эти были подвижными, т. е. такими, время отправленія которыхъ изъ года въ годъ было особо всякій разъ оповѣщаемо мѣстными властями.

Если мы начнемъ ихъ обозрѣніе со времени посѣва, продолжавшагося съ осени до января, то первыми будутъ такъ называемыя Feriae Sementinae, подъ каковымъ именемъ они были оповѣщаемы народу понтифексомъ [103]). Какъ надо думать, Feriae Sementinae справлялись какъ при началѣ посѣва, такъ и по его окончаніи. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно объ одномъ праздничномъ жертвоприношеніи, при совершеніи котораго были призываемы, кромѣ всѣхъ божествъ, по-

---

[102]) Fest. p. 253: Popularia sacra sunt, ut ait Labeo, quae omnes cives faciunt nec certis familiis attributa sunt: Fornacalia, Parilia, Laralia, Porca praecidanea.

[103]) Varro, l.l. VI, 26: Sementinae feriae dies is, qui a pontificibus dictus, appellatus a semente, quod sationis causa susceptae. Paul. p. 337: Sementinae feriae fuerunt institutae, quasi ex iis fruges grandescere possint. Сравни Ovid. F. I, 657 и сл.

кровительствующихъ обработкѣ земли, также геніи паханія, посѣва, боронения и т. д., что́ служитъ прямымъ указаніемъ, что праздникъ этотъ имѣлъ мѣсто въ началѣ земледѣльческихъ работъ. Послѣ него, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда посѣвъ уже былъ оконченъ, и сѣмена покоились въ нѣдрахъ земли, справлялись Consualia и Saturnalia, о которыхъ подробнѣй будетъ сказано ниже. Затѣмъ, въ январѣ, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ, съ наступленіемъ отдыха для земледѣльцевъ, праздновались Paganalia. Въ болѣе общемъ значеніи Paganalia—ежегодный праздникъ цѣлой волости (pagus), въ составъ которой входило нѣсколько деревень или крестьянскихъ угодій, подобно тому, какъ Compitalia составляли общій праздникъ въ честь ларовъ, который справляли всѣ отдѣльные vici (села), составлявшіе одинъ compitum. Въ болѣе же тѣсномъ значеніи слова Paganalia были праздникомъ Теллуры и Цереры, справлявшимся крестьянами одного и того же села. Подробное описаніе Паганалій находимъ у Овидія, Fast. I, 663 и слѣд.

Одновременно съ праздникомъ Цереалій, именно, 15-го апрѣля, праздновались также такъ называемыя Hordicidia (иначе—Fordicidia) тоже въ честь матери-земли, которая около этого времени уже возвращала ввѣренный ей посѣвъ въ видѣ зеленѣющихъ нивъ, обѣщающихъ будущую жатву. Учрежденіе этого праздника приписывается царю Нумѣ и даже Фавну, который, какъ гласитъ легенда, установилъ его по причинѣ случившагося неурожая и продолжительнаго безплодія стадъ. Bos horda или forda называлась тельная корова [104]). Въ этомъ случаѣ тельная корова служила

[104]) Varro, l.l. VI, 15 и de r.r. II, 5, 6; также Ovid. F. VI, 629 и сл.

символомъ созрѣвающей жатвы, а потому въ этотъ праздникъ понтифексы приносили въ жертву богинѣ земли тридцать одну тельную корову, изъ числа которыхъ одна закалывалась на Капитоліумѣ, а остальныя тридцать распредѣлялись для жертвоприношенія между тридцатью куріями, на которыя дѣлилась первоначальная римская община. Такимъ образомъ это жертвоприношеніе имѣло въ то же время значеніе религіознаго очищенія гражданъ. Такой характеръ этого жертвоприношенія виденъ также изъ того, что передъ сожженіемъ закланной въ жертву коровы изъ ея чрева извлекался плодъ, который затѣмъ сожигался отдѣльно, и изъ его пепла въ соединеніи съ нѣкоторыми эссенціями весталки изготовляли особый составъ, который шесть дней спустя, именно, въ праздникъ очищенія, Палилій, употреблялся, какъ очистительное средство.

Около того же времени или нѣсколько позже происходили такъ называемыя Ambarvalia, т. е. обходъ нивъ съ цѣлью ихъ религіознаго освященія и очищенія, при чемъ обращались съ молитвами исключительно къ Церерѣ. Затѣмъ въ іюлѣ и августѣ наступала пора жатвы и соединявшихся съ ней праздниковъ ея, которые временно прерывали полевыя работы [105]). Этимъ празднествамъ также предшествовало умилостивительно-очистительное жертвоприношеніе, называвшееся porca praecidanea, т.-е. принесеніе въ жертву свиньи, которая закалывалась въ каждомъ отдѣльномъ крестьянскомъ дворѣ передъ началомъ жатвы. Это жертвоприношеніе имѣло спеціальное отношеніе къ умершимъ и къ могущимъ произойти при ихъ погребеніи какимъ-либо ри-

---

[105]) Seneca, Apocoloc. 7, 4; Plin, Ep. VIII, 21. Stat. Silv. IV, 4, 40.

туальнымъ упущеніямъ: новое доказательство тѣсной связи культа божествъ аграрныхъ съ культомъ боговъ подземнаго царства умершихъ. Поэтому при всякихъ похоронахъ, еще до самаго акта погребенія, Церерѣ приносилась очистительная жертва, которая потому и называлась porca praecidanea [106]). Варронъ въ своемъ трактатѣ о сельскомъ хозяйствѣ (De re rustica) даетъ подробное описаніе того, какъ совершалась porca praecidanea. Она должна была предшествовать собиранію съ полей слѣдующихъ посѣвовъ: полбы (far), пшеницы, ячменя и рѣпы. Предварительно совершали возліянія и жгли благовонія въ честь Януса, Юпитера и Юноны; затѣмъ, передъ самымъ жертвоприношеніемъ, производилось вторичное возліяніе Юпитеру и Янусу за благоденствіе всего домашняго обихода. Только по исполненіи этихъ предварительныхъ моленій закалывалась въ жертву свинья, внутренности которой сожигались въ честь Цереры, послѣ чего совершалось возліяніе ей: такова была тѣсная связь божествъ земли и земледѣлія съ двумя главнѣйшими божествами неба, Юпитеромъ и Юноной, и Янусомъ, богомъ всякаго благого начинанія.

Другую ритуальную церемонію, совершавшуюся передъ началомъ жатвы, составляло такъ называемое praemetium, т. е. посвященіе Церерѣ перваго снопа, подобно тому, какъ при сельскихъ Виналіяхъ (Vinalia) исполненіемъ подобнаго же обычая, именно посвященіемъ Вакху первой виноградной грозди, открывался сборъ винограда, а позднѣе, при выдѣлкѣ вина, дѣлали возліяніе Либеру сладкимъ, молодымъ мустомъ [107]).

---

[106]) См. Fest. p. 250: praecidanea porca.

[107]) Paul. p. 235: Praemetium quod praelibationis causa ante praemetitnr.—Ib. p. 319: Sacrima appellabant mustum quod

Наконецъ, съ окончаніемъ жнитва и соединявшихся съ нимъ праздниковъ стоятъ въ связи Consualia, справлявшіяся 21-го августа, день похищенія сабинянокъ, и Opiconsiva—25-го того же мѣсяца. Объ этихъ празднествахъ будетъ подробнѣй говорено ниже.

Въ заключеніе обзора аграрныхъ праздниковъ слѣдуетъ назвать древній праздникъ Fornacalia, основанный царемъ Нумой (см. Varro l.l. VI, 13; Fest p. 253; Ovid Fast. II, 511 и сл.; Plin. H. N. XVIII, 2. 2. Lactant. I. 20, 35).—Fornacalia были благодарственнымъ празднествомъ за впервые вкушаемый хлѣбъ, изготовленный изъ полбы новаго помола. Извѣстно, что полба, far, была туземнымъ зерномъ древнихъ обитателей Италіи. Хлѣбъ, приготовленный изъ полбы для Форнакалій, не пекли, а только поджаривали въ печахъ особаго, примитивнаго устройства, называвшихся fornaces, ради которыхъ народныя вѣрованія создали особую богиню, именовавшуюся Fornax, отъ которой получилъ свое названіе и самый праздникъ Fornacalia, справлявшійся въ февралѣ мѣсяцѣ, но не въ опредѣленный, постоянный день. Доказательствомъ древности учрежденія Форнакалій служитъ то, что они, какъ и Hordicidia, справлялись по куріямъ, а потому Curio Maximus, распоряжавшійся устройствомъ праздника, назначалъ и день его. Въ этотъ день граждане Рима собирались по куріямъ и устраивали общій, куріальный, жертвенный пиръ. Граждане, не явившіеся на это религіозное собраніе, назывались stulti, такъ какъ они какъ бы не желали знать болѣе своихъ курій и соеди-

---

Libero sacrificabant pro vineis et vasis et ipso vino conservandis, sicut praemetium de spicis, quas primum messuissent, sacrificabant Cereri. Cp. Plin. H. N. XVIII, 2, 2.

ненныхъ съ принадлежностью къ нимъ гражданскихъ правъ. Такіе stulti справляли Форнакаліи въ день Квириналій, 17-го февраля, бывшій послѣднимъ срокомъ для Форнакалій, а потому день этотъ былъ прозванъ stultorum feriae.

2. Saturnus и Ops.

Сатурнъ и Опсъ, или Описъ, принадлежатъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе популярнымъ божествамъ Италіи. Храмъ Сатурна при подъемѣ на Капитолій считался за очень древній памятникъ миѳической старины Лаціума. Значительная часть Италіи нѣкогда называлась Сатурніей, и, по свидѣтельству Діонисія (I, 34), святилища Сатурна были очень многочисленны въ этой странѣ; очень многіе города и мѣстности получили отъ Сатурна свои имена.

Если Опсъ—благодѣтельная кормилица земля, то Сатурнъ въ такомъ же значеніи олицетворялъ въ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ мужскую производительную силу земли, на что́, между прочимъ, указываетъ и этимологія имени Saturnus, производимаго отъ satu или satione [108]). Въ надписи на одной древней чашѣ имя Сатурна встрѣчается въ формѣ Săĕturnus [109]), изъ которой вслѣдствіе стяженія гласныхъ образовалась общеупотребительная форма Saturnus. Однако Сатурнъ не просто богъ посѣва, но имѣетъ и болѣе широкое

---

[108]) Varro, l.l. V, 57, 64; Augustin. C. D. VI, 8. VII, 13; Fest. p. 186 Opima spolia и p. 325 Saturno.

[109]) Saeturni pocolom.

значеніе—устроителя и покровителя земледѣльческаго быта вообще. Серпъ, обычный его аттрибутъ, указываетъ на Сатурна, какъ на божество жатвы. Если же, какъ думаютъ нѣкоторые антикваріи, въ серпѣ Сатурна слѣдуетъ видѣть виноградарскій ножъ, то Сатурнъ въ такомъ случаѣ представляется насадителемъ садоводства и винодѣлія. [110]) Ему же, Сатурну, приписывается народнымъ преданіемъ введеніе удобренія полей, за что онъ, а, по другимъ сказаніямъ, его сынъ, былъ особенно чтимъ въ Италіи и призывался подъ именемъ Sterculus, или Stercutus [111]) Наконецъ, какъ представитель земледѣлія и соединенныхъ съ нимъ благъ цивилизаціи, Сатурнъ въ народныхъ сказаніяхъ объявляется миѳическимъ царемъ, который, будучи отождествленъ подъ вліяніемъ эллинской культуры съ греческимъ Кроножъ, по преданію, переселился въ Италію изъ Греціи. Отсюда произошла легенда о томъ, что Сатурнъ, будучи лишенъ власти Юпитеромъ, послѣ продолжительныхъ скитаній по морю, прибылъ въ Лаціумъ и здѣсь скрывался отъ преслѣдованій своего сына, почему и самая страна получила названіе Лаціума (отъ лат. latere и гр. λανθάνειν — скрываться). Такова легенда о Сатурнѣ, часто встрѣчаемая у латинскихъ и греческихъ писателей [112]).

[110]) Macrob. S. I, 7, 24, ср. также 25: huic deo insertiones serculorum pomorumque educationes et omnium hujusmodi fertilium tribuunt disciplinas.

[111]) Tertull. Apolog. 25, Augustin. C. D. XVIII, 15; Lactant; I, 20 Plin. H. N. XVII, 9, 6.

[112]) Lactant. I, 13; Minuc. Fel. Octav. p. 209. Verg. Aen. VIII, 321: Js genus indocile ac dispersum montibus altis composuit legesque dedit Latiumque vocari maluit, his quoniam latuisset tutus in oris. Cp. Ovid. F. I, 238: Dicta quoque est Latium terra latente deo.

Согласно этой легендѣ Сатурнъ прибылъ на кораблѣ по рѣкѣ Тибру къ Яникулу и здѣсь, будучи радушно принятъ царемъ Янусомъ, поселился у подножія Капитоліума, который отъ него получилъ свое имя холма Сатурна. И, дѣйствительно, у подъема на Капитолій, со стороны форума, лежало древнѣйшее святилище Сатурна, основаніе котораго преданіе приписываетъ то Янусу, то Гераклу. Вѣрованіе въ то, что Сатурнъ, подобно Янусу, Пику, Фавну и другимъ культурнымъ божествамъ, на самомъ дѣлѣ нѣкогда царствовалъ, было столь распространено въ Италіи, что даже въ болѣе позднее время старались найти въ указанномъ мѣстѣ, именно, у подножія Капитолія, слѣды нѣкогда существовавшаго здѣсь города или зáмка, въ которомъ находилась резиденція Сатурна. Существовало также преданіе, что древнѣйшими обитателями города и страны были сатурнійцы, почему въ позднѣйшую пору о тѣхъ, которые вели простой, деревенскій образъ жизни, говорили, что они—остатки племени Сатурна [113]). По той же причинѣ древній, безыскусственный, національно-италійскій стихотворный размѣръ назывался Сатурнійскимъ стихомъ. Всюду Сатурнъ является насадителемъ земледѣльческой культуры, и съ его правленіемъ соединяется въ народныхъ легендахъ представленіе о золотомъ вѣкѣ, нѣкогда существовавшемъ на землѣ (Lucret. II, 1168 и сл.), когда вездѣ царили—полное изобиліе, довольство, нерушимый, вѣчный миръ, свобода и равенство всѣхъ людей, такъ какъ то время не знало еще рабства и не раз-

---

[113]) Varro, r r. III, 1, 5: Nec sine causa Terram eandem appellabant Matrem et Cererem, et qui eam colerent piam et utilem agere vitam credebant, atque eos solos reliquos esse ex stirpe Saturni regis.

личало сословій. Наконецъ, гласитъ преданіе, Сатурнъ чуднымъ образомъ исчезъ, какъ исчезаютъ по разсказамъ народныхъ легендъ и другіе, подобные Сатурну, миѳическіе благодѣтели человѣчества. По исчезновеніи его, Янусъ изъ чувства признательности къ Сатурну за преподанные ему послѣднимъ начатки культуры, именно, искусство кораблестроенія и чеканки монеты, приказалъ вычеканить монету съ изображеніемъ на одной ея сторонѣ своей головы, а на другой—корабля, на которомъ, по преданію, прибылъ Сатурнъ въ Италію. Въ этой легендѣ нельзя не видѣть тѣсной связи, соединяющей Януса и Сатурна, какъ представителей первоначальной культуры древней Италіи; эта связь усматривается какъ въ народныхъ сказаніяхъ о Сатурнѣ и Янусѣ, такъ и въ самомъ культѣ, по которому празднества въ честь этихъ двухъ боговъ слѣдовали непосредственно одно за другимъ.

По другимъ свидѣтельствамъ, организаторомъ культа Сатурна въ Римѣ, именно, Сатурналій, былъ царь Туллъ Гостилій; мысль же о постройкѣ храма на томъ мѣстѣ, которое было освящено преданіемъ, какъ мѣсто жительства Сатурна, принадлежитъ, несомнѣнно, Тарквинію Младшему, хотя самый храмъ былъ сооруженъ только по его изгнаніи изъ Рима [114]). Храмъ былъ посвященъ обоимъ божествамъ, Сатурну и Опсъ; передъ храмомъ находилась небольшая часовня, посвященная Диту (Dis Pater), богу подземнаго царства [115]). Подъ храмомъ Сатурна помѣщалось римское казнохранилище (aerarium Saturni), поставленное подъ его охрану,

---

[114]) T. L. II, 21, 2; Dionys. V, 1, Macrob. S. I, 8.

[115]) Macrob. S. I, 11, 48: Sacellum Ditis, arae Saturni cohaerens.

какъ представителя золотого вѣка на землѣ, подобно тому, какъ и торговыя сдѣлки, происходившія на сосѣдней съ храмомъ базарной площади, и самый базарный день были посвящены ему же, Сатурну [116]. Помѣщавшееся въ храмѣ изображеніе Сатурна въ теченіе всего года, за исключеніемъ дней его празднествъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, имѣло на ногахъ шерстяныя путы (compedes) [117]. Символическое значеніе путъ на ногахъ Сатурна всего правдоподобнѣй объяснить вѣрованіемъ, свойственнымъ древнимъ, что связываніемъ или привязываніемъ изображенія какого-либо божества обезпечивается проистекающая изъ него благодѣтельная сила. Ритуальную особенность культа Сатурна составляло то, что молитвы и жертвоприношенія у его алтаря совершались не съ покрытой головой (velato capite), какъ это было въ обычаѣ во всѣхъ другихъ случаяхъ, а съ обнаженной (aperto capite), что́ на сакральномъ языкѣ выражалось словами: lucem facere [118]. Эту особенность культа Сатурна слѣдуетъ объяснять греческимъ вліяніемъ, на что указываетъ легенда, повѣствующая, что Гераклъ, во время своего пребыванія въ Римѣ, уничтожилъ существовавшія здѣсь до него человѣческія жертвы, замѣнивъ ихъ болѣе простыми жертвоприношеніями иноземнаго характера. Миѳическихъ обитателей города Сатурна, сатурнійцевъ, нѣкоторые поэтому считали за оставшихся на постоянное жительство въ Италіи спутниковъ Геракла.

Значеніе Сатурналій всего легче выясняется частью

---

[116]) Macrob. I, 8, 3.

[117]) Macrob. I, 8, 5; см. Stat. Silv. I, 6, 4: Saturnus mihi compede exsoluta и multo gravidus mero December.

[118]) Fest. p. 322 Saturnia; Paul. p. 119 lucem facere; ср. Dionys. I, 38; Macrob. I, 7, 27; 8, 2.

временемъ, когда справлялись эти празднества; частью тѣми ритуальными церемоніями, которыми они были обставлены. Днемъ праздника было, собственно, 17-е декабря, по древне-римскому календарю a. d. XIV Kal: Jan:, а позднѣе, послѣ календарной реформы Цезаря, a. d. XVI Kal. Jan:, такъ какъ къ декабрю, заключавшему раньше въ себѣ 29 дней, было прибавлено два дня. Такимъ образомъ Сатурналіи справлялись какъ разъ среди зимы, а потому никакъ нельзя допустить, чтобы они могли имѣть значеніе праздника жатвы, какъ утверждаютъ это нѣкоторые миѳологи. Всего естественнѣй видѣть въ Сатурналіяхъ, справлявшихся въ періодъ зимняго солнцестоянія, когда бываетъ самый короткій день, праздникъ Сатурна, какъ божества земныхъ нѣдръ, которому ввѣренъ посѣвъ, и отъ благоволенія котораго ждутъ благополучія будущей жатвы. Въ этомъ случаѣ Сатурнъ по своему значенію тотъ же Dis Pater или Consus, изъ коихъ первый былъ чествуемъ одновременно съ Сатурномъ, а послѣдній—немного дней раньше наступленія Сатурналій. По той же причинѣ и родственная Диту богиня смерти, Acca Larentia, и всеобщее поминовеніе усопшихъ чествовались въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ во время полнаго замиранія природы, когда всё въ ней напоминало о смерти. Но это же время совпадаетъ съ зимнимъ поворотомъ солнца, а потому во многихъ религіяхъ его считали началомъ обновленія природы, ея постепеннаго воскресенія къ новой жизни и встрѣчали всеобщей радостью и весельемъ. Такимъ именно характеромъ благополучія, изобилія и счастія отличаются Сатурналіи, праздновавшіяся уже съ древнѣйшаго времени въ теченіе семи дней, начиная съ 17-го декабря. Хотя Сатурнъ и Опсъ еще сокрыты въ нѣдрахъ земли, но вотъ они скоро

возвратятся къ людямъ, принесутъ съ собой послѣднимъ всѣ блага золотого вѣка. Поэтому характерную отличительную черту этого празднества составляло воспоминаніе о той порѣ, когда на землѣ, дѣйствительно, царствовалъ Сатурнъ: въ дни Сатурналій всюду царили радость, свобода, необузданное веселье; по всему городу люди всѣхъ классовъ общества пировали, предавались бражничанью и разгулу и обмѣнивались подарками. Особенно для рабовъ эти дни были преисполнены радости и веселья, такъ какъ въ память всеобщаго равенства, существовавшаго въ правленіе Сатурна, во время Сатурналій господа обращались со своими рабами, какъ съ равными себѣ: обѣдали съ ними за однимъ общимъ столомъ и даже прислуживали имъ [119]). Мало того, въ дни Сатурналій исчезало не только сословное неравенство, но въ это время должна была затихать всякая вражда; никакіе штрафы и судебныя тяжбы не имѣли мѣста; должники не подвергались обычнымъ взысканіямъ; не допускалось объявленіе войны, а въ случаѣ, если таковая велась, то избѣгали вступать въ битву [120]). Какъ уже сказано, въ этотъ праздникъ особенно было принято одариваніе различнаго рода подарками; между послѣдними главную роль играли такъ называемыя oscilla или sigillaria—маленькія статуетки изъ глины, составлявшія въ другое время обычные подарки дѣтямъ [121]). Различными развлеченіями и играми

---

[119]) Horat. Sat. II, 7, 4 и Od. III, 17, 4,—ср. Martial. XIV, 70. Macrob. I; 7, 26, 37; 24, 23; Justin. XLIII, 1. Dio LX, 19.

[120]) Macrob. I, 10, 1; 16, 16; Sueton. Octav. 32.

[121]) Macrob. I, 7, 28 и сл.; I, 19, Dionys. I, 19, Lactant. I, 21, 6.

сопровождались всѣ дни Сатурналій; между прочимъ, играли также въ кости и не только на орѣхи, служившіе, какъ извѣстно, символомъ плодородія, но и на деньги, что́ въ другое время было воспрещаемо [122]).

Порядокъ празднества, опредѣленный согласно указаніямъ Сивиллы за годъ до битвы при Тразименскомъ озерѣ, былъ слѣдующій: 17-го декабря (a. d. XIV Kal. Ian.) совершалось у храма Сатурна жертвоприношеніе, за которымъ слѣдовало lectisternium и затѣмъ праздничный, жертвенный обѣдъ, послѣ котораго въ этотъ день и слѣдующую за нимъ ночь весь городъ оглашался праздничнымъ кликомъ: «Jo Saturnalia!» служившимъ началомъ разнузданному всеобщему веселью и забвенью всякихъ законовъ и обычаемъ установленныхъ приличій [123]). Открывшіяся подобнымъ образомъ общественныя и частныя празднества продолжались въ теченіе семи дней, съ 17-го по 23-е декабря, и эта недѣля именовалась Septem Saturnalia [124]). Съ введеніемъ Цезаремъ новаго календаря, начало праздника (a. d XIV Kal. Jan. было перенесено на a. d. XVI Kal. Jan. и съ этого времени Сатурналіи праздновались три дня, 17-го 18-го и 19-го декабря, что подтверждается и эдиктомъ Августа, согласно которому 17 дек. (a. d. XVI Kal. Jan.) было посвящено Сатурну, а 19-е (a. d. XIV Kal. Jan.)— богинѣ Опсъ. Народъ, повидимому, 17 и 28-е дек. чествовалъ Сатурна, а 19 и 20-е были дни, посвященные богинѣ Опсъ, и потому назывались Opalia. Наконецъ,

---

[122]) Martial. V, 30, 8; XIV, 1, 3; Macrob. I, 7, 33.

[123]) T. Liv. XXII, 1, 19, 20; Macrob. I, 10, 18; Martial. XI, 2, 5: Clamant ecce mei, Jo Saturnalia, versus. Dio LX, 19. Petron. Sat. 58.

[124]) Macrob. I, 10, 3.

Калигула прибавилъ еще пятый день (21-е дек.), получившій спеціальное названіе dies Juvenalis, такъ какъ исключительно предназначался для увеселеній и игръ молодежи [126]). Но народъ продолжалъ всегда справлять Сатурналіи по древнему обычаю въ теченіе семи дней. «Въ декабрѣ», говоритъ Сенека: жизненный разгулъ—обычное явленіе; всюду шумъ и возбужденіе; всѣ готовятся къ веселому празднику, чтобы вполнѣ насладиться имъ и рѣзко выдѣлить эти дни въ ряду другихъ дней года» [127]).—У Лукіана [128]) Сатурнъ разсказываетъ о своемъ семидневномъ господствѣ: онъ въ эти дни не допускаетъ никакихъ серьёзныхъ дѣлъ и занятій; все должно предаваться неомрачаемому ничѣмъ веселью, питью, ѣдѣ, шуткамъ и играмъ, въ особенности рабамъ въ эти дни слѣдуетъ пѣть, плясать и веселиться. Императоры съ своей стороны также принимали живое участіе въ общенародномъ праздничномъ веселіи и не отказывались принимать подносимые имъ подарки.

Bona Mater Ops или Opis [129]), по народнымъ вѣрованіямъ, считалась супругой Сатурна, вмѣстѣ съ которымъ она была почитаема въ древнемъ святилищѣ у подножія Капитолія (Clivus Capitolinus), а также въ декабрьскія празднества 17 декабря было днемъ общаго чествованія Сатурна и Опсъ до календарной реформы Цезаря, послѣ которой для чествованія Опсъ былъ назначенъ особый день, именно, 19-е дек. Первоначальное значеніе Опсъ, какъ богини земли, болѣе всего выясняется су-

---

[125]) Macrob. I, 1, 10; Fest. p. 185, Opalia.

[126]) Sueton. Cal. 17. Dio LIX, 6, LX, 25.

[127]) Seneca, Ep. 18.

[128]) Saturn. 2.

[129]) Varro, ll. VI, 22; Macrob. I, 10, 18.

ществовавшимъ древнимъ обычаемъ, по которому обѣты, даваемые этой богинѣ, должно было произносить, сидя на землѣ и касаясь ея руками [130]), подобно тому, какъ греки при клятвѣ подземными богами становились на колѣни и ударяли руками о землю. Во всемъ остальномъ Опсъ имѣетъ свойства общія съ Сатурномъ, именно, выражаетъ понятіе изобилія и благополучія, на что указываетъ самое имя Ops [131]). Названіе южныхъ обитателей Италіи Opici или Opsci, отъ чего произошла позднѣйшая форма Osci, очевидно, одного корня съ Ops и указываетъ на племенныя миѳическія представленія о до-историческомъ благословенномъ золотомъ вѣкѣ, подобно тому, какъ имена Latium и Saturnia стоятъ въ связи съ почитаніемъ божества земледѣлія, которое представляется то, какъ сокрытое въ нѣдрахъ земли, то, какъ появляющееся на ея поверхности въ видѣ богатыхъ, тучныхъ, изобильныхъ нивъ. Древнѣйшее названіе обитателей Лаціума Siculi также не безъ основанія переводится словами: жнецы даровъ Сатурна. Опсъ подъ именемъ Consivia со временъ царя Нумы была призываема въ молитвахъ въ regia, въ особомъ святилищѣ, доступъ въ которое имѣли только весталки и понтифексы, и гдѣ 25-го августа въ честь ея совершалось благодарственное жертвоприношеніе [132]). Но, какъ и всѣ прочія божества земли и земледѣлія, Сатурнъ и Опсъ чествовались также, какъ божества человѣческаго за-

---

[130]) Macrob. I, 10, 21: Huic deae sedentes vota concipiunt terramque de industria tangunt.

[131]) Paul. p. 187: Opis dicta est conjunx Saturni, per quam voluerunt terram significare, quia omnes opes humano generi terra tribuit.

[132]) Varro, l.l. VI, 21, Fest. p. 186, Macrob. III, 9, 4.

чатія и дѣторожденія, въ каковомъ значеніи они и призываются въ индигитаментахъ [133]).

Особый характеръ и религіозное, культовое значеніе имѣетъ Lua Saturni, которую Авлъ Геллій называетъ въ числѣ древнѣйшихъ римскихъ божествъ [134]), и о которой упоминаетъ также Варронъ [135]). У другихъ писателей она называется Lua Mater и сопричисляется къ числу боговъ, которымъ по древнему обычаю посвящались послѣ побѣды spolia, снятыя съ побѣжденнаго врага и сожигавшіяся на мѣстѣ битвы [136]). Наконецъ, Сервій называетъ ее наравнѣ съ Сатурномъ богиней безплодія и опустошеній [137]). Весьма вѣроятно, что Lua Saturni въ религіозныхъ представленіяхъ италійцевъ составляла противоположность Опсъ, отъ которой она отличалась, какъ земледѣльческое божество смерти, подобно тому, какъ и Сатурнъ въ зимній періодъ сопоставлялся съ Дитомъ, богомъ подземнаго царства (Dis Pater). Поэтому имя Lua всего естественнѣй производить отъ глагола luere въ значеніи solvere - уничтожать.

Разсмотрѣнныя нами въ этомъ отдѣлѣ два божества, подъ общимъ вліяніемъ греческой культуры, очень много утратили изъ своего первоначальнаго, италійскаго характера и со временъ Эннія обыкновенно стали

---

[133]) August. C. D. IV, 11: ipse opem ferat nascentibus excipiens eos sinu terrae et vocetur Opis.

[134]) Gell. N. A. XIII, 23, 1, 2.

[135]) Varro, l.l. VIII, 36.

[136]) Liv VIII, 1, 6; XLV, 33, 1, 2.

[137]) Serv. V. A. III, 139; Junoni procreationem liberorum, sterilitatem horum tam Saturno, quam Luae. Hanc enim sicut Saturnum orbandi potestatem habere.

отождествляться—Сатурнъ съ Крономъ, а Опсъ съ Реей. Первый на римскихъ монетахъ изображается совершенно подобнымъ греческому Крону, а Опсъ, какъ мать Юпитера, вмѣстѣ съ послѣднимъ была высоко чтима на Капитоліумѣ въ значеніи богини судьбы.

3. Consus.

Культъ Консуса также принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ въ Римѣ богопочитаній. По свидѣтельству Діонисія, начало ему положено палатинскими аркадцами, т.-е. Эвандормъ. Согласно преданію, похищеніе сабинянокъ случилось въ августовскій праздникъ Консуалій. Состязанія на колесницахъ, происходившія въ празднество Консуалій, а также алтарь Консуса, помѣщавшійся подъ землей, были причиной того, что греки сближали это римское божество съ Посейдономъ конникомъ (Ποσειδῶν Ἵππιος); но уже древніе миѳологи находили несвойственнымъ культу Посейдона чествованіе его въ землѣ или подъ землей. На самомъ дѣлѣ Консусъ—одно изъ древнѣйшихъ божествъ земли и земледѣлія, какъ Tellumno, Dis Pater, алтари которыхъ тоже помѣщались подъ землей. Подтвержденіемъ такого значенія Консуса служитъ также время празднествъ и жертвоприношеній въ честь его, совпадавшее частью съ періодомъ посѣва, частью съ жатвой. Что касается этимологіи собственнаго имени Consus, то одни производятъ его отъ глагола condere (Consus вм. conditus, какъ clausus, parsus), и Consus въ такомъ случаѣ, подобно Сатурну, означалъ бы сокрытаго въ землѣ бога; другіе же—отъ санскритскаго корня su,

отъ котораго производится глаголъ sero — сѣять. Согласно послѣднему словопроизводству Consus тотъ же Consivius или Ops Consivia, т.-е. божество посѣва, которое въ то же время чтилось и какъ божество браковъ и похищенія дѣвъ. Такимъ образомъ и объясняется, почему похищеніе сабинянокъ пріурочено преданіемъ къ празднику Консуалій. Алтарь Консуса находился вблизи Большого цирка. Обыкновенно засыпанный землей, онъ былъ откапываемъ только три раза въ годъ, въ дни праздниковъ и жертвоприношеній, назначенныхъ для чествованія Консуса. Такимъ образомъ, во-первыхъ, въ іюльскія ноны понтифексы приносили у алтаря Консуса жертву; затѣмъ, 21-го августа, въ празднество Консуалій, ознаменованное похищеніемъ сабинянокъ, квириналькій фламинъ вмѣстѣ съ весталками совершалъ у того же алтаря жертвоприношеніе, а понтифексы наблюдали за происходившими въ этотъ праздникъ цирковыми состязаніями на колесницахъ [138]). Вмѣстѣ съ людьми этотъ праздникъ раздѣлялъ и весь рабочій вьючный скотъ, который освобождался на этотъ день отъ работъ и увѣнчивался цвѣтами [139]). Наконецъ, третій праздникъ Консуса справлялся 15 декабря, за нѣсколько дней до наступленія Сатурналій; и въ этотъ день, какъ и 21 августа, рабочій скотъ былъ свободенъ отъ обычныхъ работъ. Отмѣтить надо также тѣсное сближеніе Консуса съ Марсомъ и ларами, на которое указываетъ одна надпись на его алтарѣ [140]), такъ какъ первый призывался арвальскими братьями въ праздникъ Deae

---

[138]) Varro, l.l. VI, 20; Dionys. II, 31.

[139]) Dionys, I, 33; Paul. p. 148: mulis.

[140]) Tertull: de Spect. 5: et nunc ara Conso illi in Circo defossa est ad primas metas sub terra cum inscriptione hujus

Diae, какъ отвратитель всякаго бѣдствія, а лары—какъ добрые дýхи, ниспосылающіе благословеніе на поля и пашни.

4. Acca Larentia и Dea Dia.

Между этими двумя божествами нѣтъ существеннаго различія, такъ какъ культы двухъ этихъ богинь дополняютъ другъ друга, при чемъ Acca Larentia носитъ болѣе миѳологическій и сказочный характеръ, тогда какъ Dea Dia является главнымъ божествомъ въ культѣ арвальскихъ братьевъ (fratres Arvales) и принадлежитъ къ той же группѣ аграрныхъ божествъ, къ которой относятся Tellus, Ops и Ceres, имѣя спеціальное отношеніе къ полямъ и пашнямъ города Рима, какъ ихъ благодѣтельная покровительница

Acca Larentia—то же, чтó мать ларъ, такъ какъ acca, или atta значитъ мать, имя же Larentia этимологически родственно со словомъ lar-lares. Въ римскихъ сказаніяхъ Акка Ларенція является то, какъ возлюбленная Геракла, то, какъ кормилица братьевъ близвецовъ и мать 12-ти арвальскихъ братьевъ. Сказаніе о любовной связи Акки Ларенціи съ Геракломъ съ нѣкоторыми варіаціями относится преданіемъ также къ Флорѣ и Фаволѣ (или—Фаулѣ), богинѣ, родственной Флорѣ и Аккѣ Ларенціи. Преданіе говоритъ, что однажды, въ досужное время, служитель свя-

---

modi: Consus consilio, Mars duello, Lares coilo potentes.—Испорченное слово coillo дало поводъ ко многимъ догадкамъ. Преллеръ предлагаетъ читать compito.

тилища Геракла задумалъ метать кости; призомъ для побѣдителя въ игрѣ была назначена красивѣйшая дѣвушка и обильный пиръ. Стражъ Гераклова алтаря при этомъ бросалъ кости одной рукой за себя, а другой за бога, которому служилъ. Побѣдителемъ, какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ Гераклъ, которому поэтому и была доставлена побѣжденнымъ его слугой самая красивая дѣвушка, Акка Ларенція, съ которой богъ и провелъ ночь за пышной трапезой въ своемъ храмѣ. Когда на слѣдующее утро красавица отправилась въ путь, богъ, податель всякаго нечаемаго благополучія, послалъ и ей на дорогѣ нежданное счастіе: именно, на пути повстрѣчался ей старикъ, богатый тусскій землевладѣлецъ, по имени Таруцій, который, будучи очарованъ ея красотой, сталъ ея мужемъ и, вскорѣ затѣмъ умерши, сдѣлалъ ее наслѣдницей всѣхъ своихъ богатыхъ помѣстій. Благодѣтельная Акка Ларенція, въ свою очередь, все богатое наслѣдство свое завѣщала, по однимъ разсказамъ, римскому народу, а по другимъ—Ромулу. Наконецъ, преданіе говоритъ, что Акка Ларенція исчезла чудеснымъ образомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ честь ея ежегодно 23 декабря совершалось погребальное жертвоприношеніе, именно, въ Велабрахъ, гдѣ показывали и ея могилу. Жертву приносилъ квиринальскій фламинъ вмѣстѣ съ понтифексомъ [141]). Болѣе распространеннымъ было другое преданіе объ Аккѣ Ларенціи, какъ о кормилицѣ братьевъ близнецовъ и женѣ пастуха Фаустула. По этому преданію Акка Ларенція имѣла отъ Фаустула 12-ть сыновей, съ которыми она одинъ разъ въ годъ приносила

---

[141]) Varro, l.i. VI 23; Ovid. Fast. III, 55; Macrob. I, 10, 11, 15.

жертву pro agris. По смерти одного изъ нихъ, Ромулъ, будучи усыновленъ Фаустуломъ, заступилъ мѣсто умершаго и со своими братьями по усыновленію, основалъ коллегію арвальскихъ братьевъ [142]), которые отличительнымъ знакомъ своего жреческаго достоинства имѣли на головахъ вѣнки изъ колосьевъ. Уже одно это обстоятельство указываетъ на связь арвальскихъ братьевъ съ культомъ богини нивъ и пашенъ,—связь, на основаніи которой Плиній и называетъ ихъ sacerdotes arvorum.

Что касается организаціи коллегіи арвальскихъ братьевъ, то члены ея избирались, какъ и въ прочихъ жреческихъ коллегіяхъ Рима, посредствомъ кооптаціи и при томъ изъ наиболѣе знатныхъ римскихъ фамилій. Предсѣдатель коллегіи назывался magister. Онъ былъ избираемъ изъ года въ годъ во время празднествъ, происходившихъ въ священной рощѣ богини; замѣстителемъ его былъ promagister. Коллегія имѣла также своего особаго фламина и профламина. Для прислуживанія при жертвоприношеніяхъ и соединявшихся съ ними жертвенныхъ пирахъ существовали такъ называемые camilli [143]), служки-мальчики, принадлежавшіе тоже къ именитѣйшимъ семьямъ и долженствовавшіе быть patrimi matrimi, т.-е. имѣть въ живыхъ отца и мать. Кромѣ служекъ для культовыхъ службъ былъ организованъ цѣлый штатъ низшихъ служителей, какъ-то: писцовъ, привратниковъ, глашатаевъ, сторожей, разсыльныхъ и т. д. Собранія братьевъ и культовые обряды, ими отправляемые, были двоякаго

---

[142]) Plin. H. N. XVIII, 2.

[143]) Macrob. III, 8. Serv. Verg. Aen. I, 543. Varro, l.l. VII, 34.

рода: ординарные и экстренные. Первые были связаны съ обычными, постоянными отправленіями культа; вторые вызывались какими-либо чрезвычайными, случайными обстоятельствами. Главную цѣль всѣхъ культовыхъ учрежденій арвальскихъ братьевъ составляло служеніе Deae Diae. Послѣдняя, несомнѣнно, принадлежала къ аграрнымъ божествамъ, была родственна съ Церерой, Опсъ, Теллусъ, Флорой и Фауной и имѣла прямое отношеніе къ полямъ и нивамъ Рима, выразителями желаній и надеждъ котораго и являлись арвальскіе братья. Священная роща богини находилась вблизи города, на правомъ берегу Тибра, по Via Campana, въ пяти миляхъ отъ городскихъ воротъ. Въ этой рощѣ совершались важнѣйшіе акты служенія Deae Diae, тогда какъ всѣ прочія подготовительныя и совѣщательныя собранія братьевъ происходили въ городѣ, въ домѣ магистра или промагистра. Ежегодное празднество въ честь богини справлялось въ маѣ мѣсяцѣ, около времени созрѣванія первыхъ сельскихъ продуктовъ и незадолго до начала жатвы. Какъ всѣ прочія аграрныя празднества, такъ и праздникъ Deae Diae не былъ постояннымъ, но передвижнымъ; время его отправленія было оповѣщаемо въ началѣ каждаго года магистромъ коллегіи и приходилось или на 17-е, 19-е и 20-е мая, или десятью днями позже, т. е. 27-го, 29-го и 30-го мая. Обыкновенно первый праздничный день справлялся d o m i, т.-е. въ жилищѣ магистра или его товарища, промагистра; второй, какъ самый священный—въ рощѣ богини и, наконецъ, третій, заключительный день, опять въ городѣ, d o m i. Празднество перваго дня состояло изъ утренняго богослуженія и общей трапезы братьевъ служекъ-мальчиковъ, каковая трапеза происходила въ полдень. Прежде всего, раннимъ

утромъ, въ честь Deae Diae воскурялись ѳиміамы, и совершалось возліяніе виномъ; затѣмъ братья «касались» (сакральный терминъ) сухихъ плодовъ, т.-е. cerealia истекшаго года и зеленыхъ, т.-е., свѣжихъ новаго [144]); послѣ этого обносили хлѣбы, обвитые (увѣнчанные) лавромъ, и умащали благовоніями изображеніе богини. Послѣ этихъ сакральныхъ обрядовъ происходило краткое засѣданіе коллегіи, чѣмъ и заканчивалось утреннее богослуженіе. Въ полдень братья вновь сходились для общей трапезы, а также четверо служекъ—мальчиковъ, при чемъ вторично совершались воскуренія и возліянія. Во время трапезы служки—мальчики, при содѣйствіи прислуги, возлагали на алтарь богини нѣкоторыя изъ блюдъ, именно плоды новаго года (fruges libatae) и, получивъ благовонныя мази и вѣнки, возвращались къ дессерту, остатки котораго, равно какъ и розы изъ вѣнковъ уносили съ собой домой, послѣ того какъ братья, по окончаніи трапезы, расходились по домамъ. Ближайшій за этимъ день (18 или 28-е мая) не сопровождался никакимъ празднествомъ. Но на слѣдующій день (19 или 29-е мая) братья раннимъ утромъ собирались въ священной рощѣ богини. Празднество этого дня открывалось очистительной жертвой состоявшей изъ двухъ поросятъ, и благодарственной—изъ бѣлой коровы. Жертвоприношеніе совершалъ магистръ [145]). По окончаніи жертвоприношенія братья въ особомъ помѣщеніи, находившемся невдалекѣ отъ рощи, отвѣды-

---

[144]) Выраженіе подлинника: fruges aridas et virides contigerunt, гдѣ contingere, очевидно, употреблено въ значеніи—degustare (отвѣдывать).

[145]) Ad aram immolavit porcilias piaculares duas .... ibique vaccam hononariam albam ad foculum immolavit.

вали жертвеннаго мяса и крови; затѣмъ, съ покрытыми головами и украшенные вѣнками изъ колосьевъ, въ процессіи направлялись опять къ священной рощѣ, гдѣ магистръ и закалывалъ въ жертву тучнаго ягненка. Послѣ этого всѣ братья совершали возліянія изъ вина и воскуряли благовонія, и затѣмъ отправлялись къ храму Deae Diae, гдѣ приносили ей въ глиняныхъ горшкахъ дары; въ то же самое время магистръ и фламинъ передъ вратами храма, на лужайкѣ изъ дерна, совершали другое жертвоприношеніе Происходили еще нѣкоторыя ритуальныя церемоніи, смыслъ которыхъ невполнѣ для насъ понятенъ; именно, двое изъ братьевъ, сопровождаемые нѣкоторыми изъ слугъ, выходили изъ храма «для принесенія плодовъ», которые затѣмъ переходили изъ рукъ въ руки среди братьевъ, пока, наконецъ, опять ни возвращались въ руки слугъ. Очевидно, что такой церемоніей происходило освященіе полевыхъ плодовъ, при чемъ слѣдуетъ предполагать, что вблизи рощи или въ ней самой находилась священная пашня, съ которой и были доставляемы въ храмъ полевые плоды для освященія ихъ братьями. По окончаніи этой церемоніи освященія плодовъ, братья опять возвращались въ храмъ, произносили здѣсь молитву; послѣ молитвы двери храма отворялись, и вся коллегія располагалась на каменныхъ скамьяхъ, устроенныхъ на склонѣ храмоваго холма. Послѣ этого слѣдовала раздача собравшемуся народу хлѣбовъ, увѣнчанныхъ лавромъ. Наконецъ, двери храма, по удаленіи изъ него всѣхъ слугъ, затворялись, и братья, раздѣлившись на три группы и опоясавшись кушаками, приступали къ исполненію вокругъ алтаря богини священнаго танца tripudium. Во время танца братья по установленному тексту пѣли священный древній гимнъ. Этотъ гимнъ ар-

вальскихъ братьевъ, благодаря счастливой случайности, дошелъ до насъ. Вотъ подлинныя слова гимна, составленнаго на архаическомъ, сакральномъ языкѣ древняго Лаціума.

E nos Lases juvate,
Neve luerve Marmar sins incurere in pleoris.
Satur furere Mars limen sali, sta berber.
Semunis alternei advocapit cunctos.
E nos Marmor juvato.
Triumpe, Triumpe.

Смыслъ гимна въ переводѣ на обычный латинскій языкъ, повидимому, слѣдующій:

Age nos Lares juvate. Neve luem Mars sine incurrere in plures. Satur furere Mars limen sali, sta verbere. Semones alterni advocabite cunctos. Age nos Mars juvato etc [146]).

Такимъ образомъ въ гимнѣ арвальскихъ братьевъ, какъ и въ другихъ подобнаго рода молитвахъ, испрашивались у боговъ благословеніе, миръ и защита отъ всякихъ бѣдъ и несчастій. По окончаніи священнаго танца братья отправлялись для избранія магистра и фламина на слѣдующій годъ, а затѣмъ происходила вторичная общая трапеза, послѣ которой вся коллегія направлялась въ циркъ священной рощи. Здѣсь, по данному сигналу, начинались конныя состязанія на колесницахъ; предсѣдательствовалъ на этихъ состязаніяхъ одинъ или нѣсколько изъ братьевъ, которые и разда

[146]) Русскій переводъ гимна: «Помогите намъ, Лары. Не попусти, Марсъ, никакой язвы на народъ. Пресыщенный яростью, вернись въ свой храмъ и перестань бичевать своего боевого коня. Призывайте попеременно всѣхъ Семоновъ. Да поможетъ намъ Марсъ».

вали побѣдителямъ пальмы и серебряные вѣнки. По окончаніи ристаній братья возвращались въ городъ, въ жилище магистра, гдѣ опять имѣли общую трапезу и совершали возліянія въ честь богини. Этимъ и заканчивался второй, главный день, празднествъ. Третій, заключительный день, по своимъ ритуальнымъ церемоніямъ былъ совершенно схожъ съ первымъ днемъ праздника, составлявшимъ предверіе къ нему.

Кромѣ описаннаго торжества благодаренія и посвященія начатковъ земныхъ произрастаній и полевыхъ плодовъ, въ рощѣ Deae Diae происходили также жертвоприношенія очистительныя и умилостивительныя, вызывавшіяся различными случайными обстоятельствами. То являлась необходимость удалить изъ священной рощи свалившееся отъ старости или пораженное молніей дерево, то высѣчь на камнѣ какую-либо надписъ или произвести нужные ремонты въ храмовыхъ зданіяхъ, что́, понятно, не могло быть сдѣлано безъ помощи желѣзнаго инструмента; внесеніе же въ храмъ желѣза, какъ извѣстно, влекло за собой такъ называемое piaculum (оскверненіе), требовавшее принесенія очистительной жертвы, которая въ такомъ случаѣ состояла изъ свиньи или тучнаго ягненка. Во всѣхъ такихъ случаяхъ въ рощу собирались для исполненія требуемыхъ сакральныхъ церемоній или всѣ братья, или ихъ представитель, магистръ. Но и въ самомъ городѣ имѣли мѣсто различныя культовыя службы (требы), совершаемыя арвальскими братьями, главнымъ образомъ, въ Капитоліумѣ, гдѣ съ этой цѣлью собиралась вся коллегія. Но такія собранія происходили нерѣдко также въ regia, въ императорскомъ дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ. Поводомъ къ такимъ сходкамъ арвальскихъ братьевъ могли быть различныя обстоятельства, какъ, напр.: опо-

вѣщеніе времени праздника Deae Diae; совѣщаніе по какому-либо чрезвычайному случаю, происшедшему въ священной рощѣ; избраніе новыхъ членовъ братства; обсужденіе участія коллегіи въ какихъ-нибудь обѣтныхъ играхъ (ludi votivi); наконецъ, вознесеніе моленій о благоденствіи народа, его главы—императора и царствующей фамиліи. Съ особенной торжественностью выступала коллегія арвальскихъ братьевъ при произнесеніи обѣтовъ капитолійской тріадѣ.

5. Angerona.

Римъ, подобно другимъ древнимъ городамъ, имѣлъ своего спеціальнаго небеснаго заступника—патрона, первоначально не имѣвшаго въ народныхъ представленіяхъ ни опредѣленнаго имени, ни пола. Но съ теченіемъ времени божество это стало отождествляться съ Юпитеромъ, съ Луной, съ Ангероной, съ Опсъ, съ Флорой [147]). По преимуществу Ангерону считали покровительницей Рима, вѣроятно, по той причинѣ, что изображенія этой богини представляли ее держащею палецъ на своихъ устахъ: жестъ, какъ извѣстно, символизирующій таинственность и молчаніе. Далѣе, мы знаемъ, что она именовалась въ молитвахъ Diva Angerona или просто Diva, и что 21 дек. былъ днемъ, когда ей совершалось понтифексомъ жертвоприношеніе въ такъ называемой curia Acculeia (Occuleia), въ святилищѣ Волупіи (Volupia) [148]). Также и самое изобра-

---

147) Macrob. S. III, 9, 4.

148) Varro, l. l. VI, 23: Angeronalia ab Angerona, cui sacrificium fit in curia Acculeia et cujus feriae publicae is dies.

женіе Ангероны помѣщалось на алтарѣ Волупіи храмъ которой находился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была могила Акки Ларенціи. Равнымъ образомъ день жертвоприношенія въ честь Ангероны граничилъ съ празднествомъ частью Сатурна и Опсъ, частью Акки Ларентійской. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на близкое культовое родство Ангероны съ аграрными божествами Рима: Сатурномъ, Опсъ, Аккой Ларенціей и проч. Въ такомъ случаѣ таинственный жестъ въ изображеніяхъ Ангероны--перстъ на устахъ, указывалъ бы на отношеніе этой богини къ тайнамъ подземнаго царства, а ея близкая связь съ Волупіей, богиней нѣги, напоминала бы любовный характеръ Акки Ларенціи и Флоры. Что касается этимологіи собственнаго имени Ангероны, то толкованія его древними писателями очень произвольны: одни производятъ его отъ сущ. angor (скорбь), такъ какъ ,по вѣрованіямъ народа, Ангерона освобождаетъ людей отъ душевныхъ скорбей; другіе—отъ сущ. angina —извѣстная горловая болѣзнь, отъ которой избавляетъ человѣка, какъ думали римляне, молитва къ Ангеронѣ. Всего же вѣроятнѣй, что имя этой богини этимологически родственно съ Ангитіей (Angitia),—богиней марсовъ, и съ прозвищемъ Аполлона—Анксуръ (Anxur).

6. Ceres, Liber, Libera.

Церера, Либеръ и Либера, какъ можно судить уже по однимъ ихъ именамъ, суть божества, несомнѣнно, національнаго, древне-италійскаго происхожденія. Но въ то же время группа этихъ трехъ

божествъ, изъ которыхъ Церера соотвѣтствуетъ греческой Деметрѣ, Либеръ—Діонису, а Либера—Персефонѣ, носитъ на себѣ чисто греческій характеръ и имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе для римскаго богослуженія, что, принадлежа къ наиболѣе древнему греческому культу въ Римѣ, имѣла весьма большое вліяніе какъ на развитіе религіознаго самосознанія въ Римѣ, такъ и на внѣшнюю сторону ихъ богослужебнаго ритуала. Храмъ этихъ трехъ божествъ находился у цирка и обыкновенно именовался aedes Cereris, точнѣе, aedes Cereris Liberi Liberaeque. Основаніе его относится къ сороковому году республики, когда римляне, вслѣдствіе изгнанія Тарквиніевъ, вынуждены были вести войну съ Порсеной и приверженцами Тарквиніевъ среди латинцевъ, что́ повлекло за собой замѣшательство въ доставкѣ хлѣба въ Римъ, и въ городѣ почувствовался недостатокъ въ продовольствіи. Римляне, въ виду угрожающаго голода, обратились за совѣтомъ къ Сивиллинымъ книгамъ, которыя указали на греческія божества земледѣлія, какъ на спасителей въ наставшемъ народномъ бѣдствіи. Такимъ образомъ диктаторъ А. Постумій, побѣдитель при Регильскомъ озерѣ (496 г. до Р. Х.), далъ обѣтъ построить храмъ Церерѣ, Либеру и Либерѣ, который черезъ три года (493 до Р. Х.) и былъ освященъ Сп. Кассіемъ. Незадолго передъ этимъ, вслѣдствіе удаленія плебса, былъ учрежденъ въ Римѣ трибунатъ, и одновременно съ нимъ возникъ институтъ плебейскихъ эдиловъ, на обязанности которыхъ главнымъ образомъ лежала забота о доставкѣ въ Римъ продовольствія и надзоръ за хлѣбнымъ рынкомъ. Въ то же время плебейскіе эдилы были поставлены въ тѣсную связь съ вновь организованнымъ культомъ Цереры и ея храмомъ. Самый культъ этотъ въ такой сте-

пени сохранилъ греческій свой характеръ, что жрицы Цереры были приглашены въ Римъ изъ Неаполя и Элеи, а богослужебный языкъ и вся ритуальная терминологія были также греческіе [149]). Самый храмъ строился греческими художниками въ греческомъ стилѣ и представлялъ первый въ Римѣ образчикъ эллинскаго зодчества, такъ какъ до этого времени господствовала въ Лаціумѣ этрусская архитектура. Что касается верховнаго надзора плебейскихъ эдиловъ за храмомъ, отъ котораго они получили свое названіе—aediles, то онъ ограничивался одной организаціей Церериныхъ игръ (ludi Cereales) въ праздникъ Цереры. Мѣстопребываніе эдиловъ было въ самомъ храмѣ, откуда они вѣдали полицейскій надзоръ за хлѣбнымъ рынкомъ, а также раздавали зерно и хлѣбъ бѣднякамъ изъ своего сословія. Даже позднѣй, по учрежденіи въ 365 г. до Р. Х. на ряду съ плебейскими эдилами курульныхъ эдиловъ, забота о хлѣбномъ довольствіи и играхъ Цереры составляла главную ихъ обязанность вплоть до того времени, когда Цезарь для отправленія этой двойной обязанности учредилъ двухъ новыхъ плебейскихъ эдиловъ, которые, въ отличіе отъ прочихъ своихъ коллегъ, назывались aediles Cereales

Древнее празднество этой богини приходилось въ апрѣлѣ, а главнымъ днемъ праздника было 19 число этого мѣсяца. Праздничныя игры назывались Cerealia или ludi Cereales и въ первое время справлялись только по поводу какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Лишь позднѣе стали праздновать ихъ регулярно каждый

---

[149]) Cic. pro Balbo, 24, 55: Sacra Cereris..... quae, cum essent assumpta de Graecia, et per graecas curata sunt semper sacerdotes et Graeca omnia nominata..... Has sacerdores video fere aut Neapolitanas aut Velienses fuisse.

годъ. Главной идеей, лежавшей въ основѣ праздника Цереры, было воспоминаніе о начаткахъ земледѣлія среди людей, которое въ преданіи связывалось съ греческимъ миѳомъ о похищеніи Плутономъ дочери Цереры, Персефоны, и о перемѣнномъ пребываніи ея то въ подземномъ царствѣ, то среди небожителей. Сказанія о Персефонѣ были занесены въ Римъ изъ нижне-италійскихъ городовъ, которые въ свою очередь заимствовали ихъ изъ Сициліи и главнымъ образомъ изъ города Энны, составлявшаго центръ культа Деметры.

Поэтому и римскіе поэты разсказываютъ о похищеніи Прозерпины согласно съ легендою объ этомъ города Энны. Такъ, Овидій, говоря о причинѣ основанія Цереринытъ игръ, разсказываетъ слѣдующее [150]): «Церера обучила людей воздѣлыванію самаго благороднаго земного плода,—хлѣбнаго зерна, еще въ ту эпоху, когда господствовали простота нравовъ и миръ; поэтому и сама богиня любитъ, чтобы ей приносили простые дары, но только отъ чистаго сердца. Особенно слѣдуетъ избѣгать приносить въ жертву Церерѣ быка, который данъ человѣку помощникомъ при воздѣлываніи и обработкѣ полей. Напротивъ, свинья—очень угодная ей жертва. Родина богини—плодородный островъ Силиція, житница Италіи. Особенно пріятно Церерѣ пребываніе въ Эннѣ, городѣ, отовсюду окруженномъ нивами. Во время одного пира, который устроила Аретуза для богинь-матерей, Прозерпина, дочь Цереры, вышедшая со своими подругами на лугъ собирать цвѣты, была похищена Плутономъ. Слишкомъ поздно достигъ до матери крикъ испуга похищаемой дочери. Церера въ глубокой сердечной печали блуждала въ поискахъ за дочерью сначала въ

[150]) Fast: IV, 392 и сл.

окрестностяхъ Энны, а затѣмъ по всему острову, пока, наконецъ, на землю ни спустились ночные сумерки. Тогда богиня зажигаетъ въ жерлѣ Этны два сосновыхъ факела, чтобы ими освѣщать себѣ путь, и, впрягши въ колесницу двухъ крылатыхъ драконовъ, направляется черезъ море къ Коринѳу и Аттикѣ. Здѣсь она впервые надѣляетъ своими дарами,—хлѣбными колосьями,— Триптолема, сына элевзинскаго царя, Келея, и научаетъ его земледѣлію. Изъ Аттики богиня спѣшитъ далѣе на востокъ, въ Азію, пока, наконецъ, ни достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ земли, отдаленныхъ обитателей восточныхъ и западныхъ странъ, жителей береговъ Роны, Рейна, По и Тибра. Обошедши всю землю въ тщетныхъ поискахъ дочери, Церера посѣтила также и небесныя сферы; здѣсь звѣзды направили ее къ солнцу, отъ котораго она и узнала о судьбѣ своей дочери. Юпитеръ обѣщалъ Церерѣ возвратить ей дочь на томъ условіи, что послѣдняя будетъ проводить одну половину каждаго года среди небожителей и у матери, а другую въ царствѣ подземныхъ боговъ. Только теперь возвратились на землю—прежнее довольство, веселье и дары Цереры, которая стала столь щедрой на ихъ раздачу, что никакой токъ не въ состояніи вмѣстить ихъ. Поэтому людямъ подобаетъ чтить Цереру, какъ примиренную, благодѣтельную богиню жатвы, въ то именно время года, когда зеленѣющія нивы подаютъ надежду на предстоящій обильный урожай. Чтить ее слѣдуетъ, облекшись въ бѣлыя одежды, символизирующія веселье и радость; только бѣлое одѣяніе приличествуетъ почитателямъ Цереры». По этой причинѣ въ праздникъ Цереры жрицы ея и посвященные облекались во всё бѣлое. Празднество продолжалось восемь дней, отъ 12 по 19 апрѣля. Праздникъ открывался торжественной

процессіей къ цирку, гдѣ происходили игры, почти непосредственно слѣдовавшія такимъ образомъ за Мегалезіями, которыя справлялись, какъ извѣстно, отъ 4 по 10-е апрѣля. Эдилы, въ качествѣ главныхъ организаторовъ игръ Цереры, принимали участіе также и въ жертвоприношеніи ей, происходившемъ 19 апр., главный день Церераго празднества. Къ этому времени циркъ переполнялся многолюдной толпой, которой присутствовавшіе бросали различные подарки, лакомства и особенно орѣхи, бывшіе въ Италіи символомъ плодородія и изобилія [151]). Помимо конныхъ ристаній въ этотъ день въ циркѣ происходила оригинальная, національная забава, именно, травля лисицъ, къ хвостамъ которыхъ привязывали горящіе факелы. Забава эта, какъ можно полагать, наглядно символизировала вредъ, причиняемый нивамъ ржой, которую называли robigo (красная лисица). По поводу обычая травли лисицъ, происходившей въ циркѣ въ праздникъ Цереры, Овидій разсказываетъ слѣдующее преданіе, слышанное имъ во время его поѣздки на родину отъ одного сельчанина въ Карсеолахъ (Carseoli [152]): «Нѣкогда въ этой мѣстности владѣла небольшой усадьбой бережливая, закаленная въ трудѣ семья; мужъ занимался обработкой земли, а жена—уходомъ за домашнимъ хозяйствомъ; она была очень прилежной пряхой. У нихъ былъ сынъ двѣнадцати лѣтъ и дюжій батракъ работникъ. Послѣдній изловилъ лисицу, которая повадилась часто посѣщать курятникъ, и, обмотавъ вокругъ нея солому и сѣно, зажегъ ихъ и въ такомъ видѣ пустилъ лисицу на свободу. Лисица

---

[151]) Fest. p. 177: Nuces mitti in Cerealibus. Cp. Tacit. Ann. XV, 53.

[152]) Ovid. Fast: IV, 679 и сл.

побѣжала по хлѣбнымъ полямъ и произвела пожаръ. Съ этихъ поръ въ Карсеолахъ былъ установленъ законъ, повелѣвавшій убивать всякую пойманную лисицу. [153]). По той же причинѣ была установлена и выше описанная травля лисицъ въ циркѣ, въ праздникъ Цереры». На самомъ дѣлѣ основу и объясненіе этого ритуальнаго обычая слѣдуетъ искать въ страшномъ вредѣ, наносимомъ нивамъ ржой, которая особенно губительна въ это именно время года, совпадающее съ восходомъ созвѣздія Пса. Вблизи Рима находилась роща, посвященная Робигу (Robigo, Robigus). Подъ этимъ именемъ, которое этимологически родственно слову robus, т.-е. rufus (рыжій), было почитаемо въ Римѣ особое божество. Въ честь его 25 го апрѣля, т.-е., сейчасъ же послѣ Цереалій, справлялись Robigalia, во время которыхъ этому божеству молились объ отвращеніи опасности, грозившей нивамъ отъ ржи. Такъ какъ это было временемъ восхожденія созвѣздія Пса, то въ день Робигалій въ рощѣ, посвященной Робигу, совершали умилостивительную жертву, состоявшую изъ рыжаго щенка[154]); оттого и ближайшія къ рощѣ городскія ворота получили наименованіе Песьихъ воротъ [155]).

Другой праздникъ Цереры, къ участію въ которомъ допускались однѣ только женщины, справлялся въ августѣ мѣсяцѣ, именно, на слѣдующій за пораже-

---

[153]) Ovid. l. c. v. 709 sq. nam vivere captam nunc quoque lex volpem Carseolana vetat.

[154]) Verr. Flacc. къ Fast Praen. Rob: Feriae Robigo via Claudia ad milliarium V, ne Robigo frumentis noceat.

[155]) Paul p. 45: Catularia porta Romae dicta est, quia non longe ab ea ad placandum Caniculae Sidus, frugibus inimicum, rufae canes immolantur.

ніемъ римлянъ при Каннахъ день (2-е авг. 216 г.). Это празднество было установлено въ память обрѣтенія Церерой своей дочери, Прозерпины, и совершалось вполнѣ согласно греческому ритуалу. Матронамъ предписывалось въ теченіе девяти ночей, предшествовавшихъ наступленію праздника, воздержаніе отъ брачнаго ложа; послѣ этого онѣ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, украшенныя вѣнками изъ зрѣлыхъ колосьевъ, приносили богинѣ въ даръ начатки зеленыхъ плодовъ. По причинѣ выше упомянутаго, предписаннаго закономъ, воздержанія, въ основѣ чего, несомнѣнно, лежалъ миѳъ о похищеніи Прозерпины, Церера въ Римѣ считалась противницей брачной жизни [156]), хотя вообще она, подобно Теллусъ, почиталась покровительницей брака [157]). Въ Римѣ справлялось даже торжество бракосочетанія Цереры или Орка [158]). Наконецъ, съ 191 г. до Р. Х., по почину сивиллиныхъ книгъ, въ первое время разъ въ четыре года, а позднѣе—ежегодно, соблюдался постъ Цереры ieiunium Cereris [159]), соотвѣтствовавшій по времени греческимъ Ѳесмофоріямъ.

Культъ Цереры и ея древнее святилище въ Римѣ всегда пользовались наибольшимъ почитаніемъ. По свидѣтельству Цицерона, Церера въ такой степени приняла характеръ туземной, національной богини, что Римъ,

---

[156]) Serv. V. A. III; 139; V. A. IV, 58: Alii ducunt, Cererem propter raptum filiae nuptias exsecratam.

[157]) Serv. V. A, IV, 58; ср. Paul. p. 87: facem in nuptiis in honorem Cereris praeferebant.

[158]) Serv. V. Georg: I, 344: aliud est sacrificium aliud nuptias Cereris celebrare, in quibus revera vinum adhiberi nefas fuerat, quae Orci nuptiae dicebantur....

[159]) T. Liv. XXXVI, 37, 4; см. Kalen. Amitern, 4-е окт.

казалось, былъ тѣмъ городомъ, изъ котораго культъ ея распространился по другимъ странамъ и народамъ. Въ 31-мъ году до Р. Х. Августъ возобновилъ ея сгорѣвшій храмъ, а Тиберій освятилъ его [160]). Императоръ Клавдій пытался даже перенести въ Римъ элевзинскія мистеріи.

На ряду съ Церерой не меньшимъ почитаніемъ по всей Италіи и въ Римѣ пользовался культъ Либера (Liber) и Либеры (Libera). Хотя онъ и былъ организованъ по образцу греческаго культа Діониса и Персефоны, но основу его составляли древне-италійскія, національныя религіозныя представленія, на что́ указываютъ уже одни имена Либера и Либеры. Собственно Liber, или Liber Pater, значитъ — освободитель, богъ веселья, шутокъ и необузданнаго разгула [161]). Такія, именно, представленія народъ въ Италіи всегда соединялъ съ почитаніемъ Либера и Либеры, и потому ихъ сельскій праздникъ во время сбора винограда сопровождался ничѣмъ нестѣсняемой свободой въ рѣчахъ и весельемъ, вызываемымъ щедрыми дарами природы. Дальнѣйшее значеніе Либеръ и Либера получаютъ, какъ божества всякой продуктивной силы природы, и къ нимъ обращались съ молитвой не только о произростаніи плодовъ земныхъ, но и о приплодѣ скота и размноженіи человѣческаго рода. Такія молитвы мы находимъ уже въ древнѣйшихъ индигитаментахъ, что́ слу-

[160]) Tacit Ann. II, 49.

[161]) Paul. p. 115: Liber repertor vini ideo sic appellatur, quod vino nimio usi omnia libere loquantur. p. 116 Naevius: libera lingua loquemur ludis Liberalibus. Seneca de tranq. an. 15, 15 говоритъ: Liber (appellatus est), quia liberat servitio curarum animum.

житъ новымъ и прямымъ доказательствомъ національно-италійскаго характера этихъ двухъ божествъ. Обычной принадлежностью ихъ культа какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи былъ фаллосъ, символъ оплодотворенія, который въ Италіи назывался fascinum и во время винограднаго сбора торжественно былъ обвозимъ на колесницѣ по деревнямъ и виноградникамъ. Въ Лавиніумѣ, древнѣйшемъ центрѣ латинскихъ пенатовъ, даже цѣлый мѣсяцъ былъ посвященъ Либеру; въ теченіе всего этого времени дозволялись самыя необузданныя шутки, и фасцинумъ развозили по всѣмъ городскимъ площадямъ до послѣдняго дня праздника, когда его опять отвозили въ святилище Либера, гдѣ обыкновенно хранился этотъ символъ оплодотворенія. Такъ называемые versus fescennini, очевидно, получили какъ свое начало, такъ и названіе отъ выше описаннаго религіознаго обычая—обвозить фаллосъ по виноградникамъ во время сбора винограда, каковая церемонія сопровождалась пѣснями, очень свободными по своему содержанію. Такіе же стихи и съ такимъ же характеромъ были въ употребленіи и при брачномъ шествіи. Какъ фаллосъ служилъ символомъ Либера, божества мужской производительной силы, такъ Либерѣ, богинѣ женскаго воспріятія, былъ посвященъ соотвѣтствующій символъ женскаго пола, почему Либера нерѣдко отождествлялась съ Венерой [162]). Благодаря греческому вліянію, въ народныхъ представленіяхъ произошло сліяніе Либера съ Діонисомъ, а Либеры, или Прозерпины—съ Персефоной, и эти оба греческія божества, подобно Церерѣ, пользовались большимъ почитаніемъ какъ въ Римѣ, такъ и по всей Италіи, въ го-

---

[162]) Augustin. C. D. VI, 9.

родахъ и селахъ. Главнымъ празднествомъ Либера и Либеры всегда было время сбора винограда. Существовали еще другія Liberalia, справлявшіяся въ Римѣ 17-го марта, во время обхожденія саліями городской территоріи. Жертвоприношеніе въ этотъ городской праздникъ составляли такъ называемыя liba—жертвенныя лепешки, изготовленныя изъ полбы (far), меда и масла. Въ день праздника по всему городу продавались эти печенія особо назначенными жрицами, имѣвшими при себѣ маленькій жертвенный очагъ, на которомъ онѣ и приносили въ жертву лепешки отъ лица ихъ покупателей [163]). Въ этотъ же день, обыкновенно, на юношей, достигшихъ зрѣлости, возлагалась такъ называемая toga libera.

7. Magna Mater Jdaea.

Во время тяжкихъ испытаній второй Пунической войны римляне, по совѣту сивиллиныхъ книгъ, рѣшились перевезти въ Римъ изъ Пессинунта во Фригіи главную мѣстную святыню — изображеніе Великой Идейской Матери [164]). Въ книгахъ Сивиллы было найдено пророчество о томъ, что, въ случаѣ вторженія въ Италію чужеземнаго врага, послѣдній будетъ побѣжденъ и прогнанъ, если будетъ перевезена въ Римъ изъ Пессинунта Великая Матерь. Такое указаніе Сивиллы произвело въ Римѣ тѣмъ бо́льшую сен-

---

[163]) Varro, l.l. VI, 14. Ср. Ovid. Fast. III, 670 и сл. также—Serv. V. A. VII, 109; Varro, l.l. VII, 44.

[164]) T. Liv. XXIX, 10, 4—11, 8.

сацію, что одновременно съ нимъ пришло изъ Дельфъ изреченіе, обѣщавшее римлянамъ еще болѣе блестящую побѣду. Это было въ 205 году, вскорѣ послѣ пораженія Газдрубала при Сенѣ, когда всѣ римляне были заняты проектомъ II Сципіона о перенесеніи войны въ Африку. Въ Малой Азіи Римъ имѣлъ въ Атталѣ, царѣ Пергама, преданнаго друга. Его владѣнія простирались отъ Мизіи вплоть до границы Фригіи. Поэтому доступъ къ Пессинунту, древнему средоточію культа Великой Матери, и ея святилищу былъ возможенъ только при содѣйствіи царя Аттала. Итакъ, въ 205 же г. до Р. Х. было снаряжено торжественное посольство къ нему, которое, по пути посѣтивъ Дельфы, получило вторично благопріятный отвѣтъ съ требованіемъ, чтобы, по доставленіи въ Римъ изображенія Великой Матери, послѣдней оказалъ гостепріимство «лучшій мужъ въ Римѣ». Римское посольство встрѣтило самый дружественный пріемъ у Аттала, который самъ сопровождалъ римлянъ въ Пессинунтъ и здѣсь вручилъ имъ священный камень, почитавшійся туземцами за Великую Матерь. Это былъ небольшой величины аэролитъ, темнаго цвѣта, съ угловатой поверхностью, который легко можно нести въ рукѣ [165]). Лишь только эта святыня очутилась въ рукахъ римлянъ, какъ одинъ изъ посольства поспѣшилъ въ Римъ съ радостной вѣстью и требованіемъ—найти «лучшаго мужа» въ городѣ для принятія Великой Матери. Въ слѣдующемъ, 204 г. до Р. Х., когда П. Сципіовъ дѣйствительно переправился изъ Сициліи въ Африку, посольство со святыней при-

---

[165]) Arnob. VII, 49; cp. Prudent. Martyr. Rom. 206: nigellus lapis evehendus essedo muliebris oris clausus argento sedet. Геродіанъ называетъ его ἄγαλμα διοπετές.

было въ Таррацину. П. Сципіонъ, по прозвищу— **Nasica**, сынъ убитаго въ Испаніи Гн. Сципіона и двоюродный братъ П. Сципіона, въ которомъ въ это время сосредоточивались всѣ чаянія римскаго народа, еще совсѣмъ юноша, былъ признанъ сенатомъ за «лучшаго мужа». Итакъ, онъ, въ сопровожденіи всѣхъ римскихъ матронъ, вышелъ на срѣтеніе богини въ Остію, гдѣ принялъ отъ посольства камень на внѣшнемъ рейдѣ и, сойдя на берегъ, передалъ его матронамъ. Среди послѣднихъ находилась нѣкая Клавдія Квинта, которая до тѣхъ поръ пользовалась сомнительной репутаціей, но теперь, благодаря своему участію въ выше описанной церемоніи, была очищена какъ бы самой богиней. Матроны, чередуясь, несли священный камень до самаго города. Весь Римъ вышелъ имъ навстрѣчу; по всѣмъ улицамъ, по которымъ двигалась процессія, передъ воротами домовъ курились ѳиміамы; всюду слышались моленія къ богинѣ о ниспосланіи городу милости и благополучія [166]). И дѣйствительно, возлагавшіяся на новое божество надежды, оправдались: земля въ этомъ году дала необычайно обильный урожай; въ слѣдующемъ затѣмъ году (203) Ганнибалъ вынужденъ былъ уйти изъ Италіи; въ 202 г. до Р. Х. послѣдовало его пораженіе при Замѣ, и, наконецъ, не много лѣтъ спустя, при Кинокефалахъ былъ разбитъ Филиппъ Македонскій. Перенесеніе культа фригійской богини въ Римъ составило поворотный пунктъ въ исторіи религіознаго развитія римлянъ: съ этого времени въ Римѣ національный культъ всё болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто чужеземнымъ, восточнымъ богопочитаніямъ. Великая Матерь особенно много ревностныхъ поклон-

---

166) T. Liv. XXIX. 14.

никовъ нашла среди римской знати. 10-е апрѣля, день прибытія священнаго камня на Палаціумъ, гдѣ его помѣстили въ святилищѣ Викторіи, было назначено днемъ празднества новой богини. Отовсюду стали стекаться богатыя приношенія. Было установлено въ честь Великой Матери lectisternium и организованы игры, которыя получили названіе Megalesia (μεγάλη μήτηρ) [167]. Въ то же время состоялось рѣшеніе о постройкѣ особаго храма для фригійской богини, а, десять лѣтъ спустя, постановили—чествовать Мегалезіи сценическими представленіями [168]. Наконецъ, въ 191 г. до Р. Х. послѣдовало освященіе храма, сопровождавшееся играми и сценическими представленіями [169]. Святилище Великой Матери лежало вблизи Палатинскаго храма Аполлона.

Такъ повѣствуетъ Т. Ливій о перенесеніи изъ Фригіи въ Римъ культа Великой Матери. Но у Овидія, въ въ его календарѣ (Fast. IV, 247 и сл.), этотъ разсказъ получилъ уже вполнѣ легендарный характеръ. По этой легендѣ Великая Матерь была божествомъ очень близкимъ къ Энею, а черезъ него и всей римской знати. Она послѣдовала бы въ Римъ одновременно съ Энеемъ, но тогда еще не приспѣло время, а потому фригійская богиня снабдила его только священными соснами съ горы Иды, изъ которыхъ были построены корабли Энея (Verg. A. IX, 80 и сл.), благодаря чему послѣдніе были застрахованы отъ всякой опасности. «Когда», повѣствуетъ

---

[167]) Varro, l.l. VI, 15: Megalesia dicta a Graecis, quod ex libris Sibyllinis arcessita ab Attalo rege Pergama, ubi prope murum Megalesion templum ejus deae, unde advecta Romam.

[168]) T. Liv. XXXIV, 54. 3.

[169]) T. Liv. XXIX, 14 и XXXVI, 36.

Овидій: «римское посольство прибыло за Великой Матерью, то, въ виду отказа Аттала передать имъ святыню, раздался среди происшедшаго землетрясенія голосъ самой богини, повелѣвавшій исполнить требованіе римлянъ, такъ какъ-де ихъ городу опредѣлено судьбой собрать въ своихъ стѣнахъ божества всѣхъ народовъ. И вотъ опять изъ священныхъ идейскихъ сосенъ сооружается корабль, на этотъ разъ для перевезенія въ Римъ самой богини. По прибытіи корабля въ Остію, весь народъ, всадники, сенатъ, всѣ матроны, дѣвицы и весталки поспѣшили навстрѣчу богинѣ. При втаскиваніи священнаго корабля въ устье Тибра, онъ сѣлъ случайно на мель, и никакія усилія не могли стащить его съ мѣста. Тогда выступила впередъ Клавдія Квинта, отличавшаяся своей красотой и родовитостью, но, вслѣдствіе изысканности своего наряда и чрезмѣрной свободы языка, ставшая предметомъ народныхъ сплетенъ. Она всенародно обратилась къ богинѣ съ молитвой послѣдовать за собой, чтобы этимъ доказать ея цѣломудріе и очистить отъ клеветъ. Великая Матерь вняла молитвѣ невинной дѣвушки: Клавдія легкимъ толчкомъ сдвинула корабль съ мели и, благодаря такому чуду, знатная, но сомнительной до этого времени репутаціи дѣвушка становится весталкой и даже святой, къ которой о помощи взываютъ корабельщики при входѣ въ устье Тибра, гдѣ имъ угрожаетъ множество опасностей [170]. Такъ чудесно сдвинутый съ мѣста корабль съ радостными кликами римляне потащили далѣе вверхъ до излучины Тибра [171]), гдѣ заночевали. На слѣдующее утро, по совершеніи жертвопри-

[170]) Cic de har. resp. 13. 27; Sueton. Tib., 2; Tacit. Ann. IV, 64. Herodian. I, 11; Macrob. II, 5, 4.

[171]) Ovid. Fast. IV, 339: fluminis ad flexum veniunt.

ношенія, корабль, украшенный вѣнками, причалилъ къ тому мѣсту, гдѣ Альмо впадаетъ въ Тибръ. Здѣсь одинъ изъ жрецовъ омылъ изображеніе богини и ея священные аттрибуты ключевой водой изъ источника, особо ей посвященнаго, при чемъ сопровождавшіе богиню туземные фригійскіе служители ея оглашали воздухъ дикими криками и пронзительными звуками флейтъ, бичуя при этомъ свои спины до крови. Послѣ этой церемоніи кортежъ двинулся далѣе, къ городу, черезъ Капенскія ворота. Богиня, предшествуемая Клавдіей, слѣдовала на колесницѣ, осыпаемой отовсюду цвѣтами». По легендѣ, передаваемой Овидіемъ, Сципіонъ Назика принялъ фригійскую Матерь только въ стѣнахъ города.

Культъ ея въ Римѣ былъ организованъ по греческому образцу. Для совершенія обрядовыхъ церемоній были назначены особый жрецъ и особая жрица фригійскаго происхожденія, которые совмѣстно со своимъ штатомъ изъ кастратовъ — галловъ ежегодно совершали торжественный обходъ по городу, при чемъ производился обычный сборъ въ пользу богини. Во время обхода свита ея пѣла гимны въ честь Великой Матери и била въ ручные литавры. Урожденнымъ римлянамъ воспрещалось выступать въ этихъ процессіяхъ. Пѣснопѣнія этого культа (τὰ μητρῷα μέλη) исполнялись только на греческомъ языкѣ. Участіе римской знати въ культѣ Великой Матери выражалось только въ такъ называемыхъ m u t i t a t i o n e s [172]) и Мегалезскихъ играхъ. Эти mutitationes состояли въ томъ, что члены римской знати поочередно устраивали пиры для взаимнаго угощенія въ память того, что фригійская богиня перемѣнила свою родину, Фригію, на Римъ. Для организаціи такихъ

---

[172]) Verr. Flacc. in Calend. Praen. 4.

пировъ образовались особыя братства—sodalitates. Мегалезскія игры, состоявшія подъ главнымъ надзоромъ претора, были частью цирковыя, частью сценическія и справлялись съ 4-го по 10-е апрѣля.

А. Солоникіо.

[illegible] ей горой [illegible]
[illegible] сравнивали ее вліяніе [illegible]
[illegible] пронзительными звуками [illegible]

[illegible]

ли на похоронный погребальн[illegible]

гинѣ, перенесенной Оппіемъ, Сципіонъ [illegible]
нихъ фригійскую Матерь только въ ст[illegible]

Культъ ея въ Римѣ былъ органи[illegible]
слѣдующимъ образомъ. Для совершенія обрядовъ [illegible]
были назначены особый жрецъ и особая [illegible]
фригійскаго происхожденія, которые обязательно [illegible]
годъ въ кастратовъ — галловъ. Ежегодно со [illegible]
торжественный обходъ по городу, при чемъ при[illegible]
обычный сборъ въ пользу богини. Во [illegible]
ея были также въ честь Великой [illegible]
ручные литавры. Урожденнымъ [illegible]
запрещалось выступать въ этихъ процессіяхъ. [illegible]
этого культа (τὰ μητρῷα μέλη) исполнялись только [illegible]
греческомъ языкѣ. Участіе римской [illegible]
Великой Матери выражалось только въ томъ, [illegible]
такъ называемые sodalitates [172] и Мегалезійскихъ играхъ [illegible]
спеціальное состояли въ томъ, что [illegible]
и поочередно устраивали пиры для [illegible]
ній въ память того, что фригійская богиня [illegible]
свою родину, Фригію, на Римъ. Для [illegible]

---

[172] Varr. Marc. in Cobind.

Гекторъ и Андромаха

(„Иліада“, п. VI, XXII, XXIV).

Среди многочисленныхъ героевъ «Иліады», мужскихъ и женскихъ образовъ, симпатіи читателя съ особенною силою привлекаютъ троянскій герой Гекторъ и его супруга Андромаха. Личности ихъ выступаютъ въ такомъ мягкомъ, нѣжномъ, трогательномъ освѣщеніи; нравственный образъ ихъ до того привлекателенъ, что читатель невольно останавливается на нихъ съ любовью и понимаетъ всю силу и обаяніе благородства души, въ комъ и когда бы оно ни проявлялось.

Въ VI пѣснѣ «Иліады» имъ посвященъ одинъ изъ чудныхъ ея эпизодовъ—трогательная сцена прощанія Гектора съ Андромахой. Гекторъ удаляется съ поля битвы, чтобы побудить соотечественниковъ молить Палладу о помощи, такъ какъ троянъ одолѣваютъ ахеяне. Улучивъ время, онъ спѣшитъ въ свой домъ проститься съ женою и сыномъ, но, не заставъ Андромахи, быстро направляется къ Скейскимъ воротамъ, гдѣ, по указанію прислужницы, его ожидаетъ жена. Завидя Гектора, Андромаха бросилась къ нему навстрѣчу, сопровождаемая кормилицей съ ребенкомъ на рукахъ. При взглядѣ на сына, отецъ тихо улыбнулся. «Андромаха стояла, ліющая слезы». Пожавъ руку мужа, она обращается къ нему съ нѣжнымъ упрекомъ за то, что, въ заботахъ о защитѣ Трои, онъ забываетъ о ней и ребенкѣ, и со слезами проситъ не покидать города, не выходить на битву съ Ахиллесомъ, сжалиться надъ нею и надъ сыномъ

Астіанаксомъ. Ее тревожитъ тяжелое предчувствіе близкой роковой развязки, а со смертью Гектора она останется беззащитной, безпомощной вдовою, ибо всѣ дорогіе ея сердцу люди—отецъ, мать и братья—погибли. «Сжалься же ты надо мною... сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою!» взываетъ бѣдная женщина къ мужу. Она сознаетъ, что Гекторъ не можетъ отказаться отъ исполненія долга, который обязываетъ его бороться за свободу и независимость родного края, и потому, чтобы онъ внялъ ея мольбамъ, указываетъ на достойное героя, по ея мнѣнію, дѣло, которое онъ можетъ выполнить, не удаляясь изъ Трои: пусть ея мужъ защищаетъ городъ въ томъ наиболѣе опасномъ его пунктѣ, на который не разъ уже были направлены усилія греческихъ героевъ, желавшихъ ворваться въ крѣпость.

Гекторъ раздѣляетъ опасенія супруги, предвидитъ паденіе Трои, гибель народа и свою собственную неизбѣжную смерть на полѣ брани, но, несмотря на ужасъ надвигающейся грозы, считаетъ постыднымъ для себя удаляться отъ боя, такъ какъ на немъ лежитъ обязанность защищать отечество отъ враговъ, бороться съ ними въ открытомъ полѣ, въ первыхъ рядахъ: иначе онъ покроетъ себя позоромъ, и каждый троянецъ и троянка назовутъ его малодушнымъ. Его не столько сокрушаетъ предстоящая гибель отца, матери, братьевъ, сколько будущая участь Андромахи: ее ждетъ неволя, жребій плѣнницы-рабыни, обязанной ткать на чуземку, носить для нея воду, испытать всю горечь униженія, затаить въ душѣ обидное чувство и только въ слезахъ находить облегченіе горя; невыносимо тяжело будетъ для нея тогда услышать имя мужа, который не далъ бы ея въ обиду, защитилъ бы ее отъ рабства. Лучше

ужъ пасть въ битвѣ, чѣмъ увидѣть плѣнъ милой и услышать ея жалобный вопль!

Высказавъ женѣ эти горестныя мысли, Гекторъ обратился къ сыну; но малютка, испуганный блестящимъ шлемомъ, съ развѣвающейся надъ нимъ конской гривой, съ плачемъ припалъ къ груди кормилицы. Гекторъ снимаетъ съ себя шлемъ, кладетъ его на землю, беретъ сына на руки, цѣлуетъ и ласкаетъ его, затѣмъ обращается съ горячей молитвой къ Зевсу и другимъ богамъ, призываетъ ихъ благословеніе на сына и проситъ о сохраненіи его жизни, о дарованіи ему счастья, могущества и славы, чтобы онъ благополучно царствовалъ въ Троѣ и своими доблестями превзошелъ даже отца. Передавъ затѣмъ сына сквозь слезы улыбающейся матери, Гекторъ нѣжно обнимаетъ жену, ласкаетъ ее и обращается къ послѣднему, самому убѣдительному доводу, чтобы успокоить и утѣшить несчастную женщину: если, говоритъ онъ, ему не суждено умереть на полѣ брани, то не умретъ, а въ противномъ случаѣ— судьбы избѣжать невозможно, все равно, останется ли онъ въ городѣ, проявивши робость, будетъ ли, вѣрный своей привычкѣ, смотрѣть прямо въ глаза смерти. Пусть же милая жена не горюетъ, возвратится въ свой домъ для обычныхъ занятій, а военныя заботы предоставитъ мужу. Простившись съ Андромахой, Гекторъ поднимаетъ свой шлемъ и спѣшитъ за городскія ворота. Андромаха печально возвращается въ свой домъ, «часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая». Она приказываетъ служанкамъ оплакивать Гектора, предчувствуя, что ему не возвратиться съ поля битвы.

Сколько жизненности, правдивости, естественности въ этой превосходной сценѣ! Если отбросить нѣкоторыя

подробности, объясняемыя міровоззрѣніемъ древнихъ греговъ, условіями мѣста и времени, то все остальное, т.-е. мысли и чувства, переживаемыя дѣйствующими лицами, ихъ взаимныя отношенія, характеръ ихъ задушевной бесѣды--носитъ на себѣ яркій общечеловѣческій отпечатокъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти ласковыя, грустныя рѣчи Гектора къ супругѣ, которую онъ старается утѣшить; скорбь отъ предчувствія будущей ея участи, любовь къ малюткѣ—сыну, молитва за него, борьба между чувствомъ любви и долгомъ, страхъ Андромахи и за мужа, и за себя съ сыномъ, ея любовь и тяжелыя предчувствія—развѣ проявленіе всѣхъ этихъ высокихъ, гуманныхъ чувствъ, глубокой, сердечной привязанности, горя, тоски, печали, не повторяется, при соотвѣтствующихъ условіяхъ жизни, во всѣ времена, у всѣхъ культурныхъ народовъ? Оттого-то такъ неотразимо впечатлѣніе этой трогательной сцены, что она заставляетъ звучать самыя нѣжныя струны человѣческаго сердца, изображаетъ близко знакомыя каждому душевныя движенія. Гекторъ и Андромаха—это неувядаемые образцы нѣжной взаимной любви и самопожертвованія во имя долга. Какъ ни сильна въ Гекторѣ привязанность къ женѣ и сыну, онъ не задумывается пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ для блага отечества, при томъ безъ надежды на успѣхъ того дѣла, которому служитъ, съ полнымъ сознаніемъ неотвратимости собственной гибели. Въ этомъ-то и заключается весь трагизмъ его положенія. Та же безропотная покорность судьбѣ и сознаніе долга составляютъ отличительную черту Андромахи.

Нѣжная мать и любящая жена, она увлекается заманчивою мыслью спасти любимаго человѣка отъ угрожающей ему смерти; но, когда Гекторъ убѣдительно доказываетъ, что долженъ прежде всего думать о благѣ

отечества, Андромаха безмолвно покоряется своей долѣ, несмотря на весь ужасъ ожидающаго ее въ будущемъ положенія. Вотъ это умѣнье подчинить свои личные интересы требованіямъ долга, благородство побужденій, мягкость, человѣчность взаимныхъ отношеній героевъ, дѣлаютъ ихъ въ высокой степени симпатичными, и читатель съ грустью слѣдитъ за всѣми перипетіями ихъ душевной драмы. Одно лишь смущаетъ его: вмѣшательство въ жизнь героевъ неумолимой судьбы, благодаря которому они являются далеко несвободными въ своей дѣятельности. Согласно вѣрованію въ судьбу, вся жизнь древняго грека представлялась ему не выраженіемъ въ разныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ свободной воли, но страдательнымъ, невольнымъ исполненіемъ того предначертанія, которое опредѣлено ему судьбою. Человѣкъ, такимъ образомъ, былъ игралищемъ судьбы, слѣпымъ орудіемъ для исполненія ея воли (трагедія «Эдипъ-царь»). Гекторъ и Андромаха также испытываютъ на себѣ вліяніе этой тайной, неотразимой силы; но тѣмъ безвыходнѣе положеніе злосчастныхъ супруговъ, тѣмъ сильнѣе въ читателѣ чувство искренняго сожалѣнія къ нимъ и опасенія за будущее этихъ прекрасныхъ людей, достойныхъ счастія, которое будетъ разрушено по прихоти безжалостной, жестокой судьбы! Вѣщее сердце подсказываетъ имъ, что надвигающееся страшное горе близко, и не напрасно: въ XXII пѣснѣ «Иліады» уже разсказывается о смерти Гектора и объ отчаяніи пораженной ею Андромахи. Вотъ на полѣ битвы поднимается пыль: то безжалостный Ахиллъ мчитъ привязанный къ колесницѣ обнаженный трупъ Гектора: голова его бьется о землю; растрепались черные отъ пыли кудри. Несчастные отецъ и мать, стоя на городской башнѣ, въ отчаяніи рвутъ на себѣ воло

сы, горько плачутъ. Между тѣмъ Андромаха, ничего не знавшая объ участи мужа, ждетъ его возвращенія въ домъ; она приготовила для Гектора теплую ванну... Вдругъ она слышитъ крики и вопли, съ замирающимъ отъ недобраго предчувствія сердцемъ бѣжитъ на башню... и видитъ, какъ быстрые кони влекутъ трупъ мужа къ кораблямъ ахеянъ... Безъ чувствъ падаетъ бѣдная женщина на землю и потомъ, очнувшись, оплакиваетъ дорогого супруга, заливается горькими слезами. Не о себѣ горюетъ Андромаха, а о судьбѣ сына, котораго ожидаетъ впереди безпрерывное страданіе: сирота, онъ не найдетъ ни въ комъ сочувствія; безпріютный и голодный, будетъ онъ скитаться между людьми, встрѣчая съ ихъ стороны холодное равнодушіе и насмѣшки.

XXII пѣснь дорисовываетъ нравственный образъ Гектора, который палъ въ борьбѣ съ Ахиллесомъ, до конца оставаясь вѣрнымъ своему долгу. Ни мольбы отца, ни матери не поколебали въ немъ рѣшимости сразиться съ Ахиллесомъ. Когда онъ ожидалъ приближенія грознаго врага, стоя у городской стѣны, въ его душѣ шевельнулась мысль, подсказанная чувствомъ самосохраненія; но онъ тотчасъ же заглушаетъ эту мысль, такъ какъ считаетъ постыднымъ для себя удаляться отъ битвы: это нужно было сдѣлать раньше, въ ту роковую ночь, когда вновь ополчился Ахиллесъ, не подвергая опасности гражданъ, многіе изъ которыхъ, благодаря его «безразсудству», погибли; онъ можетъ искупить свою вину или побѣдой надъ Ахиллесомъ, или смертью въ бою съ нимъ. Въ этомъ сознаніи своей ошибки, отвѣтственности передъ гражданами, готовности пожертвовать собою для блага другихъ, какъ нельзя болѣе выразился благородный характеръ троянскаго героя. Еще до поединка онъ умоляетъ Ахиллеса пощадить его

трупъ, не отдавать его на съѣденіе псамъ, если онъ будетъ убитъ; когда же онъ падаетъ, пораженный Ахилломъ, еще разъ со слезами, съ отчаяніемъ заклинаетъ врага возвратить его тѣло отцу для погребенія. Въ послѣдній моментъ своей жизни онъ не забываетъ несчастныхъ родителей, которыхъ ожидаетъ мучительное горе, если Ахиллесъ откажетъ ему въ этой предсмертной просьбѣ.

Конецъ XXIV пѣсни посвященъ описанію погребенія Гектора. Погребенію предшествовало оплакиваніе его троянами и троянками. «Первая подняла плачъ Андромаха, младая супруга».

На минуту она останавливается на собственной своей судьбѣ, сосредоточивая попрежнему свои мысли на сынѣ. Прежде Андромаха горевала о сиротствѣ всѣми отталкиваемаго юноши; теперь она предвидитъ его близкую гибель: онъ не достигнетъ юношескаго возраста, такъ какъ Троя падетъ; жены и дѣти увлечены будутъ въ плѣнъ греками; она, вмѣстѣ съ Астіанаксомъ, раздѣлитъ общую участь, и вотъ ея сынъ сдѣлается рабомъ, или—еще хуже: какой нибудь данаецъ сброситъ его съ башни, мстя за смерть отца, брата или сына, погибшихъ отъ руки Гектора. Въ заключеніе Андромаха высказываетъ горькое сожалѣніе о томъ, что она не была свидѣтельницей смерти мужа, который не пожалъ ей въ послѣдній разъ руку, не сказалъ прощальнаго слова, чтобы она могла вспоминать его днемъ и ночью, обливаясь слезами.

Въ этихъ горестныхъ словахъ выразилось и обожаніе мужа, горячая любовь къ нему, гордость имъ, какъ героемъ, и любовь къ сыну, боязнь за его судьбу, при мысли о которой сжимается тоскою сердце бѣдной матери, и сожалѣніе о вѣчной, незамѣнимой утратѣ, выпавшей на ея долю. Замѣчателенъ плачъ Елены

Аргивской, безпристрастный отзывъ которой рисуетъ Гектора, какъ человѣка съ добрымъ, мягкимъ, великодушнымъ сердцемъ: въ теченіе двадцати лѣтъ, что провела въ Троѣ, она ни разу не слышала отъ Гектора ни одного жесткаго, обиднаго слова или упрека. А вѣдь Елена-виновница кровопролитной борьбы между троянами и греками. Даже въ томъ случаѣ, говоритъ Елена, обращаясь къ погибшему Гектору, когда кто-нибудь изъ домашнихъ обижалъ ее рѣзкимъ словомъ,

«Ты вразумлялъ ихъ совѣтомъ и каждаго дѣлалъ добрѣе
«Кроткой твоею душой и твоимъ убѣжденіемъ кроткимъ».

Не одни близкіе оплакивали Гектора:

...«Ни жены не осталось, ни мужа
«Въ Троѣ великой: грусть несказанная всѣхъ поразила!
«Всѣ предъ вратами столпилися ввстрѣчу везомаго тѣла».

Этотъ всеобщій взрывъ отчаянія и горя, овладѣвшій троянами послѣ смерти Гектора, всего лучше свидѣтельствуетъ, насколько высоко цѣнили его соотечественники, такъ какъ на немъ покоились народныя надежды: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои».

Мы видѣли Гектора, какъ общественнаго дѣятеля, семьянина и человѣка. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ проявилъ высокія нравственныя качества, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ нашему представленію объ истинномъ героизмѣ, семейномъ и общественномъ долгѣ; Андромаха—достойная его подруга, а оба они—благороднѣйшіе представители лучшихъ сторонъ человѣческой жизни.

Д. Н. Ѳоминъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ

(рѣчь въ двадцатипятилѣтнюю годовщину со дня его смерти).

30-го декабря 1878 года, въ большой морозъ, по улицамъ Петербурга двигалась похоронная процессія; толпа, сопровождавшая гробъ, была тысячи въ 4—5. Когда гробъ послѣ отпѣванія былъ опущенъ въ могилу и засыпанъ, нѣкоторыми изъ присутствующихъ были сказаны рѣчи о значеніи покойника для русской литературы.—Это было 25 лѣтъ тому назадъ. А хоронили тогда извѣстнаго русскаго писателя Николая Алексѣевича Некрасова, чествовать котораго мы сегодня собрались. Прежде чѣмъ говорить о значеніи Некрасова для русскаго общества и литературы, я кратко коснусь его біографіи.

Отецъ Некрасова былъ армейскій офицеръ; въ то время войска безпрестанно переводили изъ одного города въ другой. Во время одного изъ такихъ переходовъ полка, въ которомъ служилъ отецъ Некрасова, въ Подольской губерніи, въ какомъ-то еврейскомъ мѣстечкѣ, 22 ноября 1821 года родился будущій знаменитый поэтъ. Вскорѣ послѣ его рожденія родители поселились въ своемъ имѣніи, въ Ярославской губерніи. На раннее развитіе даровитаго мальчика имѣла огромное вліяніе его мать, женщина умная, образованная и горячо любившая своего сына. Отецъ Некрасова въ это время занималъ постъ исправника и, отправляясь по деревнямъ для разнаго рода слѣдствій, часто бралъ своего сына. Такимъ образомъ будущій писатель рано познакомился съ народомъ, особенно съ его темными, отрицательными сторонами.—Умъ у мальчика былъ живой,

любознательный, и съ 7 лѣтъ Некрасовъ сталъ писать стихи; конечно, это были чисто дѣтскія вирши, гдѣ все приносилось въ жертву неуклюжей рифмѣ. Но иначе и быть не могло.

Отданный въ 1832 году въ Ярославскую гимназію, Некрасовъ дошелъ только до пятаго класса, откуда ему пришлось выйти. Отецъ желалъ, чтобы его сынъ, какъ и онъ самъ, былъ военнымъ, и потому послалъ сына-неудачника въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы онъ поступилъ въ военную службу. Но, встрѣтившись со студентомъ-землякомъ, Некрасовъ рѣшилъ поступить въ университетъ и началъ готовиться къ вступительному экзамену. Узнавши объ этомъ, отецъ Некрасова воспылалъ гнѣвомъ на ослушника-сына и написалъ ему, что, если онъ не оставитъ своего намѣренія итти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, то пусть впредь не разсчитываетъ ни на одну копейку родительской помощи, а живетъ--какъ и чѣмъ знаетъ. Некрасовъ не пожелалъ вступать въ военную службу и такимъ образомъ остался совершенно безъ всякой посторонней помощи. Но въ университетъ ему не удалось поступить, такъ какъ онъ не выдержалъ экзамена. По совѣту профессора Плетнева, Некрасовъ зачислился въ вольнослушатели и съ 1839 по 1841 г. посѣщалъ университетъ, занимаясь для поддержанія своего существованія уроками и случайной журнальной работой. Положеніе его въ это время было очень бѣдственное. По его собственному признанію, жилось ему очень тяжело: ѣсть приходилось не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Силы Некрасова постепенно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объяснили причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили его уже къ смерти. Однако молодой и сильный

организмъ вынесъ болѣзнь; но все-таки, по убѣжденію Некрасова, слѣды болѣзни остались на всю жизнь. Эта болѣзнь ухудшила и безъ того тяжелое матеріальное положеніе Некрасова. Онъ жилъ у какого-то отставного унтеръ-офицера и во время болѣзни задолжалъ ему рублей 40. Хозяева очень боялись, что ихъ жилецъ умретъ, не заплативъ имъ долга, и потому предложили ему написать расписку въ томъ, что чемоданъ, книги и прочія вещи оставляются имъ за долгъ. Некрасовъ отправился къ одному своему знакомому студенту и, когда ночью возвратился домой и сталъ стучать въ дверь, то его не пустили: въ его квартирѣ жилъ уже другой жилецъ. Итакъ Некрасовъ очутился на улицѣ, не имѣя ни копейки денегъ; а все его имущество взяли себѣ его хозяева за долгъ, въ чемъ расписка у нихъ уже была. Ночь была сырая и холодная,—дѣло было въ октябрѣ или ноябрѣ. Измученный бѣднякъ сталъ бродить безцѣльно по улицамъ, а потомъ сѣлъ на попавшуюся скамейку и уснулъ. Проходившій мимо нищій сжалился надъ нимъ: онъ разбудилъ Некрасова и свелъ его ночевать въ ночлежный пріютъ для нищихъ.—Вотъ что приходилось переносить Некрасову! Вообще ему много пришлось видѣть въ своей молодости нужды и лишеній. Конечно, при такихъ условіяхъ нельзя было таланту Некрасова развиваться правильно: онъ принужденъ былъ писать изъ-за куска хлѣба, а потому всѣ его журнальныя статьи, водевили и прочія случайныя работы для насъ и для славы поэта не имѣютъ значенія.

Матеріальныя дѣла Некрасова поправились съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ преподавателемъ въ частное училище Бенецкаго. При содѣйствіи же Бенецкаго въ 1840 году Некрасовъ издалъ свой первый сборникъ сти-

хотвореній подъ заглавіемъ: «Мечты и звуки» *). Этотъ сборникъ не имѣлъ никакого успѣха. Въ періодъ съ 1841 по 1845 г.г., весьма важный для развитія таланта и убѣжденій Некрасова, онъ велъ жизнь бѣдняка-писателя, вращаясь во всевозможныхъ кружкахъ: великосвѣтскихъ, чиновничьихъ, литературныхъ и студенческихъ. Это обстоятельство дало Некрасову возможность хорошо узнать русскую городскую жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Къ этому же времени относится знакомство и дружба Некрасова съ знаменитымъ критикомъ Бѣлинскимъ.

Въ 1847 году случилось въ высшей степени важное событіе въ жизни поэта: Некрасову удалось вмѣстѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ, тоже писателемъ, Панаевымъ, пріобрѣсти собственный журналъ: «Современникъ». Журналъ имѣлъ огромный успѣхъ, такъ какъ Некрасовъ умѣлъ вести дѣло. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова,—особенно плодотворенъ былъ промежутокъ времени между 1856—1865 г.г. Умственный и нравственный кругозоръ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, которое началось въ обществѣ: это была великая эпоха подготовки къ освобожденію и самаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Почти всѣ лучшія и наиболѣе славныя произведенія написаны Некрасовымъ въ это десятилѣтіе, какъ-то: «Размышленіе у параднаго подъѣзда», «Морозъ—красный носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестьянскія дѣ-

---

*) Знаменитый поэтъ Жуковскій, тогда уже старикъ, посовѣтовалъ выпустить книгу безъ имени автора и предсказалъ, что Некрасовъ послѣ будетъ жалѣть объ этомъ изданіи, что и исполнилось.

ти» и проч. Въ 1866 г. «Современникъ» прекратился. Въ 1868 г. Некрасовъ дѣлается редакторомъ журнала: «Отечественныя Записки», и продолжаетъ оставаться имъ до самой своей смерти. Въ эту пору написана имъ поэма: «Кому на Руси жить хорошо»,—произведеніе, весьма замѣчательное въ русской литературѣ. Къ сожалѣнію, эта поэма осталась неоконченной.—Въ послѣдніе годы своей жизни Некрасовъ уже не зналъ матеріальной нужды. Но тяжелыя лишенія въ молодости навсегда подорвали его здоровье, и Некрасовъ всю жизнь пользовался слабымъ здоровьемъ. Особенно тяжелую болѣзнь пришлось ему перенести въ 1856 году, которая была принята врачами сначала за горловую чахотку. Въ послѣднія десять лѣтъ здоровье Некрасова падало съ каждымъ годомъ, но онъ не обращалъ на это особаго вниманія и продолжалъ вести свою обычную жизнь. Зимой онъ жилъ въ Петербургѣ, а на лѣто всегда уѣзжалъ въ деревню и занимался охотой. Некрасовъ былъ страстный охотникъ, и, кромѣ того, охота давала ему возможность близко узнать простой народъ: бродя съ крестьянами-охотниками по полямъ и лѣсамъ, останавливаясь на ночлеги въ крестьянскихъ избахъ, Некрасовъ могъ многое слышать и наблюдать. Многія произведенія Некрасова представляютъ изъ себя просто художественное изложеніе того, что онъ видѣлъ и слышалъ. Таковы: «Коробейники», «Орина, мать солдатская», «Крестьянскія дѣти».

Въ 1875 году Некрасовъ заболѣлъ, и ему уже не суждено было оправиться. Болѣзнь его была тяжелая и изнурительная: Некрасовъ жестоко страдалъ. Бывали непродолжительныя промежутки облегченія. Тогда Некрасовъ читалъ газеты и журнальныя статьи, правилъ корректуры, даже писалъ стихи. Но болѣзнь все уси-

ливалась и, несмотря на всѣ усилія врачей, не поддавалась лѣченію. Въ 8 часовъ 50 минутъ вечера 27 декабря 1878 года Некрасова не стало, а 30 декабря были его похороны.

Итакъ, мы собрались сюда, чтобы почтить память писателя, скончавшагося четверть вѣка назадъ. Почему же такъ важна для насъ личность писателя, можетъ быть кто-нибудь изъ васъ задастъ вопросъ.—А потому, что литература, т.-е. произведенія писателей, имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе. Какъ извѣстно, членораздѣльная рѣчь, способная передавать всѣ мысли и ощущенія, свойственна только человѣку. Языкъ—величайшее благо человѣчества. Благодаря языку, при посредствѣ письменныхъ знаковъ (письма, книгопечатанія), мысль отдѣльнаго лица можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ, возбудить такія же ощущенія и мысли въ другихъ, какія волновали автора въ моментъ его духовнаго напряженія, называемаго творчествомъ, или вдохновеніемъ. Но, хотя языкъ свойственъ всѣмъ людямъ, далеко не всѣ въ одинаковой мѣрѣ способны выражать свои мысли и чувства ясно и опредѣленно, тѣмъ болѣе выражать ихъ художественно на письмѣ, и только очень не многимъ дана эта тайна Талантливый писатель, изображая наблюдаемыя имъ явленія жизни, обобщаетъ ихъ, объединяетъ въ сильныхъ и картинныхъ образахъ; вслѣдствіе этого разрозненныя явленія жизни, собранныя вмѣстѣ, останавливаютъ наше вниманіе, и мы невольно, читая талантливаго автора, дѣлаемся философами, мудрецами, изслѣдующими цѣль и смыслъ жизни.

Некрасовъ принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ писателей. Своими сочиненіями онъ будилъ сознаніе рус-

скаго человѣка: его жгучее слово волновало сердца современниковъ,—въ значительной мѣрѣ волнуетъ и насъ, хотя прошло не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ Некрасовъ выступилъ на литературное поприще, и, слѣдовательно, многое измѣнилось въ жизни государственной и положеніи общества. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно судить о Некрасовѣ. Дѣятельность Некрасова началась въ то время, когда на Руси господствовало въ полной силѣ крѣпостное право,—лѣтъ за 20 до его уничтоженія, слѣдовательно, тогда порядки были совсѣмъ иные, чѣмъ теперь. Высшее сословіе всецѣло господствовало надъ низшимъ; крестьянинъ былъ рабомъ, тупымъ и покорнымъ. Пользуясь даровымъ трудомъ, наше дворянство вело праздный и роскошный образъ жизни, проживая въ столицахъ трудъ своихъ крестьянъ и часто самихъ крестьянъ, или же безцѣльно скитаясь за границей. Въ первый періодъ своей дѣятельности Некрасовъ изображалъ преимуществу темныя стороны русской жизни: мелочность, пошлость современнаго ему общества, рабство, угнетеніе слабыхъ сильными.

Въ этомъ протестѣ замѣтна неопредѣленность, какъ бы исканіе настоящаго своего пути. Но не думайте, что, изображая слабыя стороны русской жизни, нашъ поэтъ не любилъ родины. Нѣтъ, онъ любилъ ее горячо, пламенно,—любилъ съ какою-то болью въ сердцѣ. Вотъ его страстный порывъ, обращенный къ родинѣ:

«Словно, какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли качнется—сосна да осина...
Не весела—ты, родная картина!

Что же молчитъ мой озлобленный умъ?
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ;
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву;
Дамъ же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!»...

Некрасовъ ясно сознавалъ темныя стороны русской жизни: невѣжество, забитость; но онъ пламенно вѣровалъ въ могучія силы русскаго народа, его высшее назначеніе:

«Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ—то и знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!»

Раньше было упомянуто о томъ, что Некрасовъ ярко отмѣчалъ въ своихъ произведеніяхъ недостатки русскаго общества, и это нисколько не противорѣчитъ его любви къ своей родинѣ. Та любовь слѣпа и, пожалуй, не разумна, безсознательна, которая не видитъ недостатковъ любимаго предмета. Истинная любовь къ своей родинѣ всегда соединяется съ яснымъ представленіемъ ея слабыхъ и хорошихъ сторонъ общественнаго строя. Полезная общественная дѣятельность возможна только при такомъ сознаніи. Некрасовъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени (Тургеневымъ, Бѣлинскимъ, Григоровичемъ) ясно сознавалъ одинъ великій общественный недостатокъ, крѣпостную зависимость крестьянъ отъ дворянства. Лучшіе русскіе люди сознавали это зло, и лучшій человѣкъ XIX столѣтія, Госу-

дарь Александръ II, въ 1861 году уничтожилъ крѣпостное право. Но всякое великое дѣло не дѣлается сразу, а исподволь, постепенно. На долю русской литературы выпала великая честь подготовить общество къ предстоящей реформѣ, уяснить ея значенie и необходимость. Въ этомъ великомъ дѣлѣ не малое участie принималъ и Некрасовъ. И вотъ почему его любовь къ родинѣ, къ народу выразилась въ формѣ любви къ простонародью, къ крестьянству: это зависѣло отъ условiй времени, причинъ чисто историческихъ. Иногда приходится слышать, что любовь Некрасова къ народу крылась въ головѣ, въ мозгу, а не въ сердцѣ: будто бы онъ сознательно изображалъ народъ въ угнетенномъ состоянiи и мракѣ невѣжества, на самомъ же дѣлѣ душѣ Некрасова будто бы было чуждо народное горе, которое онъ и изображалъ сознательно въ преувеличенныхъ размѣрахъ. На это нужно сказать, что въ сущности для дѣла мало разницы: гдѣ источникъ авторскихъ побужденiй,—непосредственная впечатлительность или холодная разсудочность. Важно то впечатлѣнie, которое производитъ авторъ своимъ сочиненieмъ на читателя. Конечно, непосредственность, изливающаяся изъ сердца, всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣнie, и это служитъ намъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что лучшiя пѣсни Некрасова вылились прямо изъ его сердца. Чувства нельзя поддѣлать, фальши, какъ шило въ мѣшкѣ, не утаишь. А всякiй, кто читалъ Некрасова, на себѣ могъ испытать обаянie жгучихъ и захватывающихъ стиховъ страстно протестующаго и любящаго поэта. Напомню—«Морозъ—красный носъ», «Тройку», «Коробейниковъ» и проч. При томъ Некрасовъ изображалъ народъ не съ чужого голоса: какъ мы знаемъ, его дѣтство прошло въ деревнѣ, свою юность ему пришлось

провести среди низшихъ классовъ городского общества, и въ зрѣломъ возрастѣ Некрасовъ каждое лѣто проводилъ въ деревнѣ среди крестьянъ. Многія его лучшія стихотворенія представляютъ изъ себя только художественную обработку видѣннаго или слышаннаго. Однажды вниманіе Некрасова привлекла кучка крестьянъ, толпившихся у параднаго подъѣзда барскаго дома: крестьяне просили допустить ихъ къ богачу-вельможѣ, но швейцаръ не допустилъ ихъ, и крестьяне ушли ни съ чѣмъ. Эта сцена страшно поразила поэта, и вотъ появилось великолѣпное стихотвореніе: «Размышленіе у параднаго подъѣзда» (1858 г.). Стихотвореніе: «Орина, мать солдатская»—это подлинный разсказъ несчастной старухи матери, разсказывавшей Некрасову о безвременной смерти сына—солдата, возвратившагося изъ службы: Некрасовъ нѣсколько разъ заходилъ послушать разсказъ старухи, чтобы точно выдержать тонъ ея разсказа. Стихотвореніе: «Крестьянскія дѣти»—живая картинка съ натуры. Итакъ, какъ же нашъ поэтъ изображаетъ крестьянскую среду, которую онъ такъ хорошо зналъ? Невеселыя картины проходятъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ, когда мы перелистываемъ произведенія нашего поэта. Вотъ предъ нами бурлаки, идущіе бечевой:

«Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки.
И былъ невыносимо дикъ
И страшно—ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный похоронный крикъ,—
И сердце дрогнуло во мнѣ»...

Бурлаки—это люди, тянувшіе вверхъ по Волгѣ на

канатахъ суда съ товарами... Этотъ чисто животный трудъ, выпадавшій на долю человѣка, въ настоящее время вышелъ изъ употребленія,—съ развитіемъ пароходства. Но въ прежнія времена бурлачество процвѣтало... Вотъ предъ нами «Забытая деревня»: баринъ проживаетъ гдѣ-то далеко, а всѣми дѣлами командуетъ плутъ бурмистръ Власъ. У него-то,

«У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди—не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу», думаетъ старушка».

Лихоимецъ сосѣдъ оттягалъ часть крестьянской земли. «Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!» говорятъ крестьяне. Вольный хлѣбопашецъ полюбилъ дѣвушку Наташу; молодые люди счастливы и желаютъ повѣнчаться. Но лихой человѣкъ противится этому. «Погодимъ, вотъ пріѣдетъ баринъ!» говорятъ молодые люди. И вся деревня возлагаетъ упованія на пріѣздъ барина, который дастъ всѣмъ правый судъ. Но чтожъ случилось? Ненила умерла въ старой избѣ, сосѣдъ-плутъ владѣетъ крестьянской землей, а вольный землепашецъ женихъ угодилъ въ солдаты. А барина все нѣтъ. Впрочемъ, онъ возвратился, т.-е. его привезли:

«Наконецъ, однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ—новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету и уѣхалъ въ Питеръ»..

(1, 136).

Да, темна жизнь крестьянина: онъ невѣжественъ,

въ пьяномъ видѣ бьетъ свою жену; тяжелъ и упоренъ его трудъ. Но не думайте, что онъ не сознаетъ своего тяжелаго положенія: онъ сознаетъ это и желаетъ жизни иной, лучшей, простора, довольства, просвѣщенія.

Чтобы иллюстрировать, пояснить свою мысль, я не откажу себѣ въ удовольствіи привести одно изъ лучшихъ стихотвореній поэта, отъ котораго вѣетъ складомъ чисто народной пѣсни:

«У людей-то въ дому—чистота, лѣпота,
А у насъ-то въ дому—тѣснота, духота.
У людей-то для щей съ солониною чанъ,
А у насъ-то во щахъ—таракашъ, тараканъ.
У людей кумовья—ребятишекъ дарятъ,
А у насъ кумовья—нашъ же хлѣбъ пріѣдятъ.
У людей на умѣ погуторить съ кумой,
А у насъ на умѣ—не пойти бы съ сумой.
Кабы такъ намъ зажить, чтобы свѣтъ удивить:
Чтобы деньги въ мошнѣ, чтобы рожь на гумнѣ;
Чтобъ шлея въ бубенцахъ, расписная дуга,
Чтобъ сукно на плечахъ, не посконь-дерюга;
Чтобъ не хуже другихъ намъ почетъ отъ людей,
Попъ въ гостяхъ у большихъ, у дѣтей—грамотей,
Чтобы дѣти въ дому, словно пчелы въ меду,
А хозяйка въ дому, какъ малина въ саду!»
(4 406 стр.).

Въ другомъ стихотвореніи Некрасовъ съ поразительною силою изображаетъ бѣдствіе крестьянина, постигшую его болѣзнь. Какъ художникъ, онъ не описываетъ, какъ анатомъ, самой болѣзни, а показываетъ намъ ея результаты и то впечатлѣніе, которое производилъ больной:

«Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она».

Колосья ропщутъ и негодуютъ, что ихъ покинули въ полѣ на произволъ:

«Заяцъ ихъ топчетъ, буря ихъ бьетъ»...

Они не хуже другихъ уродились. Гдѣ же пахарь? почему онъ не является воспользоваться плодами рукъ своихъ?

«Вѣтеръ несетъ имъ (колосьямъ) печальный отвѣтъ:
Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ: не ѣстъ и не пьетъ:
Червь ему сердце больное сосетъ;
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети;
Очи потухли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою» (1, 91).

Но не однѣ только отрицательныя стороны видѣлъ Некрасовъ въ крестьянскомъ быту и изображалъ ихъ: много хорошаго и прекраснаго находилъ онъ тамъ. Некрасовъ зналъ и вѣрилъ, что грубая и сѣрая деревня въ своихъ тайникахъ скрываетъ чистую нравственность и могучія силы, которымъ пока нѣтъ примѣненія въ жизни. Русскій крестьянинъ, не тронутый растлѣвающимъ вліяніемъ города, честенъ, безкорыстенъ и добродушенъ. Образцомъ такого добродушія можетъ служить намъ «Дѣдушка Мазай», такъ очаровательно изображенный Некрасовымъ. Ермилъ Гаринъ (въ поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо») честнѣйшій человѣкъ: всѣ это знали и вѣрили Ермилу. Однажды ему неожиданно по-

надобилась большая сумма денегъ: онъ купилъ на торгахъ мельницу, и у него потребовали треть стоимости — до тысячи рублей. Денегъ съ Ермиломъ не случилось. Какъ быть? Ермилъ отправился на базарную площадь, сталъ на возъ и объявилъ «крещеному міру» свою нужду. Крестьяне отдали Ермилу свои всѣ деньги, кто сколько имѣлъ, и мельница осталась за Ермиломъ. Въ слѣдующую базарную пятницу Ермилъ на той же площади разсчитывалъ народъ. Конечно, записей никакихъ не было, да и упомнить тоже было не возможно — кто сколько далъ. Но никто не воспользовался этимъ: каждый взялъ только то, что далъ: «Ермилу не пришлось выдать лишняго гроша. Даже чей-то рубль остался у него, и Ермилъ долго ходилъ съ открытою мошною по базару и допытывался — чей цѣлковый. А когда никто не признался, и всѣ разъѣхались съ базара, Ермилъ отдалъ рубль нищимъ (II, 73).

Трудолюбіе и терпѣніе русскаго человѣка нашли въ Некрасовѣ великаго пѣвца. Способность переносить великій, часто непосильный трудъ, какъ извѣстно, у русскаго человѣка доходитъ иногда до удали. Вотъ думы молодого малоземельнаго крестьянина во время полуголодной безработицы:

«Ужъ какъ нѣтъ бѣды кручиннѣе
Безъ работы парню маяться,
А пойдешь куда къ хозяевамъ —
Не одинъ-то не нуждается!
«Эй! возьми меня въ работники,
Поработать руки чешутся!
Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе, —

Только трескъ стоялъ бы до́-неба,
Какъ деревья бы валилися:
Вмѣсто шапки бѣлымъ инеемъ
Волоса бы серебрилися!» (I, 239).

Высшіе инстинкты, т.-е. стремленія также не чужды крестьянину, по изображенію Некрасова. «Огородникъ» предпочелъ плеть и каторгу позору любимой дѣвушки. Хищный и безсердечный Власъ одолѣлъ свои слабости и искупилъ ихъ подвигомъ, какъ онъ его понималъ. Вѣроятно, вы знаете этого Власа. Сначала онъ дѣйствовалъ заодно съ ворами и конокрадами и плутовствомъ нажилъ большое состояніе. Но потомъ заболѣлъ, и въ бреду ему мерещились разныя видѣнія: видѣлъ свѣта преставленіе, видѣлъ грѣшниковъ въ аду: мучатъ бѣсы ихъ проворные, жалитъ вѣдьма-егоза...

Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ...

Что это значитъ? А то, что совѣсть Власа, долго дремавшая, наконецъ, громко заговорила. Власъ понялъ всю глубину своего паденія и, выздоровѣвъ, отказался отъ прежней позорной жизни: собранное неправымъ путемъ имущество онъ роздалъ, а самъ пошелъ собирать на построеніе храма Божія. Цѣль этого сбора подаяній главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы вызвать ближняго на доброе дѣло, напомнить ему о Богѣ.

Въ своей знаменитой «Пѣснѣ Еремушкѣ» Некрасовъ выражаетъ пожеланія новой жизни, на новыхъ прекрасныхъ началахъ братства и истины. Ясно, что рѣчь идетъ не объ одномъ Еремушкѣ, а о всемъ русскомъ народѣ, въ лицѣ его молодого поколѣнія.

Коснемся теперь взгляда Некрасова на женщину. Мало поэтовъ, которые ставятъ женщину такъ высоко, относятся къ ней съ такимъ уваженіемъ, какъ Некрасовъ.

Любовь, семья, материнство—это всегда для него святое дѣло. Зато какимъ негодованіемъ закипаетъ онъ, какія жгучія строки вырывались изъ-подъ его пера, когда онъ видѣлъ женщину, недостойную своего великаго призванія... Къ счастью нашему и къ чести нашего общества, женщина всегда представляла намъ болѣе положительныхъ сторонъ характера. чѣмъ мужчина. Вспомнимъ Пушкинскую Татьяну, Ольгу Гончарова и т. д. Впрочемъ, въ томъ, что женщина въ нашей литературѣ, а, слѣдовательно, и въ жизни, является лучше мужчины,—въ этомъ нельзя видѣть личную заслугу женщины. Необходимо помнить, что вся историческая жизнь, слѣдовательно, всѣ общественныя невзгоды разражались надъ головой русскаго мужчины, а женщина пока оставалась въ сторонѣ, а потому и могла сберечь свои нравственныя силы въ большей неприкосновенности. Некрасовъ даетъ намъ образы, т.-е. типы женщинъ низшаго и высшаго классовъ, при чемъ относится къ нимъ съ одинаковымъ уваженіемъ.

Тяжела доля русской крестьянки! Много ей приходится перенести трудовъ и горя. Впрочемъ, первая половина ея жизни протекаетъ въ счастливомъ невѣдѣніи жизни и беззаботномъ весельи: дѣвичество—золотой вѣкъ крестьянки. И Некрасовъ рисуетъ намъ очаровательный образъ дѣвушки, полной красоты и обаянія, объятой волненіемъ отъ избытка внутреннихъ силъ.

«Что такъ жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу—
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ?....
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:
Вьется алая лента игриво

Въ волосахъ твоихъ черныхъ, какъ ночь;
Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ...
Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика» (I, 14).

Да, тогда конецъ приволью: тяжелый непосильный трудъ, побои пьянаго мужа...

Въ другомъ стихотвореніи Некрасовъ изображаетъ молодую женщину, тоскующую о неудачномъ бракѣ:

«Вянетъ, пропадаетъ красота моя!
Отъ лихого мужа нѣтъ въ дому житья:
Пьяный все колотитъ, трезвый все ворчитъ,
Самъ, что ни попало, изъ дому тащитъ.
Не того ждала я, какъ я шла къ вѣнцу!
Къ братцу я ходила, плакалась отцу,
Плакалась сосѣдямъ, плакалась родной,
Люди не жалѣютъ—ни чужой, ни свой!
«Потерпи, родная, старики твердятъ:
«Милаго побои нé-долго болятъ» (I, 407).

Конечно, не всегда приходится женщинѣ нести такую печальную долю: иногда бываютъ и счастливые браки. Такой бракъ изображенъ Некрасовымъ въ поэмѣ: «Морозъ—красный носъ». Извѣстно, что въ доброй работящей женѣ русскій народъ видитъ благословеніе Божіе. Вотъ типъ «величавой славянки»: онѣ

«Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ!
Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,

А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ,
«Посмотритъ—рублемъ подаритъ!»
Цвѣтетъ
Красавица міру на диво:
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.
И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ, то готова копна!...
По буднямъ не любитъ бездѣлья,
Зато вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.
Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утѣха!»
Твердятъ мужики межъ собой.
Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ,—спасетъ;
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!...
Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ.
Всегда у ней теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ;
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.
Идетъ эта баба къ обѣднѣ

Предъ всею семьей впереди:
Сидитъ, какъ на стулѣ, двухлѣтній
Ребенокъ у ней на груди;
Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по̀ сердцу эта картина
Всѣмъ, любящимъ русскій народъ!»

У Некрасова есть большая поэма: «Русскія женщины», въ которой описанъ героическій подвигъ двухъ русскихъ знатныхъ женщинъ—княгини Трубецкой и княгини Волконской. Онѣ добровольно послѣдовали въ Сибирь за своими мужьями, сосланными въ Сибирь... Этотъ подвигъ достоинъ памяти потомства, и Некрасовъ со свойственнымъ ему талантомъ воспѣлъ подвиги этихъ героинь. Но самыя восторженныя, самыя задушевныя стихи посвящены Некрасовымъ своей матери, предъ памятью которой онъ молитвенно благоговѣлъ: нужно прочесть эти строки, чтобы оцѣнить силу потрясающаго ихъ лиризма. Достаточно сказать, что въ минуты своихъ невыносимыхъ физическихъ страданій единственной поддержкой и утѣшеніемъ было ему воспоминаніе о матери.

Некрасовъ написалъ много; но въ собраніи его сочиненій печатается лучшее. По большей части это небольшія звучныя и глубоко прочувствованныя стихотворенія. Сравнительно крупныхъ произведеній у него мало: «Коробейники», «Морозъ, красный носъ» (или «Смерть крестьянина»), «Кому на Руси жить хорошо». Содержаніе ихъ весьма просто. Въ первой поэмѣ разсказывается, какъ двухъ коробейниковъ: старика Тихоныча и молодого Ивана—въ лѣсу застрѣлилъ съ цѣлью грабежа лихой человѣкъ. Въ поэмѣ: «Морозъ, красный носъ», описана смерть крестьянина и его жены Дарьи... Самое

большое произведеніе Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо». На большой дорогѣ встрѣтились 7 мужиковъ и заспорили: «Кому живется весело,
Вольготно на Руси».

Не сошедшись въ мнѣніяхъ, они рѣшили отыскивать счастливаго. Но кого они ни разспрашивали, о комъ ни разузнавали—счастливца такъ и не нашли.

Некрасовъ занимаетъ въ нашей литературѣ весьма видное мѣсто. Онъ внесъ много новаго: широко затронулъ народную жизнь, обогатилъ литературу многими новыми образами, словами, взятыми непосредственно изъ устъ народа. Поэзія Некрасова пробуждала добрыя чувства ко всѣмъ несчастнымъ, угнетеннымъ и страдающимъ, и потому ей суждено было сыграть не малую роль въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и вообще въ исторіи нашего самосознанія.

Какъ человѣкъ, Некрасовъ былъ далеко не герой... Но намъ остались его безсмертныя сочиненія и завѣтъ его: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ» ... (II, 411).

Самъ Некрасовъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу такихъ сѣятелей. Любопытно, что самъ поэтъ почти не признавалъ своихъ заслугъ предъ русскимъ обществомъ и русской литературой: въ лучшемъ случаѣ онъ ожидалъ, что послѣ его смерти кто-нибудь о немъ проболтается добрымъ словцомъ. Но онъ ошибался! Русскій народъ призналъ его заслуги: за то «доброе и вѣчное», что онъ сѣялъ, говоритъ ему «спасибо сердечное».

Н. Гальковскій.

Жизнь А. С. Грибоѣдова въ Петербургѣ *).
(1824—1826).

1-го мая 1824 г. Грибоѣдовымъ былъ полученъ отпускъ за границу для лѣченія, и въ этомъ же мѣсяцѣ онъ покидаетъ Москву, куда онъ прибылъ съ Кавказа, и направляется въ Петербургъ, чтобы оттуда выѣхать за границу. Но этой поѣздкѣ не суждено было осуществиться, очевидно, по матеріальнымъ обстоятельствамъ, и Г—въ остается въ любезномъ ему Петербургѣ.

Когда Г—въ прибылъ въ Петербургъ, друзья его уже знали о его чудномъ произведеніи, а поэтому встрѣтили его съ общимъ, единодушнымъ восторгомъ и на перебой приглашали къ себѣ для чтенія комедіи. Г—въ не отказывалъ имъ.

«Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ», писалъ онъ Бѣгичеву.—Это несомнѣнно сильно льстило самолюбію Г—ва: любимое его дѣтище было встрѣчено и оцѣнено по достоинству и, главное, тѣми, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Даже А. П. Катенинъ, этотъ ярый классикъ, не могъ не видѣть въ комедіи всѣхъ прелестей и достоинствъ ея; хотя онъ и писалъ Г—ву: «дарованія (въ ком.) больше, нежели искусства», тѣмъ не менѣе, судя по письму къ нему Г—ва, онъ не остался не доволенъ произведеніемъ друга [21]). Паѳосъ, съ какимъ была встрѣчена комедія Г—ва друзьями, съ одной стороны, съ другой — полнѣйшее сознаніе достоинствъ своего произведенія, въ которомъ проявилось, несомнѣнно, дарованіе, сдѣлали Г—ва отчасти

---

*) Оконч. См. IV—V в. 1903 г

21) Соч. Гр—ва подъ ред. Шляпкина I. 197—197.

заносчивымъ и высокомѣрнымъ, особенно по отношенію къ бездарнымъ писателямъ того времени, которыхъ онъ не стѣснялся называть довольно некультурно. Этой заносчивостью вполнѣ объясняется та выходка Г—ва, какую онъ допустилъ на обѣдѣ у Н. И. Хмельницкаго по отношенію къ незавидному писателю того времени, Ѳедорову (См. «Записки Каратыгина», С.-ПБ. 1880. стр. 588).

Успѣхъ комедіи среди друзей показалъ Г—ву что вопросы, затронутые имъ, имѣютъ живой интересъ, и ему захотѣлось непремѣнно видѣть свою комедію на сценѣ. Исполненіе этого желанія зависѣло отъ цензуры, а эта, какъ и слѣдовало ожидать, уже не такъ отнеслась къ комедіи, какъ друзья. Еще въ Москвѣ, какъ только начали распространяться списки комедіи, Московское общество увидѣло въ ней пасквиль на именитыхъ представителей Москвы». Въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи (совершенно справедливо) находили сходство то съ тѣми, то съ другими московскими особами и кричали о томъ, что слѣдуетъ постоять за честь порядочнаго общества Москвы, русскаго имени, за нравственность и пр. Директоръ театровъ Кокошкинъ прямо доложилъ генералъ-губернатору, кн. Голицыну, что «Горе отъ ума»— прямой пасквиль на Москву. Не постѣснились донести въ Петербургъ о томъ, что комедія колеблетъ основы, возбуждаетъ недовольство дворянскаго сословія. [22]). Поэтому, когда Гр—въ прибылъ въ Петербургъ со своей комедіей, въ высшихъ сферахъ уже составили мнѣніе о ней, и заранѣе можно было сказать, какъ цензура отнесется къ новому произведенію и постановкѣ его на сценѣ. Гр—въ несомнѣнно зналъ объ этомъ, но все же

---

[22]) Веселовскій. «Этюдъ и характеристики». 520.

желалъ испытать счастье; съ этою цѣлью онъ начинаетъ измѣнять нѣкоторыя мѣста комедіи, могущія вызвать двусмысленное толкованіе со стороны цензуры. «Надѣюсь, жду, урѣзываю», писалъ онъ въ это время Бѣгичеву: «мѣняю дѣло на вздохъ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ». [23]). Исправляя комедію для цензуры, Гр—въ не оставлялъ безъ вниманья стихъ ея, который все еще казался ему не совсѣмъ совершеннымъ, и, кромѣ того, онъ вставилъ новую сцену въ концѣ 4-го акта между сценою Чацкаго, когда онъ видитъ Софью со свѣчою въ рукахъ, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее [24]). Въ общемъ же всѣ поправки, допускаемыя Гр—вымъ въ его комедіи, за это время носятъ исключительно желаніе избѣжать придирокъ и подозрѣній со стороны строгой и въ высшей степени боязливой цензуры: напр., въ монологѣ Фамусова (II д., 2 явл.) первоначально было такъ:

«Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
Л ѣ т ъ з а с о р о к ъ н а з а д ъ в с е б ы л о, б р а т ъ ч и н ъ—ч и н о м ъ,
Т о г д а н е в с я к і й м о г ъ б ы т ь з н а т н ы м ъ г о с п о д и н о м ъ,
Н о в с я к і й в а ж н о с т ь ю о с о б е н н о й н а д у т ъ:
Раскланяйся,—тупеемъ не кивнутъ».

Подчеркнутыя строки Г—ва замѣнилъ лишь одной:
«А въ тѣ поры всѣ важные—въ сорокъ пудъ» и. т. п.
(Подробнѣе объ этомъ смотри у Скабичевскаго:

---

[23]) Соч. I. 185—186.

[24]) Тамъ же.

«Очерки по исторіи русской цензуры», и еще подробнѣе у Гарусова: «Горе отъ ума», С.-БП. 1875). Исправляя комедію для цензуры, Гр—въ заботился и объ исполнителяхъ ея; особенно онъ разсчитывалъ на талантливую актрису Дюрову, какъ хорошую исполнительницу Софьи; давалъ совѣты и объяснялъ роли Сосницкому и Щепкину, которымъ предназначалъ исполненіе ролей Репетилова и Фамусова [25]).

Но всѣ попытки нашего поэта поставить комедію на сценѣ остались тщетны; не помогла ему и масса урѣзокъ въ его піесѣ, чтобы сдѣлать ее цензурной; не помогли и вліятельныя лица, напр., Паскевичъ, который въ это время началъ входить уже въ славу. Ученики театральнаго училища хотѣли было разыграть новую комедію; уже начались репетиціи, которыми руководилъ самъ авторъ; но дѣло было разстроено по приказанію ген.-губернатора Милорадовича, который сердился на Гр—ва отчастя за его театральныя шалости, а особенно за его волокитства. Такъ Гр—ву и не пришлось видѣть при жизни своей комедіи на Петербургской сценѣ [26]). Единственно, что Гр—въ могъ сдѣлать за это время, такъ это помѣстить часть своей комедіи въ альманахѣ, издаваемомъ Булгаринымъ въ 1825 г.: «Русской Таліи» (стр. 257—316). Тутъ были помѣщены изъ I-го акта явленія 7, 8, 9 и 10 и весь III актъ, конечно, съ пропусками. Предъ началомъ отрывка не было, какъ это обыкновенно бываетъ, списка дѣйствующихъ лицъ

---

[25]) Араповъ. «Лѣтопись рус. театра» 384.

[26]) Въ первый разъ I д. было поставлено 2 дек. 1829 г. въ Петербургѣ въ бенефисъ М. И. Вальерховой. Вся комед. 26 января 1831 въ бенефисъ Брянскаго («Ежегодник. Императ. театровъ» 1893—1894 г. Прилож. № 3. С-.ПБ. 1895).

комедіи; но внизу страницъ подъ звѣздочками находились слѣдующія примѣчанія: Софья Павловна—дочь богатаго московскаго жителя; Лиза—служанка, и Чацкій—молодой человѣкъ, возвратившійся изъ путешествія, воспитанный вмѣстѣ съ Софьей. На стр. 264 явленіе VIII такъ: Софья Павловна, Лиза, Чацкій, Фамусовъ, а въ примѣчаніи къ послѣднему: «Отецъ Софьи Павловны». Въ III д., хотя являются новыя лица, но никто изъ нихъ не указанъ ни въ предисловіяхъ, ни въ скобкахъ. Въ III актѣ явл. 22 изъ знаменитаго монолога Чацкаго было выпущено 15 стиховъ, начиная со словъ:

«Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь»... и до стиха:

«Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки». Этотъ отрывокъ, замѣтимъ кстати, послужилъ основою для изданій комедіи до 1857 г.

Появленіе отрывка комедіи въ «Русской Таліи» развязало языкъ критикѣ, и весь 1825 г. былъ занятъ ожесточенной полемикой различныхъ органовъ печати по поводу комедіи «Горе отъ ума». Насъ слишкомъ далеко завело бы подробное обозрѣніе и оцѣнка всѣхъ отзывовъ о комедіи, хотя бы за одинъ 1825 г.; замѣтимъ только, что первый высказался въ пользу комедіи Н. А. Полевой въ первомъ № своего журнала: «Московскій Телеграфъ» за 1825 г.: «еще ни въ одной русской комедіи не находимъ мы такихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ комедіи: «Горе отъ ума». Загорецкій, Наталья Дмитріевна, кн. Тугоуховскій, Хлестова, Скалозубъ списаны мастерскою кистью. Смѣемъ надѣяться, что читавшіе и читавшія отрывокъ позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Гр—ва издать всю комедію»... [27]).

---

[27]) «Моск. Телеграфъ» 1825 № 1. 167.

При усиленныхъ хлопотахъ о постановкѣ «Горя отъ ума», Г—въ все-таки иногда берется за перо и создаетъ цѣлый рядъ неоконченныхъ поэтическихъ произведеній. Всѣ они по своему содержанію и литературному достоинству стоятъ, несомнѣнно, ниже его знаменитой комедіи и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, но для общаго обзора литературной дѣятельности Г—ва они въ высшей степени поучительны и интересны.

Въ нихъ прежде всего мы видимъ рѣшительный поворотъ отъ ложно-классицизма, къ которому Г—въ чувствовалъ нѣкоторое влеченіе, на сторону романтизма. Романтизмъ этотъ заключался не въ подражаніи иностраннымъ образцамъ, но исключительно въ обращеніи за сюжетами къ родной старинѣ и русской народности. Въ произведеніяхъ, созданныхъ въ это время: набросокъ трагедіи: «Родамистъ и Зенобія», «Діалогъ половецкихъ мужей» (отрывокъ), «Юность вѣщаго» (отрывки пролога), «Прости отечество» (предисловіе) и др. Грибоѣдовъ переносится воображеніемъ въ самыя отдаленныя времена русской исторіи, времена великаго Новгорода и половецкихъ набѣговъ, главнымъ образомъ къ тѣмъ эпохамъ и событіямъ, гдѣ наиболѣе выразились основныя свойства русскаго народа,—переносится серьезно, вполнѣ сознательно, чему несомнѣнно много способствуетъ основательное знакомство съ исторіей, русскимъ народомъ, стариною въ Персидскомъ уединеніи:

«Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой,
Что такъ обманчиво и славно» [28]).

---

[28]) Соч. II, 205.

Основнымъ мотивомъ во всѣхъ этихъ неоконченныхъ произведеніяхъ является трагическое положеніе выдающихся личностей, одаренныхъ благородной и пламенной душой, среди мелкаго и пошлаго общества.

Въ прологѣ: «Юность Вѣщаго», гдѣ говорится о Ломоносовѣ, мы читаемъ:

«Ахъ! отъ пеленъ
Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраліи зыбей
Иль въ сѣвера—снѣгахъ, вездѣ одно ли
Присуждено?—Искать желанной доли
Путемъ вражды, препятствій и скорбей!» [29]).

Въ наброскѣ трагедіи: «Родамистъ и Зенобія», одно дѣйствующее лицо должно было обладать душой, «алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернъ»; другому дѣйствующему лицу «ненавистны и Форасманъ, и Римляне, и Пароы» ... [30]).

Вліяніе романтизма было такъ сильно на Гр—ва, что даже отчасти отразилось на его міросозерцаніи за этотъ періодъ.

Несомнѣнно, что романтизмъ на Западѣ былъ реакціею чувства, протестомъ разсудочности 18 вѣка. На смѣну отвлеченнымъ космополитическимъ идеямъ явилась идея національности, вмѣсто принципа равенства — стремленіе къ индивидуализму, вмѣсто невѣрія—потребность вѣры, вмѣсто стремленія къ соціальнымъ улучше-

---

[29]) Соч. II, 218—219,

[30]) Соч. II, 208.

ніямъ—возвращеніе къ прошлому, гдѣ жизнь, повидимому, была полна душевной цѣльности и поэзіи. Эти-то двѣ струи въ романтизмѣ, прогрессивная и реакціонная, замѣтно отразились на отношеніи романтиковъ къ наукѣ. Съ одной стороны, человѣчество усумнилось въ цѣнности схематическихъ построеній, къ которымъ былъ такъ пристрастенъ 18 вѣкъ, и потребовало болѣе вдумчивыхъ наблюденій надъ жизнью; съ другой стороны, признавъ ограниченность нашего разума, оно провозгласило превосходство чувства надъ разумомъ во всѣхъ отношеніяхъ [31]. Вслѣдствіе этого явилось пренебрежительное отношеніе къ наукѣ. И, дѣйствительно, за этотъ періодъ мы встрѣчаемъ у Гр—ва вражду къ сухому разсудку и любовь къ искреннему энтузіазму, а иногда какъ будто даже вражду къ знанію и наукѣ, такъ какъ знаніе и наука уничтожаютъ этотъ благородный энтузіазмъ. Сожалѣя, напр., въ одномъ мѣстѣ о томъ, что пришлось развѣнчать обманчивыя мечты юности, Г— въ съ горькою ироніей восклицаетъ:

«И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь [32]).

---

[31]) Тутъ мы указываемъ только на одну сторону романтизма, оставляя въ сторонѣ все остальное, какъ не интересующее насъ въ даннoмъ случаѣ.

[32]) Соч. II, 205.

Понятно, что при такомъ серьезномъ направленіи мысли Гр—ва, при усиленныхъ хлопотахъ, ему не было времени съ прежнею страстью отдаться служенію сценѣ; за этотъ періодъ онъ только разъ, такъ сказать, «тряхнулъ стариной»: написалъ въ сотрудничествѣ съ Вяземскимъ оперу-водевиль: «Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ». Разыграна была она въ бенефисъ Величкина 11-го сентября 1824 г. и, по словамъ Арапова, имѣла успѣхъ [33]). Теперь забыты были и закулисныя похожденія, и товарищескія пирушки, и кутежи. Въ одномъ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 1824 г. Г—въ говоритъ: «Графини Бобринской было рожденье; я былъ у нихъ на дачѣ; музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь—другая пора, видаюсь по необходимости» [34]). Въ томъ же году онъ писалъ Катенину: «Живу я очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь; лѣта не тѣ, сердце холоднѣе» [35]). А. А. Бестужевъ, коротко знавшій Грибоѣдова, пишетъ, что онъ, «обладая свѣтскими выгодами, не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества», [36]). Но, несмотря однако на заявленіе Гр—ва, что онъ жилъ въ это время уединенно, у него было много знакомыхъ, съ которыми, какъ онъ пишетъ, видался по необходимости, но все же видался и нерѣдко. Былъ онъ знакомъ,

---

[33]) Араповъ въ назв. соч., 358.
[34]) Соч. I, 184.
[35]) Соч. I, 199.
[36]) «Отеч. Запис.» 1860, 6, 38.

между прочимъ, съ ген.-губ. Милорадовичемъ, надъ которымъ хотя и смѣялся, но все же не прочь былъ вмѣстѣ и пообѣдать, и покататься по городу [37]).

Существуетъ мнѣніе весьма распространенное между біографами Гр—ва, будто бы кн. А. Одоевскій, съ которымъ Гр—въ познакомился еще въ первый пріѣздъ въ Петербургъ, а теперь еще короче сошелся съ нимъ, охранялъ его отъ всякихъ уклоненій въ сторону, замѣняя, какъ говоритъ А. Веселовскій, ему Бѣгичева [38]). Но, во-первыхъ, Гр—въ теперь не нуждался ни въ какой охранѣ; онъ велъ жизнь, какъ мы сейчасъ видѣли, довольно спокойную и тихую; во-вторыхъ, Одоевскій не могъ оказать сдерживающаго вліянія на Гр—ва потому, что самъ былъ способенъ сильно увлекаться. «Не много можно найти», говоритъ одинъ современникъ: «людей, способныхъ такъ увлекаться, какъ увлекался постоянно Одоевскій. Рѣдко встрѣчаются люди, такъ легко переходившіе отъ восторженнаго удивленія къ самому язвительному порицанію, отъ дружбы ко враждѣ и обратно, какъ это случалось съ Одоевскимъ, и очень часто безъ достаточнаго на то основанія» [39]). Ошибочно также мнѣніе, будто бы тотъ же Одоевскій предостерегалъ Гр—ва отъ излишней откровенности въ политическихъ разсужденіяхъ съ людьми, мало извѣстными и даже вовсе неизвѣстными, но выдававшими себя за отъявленныхъ либераловъ.—Въ это время Гр—въ былъ много старше Одоевскаго, болѣе его знакомъ съ жизнью и людьми и обладалъ несомнѣнно бóльшимъ скептицизмомъ, чѣмъ

---

[37]) Соч. I. 183 и XXIII.

[38]) Веселовскій. Назв. соч. 510.

[39]) Д. Завалишинъ. «Воспом. о Гр—вѣ». «Др. и Нов. Россія» 1879, № 4, 313.

Одоевскій, по отношенію къ людямъ, а поэтому врядъ ли былъ особенно откровененъ съ кѣмъ бы то ни было, особенно въ политическихъ разсужденіяхъ. Но, не оказывая никакого вліянія на Гр—ва, Одоевскій былъ въ самыхъ короткихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Отъ природы надѣленный недюжиннымъ умомъ, блестящими способностями, натурой хотя кроткой, но увлекающейся, чрезвычайно впечатлительный и пылкій, кн. Одоевскій всегда и вездѣ обращалъ на себя вниманіе людей, знавшихъ его. «Съ Гр—мъ», говоритъ біографъ Одоевскаго: «онъ сошелся особенно тѣсно. Это была одна изъ самыхъ чистыхъ, глубокихъ привязанностей; это была искренняя, сердечная, крѣпкая дружба, на которую такъ способенъ былъ кн. Одоевскій. Онъ полюбилъ Гр—ва безпредѣльно» [40]. Въ свою очередь и Гр—въ платилъ своему другу такою же искреннею привязанностью: онъ съ удовольствіемъ упоминаетъ объ Одоевскомъ въ письмѣ къ Бѣгичеву [41]; впослѣдствіи, когда Одоевскаго постигло несчастіе, и онъ томился въ Сибири, Грибоѣдовъ посвятилъ ему прочувствованное стихотвореніе, гдѣ прямо признается въ своей любви къ нему:

«о, мой Творецъ!...
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого отъ любви моей сокрыла?» [42]

Что касается отношенія Гр—ва къ писателямъ за это время, то въ письмахъ его къ друзьямъ оно выразилось довольно ясно.

---

[40]) Сиротининъ. «Кн. А. И. Одоевскій». «Ист. Вѣстникъ». 1883, Май, 400.

[41]) Соч. I, 185.

[42]) Соч. II, 403.

Въ первый пріѣздъ въ Петербургъ Гр—въ пристрастился къ театру, перезнакомился почти со всѣми актерами и писателями, со многими подружился, втянулся было въ мелкую литературную суету, придавалъ значеніе полемикѣ, вертѣвшейся на пустякахъ. Теперь, какъ мы уже сказали, онъ избѣгалъ новыхъ знакомыхъ, со старыми видѣлся больше по необходимости; съ многими изъ прежнихъ не возобновилъ связи.— Тѣхъ писателей, которыхъ приходилось видѣть по необходимости, онъ не стѣснялся называть довольно не культурно: «Вчера», пишетъ онъ, напр., къ Бѣгичеву: «я обѣдалъ со всей сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться,—отовсюду колѣнопреклоненіе и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ литературныхъ талантовъ и мелкихъ душенокъ» [43]). Понятно, что при такомъ отношеніи къ писателямъ онъ не могъ особенно цѣнить и тѣхъ восторженныхъ, часто неискреннихъ отзывовъ о немъ, которые слышались изъ ихъ устъ: «Какъ сказать людямъ», писалъ онъ Бѣгичеву: «что грошовыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не можетъ меня утѣшить?» [44]) При такомъ отношеніи его къ писателямъ для насъ становится понятнымъ его сожалѣніе о безплодной почвѣ нашей словесности, и мы вполнѣ можемъ повѣрить Булгарину, который говоритъ: «у Грибоѣдова навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. Жизнь народа, какъ жизнь человѣческая, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ А. С. Гр—въ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, Римляне, Евреи—

[43]) Соч. I, 193

[44]) I, 186.

не погибли отъ того, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ! Какой результатъ нашихъ литературныхъ трудовъ по истеченіи года, столѣтія? Что мы сдѣлали и что могли сдѣлать! Разсуждая о сихъ предметахъ, А. С. Гр—въ становился грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гулять въ поле или въ рощу» [45]).

Когда началась полемика по поводу «Горя отъ ума», Гр—въ не обмолвился ни единымъ словомъ и даже удерживалъ друзей отъ этой полемики [46]). Такъ скептически относился онъ теперь къ литературной критикѣ, а впослѣдствіи прямо назвалъ ее «школьной, ребяческой борьбой», свойственной только тѣмъ, которые желаютъ, «чтобы отечество наше осталось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!» [47]). Онъ даже давалъ совѣты В. Ѳ. Одоевскому «не препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости», потому что результатъ этой полемики брань и—только.

Нѣсколько страннымъ кажется дружба Гр—ва за этотъ періодъ съ Булгаринымъ, извѣстнымъ журналистомъ 20-хъ гг., редакторомъ пресловутой «Сѣверной Пчелы» и писателемъ, стяжавшимъ довольно позорную репутацію. Въ сочиненіяхъ Булгарина не содержится какихъ-либо особенно гнусныхъ идей, а между тѣмъ стоитъ только упомянуть имя этого редактора «Сѣверной Пчелы», чтобы вызвать улыбку презрѣнія на лицѣ даже мало знакомаго съ исторіей нашей литературы и просвѣщенія начала 19-го столѣтія.

При ознакомленіи съ личностью Булгарина, бро-

---

[45]) Изъ восп. Булгарина. Соч. Гр—ва. I. XXXIII

[46]) Соч. I. 203.

[47]) Тамъ же.

сается въ глаза искательство, стремленіе къ улучшенію своего положенія, несмотря на средства, полнѣйшее отсутствіе, какихъ бы то ни было, убѣжденій, полнѣйшая безпринципность.—Будучи отъ природы «ловкимъ», (онъ былъ полякъ) безпринципнымъ, Булгаринъ достигъ того, что, спустя самое непродолжительное время, «Сѣверная Пчела» сдѣлалась очень распространенной ежедневной газетой, голосу которой придавали иногда даже оффиціальное значеніе. Нравы, которые онъ вводилъ въ журналистику, были самые ужасные. Въ своей газетѣ онъ выступалъ въ качествѣ литературнаго критика, публициста и нравоописателя. И здѣсь такъ же, какъ раньше на военномъ и гражданскомъ поприщѣ, говорилъ онъ то, что въ данную минуту подсказывали ему его совершенно нелитературныя побужденія. «Нуженъ ему, напр., Полевой», говоритъ В. Боцяновскій въ своей статьѣ о Булгаринѣ: «онъ его превозноситъ до небесъ, ставитъ выше Шекспира. Не нуженъ Полевой или же позволилъ себѣ неуважительно отозваться о Булгаринѣ, и сейчасъ же въ «Сѣверной Пчелѣ» начинается противъ него ожесточенная травля» [48]). Любимымъ средствомъ борьбы его съ своими врагами былъ доносъ; иногда его доносу не придавали значенія, но иногда онъ принимался во вниманіе и влекъ за собой не особенно пріятныя послѣдствія для журналовъ, имѣвшихъ несчастіе обидѣть или даже задѣть Булгарина. Существовало даже мнѣніе, что онъ служилъ въ сыскной полиціи [49]).

Съ такою «темною» личностью Гр—въ не только познакомился, но сошелся очень коротко и до конца дней своихъ считалъ его однимъ изъ друзей. А. Веселовскій,

---

[48]) Изъ статьи о Булгаринѣ: «Курьеръ» 1901, № 76.

[49]) Тамъ же.

а за нимъ и всѣ другіе біографы Гр—ва утверждаютъ, что послѣдній цѣнилъ въ Булгаринѣ только готовность всегда исполнять всевозможныя порученія [50]). Но этого мало: письма Гр—ва къ Булгарину показываютъ несомнѣнную дружбу и, пожалуй, даже нѣкоторое уваженіе къ нему. Гр—въ въ письмахъ всегда называетъ Булгарина другомъ; проситъ присылать журналы его, которыми, очевидно, очень интересуется, и, наконецъ, въ одномъ письмѣ сообщаетъ такія вещи, какія можно говорить только близкому и задушевному другу: «Это было 16 го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой); за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось; не знаю, безпокойство ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную: выходя изъ стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: Venez avec moi, j'ai quelque chose à Vous dire. Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ,—мы туда уклонились, взошли въ комнату; щеки у меня разгорѣлись; дыханіе занялось; я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе: она заплакала, засмѣялась; я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Прас. Ник. Ахвердовой; насъ благословили; я повисъ у нея на губахъ во всю ночь и весь день, отправилъ курьера къ ее отцу» [51]).

Недоумѣніе, вызываемое этой дружбой, разсѣевается, коль скоро мы внимательнѣе всмотримся въ личность

---

[50]) «Рус. Библіот.», V, XXVIII.

[51]) I. 266—267.

Булгарина и въ отзывы о немъ людей, близко знавшихъ его. Такимъ, какимъ обыкновенно намъ представляется Булгаринъ въ литературныхъ преданіяхъ, сдѣлался уже подъ конецъ своей литературной дѣятельности. Н. И. Гречъ, сотрудникъ Булгарина, говоритъ про него: «въ то время (т.-е. въ 20-хъ годахъ) Булгаринъ былъ отнюдь не тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впослѣдствіи: былъ малый умный, любезный, гостепріимный, способный къ дружбѣ и искавшій дружбы порядочныхъ людей... почиталъ и уважалъ добрыя стороны въ людяхъ, даже тѣ, которыхъ самъ не имѣлъ» [52]). Показаніе это вполнѣ вѣроятно, потому что подтверждается другими свидѣтельствами людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія. Всѣ выдающіеся писатели дружили съ Булгаринымъ и почти всѣ принимали участіе въ его журналѣ: «Полярная Звѣзда».—Журналы Булгарина не только читались людьми почтенными, но и заслуживали довольно лестныхъ отзывовъ. А. Бестужевъ въ своихъ «обозрѣніяхъ» такъ отзывается о Булгаринѣ: «Сѣверный Архивъ», издатель онаго, Булгаринъ, съ фонаремъ археологіи спускался въ неразработанные еще рудники нашей старины и сбираніемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу русской исторіи... Прибавленія къ «Сѣверному Архиву» (г. Булгарина же) оживляютъ на берегахъ Невы «Парижскаго Пустынника». Живой, забавный слогъ и новость мыслей готовятъ въ нихъ для публики занимательное чтеніе, а оригиналы столицы и нравы здѣшняго свѣта—неисчерпаемые источники для его сатирическаго пера» [53]). Даже «С.-Пчела» въ первое время существованія производила благопріятное впечатлѣніе

---

[52]) Гречъ. «Записки». 1888. 446.

[53]) «Полярная звѣзда» на 1824 стр., 11 и 12.

на писателей, о чемъ тотъ же Бестужевъ говоритъ: «У насъ не доставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти: гг. Гречъ и Булгаринъ дали намъ ее—это «Сѣверная Пчела» [54]).

Извѣстный поэтъ и впослѣдствіи одинъ изъ казненныхъ декабристовъ, К. Ѳ. Рылѣевъ, былъ друженъ съ Булгаринымъ и даже признателенъ ему за его отзывы. Письма его къ Булгарину проникнуты самыми задушевными чувствами [55]). Наконецъ, въ 20-хъ годахъ Булгаринъ обратилъ на себя вниманіе, какъ беллетристъ, и въ этомъ отношеніи ставился современниками довольно высоко. А. Бестужевъ и Полевой очень сочувственно отзывались о беллетристическихъ трудахъ Булгарина [56]). Вотъ какимъ былъ или, лучше сказать, представлялся Булгаринъ своимъ современникамъ въ 20-хъ годахъ. Это не прошло безслѣдно и для Гр—ва; онъ увидѣлъ въ Булгаринѣ дѣльнаго и умнаго журналиста своего времени, имѣвшаго успѣхъ въ обществѣ. Въ свою очередь и Булгаринъ, «обвороженный величіемъ души Грибоѣдова, подружился съ нимъ и былъ ему вѣренъ до конца жизни» [57]). Подъ конецъ своей дѣятельности Булгаринъ, отчасти, пожалуй, подъ давленіемъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ изъ узко—эгоистическихъ цѣлей, обратилъ издательство журналовъ въ ремесло для наживы, предсталъ передъ обществомъ въ истинномъ свѣ-

---

[54]) «Полярная звѣзда» на 1825 г., стр. 21.

[55]) См. письма. «Соч. и переписка Рылѣева подъ ред. Ефремова С.-ПБ. 1874. 214—221.

[56]) «Пол. Звѣзда» 1823. 38—39. «Моск. Телегр.» 1825 № 3. 250.

[57]) Гречъ, 447.

тѣ. Мы не знаемъ, какъ бы отнесся Грибоѣдовъ къ своему другу, если бы пережилъ его и узналъ про всѣ его продѣлки и доносы, разгадалъ мелкую его душу.

Вотъ эти соображенія, хотя они и отрицаются Д. Завалишинымъ [58]), объясняютъ намъ отношенія Грибоѣдова къ Булгарину и не даютъ возможности, хотя отчасти, усумниться въ свѣтлой личности нашего поэта.— Правда, находились люди, какъ напр.: Дельвигъ, Каховскій, которые разгадали Булгарина и въ разсматриваемый нами періодъ; Каховскій даже упрекалъ Гр—ва за его дружбу съ Булгаринымъ, но Гр—въ почему-то не обращалъ на это вниманія и продолжалъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Тутъ, пожалуй, играло видную роль самолюбіе Гр—ва, которое сильно удовлетворялось уваженіемъ, какое питалъ Булгаринъ къ нему. Если вѣрить Шимановскому, который говоритъ, что Гр—въ потому подружился съ Бѣгичевымъ, что тотъ первый началъ уважать его, то послѣднее предположеніе окажется вполнѣ вѣроятнымъ [59]).

Мы видѣли, что Гр—въ въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ сошелся со многими членами масонскихъ ложъ, которые задались цѣлью направить русскую жизнь по руслу западной цивилизаціи. Сначала эти люди надѣялись найти поддержку своимъ стремленіямъ въ дѣятельности правительства, которое, какъ извѣстно, въ первые годы царствованія Александра I заявило себя довольно либеральнымъ. Но вскорѣ они должны были отказаться отъ своей надежды на него, планы и намѣренія котораго, пожалуй, еще до окончанія Наполеонов-

---

[58]) «Др. и Нов. Россія» 1879 № 4. 320.

[59]) I. XXIX.

скихъ войнъ, пошли по другой дорогѣ, чѣмъ желаніе лучшихъ людей общества. Къ 20-мъ годамъ это обнаружилось уже съ достаточною ясностью. Правда, въ теоріи либеральныя идеи и теперь еще не совсѣмъ были заброшены въ правительственныхъ сферахъ. Въ извѣстной рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ I въ Варшавѣ 15-го марта 1818 г при открытіи перваго сейма царства Польскаго, заключалось знаменательное обѣщаніе «законно-свободныхъ учрежденій» для Россіи [60]). Дѣло въ 1809—11 г., составлявшее предметъ попеченій Сперанскаго, было передано въ руки Новосильцева, и подъ его руководствомъ французскій юристъ Deschamps писалъ въ Варшавѣ проектъ новыхъ учрежденій для Россіи, а кн. Вяземскій переводилъ этотъ проектъ на русскій языкъ. Но, несмотря на эти громкія обѣщанія и тайныя работы, не имѣвшія будущаго, реальная политика правительства рѣшительно свернула на путь реакціи. Первымъ лицомъ въ правительствѣ сталъ Аракчеевъ [61]), и его тяжелая рука всюду давала себя чувствовать. Военныя поселенія нависли грозою надъ крестьянствомъ и солдатами, въ арміи опять усилилась, ослабѣвшая было, жестокость дисциплины; печать лишилась возможности трактовать о существенныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ; учебныя заведенія подверглись строгому надзору. Но всѣ эти обстоятельства не подорвали энергіи молодыхъ людей, желавшихъ обновленія Россіи: они думаютъ обойтись и безъ поддержки со стороны правительства. «Раньше либералы думали», говоритъ одинъ изъ знатоковъ Александровской эпохи—Пыпинъ: «не столько о преобразованіи учрежде-

---

[60]) Рѣчь была напеч. въ «С. Почтѣ» 1818 № 25.

[61]) Пыпинъ. «Общ. движен». 2 изд. 436.

ній, сколько о предварительныхъ общественныхъ вопросахъ, о распространеніи политическихъ знаній, объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, о приготовленіи самого общества къ иному порядку вещей и т п. Теперь они убѣждались, что ихъ теоретическія усилія и ихъ болѣе филантропическія стремленія исчезаютъ передъ обширностью того зла, которому они хотѣли противодѣйствовать; они должны были разочароваться въ ожидаемой широкой реформѣ, и ихъ вниманіе съ особенной силой обратилось къ общему политическому вопросу» [62]). Какъ результатъ такого безнадежнаго отношенія къ правительству, начало функціонировать тайное общество. Намъ нѣтъ нужды входить въ подробное разсмотрѣніе и характеристику этого общества. Скажемъ только, что оно выродилось изъ массонскихъ ложъ и въ 20-хъ годахъ заключало въ себѣ много людей, представлявшихъ цвѣтъ образованнаго общества. «Даже люди», говоритъ тотъ же знатокъ Александровской эпохи: «старавшіеся бросить, сколько можно, больше грязи въ членовъ тайнаго общества, какъ Гречъ, по остатку добросовѣстности, должны были признать за многими изъ нихъ замѣчательныя достоинства ума, образованности и характера» [63]). Дѣйствительно, безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ, какія только представляло то время.—Однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей этого общества былъ Рылѣевъ, находившійся въ короткихъ отношеніяхъ почти со всѣми извѣстными литераторами того времени и въ томъ числѣ съ Г—вымъ, который познакомился съ нимъ у Греча. Что касается

---

[62]) Тамъ же 437.

[63]) Тамъ же и Гречъ 360 и д.

другихъ членовъ тайнаго общества, то Г—въ почти со всѣми ими былъ знакомъ. Съ одними познакомился онъ еще въ первый свой пріѣздъ въ Петерб., съ другими же теперь, главнымъ образомъ благодаря чтенію комедіи въ литературныхъ кружкахъ. Знаменитая комедія, съ одной стороны, съ другой—свѣтлая, обаятельная личность Г—ва сильно подѣйствовали на многихъ членовъ тайнаго общества, и они не замедлили сблизиться съ нимъ. Дружба съ этими людьми, конечно, ввела Г—ва въ ихъ замыслы и намѣренія, коротко познакомила съ ними, и несомнѣнно, такъ или иначе, эти замыслы должны были отразиться на чуткой натурѣ Г—ва. Какъ они отразились, непосредственнаго свидѣтельства самого Г—ва мы пока не имѣемъ; поэтому намъ приходится ограничиваться апріорными разсужденіями, вѣроятность и невѣроятность которыхъ, надо думать, будетъ обнаружена въ недалекомъ будущемъ. Все, что было честнаго и прямодушнаго въ характерѣ, побуждало Г—ва къ сочувствію всѣмъ идеальнымъ стремленіямъ тайнаго общества, поскольку они касались исправленія недостатковъ русской жизни, но, какъ скоро программа общества расширилась, и оно болѣе не хотѣло останавливаться на частныхъ филантропическихъ стремленіяхъ, а обратилось къ политическому вопросу, желая въ корнѣ уничтожить зло: начало мечтать объ измѣненіи коренного начала русской жизни, иначе говоря, объ измѣненіи политическаго строя въ Россіи,—Г—въ усумнился въ его дѣятельности. Міросозерцаніе его за этотъ періодъ дѣлало его чисто русскимъ, строгимъ и ревностнымъ отстаивателемъ традиціонныхъ началъ русской жизни, русской самостоятельности. Хорошее знакомство съ людьми, правильная оцѣнка ихъ, сознаніе недостатка образованности и должной развитости говорило ему противъ

названнаго строя. Какъ постоянно вращающійся въ кругу самыхъ образованныхъ людей того времени, Г—въ своимъ проницательнымъ умомъ не могъ не видѣть недостатковъ въ людяхъ, годныхъ для государственной дѣятельности. Наконецъ, питая полное уваженіе къ лицамъ, стоящимъ во главѣ общества, за ихъ умъ, образованіе и духовныя качества, Гр—въ всѣми силами презиралъ хористовъ этого общества, иначе говоря: тѣхъ либераловъ, которые, не обладая даже достаточнымъ развитіемъ и образованіемъ, повторяли только заученныя либеральныя фразы, девизомъ своей дѣятельности ставили «шумѣть» и даже безъ всякаго зазрѣнія совѣсти вполнѣ небрежно относились къ своимъ служебнымъ и общественнымъ обязанностямъ. При первой непріятности, при малѣйшемъ нарушеніи ихъ личныхъ интересовъ, они готовы были отказаться отъ своихъ идеаловъ, за которые такъ ратовали въ кругу товарищей за стаканомъ вина. Про такихъ лицъ Г—въ, конечно, былъ въ правѣ съ ироніей сказать: «сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный строй Россіи» [64]). Все это, конечно, удерживало Г—ва отъ поступленія въ члены тайнаго общества, и дѣйствительно, пока ниоткуда не видно, чтобы онъ былъ въ рядахъ членовъ этого общества. Существуетъ мнѣніе (напр., у А. Веселовскаго) [65]), будто бы Грибоѣдова не принимали въ тайное общество, желая спасти его, какъ геніальнаго писателя, какъ

---

[64]) Д. Смирновъ. «Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов.» М. 1868 г. вып. II, отд. 2 стр. 20.

[65]) А. Веселовскій. «Грибоѣдовъ». «Починъ на 1895 г.»: тутъ Гр—въ называется «другомъ декабристовъ» и говорится, что его не принимали въ общ., видя въ немъ будущую надежду Россіи. 454—464.

«будущую надежду Россіи»; но врядъ ли это было такъ. Намъ кажется, напротивъ, такого человѣка желательно бы было имѣть въ обществѣ, гдѣ несомнѣнно дорожили выдающимися и образованными людьми. Такого мнѣнія по крайней мѣрѣ были о Гр—вѣ его друзья; [66]) что касается другихъ членовъ, то для нихъ онъ былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ для слѣдующихъ поколѣній, которыя смотрѣли на него сквозь призму послѣдующихъ разъясненій его произведеній и дѣйствій. Кромѣ того, для весьма многихъ, по словамъ Д. Завалишина, «Гр—въ былъ человѣкомъ, принесшимъ изъ военной жизни репутацію отчаяннаго повѣсы, дурачества котораго были темою для множества анекдотовъ; а изъ Петербургской жизни—славу отчаяннаго и счастливаго волокиты, гонявшагося даже за чужими женами, за что его съ такою горечью и настойчивостью упрекалъ въ глаза Каховскій [67]).

Ар. Соловьевъ.

Юрьевъ 1902.
Марта 20.

---

[66]) «Нѣсколько друзей знали ему цѣну», говорилъ Пушкинъ.

[67]) «Др. и Нов. Россія»—319.

щую невѣжду Россію, но врядъ ли это было тре-
[illegible] вопротивъ того чтобъ желательно
было имъ въ 6 шествѣ, гдѣ посовѣтовался [illegible]
[illegible] и образованными людьми. Такого мнѣнія
[illegible] были [illegible] его друзья; [66]) что
[illegible] тѣхъ человѣкъ, то для нихъ онъ былъ дале-
[illegible] чѣмъ для слѣдующихъ поколѣній, которыя
[illegible] его своею примѣру послѣдующихъ писате-
[illegible] произведеній и дѣйствій. Кромѣ того, для
многихъ, по словамъ Д. Д. Завалишина, «Горе отъ
[illegible] человѣкомъ, принесшимъ и въ военной жизни ре-
[illegible] истиннаго прогресса, дурачества котораго были
[illegible] множества доводовъ; а самъ Петербургъ
[illegible] одну огражденія и связаннаго положенія,
[illegible] даже за чужими мыслями, за что его от-
[illegible] и [illegible] упреками въ глазахъ [illegible]
[illegible]
[illegible] Соловьевъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Г—ъ [illegible] выступленій въ [illegible]
[illegible]
[illegible] разныхъ человѣкъ [illegible]
[illegible] у А. [illegible]
[illegible] Грибоѣдова [illegible]
[illegible]

[66]) [illegible] Вѣстн. [illegible] 2 стр. 20.
[illegible] Д. Завалишинъ. Грибоѣдовъ [illegible]
[illegible] чтобы чѣмъ былъ [illegible]
[illegible] что его не [illegible]
[illegible]

Московскій Музей изящныхъ искусствъ *).

Мѣстоположеніе и видъ Музея.—Строительныя работы за послѣднее время, внѣшнія и по внутренней отдѣлкѣ.—Добыча бѣлаго мрамора на Уралѣ и поѣздка туда проф. И. В. Цвѣтаева. Собираніе памятниковъ искусствъ проф. И. В. Цвѣтаевымъ въ Италіи.—Главные жертвователи.—Стоимость сооруженія.

I.

Минувшимъ лѣтомъ пришлось намъ подробно осмотрѣть стройку созидающагося въ Москвѣ необыкновенно замѣчательнаго новаго просвѣтительнаго учрежденія — «Музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III при Московскомъ университетѣ».

Грандіозное зданіе Музея высится на обширной площади, лежащей на пути отъ Кремля и университета къ храму Спасителя. Мѣсто красивое, открытое, вдали отъ торговыхъ частей города, въ центрѣ бывшихъ «дворянскихъ» кварталовъ. Съ верхнихъ галлерей

*) Кромѣ личныхъ наблюденій, пользуемся послѣднимъ оффиціальнымъ отчетомъ проф. И. В. Цвѣтаева о Музеѣ (М., 1903 г.) и другими матеріалами. Часть даннаго сообщенія входила въ нашъ докладъ, произнесенный въ Варшавскомъ Отдѣленіи Русскаго Собранія, 22 октября 1903 г.

Музея видны и Кремль съ памятникомъ императору Александру II, и храмъ Спасителя со строящимся около него памятникомъ Императору Александру III, и университетъ, и Румянцевскій музей. Черезъ дорогу отъ него, противъ праваго фасада, бывшій домъ князей Голицыныхъ купленъ казною и скоро будетъ приспособляться для училища живописи и ваянія, имѣющаго въ непродолжительномъ времени преобразоваться въ Московскую академію художествъ. Сосѣдство прекрасное. Музей станетъ одновременно служить и университету, и академіи, будетъ вполнѣ удобенъ и для художниковъ, работающихъ по образцамъ, а также для стороннихъ посѣтителей Москвы, пріѣзжающихъ въ нее за полученіемъ художественно-эстетическихъ впечатлѣній. Будетъ онъ незамѣнимымъ пособіемъ и всѣмъ учащимся, посѣщающимъ Москву съ образовательными цѣлями. Для научнаго и эстетическаго развитія въ Россіи онъ сослужитъ существенную службу.

Работы по сооруженію этого учрежденія идутъ нѣсколько лѣтъ, и настоящій годъ строительства оказывается поворотнымъ пунктомъ въ направленіи заботъ отъ вопросовъ по возведенію зданія къ дѣлу его внѣшняго и внутренняго убранства и къ вопросу о систематическомъ наполненіи сооружаемаго учрежденія соотвѣтственными памятниками искусствъ *).

Такъ какъ каменная кладка зданія по переднему

---

*) Когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, окончится постройка и убранство Музея, и онъ совершенно наполнится своимъ художественнымъ содержаніемъ, мы надѣемся представить тогда всю исторію его сооруженія. Пока же предварительно останавливаемъ вниманіе на данномъ фазисѣ, какъ уже достаточно ясно раскрывающемъ характеръ всего дальнѣйшаго.

фасаду была покончена ранѣе, то главное вниманіе по строительнымъ работамъ сосредоточивалось за послѣднее время на возведеніи гранитнаго цоколя и, затѣмъ, на облицовкѣ бѣлымъ мраморомъ боковыхъ стѣнъ. Мраморныя работы по облицовкѣ и орнаментаціи ведутся преимущественно мастерами, вывезенными для данной цѣли изъ Италіи, и свидѣтельствуютъ о высокомъ достоинствѣ техники и добросовѣстности въ выполненіи ихъ. Полуколонны, поставленныя по боковымъ сторонамъ зданія, являются въ Россіи первымъ столь совершеннымъ опытомъ мраморныхъ работъ въ строгомъ іоническо-аттическомъ стилѣ. Крыша возводится стеклянная, въ желѣзныхъ переплетахъ, съ желѣзными стропилами, балками и фермами. Стеклянныхъ покрытій будетъ три; для начала сдѣлано пока одно верхнее покрытіе изъ толстаго двойного стекла.

По переднему фасаду зданія готовятся два скульптурныхъ фриза, одинъ въ центральной части, вверху, надъ портикомъ, другой подъ колоннадой по всему фасаду. Верхній фризъ изображаетъ классическій сюжетъ Олимпійскихъ игръ, нижній—панаѳинейскую процессію по даннымъ іоническаго фриза Парѳенона въ Аѳинахъ. Составленные и выполняемые особыми спеціалистами, оба они вызываютъ справедливыя похвалы знатоковъ греческой скульптуры. Стоимость фризовъ будетъ свыше 12,000 руб.

Во внутренней отдѣлкѣ зданія останавливаетъ на себѣ удивленный взглядъ, прежде всего, главная лѣстница, съ ея мраморной колоннадой. Монолитные большихъ размѣровъ темно-розовые стволы колоннады привезены изъ Веронскихъ горъ; стѣны лѣстничной клѣтки облицовываются мраморомъ изъ Бельгіи и Испаніи. Лѣстница прямая, въ три марша, съ широкими площад-

ками. Расположенная въ центрѣ зданія, она подходитъ во второмъ этажѣ, прежде всего, къ обширнѣйшему залу, имѣющему форму древняго храма. Это—будущая «Палата Русской Славы» въ области наукъ, литературы и искусствъ, имѣющая вмѣщать въ себѣ статуи, бюсты и портреты отечественныхъ художниковъ, литераторовъ и ученыхъ, начиная съ Ломоносова, основателя Московскаго университета. Вопросъ о назначеніи этого особо обширнаго, импозантнаго и дорого стоящаго помѣщенія удостоился особаго вниманія и освѣдомленія Его Императорскаго Величества Государя Императора. Залъ четырехъ-угольный, продолговатый, съ аспидой впереди и съ двумя рядами колоннъ, дѣлящихъ его на три нефа, съ хорами, облегающими три стороны—боковыя и заднюю. При высотѣ его въ $17^1/_2$ аршинъ, сама собою опредѣлилась необходимость возведенія въ немъ колоннъ въ два этажа, по античнымъ образцамъ. И колоннада выведена во всю высоту, наподобіе большихъ древнихъ греческихъ храмовъ, каковы храмы Зевса въ Олимпіи, Пареенонъ въ Аѳинахъ и др., и заключаетъ въ себѣ до 40 колоннъ. За Палатой Русской Славы опредѣляется уже видъ залъ Древне-Египетской, Греческихъ, Римскихъ, Возрожденія и т. п., аудиторіи, кабинетовъ, помѣщенія подъ зданіемъ для точныхъ копій древнихъ катакомбъ и проч.

Во главѣ предпріятія стѣнной росписи залъ приглашены быть художники В. Д. Полѣновъ, В. М. Васнецовъ и П. В. Жуковскій. Въ виду преобладанія ландшафтнаго характера предположенной росписи, поставлено основнымъ принципомъ писать съ натуры, на мѣстахъ, и потому предрѣшена организація Полѣновымъ спеціальнаго путешествія художниковъ, имѣющихъ работать для Музея, въ Египетъ, Палестину, на остро-

ва Эгейскаго архипелага, въ Грецію, Константинополь и Италію.

II.

Спеціальныя путешествія по дѣламъ Музея вызываются и вызывались также и другими потребностями. Особую важность имѣютъ для него недавнія путешествія секретаря Комитета Музея, директора Румянцевскаго музея профессора Ив. Влад. Цвѣтаева. Одно изъ нихъ было на Уралъ, другое въ Италію.

Мы уже упомянули, что зданіе облицовывается бѣлымъ мраморомъ. Если мраморъ колоннады главнаго фасада, для ускоренія работъ, берется изъ Норвегіи, то весь мраморъ, употребляемый на облицовку, выламывается на Уралѣ, въ Уфимской губерніи, въ Златоустовскомъ округѣ. Существованіе мраморовъ въ горахъ Златоустовскаго округа извѣстно издавна, и куски его, въ качествѣ интересныхъ образцовъ, издавна лежатъ въ витринахъ геологическихъ кабинетовъ и музеевъ; но вызвать этотъ мраморъ къ жизни и широко примѣнить его, какъ строительный матеріалъ, пришлось Московскому Музею, благодаря необычайной щедрости гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцова, который не только доставилъ для него громадныя матеріальныя средства, но и самъ, съ комиссіею спеціалистовъ, предварительно ѣздилъ туда на мѣста нахожденій и будущихъ ломокъ для Музея. Пятый годъ продолжается тамъ неустанная работа; тѣмъ не менѣе мраморъ доставлялся въ Москву медленно, нерѣдко недолжной мѣры и въ недостаточномъ количествѣ.

Для уясненія причинъ медленности и неисправно-

сти доставки мрамора въ Москву и для возможнаго устраненія такихъ причинъ и была предпринята, лѣтомъ 1902 года, поѣздка профессора И. В. Цвѣтаева на Уралъ.

Ѣздилъ онъ туда вмѣстѣ съ своею супругой, и вотъ что онъ намъ писалъ, между прочимъ, оттуда:

«Ломки мрамора—въ 14 верстахъ отъ Златоуста, близъ пути къ нему. Бѣлоснѣжный камень блеститъ на солнцѣ еще съ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, версты за 4—5. Контора въ ближайшемъ селѣ. Здѣсь мы пробыли 4 дня. Ѣздили каждый день на ломки и проводили тамъ время въ средѣ башкиръ и татаръ, составляющихъ главный контингентъ рабочихъ. При насъ оголяли мраморныя глыбы, рвали ихъ порохомъ, разсѣкали желѣзными клиньями, долбили, пилили, ковали отдѣльные куски, предназначенные къ отсылкѣ. При насъ производился спускъ обдѣланныхъ камней по особой желѣзной дорожкѣ съ горы внизъ до ближайшей станціи ($2^1/_2$ версты) для нагрузки въ вагоны и отправленія въ Москву.

«Уралъ таитъ милліарды пудовъ этого, какъ сахаръ, бѣлаго и ослѣпительно-блистательнаго камня, и казна отдаетъ его почти даромъ. Но совсѣмъ не изслѣдовано, гдѣ лучшіе его сорта, гдѣ онъ лежитъ сплошной массой и гдѣ отдѣльными камнями. Рѣшеніе этого вопроса есть дѣло практики будущаго. Само горное начальство, съ которымъ я познакомился въ Златоустѣ, не знаетъ, гдѣ и на какой глубинѣ находится лучшій мраморъ.

«Оттого и мы идемъ вслѣдъ за случаемъ: выпадетъ хорошій кусокъ на пути нашихъ изысканій—его утилизируемъ; нѣтъ камня—роемъ глину ниже. Случается при этомъ много и разочарованій. Нашлась при

насъ цѣлая глыба отличнаго вида; нѣмецъ-инженеръ уже расчертилъ ее, разсчитывая выдѣлить изъ нея столько-то такой-то мѣры заказанныхъ ему архитекторомъ камней. Начинается дробленіе этой многообѣщающей глыбы, и первый значительный отколъ показываетъ, что вдоль идетъ или внутренняя трещина, или сухая прослойка, портящая глыбу до того, что изъ нея не выкраивается и самаго скромнаго камешка для нашихъ фасадовъ. Приходится разбивать ее на мелкіе куски, чтобы очистить мѣсто для новыхъ работъ. Отбросы или отвалы мрамора поэтому образуютъ цѣлыя горы ослѣпительно-бѣлаго цвѣта. При такихъ условіяхъ Листъ (контрагентъ Музея) понесетъ до 150,000 руб. убытка въ подрядѣ и лишь изъ гордости не кидаетъ дѣла. Надѣемся, впрочемъ, что при счастливомъ окончаніи Ю. С Нечаевъ-Мальцовъ приметъ убытокъ на свой счетъ» *).

Много и другихъ затрудненій встрѣтилось тамъ въ ходѣ и условіяхъ работы. Мало-помалу однако значительное число трудностей поустранилось. Порѣшены споры изъ-за правъ эксплоатаціи и владѣнія каменноломнями, выписаны опытные мастера съ другихъ каменноломенъ, поналаживается порядокъ и съ мѣстными рабочими чрезъ прибавку къ нимъ русскихъ рабочихъ; мѣста лучшихъ пластовъ выясняются, и доставка мрамора въ Москву идетъ теперь успѣшнѣе.

Одна эта мраморная броня Музея, вмѣстѣ съ высокимъ гранитнымъ цоколемъ сообщая и особую красоту, и долговѣчность, будетъ стоить щедрому дарителю, какъ мы слышали, свыше шестисотъ тысячъ рублей.

---

*) По полученнымъ нами позднѣе свѣдѣніямъ, Ю. С. Неч.-Мальцовъ еще до окончанія дѣла измѣнилъ условія контракта, установивъ новыя, значительно повышенныя цѣны.

III.

Заботы по подготовкѣ систематическаго пополненія будущаго Музея памятниками искусствъ вызвали профессора И В. Цвѣтаева на другую поѣздку, которая продолжалась восемь мѣсяцевъ. Наполненіе университетскаго музея скульптуры производится имъ лѣтъ уже около четырнадцати, и много лучшихъ сокровищъ, хранящихся въ музеяхъ Лондона, Парижа, Берлина, Дрездена, Мюнхена, пріобрѣтено имъ въ гипсовыхъ отливахъ, въ натуральную величину оригиналовъ. Къ осени прошлаго года созрѣлъ вопросъ о памятникахъ, имѣющихся въ Италіи.

При словѣ «заграничная поѣздка», по дѣлу громаднаго строительства, у многихъ читатетей можетъ естественно возникнуть представленіе о хорошей казенной субсидіи на нее; могутъ рисоваться картины довольства въ пути и пріятныхъ удовольствій. Надо однако думать, что для своихъ иллюстрацій читатель беретъ примѣры не изъ области поѣздокъ нашихъ русскихъ ученыхъ. Профессоръ Цвѣтаевъ ѣздилъ на свой счетъ, по собственной иниціативѣ, какъ на Уралъ, такъ и въ Италію, и тамъ, при выполненіи предпринятой имъ отвѣтственной и трудной задачи, было ему не до комфорта и не до удовольствій.

Италія, въ которой И. В. Цвѣтаевъ не однажды живалъ и долго учился, хорошо извѣстна ему *); но теперь онъ отправился въ нее съ иными цѣлями, чѣмъ прежде, и, проведши въ ней осень и всю зиму, воротился въ Москву нынѣ къ лѣту, къ разгару строитель-

*) См. его «Путешествіе въ Италію», Спб., 1889.

ныхъ работъ. Сначала онъ объѣздилъ сѣверную Италію, нѣсколько разъ останавливаясь въ важнѣйшемъ ея городѣ по хранящимся художественнымъ сокровищамъ, т.-е. во Флоренціи; затѣмъ передвинулся въ средину, страны, съ ея Римомъ; закончилъ южной частью ея во главѣ съ Неаполемъ, и на возвратномъ пути снова посѣтилъ важнѣйшія мѣста. Почти въ каждомъ городѣ онъ находилъ интересныя вещи для созидаемаго Музея *).

Послѣ первой поѣздки по Тосканѣ, но по остановкѣ во Флоренціи, профессоръ Цвѣтаевъ писалъ намъ (въ концѣ декабря 1902 г.): «Если въ Пизѣ, Луккѣ, Пистойѣ, Прато приходилось разыскивать отдѣльные памятники искусствъ, то во Флоренціи я долженъ былъ взять себя въ руки, чтобы не разбросаться въ необозримомъ множествѣ ихъ». По пути отсюда къ Генуѣ онъ заѣхалъ «въ Каррару познакомиться съ ея мраморными ломками и сравнить ихъ съ нашими собственными на Уралѣ. Принятый прекрасно городскими властями и учрежденіями, я (продолжалъ онъ къ намъ въ письмѣ) видѣлъ все, что можно было видѣть, получилъ интересныя литературныя и оффиціальныя данныя по исторіи мрамора здѣшнихъ мѣстъ».

Во время второй своей остановки во Флоренціи, Ив. Вл. сообщалъ (4 февр. н. с 1903 г.) намъ: «Бо-

---

*) Свѣдѣній объ этой командировкѣ его въ Италію еще не появлялось въ печати, и мы пока знаемъ о ней лишь изъ нашей переписки съ нимъ за время его пребыванія тамъ. Да проститъ намъ проф. Иванъ Владиміровичъ за рѣшимость воспользоваться его къ намъ письмами, привести нѣсколько извлеченій изъ нихъ. Дѣло его не частное, а общекультурное, и молчать о немъ лицамъ знающимъ было бы, право, большимъ грѣхомъ съ ихъ стороны.

лѣе двухъ недѣль прожилъ я во второй разъ въ этомъ городѣ и, кажется, все главное сдѣлалъ. Что нужно было видѣть, осмотрѣлъ; что возможно, заказалъ или купилъ; купленное отправляется для оплаты въ Москву. Все мое время отъ утра и до заката проходило въ церквахъ, въ музеяхъ, въ палацахъ нѣкогда славныхъ и потомъ исчезнувшихъ съ земли патриціевъ, въ антикварныхъ лавкахъ, съ ихъ обманами и въ мастерскихъ, съ ихъ запросами безъ ума и совѣсти. Итальянское возрожденіе XIV—XVI в.в. будетъ представлено скульптурою полнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Сначала я все церемонился, ограничиваясь тѣмъ, что доступно по цѣнѣ. А потомъ раздумалъ: разъ мы чуть не 2 милліона руб. укладываемъ на зданіе, можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что лучшіе памятники міроваго искусства должны же быть пріобрѣтены для такого зданія? Мраморные входы, дивныя лѣстницы должны же вести къ чему-нибудь большому, цѣнному, возвышающему духъ. А потому я началъ заказывать и нарочитыя вещи, которыхъ не имѣетъ ни одинъ музей или имѣетъ, но въ плохихъ слѣпкахъ. Сначала я жался при цѣнахъ въ 2.000, а потомъ перешелъ на 4.000—5.000—10.000—11.000 франковъ, не считая упаковки и провоза, которыя зачастую или равняются стоимости предмета или даже превышаютъ ее; обыкновенно считается на упаковку и доставку отъ Италіи до Москвы 100%. Вчера, отправляясь за городъ въ одинъ монастырь, зашелъ на фаянсовую фабрику, первую во всей Тосканѣ, и здѣсь неожиданно встрѣтилъ одно «Благовѣщеніе», которое давно увлекало меня, и копіи котораго я не встрѣчалъ нигдѣ. Оказалось, фабрика изготовляла его для Парижской выставки, получила медаль, но, запросивши дорого, не продала. Теперь готова была сбыть за 1500 фр.—большой

запрестольный образъ Андреа Делла Роббіа *), исполненный на фаянсѣ двухъ тоновъ, голубомъ на фонѣ и бѣломъ въ фигурахъ. И рисунокъ, и исполненіе безподобны. Я поторговался и получилъ 10% сбавки». Передавъ еще о другихъ крупныхъ покупкахъ, Ив. Вл. продолжалъ: «Намѣтилъ нѣсколько образцовъ историческої мебели—деревянныя софы, кресла, кронштейны, постаменты, рамы картинъ. Директоръ Національнаго Музея рекомендовалъ мнѣ «профессора скульптуры» для рѣзьбы по дереву. Я познакомился съ нимъ, и мы нынѣ цѣлое утро выбирали образцы всего этого въ разныхъ музеяхъ: остановились на креслѣ Саванаролы, на софѣ Медичей и всю остальную мебель выбрали изъ XV в. Ему я заказалъ рѣзьбу, постройку и позолоту, всего по 2 штуки, тысячи на 4½ фр. Этимъ можно будетъ убрать цѣлое отдѣленіе. Будетъ все вѣрно исторически и изъ опредѣленнаго мѣста. Это должно сохраняться. Вся мебель изъ орѣха».

Послѣ второго пребыванія во Флоренціи проф. Цвѣтаевъ проѣхалъ въ Болонью, жилъ въ Равеннѣ и Венеціи, былъ въ Падуѣ и Павіи, жилъ въ Миланѣ, продолжая выбирать надобные памятники искусства. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ среднюю Италію.

Изъ Рима писалъ (22 марта н. с. 1903 г.) онъ намъ: «Послѣ Флоренціи, гдѣ я былъ въ 3-й разъ, Сіены, Кіузи и Орвіэто, я прибылъ въ Римъ... Здѣсь я хожу изъ одного музея въ другой и извлекаю все, что̀ необходимо и желательно... Боялся я тутъ не получить въ св. Петрѣ мраморную группу Pietà Микель-Анджело, какъ запрестольный образъ. Формъ его не было, такъ

*) XV в.

что нужно было бы копировать ее въ гипсѣ. А это и очень дорого, и долго, и соединено съ хлопотами у разныхъ лицъ и учрежденій; однѣхъ лѣстницъ сколько въ такихъ случаяхъ излазить и сколько «чаевъ» израсходуешь! Но въ первый же день случайно узнаю, что недавно сдѣлали ее для Австріи, и что есть готовый, второй по счету, слѣдовательно, свѣжій экземпляръ. Спѣшу, лечу, по тому же слуху о конкурренціи одного американскаго музея». Удалось сторговать это за 2.500 фр. «Теперь помышляю о статуѣ св. Петра: дѣло доводится до самого папы; такъ какъ это—святыня, никогда она въ полную величину и въ гипсѣ не копировалась, надо выбрать для этого глухую недѣлю (въ августѣ и сентябрѣ). Нынѣ буду въ нашей миссіи и узнаю отвѣтъ».

Свои сообщенія изъ переписки съ проф. И. В. Цвѣтаевымъ мы закончимъ извлеченіемъ изъ его письма изъ Неаполя (отъ 21 апр. 1903 г.): «Я доѣхалъ на югѣ до послѣдней станціи. Нѣкоторое время я помышлялъ объ Египтѣ, но и денегъ на это путешествіе нѣтъ (я повсюду—и на Уралъ, и всю эту зиму заграницей, какъ ты знаешь, ѣзжу на свои средства), да и пора тамъ теперь жаркая. Случай солнечнаго удара съ германскимъ наслѣднымъ принцемъ, еще мѣсяцъ тому назадъ бывшимъ въ Луксорѣ, послужилъ для меня сильнымъ предостереженіемъ. Да и голова моя устала отъ музеевъ, церквей, чужихъ улицъ, площадей и постоянныхъ передвиженій. Пора брать обратный путь.

«Въ Римѣ мнѣ посчастливилось получить разрѣшеніе снять слѣпки со всѣхъ главнѣйшихъ скульптуръ Ватикана, Латерана, Капитолія и Національнаго музея. И папское, и королевское правительства были ко мнѣ, т. е. къ Музею Александра III, необычайно внимательно-

ны. Достаточно сказать, что я не получилъ отказа ни въ чемъ. Я попросилъ для копированія даже такія статуи, которыя по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ не копировались никогда, по крайней мѣрѣ, я такихъ слѣпковъ въ Европѣ не видалъ. Помышляю и о Троянской колоннѣ, на которой, недолго искавши, найдешь изображенія русскихъ знакомыхъ лицъ. Я этихъ предковъ очень люблю и потому избралъ нѣсколько хорошихъ «варварскихъ головъ» и заказалъ большую статую плѣннаго варварскаго вождя для нашего Музея.

«Римскіе формовщики составляли все время мою гвардію, при обхожденіи всѣхъ галлерей и музеевъ. Работы они получили на 2 года. Въ Латеранѣ она уже и началась. Отливаютъ теперь колоссальнаго дѣдушку Нила съ аравой ребятишекъ, по немъ ползающихъ.

«Римъ я оставилъ въ наилучшемъ настроеніи, какъ мѣсто, давшее нашему Музею столько чудеснѣйшихъ созданій скулптурнаго искусства древняго и новаго времени.

«Въ Неаполѣ я раскутился на помпейскія и геркуланскія бронзы. Выбравши все лучшее, чѣмъ по справедливости гордится здѣшній Національный Музей, я заказалъ и статуи, и бюсты, и статуэтки, и хирургическіе инструменты, и архитектурные аппараты, и кухонныя принадлежности, и удильныя снасти, и самовары, и кровати, и курульное кресло, и треножники, и свѣтильники a tutti quanti. Записалъ и заказалъ первой литейной фабрикѣ вылить въ 2 года все это изъ бронзы, придавши этому цвѣтъ оригиналовъ, все въ натуральную величину. Когда бронзы придутъ въ Москву, какое почетное мѣсто займутъ онѣ въ цѣломъ рядѣ залъ гре-

ческихъ и римскихъ; помѣщенныя же отдѣльно, онѣ однѣ наполнятъ большой залъ!

«Этого Россіи и не чудилось, но пора же ей имѣть всѣ эти славныя вещи. На то она и первостепенная держава».

Всей душой сочувствуя дѣлу и радуясь его успѣхамъ, мы съ своей стороны не разъ позволяли себѣ предостерегать московскаго собирателя вопросомъ, будетъ ли чѣмъ уплатить Музею, когда доставятъ ему всѣ закупленные и заказанные предметы. Но проф. И. В. Цвѣтаевъ отвѣчалъ намъ, что онъ твердо вѣритъ въ счастливую звѣзду Музея,—вѣритъ, что хотя бы у Музея и не было теперь средствъ на такія пріобрѣтенія, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ надобную минуту они найдутся, и Московскій Музей изящныхъ искусствъ не останется должникомъ ни передъ однимъ поставщикомъ, ни русскимъ, ни иностраннымъ.

Отрадная надежда, дѣлающая честь строителямъ. И всѣ счета, приходящіе уже вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями изъ Италіи, Комитетомъ Музея, по полученнымъ нами недавно изъ Москвы свѣдѣніямъ, оплачиваются безпрепятственно. Разрѣшены къ привозу и герколано—помпейскія бронзы; сдѣланы этой осенью также новые заказы большихъ художественныхъ вещей въ Мюнхенѣ и Нюренбергѣ по нѣмецкой скульптурѣ (XV—XVI вв.), для выбора изъ которой проф. Цвѣтаевъ, по пути изъ Италіи, ѣздилъ прошлой весной въ Южную Германію.

Однако думается намъ: разъ *такимъ образомъ* ставится и выполняется дѣло, единственное во всей Россіи и назначаемое для цѣлой Россіи,—почему бы съ своимъ болѣе щедрымъ содѣйствіемъ не притти на помощь къ нему самому государству, а не возлагать почти

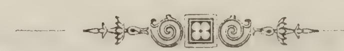
всю тяжесть труда и издержекъ на плечи нѣсколькихъ лицъ? На Русскій Музей имени Александра III въ Петербургѣ, не ожидая частныхъ пожертвованій, находятся же и льются же казенныхъ денегъ цѣлые милліоны

IV.

Главными жертвователями, за послѣднее время, были Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй Александровичъ и Павелъ Александровичъ, Кс. Ѳ. и И. А. Колесниковы, М. А. Морозовъ, дочь покойнаго профессора-доктора Захарьина А. Г. Подгорѣцкая и. какъ и въ прежніе годы, неистощимый въ своей щедрости гофмейстеръ Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ. Не считая цѣнности земли, подаренной городомъ (стоимостью около 600.000 р.) и многочисленныхъ художественныхъ приношеній, сооруженіе и убранство новаго Музея обойдутся около 2.000.000 рублей. Какъ ни значительна эта сумма, она, нѣтъ сомнѣнія, повысилась бы весьма сильно, если бъ эта колоссальная работа выполнялась обычнымъ «казеннымъ» порядкомъ—съ казенными инженерами, архитекторами, подрядами, окладами, пособіями, платами членамъ засѣданія, командировками и т. п. Члены Комитета Музея имени Александра III въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ своего Августѣйшаго Предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича, безвозмездно несутъ на это дѣло и свои труды, и время, и средства, и сами ищутъ себѣ сотрудниковъ и жертвователей дѣлу, при чемъ одинъ Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ, товарищъ Предсѣдателя, вложилъ въ это предпріятіе своихъ уже около 1.000.000 рублей. И старѣй-

шему русскому университету, ко времени приближающагося его полуторастолѣтія, готовится въ даръ такое высококультурное учрежденіе, которое обѣщаетъ быть надолго единственнымъ во всей Россіи и однимъ изъ лучшихъ въ цѣлой Европѣ.

Варшавскій профессоръ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 93.

Взаимный залогъ.

Для объясненія.

Мать **цѣлуетъ** и **обнимаетъ** своихъ дѣтей.

Пріѣхавшіе родные съ нами **цѣлуются** и **обнимаются**.

Должно **прощать** обиды.

Гости съ хозяевами **прощаются**.

Судья старается **примирить** поссорившихся сосѣдей.

Сосѣди послушались и **примирились**, но вскорѣ опять **поссорились** другъ съ другомъ.

Предъ началомъ уроковъ учениковъ **перекликають**.

Дѣти пошли въ лѣсъ и стали тамъ **аукаться** и **перекликаться**.

Правило.—*Взаимный залогъ означаетъ дѣйствіе, происходящее между* **двумя** *или* **нѣсколькими предметами**, *взаимно дѣйствующими одинъ на другого.*

При взаимномъ залогѣ ставится дополненіе на вопросъ: **съ кѣмъ? съ чѣмъ?**

---

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III, IV—V и VI 1901 г. и II—III, IV, V и VI 1902 г. I, II, III и IV—V 1903 г.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ предложеніяхъ поставить сказуемыя-глаголы взаимнаго залога.

Войска съ непріятелями ...—Не дай Богъ съ дуракомъ ...—Въ лѣсу съ медвѣдемъ опасно ...—Мой братъ живетъ въ цругомъ городѣ, но я съ нимъ часто ...—Знакомые другъ съ другомъ ...—Не слѣдуетъ дереву съ огнемъ ...—На Свѣтлое Христово Воскресенье всѣ другъ съ другомъ ...

Задача 2.

Составить предложенія, въ которыхъ сказуемыя были бы выражены глаголами взаимнаго залога, образованными отъ слѣдующихъ глаголовъ: бороть, толкать, судить, знакомить, разлучить, драть, видѣть, раздѣлить, бранить, сторговать.

Задача 3.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ опредѣлить залоги глаголовъ.

Тяжкой тучей отряды конницы летучей, браздами, саблями звуча, сшибаясь, рубятся съ плеча.—Знать, солнышко утомлено: за горы прячется оно, лучъ погашаетъ за лучомъ.—Лисица съ журавлемъ подружились и даже покумились у кого-то на родйнахъ.—Однажды лебедь, ракъ да щука везти съ поклажей возъ взялись, и вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись. Поклажа бы для нихъ казалась и легка, да лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.—Легкія жилища земледѣльцевъ были сносимы татарами до основанія, а обитатели ихъ разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ со скотомъ.—На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда и выводятъ дѣтей.—

Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ за плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра.—За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете мѣсто гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ.—Съ сварливымъ человѣкомъ трудно ужиться.—Отъ дождя накрываются зонтиками.—Вся роща была затоплена сильнымъ, хотя и неяркимъ свѣтомъ недавно вставшаго солнца.—Подъѣзжая къ городу, ямщикъ подвязалъ колокольчики, чтобы звонъ не привлекъ вниманія сторожей.—О важныхъ дѣлахъ необходимо совѣщаться съ знающими людьми.—Чтобы не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевозъ, надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ слишкомъ съ версту. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись мы вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и, перекрестившись, пустились на перебой поперекъ рѣки.—Ко мнѣ часто собираются товарищи. Мы пьемъ чай, читаемъ, разговариваемъ, шутимъ, споримъ, нерѣдко пробуемъ состязаться въ шахматной игрѣ и вообще весело проводимъ время.

Урокъ 94.

Среднiй залогъ.

Для объясненія.

Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ:
На мельницѣ и стукъ, и громъ;

Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ;
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ:
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ:
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

Никитинъ.

Осень.

Осень! Обсыпается
Весь нашъ бѣдный садъ;
Листья пожелтѣлые
По вѣтру летятъ.
Лишь вдали красуются
Тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя
Вянущихъ рябинъ.

Гр. А. Толстой.

Правило.—*Средній залогъ показываетъ* **состояніе** *покоя или движенія, напр.: „Родъ людской тамъ* **спитъ**“... *(состояніе покоя); орелъ* **летаетъ** *подъ облаками (состояніе движенія).*

Послѣ глаголовъ средняго залога **нельзя поставить прямое дополненіе**

Глаголы средняго залога оканчиваются на—**ть**, **ти**, но могутъ имѣть на концѣ и сокращенное мѣстоименіе **ся**, напр.: спа-ть, итти, боя-ть-ся.

Задача 1.

Прибавить сказуемыя—глаголы средняго залога къ слѣдующимъ подлежащимъ: братъ, сестра, дождь, лошадь, птица, собака, рыба, вѣтеръ, охотникъ, огонь, солнце, лѣнтяй, дерево, трава, заря, громъ, молнія, цвѣты, нива, рѣка.

Задача 2

Составить предложенія, въ которыхъ сказуемыми были бы слѣдующіе глаголы: плакать, искриться, ложиться, смѣяться, радоваться, отдыхать, поѣхать, гордиться, бояться, итти, притворяться, выздоравливать, надоѣдать, ослабѣвать, обѣдать, ужинать, рѣзвиться, состарѣться.

Задача 3.

Въ слѣдующей баснѣ указать залоги глаголовъ.

Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять яснѣй,
Послушай басенки моей.
Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты, совсѣмъ нагая?"
—„Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу",
Огню такъ роща отвѣчала.
—„Бездѣлица!" огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной: тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ;
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ, если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!“
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ,
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожiй находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

Крыловъ.

Урокъ 95.

Причастiе.

Для объясненiя.

I.

Тотъ, кто **утопаетъ**, хватается за соломинку.	**Утопающiй** хватается за соломинку.
Тотъ труда не боится, кто **умѣетъ** трудиться.	**Умѣющiй** трудиться труда не боится.

Вдалекѣ вспыхиваетъ молнія, и слышится слабый гулъ, который постепенно **усиливается, приближается** и **переходитъ** въ раскаты, обнимающіе весь небосклонъ.	Вдалекѣ вспыхиваетъ молнія, и слышится слабый гулъ, постепенно **усиливающійся, приближающійся** и **переходящій** въ **раскаты, обнимающіе** весь небосклонъ.
Кто **всталъ** до дня, тотъ днемъ здоровъ.	**Вставшій** до дня днемъ здоровъ.
Кто **опоздалъ**, того не ждутъ.	**Опоздавшаго** не ждутъ.
Старый садъ, который **тянулся** позади дома, **выходилъ** за село и **пропадалъ** въ полѣ, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ запустѣніи.	Старый садъ, **тянувшійся** позади дома, **выходившій** за село и **пропадавшій** въ полѣ, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ запустѣніи.

Правила.—*Отъ глаголовъ можно образовать имя прилагательное, обозначающее такой признакъ, который взятъ отъ какого-либо дѣйствія или состоянія.*

Глаголъ въ формѣ имени прилагательнаго называется причастіемъ. Причастіе, какъ и имя прилагательное, отвѣчаетъ на вопросъ: **какой?** Формою причастія можетъ быть обозначено время настоящее и прошедшее. Причастія всѣхъ залоговъ, кромѣ страдательнаго, имѣютъ слѣдующія составныя части, прибавляемыя къ основѣ.

Основа	Соединит. звуки.	Примѣта причастія.	Измѣняемое оконч. (флексія).
настоящаго времени	у	щ	і-й
	ю	щ	і-й
	а	щ	і-й
неопредѣленнаго наклоненія	-	ш	і-й
	в	ш	і-й

Если глаголъ имѣетъ на концѣ сокращенное мѣстоименіе **ся**, то это **ся** прибавляется и къ окончанію причастія, напр.: одѣваю**щ**йся, бросив**ш**йся.

II.

Производство причастій.

Для объясненія.

Производство причастій настоящаго времени.

Основа.	Соедин. гласн.	Примѣта причастія.	Измѣняем оконч.
Чита	ю	**щ**	і-й.
Пиш	у	**щ**	і-й.
Богатѣ	ю	**щ**	і-й.
Грѣ	ю	**щ**	і-й-ся.
Движ	у	**щ**	і-й-ся.
Сп(и+а=)	я	**щ**	і-й.
Корм(и+а=)	я	**щ**	і-й-ся.

Производство причастій прошедшаго времени.

Основа.	Вставочн. звукъ.	Примѣта причастія.	Измѣн. оконч.
Вез	-	**ш**	і-й.
Нес	-	**ш**	і-й.
Хвали	в	**ш**	і-й-ся.
Разгорѣ	в	**ш**	і-й-ся

Правила.—*Причастіе настоящ. времени производится отъ основы* **настоящаго времени**: *въ 1-мъ спр. берется соедин. гл.* **у** *или* **ю**, *во 2-мъ* **а**; *къ соединит. гласному прибавляется примѣта причаст. наст. времени* **щ** *и измѣняемыя окончанія—-і-й,—а-я,--е-е.*

Причастіе прошедш. времени производится отъ основы **неопредѣленнаго наклоненія:** *1) если основа оканчивается на согл., то примѣта этого причастія* **ш** *и измѣн. окончанія—і-й, а-я, е-е, прибавляются къ основѣ непосредственно, напр.:* нес-**ш**-і-й, нес-**ш**-а-я, нес-**ш**-е-е; *2) если же основа оканчивается на гласный, то между послѣднимъ и примѣтою вставляется* **в**: пи-в-**ш**-і-й, пи-в-**ш**-а-я, пи-в-**ш**-е-е.

Задача 1

Произвести причастія настоящаго времени отъ слѣдующихъ глаголовъ: иду, живу, говорю, сижу, просыпаюсь, ошибаюсь, падаю, думаю, гляжу, гремлю, ношусь, молюсь, качаюсь, теряюсь, бью, пою, звеню, киплю, умываюсь, отправляюсь, держусь, расту, цвѣту, горю, блещу, остерегаюсь, исправляюсь, знакомлюсь, верчусь, сѣдѣю, блѣднѣю, темнѣю, бѣлѣюсь, чернѣюсь, свѣтлѣю, зрѣю, пестрѣюсь.

Задача 2.

Произвести причастія прошедшаго времени отъ слѣдующихъ глаголовъ: сидѣть, завиднѣться, владѣть, осмотрѣться, звенѣть, разболѣться, потемнѣть, одѣться, висѣть, раскраснѣться, заалѣться, уцѣлѣть, завертѣться, потерпѣть, состарѣться, отяжелѣть, зардѣться, видѣть, зачернѣться.

Урокъ 96.

Склоненіе причастій.

Правило.—*Причастія настоящаго и прошедшаго времени склоняются такъ же, какъ имена прилагательныя.*

Склоненіе

I.

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	зрѣю-*щ*-ій	зрѣю-*щ*-ая	зрѣю-*щ*-ее
Род.	зрѣю-*щ*-аго	зрѣю-*щ*-ей	зрѣю-*щ*-аго
Дат.	зрѣю-*щ*-ему	зрѣю-*щ*-ей	зрѣю-*щ*-ему
Вин.	какъ им. или род.	зрѣю-*щ*-ую	зрѣю-*щ*-ее
Тв.	зрѣю-*щ*-имъ	зрѣю-*щ*-ею	зрѣю-*щ*-имъ
Пр.	о зрѣю-*щ*-емъ	о зрѣю-*щ*-ей	о зрѣю-*щ*-емъ

Падежи.	Множественное число.		
	Муж родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	зрѣю-*щ*-іе	зрѣю-*щ*-ія	зрѣю-*щ*-ія
Род.	—	зрѣю-*щ*-ихъ	—
Дат.	—	зрѣю-*щ*-имъ	—
Вин.	какъ	именител. или	родительн.
Тв.	—	зрѣю-*щ*-ими	—
Пр.	—	о зрѣю-*щ*-ихъ	—

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	грѣю-*щ*-ійся	грѣю-*щ*-аяся	грѣю-*щ*-ееся
Род.	грѣю-*щ*-агося	грѣю-*щ*-ейся	грѣю-*щ*-агося
Дат.	грѣю-*щ*-емуся	грѣю-*щ*-ейся	грѣю-*щ*-емуся
Вин.	какъ им. или род.	грѣю-*щ*-уюся	грѣю-*щ*-ееся
Твор.	грѣю-*щ*-имся	грѣю-*щ*-еюся	грѣю-*щ*-имся
Пр.	о грѣю-*щ*-емся	о грѣю-*щ*-ейся	о грѣю-*щ*-емся

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	грѣю-*щ*-іеся	грѣю-*щ*-іяся	грѣю-*щ*-іяся
Род.	—	грѣю-*щ*-ихся	—
Дат.	—	грѣю-*щ*-имся	—
Вин.	какъ	именител. или	родител.
Твор.	—	грѣю-*щ*-имися	—
Пр.	—	о грѣю-*щ*-ихся	—

II.

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	сидѣв-*ш*-ій	сидѣв-*ш*-ая	сидѣв-*ш*-ее
Род.	сидѣв-*ш*-аго	сидѣв-*ш*-ей	сидѣв-*ш*-аго
Дат.	сидѣв-*ш*-ему	сидѣв-*ш*-ей	сидѣв-*ш*-ему
Вин.	какъ им. или род.	сидѣв-*ш*-ую	сидѣв-*ш*-ее
Тв.	сидяв-*ш*-имъ	сидѣв-*ш*-ею	сидѣв-*ш*-имъ
Пр.	о сидѣв-*ш*-емъ	о сидѣв-*ш*-ей	о сидѣв-*ш*-емъ

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
Им.	сидѣв-*ш*-іе	сидѣв-*ш*-ія	сидѣв-*ш*-ія
Род.	—	сидѣв-*ш*-ихъ	—
Дат.	—	сидѣв-*ш*-имъ	—
Вин.	какъ	именител. или	родител.
Тв.	—	сидѣв-*ш*-ими	—
Пр.	—	о сидѣв-*ш*-ихъ	—

Падежи.	Единственное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
И.	завиднѣв-*ш*-íйся	завиднѣв-*ш*-аяся	завиднѣв-*ш*-еeся
Р.	завиднѣв-*ш*-агося	завиднѣв-*ш*-ейся	завиднѣв-*ш*-агося
Д.	завиднѣв-*ш*-емуся	завиднѣв-*ш*-ейся	завиднѣв-*ш*-емуся
В.	какъ им. или род.	завиднѣв-*ш*-уюся	завиднѣв-*ш*-еeся
Т.	завиднѣв-*ш*-имся	завиднѣв-*ш*-еюся	завиднѣв-*ш*-имся
П.	о завиднѣв-*ш*-емся	о завиднѣв-*ш*-ейся	о завиднѣв-*ш*-емся

Падежи.	Множественное число.		
	Муж. родъ.	Жен. родъ.	Сред. родъ.
И.	завиднѣв-*ш*-іеся	завиднѣв-*ш*-іяся	завиднѣв-*ш*-іяся
Р.	—	завиднѣв-*ш*-ихся	—
Д.	—	завиднѣв-*ш*-имся	—
В.	какъ	именител. или ро	дител.
Т.	—	завиднѣв-*ш*-имися	—
П.	—	о завиднѣв-*ш*-ихся	—

Задача.

Поставить пропущенныя буквы и разобрать причастія по вопросамъ: 1) какого времени причастіе? 2) какого числа, падежа и рода?

Зелен..ющі.. поля радуют.. душу поселян..на.— Любопытно послушат. челов..ка, много вид .вш... на своемъ в..ку.—Лугъ, пестр..ющ..й цв..тами, очень красивъ.—Люди, удаливш..ся отъ Бога, погибают..— Сверкающ... капли дождя сыпались, точ..но алмазы; солнц.. св..тил.. сквозь ихъ играющ.. с..тку; трава, еще недавно волновавш..ся отъ в..тра, не шевелил..сь.—На тропинк.., вьющ.. ся около дорог.., видн..ют..ся медленно движущ...ся фигуры богомол..цевъ.—Костеръ пылалъ и ярко осв. щалъ на-

шихъ людей, сид..вшихъ около костра съ горяч..й кашиц..й, хлебавш..хъ е.. и весело разговаривавш..ъ между собой.—Въ саду, тянувш..мся позади дома, все было живописно.—Кающ..муся вс.. Господомъ простит..ся.—По небу б..жали остатки ночью выливш..ся туч.., сквозь котор..ю не ярко просв. чивал.. обозн..чавш..ся св..тл..мъ кругомъ солнц.., стоявш. уже довольно высоко.—Я уже списался съ живущ..мъ на дачѣ моимъ лучш..мъ другомъ о предстоящ..мъ наш..мъ свидані . и съ нетерпѣні..мъ ожидаю его прі..зда.—Скоро облачко обр..тилось въ бѣл..ю тучу, тяжело подымавш...ся, росш..и постепенно облегавш . небо. Я пошелъ восвояси вдоль задымивш..ся рѣк... Не усп..лъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ мен.. по широк..му мокр..му лугу и спереди по зазелен..вш..мся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинн..й пыльн.. дорог.., по сверкающ..мъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣк.., син..вш.. изъ-подъ рѣд. ющ... тумана,—полились сперва алы.., потомъ красн .., золоты.. потоки молод.. горяч.. свѣта.

Урокъ 97.

Причастіе страдательнаго залога.

Для объясненія.

Всякій, **приготовляющій** для другихъ зло, для себя его приготовляетъ.

Приготовляемое для другихъ зло приноситъ вредъ прежде всего тому, кто его готовитъ.

Нявя, **закачивающая** и **убаюкивающая** дитя, часто сама около него засыпаетъ.

Дитя, **закачиваемое** и **убаюкиваемое** нянею, скоро засыпаетъ.

Человѣкъ, **любящій** и **уважающій** другихъ, бываетъ также **любимъ** и **уважаемъ** ими.

Земледѣлецъ, хорошо **удобрившій** и **воздѣлавшій** свое поле, можетъ получить съ него богатый урожай.	Поле, хорошо **удобренное** и **воздѣланное** земледѣльцемъ, можетъ принести ему богатый урожай.
Врачъ, **вылѣчившій** многихъ больныхъ, считается опытнымъ.	Больные, **вылѣченные** врачомъ, благодарятъ его.

Правило. — *Страдательный залогъ имѣетъ* **причастія**.

Формъ для причастій страдательнаго залога глаголы имѣютъ **двѣ**: для настоящаго времени форма причастная имѣетъ примѣту **м**, а для прошедшаго **н** или **т**.

Производство причастій страдательнаго залога I. настоящаго времени.

	Основа.	Соедин. глас.	Примѣта.	Измѣн. оконч.
1)	Вед	о	**м**	**ъ,—а,—о**
	Вед	о	**м**	**ы-й,—а-я,—о-е**
2)	Побѣжда	е	**м**	**ъ,—а,—о**
	Побѣжда	е	**м**	**ы-й,—а-я,—о-е**
3)	Храни	-	**м**	**ъ,—а,—о**
	Храни	-	**м**	**ы-й,—а-я.—о-е**

Правило.— *Причастія страдательнаго залога могутъ быть производимы только отъ глаголовъ дѣйствительнаго залога.*

Причастіе настоящ. времени страдательнаго залога имѣетъ **два окончанія**: 1) **ъ,—а,—о**;—2) **ы-й,—а-я,—о-е**; форма причастія съ окончаніемъ **ъ** называется краткой, а съ окончаніемъ **ы-й** — полной:

1) **краткая** форма побѣжда-е-м-ъ,—а,—о,
2) **полная** ——— побѣжда-е-м-ы-й, а-я, ое.

Производится форма причастія съ примѣтою **м** отъ основы настоящаго времени: у глаголовъ 1-го

спряженія **м** прибавляется къ основѣ при помощи соединительныхъ гласныхъ **о** или **е**, а у глаголовъ 2-го спряженія непосредственно:

Нес——————**о**————**м**-ъ,—а,—о
Посыла ———**е**————**м**-ъ,—а,—о
Храни——————**-**————**м**-ъ,—а.—о

Задача.

Произвести причастіе настоящ. вр. страдательнаго залога отъ слѣдующихъ глаголовъ: разбирать, разрушать, уважать, судить, носить, почитать, хвалить, разбивать, убирать, приводить, распространять, перевозить, приготовлять, назначать, дѣлить, разлучать.

II. Форма причастія страдательнаг. залога прошедшаго времени.

	Основа.	Соед. гласн.	Примѣта причастія.	Измѣняемыя окончанія.
1) а)	Удержа	-	**н**	ъ,—а,—о
б)	Удержа	-	**нн**	ы-й,—а-я—о-е
а)	Посѣя	-	**н**	ъ,—а,—о
б)	Посѣя	-	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е
а)	Усмотрѣ	-	**н**	ъ,—а,—о
б)	Усмотрѣ	-	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е
2) а)	Би	-	**т**	ъ,—а,—о
б)	Би	-	**т**	ы-й,—а-я,—о-е
а)	Сви	-	**т**	ъ,—а,—о
б)	Сви	-	**т**	ы-й,—а-я,—о-е
3) а)	Вед	е	**н**	ъ,—а,—о
б)	Вед	е	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е
а)	Вез	е	**н**	ъ,—а,—о
б)	Вез	е	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е
4) а)	Усмир (и+е=)	е	**н**	ъ,—а,—о
б)	Усмир (и+е=)	е	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е
а)	Похвал(и+е=)	е	**н**	ъ,—а,—о
б)	Похвал(и+е=)	е	**нн**	ы-й,—а-я,—о-е

Правила.—*Причастіе прошедш. вр. страдательнаго залога имѣетъ* **два окончанія**: *краткое*: ъ,-- **а**,—**о**, *и полное*: ы-й, а-я, о-е, *напр*: кры-т-ъ,—а,—о кры-т-ы-й,—а-я,—о-е. ;

Въ полной формѣ причастія буква **н** пишется **два раза** (видѣ-нн-ы-й), въ краткой—**одинъ разъ** (запечатлѣ-н-ъ).

Производится причастіе прошедш. вр. отъ основы **неопредѣленнаго наклоненія прибавленіемъ примѣтъ причастія** въ первыхъ двухъ случаяхъ непосредственно къ основѣ, а въ послѣднихъ двухъ случаяхъ при помощи соединительнаго гласнаго **е**.

Задача.

Произвести причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога отъ слѣдующихъ глаголовъ: связать, потерять, видѣть, уносить, изгнать, нанять, устроить, запаять, наточить, нарисовать, свить, успокоить, записать, натянуть, умножить, разсказать, размять, наточить, обмыть.

Склоненіе причастій страдат. залога.

III.

Правило.—*Причастія настоящаго и прошедшаго времени страдательнаго залога склоняются такъ же, какъ имена прилагательныя.*

Задача.

Поставить пропущенныя буквы и разобрать причастія по вопросамъ: 1) какого залога причастіе? 2) какого времени? 3) какого числа, падежа и рода?

Обширное пространство, затопля..мое обыкновенно водою, представляло теперь голое, нечистое,

неровное дно, состоящ.. изъ тин...и гряз.., истрескавш...ся отъ солнц.., но еще не высохш.. внутри.—Дождемъ окропле... поле послѣ грозы озарил..сь улыбкой румя... солнца.—Въ высокой густой рж.. видн..лись кой-гдѣ, по выж.. той полос.., согнуты.. спины жницъ и разброс... снопы по усѣ...му васильками жнивью.—Надъ изнур...ю отъ зноя стороною большая туча пронеслась.—Роща, одушевле... возвративш..ся весною, была наполне..а зап..хомъ черемухи, благово...мъ дыханіемъ ландышей.—Въ раздумь... глядитъ на обнаже... лѣсъ, на долы, крыты.. ковромъ млад... снѣга,—на зерк...ло рѣки, застынувш ..й у брега, свѣтила дневн... кровавое ядро.— Наконецъ, устройство плотины было оконч...о, и вода, за держ...я въ своемъ теченi.., затопил.. берега.—Вид...ое нами зрѣлищ.. надолго осталось у мен.. въ памят...—Разсмотр...е нами вчера правило мною пон..то и уже выуч...о.—Теб.. выда..а награда, вполнѣ тобою заслуж...ая.—Провѣр ..ы.. мною выше задачи вы тщательно перепиш..т...—Любимый и уважа..мый вс..ми братъ умеръ.

Урокъ 98.

Для объясненія.

Всякій, кто **учится**, узнаéтъ то, чего онъ прежде не зналъ.

Учащійся узнаéтъ то, чего онъ прежде не зналъ.

Учась, всякій узнаéтъ то, чего онъ прежде не зналъ.

Не учась, и лаптя не сплетешь. Лежа, пищи не добудешь.

Лошади **почуяли** близость волковъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Лошади, **почуявши** близость волковъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Правило.—*Глаголъ можетъ иногда показывать какое-либо обстоятельство, т.-е. можетъ быть въ формѣ нарѣчія. Глаголъ въ неизмѣняемой формѣ, обозначающій обстоятельства времени, причины и образа дѣйствія, называется* **дѣепричастіемъ**.

Производство дѣепричастій.

I.

Настоящаго времени.

Для объясненія.

	Основа.	Соедин. глас.	Примѣта.	Неизмѣн. окончан.
1 спряженіе.	Нес	-	-	я
	Нес	у	ч	и
	Двига	-	-	я
	Двига	ю	ч	и
2 спряженіе.	Ходи	-	-	а=ходя
	Проси	-	-	а=прося

Правила.—*Дѣепричастіе настоящаго времени оканчивается на* **я** *или* **а**; *въ глаголахъ 2-го спряженія и+а=я.*

Неизмѣняемое окончаніе **а** и **я** прибавляется къ основѣ непосредственно. Дѣепричастіе отъ глаголовъ 1-го спряженія съ неизмѣняемымъ окончаніемъ **и** имѣетъ примѣту ч, которая прибавляется къ основѣ при помощи соединительныхъ гласныхъ **у** или **ю**.

Задача.

Произвести дѣепричастія настоящаго времени отъ слѣд. глаголовъ: почитаю, умываюсь, рублю, созрѣваю, торчу, волнуюсь, боюсь, иду, гляжу, ку-

таюсь, стремлюсь, кончаю, помню, ворчу, перебираюсь, вожусь, собираю, гужу́, намѣреваюсь, каюсь.

II.

Дѣепричастіе прошедшаго времени.

Производство 1-й и 2-й формъ дѣепричастія.

Для объясненія.

	Основа.	Вставочн. зв.	Примѣты.	Неизмѣняем. оконч
1-я ф.	Вез	-	-	ъ
2-я ф.	Вез	-	ш	и
1-я ф.	Шед	-	-	ъ
2-я ф.	Шед	-	ш	и
1-я ф.	Видѣ	в	-	ъ
2-я ф.	Ведѣ	в	ш	и
1-я ф.	Сказа	в	-	ъ
2-я ф.	Сказа	в	ш	и

Правила. *Въ 1-й формѣ дѣепричастія прошедшаго времени неизмѣняемое окончаніе* **ъ** *прибавляется къ основѣ на согласный звукъ непосредственно, а къ основѣ на гласный—при помощи вставочнаго звука* **в**. *Во 2-й формѣ дѣепричастія примѣта* **ш** *прибавляется къ основѣ, какъ въ 1-й формѣ окончаніе* **ъ**; *далѣе, у 2-й формы дѣепричастія, т.-е. съ примѣтою* **ш**, *есть особое неизмѣняемое окончаніе*—**и**: видѣ-в-**ш**-**и**.

Если къ окончанію неопредѣленнаго наклоненія **ть, ти** прибавляется **ся**, то это мѣстоименіе въ сокращенномъ видѣ, т.-е. **сь** (изъ **ся**), прибавляется и къ окончанію дѣепричастія, напр.: увидѣ**ться**—увидѣвши**сь**, наѣ**сться**—наѣвши**сь**.

Задача.

Произвести дѣепричастія прошедшаго времени отъ слѣд. глаголовъ: сидѣть, одѣться, глядѣть, потемнѣть, созрѣть, зардѣться, посинѣть, помолодѣть, состарѣться, пожелтѣть, зачернѣться, побѣлѣть, наглядѣться, оробѣть, порѣдѣть, потускнѣть, завертѣться.

Задача.

Въ слѣдующей статьѣ указать дѣепричастія.

Уборка хлѣба.

Когда порядочное количество десятинъ сжато или скошено, женщины продолжаютъ дальнѣйшую уборку хлѣба въ полѣ, а мужики запрягаютъ въ телѣги лошадей и возятъ хлѣбъ на гумно. Возка обыкновенно начинается тогда, когда солнце совершенно обсушитъ ночную росу. Подъѣхавши нарысяхъ къ копнѣ, мужикъ слѣзаетъ съ телѣги, короткими вилами вскидываетъ на возъ снопы и, положивши извѣстное количество сноповъ, устраиваетъ возъ въ путь, накдадывая сверху для притуги жердь и обвязывая его весь веревкой, чтобы снопы не расползались. Окончивши это дѣло, онъ самъ либо лѣзетъ на самый верхъ воза и ѣдетъ, либо идетъ тихонько пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы или за поводъ. Нерѣдко крестьянинъ, наложивши въ полѣ на телѣгу полкопны, садится на этой высотѣ и сажаетъ съ собой маленькаго сынишку, очень часто съ вѣнкомъ изъ васильковъ на бѣлокурой и даже чуть не бѣлой головкѣ. Ребята очень любятъ прокатиться на возу. Привезшій, подъѣхавъ къ скирду, слѣзаетъ, бережно беретъ ребенка и сажаетъ въ сторону; потомъ развязываетъ возъ, сбрасываетъ жердь и, снова влѣзши на возъ и ставъ на ноги,

короткими вилами быстро кидаетъ снопы на скирдъ. Другіе, стоя около скирда, помогаютъ ему въ этой работѣ. Когда послѣдній снопъ вскинутъ, возящій бросаетъ въ телѣгу вилы, собираетъ туда же распущенную веревку, кладетъ жердь, сажаетъ ребенка, вскакиваетъ самъ въ телѣгу и, стоя на ногахъ, весело гаркнетъ, и съ трескомъ и громомъ снова мчится въ поле за новою кладью.

Урокъ 99.

Правописаніе нѣкоторыхъ именъ существительныхъ, образованныхъ отъ причастій съ примѣтами: **н** или **т**, и прилагательныхъ, образованныхъ отъ прошедшаго времени (примѣта прошедшаго времени **л**).

Для объясненія.

	Основа глагола.	Соединител. гласн.	Примѣта причастія.	Производств. звукъ.	Измѣняем. оконч.
Молчаніе есть знакъ согласія.	Молча		н	і	е
Весною и лѣтомъ мнѣ нравится **гулянье** въ полѣ.	Гуля		н	ь	е
На **хотѣніе** есть **терпѣніе**.	Хотѣ		н	і	е
	Терпѣ		н	і	е
Повтореніе есть мать **знаній**.	Повтор(**и**+е=)	е	н	і	е
	Зна		н	і	е
Пожелтѣлые листья уже осыпались на землю.	Пожелтѣ		л	ы	е

Правила. — *Отъ причастій страдат. залога съ примѣтами* **н** *и* **т** *образуются отглагольныя имена существительныя при помощи производственной буквы* **і** (**ь**) *и измѣняемаго окончанія* **е** *напримѣръ: знан*-**і**-**е**, *учен*-**ь**-**е**.

Отъ формы прошедшаго времени (съ примѣтою **л**) образуется прилагательное имя при помощи полнаго окончанія **ы—й**, напр: быва-**л**-ъ, быва-**л-ы-й**, зрѣ-**л**-ъ, зрѣ-**л-ы-й**, спѣ-**л**-ъ, спѣ-**л-ы-й**.

1) Если въ коренномъ глаголѣ предъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія стоитъ буква **ѣ**, то эта буква удерживается и въ отглагольныхъ существительныхъ и прилагательныхъ, напр.: **пѣ**-ть, **пѣ**-н-і-е; **зрѣ**-ть, **зрѣ-л-ы-й** 2). Также **ѣ** пишется въ отглагольныхъ существительныхъ и прилагательныхъ, если въ производномъ глаголѣ предъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія **ть**, **ти** стоитъ производственный звукъ (глагольная примѣта) **ѣ**, напр.: вид-**ѣ**-ть, вид-**ѣ**-н-і-е; хот-**ѣ**-ть, хот-**ѣ**-н-і-е; **вѣд-ѣ-ти**, вѣд-**ѣ**-н-і-е, невѣд-**ѣ**-н-і-е, свѣд-**ѣ**-н-і-е (а какъ написать—свед..-н-і-е, привед..-н-і-е, нес..н-і-е, усп..н-і-е?), пожелт-**ѣ**-ть, пожелт-**ѣ**-л-ъ, пожелт-**ѣ**-л-ы-й.

Задача 1.

Произвести имена существительныя отглагольныя на **е** отъ слѣд. глаголовъ: содержать, стучать, ворчать, паять, вѣять, блеять, видѣть, зрѣть, пѣть, повелѣть, говѣть, сидѣть, тяготѣть, оскудѣть, умѣть, сожалѣть, кипѣть, горѣть, шипѣть, владѣть, презрѣть, усмотрѣть, умножить, дѣлить, исполнить, исключить, огорчить, ободрить, затмить, смирить, утѣшить, затруднить, облегчить, объяснить, испарить, варить, лѣчить, успокоить, поручить.

Задача 2.

Произвести отглагольныя имена прилагательныя на **ый** отъ слѣд. глаголовъ: смѣть, застарѣть, затвердѣть, окоченѣть, закоснѣть, умѣть.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Принявъ землю во влад..ніе.., весело воротился д..душка въ Симбирск.. губернію къ ожидавш..му его с..м..йству и принялся за вс.. приготовл..ні.. къ немедленн..му пересел..нію крестьянъ.—Увидя, какъ пч..ла хлопоч..тъ вкругъ цв..тка, ск..залъ орелъ однажды ей съ презр..ньемъ: „Какъ ты, б..дняжка, мн.. жалка съ твоей работой и ум..ньемъ!"— День Усп..нія Божіей Мат..ри праздну..т..ся п..т..на..цат...о августа, а день Введ..ні.. Е.. во храмъ— два..цат.. пер..в...о но..бря.—Осенью пожелт..лы.. листья усыпаютъ вс.. дорожки въ саду.—Кип..ніе воды сопровожда..т..ся испар..ніемъ е...—Окочен..лы.. отъ холода пальцы плохо слушают..ся.—Змѣя зам..тила приближ..ні.. ежа и встр..тила его съ угрожающ..мъ шип..ніемъ. Но еж... не боит..ся смертоносн..го е.. укуш..ні..: онъ подходит.., быстро броса..т..ся на гадюку и своими остр..ми зубами загрыза..т..е.. до смерт..—Престар..лы.. люди часто теряют.. зр..ніе и слухъ.—Долготерп..ніе и милость Божія къ намъ безпред..льны. Господь призыва..т.. вс..хъ къ спас..нію.—Весною начинает..ся пахота и сѣ..ні.. хлѣбовъ.—Сп..лый колосъ къ земл.. гнет..ся.—Братъ мой, къ сожал..нію, лѣнит..ся и не хочет.. учит..ся. Вотъ зан..лась зяря и возв..стил.. наступл..ні.. утра.—Вдали пок..зал..сь стадо, послышалось мыч..ніе и бле..віе.—Всенощ..ное бд..ніе начинается съ ш..сти часовъ вечера.—Л..нивы..

дѣти приносят.. родителямъ большое огорч..ні... — По обледен..лой гор.. трудно поднимат..ся.—Вѣ..ніе прохладн.. вѣтерка лѣтомъ бываетъ пріятно.—Награды дают..ся ученикамъ за отличное пов..д..ні.. и преусп...ніе въ наукахъ.—Осирот..лыхъ дѣтей часто добры.. люди принимают.. на свое попеч..ні..—На Страстной нед..л.. для уч..никовъ назнача..т..ся гов..ні..; въ Чистый четвергъ они обыкновенно пріобщают..ся Святыхъ таинъ.—Мы уже прошли умнож..ні..; теперь учитель началъ намъ об...сн..ніе дѣл..ні.—На опуст..ломъ пожарищ.. торчали одн.. обгор..лы.. пни.—Въ нынѣшн.. лѣто въ нашемъ саду нѣтъ плодовъ даже на погляд..ні...—Дѣти пошли къ выздоров..вш..му дѣдушк.. съ поздравл..ніемъ.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

